

Г. МАКОГОНЕНКО

Николай НОВИКОВ и русское просвещение XVIII века

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Николай Новиков

Г. МАКОГОНЕНКО

Николай НОВИКОВ и русское просвещение XVIII века

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА ЛЕНИНГРАД
1951

Переплет, фронтиспис,
титульный лист, заставки и концовки
Н. В. Ильина

ГЛАВА ПЕРВАЯ

23 декабря 1785 года Екатерина II подписала сразу два указа, направленных против Новикова,— один московскому главнокомандующему, графу Брюсу, другой — московскому архиепископу Платону. Военному и духовному начальству приказывалось «оного Новикова» призвать, «испытать в законе нашем, равно и книги его освидетельствовать».

Так был начат широко задуманный поход против русского просветителя. В программу борьбы с ним включались не только полицейские меры: русская императрица вновь

взялась за перо и излила свой монарший гнев в драматических сочинениях. Одна за другой появились три комедии против московских мартинистов, или «мартышек», как презрительно их называла Екатерина. 4 января 1786 года на Эрмитажном театре состоялось представление первой комедии «Обманщик». Через месяц, 2 февраля, была представлена вторая пьеса «Обольщенный». 24 сентября — третья комедия «Шаман сибирский».

Столичный зритель, увидев комедии, сразу понял: под предлогом обличения «московской заразы» — мартинизма — удар наносился известнейшему человеку, главе московского просветительского центра Николаю Ивановичу Новикову. В герое комедии «Обольщенный» Родатове все узнали Семена Ивановича Гамалею, человека редкого бескорыстия, глубокой нравственности, друга и почитателя Новикова. Изображая Гамалею жертвой шантажирующих его друзей — невежд и жуликов, державная писательница объявляла во всеуслышание уважаемого просвещенной Россией человека шарлатаном и проходимцем.

Общество встретило эти монаршие обличения гробовым молчанием. Никто из русских писателей, ученых, деятелей культуры не поддержал инициативу Екатерины II. Ни одного слова не появилось в печати против Новикова. Москва даже не поставила царские комедии.

Приветствовала екатерининские комедии лишь придворная челядь. Ей же было предложено и организовать общественное мнение вокруг прошедших на придворном театре комедий, создать видимость успеха высочайшего «опубликования». Единственный в ту пору в России правительственный журнал «Растущий виноград» приступил к организации похвальных статей. Февральская книжка журнала за 1786 год почти целиком посвящена комедии «Обманщик». Цикл панегирических стихов открывался в журнале анонимной прозаической, видимо самому редактору — Козодавлеву — принадлежавшей статьей под названием «Письмо к сочинителю комедии «Обманщик». В нем, помимо казенно-восторженных похвал, между прочим было сказано о том, как общество отнеслось к затее императрицы обличать московского деятеля просвещения: «Когда разнесся слух о вашем сочинении, многие пришли в ужас. . .» [1]

---

[1] «Растущий виноград», СПБ., 1786, февраль, стр. 2.

Слухи, исходившие из царского дворца, были воистину ужасны: Новиков обманщик, он увлекает в свои сети простодушных людей, чтоб обобрать их; он шарлатан, шантажирующий богатых и доверчивых людей; он мистик, умно использующий таинства масонства для своих грязных делишек. Все это было чудовищной и по-екатерининински грандиозной клеветой. Опровергать эти слухи, распускаемые императрицей через театр, журналы, книги, было невозможно. Возможно было лишь не приветствовать ее книги, не включаться в этот преступный заговор, затеянный самодержавным государством против одного человека.

Доползли клеветнические слухи и до Москвы. Враждебные выступления Екатерины II не были для Новикова неожиданностью. Не она, а он первый объявил ей войну. Еще в 1769 году он направил против ее политики свой журнал «Трутень», печатал в нем статьи и против нее лично. С тех пор, вот уже шестнадцатый год отважно обороняясь от правительства, он увеличивал из года в год объем своей деятельности, противостоявшей всей политике и практике самодержавного правительства Екатерины II. В этой борьбе Новиков не раз подвергался нападкам и репрессиям. И теперь Екатерина преследовала его на каждом шагу: то запретила печатать в журнале «Прибавление к Московским ведомостям» «Историю ордена иезуитов», то приказала вызвать его к архиепископу Платону и исповедать в законе божием, то повелела регистрировать все издаваемые им книги. Полицейская дубинка не страшила Новикова, и он не только продолжал, но и с большей ревностью развертывал свою журнальную и книгоиздательскую работу: именно в годы преследования, 1785—1789, им было более всего издано книг для России.

Комедийные упражнения Екатерины впервые заставили Новикова встревожиться. Монаршее «опубликование» шарлатаном и мистиком выдавало намерение власти отнять у него то, чем он более всего дорожил,— доброе имя. Привыкший действовать всегда открыто и честно, возмущенный этими слухами, он пытался объясниться с представителями власти в Москве, для чего и написал 12 мая 1786 года письмо «О несчастной судьбе» своей, «о всех тех слухах, кои мое имя чернили».[1]

---

[1] Письма Н. Карамзина к И. Дмитриеву, СПБ., 1866, стр. 467.

Но что можно было объяснить самодержцу? Тем более что этот самодержец все настойчивее подготовлял главный удар против ненавистного деятеля. Преследования стали расти из года в год. Сначала мелкие придирки: запрещение издания отдельных книг; затем запрещение печатания важнейших в новиковской деятельности книг — учебников; затем все более и более частые вызовы к властям на допрос, требования бесконечных объяснений. В 1789 году у него отняли университетскую типографию,— Новиков понял, что дело, созданное им, решили упразднить. В 1792 году его арестовали и посадили в Шлиссельбургскую крепость. Но и после этого Екатерина не успокоилась. Она принялась, используя все средства, чернить и затаптывать в грязь имя одного из духовных вождей передовой России. Специально изданный манифест по делу Новикова во всеуслышание провозглашал: «Рассматривая произведенные отставному поручику Николаю Новикову допросы и взятые у него бумаги, находим мы, с одной стороны, вредные замыслы сего преступника и его сообщников, духом любоначалия и корыстолюбия зараженных, с другой же, крайнюю слепоту, невежество и развращение их последователей. На сем основании составлено их общество; плутовство и обольщение употребляемо было к распространению раскола не только в Москве, но и в прочих городах».[1]

Называя в манифесте о Новикове его действия «обольщениями», Екатерина тем самым указывала, что ее комедия «Обольщенный» прямо направлена против него.

Так завершилась 26-летняя деятельность Новикова на благо России. Он был объявлен преступником, невеждой, плутом, который развратом и обольщением улавливал в свои сети доверчивых людей ради алчного корыстолюбия.

Выпущенный из крепости после смерти Екатерины, Новиков оказался отстраненным от практической деятельности полицейскими мерами, изолированным от общества позорящим его «опубликованием». Уже мертвая «просвещенная государыня» мстила некогда единоборствовавшему с ней человеку.

---

[1] М. Лонгинов. Новиков и московские мартинисты, М., 1867, стр. 0114. В дальнейшем все ссылки на Лонгинова даются по этому изданию в тексте.

Пришлось жить с тяжелым сознанием невозможности смыть с себя позорное клеймо. Жить в деревне, вдалеке от друзей, от любимой работы, от армии воспитанных им единомышленников и помощников, жить в бедности, обремененному долгами и болезнями. Только в письмах лишь иногда прорывалась затаенная боль и повторялась, как стон, страшная формула царева приговора: «Я опубликован обманщиком и бездельником!» [1]

Утешало Новикова сознание, что сделанное им полностью разрушить невозможно, что жизнь его, воплощенная в книги, вошла в жизнь его родины, в жизнь тысяч «единоземцев». Действительно, повсюду и везде он наблюдал следы своей 26-летней деятельности «на пользу общую». Везде и всюду видел он своих союзников, своих друзей, своих посланцев — многочисленные книги. По его букварям учились, его журналами зачитывались, изданные им переводы лучших образцов художественной литературы Англии, Франции, Германии бережно хранились в домах, по изданным им лечебникам лечились, из педагогических сочинений узнавали сложную науку воспитания детей, из первого в России изданного им журнала для детей выбирали сочинения, которые образовывали ум и воспитывали сердце юного читателя.[2]

Если государево клеймо подвергало Новикова общественному остракизму, если оно чернило его имя в широких кругах, то в среде близко знавших его деятелей литературы и культуры новой эпохи Новиков пользовался величайшим авторитетом и уважением. Изданные им книги и журналы, его собственные сочинения читали будущие декабристы, воспитывались по ним. В деревню к Новикову ездили деятели молодой культурной России; здесь часто бывал ученик и последователь Новикова московский профессор Мудров, сюда же привезен был для совета молодой талантливейший художник Витберг. Одержимый идеей создания храма —

---

[1] Б. Модзалевский. К биографии Новикова, СПБ., 1917, стр. 20.

[2] Книги Новикова читались и были популярны среди широких слоев русских читателей и в первые десятилетия XIX века. Характерно свидетельство Белинского, писавшего в 1847 г.: «Бедные дети! Мы были счастливее вас: мы имели «Детское чтение» Новикова».— Сочинения, СПБ., 1914, т. XI, стр. 169. В дальнейшем все ссылки на Белинского даются по этому изданию в тексте.

памятника России, победившей Наполеона, он долго не открывал своего проекта никому и лишь с трепетом мечтал о встрече с Новиковым, совет и пожелания которого он хотел знать. «Не имея никакого руководителя,— запишет впоследствии об этом посещении новиковской деревни Витберг,— предоставленный собственному труду, естественно, я искал слышать суждения о моих идеях людей высоких своей душой... Однажды М. Я. Мудров... сказал, что он едет в деревню к Николаю Ивановичу Новикову, и не хочу ли я ехать с ним?

«Я с восторгом принял это предложение; от этого человека я ждал многого. Новиков, положивший основание новой эре цивилизации России, начавший истинный ход литературы, деятель неутомимый, муж гениальный, передавший свет Европы и разливший его глубоко в грудь России. Чего не должен был я ждать от взгляда великого человека на храм, воздвигаемый Россиею, который всю жизнь воздвигал в ней храм такой колоссальный и великий».[1]

Витберг — человек нового поколения. Его отношение к Новикову было выражением общего мнения той части передового русского общества, которая понимала, что «опубликование» есть изуверская месть самодержавия тому, кто был главой духовной жизни многих русских людей на протяжении тридцати лет XVIII столетия. Нельзя при этом не указать, что это свидетельство об «опубликованном» Новикове написано Витбергом, когда он сам был «опубликован» и отдан под суд. Одного доконала Екатерина, другого — ее внук Николай.

Все это — и долгая жизнь книг, и успехи его воспитанников, и паломничество к нему — рождало надежду, что потомки поймут его подвиг и его трагическую судьбу, оценят сделанное им по заслугам и снимут с него позорное клеймо, расскажут будущим поколениям правдивую повесть его жизни и творчества.

Но трагическая судьба постигла и новиковское литературное наследие. «Опубликование» его продолжалось и за гробом. Первые же появившиеся в печати исследования о жизни и деятельности Новикова стали творить легенду

---

[1] «Русская старина», 1872, № 4, стр. 560, «Записки академика Витберга».

о нем, вольно или невольно следуя екатерининскому «опубликованию».

Систематическое изучение Новикова могло начаться приблизительно с середины XIX века — так долго лежала на нем, как и на Радищеве, печать запрещения. К этому времени многое из обширного литературного наследия Новикова оказалось забытым, трудно доступным. Все хранившееся в памяти современников, своевременно не зафиксированное, навсегда оказалось утраченным. Документы, в свое время не собранные, погибли. Перед учеными встала трудная задача поисков и разысканий, задача создания фондов, без которых немыслимо никакое серьезное изучение. И многим — Ешевскому, Тихонравову, Лонгинову, Пыпину — прежде всего удалось собрать немало ценных документов, материалов следственных дел, писем, воспоминаний и т. д.

Именно в этот первый период изучения Новикова был создан основной фонд материалов по Новикову, с тех пор мало пополнявшийся. Исключением являются ценные исследования В. Семенникова [1] и некоторые другие публикации. На основании этого стабильного фонда стали писаться исследования, монографии,— стала твориться легенда о Новикове.

Одной из первых работ, публиковавшей новый богатый фактический материал и сводившей все ценное из ранее изданного, было исследование реакционера цензора М. Н. Лонгинова. Его книга представляет собой первую попытку «связного изложения всех фактов», попытку построения концепции о Новикове.

Канонизируя едва наметившуюся традицию, Лонгинов прежде всего разделяет деятельность Новикова на два резко отличных друг от друга периода — петербургский и московский: рубеж — 1779 год.

Первый — петербургский — период «представляет Новикова бойким журналистом». Второй — московский — важнейший, ибо только «тут Новиков, выработавший окончательно свои убеждения и нравственный характер, является уже лицом вполне самостоятельным, проводящим в жизнь свое учение и распространяющим в России просвещение

---

[1] «Русские сатирические журналы 1769—1774», СПБ., 1914; «Раннее издательское общество Н. И. Новикова» — «Русский библиофил», 1912, № 5.

согласное с тою идеею, которую он составил себе об нем на основании мистико-религиозных стремлений своих» (стр. 15).

Книга Лонгинова и строится в соответствии с таким представлением: на период «бойкого журнализма» отводится 43 страницы, на изображение мистико-религиозной деятельности Новикова — 520 страниц. Разделение единой по своему духу просветительской деятельности на два периода и противопоставление этих периодов друг другу выдавало намерение автора исследования «опубликовать» русского просветителя пропагандистом мистико-религиозных учений.

Как же предстает перед читателем книги Лонгинова Новиков первого периода? Прежде всего, он берется на подозрение. Продолжая начатую до него линию,[1] Лонгинов берет на подозрение само авторство Новикова: «он никогда не был собственно писателем» (стр. 26). Свидетельства современников (Муравьев, Карамзин, Дмитриев и др.), утверждение самого Новикова, журналы, наполненные его авторскими сочинениями, объявляются ненадежными свидетельствами. Новиков соответственно объявляется всего лишь «издателем» и «двигателем просвещения».

Подозревается прогрессивность убеждений Новикова, выразившаяся в его журналах. Исследователь объявляет, что Новиков в этот период «связан с высшими сферами», что в журналах он выражал «те же идеи, которыми руководствовалась императрица». Эта близость демонстрируется на примере «Трутня» бездоказательным указанием на то, что издавался этот журнал «при поощрении самой государыни, знавшей его издателя» (стр. 25).

Заподозрены и знания Новикова. Он объявляется невеждой, человеком без школьного образования, без знания языков: «Образование Николая Ивановича было самое скудное», «далеко не блестящее» (стр. 9). В этом своем утверждении Лонгинов оказался не одиноким. Об этом и перед ним и после него говорили и Галахов, и Пыпин, и целый ряд других ученых. Объявление Новикова невеждой обставляется солидно, со всей «научной» убедительностью: тут и ловко подобранные цитаты из журналов Новикова, выдаваемые за автопризнания, и убийственное сви-

---

[1] Н. Афанасьев. Русские сатирические журналы, 1769—1774, М., 1859.

детельство, принадлежащее самому Новикову: «помните, с вами говорит идиот». При этом читателю не говорится, что письмо это написано больным, дряхлым стариком в припадке самоуничижения. Далее все это построение, крайне нужное для концепции, подкрепляется следующими словами, будто бы сказанными Новиковым кому-то из своих многочисленных посетителей: «первым учителем моим был бог» (стр. 9). Так недостатки школьного образования оказываются пополненными истинами христианства, знания — верой.

Эти три тезиса и определяют концепцию первого периода: малообразованный, без знания языков, чтивший прежде всего своего первого учителя — бога, Новиков выступил бойким журналистом, издателем, развивая в своих журналах идеи придворных кругов, с которыми был связан, подхватывая мнения и указания поощрявшей его императрицы.

Такова была эта первая сводная и солидно аргументированная клевета. Враг революционных демократов Лонгинов, занимаясь историей русской культуры и литературы, тщательно вытравлял из нее все передовое, демократическое, облыжно зачисляя великого русского просветителя в лагерь охранительной, придворной, «карманной» ее императорского величества литературы.

Екатерина, отняв у Новикова имя, открыто объявила его преступником и своим врагом. Исследователи этой первой поры, объявив Новикова выразителем идей русской императрицы, отняли у него честь.

Последующее изучение во многом пошло, к сожалению, в направлении, определенном Лонгиновым. Прочной стала традиция членения новиковского наследия на два периода. Прочно вошла в оборот искусственно подобранная сумма цитат лонгиновского свода. Новых фактов, сведений, материалов добавлялось мало; почти стабильной оставалась и номенклатура привлекаемых к анализу и изучению новиковских произведений.

Позднейшие исследователи в своих работах в чем-то не соглашались с лонгиновскими итогами, в чем-то полемизировали с ним, в чем-то дополняли его, но всегда изучали Новикова, исходя из уже созданной концепции. Само литературное наследие Новикова перестало быть первоисточником.

Появившаяся в 1875 году книга А. И. Незеленова[1] пыталась опротестовать господствовавшие воззрения на Новикова первого периода. Автор книги шире, чем делалось до него, изучил литературную деятельность Новикова. Сам Новиков рисуется здесь сатириком, ревнителем просвещения. Но свою общую концепцию консервативный профессор построил на идеях «почвенничества». Рассуждая абстрактно и внеисторично, Незеленов объявил: две лежавшие до Новикова в основе русского общества единоборствующие идеи — вольтерьянство и масонство — сменились третьей, новиковской, идеей «русской народности». Незеленовское исследование, подчеркнувшее роль и значение новиковских журналов в жизни русского общества, в то же время «углубляет» и расширяет лонгиновскую тему об идейной близости Новикова к Екатерине. Автор даже доказывает, что выступления Новикова по крестьянскому вопросу делались с высочайшего разрешения, что антикрепостнические статьи в «Живописце» нравились Екатерине. Полемизируя во многом с Лонгиновым, Незеленов все время исходит из его положений и из подобранного им стабильного фонда документов, мало вводя новых материалов и свидетельств. Он, также клевеща на русского просветителя, тщится представить его как предтечу буржуазных либералов.

Последующая литература о Новикове стала относиться с большей серьезностью к петербургскому периоду деятельности просветителя, шире разрабатывать проблему сатирического изображения русской жизни в «Трутне» и «Живописце». Но зависимость от Лонгинова сказывалась на каждом шагу. Так, отрицание авторства Новикова не только не было опротестовано, но расцвело пышным цветом, родив целую систему «приписаний». В основании методологии этой системы лежит молчаливое согласие с теми утверждениями, в силу которых Новиков объявлялся мистиком, невеждой, выразителем екатерининских идей. Поэтому когда исследователи обнаруживали в журналах Новикова радикальные по духу, талантливые по исполнению сатирические произведения, свидетельствовавшие о незаурядной писательской одаренности и широком образовании их автора, они

[1] А. Незеленов. Николай Иванович Новиков — издатель журналов в 1769—1785 гг.», СПБ., 1875.

вынуждены были приписывать эти произведения более подходящим писателям, кому бы это было более к лицу. В зависимости от мировоззрения ученых новиковские сочинения и приписывались Радищеву или Екатерине II, Фонвизину или Попову, Эмину или Ивану Тургеневу и т. д.

Лонгиновскую схему в значительной мере разрушили советские исследователи. Ими полностью разоблачена клевета о Новикове — выразителе интересов Екатерины. Они убедительно доказали антиправительственный характер новиковских выступлений в «Трутне» и «Живописце», глубоко прогрессивный общественный смысл его сатиры. Добролюбовское указание на то, что в лучших произведениях «Трутня» — «Крестьянские отписки» и «Живописца» — «Отрывок путешествия» «слышится уже ясная мысль о том, что вообще крепостное право служит источником зол в народе»,[1] — послужило основанием для оценки убеждений издателя журналов.

И все же полностью легенда не преодолена. Многое из нее, искажающее облик Новикова, сохранилось до наших дней. Сохраняется членение деятельности Новикова на два периода, причем преимущественное внимание фиксируется лишь на первом периоде; о деятельности в Москве говорится бегло, для сведения. Эта беглость — вероятно от молчаливого признания главного догмата легенды: в Москве действовал мистик, реакционер. Сохраняется скепсис в отношении авторских способностей Новикова, и оттого лучшие произведения его журналов приписаны Радищеву и Фонвизину. Следствием этого является пренебрежение к Новикову-писателю. Опять перед нами известные уже утверждения о Новикове-издателе, о Новикове-«двигателе». В курсе истории русской литературы до сих пор нет места для анализа литературно-эстетических позиций Новикова, ни слова не говорится о писательском новаторстве Новикова, о прокладывании им новых путей в литературе. При всем том следует признать, что именно первый период новиковской деятельности более всего изучен, и если не как писатель, то как издатель лучших в XVIII веке сатирических журналов Новиков прочно вошел в историю русской литературы. Второй же, московский, период доныне трактуется в духе сложившейся легенды.

---

[1] Н. Добролюбов. Сочинения, т. II, М.—Л., 1935, стр. 170.

В результате почти столетнего изучения Новикова московской поры различными исследователями — от Лонгинова до Плеханова — единодушно установлены следующие, бесспорные для них всех факты,— новиковская деятельность этого периода, в какой бы области она ни протекала, есть прежде всего масонская деятельность: Новиков по своим убеждениям и положению — масон, розенкрейцер такого же типа, как Шварц, Трубецкой, Лопухин и другие; Новиков — один из руководителей ордена, не только друг и единомышленник, но даже ученик Шварца; Новиков — издатель как журналов, пронизанных или мистицизмом, или масонскими идеалами («Утренний свет», «Вечерняя заря», «Московское издание», «Покоящийся трудолюбец»), так и множества книг, мистических и светских,— человек, оказавший своей деятельностью известное влияние на русское общество. При этом наблюдается поразительно парадоксальное явление: сумма фактов, приводимых для доказательства того или иного тезиса, всегда одинакова и неизменна, а выводы о характере новиковской деятельности у всех ученых различны. Существующая обширная литература о Новикове поэтому не только дает в руки исследователю богатейший собранный материал. Изучение этой литературы оказывается еще поучительным в смысле обнаружения причин столь большого количества враждебных друг другу приговоров (иначе трудно назвать те выводы, которые делаются в отношении Новикова), выносимых на основании неизменно одного и того же материала, часто буквально на основании одних и тех же цитат.

Обратимся к наиболее крупным исследованиям, которые силой своего авторитета «опубликовали» Новикова мистиком и реакционером.

Начало положили работы Лонгинова, Ешевского и Тихонравова. Их итоговые выводы сводятся к следующему: Новиков второго периода — мистик по основам своего мировоззрения. Его практическая деятельность определялась мистицизмом и именно потому оказала огромное и благотворное влияние на русское общество второй половины века.

Так, у Ешевского (1857 г.) мы читаем: «Два направления, резко противоположные и враждебные, действуют для одной и той же цели, дружно работают для создания нового общества... Учение энциклопедистов и мистицизм

Н. И. НОВИКОВ

С портрета Д. В. Левицкого

делят между собой, хотя далеко не в равной степени, участие в возбуждении нравственных и умственных сил общества XVIII века». «Самоотверженная деятельность Н. И. Новикова служит лучшим доказательством того, как значительно было влияние этого (мистического.— *Г. М.*) направления». «Благотворная деятельность Н. И. Новикова в пользу русского просвещения вытекала из его мистико-религиозного настроения».[1]

Ту же точку зрения — успех новиковской просветительской работы определен мистицизмом — развивают и Лонгинов (1867 г.) [2] и Тихонравов (работа написана им в 1855 г., издана через тридцать пять лет).[3]

Эта реакционная концепция — заслуга Новикова перед обществом в пропаганде мистицизма — вызвала протест у либеральных ученых. Доверяя во всем творцам этой легенды, они выступили против такого возвеличения Новикова и, используя те же документы и цитаты, предали его анафеме. Они заявили во всеуслышание: Новиков — мистик, именно поэтому вся его деятельность носит антиобщественный характер, ибо посвящена пропаганде «кладбищенских» воззрений, подрывавших в русском обществе интерес к вопросам политики и социального устройства. Впрочем, как личность, подвергавшаяся гонениям и преследованию царского правительства, он заслуживает снисхождения и сочувствия.

Первым, объявившим этот приговор «по делу Новикова», был А. Н. Пыпин (1867 г.). «Новиковский мистицизм,— писал он,— говоря исторически... был совершенно естественным явлением».[4] «Как человек патриархальный, как человек, положительно не знакомый с лучшими успехами тогдашнего знания и не приготовленный к принятию научных истин, он должен был искать идеала мистического».[5] «Результат, оставшийся в русской литературе от масонской деятельности Новикова и его кружка, произво-

---

[1] С. Ешевский. Сочинения по русской истории, М., 1900, стр. 182—183.

[2] М. Лонгинов. Новиков и московские мартинисты, М., 1867, стр. 15.

[3] Н. Тихонравов. Сочинения, т. III, ч. 1, М., 1898, стр. 145.

[4] А. Пыпин. Русское масонство, П., 1916, стр. 173.

[5] Там же, стр. 200.

дит сам по себе странное и тяжелое чувство. Этот результат, который должен представлять собой плод задушевных стремлений и многолетнего труда,— есть масса книг, преисполненных туманным мистицизмом, грубым незнанием, ребяческими заблуждениями, фантастическим суеверием, где мы только с трудом отыскиваем то первоначальное побуждение, которое выполняется здесь в таком извращенном виде. Но если бы мы даже не знали ценных исторических трудов Новикова, дающих ему, независимо от всего остального, почетное место в истории литературы, и если бы мы знали только автора «Живописца», ставшего после мрачным мистиком,— мы нашли бы разъяснение этого странного развития, совершавшегося без указаний и поддержки в среде, почти лишенной образования, и история громадного, хотя в большей степени совершенно фальшивого труда показала бы нам в масоне Новикове деятеля, имеющего все права на сочувственное воспоминание. Преследование, доставшееся ему на долю, усиливает это сочувствие, как всегда, когда преследованию подвергается сильное и чистое убеждение».[1] Но, утверждает Пыпин, «преследование не уничтожило его дела». Мистическая школа Новикова стала действовать в эпоху Александра I. Так, сведя счеты с реакционными исследователями, Пыпин отрекся от Новикова, отдал его в охранительный лагерь и тем самым присоединился к «опубликованию» Новикова мистиком.

Через пятьдесят лет, после появления в печати многих новых работ о Новикове, опровергавших пыпинскую точку зрения, выступил Г. В. Плеханов, но, не последовав за революционными демократами, не оказался в состоянии разоблачить реакционную легенду. В своей книге об истории русской общественной мысли он вновь не только повторил, но еще более развил грубо ошибочную концепцию Пыпина. «Найдя нравственное успокоение в мистике,— писал Плеханов,— Новиков *вложил всю свою редкую энергию* в проповедь «философии», ставившей смерть выше жизни и тем самым отрицавшей значение всякой *энергичной деятельности* на земле. Этот самоотверженный человек, выступивший на Руси идеологом разночинцев, которые, при всем своем тогдашнем консерватизме, не могли быть довольны своим положением, стал распро-

---

[1] А. *Пыпин*. Русское масонство, стр. 330.

странять взгляды, в корне подрывавшие всякий интерес к вопросам общественного устройства».[1]

«Прежде взор его, хотя и очень сильно затуманенный предрассудками, был устремлен на з е м л ю; теперь он обратился к н е б у. Мысль о загробном существовании сделалась преобладающей мыслью Новикова. И если он по-прежнему хотел распространять п р о с в е щ е н и е, если, усердно поддерживаемый Шварцем, он пользовался своими связями с богатыми мистиками для беспримерного в тогдашней России расширения своей издательской деятельности, то не нужно забывать, что теперь он «просвещал» людей в духе настоящего «кладбищенства...» (308). Это кладбищенство, по мнению Плеханова, Новиков начал проповедовать уже в «Утреннем свете», а в дальнейшем, окончательно поняв, что отстаивать «земные интересы» своих соотечественников не в его силах, «он нашел утешение в той мысли, что интересы эти, к а к в р е м е н н ы е, ничтожны в сравнении с вопросом о том, как следует готовить себя к з а г р о б н о й ж и з н и. Другими словами, он сделался мистиком (325). Сформулировав так свою точку зрения, Плеханов считает, наконец, нужным следующим образом оценить всю грандиозную деятельность Новикова московского периода: «Он громко и восторженно пел замогильную песню, а более или менее образованные разночинцы с удовольствием слушали ее и дружным хором подхватывали ее кладбищенский припев» (327).

Незеленов, исходя из своих политических целей, не только отвергает точку зрения на Новикова как мистика, но доказывает, что он вообще по своим убеждениям не был масоном (до 1785 года — во всяком случае) и именно и только потому его просветительская деятельность носила прогрессивный характер, оказав благотворное влияние на русское общество XVIII века.

В масонский период Новиков, по Незеленову, «является мыслителем-философом, сатириком, публицистом, педагогом, представителем науки и, наконец, масоном. Как мыслитель он развивает перед своими читателями оригинальную и замечательную философскую систему. Мышление отвлеченного ума или рассудка не исчерпывает сущности духовной жизни человека,— учит эта система.— Вера — такой же

---

[1] Г. П л е х а н о в. Сочинения, т. XXII, М.—Л., 1925, стр. 326.

необходимый и неизбежный деятель души человека, как и ум. Ум и вера не противоречат друг другу, а напротив, дополняют и подкрепляют себя взаимной помощью. Они примиряются и сливаются в разуме,— разум и составляет сущность человеческого духа... Такую философскую систему противопоставил Новиков, с одной стороны, вольтерьянству, а с другой — масонству, уличая оба эти учения в фанатизме и неразумном суеверии».[1]

Разбирая все сделанные в адрес Новикова упреки, Незеленов приходит к выводу, что «и резонерство, и сентиментализм, и чувствительность, и масонство были только внешней оболочкой идеи Новикова, окраской, принадлежавшей эпохе; за гнилой оболочкой крылись чистейшие перлы мысли. Итак, не представителем масонства должно считать Новикова, а представителем совсем иной идеи, отличной от масонства, точно так же, как и от вольтерьянства, идеи, пришедшей сменить в нашей жизни и то и другое»,[2] — то есть, конечно, идеи «почвенничества», в свою очередь реакционной, но прельщающей Незеленова.

В своем стремлении реабилитировать Новикова, отвести от него обвинения ученых исследователей, оказавшихся куда более суровыми, чем Екатерина, Незеленов утверждает, что никакой мистической пропаганды Новиков не вел, никакого вреда русскому просвещению, которому так самоотверженно служил, не сделал, но только потому, что не успел этого сделать, ибо когда, после 1786 года, наметился его перелом в сторону масонства и мистицизма, началось и преследование его властями, оборвавшее в конце концов его практическую работу. «История как бы берегла великое дело: по особенному стечению обстоятельств в самый момент отречения Новикова от своих идей начинается решительное преследование его изданий, положившее конец его журналам».[3]

Двадцатый век усилил борьбу вокруг культурного наследства прошлого. Идеологи буржуазии, фальсифицируя историю и подтасовывая факты, отрицали демократический характер русской литературы, тщательно вытравляли все радикальное в творчестве передовых писателей. Так под

---

[1] А. Незеленов. Н. И. Новиков — издатель журналов, СПБ., 1875, стр. 411—412.
[2] Там же, стр. 417.
[3] Там же, стр. 431.

либерала был загримирован Радищев, так мистиком и носителем религиозных идей предстал Новиков. В таком виде Радищев и Новиков объявлялись предтечами буржуазной интеллигенции.[1] Особенно подробно мысль о Новикове — проповеднике нравственно-религиозных воззрений в духе символистской мистики была разработана в работах буржуазного ученого Боголюбова.

В своей монографии о Новикове В. Боголюбов утверждает, что в московскую эпоху у Новикова созревает мысль «подействовать на общество не обличением, а воспитанием: мало отвлеченно высказывать известные моральные положения, нужно их внедрить в общество путем систематического воспитания его нравов, его вкусов, его умственных запросов».[2] «Истинное же просвещение должно быть основано на религии, но не той официальной, какая существует в современной церкви, а какая заключена в словах евангелия».

Весь этот грубо фальсифицированный подход к новиковскому наследию не мог не вызвать в обществе какого-то отпора. Всякий, кто объективно смотрел на деятельность московского просветительского центра, понимал, что из русской культуры все эти «исследования» вырывали целую эпоху. Не будучи в силах преодолеть «опубликование» Новикова мистиком, находясь во власти псевдодокументированных выводов о кладбищенстве и замогильности философии русского просветителя, эти ученые, в обход всех вопросов о масонстве и оставляя в стороне анализ его журналов и мировоззрения, предпочитали говорить лишь о практической книгоиздательской деятельности, о Новикове — крупнейшем русском типографщике-издателе.

Типичным примером такого подхода к Новикову является статья В. Ключевского[3] и следующая по ее пути книга Г. Вернадского.[4]

Именно эта точка зрения сохранила свою силу до наших дней. Наиболее характерным показателем современного отношения к Новикову московской поры являются совре-

---

[1] П. Милюков. Очерки по истории русской культуры, т. III, ч. II, СПБ., 1896.

[2] В. Боголюбов. Н. И. Новиков и его время, М., 1916, стр. 257.

[3] В. Ключевский. Воспоминания о Н. И. Новикове и его времени. Второй сборник статей, М., 1913.

[4] Г. Вернадский. Николай Иванович Новиков, П., 1918.

менные учебники по русской литературе XVIII века. Точка зрения, идущая от Ключевского, отказавшегося от пересмотра легенды о Новикове, нашла себе в них место. Новиков второго периода характеризуется только как типографщик, как книгоиздатель. Вопросы его мировоззрения, его масонства, журнальной деятельности, нравственной философии обходятся. Мельком сообщается лишь чисто деловая сторона вопроса: Новиков, живя в Москве и будучи масоном-розенкрейцером, все же издал много полезных книг.

Таковы итоги столетнего изучения Новикова московского периода. Несмотря на значительное количество специальных исследований и монографий, посвященных этому периоду, можно утверждать, что истинный характер этой деятельности не получил исторически-объективной оценки и по сей день. Менялись точки зрения; Новикова называли мистиком и реакционером, проповедником истинного христианства и неутомимым распространителем книг, но в целом вопрос о новиковском наследии, о значении этого наследия для истории русской литературы и русской культуры, о характере масонства Новикова до сих пор остается спорным, затемненным, неясным. Больше того, считают, что этот период (розенкрейцерство) как-то компрометирует замечательного издателя смелых обличительных журналов петербургской эпохи. Печальным следствием этого положения в настоящее время является исключение из сферы широкого научного изучения (стоит ли заниматься масоном и мистиком!) обширнейшего материала московского периода. Наши учебники характеризуют облик Новикова обедненно, исключая все то, что было главным делом жизни мужественного просветителя, его гражданским подвигом, все то, что оставило неизгладимый след в истории русской литературы, русского просвещения, русской общественной мысли.

Наконец должна быть отмечена еще одна особенность идейной позиции ученых, занимавшихся Новиковым,— они все, несмотря на различие, а порой и враждебность своих теоретических воззрений, с равной настойчивостью отрицали, игнорировали или замалчивали оценку творчества русского просветителя, которую дали Пушкин и революционные демократы.

Пушкин, первым нарушивший заговор молчания о Радищеве, в 1830 году счел своим долгом выступить и в за-

щиту Новикова. На страницах «Литературной газеты» в рецензии на альманах «Денница», где была напечатана статья Киреевского «Обозрение русской словесности 1829 года», Пушкин писал: «Сначала, рассматривая характер словесности XIX столетия, г. Киреевский говорит о тех писателях, кои, по его мнению, определили дух нашей литературы; но прежде посвящает красноречивую страницу памяти того, кто подвинул на полвека образованность нашего народа, кто всю жизнь употребил во благо отечества, кому и сам Карамзин обязан, может быть, своею первою образованностию. Он умер недавно (говорит г. Киреевский) почти всеми забытый, близ той Москвы, которая была свидетельницею и средоточием его блестящей деятельности. Имя его едва известно теперь большей части наших современников, и если бы Карамзин не говорил об нем, то может быть многие, читая эту статью, в первый раз услышали бы о делах Новикова и его товарищей и усомнились бы в достоверности столь близких к нам событий. Память об нем почти исчезла; участники его трудов разошлись, утонули в темных заботах частной деятельности; многих уже нет; но дело, ими совершенное, осталось: оно живет, оно приносит плоды и ждет благодарности потомства».

Через четыре года молодой Белинский в своей статье «Литературные мечтания», прямо следуя призыву Пушкина — оценить по заслугам деятельность русского просветителя, рассказать о его патриотической, общественной и гражданской деятельности, реабилитировать его в глазах потомства,— посвящает Новикову целую страницу, называя его «великим человеком». В последующем в течение всей своей жизни Белинский настойчиво пропагандировал деятельность Новикова, отмечая ее безусловно прогрессивный характер. Белинский отметил заслуги Новикова — писателя, критика и, прежде всего, просветителя, издателя книг и журналов. Зная трагическую судьбу Новикова и жестокую расправу с ним Екатерины II, Белинский защищает честь русского просветителя. Не делит он его деятельности на периоды, не противопоставляет Новикова эпохи сатирических журналов Новикову-книгоиздателю. Начисто отвергает Белинский как клеветнические обвинения Новикова в мистицизме. Для Белинского и в 1834 и в 1846 годах — Новиков просветитель, имевший «сильное влияние на дви-

жение русской литературы и, следовательно, русской образованности». «Благородная натура этого человека постоянно одушевлялась высокою гражданскою страстию — разливать свет образования в своем отечестве» (X, 310).

В дальнейшем Герцен, Добролюбов и Чернышевский продолжили эту линию оценки патриотической и гражданской деятельности Новикова. И для них Новиков — замечательный деятель русского просвещения XVIII века, поплатившийся за свою антиправительственную, антикрепостническую деятельность заключением в Шлиссельбургскую крепость, разгромом всего своего дела, честью гражданина и патриота. Для Герцена Новиков «подпольный идейный руководитель» передовых общественных сил второй половины XVIII века.[1] Добролюбов подчеркнул антикрепостнический характер сатирических сочинений Новикова, отметив смелость Новикова-писателя в постановке таких вопросов, которые только во времена Добролюбова находили свое разрешение.[2]

Нет никакого сомнения, что лонгиновская концепция, изложенная в книге, изданной в 1867 году, прямо и открыто направлена против революционно-демократических оценок творчества и деятельности Новикова. Именно этим обстоятельством и определился тенденциозный подбор материалов, вводимых Лонгиновым в свою книгу. Борясь с мнением революционных демократов, объявивших Новикова прогрессивным общественным деятелем, просветителем, отличным писателем и критиком, Лонгинов искусственно и нарочито изъял Новикова из общественной жизни эпохи и погрузил его целиком в масонские дела. Эта имманентность изучения Новикова утвердилась и в последующей научной литературе от Ешевского до Боголюбова и от Вернадского до авторов современных вузовских учебников.

Все они рассматривали Новикова в искусственном отрыве от событий русской действительности, от явлений международной жизни, от политической и классовой борьбы эпохи, от процесса развития русской литературы. Сложилась прочная и ненарушаемая традиция рассмотрения деятельности Новикова, эволюции его взглядов и убеждений,

---

[1] А. Герцен. Сочинения, т. VI, П., 1918, стр. 342.
[2] Н. Добролюбов, т. I, стр. 258.

развития его практической работы и т. д. исключительно лишь в связи или с екатерининской инициативой издавать сатирические журналы, или с масонскими делами, в связи с происходившей в России реорганизацией масонских лож, решениями заграничных масонских конвентов, речами Шварца, высказываниями Лопухина и т. д. Рассмотрение Новикова исключительно в окружении масонских дел привело к тому, что из исследования в исследование бесконечно и угрожающе расширялась масонская документация, не имеющая часто прямого отношения к Новикову, которая, однако, все более и все безнадежнее отгораживала человека самой неукротимой практической деятельности от реальной действительности. Такое изучение Новикова, взятого лишь в окружении или узко литературных тем, или орденских дел, когда из всего огромного журнального, книгоиздательского и литературного наследия отбиралось лишь то, что подтверждало раз навсегда заданную тему, и привело к образованию одинакового для всех ученых фонда материалов. Эту искусственно подобранную сумму фактов и цитат оставалось лишь из десятилетия в десятилетие по-новому истолковывать.

Следует указать при этом, что количество раз навсегда отобранных для изучения материалов составляет незначительную долю того, что напечатал в своих журналах Новиков, не говоря уже о книгах, которые вообще — за исключением двадцати-тридцати, и то мистического содержания — совершенно выпали из области изучения. Таким образом складывается парадоксальное заключение: Новиков второго периода до сих пор не только недостаточно изучен, но часто даже и не прочтен. Для того чтобы убедиться в этом, стоит просто подряд прочесть все, что напечатано в журналах Новикова, познакомиться с их содержанием без предвзятого мнения. И тогда вместо обещанных всеми учеными проповедей мистицизма и «кладбищенских песен» мы найдем в этих журналах и в газете «Московские ведомости» десятки статей, посвященных политике и в частности — первой в XVIII веке революции, признающих справедливыми причины ее и законными права восставшего народа.

Этот интерес к политике, к революции, к ее деятелям был просто не замечен исследователями. Это — только один пример таких пропусков; как покажу дальше, он далеко не

единственный. Да и как не быть этим пропускам, если часто исследователями просто игнорировалось действительное содержание новиковской деятельности. Так, например, работа Г. В. Плеханова о Новикове построена на изучении не его книг и журналов, а тех цитат из журналов, которые он обнаружил у Незеленова.[1] Не прочтя ни одной книги, изданной Новиковым, не прочтя полностью всех его журналов и газеты, Плеханов берет цитаты у Незеленова и делает противоположный Незеленову вывод: Незеленов на основании подобранных им цитат доказывает, что Новиков не был даже масоном, а Плеханов, на основе тех же цитат, доказывает, что Новиков был мистиком.

Такова история легенды о Новикове. Екатерининское «опубликование» во многом достигло своей цели; большая часть новиковского литературного наследия была исключена из истории русской общественной мысли, русской культуры и литературы. И русская общественная мысль XVIII века и русская культура предстали обедненными. Мы в долгу перед великим русским просветителем. Снять с него государево «опубликование», освободить его наследие от буржуазной реакционной клеветы, научно объяснить сильные и слабые стороны его мировоззрения и деятельности — задача советских исследователей.

Совершенно очевидно, что давно назрела настоятельная необходимость отмести реакционные или просто ложные и ошибочные суждения о творческом наследии русского просветителя XVIII века и пойти в изучении его деятельности по путям, указанным революционными демократами.

Объективному научному пониманию наследия Новикова может помочь решительный отказ от имманентного его изучения в заколдованном кругу практических и теоретических масонско-орденских дел; обязательное соотнесение его деятельности с фактами общественно-политической жизни России. Слишком долгое время господствовала в научной литературе тенденция рассматривать историю России изолированно от мирового исторического процесса. Утверждалось или, в лучшем случае, подразумевалось, что подлинная

---

[1] «Изложение взглядов, выражавшихся в мистических журналах Новикова,— пишет Плеханов,— делается мною главным образом на основании этого сочинения» (А. Незеленов. Новиков — издатель журналов). Г. Плеханов, Сочинения, т. XXII, стр. 310.

история совершалась в странах передовой буржуазной культуры, где активно и широко развивалась идейная жизнь. Россия же, согласно этой космополитической концепции, объявлялась косной, отсталой страной, уделом которой было подбирать крохи со стола богатого и щедрого законодателя — Запада.

Особенно настойчиво эта теория проводилась применительно к истории России XVIII века. Все культурное наследие этой эпохи — литература, искусство, философская и политическая мысль — объявлялось пустоцветом, подражательством западно-европейским образцам.

Но Россия второй половины XVIII века не была оторванной и изолированной от остального мира страной, не была европейским захолустьем. Действительная история учит, что на протяжении всего столетия и в особенности к концу его Россия жила напряженной политической жизнью, оказалась втянутой в европейские и мировые события, живо реагировала и откликалась на них, часто выступая силой, определяющей исход этих событий. Поэтому понять все своеобразие и сложность идеологической жизни России той эпохи можно лишь с учетом государственных связей и политических интересов, которые не могли не определить внимания русского общества к идеологической и политической жизни передовых стран мира.

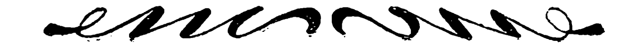
Методологически порочная космополитическая теория, исказив истинный ход истории, не позволяла видеть того, как в процессе острой классовой борьбы, критического пересмотра идейного богатства эпохи вырастала самостоятельная и передовая русская культура.

Необходимо также решительно отказаться от вредной традиции ограничиваться в изучении Новикова тем стабильным фондом материалов, который был подобран буржуазными учеными для доказательства своих концепций, отказаться от самоограничения теми проблемами, вопросами и темами, которые подняла буржуазная наука.

Высота нашей сегодняшней научной мысли определяется теорией марксизма-ленинизма. С этих высот мы обязаны подвергнуть конкретно-историческому анализу все литературное наследие Новикова, показав его обусловленность социально-политическими событиями эпохи, раскрыв широкие плодотворные связи его многообразной деятельности с передовым русским общественным движением, боров-

шимся за свою демократическую, национальную, отвечающую потребностям русского исторического пути идеологию. Должно как можно шире привлечь многочисленные издания Новикова, как можно полнее использовать его многочисленные книги, журналы, газету. Должны быть проведены архивные разыскания.

Данная работа — только попытка на обновленном материале показать несостоятельность и научную фальшь буржуазной легенды о Новикове, попытка воспроизвести истинный духовный облик замечательного русского просветителя, попытка пойти вслед за тем вещим указанием Белинского, которое было предано забвению: «Царствование Екатерины II было ознаменовано таким дивным и редким у нас явлением, которого, кажется, еще долго не дождаться нам, грешным. Кому неизвестно, хотя бы по наслышке, имя Новикова? Как жаль, что мы так мало имеем сведений об этом необыкновенном и, смею сказать, великом человеке! У нас... забывают о благодетельных подвигах человека, которого вся жизнь, вся деятельность была направлена к общей пользе» (I, 343).

ГЛАВА ВТОРАЯ

I

До настоящего времени в историко-литературной науке Новиков фигурирует прежде всего как издатель. Первым крупным его изданием был сатирический журнал «Трутень» (1769 г.). На этом основании стало традиционным начинать изучение Новикова с характеристики «Трутня». Обычно этой характеристике предшествует краткая биографическая справка, состоящая из набора крайне малочисленных фактов.

Прежде всего используется то, что рассказал о себе сам Новиков — в своих показаниях Шешковскому во время

следствия в 1792 году и в письмах. В ответе на второй вопросной пункт Новиков писал: «родитель мой отставлен был статским советником», «имения за ним было родового и по приданству, помнится, слишком 700 душ»; в Москве Новиковы имели деревянный дом; сам он «службу... начал лейб-гвардии в Измайловском полку солдатом 1762 года с генваря и продолжал в том полку; будучи унтер-офицером, взят был в Комиссию о сочинении проекта нового Уложения и определен в комиссию «о среднем роде людей», где и находился содержателем дневной записки и во время диспутов прикомандирован был в общее собрание к держанию дневной же записки. В 1768 году от Комиссии уволен и отставлен поручиком» (Лонгинов, 072—073).

Из писем последнего периода, довольно обширных, исследователи настойчиво и постоянно вводят лишь одно — именно письмо к Карамзину от 1815 года, в котором старый и больной Новиков в припадке уничижения сообщает: «Не забывайте, что с вами говорит идиот (невежда), не знающий никаких языков, не читавший никаких школьных философов, и они никогда не лезли в мою голову» (9). Затем указывалось со ссылкой на газету «Московские ведомости», что некоторое время Новиков был в гимназии при Московском университете, но «за леность и нехождение в классы» исключен в 1760 году. На этом и кончались факты, характеризующие столь важный этап жизни русского просветителя до издания им «Трутня». Сумма этих фактов, установленная учеными в 50-е годы XIX века, осталась неизменной и сохранила всю свою силу и значение до наших дней. Таким образом проблема становления общественно-политических воззрений Новикова, его просветительских убеждений, его литературных воззрений игнорировалась исследователями.

Между тем вся многосторонняя деятельность Новикова, начиная с 1769 года, говорит о том, что к ней он пришел уже подготовленным, сформировавшимся человеком и мыслителем, щедро отдававшим обществу все то, что ранее получил от него. В самом деле, начиная с 1769 года, мы видим его в роли издателя, редактора, организатора сатирических журналов, сразу завоевавших широкую популярность и любовь читателей, в роли талантливого писателя-сатирика, острого полемиста и мастера эзоповского языка,

в роли историка русской литературы и критика, подготовившего книгу «Опыт исторического словаря о российских писателях», в роли знатока русской истории, ученого-публикатора исторических документов (издание «Древней российской вивлиофики»), в роли общественного деятеля, организатора литературных сил, книгоиздателя и т. д. и т. п. Новиков оказывается в центре общественной жизни в годы, предшествовавшие восстанию Пугачева.

Даже беглый обзор беспримерной по своей широте деятельности Новикова, развернувшейся начиная с 1769 года, со всей очевидностью убеждает нас, что невозможно понять все богатство его литературного наследия, весь общественный смысл его работы, стоя на лонгиновском фундаменте случайно, скудно, часто нелепо и всегда тенденциозно подобранных фактов. Совершенно очевидна необходимость новых разысканий, которые помогли бы нам проследить путь развития Новикова, становления его идейно-политических, философских, исторических и эстетических воззрений, помогли бы обнаружить и понять ту среду и общественные силы, которые сформировали Новикова.

Первые же разыскания, как и следовало ожидать, показали, что скудность дотоле собранных материалов о Новикове — явление не объективное, а субъективное. Лишь слепое доверие к работам «академических» ученых прошлых лет объясняет, почему мы до сих пор так мало знаем о Новикове этой поры. До сего дня не изучены архивные материалы Московского университета, Измайловского полка, Комиссии по Уложению, не учтены, не собраны обильные биографические сведения, имеющиеся в работах самого Новикова, не оценены по заслугам все его связи с обществом, с многочисленными деятелями той поры и т. д. К сожалению, не все эти источники, и в первую очередь архив Московского университета и фонды Центрального Государственного архива древних актов, оказались доступными мне.[1] Но и те материалы, которые оказались в моем распоряжении, позволяют установить, что

---

[1] Как свидетельствует автореферат кандидатской диссертации Л. Фридберга, в московских архивах находятся ценные материалы («Доклады и сообщения ист. ф-та Моск. Гос. ун-та им. М. В. Ломоносова», 1947, вып. 6).

важнейшими этапами в идейном развитии Новикова до 1769 года были Московский университет и Комиссия 1767 года. Вот почему совершенно необходимо начинать изучение Новикова не с «Трутня», а с Московского университета.

II

«Великий метаморфозис», пережитый Россией в первой половине XVIII столетия, определил мощный расцвет культуры и просвещения. Новая историческая жизнь огромной страны потребовала обилия новых, до того неизвестных профессий, ученых и просто хорошо грамотных людей. Для удовлетворения возникшей потребности приходилось прибегать к экстраординарным мерам: приглашать иноземцев и посылать русских людей учиться в чужие земли. Россия должна была использовать для этого все средства, чтобы подготовить в кратчайший срок нужных ей работников, искусных в разных художествах мастеров, своих учителей и своих ученых. По всей своей природе эти экстраординарные меры должны были носить временный характер — до тех пор, пока Россия не приобретет в достаточном количестве людей необходимых знаний. И действительно, к 1725 году оказалось возможным создать Российскую Академию с университетом и гимназией при ней. Через несколько лет в Академию вступили и первые русские академики — Тредиаковский и Ломоносов.

С этого момента перед русской культурой открылись новые возможности. Если совсем еще недавно для получения научного образования надо было ездить за границу, теперь дело коренным образом менялось: русские люди могли получить блестящее образование, находясь на родной почве и под руководством русских ученых. В ближайшие же годы из академического университета выйдут будущие профессора Александр Поповский и Антон Барсов, будущий демократический публицист и философ Яков Козельский, ученый переводчик и поэт Кондратович и др.

Но этот академический университет был лишь небольшим педагогическим островком в огромной Российской империи. Да и этот островок начинал по воле новых самодержцев влачить все более и более жалкое существование.

Открытие Академии было последним актом просветительской политики русской монархии. Новые правители государства, сменившие Петра, открыто и принципиально отказались от политики государственного просветительства. Многие культурные учреждения, возникшие при Петре, не получая поддержки, закрывались. К концу первого десятилетия елизаветинского царствования сложилось положение, когда почти совсем исключалась возможность получения в России среднего образования. Математическая школа, основанная Петром в Москве, была закрыта, школа при Сенате для подготовки к государственной службе совсем захирела; должности в ней давно не замещались, учеников не было. Академическая гимназия также пустовала. Неоткуда поэтому было набирать студентов и для академического университета. Когда-то прославленная Московская славяно-греко-латинская академия была реорганизована и превращена в школу для подготовки духовенства.

Предав забвению русское просвещение, преемники Петра вновь широко открыли двери для иностранцев: при Анне в Россию хлынул поток немцев, при Елизавете — французов. Вновь в Академии наук, в государственной службе, в дворянских семьях места ученых, чиновников, воспитателей юношества заняли иноземцы, приехавшие в Россию на заработки. Только незначительная часть их состояла из людей действительно ученых и образованных, честно исполнявших свой долг. Но даже и эти люди, не понимавшие запросов русской жизни, часто не знавшие русского языка, оставались в конце концов чуждыми русской культуре, случайными, пришлыми людьми, отбывавшими в родные края по истечении контракта. Это отлично понимали современники. Руководитель дворянской оппозиции Никита Панин говорил о том, что Академия «оставлена безо всякого попечения; что нижних школ для воспитания юношества и приготовления его к академическим учениям у нас нет; что такие школы для распространения наук необходимо нужны. И в самом деле, какая из того польза и у разумных людей слава отечеству приобретена быть может, что десять или двадцать человек иностранцев, созванные за великие деньги, будут писать на языке, весьма немногим известном? Если б крымский хан двойную дал цену и к себе таких людей призвал, они б и туда поехали и там

писать бы стали, а со всем тем татара все бы татарами прежними невежами остались».[1]

Так обстояло с образованными и честными иностранцами. Большая же часть иноземцев на государственной службе и в качестве воспитателей дворянских детей состояла либо из людей невежественных, необразованных, либо просто из авантюристов, проходимцев, алчных до денег. Общеизвестно, что штат воспитателей «благородного юношества» сплошь и рядом формировался из лакеев, бродяг, а то и просто из воров, бежавших из Франции и разыскиваемых французской полицией через свое посольство в Петербурге. Так, из записок члена французской миссии Мессельера узнаем, что французский посол был крайне смущен, узнав, что «у многих знатных господ живут беглецы, банкроты, развратники, которые по здешнему пристрастию к французам занимались воспитанием детей знатных лиц... Господин посол,— пишет далее Мессельер,— счел приличным предложить русскому министру... сделать исследование... и самых безнравственных отправить морем по принадлежности».[2]

Так орудовали «французские парикмахеры», великие мастера волосоподвивательной науки, калеча целые поколения русских людей, воспитывая невежд, петиметров, космополитов, с детства наученных ненавидеть свою родину, свой язык, свою культуру, свое искусство и русских людей. Один из Воронцовых, сам воспитанный у француженки, позднее так оценивал смысл такого воспитания: «Можно сказать, что Россия единственная страна, где пренебрегают знанием родного языка и всего того, что касается родины. Люди, считающиеся просвещенными в Петербурге и в Москве, заботятся о том, чтобы дети их знали французский язык, окружают их иностранцами, дают им учителей танцев и музыки, платя им большое жалованье, а родному языку их не обучают. Это блестящее воспитание, к тому же дорого стоящее, ведет к полному незнанию своего отечества, к равнодушию, может быть, даже и пренебрежению к своей родине и привязанности ко всему, что касается других стран и нравов, а в особенности Франции».[3]

---

[1] Семена Порошина Записки, СПБ., 1844, стр. 40—41.
[2] «Русский архив», 1874, кн. 1, стр. 973.
[3] Архив Воронцова, т. 5, стр. 12.

Так к пятидесятым годам сложилась печальная картина: инициатива правительства шла лишь в направлении поощрения гибельного для России вторжения иностранцев. Усилиями монархии и высшего дворянства делалось все, чтобы отнять у России право на свою национальную культуру, у народа — право на активное творческое участие в строительстве этой культуры. Гибельность такого положения вещей отлично понималась современниками. Особого внимания заслуживает мнение, принадлежащее Шувалову, этому покровителю и в то же время ученику гениального Ломоносова, успешно усваивавшему наставления русского академика. «Петр первый, сотворив или преобразовавши все, не имел после смерти своей последователей в большей части своих предначертаний и мудрых заведений. Науки и искусства в государстве нашем получили свое начало со времен сего великого мужа: мы имели искусных людей во всех родах. Художники, учившиеся в Италии, могли стать на ряду с хорошими мастерами и делали честь нашему отечеству. Невнимание к их талантам и небрежение о воспитании новых художников подавили росток того, что̀ прозябло, уничтожив столь лестные ожидания. В последствии времени первые места в государстве были заняты иностранцами, которые оставались в совершенном бездействии касательно сего предмета,— вероятно от того, что не радели о распространении наук и искусств в стране, им чуждой, или потому, что их намерения не позволяли им мыслить и действовать с ревностью патриотов. Такая небрежность о просвещении юношества (исключая военную школу, или кадетский корпус, основанный в 1750 году для шести сот дворян и приготовивший столько хороших офицеров) некоторым образом остановила успехи просвещения. Вот почему благородная ревность к учению совершенно была погашена во многих из моих соотечественников. Столь неприятный для нас промежуток дал повод некоторым иностранцам несправедливо думать, что отечество наше неспособно производить таких людей, какими бы они должны быть: сей предрассудок может истребиться одним временем».[1] В последних словах Шувалова, кстати сказать, совершенно очевидно отражены основные воззрения Ломоно-

[1] [П. Бартенев]. Биография И. И. Шувалова, М., 1857, стр. 39.

сова на просвещение, высказывавшиеся им в поэтических и прозаических сочинениях.

Между тем ход исторического развития все настойчивее выдвигал перед Россией задачу построения своей национальной самобытной культуры. Понимая и чувствуя эту историческую потребность, Ломоносов писал: «Россия, распространясь широко по вселенной, прославясь победами, доказавшими преимущества в храбрости и самым высокомысленным супостатам, поставив свои пределы в безопасности и привлекши к себе прилежное внимание окрестных народов, яко важнейший член во всей европейской системе, требует величеству и могуществу своему пристойного и равномерного великолепия» в науках и художествах.[1]

Кто же в самодержавном государстве должен был принять на себя исполнение этого общенационального дела? Самодержавие, как это заметил и Шувалов, пренебрегло этим, отказавшись от просветительской политики. Дворянство, вышедшее на авансцену истории и усердно проявлявшее политическую активность?

Действительно, в этот период дворянство захватывает инициативу в области культуры, создает массу идеологических ценностей, но исполнить поставленную историей задачу оно не могло — слишком были сильны в нем узкокастовые, шляхетные интересы. В самом деле, уже в решении педагогической проблемы — требование открыть специальный шляхетный корпус для воспитания юношества — эта кастовость проявилась с особой силой. Корпус должен был готовить высший офицерский состав армии и штат придворных. Рассчитан он был при самом своем основании прежде всего на аристократию. В 1750 году был открыт второй такого же типа корпус — морской. В корпусах обучалось по 350 человек. Таким образом за бортом этих аристократических школ оказывалась почти вся основная масса русского дворянства, в первую очередь — провинциального. Закономерным поэтому оказалось появление из недр именно шляхетного корпуса целой плеяды дворянских интеллигентов, во главе с таким идеологом, как Сумароков. Несмотря на безусловно прогрессивную роль, какую в России сыграл

---

[1] Сб. отд. русского языка и словесности Академии наук, т. VIII, СПБ., 1871, стр. 307.

классицизм,— прежде всего благодаря тому, что он явился выражением настроений оппозиции передовых кругов дворянства деспотическому самодержавию,— дух аристократизма, дворянского космополитизма пронизывает все литературное наследие группы Сумарокова. Молодым деятелям складывающейся дворянской культуры были чужды проблемы общенациональные.

История складывалась так, что вести борьбу за построение национальной русской культуры пришлось первым русским ученым-академикам, русским просветителям-разночинцам Ломоносову и Тредиаковскому. Штабом этой предпринятой ими борьбы они сделали Академию. В ее стенах, на ее базе начата была гигантская работа.

Во всех областях приходилось начинать почти сначала. В области педагогической следовало начинать с подготовки русских ученых и учителей. Ближайшие годы, как уже говорилось, дали результат. Из стен Академии вышли первые деятели на поприще просвещения, культуры, литературы, искусства. В области языка необходимо было провести ряд реформ, общий смысл которых сводился к ограждению его от вторжения иностранщины и церковного влияния. Поэтому следует одна реформа за другой, поэтому создаются «Риторика», «Грамматика», «теория трех штилей» и т. д. В поэзии необходимо было освободиться от импортированного чужеземного силлабического размера и дать стихам размер, соответствующий строю и духу русского языка, учитывающий все его богатство, все его возможности. Литературу необходимо было связать с русской действительностью, определить ее содержание, ее тему, как тему величия, блага и мощи России, заставить служить общественным и гражданским целям. В области истории необходимо было разбить антинациональную, сочиненную немцами (Байер, Миллер), теорию о призвании варягов в Россию. Русскую науку нужно было не только создавать заново, но еще отстаивать в борьбе с многочисленными немецкими академиками право русских людей заниматься столь высокими предметами, доказывать необходимость связи науки с практическими задачами русской промышленности и т. д.

Вся эта поистине грандиозная работа первых русских просветителей и ученых пронизана национальной идеей.

Именно в атмосфере этих просветительских работ по созданию национально-самобытной литературы, науки, прикладных искусств и родилась мысль о первом русском университете, руководимом русскими деятелями, русскими учеными, для подготовки будущих деятелей и руководителей складывающейся новой русской культуры.

Для Ломоносова было очевидно, что решение этой общенациональной задачи без привлечения сил всего русского народа, всех его сословий невозможно. Глубоко веря в неисчерпаемые творческие силы русского народа, он постоянно — и в теоретических и в поэтических своих работах — доказывает необходимость привлечения самых широких кругов общества ко всем звеньям государственной, общественной, культурной деятельности. Перед лицом монархии и дворянства Ломоносов многократно заявлял, «что может собственных Невтонов и быстрых разумом Платонов российская земля рождать». Одним из плодов его просветительской деятельности и явился разработанный совместно с Шуваловым проект учреждения в центре государства — Москве — университета. По первому ломоносовскому предложению при университете должны были быть организованы три гимназии для обучения и подготовки будущих студентов из дворянства, мещанства и крестьянства. В результате правительственного вмешательства в ломоносовский проект крестьяне были исключены из числа тех, кто мог учиться в гимназии и в университете. В документах, составленных Шуваловым и Ломоносовым для Сената, была определена задача русского университета — готовить «национальных достойных людей в науках». «Недостатки в учениях исправлены будут, и желаемая польза надежно чрез скорое время плоды свои произведет, паче когда довольно будет национальных достойных людей в науках, которых требует пространная ее имп. величества империя к разным изобретениям сокровенных в ней вещей и ко исполнению начатых предприятий и ко учреждению впредь по знатным российским городам российскими профессорами училищ, от которых во отдаленном простом народе суеверие, расколы и тому подобные от невежества ереси истребятся».[1]

---

[1] [П. Бартенев]. Биография И. И. Шувалова, стр. 29.

III

Хлопоты Шувалова увенчались успехом, и 12 января 1755 года в Москве в торжественной обстановке был открыт русский университет. Отныне было приступлено к подготовке у себя на родине «национальных достойных людей в науках». Открытие университета было важным событием в общественной жизни России середины века еще и потому, что оно продемонстрировало зрелость и силу складывающегося русского просвещения, взявшего в свои руки дело строительства самобытной русской культуры, сделавшего ставку на силы общества, а не на правительство. Характерно, что даже в этот ранний период уже намечается различие точек зрений на этот вопрос между русскими деятелями и французскими просветителями. Это особенно видно по переписке Шувалова с Гельвецием.

В одном из своих писем Гельвеций, отстаивая общепросветительскую точку зрения тех лет, что именно государь, монарх обладает наибольшими возможностями просвещения, писал: «Царь начал то, что вы теперь завершаете. И так, чтобы привести в движение целую массу великого народа, надобно многим великим мужам последовать одним за другими. Государь без сомнения имеет более средств возбудить соревнование, нежели вельможа самый могущественный».[1] Почти та же точка зрения о том, что природе монархии присуще «делание добра», высказана и на страницах Энциклопедии в статье «Монархия»: «Престол есть самое лучшее место, которое смертный занимать может, ибо на оном можно делать наибольше добра».[2]

В открывшийся университет съехались первые его ученики. Началось обучение по программе, которая должна была подготовить новое поколение деятелей русской культуры. И Московский университет справился с возложенными на него задачами. Из числа своих первых учеников, пришедших в него в год открытия, он дал Фонвизина, Новикова, Аничкова, Десницкого и немало других ученых, писателей,

---

[1] [П. Бартенев]. Биография И. И. Шувалова, стр. 37.

[2] «О государственном правлении и разных родах оного из Энциклопедии», СПБ., 1770, стр. 73, и «Encyclopédie ou dictionnaire raisonné des sciences. . .», tome dixième, p. 511.

философов, просветителей, под идейным воздействием которых будет развиваться литература 70-х и 80-х годов.

Куратором университета, его действительным полным единоначальником был назначен Шувалов, директором — Аргамаков. На должности профессоров прибыли ученики Ломоносова и Тредиаковского — магистры Поповский и Барсов, заведовать культурно-просветительными делами был направлен писатель Херасков. Так сразу был определен руководящий состав университета из национальных достойных людей культуры. Кроме того, на должности преподавателей в гимназии как дворянской, так и разночинной было приглашено около десятка русских педагогов — Яремский, Воротнин, Агапов, Соловьев, Рудин, Соколовский и другие. Несколько педагогов в гимназию и университет прибыло из-за границы. Последнее обстоятельство мало что меняло, ибо весь устав университета, вся его конституция были построены так, что исключалось господство иностранцев в общей системе образования. И Шаден, и Билон, и Дильтей, и де Лабом, и Фишер, и целый ряд других были всего лишь служащими русского университета, подчинявшимися всему его внутреннему распорядку и программе.

С первых дней существования университета складывается оказавшаяся плодотворной традиция публичности. В сентябре и апреле месяцах каждого года в университете проходили торжественные акты. Гимназисты и студенты после посещения церкви собирались в здании университета, куда прибывали и приглашенные гости. Перед собравшимися профессора университета Поповский, Барсов, Шаден произносили «Слова». В апрельский акт после речей профессоров оглашался «Реестр прилежных учеников». С 3 по 12 июня в гимназии и университете проводились экзамены — также публично. Обыкновенно экзамены привлекали множество «любителей наук», причем бывали некоторые «дамские персоны».[1] Отличившиеся ученики, демонстрируя свои знания и успехи, участвовали в специальных диспутах на заданные профессорами темы, произнося свои речи как на русском, так и на французском, немецком и латинском языках.

Все эти торжественные акты, как и учебные будничные дела подробно описывались в собственном органе университета «Московских ведомостях». Совершенно очевиден смысл

---

[1] «Московские ведомости», 1757, № 45.

этой публичности. Она должна была привлечь не только общественное внимание к университету, но и возбудить в гимназистах и студентах чувство ответственности перед обществом, привить каждому из них убеждение в значительности его занятий, в заинтересованности отечества в успехах каждого из них, ибо ждет оно от университета нужных ему деятелей во всех областях духовной жизни. Эта же мысль подчеркивалась особо «Словами» Поповского и Барсова, развивавших ломоносовский тезис: «Для пользы общества сколь радостно трудиться».

26 апреля 1755 года магистр Антон Барсов, по поручению куратора Шувалова, произнес «Слово о пользе учреждения Московского университета». Это была программа молодого учреждения. Ученик Ломоносова определяет цели образования и объясняет причины открытия университета. Он обрушивается на ходячие мнения, будто «мы учимся наукам для наук» или для личного материального благополучия. Просвещение разгоняет «невежества тьму», «истребляет те предрассуждения, которые к нам от чужого воспитания прилепляются», «учение рождает в нас справедливые мысли и рассуждения», «учение подает нам в предводители премудрейших из древности людей, в писаниях которых мы почерпаем премногие высокие истины, питающие наш ум и дух укрепляющие, с которыми мы тогда, благородным рвением побуждаясь, сравняться стараемся».

Так уже с первого дня существования университета была особо подчеркнута необходимость изучения истории, жизни «премудрейших из древности людей». В своей же практической деятельности Барсов особое внимание обращал на русскую историю, внушая юношеству мысль, что в прошлом России есть много достойного, есть образцы героизма, есть премудрейшие мужи, с которыми, «благородным рвением побуждаясь», необходимо стремиться сравняться.

В центре университетского образования,— утверждает тот же Барсов,— должна находиться философия. Она «приобучает разум к твердому познанию истины, чтоб оный напоследок знать мог, в чем наше истинное благополучие заключается; рассматривает силы и свойства наших душ и из того определяет наши должности в рассуждении творца нашего, в рассуждении населяющих с нами землю челове-

ков, в рассуждении высших, низших, равных, своих, чужих, кровных, знаемых, приятелей и неприятелей».[1]

Так определен был второй пункт образовательной системы университета — воспитание в духе нравственной философии, развитие интересов к проблемам морали, подчеркивание необходимости постоянного самоконтроля над поступками, рассмотрение всей своей жизни с точки зрения полезности и нужности ее согражданам. Я так подробно остановился на этой речи Барсова потому, что она имела влияние на юношество. Она была не только напечатана, но и превращена в предмет изучения. Ее читали на занятиях в гимназии, ее давали переводить во время классных занятий по языкам, она переписывалась и включалась в особые студенческие сборники. Шевырев указывает, что в его руках был такой рукописный сборник с речью Барсова и образчиками ее переводов.[2]

В апреле 1756 года речь произнес профессор Поповский. Ее тема — все та же: «Зачем открыт университет и что ожидает отечество от собравшихся здесь юношей?» Развивая заветную ломоносовскую идею, Поповский перед лицом многочисленных гостей обращался к гимназистам и студентам, взывая к их ревностному патриотическому чувству: «Дождемся блаженного времени, когда из сего премудрого государынею учрежденного места произойдут судьи, правду от клеветы отделяющие, полководцы, на море и на земле спокойство своего отечества утверждающие, когда произойдут здесь мужи, закрытые натуры таинства открывающие».[3] Так усилиями учредителей и профессоров в университете создавалась атмосфера патриотизма. С первого же дня своего существования став центром подготовки национальных достойных в науках людей, он воспитывал интерес и любовь к своей родине, к ее прошлому, ее языку и культуре, внушал чувство национального достоинства и гордости за свое отечество, воспитывал чувство личной ответственности за дальнейшие судьбы России. И важно помнить, что это происходило на фоне покровительства Елизаветы и придворных кругов французомании, на фоне беспрерывного

---

[1] С. Шевырев. История имп. Московского университета, М., 1856, стр. 18.

[2] Там же, стр. 377.

[3] Там же, стр. 21.

предательства национальных интересов, на фоне развития аристократического классицизма.

На помощь Ломоносову и Тредиаковскому, развертывавшим свою деятельность в Петербурге, в Академии, шел юный университет с подготавливаемой им когортой новых деятелей русской культуры. Борьба с иностранным влиянием, борьба за приоритет русского, бесконечно важная для России на том этапе, протекала довольно бурно и в университете, и свидетелем ее — не пассивным — было юношество. Особо принципиальна была борьба Поповского против преподавания философии на латинском языке. Свою точку зрения он отстаивал не только в Конференции, не только перед учеными мужами, но и перед лицом юношества, ища у него поддержки. Он заявлял: «Нет такой мысли, кою бы по-российски изъяснить было невозможно... Итак, с божиим споспешествованием начнем философию не так, чтобы разумел только один изо всей России или несколько человек, но так, чтобы каждый, российский язык разумеющий, мог удобно ею пользоваться».[1]

Все в тех же целях публичности при университете была создана типография и газета «Московские ведомости». И то и другое находилось в прямом заведовании Барсова и Поповского. Типография печатала речи и книги профессоров, приступила к изданию сочинений Ломоносова. Свою учебную и просветительную работу русские профессора вели в направлении развития у своих питомцев вкуса и интереса к словесности. В школьных занятиях разбирались сочинения русских и иностранных авторов, «показывался штиль в российских сочинениях», разбирались оды Ломоносова и т. д. Поповский — сам поэт — не только приступил к печатанию своего перевода поэмы Попа «Опыт о человеке», но выступал перед учащимися со своими стихами. Так, на одном из торжественных актов он читал написанную в духе ломоносовского стихотворения «О пользе стекла» поэму «О пользе наук и о воспитании в оных юношества». Поповский убеждает своих слушателей: «...в наш несчастный век проклятые пороки взошли на самый верх и степень превысокий». Больше того, в России — множество людей, «уснувших в роскоши, во сладости погрязших», славных «неправедным житием, продерзкими делами», обижающих «не-

[1] «Ежемесячные сочинения...», СПБ., 1755, август, стр. 173—174.

имущих» и воспитывающих «на собственном образце» своих детей «бесчеловечными». Пороки эти — источник бед и несчастия России. «Минервин храм», раскрывший двери для дворян и разночинцев,— опора просветителей в их борьбе с пороками и следствиями худого воспитания. Вот почему поэт с такой теплотой говорит о Московском университете, характеризуя его как очаг просвещения, как учреждение, воспитывающее действительных граждан-патриотов. Поэма заканчивается надеждой, что прилежное учение и пример похвальных дел может произвести нужные перемены в обществе, ибо «все можем произвесть в младенцех, что хотим».

Упоминаю я об этой поэме Поповского не только потому, что в ней изложены типично просветительские убеждения русского ученого и поэта, наставника университетской молодежи, но и потому, что именно эта поэма — это можно утверждать с полной уверенностью — была отлично известна Новикову. Вряд ли случайно он сочтет нужным напечатать ее в своем журнале «Живописец». До широкого сведения он доводил то, что когда-то читал сам, что когда-то просвещало его. Публикация, несомненно, носит характер дани благодарного ученика своему учителю.

IV

Развивая интерес к литературе на школьных уроках, педагоги не ограничивались этим и всячески стремились поощрить рвение своих учеников, помогали испробовать собственные силы на этом поприще. Замечая успехи в стилистике, переводах, они помогали первым самостоятельным авторским опытам, рекомендовали произведения учеников авторитетам — поэтам Хераскову и Поповскому. Эта практика привела к тому, что у множества гимназистов был разбужен поэтический дар, а эта атмосфера повышенного интереса к литературе привела к формированию литературной среды. Роль этой университетской литературной среды, безусловно, была значительна. Она способствовала более интенсивному формированию личности, пробуждала склонности, звала к соревнованию, подсказывала конкретные пути служения «возлюбленному отечеству». О существовании этой литературной атмосферы свидетельствуют и поэтические упражнения многочисленных гимназистов и сту-

дентов, и издание в последующем литературных журналов при университете, и прямые свидетельства бывших воспитанников университета. Так, Новиков в своем «Опыте исторического словаря о российских писателях», рассказывая биографии многих молодых деятелей литературы, указывает на интерес к словесности, появившийся у них в период пребывания в гимназии и университете. Фонвизин в своем «Чистосердечном признании», довольно скептически отнесясь к учебным занятиям университета, счел своим долгом указать, что именно в университете он «научился довольно немецкому языку, а паче всего в нем получил вкус к словесным наукам».[1]

Газета «Московские ведомости» была первым местом, вокруг которого объединились особо проявившие вкус к словесности. В гимназии учитель французского языка магистр де Лабом вел регулярное чтение газет с историческими и географическими примечаниями и переводами. Газета «Московские ведомости» печатала довольно обильную иностранную информацию, заимствованную из заграничных, и прежде всего французских, газет. Трудно допустить мысль, что подбиравшие и переводившие материал для газет Барсов и Поповский не привлекали к этой работе гимназистов и студентов. Оснований для такого привлечения было более чем достаточно. К 1757—1758 гг. среди гимназистов было уже значительное число молодых поэтов и писателей, активно проявивших свои силы в различных поэтических жанрах и переводах. Прежде всего следует назвать Федора Козловского, Алексея Нарышкина, Александра, Николая и Федора Кариных, Дениса и Павла Фонвизиных, Василия Санковского, Василия Рубана, Якова Булгакова, Ивана Шишкина, Николая Хрущова, Василия Приклонского. Так в университете возникло содружество любящих словесность и пробующих в ней свои силы. Два поэта — Поповский и Херасков — были в центре этого литературного кружка. Множество открывшихся талантов позволило создать специальный литературный журнал при университете. Мысль эта созрела в 1758—59 учебном году, ибо сразу после начала нового учебного 1759—60 года, 21 сентября появилось в «Московских ведомостях» объявление об открытии подписки на периодическое издание, которое

---

[1] Д. Фонвизин. Сочинения, СПБ., 1866, стр. 534.

обещано было выпускать с января 1760 года. Объявление давалось регулярно до самого нового года в номерах 76, 79, 100, 102, 103, 104 и, наконец, 105 — от 31 декабря. В январе, как и было обещано, вышел первый номер журнала «Полезное увеселение». В конце 1759 года Поповский заболел, стал пропускать лекции, а в 1760 году, в расцвете творческих сил, умер. Юношество лишилось одного из своих наставников. Руководство новым журналом взял на себя Херасков.

Какова же роль этого университетского литературного движения в воспитании юношества, каково его значение и место в литературе XVIII века?

Вся учебная программа гимназий и университета, вся педагогическая политика Поповского и Барсова были направлены на развитие интересов к словесности, на поощрение молодых талантов. С другой стороны, в университете работал плодовитый и талантливый поэт складывавшегося русского классицизма — Херасков. Он сумел сблизиться с молодежью, создать кружок молодых поэтов и литераторов. Так, ходом естественных событий, Херасков стал во главе журнала, объединившего молодых писателей, стоявших на разных идейно-эстетических позициях.

Херасковская группа это, прежде всего, аристократы Ржевский и Нарышкин, в меньшей мере Александр Карин и Домашнев, служащий университета Ипполит Богданович и другие. На том, что публиковала эта группа, а публиковала она чрезвычайно много, лежит печать идейно-эстетического единства. Здесь и подчеркнутый дворянский аристократизм, и проповедь идей дворянского космополитизма, и торжество норм рационалистического искусства с культом надиндивидуальных, вечных априорных категорий чувств, страстей и долга, и т. д. Во всей литературной продукции этой группы видно стремление противопоставить себя более демократической среде университета, противопоставить свои убеждения университетскому патриотизму, всему национальному характеру воспитания русских деятелей культуры. Это сказалось уже в передовой статье «О чтении книг», принадлежащей, повидимому, Хераскову. «Чтение книг есть великая польза роду человеческому, и гораздо большая, нежели все врачеванье неискусных медиков. О сем можно сумневаться тому, кто книг не читывал; однакож великая разность читать и быть читателем. Несмысленный

подьячий с охотой читает книги, которые писаны без мысли, купец удивляется, по их наречию, виршам, сочиненным таким же невежею, каков он сам; однако они не читатели».[1] Совершенно очевиден аристократизм этой позиции, чуждый всему духу университета, этого детища русского просветительства. Проповеди Поповского о том, что книги, науки, словесность, просвещение полезны потому, что помогают воспитывать русских деятелей в духе любви к отечеству, потому, что развивают в них желание трудиться для «общей пользы», противопоставлена космополитическая и аристократическая точка зрения на воспитание, при помощи наук и философии, «гражданина всего света».

Но данное направление не единственное в журнале. Он был органом университета, а не отдельной, херасковской, группы, и его позиция была в силу этого в значительной мере эклектической. Прежде всего мы найдем там имя Поповского, далекого и враждебного Сумарокову и Хераскову. Поповскому принадлежат стихотворные переводы из Горация, переводы статей «О добродетели», «О человеке». Совершенно очевидно, что если бы не смерть Поповского, то его участие в журнале было бы более значительным. Студент Аничков, идеологически враждебный всему духу херасковской группы, печатает научную статью «Рассуждение о бессмертии души» — плод собственных размышлений над университетскими философскими лекциями. Яков Булгаков сочиняет «Рассуждение о том, что словесные науки приносят ли пользу в военном состоянии», а Домашнев — «Рассуждение о пользе математики и физики», Соколов — теоретическую статью «О комедиях и трагедиях, что они исправляют или портят наши нравы». Все это возникло в школе как отражение прослушанных лекций, в обстановке постоянной заботы учителей о литературных делах студентов и постоянного напоминания им о высокой воспитательной роли литературы.

Произведения, опубликованные в последующих журналах, также находятся в зависимости от того, чему учил студентов университет. В «Свободных часах» — журнале, издававшемся следом за «Полезным увеселением», напечатана огромная научная статья «Опыт о историках», переведен-

---

[1] «Полезное увеселение», 1760, стр. 3.

ная как бы в дополнение к лекциям Барсова, указывавшего на поучительный интерес жизней «премудрейших из древности людей». Далее следует статья о московском наречии, утверждающая: московский язык «великолепием и изобилием своим никакому языку в свете не уступает, или, пристойнее, все красоты прочих языков в себе имеет».[1] Статья эта говорит нам, что борьба Поповского в защиту русского языка находила среди студентов отклик и сочувствие, вызывала желание продолжать ее вслед за своим учителем.

Но, при всем значении этого первого журнала Московского университета и последовавших за ним периодических изданий для литературной молодежи, следует помнить, что они объединяли вокруг себя далеко не всех интересующихся литературой гимназистов и студентов. Некоторая часть студентов, упражнявшихся в словесности, не идя в журналы и не обращаясь к Хераскову, ограничивалась своей собственной литературной средой. Среди наиболее крупных поэтов группы следует назвать Федора Козловского, Федора Карина и др. Как известно, незначительным и непринципиальным было участие в «Полезном увеселении» Фонвизина.

Было и еще одно место, манившее к себе некоторых гимназистов. Этим местом была книжная лавка университета, содержавшаяся Христианом-Людвигом Вевером. Открыв свою лавку в 1756 году, он не только снабжал книгами и учебными пособиями гимназии и университет, но и завязывал отношения, устанавливал связи с молодыми писателями. Интерес Вевера имел чисто коммерческий характер. Он хотел издавать книги, переведенные молодыми литераторами. Об этой стороне деятельности Вевера мы знаем очень мало. До сих пор был известен лишь один факт, которому не придавали большого значения, а факт очень важный, тем более, что он засвидетельствован Фонвизиным. В своих воспоминаниях писатель указывает: «В университете был тогда книгопродавец, который услышал от моих учителей, что я способен переводить книги. Сей книгопродавец предложил мне переводить Гольберговы басни; за труды обещал чужестранных книг на пятьдесят рублей. Сие подало мне надежду иметь со временем нужные мне книги за одни мои труды».[2]

---

[1] «Свободные часы», 1763, стр. 67.
[2] Д. Фонвизин, стр. 535.

Из этого заявления Фонвизина мы узнаем важные сведения: а) что именно учителя воспитывали в питомцах вкус к словесности и на своих занятиях обращали внимание на литературные способности учеников. Поэтому Вевер и узнал о способностях Фонвизина от учителей; б) Вевер не просто продавал книги, а интересовался литературными делами юношества, интересовался, правда, с меркантильными целями — издать с выгодой для себя какую-либо книгу; в) Фонвизина привлекла к себе эта работа именно благодаря практическому характеру условий — оплата за труд книгами.

Новые документы свидетельствуют, что Фонвизин был не единственным, кто завязывал практические связи с Вевером, на этот путь встал и Новиков.

Итак, воспитание любви к литературе в университете носило практический характер, что с особой силой проявилось в литературном движении гимназистов и студентов. Именно здесь, в литературной среде, в практической самостоятельной деятельности, окончательно закреплялись полученные в университете знания. Не случайно поэтому из числа первых учеников гимназии, участников этой литературной среды, вышло множество писателей, переводчиков, ученых, деятелей просвещения.

V

Здесь, в стенах университета, в кругу друзей, интересовавшихся литературой, и прошли гимназические годы Новикова. Выяснением, как, чему и сколько времени учился Новиков в гимназии и какое отношение к литературной среде он имел, теперь и предстоит заняться.

Сведений о времени поступления Новикова в гимназию у нас нет. Мы знаем достоверно лишь две даты: 1) в 1760 году он выбыл из гимназии; 2) в 1758 году был отмечен как достойный награждения. Именно эта вторая дата и должна стать отправной точкой в наших разысканиях. Обратимся к «Московским ведомостям», где в специальном «Прибавлении» № 38 за 12 мая 1758 года мы найдем список учеников гимназии, достойных награждения. Среди других имен обнаружим имя Новикова. Читая это «Прибавление» и реестр награжденных, обратим внима-

ние на один факт: списки учеников печатались по классам и школам. Имя Новикова стоит в числе учеников второго французского класса Николая Билона. Итак, газета дала нам новые сведения о Новикове — в 1758 году, оказывается, он был во втором классе французской школы. Что это значит? Обратимся к уставу и учебным планам гимназии. Узнаем: согласно инструкции Шувалова, гимназия ставила перед собой двоякую цель: «Намерение при заведении сих гимназий состоит в том, чтобы российское юношество обучать первым основаниям наук и, таким образом, приспособлять оное к слушанию профессорских лекций в университете; притом же тем родителям, которые не намерены детей своих определить к наукам, подается способ к обучению их иностранным языкам или одной какой-нибудь науке, от которой им в будущем состоянии их жития некоторая польза быть может».[1] Значит, гимназия была сложным по своей структуре учебным заведением, она готовила учеников, с одной стороны, для поступления в университет, а с другой, давала законченное среднее образование, приготовляя юношество к практической деятельности. Так, согласно § 31 устава, родители, которые «не хотят обучать детей своих латинскому языку и высшим наукам, а намерены их определить в купечество, к художествам или в военную службу, оные должны о сем наперед объявить, дабы по тому учение их расположить было можно».[2] Следовательно, разным целям подготовки соответствовали и разные программы. Познакомимся ближе с этими программами. Оказывается, гимназический курс, готовивший для поступления в университет, состоял: из одного класса русской школы, трех классов латинской школы и особого так называемого ректорского класса профессора Шадена, который непосредственно вводил в университетскую науку. Закончивший этот курс обучения ученик поступал в университет для освоения высших наук и подготовки себя к научной деятельности. Гимназический курс, дававший общее среднее образование, строился иначе: один класс русской школы, два класса французской или немецкой школы — по выбору учеников — и один или два класса, опять по выбору,

---

[1] С. Рождественский. Очерки по истории систем народного просвещения в России XVIII—XIX вв., СПБ., 1912, стр. 220.

[2] Там же, стр. 219.

школы «первых оснований наук». На этом образование заканчивалось, и гимназист выпускался подготовленным к практической деятельности.

Узнав эти сведения из устава гимназии, вернемся к извлеченному из «Московских ведомостей» факту: в 1758 году Новиков был среди отличившихся учеников второго класса французской школы. Раз Новиков учился во французском классе, значит, он поступил в гимназию не для подготовки в университет, а для получения среднего образования, готовился не к научной, а к практической деятельности. Вспомним, что, согласно уставу, родители обязаны были при определении в гимназию указать «о намерении, какое имеют при обучении своего сына». Иван Новиков, приведя своего сына в гимназию, определил его в школу общего образования для того, чтобы по ее окончании направить сына на военную службу.

Пойдем дальше. Если учебный 1757—58 год завершился для Новикова блестящим окончанием второго французского класса, то можно предположить, что в первом французском классе Новиков обучался в 1756—57 году. Возникает вопрос: когда же поступил Новиков в гимназию — в 1756 году прямо в первый французский класс или в 1755 году — в русский? Открытие университета в 1755 году вызвало сочувствие в широких дворянских кругах. Фонвизин указывает, что его отец «не мешкал, можно сказать, ни суток отдачей меня и брата моего в университет, как скоро он учрежден стал».[1] Родители Новикова жили под Москвой и имели собственный дом в Москве. Поэтому, когда встал вопрос о воспитании подросшего старшего сына Николая, они тоже вряд ли мешкали, а поспешили отдать его в университет. И куда мог поступить мальчик, получивший до этого образование у дьячка, как не в начальный класс русской школы? Это все позволяет предположить, что Новиков поступил в гимназию в 1755 году, сразу по ее открытии, как и Фонвизин.

Те же документы и, прежде всего, учебные программы помогут выяснить и то, чему учился Новиков в гимназии и почему он ушел из нее.

Как уже было сказано, Новиков был отдан родителями в гимназию для получения общего образования. Из двух

---

[1] Д. Фонвизин, стр. 533.

школ — немецкой и французской, как мы видели, была избрана последняя. Главное внимание в этой школе, согласно уставу, обращалось на изучение языков и усвоение основных знаний, нужных для практической деятельности. Об этом же говорит и расписание, определенное учебным планом. В течение первого года в русской школе изучались: русский язык, начатки латыни, арифметика. В первом классе французской школы круг предметов расширялся, увеличивалось число часов для изучения языков. По понедельникам, вторникам, четвергам и пятницам с семи до одиннадцати, то есть по четыре часа, преподавалось чтение и письмо французского языка. По средам и субботам — в те же часы — «разговоры, вокабулы, переводы». Во второй год обучения — год отличия Новикова — учебный план опять на первое место выдвигает язык. По понедельникам и четвергам с семи до одиннадцати читали иностранных авторов, делали переводы на русский язык, с четырех до шести писали по-французски, во вторник и пятницу — чтение русских авторов и перевод с русского на французский. По средам и субботам с семи до одиннадцати преподавался «штиль российский и сочинение писем». Кроме языковых предметов, преподавались: арифметика, геометрия, история, география, катехизис. Следует отметить, что в целях лучшего усвоения французского языка часть предметов читалась по-французски. Тот факт, что Новиков кончил французскую школу с отличием, окончательно решает вопрос о знании им иностранного языка.

По окончании французской школы, согласно уставу, Новиков поступал в школу первых оснований наук (два класса), в которой преподавались арифметика, геометрия, география, история и сокращенная философия. В этой школе Новиков провел два учебных года — 1758—59 и 1759—60. В этом же 1760 году и заканчивался полный курс обучения в гимназии, в этом же году Новиков должен был, получив среднее образование, итти по пути, избранному его отцом,— на военную службу. Вторая известная нам дата как раз и есть 1760 год. Нам неизвестно, почему Новиков не держал последних экзаменов, почему за несколько недель, может быть месяцев, до конца курса обучения он перестал посещать занятия. Но совершенно очевидно, что из формулы исключения, опубликованной в газете,— «за леность и нехождение в классы» — к Новикову

относится вторая часть. После успешных занятий незадолго до окончания не могла «леность» послужить причиной исключения. Можно предположить, что причиной непосещения гимназии Новиковым явились домашние обстоятельства: в 1760 году умер отец Новикова, и, видимо, семья, состоявшая из вдовы и трех маленьких детей, нуждалась в помощи. Действительно, окончив гимназию, Новиков не поступил, как должен был, сразу в гвардию, а провел дома целых два года, видимо занятый домашними делами.

Таковы факты, характеризующие учение Новикова. Поступив в год открытия Московского университета в гимназию для «благородных», он закончил курс, определенный выбором его отца, получил среднее образование, включавшее в себя знание французского языка, общеобразовательных предметов и сведений по истории и философии. Соученик Новикова Фонвизин, учившийся в параллельной немецкой школе, подытоживая свое пребывание в гимназии, пишет: «Как бы то ни было, я должен с благодарностью вспоминать университет. Ибо в нем, обучась по-латыни, положил основание некоторым моим знаниям. В нем научился я довольно немецкому языку, а паче всего в нем получил я вкус к словесным наукам».[1] Объективные данные — учебный план и отличные успехи по окончании французской школы — свидетельствуют, что с такой же благодарностью за получение основных знаний и изучение языка мог относиться и Новиков к Московскому университету.

Но если школьное образование, заложив основы знаний, сделало возможным дальнейшие самостоятельные занятия, определив их характер и направление, то литературная среда университета завершила формирование интересов, вкусов и, в конечном счете, выбора будущего поприща служения отечеству. Полученный многими учениками гимназии вкус к словесности во время школьных занятий углублялся и определялся окончательно именно в этой литературной среде.

Принимал ли участие Новиков в делах литературной молодежи? Был ли он в кругу молодых литераторов, жил ли этими интересами? Каких-либо прямых, безусловных свидетельств (как, например, у Фонвизина — делал переводы, печатался в журнале, сам рассказал о себе в «Чисто-

---

[1] Д. Фонвизин, стр. 534.

сердечном признании») у нас нет. И все-таки, несмотря на отсутствие прямых фактов и свидетельств, мне думается, постановка этого вопроса в научной биографии Новикова и законна и обоснованна. Тому доказательством может послужить сумма косвенных свидетельств.

Начну с традиционного в литературной науке 1769 года. Издание «Трутня» обнаружило в Новикове замечательного опытного писателя, человека немалых знаний и большой любви к литературе, отличного организатора, издателя нового типа, ориентирующегося не на избранное дворянство, а на «средний род людей» прежде всего. За всем этим безусловно ощущается опыт. Лучший журнал не мог вести новичок в литературе и издательском деле.

Об этом мы узнаем из прямого свидетельства Новикова — из его предисловия к журналу, носящего декларативный характер. В нем мы читаем: «Всякая служба не сходна с моею склонностию. Военная кажется мне очень беспокойною и угнетающею человечество: она нужна, и без нее никак не можно обойтися; она почтенна; но она не по моим склонностям. Приказная хлопотлива... И хотя она и по сие время еще гораздо наживна, но, однакож, она не по моим склонностям. Придворная всех покойнее и была бы легче всех, ежели бы не надлежало знать наизусть науку притворства... Сия служба блистательна, но очень скользка и скоро тускнеет; короче сказать, и она не по моим склонностям». И здесь опять перед нами результат опыта, итог прожитого и пережитого. Автобиографичность этого признания подкрепляется действительными поступками: именно за месяц до написания этих строк Новиков ушел в отставку с военной службы и отказался от какой-либо другой, открыв новый путь служения «общей пользе», согражданам и отечеству, путь общественно-литературный. Стоит отметить и тот факт, что, отказавшись от военной службы, Новиков в 24 года уходит с пути, определенного его отцом, и выбирает новую деятельность, видимо подсказанную воспитанием и всем предшествовавшим личным опытом.

Каков же был этот опыт? Исследование Семенникова [1] отодвинуло начало литературно-издательской деятельности

---

[1] В. Семенников. Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II, СПБ., 1914.

Новикова на три года. Им доказано, что в 1766 году, будучи фурьером лейб-гвардии Измайловского полка, Новиков издал реестр книг, продаваемых в книжной лавке на Морской улице, а затем взял на комиссию книгу Михаила Чулкова «Пересмешник или славенские сказки».[1] Обращу, со своей стороны, внимание на два обстоятельства: а) начало литературной деятельности Новикова ознаменовывается связью с книжными лавками — издание реестра, и б) первый известный нам писатель, с которым Новиков вступил в сношения, был его соученик Чулков, занимавшийся в гимназии для разночинцев, кстати, отличившийся вместе с Новиковым в том же 1758 году, о чем сообщалось в «Московских ведомостях».

После такого начала Новиков попробовал свои силы в самостоятельном издании книг. В том же 1766 году он выпускает «Две повести: Аристоноевы приключения и рождение людей Промифеевых». Книгу эту перевел Михаил Попов. Замечательно в этой книге приложенное от переводчика «Письмо к Николаю Ивановичу Новикову». Вот оно: «Государь мой! Дружба ваша и приязнь всегда для меня были драгоценны, и я их навсегда потщуся сберечь, они одни сильны были произвесть в моем сердце вечную к вам дружбу и почтение, но ваше доброе сердце и похвальная склонность к снисканию добродетели и учения, которое приобретает, наконец, человеку незыблемую славу, прилепляют к вам мою душу наиболее; и я вам равно не иным чем мог понравиться, как этою же самою склонностью, которая восхищает вашу душу; слабые ума моего производства были причиною вашего со мною знакомства, ими приобрел я к себе вашу любовь, и вы с тех пор удостоили меня вашим дружеством. Все мои слабые сочинения и переводы имели счастье вам нравиться: этому, может быть, не изрядство их было причиною, а дружеская ваша благосклонность. Как бы то ни было, только обещал я сообщать вам все мои сочинения, как собственные, так и преложенные с других языков».[2]

Чтобы понять и верно оценить это письмо, надо несколько сказать о Михаиле Попове, тем более, что, как известно, биографические сведения о нем крайне скудны.

---

[1] В. Семенников. Материалы для истории. . ., стр. 74.

[2] В. Семенников. Русские сатирические журналы, 1769—1774 гг., СПБ., 1914, стр. 43—44.

Архивные документы Комиссии 1767 года позволяют несколько пополнить биографию Попова. Определяющим документом должен служить формулярный список, заполненный Поповым в 1775 году (Попов после роспуска Большого Собрания продолжал работать в частной комиссии «о разборе родов государственных жителей»). В графе «возраст» формулярного списка обозначено — 33, профессия — из купцов, прохождение службы — заступил в придворную службу 2 апреля 1757 года, поступил в Комиссию 3 октября 1767 года; откуда — из студентов Московского университета.[1] Этот формулярный список позволяет нам установить неизвестную до сих пор дату рождения Попова — 1742 год. Придворная служба продолжалась до 1765 года, а уже с 1760 года Попов начал заниматься литературой. Видимо, в период 1762 (время приезда в Петербург Новикова) — 1765 (год поступления Попова в Московский университет) и состоялось их знакомство. «Письмо к Николаю Ивановичу Новикову» прямо указывает на уже сложившиеся личные и литературные отношения («слабые ума моего производства были причиною вашего со мною знакомства, ими приобрел я к себе вашу любовь, и вы с тех пор удостоили меня вашим дружеством»). Оказывается, что сразу по определении на военную службу и по прибытии в Петербург молодой солдат, а потом фурьер Измайловского полка, очутившись в чужом городе, не удовлетворившись средой гвардейцев, станет искать иной, и конечно привычной, а именно литературной. Так завязывается знакомство и отношения с Чулковым, а затем с Поповым.

Чрезвычайно важно для понимания дела отношение Попова к Новикову. Попов, старше Новикова на два года, уже вступивший на литературный путь, пишет о никому не известном фурьере Измайловского полка, двадцатидвухлетнем Новикове, с чувством глубокого уважения к его личным достоинствам. И действительно, из письма встает перед нами облик человека оригинального самобытного характера, серьезных знаний, убежденного в пользе наук и словесности, принципиального в личных отношениях и т. д.

Возвращаемся к этому изданию. Из письма Попова узнаем, что, согласно возникшему в этой дружбе условию,

---

[1] Гос. ист. архив в Ленинграде, фонд 1258, дело № 137, лист 35.

Новиков потребовал от Попова, чтобы тот отдавал ему свои сочинения для издания, и Попов согласился на это. Новиков был всегда практическим человеком и если давал обещание, то всегда исполнял его. И действительно, книга «Две повести» и была им выпущена в 1766 году. Факты, предшествовавшие этому изданию, также заслуживают внимания. Как я уже сказал, осенью 1765 года Попов поступил в Московский университет и уехал из Петербурга. По свидетельству же новонайденных архивных документов, Новиков в самом начале 1766 года ездил из Петербурга в Москву, и прежде всего в университет. В университете Новикову оказался нужным не только новый друг — студент Попов. Свою самостоятельную издательскую деятельность Новиков решает начать с использования своих старых университетских связей. Прибыв в Москву, он отправляется к книгопродавцу университетской лавки Христиану Веверу. Здесь он получает не только нужный совет, но, главное, помощь. Новиков просит, и Вевер выдает ему под вексель 120 рублей серебром. Вот этот вексель, сохранившийся в делах Комиссии по Уложению:

Копия, Москва, Февраля 13-го дня 1766 года.

ВЕКСЕЛЬ НА 120 РУБЛЕЙ

В три месяца, считая от сего тысяща семьсот шестьдесят шестого года, по сему моему одинакому векселю повинен я заплатить императорского Московского университета книгодержателю Христиану-Людвиг Веверу или кому он прикажет ходячею российскою серебряною монетою денег 120 рублев. Толикое число получил от него сполна. Векселедавец лейб-гвардии Измайловского полку

фуриер Николай Иванов сын Новиков.[1]

Совершенно очевидно, что Вевер не мог дать деньги первому встречному. Он дал тому, кого давно знал, в ком давно видел и любовь к книге и склонность к практическим делам. Деньги получены 13 февраля. Вскоре вышла книга Попова. Питомец университета при поддержке университета начал книгоиздательскую деятельность.

---

[1] Гос. ист. архив в Л-де, ф. 1258, д. № 133, кн. 3, л. 118.

Как видим, накапливавшийся до «Трутня» издательский опыт, как и складывавшаяся в столице среда ведут нас к Московскому университету, к годам учения в гимназии. Помня все сказанное, вернемся непосредственно к годам учения Новикова в гимназии, к 1755—1760-м, и попробуем решить вопрос о связях Новикова с литературной молодежью дополнением к вышесказанному новой суммы косвенных доказательств.

Прежде всего о товарищеской среде. Обратимся к эпохе работы в Комиссии, поскольку архивные документы совершенно точно отвечают на этот вопрос. Для ведения письменных дел в Комиссии из трех гвардейских полков — Измайловского, Преображенского и Конного — была назначена группа образованных офицеров, среди которых подавляющее число — бывшие воспитанники гимназии, соученики Новикова: Федор Козловский, Александр Бешенцев, Петр Соймонов, Петр Толбузин, Николай Карин, Федор Карин, Сергей Домашнев, Василий и Федор Шишковы, Михайло Лыков и др. Туда же, в Комиссию, были назначены студент Михаил Попов и литератор, старше по возрасту, чем все остальные, не входивший в группу гимназических любителей словесности, но печатавшийся в «Полезном увеселении» Василий Майков. В Комиссии образовалось своего рода землячество. Вряд ли случайно, что в частную комиссию о среднем роде людей попали Новиков, Соймонов, Лыков — все трое служившие в одном Измайловском полку, а до того обучавшиеся в гимназии. С Майковым у Новикова в пору Комиссии и следующие за ней годы теплые, дружеские отношения. Вряд ли они возникли только в Комиссии.

Для определения отношения Новикова к гимназическим литераторам обратимся к показаниям самого Новикова, в изобилии разбросанным в его «Опыте исторического словаря о российских писателях». Прежде всего мы обнаружим в этом словаре большую группу поэтов и переводчиков — бывших гимназистов, соучеников Новикова. Этот факт помог Новикову и в составлении их биографий. Сплошь и рядом Новиков использует сведения и материалы личного знакомства с тем или иным писателем. Этот принцип открыто выявлен в словаре в одном принципиальном случае. Рассказывая биографию человека мало известного не только русским читателям, но и русским писателям, Федора Эмина,

он специально указывает, что использует для биографии его факт личного знакомства. Присмотримся теперь внимательно к тому, что сообщает и как пишет Новиков о писателях — бывших гимназистах, в 1755—1760 годах учившихся вместе с ним.

Федор Козловский. Биография дана очень пространно, изобилует определениями нравственных достоинств поэта, сообщаются подробности, могущие быть известными только узкому кругу лиц. Так, Новиков пишет: «Был добрый и хороший господин», имел «непреодолимую врожденную склонность ко словесным наукам и упражнялся в них с самого еще детства». Стоит напомнить, что Козловский, упражняясь в словесности, не печатался в университетских журналах; вместе с тем Новиков знает, что̀ он писал, что̀ не кончил, что̀ не напечатал. «Начал было он писать трагедию «Сумбека», содержание ко оной взяв из казанской истории; но она не окончена». Указывая, что в 1769 году Козловский был отправлен курьером к графу Орлову в Италию, Новиков сообщает о намерении молодого поэта «заехать к славному европейскому писателю г. Волтеру», которым он «чрезмерно восхищался». В этом последнем утверждении совершенно ясно проступает личная осведомленность, которая могла быть только следствием дружеских отношений. Это дружеское участие особо чувствуется в сообщении о смерти Козловского, где в каждом слове таится горечь личной утраты. «Смерть его оплакивали искренно не только друзья его, но и знакомые, так, как честного, разумного и добродетельного человека. В честь ему и в засвидетельствование его достоинств восплакали музы трех российских стихотворцев». Далее были приведены стихи Майкова и Хераскова, стихи старых москвичей, старых друзей. Вся статья эта — дань Новикова своему рано скончавшемуся другу.[1]

Те же сведения, обличающие знание частностей личной биографии, заключены в статьях о трех братьях Кариных — Александре, Николае и Федоре. Александр Карин,— говорит Новиков,— «превеликий любитель словесных наук, искусен довольно в некоторых иностранных и во своем природном языке». Далее следуют сведения,

[1] «Опыт исторического словаря о российских писателях», СПБ., 1772, стр. 102—106.

могущие быть известными только при личном общении: «Имел... библиотеку из наилучших иностранных и российских книг», «сочинил комедию «Россиянин, возвратившийся из Франции» и начал было писать трагедию, но, не докончив оной, умер; а комедия его хотя и довольно похваляется, но в свет еще не издана». Это свидетельство о знании Новиковым судьбы незаконченной трагедии очень важно.[1] Комедия, несомненно, написана после гимназии, то есть в петербургский период, когда Александр Карин с 1762 года служил в лейб-гвардии Конном полку. Это тем более примечательно. Круг Новикова после переезда в Петербург определялся, прежде всего, прежними старыми знакомыми — Козловский, Чулков, Карин. Те же личные впечатления звучат и в характеристике двух других братьев — Николая и Федора, с которыми Новиков не только учился, но и служил в Комиссии.

Николай Хрущов, товарищ по гимназии и службе в гвардии. О нем сказано: «Написал несколько изрядных и нежных стихотворений, а напечатанных известно мне только сатирическое «Письмо о желаниях» в ежемесячном сочинении «Полезное увеселение».[2] Здесь открыто указывается на то, что ему, Новикову, лично известны и ненапечатанные сочинения, которым он даже дает оценку («изрядные, нежные»). Знать же он их мог только в пору гимназических дружеских отношений, ибо Хрущов умер рано.

Заслуживают быть указанными еще два факта, относящиеся, правда, уже не к характеристике отношений с молодыми воспитанниками университета, а с его профессором. К числу наиболее развернутых характеристик словаря относится статья о Поповском. В ней любовно собран биографический материал, подробно рассказано о его литературной деятельности, дана высокая оценка его успехов в словесности, говорится о его чрезвычайной требовательности к себе. Для Новикова Поповский — «человек острый, ученый и совершенно искусный в стихотворстве». Он переводит «с совершенным искусством, как философ и стихотворец». «Умер он не старее 30 лет от рождения, к сугубому сожалению любителей российского стихотворства, ибо ли-

---

[1] «Опыт исторического словаря о российских писателях», стр. 92.
[2] Там же, стр. 239.

шилися в нем одного из лучших стихотворца». И о Поповском Новиков сообщает сведения, свидетельствующие или о близком знакомстве, или о специальном собирании сведений об этом человеке. Так сообщается: «За несколько дней до смерти своей, к великому сожалению, всех их (сочинения.— *Г. М.*) сжег, почитая не довольно исправными к изданию в свет и опасаяся, чтобы друзья его по смерти не напечатали их».[1] Здесь же заключено указание, что ему известно все написанное Поповским, все произнесенные в публичных собраниях речи, из которых напечатана только одна в «Ежемесячных сочинениях» 1755 года.

Небезынтересно, наконец, упомянуть о факте, свидетельствующем о памяти, сохранившейся в университете о Новикове. В 1771 году в университете было открыто «Вольное российское собрание», которое, наконец, придало организационные формы литературному движению, возникшему с момента основания университета. Непременным секретарем общества с 1771 по 1789 год был профессор Антон Барсов. Вскоре по заведении Собрания, по инициативе Барсова, в его члены был принят Николай Новиков.

Все приведенные свидетельства бесспорно устанавливают факт многочисленных связей Новикова с университетом в годы учения, связей настолько органических, что они не прекращались и после переезда в столицу.

Современники, знавшие Новикова в семидесятые годы, характеризуют его как «страстного любителя письмен» (М. Муравьев). Эту влюбленность в словесность, в знания, в книгу мы наблюдаем уже в 1766 году: связь с писателями, первые издания. Думается, что именно гимназия дала знания, патриотическая атмосфера университета определила на всю жизнь в Новикове чувство национальной гордости, воспитала готовность служить делу русского просвещения. Литературная среда университета ускорила процесс созревания личности, направила в практическое русло любовь к словесности, пробудила в соревновании талант писателя и, в конечном счете, определила будущее поприще писателя, издателя, просветителя, собирателя общественно-литературных сил, с детства привыкшего находиться в окружении единомышленников. Вот почему, поступив по воле родителей в гвардию и в первые же годы поняв, что эта

---

[1] «Опыт исторического словаря о российских писателях», стр. 169.

служба — не по склонностям, что она «угнетает человечество», он, еще будучи солдатом лейб-гвардии Измайловского полка, стал переходить на тот путь служения «общей пользе», который был определен в московскую пору.

Но литературно-издательская деятельность шестидесятых годов решительно, и прежде всего в идейном отношении, отличается от общественных позиций, с которых было начато издание «Трутня». Это не случайно. Именно в эти годы произошли крупные события, определившие основной идейный облик русской литературы и общественной мысли этих лет. Новиков попал в самый центр этих событий. Они-то и завершили его воспитание, становление его мировоззрения, определили его натуру как натуру неутомимого и страстного бойца. Этими событиями были — созыв, работа и разгон Комиссии по составлению Уложения. Вот почему, прежде чем перейти к характеристике «Трутня», необходимо заняться историей Комиссии, выяснить значение ее для Новикова.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

28 июня 1762 года, опираясь на гвардейские полки, Екатерина совершила переворот, захватив власть в свои руки. Из гвардейских полков особенную помощь оказал Измайловский — тот, в котором служил Новиков. Так восемнадцатилетний солдат, бывший воспитанник университета, начал общественно-политическую деятельность в качестве одного из «делателей» монарха.

7 июля 1762 года в церквах столицы читался торжественный манифест новой императрицы Екатерины II. Все

в этом манифесте было необычным и достойным удивления: утверждение новых принципов власти и заискивание перед народом, оправдания и обещания и, главное, самодержавным тоном сделанное неслыханное дотоле обличение самодержавства Петра III. «Самовластительный государь Петр III,— говорилось в манифесте,— ненавистью к отечеству, презрением к православию, старанием отечество в чужие руки отдать», «развращением всего того, что великий в свете монарх (Петр I.— *Г. М.*) в России установил», прихотью самовластия «законы в государстве все пренебрег, судейские места и дела презрел», открытием «кровопролитной» «и государству Российскому крайне бесполезной» войны возбудил «неудовольствие народное», довел «все отечество» до того, что оно «к мятежу неминуемому» стало «наклоняться».[1]

Обличая правление Петра III, новый монарх объявлял и свое, дотоле неслыханное определение природы самодержавия, исключавшее «необузданное самовластие». «Самовластие, не обузданное добрыми и человеколюбивыми качествами, в государе, владеющем самодержавно, есть такое зло, которое многим пагубным следствиям непосредственно бывает причиною».[2] Кончался же манифест почти прямым обещанием реформ: «Мы всех наших верных подданных обнадеживаем всемилостивейше», что вся власть будет употреблена на «соблюдение нашего православного закона», на «укрепление и защищение любезного отечества», на «сохранение правосудия и искоренение зла и всяких неправд и утеснений». Но монарх не удовлетворился этим и здесь же провозгласил: «Наиторжественнейше обещаем нашим императорским словом узаконить такие государственные установления, по которым бы правительство нашего любезного отечества в своей силе и принадлежащих границах течение свое имело так, чтобы и в потомки каждое государственное место имело свои пределы и законы к соблюдению доброго во всем порядка».[3]

Манифест этот был первой победой дворянской общественности; власть вынуждена была оправдываться, обе-

---

[1] В. Бильбасов. История Екатерины II, т. II, СПБ., 1891, стр. 78.
[2] Там же, стр. 76.
[3] Там же, стр. 76—82.

щать, итти навстречу отовсюду выдвигаемым требованиям — ограничения самодержавия «фундаментальными законами», необходимости судебных реформ, упорядочения отношений между помещиком и крестьянином.

Формирование дворянской общественности определялось ростом настроений, оппозиционных по отношению к деспотической практике русского самодержавия, к его неистово жестокой рабовладельческой политике. Из года в год уже в царствование Елизаветы растут силы оппозиции. Политическое лицо оппозиции неоднородное. Здесь и дворянские либералы разных политических убеждений: и братья Панины со своей группой — сторонники «фундаментальных законов», и Воронцовы — приверженцы идеи ограничения власти русского самодержца на английский лад, и общественно-активная группа дворянских идеологов, возглавляемая Сумароковым и Херасковым, и Щербатов со своей аристократической и воинствующе-крепостнической программой, и некоторые представители гвардии — инструмента дворцовых переворотов, отражавшие интересы мелкопоместного дворянства, и т. д. Всех их — недовольных практикой русского самодержавия — объединяло, несомненно, единое, часто своекорыстное чувство дворянской классовой солидарности. Они фрондировали и либеральничали с позиций защиты прежде всего своих дворянских интересов.

И вместе с тем многое в фрондерстве некоторых либералов (Панины, Воронцовы), в их стремлении ослабить власть самодержца и, прежде всего, их требование приостановить превращение крепостного права в рабство носило объективно прогрессивный характер. Их хлопоты о нормализации существующих отношений между помещиком и крестьянином определялись, в конечном счете, желанием сохранить крепостное право, так как существовавшее рабство все более и более вызывало крестьянское возмущение, которое могло со временем кончиться полной катастрофой для крепостнического государства.

Наряду с этим дворянским либерализмом формировалась в эту пору оппозиция разночинско-демократических деятелей. Уже в елизаветинское время Ломоносов создавал и отстаивал свое независимое от правительства положение, всей своей просветительской деятельностью противореча практике государства. Не случайно занявшая престол

Екатерина II вынуждена была оставить свои попытки подчинить себе Ломоносова и поставить его «на свое место» чиновника.

Долгое время эти демократические голоса безмолвствовали, их почти не было слышно. Но созданная в 1767 году Комиссия по Уложению показала, что стала складываться новая оппозиция, в которую входили новые демократические силы, что в недрах России уже созрела отличная от дворянской идеология. Начиная с 1767 года, общественность обновилась. В числе принципиально новых деятелей мы видим и философа и депутата Якова Козельского, и защитника крестьян Коробьина, и сатирика, просветителя журналиста Новикова, и воспитанника университета молодого ученого Десницкого, и, наконец, молодого ненавистника рабства Радищева. Различная социальная почва питала этих деятелей, но их всех объединяло одно — требование социальных и политических изменений в России, изменения положения крестьянства прежде всего. Их деятельность лишена всякого своекорыстия.

Определяющим фактором формирования русского оппозиционного общественного мнения — дворянского и демократического — был крестьянский вопрос, нарастающие противоречия между крестьянином и помещиком. Зреющие силы крестьянской революции прорывались пока что отдельными из года в год увеличивающимися восстаниями. Вступив на престол, Екатерина II потому считалась с деятелями оппозиции, делала демагогические уступки общественности, ибо отлично понимала, что̀, в конечном счете, стоит за нею. Чувство могущей вот-вот разразиться грозы появилось у Екатерины с первого дня царствования, поэтому она наставляла обер-прокурора Вяземского: «Всякая малость может привести крестьян в отчаяние. Прошу быть весьма осторожну, дабы не ускорить и без того довольно грозящую беду, ибо если мы не согласимся на уменьшение жестокостей и умерение человеческому роду нетерпимого положения, то против нашей воли оную возьмут рано или поздно».

Крестьянский вопрос был главным во всей политической жизни России той эпохи. Готовившиеся выступить на историческую арену новые русские просветители не могли не выразить в своих воззрениях и в своей деятельности самых коренных общественных вопросов — крестьян-

ского вопроса, возрастающей тяжести порабощения. Вот почему начало царствования Екатерины II знаменуется подачей и разработкой проектов по крестьянскому вопросу — П. Панина, князя Д. Голицына. Вот почему в 1766 году Екатерина II устраивает конкурс на решение того же вопроса — о правах крестьян владеть собственностью. Вот почему крестьянский вопрос будет центральным в работах Комиссии, и вот почему он появится на страницах печати, с тем, чтобы уже более никогда не сходить с них.

Появление оформившейся дворянской общественности было исторически новым явлением в русской жизни; с ним пришлось столкнуться вступившей на престол Екатерине II. Штудирование французских философов, которым она занималась на досуге в годы унылого супружества с Петром Федоровичем, пригодилось как нельзя кстати. Ей было очевидно, что царствовать на старый манер, по примеру Елизаветы и тем более Петра III, нельзя. В век просвещения приходилось считаться с общественным мнением. Считаться же, в понимании Екатерины II, значило овладеть этим общественным мнением, подчинить его своему влиянию и руководству, обратить на службу и защиту своей политики. Чтоб исполнить эти намерения, необходимо было наметить особую, новую политику. Так созрел грандиозный план демонстративного просветительства: Россия и Запад должны были на протяжении нескольких лет держаться в напряженном состоянии ожидания великих реформ, будто бы долженствовавших по воле монарха изменить экономический и общественно-политический облик русской империи.

II

Бесспорным идейным законодателем, главным экспортером идей в середине XVIII столетия была Франция. «Великие мужи, подготовившие во Франции умы для восприятия грядущей могучей революции. . .»,[1] и в частности Вольтер, Дидро, Руссо, Гольбах, Даламбер и другие, были общепризнанными руководителями мирового передового общественного мнения. И вот Екатерина, видя, что в 60-е

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIV, стр. 357.

годы идеи просвещения естественно находили довольно широкий отклик и в умах многих передовых деятелей русской культуры, решает начать с Франции, с покорения «республики философов», чтобы затем легче было добиться скорейшей победы у себя дома. Так началась борьба Екатерины за подчинение европейского и русского общественного мнения, борьба, продолжавшаяся более двух десятков лет, принесшая ей лавры победительницы над корифеями просвещения и непрерывные, следовавшие одно за другим, поражения у себя, внутри страны.

Никто лучше самой Екатерины не сумел определить смысл ее просветительства как преднамеренную, обдуманную тактику лжи и обмана, тактику монарха, живущего в новых исторических условиях, условиях века просвещения. Так, например, наблюдая и оценивая события начавшейся французской революции, Екатерина, как ей казалось, сразу поняла слабую сторону политики Людовика XVI: он шел против течения, пренебрег общественностью, восстановил ее против себя, вместо того чтобы подчинить ее задачам своего царствования. Ослепленная удачами своих отношений с просветителями Франции, стараясь не замечать неудач со своими русскими деятелями, она в разговоре с Храповицким по поводу роли Лафайета в начавшейся революции так определила свою просветительскую политику 60—70-х годов:

«Со вступления на престол я всегда думала, что ферманташии там быть должно; ныне не умели пользоваться расположением умов: Ла Фаэта честолюбивого взяла бы к себе и сделала своим защитником! Заметь, что делала здесь с восшествия».[1]

Слова «взяла бы к себе и сделала своим защитником» отнюдь не преувеличение. Они на редкость точно характеризуют роль Екатерины в тех далеко не равных отношениях, которые возникли у нее с корифеями просвещения. Бесспорно, эти отношения имеют свою довольно сложную историю, полную противоречий, богатую свидетельствами обоюдного влияния сторон. Но несомненным является и тот факт, что активной стороной в этих отношениях была русская императрица, что она определяла их тон и характер, что не просветители русскую императрицу, а русская импе-

[1] Дневник Храповицкого, СПБ., 1874, стр. 303.

ратрица просветителей сделала орудием своей политики, своими защитниками, своими трубадурами.

В чем же причина такого положения? Только ли в опытности и политическом лицемерии Екатерины, в ее «отвратительном фиглярстве в сношениях с философами ее столетия» (Пушкин)? Думаю, что нет. Секрет успеха просветительской политики Екатерины должно искать прежде всего в системе идей самих просветителей.

Дальновидность Екатерины сказалась, конечно, в том, что она сумела из суммы идей французского просвещения, из противоречивых, подчас даже враждующих и борющихся друг с другом учений и теорий, среди многих действительно освободительных мнений избрать целую систему воззрений, да к тому же исповедуемую почти всеми философами от Вольтера до Дидро, от Гольбаха до Гримма, которая была в теоретическом отношении самой слабой, в политическом — самой безопасной. Привлекло Екатерину социально-политическое учение энциклопедистов. Философы и писатели — одни радикальные, другие революционные в вопросах философии, религии, учения о природе,— смело вызывавшие всю окружающую и ненавистную им феодальную действительность на суд разума, неистово штурмовавшие небо, провозглашавшие великие принципы свободы, оказывались беспомощными, когда переходили к вопросам социальным, вопросам истории, к объяснению механизма переустройства человеческого общества. Идеализм в познании общественной жизни, буржуазная ограниченность, рождавшая страх перед народной революцией,— вот что, в конечном счете, определило формирование политической концепции просветителей, их мечты об идеальном просвещенном монархе, о великом вожде, который, восприняв их учение, окажется единственной силой, способной осуществить это учение в своей законодательной практике, благодетельствуя тем самым человечество, терпеливо и покорно ждущее прихода этого избранника.

Действительно, для Вольтера именно просвещенный абсолютизм представлялся желанной формой государственного устройства, а философ мыслился им, прежде всего, как советчик при монархе, как вдохновитель мудрых законов, преобразующих общественный порядок.

В счастливый случай, дарующий народу «просвещенного монарха», верил Гольбах. «Велением судьбы,— писал он,—

на троне могут оказаться просвещенные, справедливые, мужественные, добродетельные монархи, которые, познав истинную причину человеческих бедствий, попытаются исцелить их по указаниям мудрости».[1]

В одной из радикальнейших материалистических книг эпохи, книге Гельвеция «О человеке», выражается все та же надежда на приход великого законодателя, «благодетеля человеческого рода», жаждущего действовать по скрижалям философа. «Редко, но все же неизбежно в известный данный промежуток времени рождаются такие люди, как Пен, как Манко-Копако, дающие законы нарождающимся обществам. Но предположим еще более редкую вещь, а именно, что такой человек, ревнивый к новой славе, захотел бы в качестве друга человечества увековечить свое имя в потомстве и, заботясь поэтому более о составлении своих законов и о счастье народов, чем об увеличении своего могущества, этот человек захотел бы сделать людей счастливыми, а не рабами. Тогда нет никакого сомнения. . . что он нашел бы в установленных мною выше принципах зародыш нового законодательства, более соответствующего счастью человечества».[2] Страстная вера философа, не знающего других путей общественного преобразования, слышна и в следующих словах Гельвеция: «Как утверждают мудрецы, все возможности должны в течение более или менее долгого времени осуществиться. Почему же отчаиваться в будущем счастье человечества?»[3]

Дидро разделял эту веру Гельвеция. Больше того, он счел себя обязанным поддержать ее в своих «Опровержениях книги Гельвеция «Человек», а эти «Опровержения» писались им в Гааге в знаменательный момент его жизни. Как известно, в Гааге он был проездом из Петербурга, куда летал на крыльях все той же веры. Возвращался он не утратив надежд, что в лице Екатерины, может быть, нашелся этот долгожданный избранник философов. Видимо подогретый личным общением с «просвещенной» северной Семирамидой, он в ответ на сомнение Гельвеция — придет ли этот мудрый законодатель — с жаром восклицал: «Он придет, он придет когда-нибудь, тот справедливый, просве-

---

[1] Гольбах. Система природы, стр. 430.
[2] Гельвеций. О человеке, М., 1938, стр. 336.
[3] Там же.

щенный, сильный человек, которого вы ждете, потому что время приносит с собою все, что возможно, а такой человек возможен».[1]

Такие убеждения порождали соответственную тактику. «Проводить свои цели при дворе, осуществлять их при помощи государей — такая тактика характеризует определенную историческую, и довольно продолжительную фазу развития буржуазного просвещения. Государи и их дворы остаются всегда для этого просвещения только средствами для осуществления их целей».[2]

Именно на этой теоретической основе просвещения и построила Екатерина свою политику овладения европейским общественным мнением. Характерно в этом отношении прямое свидетельство Екатерины в письме к Гримму в период французской революции, когда отношения с ним стали доверительными; она писала: «Я должна вам сделать вопрос: что сделают французы со своими лучшими писателями, которые почти все жили в царствование Людовика XIV? Все они, и даже Вольтер,— приверженцы королевской власти и проповедуют порядок и спокойствие, а это прямо противоположно системе гидры о тысяче двухстах головах» [3] (Национальное собрание.— *Г. М.*). Сознание, что все эти страшные вольнодумцы — в сущности сторонники монархии, проповедующие мирный путь к общественному благу, и определило политику Екатерины в отношении просветительства, определило ее ведущую роль в возникших личных отношениях с энциклопедистами, сделало ее изобретательной и дерзкой во всех затеваемых гнусных демонстративных действиях.

Вступив на престол в достаточной мере начитанной в просветительской литературе ее времени, она сразу начала действовать смело и широко. В первый же год она спешит установить личные взаимоотношения со всеми крупными философами той поры, открыто провозглашая себя их ученицей и последовательницей. Эти свои заявления она подкрепляет серией практических дел. Все просветители жаждали быть советчиками при государе. Вступив в переписку

---

[1] Д. Дидро. Сочинения, т. II, М., 1946, стр. 323.

[2] Ф. Меринг. Лит. крит. статьи, т. I, М.—Л., 1934, стр. 740—741.

[3] Сборник русск. историч. общества, т. XXIII. Переписка Екатерины с Гриммом, стр. 500.

с Вольтером, Даламбером, Дидро и Гриммом, она всячески облегчает философам исполнение их мечтаний. Больше того: она приглашает их в Россию, приглашает ко двору, обещая приблизить к себе, изъявляет желание отдать своего сына, будущего императора, на воспитание к любому из них. Перед лицом всей Европы Екатерина заявляла — пожалуйста, вот вам случай, исполняйте задуманное, просвещайте ум и сердце будущего законодателя, лепите его характер по своему желанию.

Наблюдая преследования энциклопедистов во Франции, она изъявляет готовность предоставить возможности для продолжения крамольного издания у себя, в России. Узнав об одолевавшей Дидро нужде, она находит благовидный предлог и жертвует такую крупную сумму, которая уже свидетельствует не только о поддержке философа, но и его великого труда.

С понятным волнением следила «республика философов» за этими действиями. В самом деле, веря в принцип просвещенной монархии, все эти люди отлично знали, что реальная жизнь, фактическая история не балует человечество подобными феноменами. Поэтому Дидро, выражая общее настроение, писал: «Философ знает: сменится пятьдесят королей, прежде чем он дождется такого, который воспользуется его трудами».[1] И вдруг эта поистине царская щедрость Екатерины, это смирение, это настойчивое требование, чтобы ею руководили, чтобы ей помогали, чтобы ей давали советы.

Вольтер спешит выразить свою радость Дидро: «Ну вот, прославленный философ, что скажете вы о русской императрице? .. В какое время живем мы! Франция преследует философию, скифы ей покровительствуют». Он же торжественно сообщает Екатерине о признании ее «республикой философов»: «Всякая черта вашей руки есть памятник славы вашей. Дидерот, Даламберт и я созидаем вам алтари».[2] Через два месяца это заявление подтверждается с новой силой: «Ученые мужи будут еще при жизни вашей боготворить вас».[3] Еще через месяц: «Полагая себя в числе

---

[1] Д. Дидро, т. X, стр. 264.
[2] «Переписка российской императрицы Екатерины II и г. Вольтера», М., 1803, стр. 18.
[3] Там же.

имеющих рассудок, умру, признавая себя в душе моей подданным вашего императорского величества, благодетельницы рода человеческого».[1]

Вольтер писал из Фернея, Даламбер — из Парижа: «Вся литературная Европа рукоплескала, государыня, отличному выражению уважения и милости, оказанному вашим императорским величеством г. Дидро... я умоляю ваше императорское величество принять мои всепокорнейшие благодарения за то, что вами сделано в этом случае для него, для философии и для литературы».[2]

Наиболее восторженным было письмо Дидро: «Великая царица, простираюсь у ваших ног, протягиваю вам мои руки; хотел бы говорить с вами, но мое сердце сжимается, кружится голова, путаются мысли, я тронут, как ребенок...»

Так ответили просветители на первые действия Екатерины. С годами этот энтузиазм не проходил. Данное Вольтером слово создавать общими усилиями «алтарь» Екатерине было сдержано с пылом, заслуживавшим лучшего применения. По прошествии почти десяти лет после этих событий Дидро уведомлял Екатерину в очередной раз о выполнении философами взятых на себя обязательств о непрерывном воскурении ей фимиама, о создании ей славы просвещенной монархини: «В Париже нет ни одного честного человека, ни одного человека, наделенного душою и разумом, который не был бы поклонником вашего величества. Все академии на вашей стороне, все философы, все литераторы, и они не скрывают того. Они прославили ваше величие, ваши добродетели, ваши таланты, вашу доброту, те усилия, с которыми вы насаждаете науку и искусство в вашей стране, ваши деяния во время войны и во время мира».[3] Такие письма ободряли Екатерину, они являлись живым свидетельством победоносного завоевания самого передового общественного мнения Европы.

Идя навстречу требованиям русской дворянской общественности, побаиваясь мужицкого бунта, Екатерина затевает созыв Комиссии по составлению нового Уложения.

---

[1] «Переписка российской императрицы Екатерины II и г. Вольтера», стр. 18.

[2] Сборник русск. историч. общества, т. X, стр. 44.

[3] Д. Дидро, т. X, стр. 85.

Комиссия была созвана в 1767 году. Подготовка к ней началась за несколько лет, и главным в этой подготовке было создание европейского авторитета мудрому начинанию монарха. Началось все с письменного уведомления философов. Затем, на протяжении нескольких лет, они держались в курсе всех подготовительных дел; сообщалось им и главное: для определения задач и содержания работы законодательной Комиссии она, Екатерина, пишет Наказ, который по окончании будет немедленно прислан учителям. И вот Наказ готов, немедленно переводится и отправляется и в Париж и в Ферней. Наказ произвел должный фурор и взрыв нового энтузиазма. В самом деле, пропитанный весь духом просветительской философии, использующий дорогую сердцу философов терминологию, он к тому же наполовину был просто списан с книг их единомышленников, и Монтескье в первую очередь. И тот факт, что Екатерина не стесняясь вписывала в с в о й Наказ целые страницы из книги Монтескье «Дух законов», был особенно важен, особенно знаменателен и для Вольтера, и для Дидро, и для Даламбера: это значило, что русская императрица признавала свое желание практически осуществлять в форме законодательства открытые философами истины и системы. Это свое желание она подтвердила и частным образом в письме к Даламберу: «Книга Монтескье... служит мне молитвенником».[1]

Как только Вольтер, Дидро и Даламбер узнают о начале работ Комиссии, они начинают неустанно давать советы Екатерине, свято веруя, что именно их совета и ожидает русская императрица. Больше того, они сами хотят прибыть в Петербург, чтобы принять личное участие в составлении законодательства для России. Вольтер обсуждает в письмах к Екатерине вопрос об условиях своего приезда в Россию, жалуясь, что по болезни он вынужден временно задержаться. Дидро сетует на свою занятость по делам Энциклопедии, привязывающей его к Парижу. Но, верные своему восприятию образа Екатерины, они делегируют в Россию известного юриста Мерсье де ла Ривьера. Представитель энциклопедистов, поспешно собравшись, умчался

---

[1] В. Бильбасов. Исторические монографии, т. IV, СПБ., 1901, стр. 43.

в Россию с целью не только принести «благо и пользу» русскому государству, но и «всему человечеству». Должно сказать при этом, что выбор этого человека не случаен для просветителей. Мерсье де ла Ривьер известен был своими двумя нашумевшими в Европе сочинениями как монархист, проповедующий идею, что только абсолютная монархия может обеспечить счастье народа. Он же выступал в свое время против республики Руссо и даже против конституционной монархии Монтескье.

Закончив свои дела с Энциклопедией, Дидро на старости лет от советов переходит к прямым действиям — отправляется из Парижа в далекое путешествие — в Россию. Живя в Петербурге несколько месяцев, Дидро напряженно работает над десятками проектов для Екатерины и Комиссии; погруженный в дела, долженствовавшие осчастливить Россию, он даже ни на минуту не усомнился в серьезности намерений Екатерины II — и это в 1773 году! Обращает на себя внимание и тот факт, что за все время пребывания в Петербурге Дидро не захотел встретиться с деятелями русской культуры, установить отношения с русскими писателями. Царский дворец как место свершения проектов своих и своих друзей был избран им принципиально, в соответствии с его убеждениями. Показателем степени доверия энциклопедистов широковещательным, рекламным проектам Екатерины II служит любопытнейшее письмо приятеля Дидро — Гримма госпоже Неккер: «Во всем мире, быть может, один только я определенно знаю цель царствования Екатерины. Эта цель заключается в уничтожении деспотизма и в предоставлении со временем русскому народу свободы. Говорю «со временем», так как и этот драгоценный плод, как все плоды вообще, не может быть предлагаем незрелым».[1]

Все эти действия Екатерины сыграли значительную и печальную роль в утверждении и широком распространении в Европе концепции просвещенного абсолютизма. Умозрительно возникшая, эта теория, может быть, не оказалась бы такой долговечной и была бы скорее изжита и отброшена французским обществом и самими философами, если бы не эта деятельность Екатерины, не эта ее игра в просве-

---

[1] В. Бильбасов. Исторические монографии, т. IV, стр. 234.

щенного монарха. Размах, широта действий русской императрицы как бы подчеркнули реальность этой теории, утвердили ее жизненность. Связанные с Екатериной лично, руководители умов Франции и Европы сами обольщались, вследствие желания видеть исполненными свои мечты. Вот отчего эти великие люди многого не замечали, на многое закрывали глаза, стремясь всей душой прежде всего увидеть то, что хотелось видеть. Вот почему они так доверчиво отнеслись и к Комиссии 1767 года.

Славу и авторитет, завоеванные у энциклопедистов, покорение «республики философов», неустанные труды корифеев просвещения по воздвижению «алтаря» русскому «просвещенному» абсолютизму и решила русская императрица использовать для осуществления второй части своего плана — овладения общественным мнением России. Этой цели служили и демонстративные переводы просветительских изданий или при участии самой Екатерины, или по ее заказу, и покровительство помещичьему «вольтерьянству», и создание Вольно-Экономического общества с целью привлечь общественное мнение к решению экономических проблем России. Созыв Комиссии по составлению нового Уложения должен был окончательно подкупить русское общество, наглядно продемонстрировав волю и инициативу самой императрицы в деле преобразования страны. Русское дворянское просвещение, имевшее тенденцию противопоставить себя правительству, по мысли Екатерины, должно было при помощи доктрины просвещенного абсолютизма быть приручено, приведено к повиновению, приучено (при помощи европейских авторитетов) видеть в царице действительного духовного вождя нации, того законодателя, чьей рукой водит сама мудрость.

III

19 декабря 1766 года был подписан и передан Сенату манифест о созыве в Москве Комиссии по составлению нового Уложения. 30 декабря манифест был вручен генерал-полицмейстеру Гагарину, и в тот же день с небывалой дотоле активностью заработала пропагандистская правительственная машина. Немедленно во всех частях столицы «че-

рез посланных офицеров» в наиболее людных местах под барабанный бой «учинена публикация». После прочтения «многим требующим обывателям» розданы экземпляры манифеста для личного пользования. Для тех же, кто не успел услышать полицейской публикации, манифест был прибит на видных местах «для прочтения желающих», причем у каждого манифеста выставлены «от полиции канцелярские служители для прочтения не умеющему читать народу». На другой день, в воскресенье 31 декабря, во всех церквах по окончании литургии собравшимся прихожанам торжественно был возвещен манифест русской самодержицы. 7 января, в следующее воскресенье, манифест читался вторично.

Следом за манифестом шли другие документы, обряды и инструкции. Через ту же полицию все население уведомлялось о подготовке к избранию депутата от Санкт-Петербурга и составлению этому депутату наказа, для чего жители столицы обязаны «заблаговременно иметь сношения и советы между собой, какие именно нужды в тот наказ внесть, для чего и сочинили б записки».[1]

Вероятно, удивлению жителей не было предела. В самом деле, самодержавное правительство через полицию уведомляло своих подданных, что они обязаны собираться для обсуждения нужд и жалоб на государственный аппарат с тем, чтобы сочинить потом записку своему депутату, который бы, в свою очередь, об этих «нуждах и отягощениях» доложил перед лицом собрания народных избранников. Все эти события, несомненно, развязывали общественную инициативу.

Но чтение манифеста и составление записок было только началом. Следующим этапом была церемония избрания депутата. В специально отведенном для этой цели дворце графа Строганова протекали эти многостепенные выборы. Все, имеющие право выбора, должны были сначала избрать выборщиков, а эти выборщики — депутатов. Выборщики приходили в Строгановский дворец и размещались в отведенном помещении по своеобразно-«демократическому» принципу — не по социально-имущественному положению, а по семейному: на первых лавках сидели женатые, имею-

---

[1] «Санкт-Петербургские ведомости», Прибавление, 19 января 1767 г.

щие детей, позади них — женатые бездетные и, наконец, холостые. Оказывалось, впереди сидели купец и ремесленник, а позади братья всесильного фаворита холостые Владимир и Алексей Орловы.

Процедура избрания была публичной. Множество людей забивало покои дворца, чтобы поглядеть и послушать все происходящее. Газета сообщала, что «для любопытства, а паче от усердия» «посторонних людей было при том собрании с начала до окончания число превеликое безотлучно».[1] В чем же состояло главное содержание и смысл всей этой раздутой парадной шумихи вокруг Комиссии? Ответ дают обряды проведения всех выборов и газетная правительственная информация об этих процедурах. Посмотрим, как проходили эти собрания. Собравшимся выборщикам читался манифест о Комиссии. Слушали манифест стоя: «. . .при начатии оного все жители, став, стояли до прочтения оного, а по прочтении оного поклонились низко в знак благодарения ее императорскому величеству за всещедрые милости и сочинение манифеста».[2] Так начиналась процедура избрания депутата, завершалась же она еще торжественнее — специально организованным, тщательно подготовленным актом — многодневным обсуждением проекта увековечивания деяний Екатерины «внешним знаком». Вот как об этой процедуре сообщает правительственная газета: движимые верноподданническим чувством жители Санкт-Петербурга, «видя милосердые о пользе и благотворении всех ее величества подданных матерние попечения и испытав собственным своим восчувствованием, сколь беспримерны высокомонаршие ее императорского величества к ним щедроты, обязанными себя признают и усердное желание имеют, уверены будучи и о прочей своей собратии, внешним знаком изобразить впечатленную в сердцах их всеподданнейшую благодарность сооружением от города сего. . . монумента».[3]

Вот, оказывается, в чем дело, вот для чего была затеяна вся эта демонстрация. Надо было собрать подданных для того, чтобы внушить им чувство благодарности к своей императрице, «мудрой», «заботливой матери отечества», и

---

[1] «Санкт-Петерб. ведомости», Прибавление, 19 января 1767 г.
[2] Там же.
[3] Там же, Прибавление, 27 февраля 1767 г.

заставить их в припадке искусственно вызванных верноподданнических чувств ставить ей по Российской империи «внешние знаки» — монументы.

Совершенно очевидно, что Комиссия была нужна императрице как средство для достижения определенных политических целей, и прежде всего для распространения в России легенды о Екатерине — просвещенном монархе. Если во Франции дело сложилось просто и просветители сами взяли на себя труд создавать «алтари», то в России приходилось все делать самой: и формулировать эту идею, и популяризировать ее в условиях, способствующих наилучшему усвоению заданного урока (Комиссия собиралась, как было объявлено, для учета нужд народа), и, главное, убедить в этом передовое русское общество. С этой же целью была предпринята и частная поездка по Волге накануне открытия Комиссии, в дни, когда повсюду избирались депутаты, составлялись наказы, обсуждались отягощения. Во время этой поездки сотни депутаций приветствовали Екатерину, произнося речи все на ту же тему: Екатерина — просвещенный монарх.

Но все это было только приступом; главное должно было начаться со дня открытия Комиссии. Опираясь на просветительский тезис, что «нужно долго приуготовлять умы и для самых лучших законов»,[1] Екатерина могла не бояться созванных ею депутатов. Торопиться с выработкой новых законов, а тем более с их проведением в жизнь было незачем — даже вольнодумные философы советовали быть осторожной и медлительной. Но созыв Комиссии был оглушающе убедительным доказательством действительности серьезных намерений русской императрицы. Это обстоятельство необходимо было использовать, прежде всего, для прочного внедрения в умы русского общества идеи о просветительском характере екатерининского самодержавства. Депутатам, избранникам нации, вменялось в обязанность громогласно, «перед лицом всего света», «создавать алтарь» Екатерине II в России. Поэтому так подробно была разработана вся процедура работ Комиссии, кстати сказать, определенная Обрядом, написанным самой самодержицей.

---

[1] Монтескье. О существе законов, ч. III, М., 1810, стр. 53.

Важное место во всей этой процедуре должно было занимать открытие заседаний Комиссии. Съехавшихся со всех концов Российской империи депутатов нужно было сразу поразить и твердой рукой увлечь в затеянную игру. 31 июля 1767 года прибывшие в Москву депутаты были приглашены в Успенский собор для торжественного богослужения. В церкви среди депутатов присутствовала сама Екатерина. По окончании службы избранники были приведены к присяге, пообещав «приложить чистосердечное старание в великом деле сочинения проекта нового Уложения». Затем депутаты отправились в Кремль, где в Грановитой палате восседавшая на троне и окруженная свитой придворных Екатерина открыла заседание Комиссии. Состоялась церемония передачи Наказа, затем началось многодневное чтение его. После прочтения депутатам было предложено обсудить важнейшую тему: как отблагодарить императрицу за мудрую и человеколюбивую заботу о благе России и ее подданных. После долгих обсуждений решено было поднести ей титул «великой, премудрой матери отечества». Избранная депутация отправилась подносить титул. Екатерина II, выслушав панегирические речи, решила сделать еще одну демагогическую демонстрацию и отреклась от титула, желая предстать перед подданными скромным человеком, самодержцем-тружеником, неустанно работающим только для одной цели: сделать русских людей счастливыми. Ответ гласил: «О названиях, кои вы предлагаете мне, отвечаю: великая — о моих делах оставляю беспристрастно судить истории и потомству; премудрая — никак себя такой назвать не могу, ибо премудр — один только бог; мать отечества — любить богом мне врученных подданных я почитаю за долг моего звания, быть ими любимою есть мое желание».

Возвратившаяся депутация доложила подробно обо всем общему собранию. Отказ подал повод к новым речам о достоинствах русского монарха. Обо всем этом правительственная газета «Санкт-Петербургские ведомости» подробно сообщала, стараясь выполнить указание — представить Екатерину «перед лицом всего света» в так полюбившемся ей обличии просвещенного монарха. А время шло и шло, а депутаты все более втягивались в отвратительную «фарсу».

Наконец, исполнив все, что предписывалось, депутаты приступили к работе. За спиной маршала Бибикова, руко-

водившего заседаниями Большого Собрания, стояла Екатерина, зорко и неусыпно наблюдавшая за деятельностью Комиссии. Огорчения пришли неожиданно. После двух месяцев работы в рамках строго предписанного Обряда Екатерина вдруг стала замечать, что множество депутатов относится к своим обязанностям более чем серьезно, что они возомнили себя призванными к составлению действительных законов; получив вкус к новым обязанностям, они проявляли неуместную активность. Явно не желая удовлетворяться только славословиями, они выступали по вопросам, их волновавшим, отчаянно спорили во время заседаний Большого Собрания, толковали на свой лад монарший Наказ, подавали письменные мнения и примечания, постоянно проявляя при этом «самовольство». Об Екатерине как бы забывали. Особенно эта новая и неприятная тенденция проявилась в сентябре 1767 года, когда были затеяны споры о правах «благородных». Необходимо было принимать срочные меры. Екатерина требует от Бибикова крутых мер и строгого отношения к депутатам, приказывает чаще оглашать на заседаниях статьи Обряда и напоминать, что обязанность депутатов быть благопристойными и благодарными. Но это помогало мало. Необходимо было найти способ заставить всю Комиссию вновь заняться ею, Екатериной, заставить депутатов создавать ей «алтарь». И Екатерина придумала способ вмешательства в работу Комиссии, способ определять нужное ей направление работы: она стала периодически вносить дополнения в Наказ, обставив торжественной процедурой чтение этих дополнений.

Закрыв заседания Комиссии в Москве и переведя депутатов в столицу, Екатерина приурочила к началу работ здесь свое первое дополнение — «О благочинии, называемом инако полициею». Вот во что вылился частный и, в сущности, ничтожный случай. После торжественного объявления маршала о получении Комиссией дополнения к Наказу оно было оглашено. Затем началось обсуждение вопроса, как отблагодарить самодержицу за этот новый человеколюбивый подвиг. Решено было выслать депутацию «для принесения всеподданнейшего благодарения за новый опыт всегдашнего и непрестанного о блаженстве подданных ее промысла и попечения». Избрав депутацию, Комиссия поручила маршалу просить Екатерину «допустить ее пред себя». На другой день заседание открылось сообщением маршала,

«что ее императорское величество желание Комиссии с благоволением приняла и всевысочайше указать изволила — сего дня в 6 часов пополудни допустить пред себя избранную депутацию для принесения всеподданнейшего именем всей Комиссии благодарения».[1]

После этого приступили к выработке и утверждению текста благодарственной от имени Комиссии речи. Принятая и прочтенная на Комиссии речь включала в себя следующие формулы: «Сие дополнение есть новый драгоценный опыт премудрости», или: «Всемилостивейшая государыня! воздать за такие благодеяния не есть в силе человеческой; но долг предписывает нам ревностно и рачением нашим удостоверить весь свет, какими чувствованиями сердца наши преисполнены к священной вашего императорского величества особе».[2]

Так вновь в течение трех заседаний Комиссия работала на Екатерину. «Санкт-Петербургские ведомости» в пространных отчетах опять оповестили весь свет о подвигах Екатерины, стремясь, опираясь на авторитет Комиссии и ее депутатов, выдать эту легенду, творимую самой Екатериной II, за мнение общества.

Через полтора месяца, в апреле, работа Комиссии была вновь приостановлена: господин маршал объявил собранию, что ее императорское величество соизволила прислать в Комиссию новое дополнение, составляющее XXII главу Наказа.[3] Строго придерживаясь выработанной инструкции, Бибиков повторил в точности все, что было уже раньше: дополнение читалось, депутация избиралась, текст речи вырабатывался, и т. д. и т. п. По возвращении от Екатерины депутация отчиталась перед Комиссией. В новой приветственной речи читаем, что уже после опубликования большого Наказа «Россия была несказанно обрадована», «все говорили — Россия преблагополучна»; «но как скоро сие собрание увидело новый плод вашей премудрости и попечения о России, сие, умножая в нем удивление, привело в некоторый род восторга: то радость, то ожидание, чтоб услышать предписывающую наше благополучие монархиню».[4]

---

[1] «Санкт-Петерб. ведомости», март 1768 г.
[2] Там же.
[3] Там же, 16 мая.
[4] Там же.

Через три месяца, в августе, было прислано новое дополнение, на этот раз к Обряду. А в декабре, убедившись, с одной стороны, что, несмотря на вмешательство, многие депутаты продолжают действовать в нежелательном направлении, а с другой, в достаточной мере использовав авторитет Комиссии для достижения заранее поставленных целей,— Екатерина Комиссию распустила.

IV

В атмосфере напряженных общественно-политических интересов проходили петербургские годы Новикова. Русское, и прежде всего столичное, общество жило в эти дни интенсивной идейной жизнью. Коренные вопросы государственного и политического бытия России стали предметом обсуждения. Проблемы блага человека и нации волновали тем больше, чем настойчивее обещала русская самодержица удовлетворение законных требований своих подданных. Все жили надеждами, все горели желанием принять участие в этих поистине исторических событиях. Характерно в этом отношении свидетельство английского посла Шерлея, доносившего в Лондон, что русские не хотят ни о чем ни говорить, ни думать, как только о Наказе своей государыни и о депутатском съезде в Москве.[1]

Это состояние умов отразилось и на характере предисловия «К благосклонному читателю», написанного Яковом Козельским к своей книге «Философические предложения». Важен уже сам факт обращения Козельского к молодым людям, «любящим правду и сходных с автором мыслей». Вот их-то и уверяет он, что «философия направляет в юношестве волнующиеся в них и кипящие страсти к общему добру, утверждает мужество в постоянной добродетели». Оценивая возросшую общественную активность, Козельский пишет: «Обращаю речь мою к вам, любезные, в искании прямой добродетели и прямого разума товарищи россияне»; помните,— продолжает он,— что «теперь изобильная жатва важных для нас дел, теперь время, благоспешествующее вашему благополучию», поэтому «потщитесь всеми силами умов ваших поднять должные труды на при-

---

[1] Сборник русск. историч. общества, т. XII, стр. 304.

готовление сердец собратии нашей к явственнейшему познанию чувствуемого уже нами того попечения, которое предпринимает российская мать отечества, чтоб показать свету пример на России, что благополучие целых народов есть не невозможное дело».[1]

Новиков в эти годы не был одинок; снова вокруг него были его прежние московские друзья. Вряд ли настроение его и его друзей не соответствовало всеобщему, вряд ли оно было тайной для окружающих, и, в частности, для гвардейского начальства. Не зная об этом ничего достоверного, считаю необходимым обратить внимание на некоторые факты, едва ли случайные. Они заслуживают внимания еще и потому, что освещают наиболее темные места биографии Новикова. Когда шумная кампания вокруг Комиссии завершилась избранием депутатов, перед Екатериной II встал вопрос о практической организации ее работ. Руководителем депутатского собрания, маршалом, Екатерина решила назначить Бибикова. По его и Вяземского советам и рекомендациям подбирался огромный штат «для ведения письменных дел». На этих работников Комиссии возлагалась чрезвычайно важная обязанность — вести протоколы заседаний общих и частных комиссий, составлять реестры наказов, выписки и сводки из существующего законодательства, формулировать статьи проектов законов и т. д. На такую должность могли быть назначены люди с широким образованием, знакомые хотя бы с общими основаниями юриспруденции и, прежде всего, имеющие опыт и навык в словесных науках. Понятно, что все эти сотрудники должны были быть хоть в какой-то мере «волнуемы страстями к общему добру». Таких людей мог дать прежде всего университет. И действительно, формулярные списки сотрудников Комиссии убеждают нас в этом,— около 80% состоявших у «письменных дел» — или студенты университета, или окончившие университет и поступившие в гвардию. Тот факт, что маршал Бибиков являлся премьер-майором Измайловского полка, то есть тесным образом был связан с гвардией, кажется мне, предопределил замещение главных должностей в Комиссии гвардейцами, учившимися в университете.

---

[1] «Философические предложения, сочиненные надворным советником и правительствующего Сената секретарем Яковом Козельским в Санкт-Петербурге», 1768.

Приведу извлеченный из архива Комиссии документ об откомандировании группы офицеров гвардии для работы в Комиссии. Здесь не только имя Новикова, но и имена его старых гимназических товарищей:

Ея императорского величества от дежурного генерала-адъютанта господину генералу прокурору князю Александру Алексеевичу Вяземскому.

По высочайшему ея императорского величества повелению, пред сим июля 30 от полков гвардии и от других команд требовано разных чинов для письменных дел у сочинения проекта нового Уложения. Вследствии оного ж высочайшего повеления и ныне требовано к тому числу отправить из полков гвардии еще некоторых обер и унтер офицеров, коим всем как прежде, так и ныне требованным велено для исправления помянутых письменных дел, явясь у вашего сиятельства, быть в ваших наставлениях, о чем для знания сим вашему сиятельству сообщается, а для видения прилагается именной список.

Граф Разумовский.

1767 г. 17 августа.

Далее следовало приложение:

ИМЕННОЙ СПИСОК

Требованных от полков гвардии и других команд разных чинов по исправлению письменных дел у сочинения проекта нового Уложения лейб-гвардии полков:

Преображенского — порутчик князь Федор Козловский.

Семеновского — подпорутчик князь Василий Енгалычев; сержанты Бешенцов, Николай Запышной, Алексей Ярославов, Григорей Вавилов.

Измайловского — капитан-порутчик Николай Леонтьев; квартермейстер Александр Павлов, прапорщик Петр Соймонов; каптенармусы Федор Шишков, Петр Толбузин, Николай Новиков.

Конного — подпорутчик Николай Григорьев сын Карин; офицер Степан Ерголской; вахмистр Федор Карин.

Отставные секунд-майоры армии — Иван Герасимов сын Домашнев, Василей Новостонов, Астраханского пехотного полку капитан Михайла Голенищев-Кутузов.

Рязанского карабинерного полку ротмистр Василий Полянский, Новгородского полку поручтик Сергей Домашнев, отставной титулярный советник Василий Шишков, Московского университета студент Владычин.

Всего двадцать два человека.

Секретарь *Афанасий Лобысевич.*[1]

Так годы общего подъема идейной жизни закономерно завершились для Новикова тем, что он попал в центр политических событий — в Комиссию, попал опять не один, а все в том же окружении своих гимназических друзей. При этом важно подчеркнуть, что большая часть гимназических питомцев — литераторы: Федор Козловский, Николай и Федор Карины, Сергей Домашнев и др. Здесь же и писатели, с которыми Новиков познакомился в Измайловском полку, например Николай Леонтьев, издавший в 1766 году книгу басен, сочувственно встреченную Новиковым. Стоит, наконец, указать, что и секретарь — Афанасий Лобысевич, подписавший этот именной список и, видимо, как-то причастный к отбору кандидатов для ведения письменных дел в Комиссии,— тоже писатель, сотрудничавший в свое время в «Трудолюбивой пчеле».

С конца августа всех новоприбывших уже включили в работу Комиссии. Федор Козловский и Николай Карин были определены соответственно сочинителем и помощником сочинителя в экспедиционную комиссию. Несколько позже, когда была образована новая частная комиссия «о разборе родов государственных жителей», Козловский был переведен туда в качестве сочинителя, а помощником ему был дан давний друг Новикова, взятый из университета студент Михаил Попов. Сочинителем в главную частную комиссию, которой подчинялись все остальные,— дирекционную, был назначен Василий Майков. В комиссию «о среднем роде людей» держателем дневной записки — Новиков, его помощником — Михайло Лыков, сочинителем — Петр Соймонов,— все его соученики и сослуживцы по гвардии. В другие комиссии (их всех было 19) были определены Бешенцев, Баталзин, Федор Карин и все остальные. Новиков, помимо работы в частной комиссии,

---

[1] Гос. ист. архив в Л-де, ф. 1258, д. № 110, л. 93—94.

которая начала свои собрания 23 сентября 1767 года, состоял еще держателем дневной записки Большого Собрания.

Обязанности держателя дневной записки были трудными и весьма ответственными. Находясь в прямом подчинении у руководителей Комиссии, маршала Бибикова и директора дневной записки Шувалова, он был связующим звеном между депутатами и маршалом. Ведя протокол собрания, имея инструкцию точно и ясно записывать мысль выступавшего депутата, держатель дневной записки выполнял еще и множество других функций. Так, например, если депутат желал принять участие в диспуте, то он обязан был подойти к держателю записки и записаться у него или подать свой «голос» в письменном виде. Эту запись держатель записки показывал маршалу, и тот, руководствуясь ею, предоставлял слово депутату.

По окончании собрания, которое обычно открывалось в десять утра и кончалось от двенадцати до двух, держатель записки должен был показать протокол директору Шувалову. Помимо Шувалова, записку читала сама Екатерина, особенно в дни страстных прений. Но и этим не ограничивались обязанности держателя дневной записки. Ему полагалось делать выписки из речей депутатов и отправлять их в те частные комиссии, которые занимались вопросами, затронутыми в выступлении того или иного депутата. Наконец, на обязанности держателя дневной записки было и составление ежемесячных отчетов о работах Комиссии в газету «Санкт-Петербургские ведомости». Эта работа имела особое демонстративное значение и потому велась под непосредственным наблюдением самой Екатерины. Она сама определила, что газетные отчеты должны строиться по типу статей английских газет о работе парламента. «Господин предводитель! При сем посылаю к вам журналы английского парламента, дабы вы могли приказать оные прочесть тому, кому поручите сделать выписку ежемесячную из ваших дневных записок для напечатания при Ведомостях. Екатерина».[1]

В дни, когда не работало Большое Собрание, заседали частные комиссии. В комиссии «о среднем роде людей» Новиков вел дневную запись ее заседаниям и составлял

---

[1] «Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибикова», СПБ., 1817, стр. 108.

реестры из многочисленных наказов. Часть наказов, в том числе крестьянских, была зачитана на Большом Собрании, потом было приказано составить «Реестр материям, содержащимся в наказах» и разослать его по всем частным комиссиям для руководства во время выработки проектов законов.

Крепостные не были допущены в Комиссию. Однако их интересы и нужды были записаны в наказах их собратьев — государственных и черносошных крестьян, экономическое положение которых мало отличалось от уровня жизни помещичьих. Каждая страница крестьянских наказов была заполнена словами — «отягощение», «неудобности», «притеснение», «несправедливости», «бедствия», «бесчеловечность» и т. д. и т. п. Нищая, бедствующая и бесправная Россия, в лице своего главного труженика — крестьянина, взывала к уму и сердцу депутатов, не требуя, но умоляя их вступиться за нее.

«Реестр материям, по которым собраны пункты из наказов однодворческих, пахотных солдат, черносошных и государственных крестьян и прочих хлебопашцев» [1] — это толстая книга, заключающая в себе свод крестьянских нужд. Интересна она еще и тем, что в ней как бы проведено безмолвное голосование миллионов крестьян по самым животрепещущим вопросам. Под каждой нуждой в этой книге стоит перечень наказов от тех провинций и губерний, в которых эта нужда давала себя более всего знать. Так, например, более трехсот наказов под графой «О хлебопашестве, о неудобствах в оном и какие большие причины бывают к хлебному недороду». Затронутый в этих наказах вопрос был животрепещущим для крестьян всех состояний. Если положение не крепостных во время недородов было ужасным, потому что их бросали на произвол судьбы, то положение помещичьих крестьян было безвыходным — помещик не только не помогал своим крепостным, но еще исправнее собирал подати. «О изнеможениях вообще, какие имеют жители в рассуждении их к хлебопашеству» — высказалось 200 наказов. «О малоземелии», порожденном тем, что дворяне, используя местные власти, самовольно отрезают у крестьян их долю земельного надела,— 226 наказов. «О непроизведении работ в воскресенье и праздничные

---

[1] Гос. ист. архив в Л-де, ф. 1258, д. № 152.

дни» вопияли наказы Казанской губернии, Пензенской провинции и других областей.

Читая этот «Реестр», нетрудно было прийти к мысли, что «нужды и отягощения» носят не случайный, частный характер, что они порождены всей системой крепостничества. А Новиков читал этот «Реестр» не раз, и перед ним, молодым человеком, городским жителем (годы в университете он жил в Москве, годы службы в гвардии — в Петербурге) не могла не открыться крестьянская Россия с ее горем, нищетой, изнеможением, бесправием. Его «человеколюбивое сердце» не могло не откликнуться на этот вопль России, вопль тех «нижнего рода людей», «которые живут в селах и деревнях, упражняясь в земледелии, и тем питают как самих себя, так и всякого сословия людей, а некоторые из оных упражняются только в ловле всякого рода зверей, птиц и рыб. И сей есть их жребий»,[1] — как записано о крестьянах в проекте прав «нижнего рода государственных жителей».

Несомненно, именно наказы Комиссии открыли Новикову глаза на положение крестьянства и дали обильный фактический материал об его нуждах и отягощениях. В самом деле, сразу же после Комиссии он начинает писать в «Трутне», а затем и в «Живописце» как раз о тех нуждах, которые были записаны в наказах.

Заявляя в «Трутне» о том, что он к «состоянию крестьян чувствителен», Новиков пишет:

о малоземелии («Нахрапцов нас здесь разоряет и землю отрезал по самые наши гумна, некуда и курицы выпустить»);

протестует против работы в воскресные и праздничные дни («Взавтра воскресенье, и вы, конечно, на работу не пойдете, так мы поговорим побольше.— И! родимый! — сказал крестьянин,— как не работать в воскресенье!»);

говорит о жестоком требовании помещика собирать с крестьян оброк во время недородов («Крестьяне скудны, взять негде, нынешним годом хлеб не родился, насилу могли семена в гумны собрать. Да бог посетил нас скотским падежом, скотина почти вся повалилась») и т. д. и т. п.

---

[1] Гос. ист. архив в Л-де, ф. 1258, д. № 220, ч. 1, л. 360.

Чтение крестьянских наказов запомнилось Новикову на всю жизнь. Известно например, что в неурожайный 1787 год, через 20 лет после работы в Комиссии, Новиков, видя, что крестьяне, как и обычно, были брошены на произвол судьбы, организовал общественную помощь голодающим, а затем создал в селах магазины, которые должны были накапливать общественный хлебный фонд, используя его для помощи бедным и, главное, во время недородов. Это не было выдумкой Новикова: он просто исполнил то, что уже давно созрело у народа, то, с чем его представители обращались в Комиссию. В том же «Реестре» мы находим наказы от трех губерний — Новгородской, Сибирской и Архангелогородской — «О учреждении хлебных казенных магазинов, о покупке во оные у казны провианта и о продаже оного с отдачей издержанных казенных расходов».[1]

Главным в работах Комиссии была, бесспорно, деятельность Большого Собрания. Здесь читались наказы, здесь обсуждались поставленные властью и демократическими депутатами вопросы, здесь разгорались битвы, здесь определялся характер и содержание работ всех частных комиссий. Изучение дневных записок Большого Собрания позволяет сделать вывод, что из множества частных проблем две оказались определяющими, заполнившими большинство заседаний, вызвавшими самые ожесточенные диспуты: этими проблемами были права дворянства и права крестьянства.

Вопрос о дворянстве, о его правах возник в сентябре 1767 года и дискутировался всю осень, а затем был передан в комиссию «о государственных родах» для сочинения проекта прав благородных. Комиссия «о государственных родах» занималась этим вопросом до июля 1768 года и представила проект (подписанный сочинителем Козловским) для обсуждения на Большое Собрание. И снова возникла напряженная дискуссия, продолжавшаяся почти до самого закрытия Комиссии.

Крестьянская проблема возникала беспрестанно при обсуждении разных других вопросов, всегда как косвенная тема, ибо специально ею Екатерина заниматься не позволила бы. В мае 1768 года она возникла при обсуждении частного вопроса о законах против беглых крестьян, но

---

[1] Гос. ист. архив в Л-де, ф. 1258, д. № 152, л. 6.

благодаря решительному выступлению депутата Григория Коробьина оказалась в центре работ всей Комиссии. После долгого и скандального обсуждения этот вопрос также был передан в комиссию «о государственных родах», которая к декабрю месяцу и подготовила первый вариант проекта (так и не рассмотренный собранием) «О нижнем роде государственных жителей» (подписано сочинительским помощником Михаилом Поповым).

Обсуждение Комиссией этих двух вопросов разделило ее на два враждебных лагеря. Дворянские лидеры пытались добиться дальнейшего укрепления своих прав и своей власти, пытались совсем предотвратить возможность какой-либо регламентации правительством их взаимоотношений со своими крестьянами. Демократические депутаты со всей решительностью отстаивали необходимость безотлагательного вмешательства власти в отношения помещиков и крестьян — с целью ограничения прав дворянства и защиты «питателей всякого состояния людей». Они поставили вопрос о дворянской жестокости, о бесчеловечных притеснениях лишенного всякой защиты крепостного, о неслыханных разорительных отягощениях. Как видим, Комиссия оказалась втянутой в обсуждение самых коренных вопросов экономической и политической жизни России тех лет, несомненно отражая зревший в недрах народа естественный и закономерный протест против установившегося института рабства. Выступления демократических депутатов по крестьянскому вопросу, как бы ни были они осторожны, как ни ограниченны были их требования, все же связаны в своей основе с грядущим пугачевским движением.

Новиков и его ближайшие друзья в продолжение полутора лет ежедневно, с раннего утра до поздней ночи, занимались именно этими коренными вопросами, внимательно изучали их, документируя их показаниями крестьян, составляли проекты, выписки из речей депутатов и т. д. Но Комиссия не только познакомила Новикова с фактами, не только ввела его в курс важнейших общественно-политических интересов. Она явилась школой гражданского воспитания, она научила отстаивать свою точку зрения в борьбе с противником, она открыла ему великую силу общественности, она, наконец, убедила его, что есть в России среда, есть в России люди, есть в России читатели, думающие

так же, как и он, враждебные эгоистическому своекорыстию помещиков, аристократическому читателю эклог, элегий, торжественных од о воцарившемся в России золотом веке.

Созыв Комиссии был, безусловно, крупной ошибкой Екатерины, просчетом в ее игре, объясняемым полным непониманием положения дел в России, традиционным пренебрежением к русской культуре, литературе, общественной мысли. Запад, и прежде всего Франция, как идейный законодатель — это другое дело, его можно и стоило бояться, с ним нужно было считаться. Что могла Россия? Выдвинуть небольшую фрондерскую группу Панина? Но из борьбы, затеянной императрицей в первые годы царствования, именно она, Екатерина, а не Панин, вышла победительницей. Таков был ход мыслей императрицы, и вот почему она так, в сущности, легкомысленно подошла к созыву Комиссии и к определению ее состава. Предоставив большинство мест недворянам, она полагала, видимо, что из глухих углов России, городов и провинций, прибудут темные, необразованные депутаты; ослепленные царским величием и широковещательными обещаниями русской самодержицы, они будут послушно играть предписанную им роль в ловко разыгрываемой «фарсе».

К 31 июля 1767 года в Москву съехались депутаты. Из них 28 были назначены от правительственных учреждений, 161 выбраны дворянами, 207 представляли города, преимущественно купцов, 57 — от казачьих войск, 112 — от пахотных солдат, черносошных крестьян, однодворцев и иноверцев.[1] Самым важным в работе Комиссии оказалось присутствие более ста депутатов от податных крестьян. Все они привезли с собой наказы избирателей, которые наполнены были скорбным перечнем нужд и забот. И главное, приехали они сюда с вполне деловым намерением заняться составлением таких законов, которые бы покончили дело с отягощением и утвердили начала справедливости для всех сословий. Россия оказалась способной по первому же требованию выдвинуть не один десяток людей государственно мыслящих, готовых к борьбе и защите своих прав, умеющих пробиваться сквозь строй хитросплетений многочисленных указов, постановлений, Наказа императрицы,

---

[1] «Записка сколько и кому знаков выдано». Гос. ист. архив в Л-де, ф. 1258, д. № 110, л. 111.

речей образованных дворян с их ссылками на различные юридические документы и т. д. Об этом боевом духе демократически настроенных депутатов, совершенно не приходивших «в некоторый род восторга» от мудрости самодержицы, отлично написал сын маршала Комиссии Бибикова: «Некоторые из них (депутатов.— *Г. М.*), увлеченные вольнодумием, ухищрялись предписывать законы верховной власти, другие предлагали уничтожить рабство».[1]

На первых же заседаниях выявились лидеры разных социальных группировок, с которыми соглашались представляемые ими группы депутатов, выражая свое согласие подачей мнений или, как тогда говорили, письменных «голосов» в защиту или против выдвинутой оратором точки зрения.

Со стороны дворянства в первых рядах были князь Щербатов, Семен Нарышкин, Михайла Глазов, князь Вяземский и ряд других. Демократический лагерь выдвинул целую группу политических деятелей, доселе никому неведомых, прекрасных ораторов, умевших настойчиво и принципиально защищать свои предложения и подавать «примечания». Этими деятелями были: крестьянин Чупров, казак Алейников, пахотные солдаты Жеребцов и Селиванов, однодворец Маслов и ряд других. К этому демократическому лагерю присоединились: дворянин Григорий Коробьин, философ-просветитель Яков Козельский, депутат города Дерпта ученый Урсинус.

Во время прений стало ясно, что в опрометчиво собранной Комиссии оказалось немало прогрессивно настроенных деятелей России. Тем самым она как бы превращалась в своего рода съезд, в идейный центр русской демократической мысли, своими работами свидетельствовавший «перед всем светом», что есть в России независимая от правительства, противостоящая сословной дворянской идеологии демократическая общественность.

Как ни была уверена Екатерина II, что созванная ею Комиссия будет послушным орудием ее политики, она все же, под влиянием встревоженных придворных, сначала внесла поправки в Наказ, отказавшись от наиболее рискованных формулировок, потом написала специальный Обряд

---

[1] «Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибикова», стр. 124.

для Комиссии, в котором высочайше предупреждала депутатов, чтобы они были осторожны, рекомендовала им всячески проявлять свою благодарность и верность престолу. Так уже в Наказе Екатерина на всякий случай, во избежание возможных и опасных толкований ее псевдопросветительских намерений, прямо и решительно заявляла, что об освобождении крестьян не может быть и речи. Статья 260 гласила: «Не должно вдруг и через узаконение общее делать великого числа освобожденных».[1] Обряд, формулируя верноподданническое поведение депутатов, заканчивался почти угрозой: «Подтверждается исполнять все предписанные правила оного с строгою точностью», «...итак, не можем думать, чтобы нашелся единый, который бы не предпочитал важное в своем предмете намерение своевольным каким ни есть выдумкам или гордости и упрямству страстей», «...мы ожидаем несомненно, что каждый депутат наполнен верностью и любовью к престолу, ревностью к отечеству и послушанием к предписаниям, ведущим всех ко благоденствию».[2]

Если в манифесте о созыве Комиссии, написанном для широкого распространения, депутатам предлагалось заявлять «о нуждах и чувствительных недостатках народа», то в документах внутреннего пользования, не выходивших из рук маршала Бибикова и только регулярно зачитывавшихся для острастки, можно было просто прикрикнуть на депутатов, приказать им не заниматься «своевольством» и проявлять «верность и любовь к престолу».

Демократически настроенным депутатам было ясно, что ни о каких радикальных реформах нечего было и думать. Но вместе с тем Комиссия предоставляла неслыханно богатые легальные возможности постановки важнейших общественно-политических проблем. Вот почему, используя эти легальные возможности, они и поставили крестьянскую проблему, но при обсуждении ее, скованные все той же легальностью, ставили вопрос не об освобождении, а лишь об улучшении положения крестьян.

Видимо учитывая это обстоятельство, Григорий Коробьин и выдвинул перед Большим Собранием вопрос

---

[1] Сочинения Екатерины II, т. I, СПБ., 1849, стр. 63.
[2] «Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибикова», стр. 83.

о необходимости улучшения положения крестьян путем вмешательства власти в отношения крепостных и помещиков, путем ограничения прав дворянина на труд и собственность земледельца. Причем необходимость этой защиты прав крепостного Коробьин доказывал тем, что взывал к чувствам депутатов, рисовал бедствия «питателя» в руках жестоких дворян, постоянно призывал на помощь человеколюбие. История дела складывалась так, что когда вопрос ставился не о ликвидации крепостного права, а лишь о расширении прав крепостных, об улучшении их быта, об ограничении власти помещика, моральная мотивировка оказывалась наисильнейшей. В самом деле, право дворянства на труд крепостных можно было доказывать ссылками на заслуги дворян, на их службу государству и т. д., что и делали дворянские идеологи Щербатов, Сумароков и другие. Но что можно было возразить по существу на речи Коробьина, Чупрова, Козельского, Алейникова, которые рисовали картину душераздирающей нищеты крепостного, страданий его умирающей с голоду семьи, диких зверств неограниченных в своих страстях и жестокостях помещиков? Опасность такой постановки вопроса сразу понял умнейший из дворянских идеологов Щербатов. Немедленно выступив против громогласного заявления Коробьина, он предупреждает депутатов о таящейся опасности даже одного обсуждения этих щекотливых и рискованных тем. Он указал, что считает крайне опасным заявление Коробьина потому, что нельзя, не должно заниматься обсуждением бедственного положения крепостных: «дабы, пленяясь оказуемым им человеколюбием и красноречием, сие какого вреда не произвело».

По крестьянскому вопросу выступило двадцать депутатов. Весь май месяц 1768 года шли крайне обостренные споры, порой переходившие в скандал. Из двадцати выступавших восемь депутатов поддерживали Коробьина — Козельский, Жеребцов, Чупров, Маслов и другие. Дневная записка свидетельствует, что никто из помещичьих защитников не в состоянии был противопоставить хоть сколько-нибудь вразумительные доводы в защиту своей крепостнической точки зрения: оставить положение крестьян без изменения. Переполошившиеся помещичьи ораторы лишь исступленно бранились и грозились по адресу передовых депутатов за то, что те осмелились поставить этот вопрос

на обсуждение. Дворянин Глазов грубо клеветал на Коробьина, и последнему приходилось выступать с объяснениями. Дворянин Кондырев в ярости обрушился на пахотного солдата (мужика!) Жеребцова за его выступление. Он заявил, что считает выступление пахотного солдата «за один смех и обиду целого государства дворян при других иностранцах, чего ни в какое время того не было». Даже Щербатов не нашелся и, подменив вопрос об улучшении быта крестьян вопросом о правах дворян на крестьянский труд, стал обосновывать это право ссылками на исторические заслуги дворянства. Эту подмену вопроса чутко уловил крестьянин Чупров, который, взяв слово, резко отчитал помещичьего лидера. Щербатов,— сказал он,— «между прочим объявляет дворянскую заслугу издревле российскому государству, на то ответствую. Правда, что заслуга и завсегда признавается за справедливое... да, однакоже, и всякого звания люди во всем государстве не без порученных дел остаются: за кем какая должность состоит, чаю, что по возможности своей и все отправляют. Токмо ныне дело не о том идет, и господа депутаты не на то собраны, чтобы честь себе приписывать, но о узаконении всех вообще и каждого особенно... потому же, кажется, не должно оставить без определенного закона помещиковых крестьян».

Так демократическим депутатом был нанесен удар общественно-политической концепции дворянства, в частности развиваемой и Сумароковым и его школой,— об особой, исключительной роли дворянства в государстве. И Чупров, и Алейников, и Козельский будут доказывать, что весь народ, все сословия, и крестьяне прежде всего, имеют не меньшие, а может быть, и бо̀льшие заслуги перед государством, что они истинные патриоты, что они своим трудом, питающим всех жителей России, своими ратными подвигами имеют не меньшие, чем дворяне, заслуги и права на уважение. Когда купцы и представители верхушки казачества потребовали себе права владеть крепостными, с отповедью этим крепостническим настроениям выступил возмущенный казак Алейников: «Хотя упомянутые господа депутаты и представляют, что казачьим войскам, атаманам и полковым командирам без крестьян быть предосудительно, то это они показывают напрасно, ибо мы видим целую Европу, которая в крепостных крестьянах никакой нужды не имеет, и не больше ли будет предосуждения всем господам депута-

там и всему нашему государству перед другими европейскими странами, когда по окончании сей высокославной комиссии узаконено будет покупать и продавать крепостного, как скотину». Подчеркнул он и вздорность и несостоятельность требования о немедленном вознаграждении за заслуги. «Во время сражений с неприятелем,— заявляет он,— рядовые казаки такою же кровью венчаются, какою и предводители».[1].

Та же тема растущего самосознания, чувства личного, национального и гражданского достоинства, требование уважения прав человека звучали в речах демократических депутатов во время долгих, многомесячных споров вокруг проекта прав благородных. Упрек, брошенный Чупровым Щербатову, в неспособности заняться общенациональными вопросами ввиду поглощенности его своекорыстными классовыми интересами определяет существо споров вокруг этого проекта, возникших в Комиссии. Спор этот осложнялся и внутридворянскими противоречиями, страстно разгоревшейся дискуссией между родовой аристократией и чиновным шляхетством. Вмешавшиеся в этот спор все те же Козельский, Урсинус, Чупров, Жеребцов, Алейников придали ему другое звучание.

Выступлением Козельского была намечена целая идейная программа. Он признает антиобщественным выдвинутое Щербатовым и его группой требование ограничения дворянства родовой аристократией, ибо, получив награды за прежние подвиги и заслуги предков, современное дворянство перестанет служить и быть полезным, превратится в трутней. Он высмеивает тех, кто выступает с защитой этого требования, заявляя, что они отстаивают не права на благородство, а права на тунеядство, на общественный паразитизм. Он объявляет вздорными дворянские утверждения, что только они, дворяне, в своих поступках руководствуются честью, долгом, а все остальные сословия исполняют свои обязанности исключительно страха ради перед помещиком и властью. Здесь, как видим, в речи демократического депутата звучит требование уважения человеческих и гражданских прав и достоинств русского человека, не принадлежащего к дворянству.

Насколько эта позиция демократов была принципиаль-

---

[1] Сборник русск. историч. общества, т. VIII, стр. 375.

ной, видно из того, как они реагировали на употребление надменным дворянством слова «подлый» применительно к народу. К этому времени слово «подлый» уже имело обидный, оскорбительный, притом социальный смысл. Употребление этого слова многими дворянскими депутатами, и Щербатовым в первую очередь, встретило у демократов отпор. И Чупров и Козельский с возмущением отвергли право дворян так называть простой народ, утверждая, что подлость — качество не социальное, а моральное, «что подлых чаще всего можно встретить среди богатых».

Следует отметить, что в данном вопросе дворянские либералы считали себя обязанными поддержать демократов. Характерно в этом отношении выступление депутата Николая Мотониса. Культурнейший человек, литератор сумароковской школы, друг Сумарокова, активно сотрудничавший в его журнале «Трудолюбивая пчела», он, следуя за своим учителем, заявил в Комиссии следующее: «Подлого у меня нет никого! Земледелец, мещанин, дворянин — всякий из них честен и знатен трудами своими, добрым воспитанием и благонравием. Подлы те только, которые имеют дурные свойства, производят дела, противные законам».

Я подробно остановился на работах Комиссии, потому что это имеет прямое отношение к Новикову. Нельзя забывать, что он не только слушал, но и записывал все эти прения, все эти суждения. Ведь это он при изложении речей депутатов формулировал их мысли, умея сжато, лаконично передать не только смысл, но даже нередко интонации, чувства выступавших. Больше того, можно со всей определенностью признать, что эти споры повлияли на выработку его политических убеждений, что в этой борьбе он решительно встал на сторону демократического лагеря. Свидетельство тому — его демонстративный уход со службы и издание журнала, в котором он смело развернул основное содержание идейной программы демократической группы депутатов Комиссии.

В Комиссии был поднят вопрос об улучшении положения крепостных, причем решался этот вопрос с моральных позиций. С тех же позиций через три месяца после ухода из Комиссии Новиков будет взывать со страниц «Трутня» к человеколюбивым дворянам, станет рисовать картины бедствий и страданий крестьян, станет делать как раз то, чего так боялся Щербатов: «пленять оказуемым человеколюбием

и красноречием» тех, кто еще не погряз окончательно в своекорыстии и эгоизме. В данной обстановке, когда впервые были поставлены на общественное обсуждение вопросы крестьянского бытия, и такие доводы, как верно понимал Щербатов, «могли вред произвести».

В Комиссии впервые заговорили о моральных достоинствах крестьянина-труженика, об его благородном нравственном облике. О способности государственно мыслить и управлять государством свидетельствовали и выступления крестьянских депутатов. И в «Трутне» в целом ряде статей были подчеркнуты благородство, честность, трудолюбие, высокие нравственные достоинства крестьян. Как в Комиссии Чупрову и Алейникову с их защитой бесправных крепостных, с их чуткостью к бедам и страданиям миллионов крестьян противостояли жестокие Глазовы, Нарышкины и Щербатовы, так и в «Трутне» в знаменитых «Крестьянских отписках» бессердечному, озверевшему и утратившему человеческий облик барину Григорию Сидоровичу противостояла целая деревенская община, исполненная подлинно благородного человеческого чувства взаимопомощи.

В Комиссии демократы издевались над нелепыми, антиобщественными в своей сущности претензиями аристократов и, в частности, над выступлениями Щербатова, страстно настаивавшего на необходимости особо отметить права и заслуги дворян, могущих доказать свое пятисотлетнее существование. В «Трутне» широко разрабатывается та же тема.

В Комиссии демократы резко выступили против употребления слова «подлый» по отношению к крестьянству. Новиков в «Трутне» обрушится на тех «глупых дворян», которые называют «подлыми тех, кто от добродетельных и честных родился мещан».

В Комиссии был поднят голос в защиту «среднего рода людей», «которые обитают в городах и, не быв дворяне или хлебопашцы, в художествах, в науках, в мореплавании, в торговле и ремеслах упражняются».[1] И в «Трутне» мы находим много выступлений Новикова в защиту этих людей. Он будет отстаивать их права, подчеркивать их достоинства и заслуги перед обществом. Вот один из образчиков такого выступления: «Желательно было бы. . . чтобы наши

[1] Гос. ист. архив в Л-де, ф. 1258, д. № 220, ч. 1, л. 257.

русские художники и ремесленники были одобрены и равнялися во всем с иностранными».

Можно думать, что за время работы Комиссии в воззрениях Новикова произошли изменения. Нет никаких оснований предполагать, что он в 1766 году не разделял почти всеобщих надежд на исполнение русской самодержицей всех ее обещаний облагодетельствовать своих подданных, восстановить правду и справедливость. Ход работы Комиссии способствовал отрезвлению многих умов. Новиков мог отказаться от иллюзий раньше и лучше всех — создавшееся у него в Комиссии двойственное положение явно способствовало этому. С одной стороны, он, со своим «человеколюбивым сердцем» и «чувствительностью к крестьянскому состоянию», естественно, не мог не сочувствовать высказываниям, мнениям и проектам демократических депутатов, с другой — он правительственный чиновник, исполнитель воли Бибикова, Шувалова и Екатерины II. Он читает начальству дневные записки, получает от него инструкции, директивы, естественно, находится в курсе всех тревог, какие демократы вызвали у правительства, оказывается невольным свидетелем назревавшего проекта роспуска ставшего неугодным Собрания. Сын Бибикова свидетельствует: «Императрица вскоре усмотрела невозможность совещаться по ее желанию с избранниками от всех сословий России, увидела, что многократные о сем представления Александра Ильича совершенно истинны, что должно Комиссию закрыть».[1]

«Многократные представления»... Естественно, эти представления делались в пору самых ожесточенных споров, а такими были споры о проекте прав благородных и об ограничении прав помещиков. Несомненно, они делались во время чтения Екатериной дневных записок совещания вольнодумных депутатов. А читал эти записки их держатель, то есть среди других и Новиков.

Не могло не быть ему известным и беспримерное вероломство Екатерины по отношению к крестьянству, совершенное ею в канун открытия Комиссии. Пригласив в своем манифесте депутатов собирать от населения все просьбы и заявления о «нуждах и отягощениях», Екатерина в то же время сама, привезя из путешествия по Волге 500 кре-

---

[1] «Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибикова», стр. 132.

стьянских жалоб на утеснение помещиками, издает указ о запрещении жаловаться и беспрекословном повиновении крестьян своим господам. Указ кончался угрозой: «Буде кто на помещиков своих челобитные наипаче в собственные руки императрицы подавать отважится, то как челобитчики, так и сочинители их челобитен наказаны будут кнутом и сошлются в вечные работы в Нерчинск».[1] Таков был истинный характер екатерининского просветительства.

Служебные обязанности Новикова невольно ставили его в число придворных: читая дневные записки комиссионному начальству, Екатерине, он принужден был молча выслушивать указания, скрывать истинные свои чувства. Конечно, личным опытом и объясняется его резкое осуждение придворной службы, высказанное в предисловии к «Трутню».

Из месяца в месяц прислушиваясь к выступлениям передовых депутатов, наблюдая рост растерянности в правительственных кругах, Новиков не мог не понять, что Комиссия ничего серьезного сделать не сможет, что не за тем была она и созвана. Что Комиссия создана для особых корыстных целей самой Екатерины, а не для блага подданных, не было тайной. Недаром идеолог крепостников Щербатов, с которым Новиков более года работал в частной комиссии «о среднего рода людях», писал: «Собрание депутатов для сочинения Уложения не с теми мыслями было учинено, чтобы вольность тут властвовала и чтобы твердое намерение было до конца оную Комиссию довести».[2]

Исход своим чувствам и мыслям Новиков мог найти в кругу близких ему людей. Целый ряд фактов свидетельствует, что множество работавших в Комиссии писателей — то ли в роли депутатов (Нарышкин, Золотницкий, Козельский, Козицкий и др.), то ли у «письменных дел» — объединялись в группы единомышленников. Можно утверждать, что среди других был и новиковский кружок, объединявший Михаила Попова, Василия Майкова, Александра Аблесимова, возможно, Федора Козловского.

Какие у нас тому доказательства?

Дружба Новикова и Попова, близость Новикова с Майковым и Аблесимовым общеизвестны; общеизвестно и то,

---

[1] М. Ковалевский. Хрестоматия по русской истории, т. 3, М., 1915, стр. 199.

[2] «Былое», 1906, № 1, стр. 5.

что, задумав свой журнал «Трутень», Новиков рассчитывал на участие в нем некоторых своих единомышленников. Изданный в 1769 году, журнал показал, что ими как раз и были Попов, Майков, Аблесимов. Все эти люди, работая в Комиссии, в то же время занимались литературным трудом. Попов в 1768 году издает «Краткое описание древнего славянского языческого баснословия», Аблесимов пишет свои «Сказки», Майков задумывает «Елисея», Новиков издает в 1768 году оду Майкова «Торжествующий Парнас». Очевиден и передовой характер всех литературных произведений этих людей: и новиковского журнала, тесно связанного со спорами в Комиссии; и майковского «Елисея» с его вниманием к «низкому» герою (ямщик), осмеянием официального поэта Петрова, пародированием его перевода Вергилиевой поэмы «Энеида», где аллегорически прославлялась Екатерина;[1] и сказок Аблесимова о судейских и их проделках; и притч Попова о приказных, а может быть, и его интереса к народному творчеству. Особенностью этого кружка писателей было то, что все его члены, находясь в равных служебных обязанностях, именно в силу своей этой службы близко знакомились с положением народа, его нуждами, его бытом.

В связи с этим мне представляется заслуживающим всяческого внимания свидетельство одного из членов кружка — Аблесимова. Участвуя в «Трутне» на равных правах с другими членами кружка, Аблесимов в специальном предисловии к издателю (вспомним письмо Попова «Николаю Ивановичу Новикову») пишет: «Я вам знаком... Я к вам искренен... Я из числа людей, ниоткуда помощи не имеющих, и, прожив на свете тридцать лет, насилу сыскал трех человек, знающих и чувствующих несчастия себе подобных и коих добродеяниям в пользу утесненных нет пределов, или лучше сказать: нет сил моих оные по достоинству прославить. Они люди молодые, светские, возвышенные на такой почтенный степень, на коем подобные им бывают горды и затворяют свой слух от стенания бедных и беспомощных человеков... мои благодетели, или, правильнее сказать, благодетели всех бедных и утесненных, снисходительны, ласковы, ставят должностию помогать помощи

---

[1] См. статью А. Кукулевича «Майков» в IV т. Истории русской литературы, АН СССР, 1947.

требующим и о благополучии их так пекутся, как о своем собственном».[1]

Авторитетность и достоверность этого свидетельства несомненны. Общеизвестно, какое уважение к Новикову питал Аблесимов всю жизнь и сколько помогал Новиков своему другу и морально и материально. Письмо, подтверждая факт существования кружка из четырех человек, драгоценно тем прежде всего, что передает идейную атмосферу этого кружка (помощь «бедным и беспомощным», отзывчивость на «стенания угнетенных»), высокий нравственный уровень его участников, созревшее их стремление быть активными в своем человеколюбии («не затворять свой слух»), находить путь и средства помощи тем, кто в ней нуждается. Это обращение Аблесимова именно к Новикову указывает, что он был душой этого кружка. Издание им журнала, отважное обличение Екатерины еще раз показали его друзьям, как серьезны и принципиальны убеждения и намерения этого человека. И в письме Аблесимова, как и в случае с письмом Попова, мы видим, что именно эта сила убежденности, эта деловитая практичность, эта страсть служить отечеству и согражданам привлекала к себе всех, кто знал Новикова. Общение с ним заражало и увлекало, ибо он всегда поражал всех близких ему людей умением во всех условиях найти путь к общественному служению.

Вот почему указ 26 декабря о роспуске Комиссии не застал Новикова врасплох. Он уже знал, что будет делать,— следовало только расстаться со своими служебными обязанностями.

Как свидетельствуют документы Комиссии, Новиков еще 1 января 1768 года был уволен из гвардии и «выпущен в армию в порутчики».[2] Соответствующим распоряжением Военной коллегии 17 февраля того же года его зачислили в Муромский пехотный полк Севской дивизии.

Распустив Большое Собрание, Екатерина оставила работать частные комиссии. Одновременно было приказано реорганизовать штат «лиц, состоящих у письменных дел», ибо теперь их требовалось меньше. Того же 26 декабря «по силе высочайшего именного указа» «велено находящихся у исправления разных должностей армейских полков обер-

---

[1] «Трутень», СПБ., 1865, стр. 176—177.

[2] Гос. ист. архив в Л-де, ф. 1258, д. № 133, л. 14.

офицеров из Комиссии исключить для отправления к их должностям».[1] Все гвардейцы были оставлены на своих местах. Новикову как армейскому офицеру предстояло ехать в Севскую дивизию. Занятость Новикова в Комиссии не позволила ему отбыть, согласно приказа, 26 декабря. Депутатский маршал Бибиков написал в Государственную военную коллегию записку, в которой уведомлял, что поручик Новиков «сдачею письменных дел удержан при Комиссии». Сдача дел заняла около двух недель. 8 января 1769 года Новиков подал следующий рапорт с распиской Лыкова:

В Комиссию о сочинении проекта нового Уложения частной о среднем роде людей комиссии от бывшего держателя дневных записок порутчика Николая Новикова

РЕПОРТ

Во исполнении полученной о сдаче находящихся у меня дел Записки отдано, частной о среднем роде людей комиссии держателю дневных записок лейб-гвардии Измайловского полку подпрапорщику Михайле Лыкову дневных записок и экстрактов из оных 156 номеров, да отдано по приказу господина генерал-прокурора в переплет прошлого 1767 года дневных записок и экстрактов 29 номеров, а больше у меня никаких дел не имелось, о чем рапортую

Муромского пехотного полку порутчик
Николай Новиков.

По сему репорту Комиссии о среднем роде людей от бывшего держателя дневных записок порутчика Николая Новикова принято мною все сполна. Лейб-гвардии Измайловского полку подпрапорщик Михайло Лыков.

1769 г.
Генваря 8 дня.[2]

13 января Бибиков сообщил в Военную коллегию, что Новиков отправлен в ее распоряжение.[3]

Видимо, весь январь и февраль ушли у Новикова на оформление своего увольнения из армии.

---

[1] Гос. ист. архив в Л-де, ф. 1258, д. № 134, кн. 2, л. 118.
[2] Там же, ф. 1258, д. № 133, л. 81.
[3] Там же, ф. 1258, д. № 134, кн. 3, л. 30.

После указа 26 декабря о роспуске Комиссии, в связи с турецкой войной, все служащие Комиссии подали прошения о выдаче им аттестатов. Те, кто возвращался на прежнее место службы, брали аттестаты для представления своему начальству в качестве отчета о своей работе. Те, кто оставался работать в частных комиссиях,— для получения следующих чинов. Аттестаты были нужны и брались всеми для дальнейшего прохождения службы. Среди прочих аттестат получили Александр Аблесимов и оставшийся на должности сочинителя в комиссии «о государственных родах» Михаил Попов. («Находящийся при комиссии «о государственных родах» сочинителем студент Михаил Попов отправлял должность свою с прилежанием и добропорядочно, о чем ему сей аттестат и дан с подписью рук членов сей комиссии».)[1] Аттестат Попов получил еще 13 ноября 1768 года, когда он понадобился ему в связи с поднявшимся вопросом о получении первого чина. 16 мая 1769 года на представлении Вяземского «для ободрения службы и по доброму поведению определить чин коллежского регистратора» Екатерина написала: «Быть по сему».[2]

Аттестат получил и Державин. В Комиссию Державин попал поздно — 10 июля 1768 года. Весной 1768 года в частную комиссию «о разных установлениях, касающихся до лиц» был назначен новый член депутат Петр Неклюдов (вместо своего брата). Петр Неклюдов был полковым секретарем Преображенского полка и покровительствовал Державину. Он-то и затребовал Державина в эту комиссию на должность сочинителя. Работал Державин в комиссии до 31 января 1769 года, когда по собственному прошению был уволен. «Из Комиссии о сочинении проекта нового Уложения лейб-гвардии Преображенского полку в канцелярию записка. Находящийся оного полку сержант Гаврило Державин в комиссии о сочинении проекта нового Уложения у производства письменных дел по ево прошению уволен к полку, о чем полковая канцелярия благоволит быть известна. У подлинной подписал депутатский маршал Александр Бибиков».[3] Аттестат был дан несколько раньше — 13 января, групповой.

---

[1] Гос. ист. архив в Л-де, ф. 1258, д. № 137, л. 116.
[2] Там же, ф. 1258, д. № 134, кн. 3, л. 67—68.
[3] Там же, ф. 1258, д. № 134, кн. 3, л. 341 об.

От частной комиссии о разных установлениях, касающихся до лиц, о находящихся во оной при должностях, генваря 13 дня 1769 года.

АТТЕСТАТ

Находящиеся в сей комиссии у должностей сочинителями, капитан Степан Иванов, лейб-гвардии Преображенского полку сержант Гаврил Державин, держателем дневных записок того ж полку сержант Иван Сукин, писцами морской артиллерии сержант Петр Иванов, лейб-гвардии конного полку капрал Ларион Суховилов, студент Нестор Максимович со вступления их к сим должностям, комиссия со удовольствием усматривает каждого прилежное и с довольным знанием должности своей исполнение, так же и поведение соответствующее тщательному их к должности прилежанию, почему не может к похвале их не отдать им должной справедливости и при исправлении впредь тех должностей иметь их желает, а исчисляющийся в сей же комиссии сочинителем подпоручик Михайло Коверин со определения его в возложенную на него должность не вступал, а ныне находится в домашнем отпуске, почему комиссия ни о способностях его, ни о поведении засвидетельствовать не может.

Подписали от муромского дворянства *Иван Чадаев*, гороховецкого дворянства *Александр Протасов*, инзарского дворянства *Иван Губарев*, тверского дворянства *Петр Неклюдов*, кромского дворянства *Александр Похвистнев*.[1]

Кстати, о Державине. Все документы Комиссии свидетельствуют, что в период с 10 июля 1768 года по 1 января 1769 года Державин неотлучно находился в Петербурге и много работал в Комиссии, поэтому утверждение Грота, что во время работы Комиссии он ездил в отпуск в Казань, а после отпуска в столицу не поехал и остался в Москве, «продолжая прежний образ жизни»,[2] то есть разгул и карточную игру, и что перебрался окончательно в Петербург только в марте 1769 года,— не соответствует действительности.

Итак, все находившиеся у письменных дел получили аттестаты,— все, за исключением Новикова. Факт этот ва-

---

[1] Гос. ист. архив в Л-де, ф. 1258, д. № 137, л. 76.
[2] Г. Державин. Сочинения, т. VIII, СПБ., 1880, стр. 77—81.

жен тем, что является свидетельством созревшего у Новикова еще в Комиссии решения уйти в отставку. Если бы он собирался продолжать службу, аттестат был бы ему необходим, как никому другому: он единственный возвращался не на старое место, а в новый полк, где его никто не знал и где он только числился по спискам. Нужен был бы аттестат и при поступлении на гражданскую службу. Решив же уйти в отставку и заняться общественной деятельностью, Новиков потому-то и не просил и не получил аттестата. Подать в отставку в двадцать четыре года, после работы в Комиссии было актом большой принципиальности, было своего рода общественной демонстрацией. Вовсе не случайно Новиков публично заявляет об этом своим читателям в первом же листе журнала. Вспомним упрек общества Екатерине, прозвучавший во втором вопросе Фонвизина в «Собеседнике любителей российского слова»: «Отчего многих добрых людей видим в отставке?» [1] Екатерина запомнила на всю жизнь эту отставку. Через двадцать лет она писала об этом с раздражением, как о преступлении Новикова: «Можно сказать, что нигде не служил и в отставку пошел молодой человек, и следовательно не исполнил долгу служения ни государю, ни государству».

Таков был первый шаг русского просветителя — он порвал с правительством, с «просвещенным» монархом, обеспечил себе независимую позицию. Нельзя не сопоставить этот шаг Новикова с деятельностью французских просветителей. Вольтер, судя по письмам к Екатерине, мечтал прибыть в Петербург и служить русской самодержице, а до приезда усердно выполнял ее указания, просьбы, поручения. Дидро, помимо исполнения всяческих мелочных поручений (рекомендации картин, художников и т. д.), добровольно брал на себя и крайне щекотливые поручения. Именно в это время — в 1768—1769 годы — по собственной инициативе станет он улаживать неприятное для Екатерины дело с напечатанием Рюльером его известной книги о русской «революции 1762 года», в которой рассказывалось о методах и средствах устранения законного монарха Петра III его супругой, ныне прославленной, «просвещенной» русской императрицей Екатериной II. Дидро сначала сообщил об этом в Петербург, предупредив Екатерину, а затем, прямо вы-

[1] «Собеседник», 1783, ч. III, стр. 162.

полняя ее поручение, лично вмешался в это дело и устроил так, что Рюльер дал слово книги не печатать. Друг Дидро Мельхиор Гримм открыто служил платным агентом Екатерины в Европе.

Новиков уходит в отставку, потому что работа в Комиссии убедила его в необходимости иной, независимой от правительства деятельности во благо сограждан и отечества. Весь предшествовавший жизненный опыт предопределил выбор оружия этой деятельности: им должна стать литература. Выше уже говорилось, что вопросы, поднятые в Комиссии, сделались главными в «Трутне».

Представлять дело так (как это делалось до сих пор), что новиковский «Трутень» появился только потому, что Екатерина издала «Всякую всячину»,— значит не понять действительно глубоких общественных истоков новиковских журналов. «Всякая всячина» начала выходить в январе 1769 года. Естественно, что идея этого журнала зародилась раньше. Исполнителем воли Екатерины был депутат Козицкий. Можно предположить, что Новиков, вращаясь по долгу службы в придворных кругах, слышал о подготавливаемом журнале и, главное,— о созревшем екатерининском намерении разрешить издание таких же бесцензурных журналов. Это обстоятельство лишь облегчало, повидимому, исполнение уже созревшего решения.

Мысль об издании своего журнала была внушена Новикову общественно-политическими обстоятельствами: он хотел вмешаться в те споры, которые бушевали в Комиссии. Любой депутат, представитель нации, согласно Обряду, мог подать свое мнение, или, как говорили в ту эпоху, «свой голос». Журнал должен был быть «голосом» Новикова. Но не к закрытому собранию депутатов, а к относительно широким кругам общества, к многочисленным «среднего рода людям» хотел он обращаться, вынося на суд общества споры закрытого Большого Собрания.

Екатерининским указом 1767 года крестьянам было запрещено под угрозой ссылки в Нерчинск жаловаться на помещиков. Новиков взял на себя миссию защиты этих «безгласных питателей», взял на себя роль «сочинителя» их жалоб. Вот отчего журнал Новикова — самый идейный, самый целеустремленный, самый передовой журнал этих лет, вот почему он поражает своей стройностью, своим единством, своим серьезным и доныне волнующим материалом;

вот отчего, как бы выражая сущность политических споров Комиссии, споров двух враждебных лагерей, Новиков поставил эпиграфом к своему журналу формулу: «Они работают, а вы их труд ядите». Уже этот эпиграф свидетельствовал, что Новиков начинает свою деятельность как борец демократического лагеря Комиссии.

Прежде чем покинуть тему — Новиков и Комиссия,— мне бы хотелось остановиться еще на одном биографическом моменте. Мы слишком мало знаем о Новикове этого периода; не сохранилось ни писем, ни свидетельств современников, которые бы раскрыли нам его духовный мир в эти решающие для его жизни месяцы. Тем внимательнее следует отнестись к некоторым материалам его журналов, автобиографичность которых несомненна. Доказательством тому служит, например, предисловие к «Трутню». В данном же случае мне хочется указать на статью из «Живописца» под странным названием: «Неудобо-разумо-и-духодеятелен».

Статья эта явно двухпланна; рассказанная в ней история аллегорична, она намекает на какое-то важное событие, не могущее быть названным. В журналах той поры это обычный прием. Уже «Всякая всячина» во вступлении предупреждала, что сочинения автора будут «не все прописывать, оставляя кое-что на острую догадку читателям».[1] Отсюда появление в этом же журнале сказочки о том, как мужику кафтан шили,— аллегорического рассказа о причинах роспуска Комиссии. Новиков в своей статье тоже предупреждает: «Правда, я, может быть, чрез оное и другие какие еще важные вещи разумею, однако полного его содержания не намерен я открывать свету».[2]

Итак, история, рассказанная здесь, имеет второй, более глубокий смысл. Читатель об этом был предупрежден. Статья начиналась словами: «Я теперь *неудобо-разумо-и-духодеятелен*». Это определение «свойства душевного и телесного моего состояния одним только выражением» — итог долгих размышлений автора над своей жизнью после многих важных событий. Какие же это события? Автор рассказывает историю, вследствие которой он «взошел на сей степень престранных дум и чувствований». Будучи

---

[1] «Всякая всячина», 1769, «Поздравление с Новым годом», стр. 3.
[2] «Живописец», 1773, ч. II, л. 9.

ипохондриком, он чувствовал необходимость к общению с себе подобными, «ибо равные мысли, единообразный нрав и сходные чувствования притягают, так сказать, одного ко другому». Вследствие этого «глубокомысленное наше общество» учредило «каменный берег» местом сбора. Попадать на каменный берег можно было проходя через мосток. Все было хорошо до того дня, пока вдруг автор не обнаружил исчезновение этого мостка. Даже «развалин» не видно. Путь к «каменному берегу» оказался пресеченным. Автор заперся у себя дома. Соседям кажется, что он «помутился мыслями». Однажды, не выдержав, он выскочил из комнаты, заявляя, что пойдет в полицию и потребует, чтобы «мосток сделан был». «Тогда все они, бросившись ко мне, всячески меня молили, чтобы я по причине мостка не ходил туда, представляя мне, что полиция давно уже о том знает, но для того мостка не делает, что какая-то..., будучи также обязана содержать сей мосток, не соглашается еще по сие время к постройке оного, а на ее где ты будешь искать?»

«Я, будучи с природы миролюбив и незлобив, согласился тотчас на все». Но уже через некоторое время автор понял, что «уступил им очень много». На каждом шагу ощущал, как отсутствие мостка приносит ущерб. Однажды его слуга сообщил, что надобно на зиму купить дров, но вместо рубля следует теперь заплатить по рубль сорок копеек, «поелику за неимением мостка надобно их кругом обвозить». Здесь-то и происходит духовный переворот — именно в решении этой возникшей трудности — «на сем-то месте, г. м., сделался я в первый раз *Неудобо-разумо-и-духодеятельным.* И здесь вся ипохондрия вмиг исчезла!» Что же произошло? «Великое несчастие бывает часто причиною великих дел; и крайняя нужда делает человека наилучшим изобретателем». Автор сумел найти способ заменить мосток. Будучи «новым светом озарен», он взял у хозяина досок, сколотил два желоба, перекинул эти желоба («неслыханные махины») через реку вместо мостка и по желобам переправил с того берега телегу с дровами. «Работа сия по моему учреждению хорошо и безостановочно происходила». «Вот вам, г. м., толкование на слово *Неудобо-разумо-и-духодеятелен».*

Таково содержание этой статьи. Думается, ее аллегорический смысл ясен — человек не должен впадать в отчая-

ние, если неизвестная «особа» разрушит какой-либо «мосток». Человек должен найти способ быть «духодеятельным», оставаясь в этой своей деятельности разумным, не боясь быть неудобным для полиции и разных «особ».

Вот и после роспуска Комиссии, после крушения веры, что собрание депутатов действительно займется подготовкой новых, нужных государству и народу законов, после обнаружения лживости всей просветительской политики Екатерины II, после разрушения всех «мостков», впавший было в ипохондрию Новиков нашел путь, изобрел «неслыханную махину» — независимую общественно-литературную жизнь, стал «неудобо-разумо-и-духодеятельным».

Знаменательно и окончание этой притчи. Вокруг автора, заменившего «мосток», собралось множество людей. Удивленные увиденным, они стали между собой «перешептывать: — Ето, конечно, француз: видишь, как они умны.— Другие, напротив того, спорили: — Нет, ето не француз, ето немец, которого недавно выписали». Вскоре дошло дело до драки, потому что подошел еще третий, сказавший: «Ето не француз, не немец, а, конечно, наш какой удалой: теперь и русские, слава богу! научились!» Автор вмешивается в этот спор, заявив: «Я точно русский. Притом уверяю вас, что иной русский разум гораздо превосходнее бывает заморского: но поелику оный не имеет еще столько уважения и ободрения, как иностранный разум, то он часто от того тупеет».

Начавший выходить с 5 мая 1769 года новиковский «Трутень» явно свидетельствовал, что издает его, «конечно, наш какой удалой», что теперь «и русские, слава богу! научились!» Закономерно поэтому, что одной из важнейших тем журнала стала тема борьбы за национальные основы русской культуры, борьбы против варварского преклонения перед чужой, и прежде всего французской, цивилизацией. При этом наивно, как это делается, к сожалению, до сих пор, всю борьбу сводить к высмеиванию петиметров, мастеров «волосоподвивательной науки», тех дворянских «поросят», кои после пребывания во Франции возвращаются «совершенными свиньями». Борьба эта носит глубоко идейный характер, она отразила исторический момент в жизни России, явившись первым этапом в процессе формирования идеологии русского просвещения. Бесконечный импорт

французских идей, мод, искусств, правительственная политика покровительства этому импорту мешали росту русской самобытной передовой культуры. Эта правительственная политика, падавшая на благоприятную почву дворянского космополитизма, развивала у «благородного сословия» презрение ко всему русскому, ко всей России. В итоге масса дворянства полностью порывала связи с национальными истоками, превращаясь не только в социально, но и национально чуждый народу паразитический класс.

Но этим, как мы знаем, дело не ограничилось. Со времени воцарения Екатерины покровительством правительства стала пользоваться социально-политическая теория, распространенная среди французских энциклопедистов, теория просвещенного абсолютизма. Опираясь на нее, энциклопедисты воздвигали в Европе «алтари» Екатерине, творя легенду о просвещенном характере русского самодержавия. Опираясь на нее и прибегая к помощи корифеев просветительной философии Франции, Екатерина II вела наступление на русское общественное мнение, на литературу, задавшись целью подчинить ее собственной политике, лишить самостоятельности, сделать ручной, поющей по указке и с чужого голоса. Борьба с французским идейным импортом, начатая Новиковым в «Трутне» и последующих журналах, была главным образом борьбой с этой легендой. Этим Новиков включался в число тех, кто уже поднял и вел борьбу по разрушению ненавистных «алтарей».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

I

Рассматривая взаимоотношения Екатерины II с французскими просветителями, нельзя не поразиться их редкостному единомыслию в определении существа и природы ее единовластия. Прежде всего обращают на себя внимание совпадения мнений энциклопедистов о Екатерине и ее самодержавстве с ее собственными оценками своего режима. Друг Дидро Гримм в 1780 году ставит себе в заслугу именно то, что он угадал в Екатерине просвещенного монарха, республиканца по натуре с первого же дня ее вступления на престол. «Но я горжусь не тем,

что вижу (Екатерину.— *Г. М.*) окруженной славой и блеском, но тем, что я угадал ее такою, какой она показала себя уже в 1762 году, через 9 дней по восшествии своем на престол, когда она предложила издателю Энциклопедии приезжать кончить ее к ней в империю».[1] Мнение Дидро об Екатерине, сложившееся в Париже, в основном не изменилось и в Петербурге после личного знакомства, после путешествия по России, после наблюдения страны и политического режима в ней. В письме к Дашковой, жившей в Москве в год пребывания Дидро в Петербурге, он так характеризовал Екатерину-монарха: «Это душа Брута с чарами Клеопатры», «Как государыня она велика на троне».[2] Это определение было устойчиво, и, видимо, для Дидро оно достаточно верно характеризовало русскую императрицу. В 1775 году, сидя в Гааге и подытоживая свои впечатления о Екатерине, он писал уже не в Россию, а во Францию, своим друзьям в Париж: «Ах, друзья мои, какая государыня! Что за необыкновенная женщина! Это душа Брута в образе Клеопатры, мужество одного и прелести другой; невероятная твердость в мыслях со всей обольстительностью и легкостью в выражениях; любовь к истине, доведенная до высшей степени; полное знание дел своего государства».[3] Неизвестно, знала ли Екатерина эту характеристику. Однако она точно так же характеризовала себя сама. В письме к Гримму от 1776 года читаем: «Я хорошо знаю, почему вы думали обо мне во время пребывания в Риме. Потому, что вы нашли там столь мало истинных римлян. Это вызвало в вас воспоминание о существе наиболее республиканском из тех, кого вы когда-либо знали, то есть обо мне».[4]

Понимая, что политические теории многих энциклопедистов содержат черты, весьма подходящие для намеченной ею тактики, Екатерина потому и составляет программу широкой пропаганды прежде всего политических сочинений французских «властителей дум». Как говорит Гримм, она за это принялась уже на девятый день своего царствования, то есть в дни, полные политических интриг, тревог и опасений: так это было важно, даже необходимо. Вслед за

---

[1] Сборник русск. историч. общества, т. XXIII, стр. 80.
[2] В. Бильбасов. Исторические монографии, т. IV, стр. 317.
[3] Там же, стр. 365.
[4] Сборник русск. историч. общества, т. XXIII, стр. 48.

серией писем к Вольтеру, Даламберу и Дидро с предложением посетить Россию и перенести сюда печатание Энциклопедии, вслед за выдачей вспомоществования Дидро и т. д. и т. д. было дано указание подготовить переводы на русский язык главных книг этих мыслителей.

В 1763 году Дашкова, в этот период ближайший друг Екатерины, в московском журнале «Невинное упражнение» напечатала отрывки из книги Гельвеция «Об уме». Хераскову, продолжавшему работать в университете, было предложено подготовить серию переводов из Энциклопедии. Демонстрация либерализма получилась внушительная: при Екатерине печаталась книга, гонимая во Франции. К этой работе Херасков привлек своих почитателей и учеников — Домашнева, Ржевского, Нарышкина и других. Вышедшие в 1767 году три тома «Переводов из Энциклопедии» содержали лишь совершенно «безопасные» общеобразовательные сведения по разным вопросам знаний — медицине, промышленности, экономике, ремеслам и т. д. Темы по философии, политике, эстетике — отсутствовали. Если отсутствие этих вопросов соответствовало желаниям Екатерины, то исключение политической теории просветителей было противоположно ее намерениям. Вряд ли поэтому работа Хераскова могла устроить Екатерину. Вот почему за дело берется она сама. В подготавливаемом ею Наказе она использует ту книгу, которая формулировала основы социально-политической и общественной теории просветителей,— «О духе законов» Монтескье. Летом 1767 года, во время поездки по Волге, Екатерина с помощью близких ей придворных переводит последнюю новинку — книгу Мармонтеля «Велизарий», пропагандирующую политическую теорию энциклопедистов. После роспуска Комиссии Екатерина вновь вернулась к переводам из Энциклопедии и поручила Ивану Туманскому, одному из переводчиков специально созданного ею «Общества, старающегося о переводе иностранных книг», перевести из Энциклопедии политические статьи и собрать их в одну книгу. Книга названа демонстративно — «О государственном правлении и разных родах оного из Энциклопедии». В ней были собраны статьи, трактовавшие политические доктрины французского просвещения, так устраивавшие Екатерину. Книга вышла в 1771 году в издании Академии наук. Большинство статей развивало взгляды

Монтескье; наибольшее количество их принадлежало популяризатору этих идей — секретарю Энциклопедии Жокуру. Здесь мы встретим статьи «О демократии», «Об аристократическом правлении», «О деспотии» и целый цикл статей о монархии — ограниченной, совершенной, о самодержавии, самодержце и т. д. и т. п. Вот несколько определений из гонимых во Франции и пропагандируемых в России политических статей Энциклопедии.

«Монархия (правление). Существо монархии состоит в том, что государь есть источник всякия государственныя и гражданския власти и что он один управляет государством по законам, в основание положенным».[1] «Ежели государь добродетельный, ежели он разделяет награждения и наказания справедливо и благоразумно, все с великим тщанием стараются заслужить его милость, и царствование его есть век златый».[2]

«Монарх или государь. Самодержец. Престол есть самое лучшее место, которое смертный занимать может, ибо на оном можно делать наибольше добра».[3]

Особого внимания заслуживает статья о самодержавном образе правления.

«Самодержавство (правление). Можно сказать с Пуффендорфом, что самодержавство есть право повелевать решительно во гражданском обществе, которое право члены общества поручили одной или многим особам для содержания в оном внутреннего порядка и внешнего защищения; а вообще, для приобретения под таковым покровительством истинного благоденствия и надежного пользования своею вольностию. Сказал я, во-первых, что самодержавство есть право повелевать решительно в обществе, дабы показать, что существо самодержавства состоит наипаче в двух вещах: первое, во праве повелевать членами общества, сиречь, управлять их деяниями со властию, или силою принудительною; второе, что сие право должно иметь такую силу, чтобы все честные люди за должность почитали покоряться оной безо всякого сопротивления; впрочем, если бы таковая власть не была верховная, не могла бы со-

---

[1] «О государственном правлении и разных родах оного из Энциклопедии», СПБ., 1771, стр. 57—58.
[2] Там же, стр. 60.
[3] Там же, стр. 73.

держать в обществе порядка и безопасности, яко намерения, для которого учреждена оная».[1]

Не менее интересны определения народа и его роли, взаимоотношения монарха с народом.

«Народ толь мало требует уважения, что по справедливости можно ему оказывать оное».[2]

«Монархия упадает, когда государь, обманутый своими министрами, поверит, [что] чем подданные беднее, тем многочисленнее делаются семьи, и чем больше бывают отягощены налогами, тем больше бывают в состоянии платить оные».[3]

Падение монархии и превращение ее в деспотию — бедствие для народа: «Наконец, единоначалие совсем пало, когда оное превращается в деспотическое правление, яко состояние, вскорости повергающее народ в варварство, а из оного в совершенное небытие».[4]

Итак, народ — бессловесное стадо, покорно принимающее все политические метаморфозы и видящее свое единственное спасение в справедливой монархии, в деятельности мудрого, просвещенного монарха.

«Но скажет кто-либо в рассуждении Единоначалия, коего начальное основание уже приближилося к падению, родился вам государь, который восстановит оное во всей его славе. Естество одарило сего наследника к престолу добродетелями и качествами, кои сделают вас благополучными, а только требуется помощь к открытию оных. Народы! Еще трепещу, чтобы подаваемая вам надежда не обманула вас».[5]

Так сомкнулись на поприще определения существа российского самодержавия теория и практика буржуазного просветительства. В крамольной Энциклопедии кавалер де Жокур пишет: самодержавство и создано для истинного благоденствия и надежного пользования своею вольностью. Екатерина уверяет Вольтера, Дидро и Гримма, что в ее стране — истинная вольность, что под ее скипетром подданные благоденствуют. И Гримм громогласно заявляет, что цель самодержавного правления Екатерины — устано-

---

[1] «О государственном правлении...», стр. 76.
[2] Там же, стр. 74.
[3] Там же, стр. 63.
[4] Там же, стр. 64.
[5] Там же.

вление вольности. И Дидро только по приезде в Петербург, только в общении с Екатериной, как это он сам утверждает, «обрел в себе душу свободного человека в так называемой земле варваров»[1] (письмо к девице Волан). Если государь добродетельный, то правление его есть «век златый»,— утверждает Энциклопедия, переводимая по приказу Екатерины. И Дидро, и Вольтер, и Даламбер, и Гримм свидетельствовали перед лицом всего света: Екатерина добродетельна, справедлива, мудра, больше того, она «республиканка с душой Брута».

Весь этот вывезенный из Франции идеологический багаж и был обрушен на русское общество. Екатерина полагала, что не найдется в России людей, способных самостоятельно разобраться в идейном богатстве французского просвещения, что можно их легко околпачить, используя головокружительную славу и авторитет общепризнанных духовных вождей Европы. Это был гнусный план обмана русского общественного мнения, чудовищная фальсификация наследия великих просветителей. Но в России нашлись люди, восставшие против этой фальсификации и политического шантажа Екатерины. Это были люди, воспитанные в России под руководством и идейным воздействием первого поколения русских просветителей, и Ломоносова прежде всего: Яков Козельский, Денис Фонвизин, Николай Новиков, Александр Радищев. Первым выступил Козельский.

II

Выход в свет Наказа для Комиссии побудил Козельского, депутата Комиссии, приступить к написанию своей книги «Философические предложения». В дни работы Комиссии, в дни, когда шли споры о законных нуждах России, когда все освящалось именем Монтескье, Козельский выступил с «предложениями», в которых высказал свою точку зрения, используя и опираясь на мнения Руссо и Гельвеция.

Книга содержала разделы: логика, метафизика, философия нравоучительная. Последняя глава имела подглавки: юриспруденция и политика. В дни обостренного внимания

[1] В. Бильбасов. Исторические монографии, т. IV, стр. 318.

к вопросам законодательства депутат Козельский подробно останавливается на юриспруденции, дает свое понимание этой дисциплины. По Козельскому, юриспруденция не есть знание законов, а знание прав. Вся книга его и есть внушение своим читателям их прав. Говоря о политике, и в частности о «политике, касающейся до начальствующих особ», он предупреждает, что писать на эту тему весьма опасно, «потому что все говорят, что рассуждать о политических происхождениях — одних министров дело, а другие-де люди не имеют к тому способностей». Но сознание опасности не останавливает Козельского, и он вмешивается в политику и, прежде всего, доказывает право философии, науки, обязанной служить целям практическим, вмешиваться в дела законодательные. «Нравоучительная философия не может поправить нравов в народах. Причиною сему то, что пороки народа сокрыты в самих законах, и ежели кто хочет истребить пороки в таком народе, не переменяя производящих их законов, тот ищет невозможного».[1] Таким образом, согласно мнению Козельского, философия должна добиваться права «переменять законы».

В этой своей книге Козельский, блестяще знакомый с философской, социальной, экономической литературой французского просвещения, в противовес екатерининскому Наказу, ориентирующемуся на Монтескье, в тех случаях, когда прибегает к каким-либо авторитетам из числа французских идеологов, ссылается на Руссо. Но значение книги Козельского в другом,— прежде всего в том, что она является первым развернутым выступлением русского просветителя с критикой ряда доктрин социально-политического учения энциклопедистов. С первой же страницы Козельский предупреждает читателя: в этой книге я познакомлю вас с важнейшими достижениями европейской передовой освободительной философии. Но не все в этих воззрениях приемлемо для России, не со всем можно согласиться. Поэтому во множестве существенных вопросов Козельский не соглашается со своими французскими предшественниками — или вступает с ними в полемику, или дает новое толкование и объяснение сходных явлений.

Козельский понимал, что предпринимает отважное дело, но политические обстоятельства и гражданская совесть тре-

---

[1] «Философические предложения», стр. 177, 188.

бовали, раз это было необходимо, выступать и против прославленных авторитетов; «и как в таком случае мнения мои могут показаться отважными, то прежде порицания их прошу рассудить то, что мы часто самыми важными изобретениями одолжены бывали отважным покушениям». В числе многих других возражений Козельский выступает против одной из важнейших просветительских доктрин: освобождение крестьян возможно лишь после просвещения их, когда они «научатся понимать драгоценность свободы». Об этом писала Энциклопедия, это было мнение Вольтера, это было сформулировано и в получившем премию на конкурсе Вольного экономического общества ответе Беардье Делабе: «Заставьте людей познать цену свободы; теперь же, вследствие своей грубости и невежества, крестьяне, быть может, и сами предпочтут рабство».[1] Соответственно этой просветительской точке зрения, Екатерина в Наказе писала: «Не должно вдруг и через узаконение общее делать великого числа освобожденных». Вот против этого единого просветительско-екатерининского тезиса и выступил Козельский. «Многие люди беспрестанно говорят, что облегчение делать невыполированному народу в его трудностях предосудительно; я думаю, что некоторые из них говорят сие по незнанию, что выполировать народ иначе нельзя, как через облегчение его трудностей, а другие по неумеренному самолюбию, что почитают в неумеренном господствовании над людьми лучшую для себя пользу».[2]

Так логика исторических событий, потребности общественного движения определили своеобразие складывавшегося русского просвещения. Борьба с политическими теориями французского просвещения оказалась одновременно и борьбой против практики русского самодержавия. Выступая против энциклопедистов, депутат Козельский выступил против Наказа Екатерины. Кстати сказать, вся его книга, эти «предложения» философа, вмешивающегося в политическую практику в самый разгар работ Комиссии и бушевавших в ней прений, написана была, конечно сознательно, в подражание Наказу статьями. И Наказ и «Философические предложения» излагали политическую мысль по раз-

---

[1] В. Семевский. Крестьянский вопрос в России, т. I, СПБ., 1888, стр. 53.

[2] «Философические предложения», стр. 119.

делам и статьям. Своей книгой Козельский, бесспорно, поддерживал демократический лагерь в его борьбе, подводил под нее теоретическую базу. Не случайно поэтому здесь мы найдем статьи о благородстве, развивавшие те же мысли, что намечались в выступлениях депутата Козельского, статьи против употребления слова «подлый» в применении к крестьянству, статьи, защищающие интересы крепостных, определяющие права подданных и т. д.

В 1770 году Козельский выпустил новый труд — собственные переводы из Энциклопедии в двух томах. Эта книга, несомненно, была ответом на херасковское издание, ответом на переводы, заказанные Екатериной. Книга Козельского называлась «Статьи о нравоучительной философии и частях ее из Энциклопедии». Выбор переводов определялся уже известными читателю позициями. Козельский отбирал только то, что удовлетворяло его как русского философа-просветителя, с чем он соглашался. Отсюда исключение статей о государственном правлении. Рассуждения государствоведов Энциклопедии, и Жокура прежде всего, не устраивали его. Перед русским читателем он развернул действительные идейные богатства просветительской философии, очищенные от ее слабых и используемых русским самодержавием учений. На вооружение русского просвещения поступало то, что помогало ему выносить на суд разума весь строй рабовладельческого и деспотического режима Екатерины II.

Выступление Козельского было замечательным явлением русской жизни. Но еще более замечательным был тот факт, что выступление его оказалось не единственным, а стояло в ряду других. Период просветителей-одиночек канул в историю. Русское просвещение начиналось как общественное движение. Поставленные историей задачи быстро находили свое разрешение в деятельности многих, часто лично друг с другом не связанных людей.

III

В 1762 году в Петербурге появился молодой писатель, воспитанник Московского университета Денис Фонвизин. Вскоре после его прибытия в столицу им был сделан перевод трагедии Вольтера «Альзира». Оказывается, и его,

только что сошедшего со школьной скамьи, интересовали французские деятели, и Вольтер прежде всего. Но не столько политические теории волновали молодого писателя, сколько Вольтерово религиозное свободомыслие. В противоречии с екатерининской политикой в области идейного импорта Фонвизин переводит «Альзиру», где обличаются и предаются проклятию условия бытия, подавляющие свободу человека.

Следом за первыми опытами переводов появляются и оригинальные произведения Фонвизина. В те годы, когда расточались безудержные славословия «просвещенной» Екатерине II, он пишет две дошедшие до нас сатиры — «Лисица-кознодей» и «Послание слугам моим, Шумилову, Ваньке и Петрушке». В «Послании» изображается мало отрадная картина русской жизни, где господствует всеобщая продажность, где все «неправдою живут». «Лисица-кознодей» это уже острая политическая сатира, в ней подвергается осмеянию самая запретная материя — достоинство монарха. Басня ставит задачу разоблачить лживость официальных похвал монархам. Она как бы утверждает, что все эти панегирики, объявляющие монарха «отцом своих рабов», «порядка насадителем», покровителем художеств, другом наук и просвещения, пишутся за деньги, поэтому всегда лживы и всегда одинаковы, о ком бы ни писал продажный пиит. Я полагаю, что эта сатира, появившаяся в атмосфере напряженных политических событий — умерла Елизавета, занявший престол монарх Петр III оказался быстро устраненным, на престол вступила Екатерина,— отразила и запечатлела фонвизинское отношение к этим событиям. В самом деле, на его глазах, например в журнале, издаваемом при университете, «Полезном увеселении», Херасков и его ученики после смерти Елизаветы и вступления на престол Петра III немедленно принялись хвалить его в своих одах. Новый монарх был провозглашен «отцом подданных», «другом и покровителем художеств» и т. д. И вдруг манифест Екатерины 1762 года, где тот же самый «друг рабов» и покровитель просвещения обличался как деспот, как виновник величайших бед России. И немедленно, словно по команде, те же писатели, и, в частности, тот же Херасков, в том же университетском журнале,— только теперь он назывался «Свободные часы»,— начинают превозно-

сить Екатерину и хвалить ее за то же самое, за что только что хвалили Петра. Басня эта показывает отношение Фонвизина к той шумихе, которая была поднята вокруг «добродетелей» Екатерины и ее «просвещенного» режима.

Следующим крупным выступлением Фонвизина была его комедия «Бригадир». Время ее появления до сих пор окончательно не установлено. Обычно фигурируют две даты — 1766 и 1769 годы. Мне кажется, последняя дата более вероятна. Острота проблем, поставленных в комедии, изображение представителей «благородного» сословия в качестве отрицательных персонажей — все это вряд ли не было определено Комиссией и политическими прениями во время обсуждения проекта прав «благородных». Не случайно поэтому фонвизинские Бригадир и Советник так похожи на тех дворян, сатирические портреты которых появились в новиковском «Трутне» как прямое отражение тех вопросов, которые были подняты в Комиссии. А за работами Комиссии, за прениями в ней общество пристально следило. Это необходимо учитывать при изучении литературы этого периода. Приведу только одно свидетельство современника об этом интересе к политическим дебатам первого русского парламента. Свидетельство это принадлежит Винскому. Рядовой русский человек, живший во время работ Комиссии на Украине, готовя свои «Записки» в первом десятилетии XIX века, то есть через сорок лет, не мог забыть того впечатления, какое оказали на общество прения в Комиссии. В специальной главе, названной крайне выразительно «Русские Фоксы и Шериданы», Винский пишет: «Из всего происходившего в сей Комиссии достопамятнейшим может почесться публичное прение князя Щербатова с депутатом Коробьиным, которое прекращено было без дальних пустословий объявленною через Вяземского волею государыни».[1]

Не мог не интересоваться работами Комиссии и живший в Петербурге Фонвизин. В «Бригадире» поставлена чрезвычайно важная и именно в это время ставшая актуальной тема отрыва дворянства от национальной почвы — по причинам социальным (паразитизм) и идеологическим (космополитизм, преклонение перед чужой культурой, страной, ее нравами, обычаями, языком). При этом совершенно оче-

---

[1] «Мое время». Записки Г. Винского. Изд. «Огни», СПБ., стр. VIII.

видно, что данная тема не имеет ничего общего с сумароковской критикой некультурного дворянства.

На первый взгляд герои комедии Иванушка и Советница, со своей ненавистью к России, к ее народу, ее языку и культуре, как бы противопоставлены Советнику и Бригадиру. Но это противопоставление кажущееся. В действительности герои эти на редкость близки друг другу, и близость эта обусловлена социальными причинами, ибо оторванность от основ русской жизни у французомана Иванушки и казнокрада Советника общая. И тот и другой чужды России, их существование равно бессмысленно, и «оправдано» оно только одним — крепостным правом. Живя у себя в деревнях, и Советник и Бригадир занимаются только наживой и пожиранием плодов выбитого из мужиков достатка. Никаких обязанностей ни в настоящем, ни в прошлом у них нет, ибо и служба их в свое время была также лишь средством к наживе. Если Иванушка, идиотически произносящий французские слова без смысла и понимания их, давно утратил и национальный и человеческий облик, то Советник со своим ханжеством и Бригадир, говорящий «чисто как попугай», не так уж далеки от него. Их органическая близость, их не только кровное, но и социальное и духовное родство подчеркнуто тем, что они все, съехавшись для важного и глубоко нравственного дела — создания новой семьи, женитьбы Иванушки на Софье, занялись пошлым любовным «маханьем». Сын и отец, с равным усердием оспаривающие друг у друга право на ухаживанье за чужой женой, достойны один другого.

Всему этому лагерю Фонвизин противопоставляет людей нового поколения — Софью и Добролюбова. Только они знают, что такое «истинные добродетели», только они презирают животную жизнь окружающего их дворянства, гордясь тем, что они русские. Только они, а не Советник или Бригадир, с негодованием относятся к иванушкиному холуйству перед всем заграничным, презирая его за скотское себялюбие. Только они имеют сердца, способные откликаться на то, что «возмущает человечество». Так в своей комедии Фонвизин предупреждал дворянство: вы, спорящие о своем благородстве, о заслугах ваших предков перед Россией, смотрите, что происходит в действительности. Погрязшие в корыстолюбии и невежестве дворяне и помещики утрачивают свои связи с родиной, отрываются от нацио-

нальных источников. Комедия предупреждала, к каким последствиям может привести «благородных» покровительствуемый правительством космополитизм дворянского сословия.

IV

Затеянная Екатериной игра с просветителями часто создавала такие сложные политические ситуации, когда делу русского просвещения оказывались услуги с самых неожиданных сторон. Так, во время работы Комиссии дворянский либерал Никита Панин сумел оградить Комиссию от влияния специально прибывшего из Парижа посла «философской республики», ловко лишив Екатерину важного союзника. Я имею в виду эпизод приезда в Петербург по рекомендации Дидро специально для участия в работах Комиссии юриста, воспитанника энциклопедистов Мерсье де ла Ривьера. Исследование Бильбасова, основанное на извлеченной из архива переписке французского юриста и Никиты Панина, показало, как оппозиционно настроенному екатерининскому министру удалось предотвратить участие этого человека в составлении законодательства и тем самым не дать возможность Екатерине обуздать русскую оппозиционную общественность с помощью западных авторитетов.

Суть дела такова: закончив подготовку по созыву Комиссии, Екатерина решила пригласить кого-нибудь из Парижа для участия в ее работах. Были приглашены Дидро, Даламбер, Вольтер. Ни один из них не приехал. Но Париж послал Мерсье де ла Ривьера, именно в это время стяжавшего блестящую популярность и славу своими практическими работами на острове Мартиник. Переписка проходила при участии Панина. Панин знал Ривьера по его прежним книгам, в которых он представал как замечательный экономист и администратор. Указание Екатерины возможно скорее оформить приезд француза на русскую службу Панин с охотой исполнил, и в октябре 1767 года Мерсье де ла Ривьер появился в Петербурге. И тут-то между Паниным и Ривьером произошло столкновение. Причина заключалась в книге Ривьера, выпущенной им в самом начале 1767 года. Этой книги до приезда ее автора в Петербург Панин не знал. К моменту же приезда Ривьера в Петербург Панин его книгу прочел. В отличие от его прежних

трудов, посвященных вопросам экономическим, новая книга Ривьера была целиком посвящена политическим темам. И вот политические воззрения гостя не устроили Панина. Ярый монархист, Мерсье де ла Ривьер доказывал, что счастье народа может быть достигнуто только при абсолютной монархии, что республика и конституционная монархия не способствуют «естественным склонностям человека». Сущность всех политических построений Ривьера сводится к формуле «законный деспотизм», которую он пропагандирует в своей книге. На многих страницах доказывает этот выученик энциклопедистов, что наследная монархия — лучшая форма правления, что человек по природе своей должен быть управляем деспотом.

Этот труд и привез в Россию Ривьер, с его теоретических позиций и должен был он принимать участие в работах Комиссии. Труд этот, подвергшийся критике Мабли и даже Гримма, был благосклонно принят Дидро, и именно такого человека Дидро и послал в Россию к Екатерине. Прочтя эту книгу, Панин решил этот труд Екатерине не показывать, а автора теории «законного деспотизма» к работе в Комиссии не допускать. Панин стоял на позиции ограничения деспотической власти Екатерины. Он не разделял просветительских иллюзий насчет ее правления. В 1767 году он возлагал, повидимому, некоторые надежды на Комиссию, полагая, что она может сослужить службу в исполнении его заветных планов. Понятно поэтому, что Ривьера он встретил холодно. Он знал, что Екатерина в высшей степени обрадуется такому подкреплению из Франции. И действительно, если, по ее словам, книга Монтескье «О духе законов» была для нее молитвенником, то, как верно замечает Бильбасов, теория Ривьера, узнай она о ней, стала бы ее молитвой.

Воспользовавшись тем, что Екатерина была в. Москве, где следила за ходом работ Комиссии, Панин в переписке с ней сумел внушить ей, что приехавший в Петербург француз — ненужный, лишний и даже опасный для нее человек. Екатерина поверила Панину и приказала ему самому разделаться с Ривьером. Не пустив посла «философской республики» в Москву, не дав ему возможности на базе своих теорий «законного деспотизма» сочинять свои проекты и благодетельствовать русских, Панин через пять месяцев отправил странствующего благодетеля человечества во Францию.

V

Создавая журнал с целью вынести на широкое общественное обсуждение вопросы, поднятые и не решенные Комиссией, Новиков тем самым выступал против намерений Екатерины потушить возникший было пожар. Эта антиправительственная программа подкреплялась и смелыми заявлениями о неблагополучии в государстве просвещенной монархини: напечатанные в «Трутне» десятки статей утверждали, что в судах, воеводствах сидят взяточники и воры, а в деревне хозяйничают распоясавшиеся помещики. Уже все это отчетливо характеризовало воззрения Новикова, далекого от иллюзий насчет характера русского самодержавства. Поэтому, когда Екатерина, разгневанная «жужжанием» «Трутня», прикрикнула на него со страниц «Всякой всячины», Новиков принял вызов и вступил на путь разоблачения так усердно и любовно создаваемой императрицей и ее французскими друзьями легенды о просвещенной, мудрой, человеколюбивой, справедливой монархине.

Издание Екатериной журнала «Всякая всячина», выступление ее в качестве писателя было исполнением все того же плана демонстрации просвещенного характера ее правления. Екатерина старалась как можно прилежнее исполнить весь комплекс дел и поступков идеального государя. Вот она законодатель — пишет Наказ, собирает Комиссию, внимательно слушает избранников нации, желая на основе выясненных таким образом нужд написать новые законы и осчастливить своих подданных. Буквально это она и писала Гримму, рисуя себя в качестве идеального монарха: «Мое собрание депутатов имело успех потому, что я сказала: вот мои принципы, изложите ваши жалобы: где вам жмут сапоги? Давайте лечить: у меня нет системы, я стремлюсь к общему благу: оно составляет мое благо. Ну, работайте, создавайте проекты, вырабатывайте свои мнения. И они начали приходить, перетряхивать материалы, говорить, мечтать, спорить, и ваша покорная слуга слушала, совершенно безразличная ко всему, что не было общей пользой, всеобщим благом».[1] Читая эту идиллическую картину работ Комиссии, специально сочиненную для француз-

---

[1] Сборник русск. историч. общества, т. XXIII, стр. 401.

ских друзей, нельзя не отдать должного Екатерине: она умела мастерски творить легенду о себе. Вот теперь она издает журнал, выступая в нем писателем-сатириком, желая словом своим исправлять подданных, приглашая писателей присоединиться к ней, разделить ее труды.

Новиков и принялся за разоблачение этой лжи; он задался целью сорвать маску просвещенного монарха с Екатерины-писателя, показать обществу подлинное лицо монарха-деспота, занимающегося литературой. Первым выступлением «Трутня» против «Всякой всячины» было письмо Правдулюбова, помещенное в пятом листе. Поводом к выступлению Новиков избрал принципиальную статью из восемнадцатого листа «Всякой всячины», где определялись характер сатиры, объект критики и качества сатирика-писателя. В этой статье утверждалось, что сатирик должен иметь «сердце доброе и любить человечество». Человеколюбие сделает его снисходительным. Будучи снисходительным, он поймет, что в России нет пороков, а есть лишь общие всему человечеству слабости, нет порочных, а есть лишь несовершенные, а это естественно, ибо «все разумные люди признавать должны, что один бог только совершен». На этом-то «теоретическом» фундаменте и были точно сформулированы такие правила критики и сатиры, которые полностью исключали возможность касаться действительных народных нужд и отягощений, реальной практики помещичьего государства. Журнал предлагал: «1) никогда не называть слабости пороком; 2) хранить во всех случаях человеколюбие; 3) не думать, чтоб людей совершенных найти можно было, и для того 4) просить бога, чтобы нам дал дух кротости и снисхождения».[1]

Екатерина отважилась выступить со своим сатирическим журналом и пригласить общество последовать ее примеру потому, что твердо верила в послушание своих подданных, в возможность их легкого одурачивания, в их готовность примириться с такой, не беспокоящей власть, сатирой. Среди русских просветителей не оказалось никого, кто бы захотел участвовать в затеянной комедии. Больше того, нашелся человек, который отважился выступить против правительственного журнала. Этим человеком, как мы уже знаем, был Новиков.

---

[1] «Всякая всячина», 1769, стр. 142.

Статья Екатерины была напечатана 1 мая, то есть до выхода «Трутня». 9 мая Новиков уже написал ответ под именем Правдулюбова, который и напечатал в пятом листе от 26 мая.

Письмо Правдулюбова носит программный характер. Оно должно было показать читателю принципиальное различие политической программы «Трутня» и «Всякой всячины». «Всякая всячина», лживо прикрывающаяся фразами о человеколюбии, в действительности стоит на позиции активной защиты воров и взяточников. Правдулюбов язвительно замечает о «Всякой всячине»: «таких людей человеколюбие приличнее называть пороколюбием». Указывая на это, Правдулюбов тем самым сближает воров и взяточников с «госпожой прабабкой», их защитницей. «Трутень» — журнал, писанный не по правилам «прабабки». Он обличает беззакония и преступления и считать их слабостями отказывается. В связи с этим определяется и качество писателя. Если «Всякая всячина» любит и похваляет тех писателей, «кои только угождать всем стараются», то автор статей «Трутня» «сему правилу не повинуется», он решается отстаивать свою независимость, смело обличает и выносит приговоры. Одним словом, «зверок по кохтям виден».

Статья Правдулюбова, как я уже сказал, программная. Она оценивает позиции «Всякой всячины», намечает линию поведения «Трутня». Принадлежит эта статья бесспорно Новикову — вдохновителю, редактору и издателю журнала. Эта принадлежность, как мне кажется, бесспорная, подкрепляется одним прямым указанием. Статья подписана вымышленным именем Правдулюбова. Но анонимность, важная и обязательная в полемике со «Всякой всячиной», в личном плане, видимо, не устраивала Новикова. Ему хотелось намекнуть своим друзьям, что удар по екатерининскому журналу нанес он, Новиков. Для этого он поставил под фамилией сигнал, который должен был все объяснить близким ему людям,— 9 мая 1769 года. 9 мая не случайная дата — это день именин Новикова.

Первое выступление «Трутня» возмутило Екатерину. Через три дня после выхода пятого листа — 29 мая — она разразилась статьей, заявив, что «ругательные» возражения журнала она отвергает. Не зная автора, Екатерина не затрудняла себя выбором ругательств по адресу его «свое-

вольства», полагая, что он одумается и замолчит. Но Новиков не угомонился. В восьмом листе — 16 июня — в «Трутне» было помещено второе письмо Правдулюбова, ответ на гневную статью Екатерины. Если в первый раз Правдулюбов нанес удар журналу, то во втором письме объектом была избрана сама Екатерина. Правдулюбов-Новиков задается целью обнаружить перед обществом того, кто скрывается под именем «прабабки», «Всякой всячины», кто провозглашает «пороколюбие».

Блестяще написанная статья Правдулюбова, исходя из анализа стиля «прабабки», дает читателю сумму признаков, совершенно ясно обнаруживающих коронованного автора.

Прежде всего, Новиков настойчиво и неоднократно указывает на нерусское происхождение автора, на незнание им русского языка. «Вся ее вина состоит в том, что на русском языке изъясняться не умеет и русских писаний обстоятельно разуметь не может...», «Из слов, в разделении 52 ею означенных, русский человек ничего... заключить не может...» и т. д.

Факт плохого знания русского языка Екатериной был общеизвестен. Известно также было, что правкой ее писаний на русском языке занимался в эти годы Козицкий. Новиков по работе в Комиссии, во всяком случае, великолепно был об этом осведомлен, и он это доводит до общего сведения. Производя как бы стилистический анализ статьи Екатерины, Новиков, издеваясь над ее слогом, с легкостью показывает, как употребленные ею некоторые выражения разоблачают в авторе деспотического правителя, привыкшего к повиновению и ненавидящего всех критиков и противоречащих. Действительно, раздраженная выступлением Правдулюбова Екатерина неосторожно написала, что «уничтожает» неугодную ей «ругательную сатиру». Новиков и ухватился за эти слова: «Не знаю, почему она мое письмо называет ругательством? Ругательство есть брань, гнусными словами выраженная; но в моем прежнем письме, которое заскребло по сердцу сей пожилой дамы, нет ни кнутов, ни виселиц, ни прочих слуху противных речей, которые в издании ее находятся. Госпожа Всякая всячина написала, что пятый лист «Трутня» уничтожает. И ето как-то сказано не по-русски; уничтожить, то есть в ничто превратить, есть слово, самовластию свойственное; а таким безделицам,

как ее листки, никакая власть не прилична; уничтожает верхняя власть какое-нибудь право другим. Но с госпожи Всякой всячины довольно бы было написать, что презирает, а не уничтожает мою критику. Сих же листков множество носится по рукам, и так их всех ей уничтожить не можно».

Из ответа Правдулюбова перед читателем вставал остроумно нарисованный образ автора «Всякой всячины» — «пожилая дама» нерусского происхождения, плохо знающая по-русски, «так похвалами избалована, что теперь и то почитает за преступление, если кто ее не похвалит»; болтающая о человеколюбии, а на деле оказывающая покровительство ворам и преступникам из государственного аппарата, старающаяся убедить всех, что любит истину, и призывающая к сатире, но при первой же действительно критической статье пускающая в ход не средства литературной полемики, достойной государя-философа, государя-писателя, а «кнуты да виселицы», средства, «самовластию свойственные».

В том же восьмом листе Новиков помещает письмо Чистосердова, опять направленное против «Всякой всячины» и Екатерины. Здесь Новиков доказывает читателям, что правительственный журнал лживо призывает к сатире, ибо на самом деле готов в любую минуту обрушить на критикующего полицейские кары. Новиков указывает в этом письме, что за издателем «Трутня» при дворе сложилась слава вольнодумца, что все придворные, догадавшись, на кого стал целить свою сатиру издатель журнала, говорят: «Не в свои-де етот автор садится сани. Он-де зачинает писать сатиры на придворных господ, знатных бояр, дам, судей именитых и на всех. Такая-де смелость не что иное есть, как дерзновение. Полно-де, его недавно отпряла «Всякая всячина» очень хорошо: да ето еще ничего, в старые времена послали бы-де его потрудиться для пользы государственной описывать нравы какого ни на есть царства русского владения» (т. е. сослали бы в Сибирь).

Этим выступлением Новиков не только обличал Екатерину-писателя, но и вырывал из ее рук оружие; грозить ему «кнутами да виселицами», как это было по неосмотрительности сделано в первый раз, было нельзя — тем самым она разоблачила бы сама себя, подтверждая правоту Новикова. А он, понимая это, спешит использовать обнаруженное им слабое место и с десятого листа переменяет эпиграф

к журналу: на место «Они работают, а вы их труд ядите» ставит новый — «Опасно наставленье строго, где зверства и безумства много». Новый эпиграф указывал читателю, что отныне главное в «Трутне» — борьба с правительственным журналом и что эта борьба чревата тяжелыми для издателя последствиями. Екатерина, ввязавшаяся в игру со дня выхода «Трутня», не знала, как из нее выпутаться. Успех «Трутня», его растущая популярность беспокоили ее. Именно этой тревогой навеяно ее обращение к корреспондентам: «Мы примечаем, что сей год отменное число слов свету предъявляет. Мы боимся, не мы ли к тому подали пример или причину. Но, однако, как бы то ни было, не можем оставить, чтоб нашим корреспондентам вообще не дати знать, что ни от чего не должно столько остерегаться, когда имеешь в виду угодить публике сочинением, как от словохотия».[1] Это было и предупреждением и советом — «Всякой всячине» должно угождать.

На второе письмо Правдулюбова трудно было не ответить. Еле сдерживая ярость, Екатерина в очередном листе журнала написала: «Ничто так не подло и уничтожения достойно, как потаенно поносити человека. У меня сердце ноет всякий раз, когда вижу такое лукавое умоначертание, совокупленное со нравом веселым и насмешливым. Суровое и невежливое сердце никогда довольнее не бывает, как когда оно оскорбит какую ни есть особу». Этот человек «с умом и лукавствием» направляет свои «ругательные стрелы» «на тех, кои бы более всего достойны были пощады». Он-то и есть самая «вреднейшая тварь, коя может находиться во гражданском обществе». Оскорбленная, не знающая, как поступить, Екатерина решила в последний раз предупредить ненавистного ей издателя «Трутня», написав, что «человек, который всегда веселится насчет других, достоин сам всякого уничтожения. Ибо он подвергается добровольно равной заплате».[2] Это уже было обещание Екатерины рассчитаться с ненавистным издателем.

Такой ответ мог быть написан, несомненно, сгоряча. Одумавшись, через номер, Екатерина под псевдонимом Тихона Добросоветова обращается к «Трутню», пробуя уве-

---

1 «Всякая всячина», стр. 180.
2 Там же, стр. 195—197.

щевать его, призывая смириться и действовать по новой, усиленно рекомендуемой ею программе. Рекомендации эти так и называются: «Правило, предписанное всем сочинителям», извлеченное из письма Добросоветова к господину сочинителю «Трутня».

Высочайшая инструкция определяла: 1) каким должен быть сочинитель и 2) что обязан изображать сочинитель. По первому пункту сочинителю вменялось в должность быть «добросердечным», чтобы «во всех намерениях, поступках и делах» блистала «красота души добродетельного и непорочного человека». Поэтому он лишь «изредка касается к порокам, чтобы тем под примером каким не оскорбити человечества».

Второй пункт приказывал сочинителю «поставлять пример в лице человека, украшенного различными совершенствами, то есть добронравием и справедливостию, описывать твердого блюстителя веры и закона, хвалить сына отечества, пылающего любовию и верностию к государю и обществу, изображать миролюбивого гражданина». «Вот славный способ исправляти слабости человеческие!» Это уже была полная капитуляция перед сатирой и требование от журналов заниматься примерно тем же, чем занимались французские поклонники монархини — «создавать ей алтари». В конце письма Новикова предупреждали, что если он не будет исполнять этой программы, то его будут считать «злонравным человеком», который «изо всего составляет ближним поношение», «бранит всех» только потому, что сам он порочный человек, «услаждение свое находящий в уязвлении других».

Новиков и не подумал прислушаться к преподанному ему совету. Он еще активнее повел наступление на правительственный журнал, проявивший смятение чувств. Совет был дан 3 июля, а уже 21 июля Новиков печатает злейшую сатиру на суд — историю о том, как у судьи украли часы. 4 августа он печатает второе письмо дяди к племяннику, в котором дядя, вслед за Екатериной, плутни свои цинично называет слабостью. «Я сам, грешник,— заявляет дядя,— ведаю, что беззакония моя превзыдоша главу мою; знаю, что я преступник законов, что окрадывал государя, разорял ближнего, утеснял сирого, вдовицу и всех бедных, судил на мзде; и короче сказать, грешил, и по слабости

человеческой еще и ныне грешу почти противу всех заповедей, данных нам чрез пророка Моисея, и противу гражданских законов». Это выступление Новикова беспрецедентно. Вложить в уста последнего негодяя речь о слабостях человека, то есть показать идентичность воззрений коронованного автора правительственного журнала и мошенника, значило перейти все дозволенные литературой грани и вторгнуться дерзко в область политики. Это уже было прямое обвинение, и с ним нельзя было полемизировать литературными средствами. Необходимо было открыто, используя доводы власти, защитить скомпрометированное и опороченное имя «защитницы истинной справедливости» — русской императрицы. Приходилось спешно спасать гибнущий на глазах читателей авторитет.

28 августа «Всякая всячина» и выступила с этой защитой. Как всегда, Екатерина, не очень доверяя другим, решила защищать себя сама, укрывшись под псевдонимом Патрикия Правдомыслова. Патрикий Правдомыслов шел с открытым забралом и, не таясь более, прямо объявил, что пишет эту статью с целью защиты русской самодержицы от нападок «Трутня»: «...рассудил за нужное сие к вам написать для того, что некоторые дурные шмели на сих днях нажужжали мне уши своими разговорами о мнимом неправосудии судебных мест». Все письмо построено как ответ на новиковские рассуждения, что в России нет «златого века», что неправосудие господствует, и потому именно, что оно находится под высочайшим покровительством. Первое, что стремится сделать Правдомыслов,— это реабилитировать Екатерину, доказать, что русская императрица лично никак не связана с имеющимися в России мошенниками, что она «сама справедлива», что обвинять ее в чем-либо лично невозможно и недопустимо. Так Новиков торжествовал свою первую победу — он заставил Екатерину оправдываться перед обществом.

Далее Патрикий Правдомыслов пытается все нападки и обвинения по адресу власти, выдвинутые в «Трутне», отвести демагогическим приемом прямого и откровенного прославления Екатерины II. Эти аргументы, как полагал Патрикий Правдомыслов, произведут неотразимое впечатление даже на такого человека, как издатель «Трутня». «Случалося мне слышать от одной части моих сограждан изречение такое: правосудия нет. Сие родило во мне лю-

бопытство узнать, отчего бы такий вред к нам вкрался? и справедливы ли жалобы о неправосудии? наипаче тогда, когда всякий честный согражданин признаться должен, что, может быть, никогда и нигде какое бы то ни было правление не имело более попечения о своих подданных, как ныне царствующая над нами монархиня имеет о нас, в чем ей, сколько нам известно и из самых опытов доказывается, стараются подражать и главные правительства вообще. Мы все сомневаться не можем, что ей, великой государыне, приятно правосудие, что она сама справедлива и что желает в самом деле видети справедливость и правосудие в действии во всей ея обширной области».

Далее следует набор тех доказательств, которые так неотразимо действовали на западных литераторов: «О том многие изданные манифесты свидетельствуют, а наипаче Наказ Комиссии уложения, где упомянуто в 520 отделении, что никакий народ не может процветать, если не есть справедлив». Конечно, признается Правдомыслов, в России, как и во всей Европе, «законы запутаны; о том сумнения нет»; но перед Европой «имеем мы выгоду ту, что ея величеством созвана вся нация для составления нового проекта узаконений; следовательно, питаемся надеждою о поправлении тогда, когда Европа вся не видит конца конфузии».[1] Как видим, Екатерина-Правдомыслов не слишком изобретательна в выбираемых ею методах воздействия на русскую общественность. Она употребляет и для нее все те же, проверенные на Западе, аргументы: манифест, Наказ, Комиссию — то есть действия, «подающие надежду». Но если французским друзьям Екатерины достаточно было обещать, то русские просветители всегда считали необходимостью проверять обещания государя делами. О делах же Екатерине нечего было говорить. Оставалось только довольствоваться следующим: «пока новые законы поспеют, будем жить, как отцы наши жили». Но Правдомыслов понимал, что если все предшествовавшие доводы могли оправдать в глазах общества Екатерину лично, то объяснить известные читателям по разоблачениям «Трутня» преступления этим было невозможно. И тогда, изворачиваясь, Правдомыслов ставит вопрос: как же быть «с болячкой, на которую жалуются, то есть что правосудия нет?» Сам этот

---

[1] «Всякая всячина», стр. 276—277.

вопрос как бы признавал наличие «неправосудия судебных мест», а раз Правдомыслов это допустил, значит необходимо было дать ему свое объяснение. Объяснение было нехитрым — «болячка» эта не в законах, не в судах, а «в нас самих». Весь дальнейший текст письма Правдомыслова — это пространное и витиеватое доказательство, что «неправосудие в нас самих», для того, чтобы закончить призывом: «Любезные сограждане! перестанем быти злыми, не будем имети причины жаловаться на неправосудие».

Это выступление Правдомыслова было вызовом русскому просвещению. На обличение «Трутня» государь-писатель ответил аргументами государя-самодержца. Отказываясь от полемики, он силою царского указа заставлял признать, что Екатерина II премудра, просвещенна, справедлива, что ее век — «век златый», а если существуют пороки и недостатки в стране, то в этом повинны сами подданные.

Русское просвещение приняло вызов; Новиков решил драться до конца. 8 сентября в двадцатом листе он выступает с главной своей статьей, в которой уже не таясь, а открыто, следуя примеру Правдомыслова, обрушивается на Екатерину как главного автора журнала «Всякая всячина». Он обличает политическую игру Екатерины в просвещенного монарха, объясняет читателю, сколь реакционна позиция правительственного журнала, занявшегося пропагандой вздорной и политически несостоятельной легенды о просвещенном характере екатерининского самодержавства.

В центре статьи Новикова — образ коронованного автора, в высшей степени удачно названного «неограниченным самолюбцем». Материал для характеристики этого самолюбца взят из нескольких статей «Всякой всячины» за август месяц. Главная задача статьи — показать читателю, как Екатерина использует свой журнал для пропаганды в России легенды о том, что русский монарх — философ на троне. Для обличения ее Новиков прежде всего использует средство пародии. Пародирует он статью 103 в тридцать девятом листе «Всякой всячины». Статья эта типична для журнала Екатерины; вместо сатиры она заполнена обычной маловразумительной болтовней про тех, кто питает «неутолимую жажду и жадность ко новизнам», про женщин, «кои крепки на ухо, так повадились громко

говорить, что слышащим уши дерут своими тонкими голосами», про «молодых девушек, которые чулков не вытягивают, а когда сядут, тогда ногу на ногу кладут, через что подымают юбку так высоко, что я сие приметить мог». Издеваясь над подобными образцами «сатиры», Новиков мастерски использует эти литературные «экзерсисы», создавая при их помощи сатирический портрет их автора.

Вот несколько примеров, показывающих сознательное пародирование Новиковым статьи «Всякой всячины»:

„ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА“	„ТРУТЕНЬ“
«Некогда читал некто следующую повесть. У моих сограждан, говорит сочинитель, нет ни одной такой склонности, коя бы более притягала мое удивление, как неутолимая их жажда и жадность ко новизнам».	«Некогда читал некто следующую повесть: у некоторых моих сограждан, говорит сочинитель, нет ни одной такой склонности, коя бы более притягала мое удивление, как неограниченное их самолюбие. Обыкновенный к тому повод бывает невежество и ласкательство».
«Если бы сие любопытство было хорошо управляемо, оно бы могло быть очень полезно для тех, кои теперь оным обеспокоены».	«Если бы сие самолюбие было ограничено и хорошо управляемо, оно бы могло быть очень полезно для тех, кои теперь оным обеспокоены».
«Для чего человек, который любит новизну, для чего, говорит сочинитель, не берет он книги в руки? Он бы тут много увидел, чего еще не знает».	«Для чего человек, который заражен самолюбием? для чего, говорит сочинитель, не берет он книги в руки? Он бы тут много увидел, чего ласкатели никогда ему не говорят».

Факт пародии Новиковым статьи «Всякой всячины» несомненен. Новиков поступает искусно: полностью используя конструкцию статьи «Всякой всячины», нарочито сохраняя весь ее нелепый, не русскому человеку принадлежащий словарь (явно изобличающий в ее авторе иностранца), он наполняет свой памфлет политическим содержанием, делая объектом сатиры коронованного автора.

Задача у Новикова на этот раз была крайне трудна — он стремился ответить на все поднятые Екатериной за последнее время во «Всякой всячине» вопросы, на все упреки ему, всюду обнаруживая при этом полицейскую десницу самодержца. Подготовленный своими памфлетными опытами, письмами Правдулюбова, Новиков на этот раз строит образ Екатерины на мотиве «неограниченного самолюбца». Ставя вопрос, в чем причины торжества и преуспеяния этого «неограниченного самолюбца», Новиков отвечает: «обыкновенный к тому повод бывает невежество и ласкательство». Этот ответ и определяет политический смысл всего памфлета Новикова — невежество необходимо рассеивать, народ надо просвещать, с ласкателями же, распространяющими легенду о Екатерине — просвещенном монархе, надо бороться.

«Неограниченный самолюбец»,— утверждает Новиков,— деспот: «что ему не нравится... терпеть не может». «Его умоначертание наполнено самим только собою: он не видит ни в ком ни дарований, ни способностей. Он хочет, чтобы все его хвалили и делали бы только то, что он повелевает; другим похвалу терпеть он не может, думая, что сие от него неправедно отъемлется».

«Неограниченный самолюбец» считает своей обязанностью вмешиваться во всякую деятельность людей, всюду желая занять первое место. На-днях «ему пришло на ум еще новенькое» — решил сделаться писателем, «со временем составить он хочет книгу, всякий вздор». Книга эта наполнена «странными приключениями», которые почему-то называются сатирами: «Такий-то на сей неделе был у своей родни и передавил все пироги»; «такий-то всякий день бранится со своими соседями за колодязь», «такий-то там-то приметил, что все девицы кладут ногу на ногу очень высоко», и т. д. К сожалению, «неограниченный самолюбец» не довольствуется этим, он еще издает журнал, и для того

только, чтобы «показать, якобы он единоначальный наставник молодых людей»,[1] что именно он «всемирный возглашатель добродетели»,[2] при этом, не умея писать сам, «перекрапывает на свой салтык статьи из славного аглинского «Смотрителя», занимается плагиатом, называя чужие сочинения «произведением своего умоначертания». Это литературное усердие «неограниченного самолюбца» имеет целью «удовольствовати всех читателей, показывая себя таким доброхотным человеком, кой более печется о поступках и делах ближнего, нежели о своих собственных», употребляя для этого даже «печать самую крупную, дабы и без очков читать можно было», «чтобы сии откровения угодность делали старушкам», а те, по свойственной им говорливости, «распространяли сии слухи». Но, завершает свое построение образа Новиков, как бы ни старался «неограниченный самолюбец» нарядиться в тогу наставника и мудрого государя, «из-под сего смиренного покрова кусает всех лишше Кервера».

Трудно переоценить значение этого выступления Новикова, как и всей его отважной борьбы с Екатериной. Своими выступлениями Новиков, кроме всего, обезоруживал Екатерину, и она не могла грозить ему со страниц журнала, ибо тем самым доказала бы всему обществу, что она «кусает лишше Кервера», что Новиков прав в своих обвинениях. Поэтому в очередном номере — 11 сентября — Екатерина поместила ответ под заглавием «Нельзя на всех угодить». Еле сдерживая себя от сильных выражений и называя издателя «Трутня» всего лишь «ругателем» и «завистником», она старается хоть как-нибудь оправдаться перед обществом. Не умея найти аргументов в свою пользу, она замечает, что не считает для себя возможным пускаться в опровержение «бредней», ибо показывает тем самым, «в каком холодная кровь выигрыше бывает над ки-

---

[1] Во «Всякой всячине» печатались многочисленные статьи с такими заглавиями: «Господин наставник, по причине полезных наставлений, которые в ваших листах...»

[2] Письмо Патрикия Правдомыслова, доказывая, что весь мир «и главные правительства вообще» «стараются подражать» Екатерине, объявляло ее «всемирным возглашателем истины». Следует напомнить, что и Вольтер многократно заявлял, что Россия благодаря Екатерине стала страной, «откуда теперь свет светит».

пящею». Признается Екатерина только в том, в чем нельзя было не признаться,— в плагиате. «Скажут, что мы переводы списываем. Признаемся, что и сие бывает». Екатерина не сдерживает искреннего своего изумления поведением издателя «Трутня»: «Воистину удивительная вещь! Есть люди, кои бранят наше сочинение».

Больше Екатерина не отвечала на продолжавшиеся выступления Новикова. В бумагах Екатерины академик Пекарский обнаружил ряд написанных, но ненапечатанных статей для «Всякой всячины». В одном из таких «писем», например, она писала, что в обществе появились «молодчики молодые», которые «становятся перед старшими и сим места не дают». «В наших краях прежде сего смертию казнили тех, кои малейшее непочтение доказывают старикам». Печатать такие письма после новиковских памфлетов и обличений — значило окончательно скомпрометировать себя, испортить всю затеянную игру. Не печатать, не отвечать на продолжавшуюся сатиру «Трутня» — значило попустительствовать дерзкому своевольству бывшего держателя дневной записки. Так должно было стать очевидным для Екатерины, что она проиграла свое сражение с русским просветителем, что план овладения русским общественным мнением вторично был сорван. Поэтому она сама отказывается от литературно-журнальной деятельности, а на следующий год полицейскими мерами запрещает «Трутень».

В своем ненапечатанном послании во «Всякую всячину» Екатерина расписалась в собственном бессилии, признала свое поражение: «Госпожа бумагомарательница Всякая всячина! По милости вашей нынешний год отменно изобилует недельными изданиями. Лучше бы изобилие плодов земных, нежели жатву слов, которую вы причинили. Ели бы вы кашу да оставили людей в покое: ведь и профессора Рихмана бы гром не убил, если бы он сидел за щами и не вздумал шутить с громом. Хрен бы вас всех съел».[1]

Полемика Новикова с Екатериной была следующим вслед за выступлением демократических депутатов Комиссии этапом в истории русской общественной мысли, развивавшейся в направлении обостряющейся оппозиционно-

---

[1] П. Пекарский. Материалы для истории журнально-литературной деятельности Екатерины II, СПБ., 1863, стр. 2—3.

сти к самодержавному строю. Несомненно, она формировала политическое сознание многих русских людей, воспитывала их в духе нетерпимости к произволу, к политической спекуляции, к деспотизму, подкрепляла отвагу в защите и отстаивании вольности и человеческих прав.

В своей борьбе Новиков был не одинок. Свидетельством этому служат и растущие тиражи «Трутня», наряду с падением тиражей «Всякой всячины», и поражение Екатерины в этой борьбе, и гласно высказанное признание нужности деятельности Новикова со страниц журнала «Смесь». В двадцатом листе этого журнала, сразу после писем Правдулюбова и грозных ответов на них «Всякой всячины», было помещено письмо под названием «Господину издателю «Трутня»: «Прочитав вашего издания листы, начал я иметь к вам почтение». «Вы выводите пороки без околичностей, осмеиваете грубость нравов испорченных». «Г. издатель, не смотрите на клевещущих на вас, презирайте их, они достойны вашего презрения, и не смотря продолжайте свой труд так, как вы начали, выводите порочных, ибо пороки, вообще осмеиваемые, не исправят порочных настоящего времени. Вы тем самым не раздражите истинных сынов отечества, ибо они сплетают за сие похвалы»; помните, «что вы прямой друг истинного человечества».

Как видим, значение сатирической деятельности Новикова определяется прежде всего тем, что на страницах его журнала «Трутень» запечатлелась исторической важности борьба оппозиционной русской литературы с Екатериной, борьба, закончившаяся поражением самодержицы и обеспечившая возможность дальнейшего развития независимой от правительства политической и социальной мысли, выражающей коренные нужды и отягощения народа. При этом важно учитывать, что русские просветители всегда в своей борьбе апеллировали к широким кругам читателей (передовое дворянство, разночинцы, «среднего рода люди»), действуя методами публичности. В это же время Екатерина, потерпевшая поражение в России, продолжает одерживать новые победы на Западе. Впрочем, именно в эти годы и та и другая сторона — и Екатерина и энциклопедисты — более всего хотели совершать свои дела келейно, всячески избегая гласности. Дидро в период 1768—1772 годов по собственной инициативе занимается тем, что не допускает

публикации книги Рюльера о перевороте Екатерины, оберегая ее авторитет, выступая союзником и сотрудником русской императрицы. Вольтер щедро расточает поток похвал Екатерине в письмах к ней. Он называет ее единственным великим человеком в Европе, «преобразователем общества», «святой», «петербургской богоматерью», заверяя постоянно, что она может быть спокойна, пока есть ее «обожатель» — «пустынник фернейский», ставящий своим долгом свято оберегать ее европейский престиж и создавать ей все новые и новые «алтари».

Несомненно, это расхождение путей русского и французского просвещения объясняется социально-политическими причинами. Ограниченность в общественно-политических и государственных воззрениях Дидро и Даламбера и тем более Вольтера отражает буржуазность их мировоззрения, исторически объясняемую боязнь народа и его революционной энергии. Сила русского просвещения — в его прямом или косвенном, сознательном,— а часто и неосознанном,— отражении борьбы русского крестьянства против созданного помещичьим классом самодержавно-крепостнического государства.

Таково было содержание первого общественного выступления Новикова в журнале «Трутень».

VI

Начатая первыми русскими просветителями, демократическими депутатами Комиссии, борьба за основы национально-самобытной политической идеологии, найдя широкий общественный отклик, вовлекала в число своих бойцов все новые силы. После выступлений Козельского, Фонвизина и Новикова сразу же по приезде из Лейпцига выступает еще один молодой писатель, воспитывавшийся одно время под влиянием Московского университета,— Александр Радищев.

Факты, известные нам из биографии Радищева, и, что особенно важно, его прямое свидетельство в повести «Житие Федора Васильевича Ушакова» позволяют совершенно точно установить, что если Лейпцигский университет предоставил ему большие возможности для овладения науками,

то определяющим фактором формирования его мировоззрения была национальная почва.

В Лейпциг Радищев уехал уже юношей. Русская студенческая колония имела своего духовного наставника и вождя, Федора Ушакова. Живя за границей, студенты были во власти тех же самодержавных порядков. Русская просвещенная монархиня постаралась сохранить для посланных за границу юношей в полной неприкосновенности все российские условия политического бытия. По свидетельству Радищева, деспотический режим гофмейстера Бокума полностью воспроизводил режим русского самодержавия. Русская колония, таким образом, являла собой Российскую империю в миниатюре, и все содержание «Жития Ушакова» посвящено рассказу о том, как деспотический режим вызвал в подданных — юношах — законное негодование и протест, вылившиеся в конце концов в бунт против тирана — Бокума.

Не теряя связи с родиной, общаясь с многочисленными проезжими русскими, следя за всеми событиями в России, и прежде всего за действиями Комиссии,— а их всех и послали для того, чтобы они подготовили себя для работы над новым русским законодательством,— борясь с Бокумом, Радищев учился в университете и жадно читал книги французских философов. И уже там, в Лейпциге, Радищев стал, по примеру Козельского, подходить к огромному идейному богатству корифеев просвещения критически и самостоятельно. Эта самостоятельность определилась, прежде всего, в том, что он сумел оценить в просвещении его самые сильные, а не слабые стороны — его философию, а не политику. Мы знаем, что его привлекали атеистическая философия, материализм Гельвеция, демократизм и общественные теории Руссо, моральные принципы и политические взгляды не Монтескье, а Мабли.

Возвратившись на родину, Радищев поэтому естественно и органически вошел в ряды тех, кто отстаивал основы самостоятельного русского политического мировоззрения. Так же естественно, что великий собиратель литературных сил Николай Новиков был именно тем человеком, который привлек Радищева к работе созданного им «Общества, старающегося о напечатании книг». Первое выступление Радищева в России — это перевод книги Мабли «Размышления

о греческой истории». Этот перевод и издал Новиков в 1773 году.

Перевод книги Мабли, несомненно, был обдуманным шагом со стороны Радищева. Он был сделан с учетом начатой Козельским и Новиковым борьбы против распространения легенды о просвещенном характере русского самодержавства, с целью поддержать и усилить своих союзников.

Как мы уже видели, Екатерина популяризировала в России социально-политическое учение энциклопедистов (Наказ, написанный по книге Монтескье, переводы политических статей из Энциклопедии, издание «Велизария» Мармонтеля и т. д.). Как Козельский в своих «Философических предложениях» этим авторам противопоставляет Гельвеция и Руссо, так и Радищев, продолжая эту линию, теории энциклопедистов противопоставляет Мабли, Руссо и свои собственные политические взгляды. Не случайно выбор пал именно на Мабли — наиболее активного противника доктрины просвещенного абсолютизма. Но этим Радищев не ограничился; он снабжает сочинение Мабли своими примечаниями, усиливающими его направленность против энциклопедистов.

Книга Мабли написана в 1749 году, то есть год спустя после выхода «Духа законов» Монтескье. Во многом она полемизирует с ним. Радищев делает от себя примечания, точно указывая главы и параграфы «Духа законов», вызвавшие возражения Мабли. Эта форма примечаний и позволила Радищеву в книге противника просвещенного абсолютизма изложить и свою мысль, опрокидывающую пропагандируемые энциклопедистами определения природы монархий всяческого вида.

Радищев включил в книгу свое примечание к слову самодержавство, переводя так употребленный Мабли термин деспотизм. Блестяще разбиравшийся в вопросах теории, Радищев, безусловно, делал это отступление с расчетом. Согласно учению энциклопедистов, деспотия и монархия, самодержавство,— разные политические системы. Радищев же позволяет себе, опираясь на авторитет Мабли, уравнять эти два понятия, поставить знак равенства между крайней формой монархии — деспотией и самодержавством. Но это была только часть дела. Главное состояло в том, чтобы дать русскому обществу исчерпывающее определение поли-

тической сущности русского государственного управления — самодержавства. Этим своим примечанием Радищев сразу активно включался в начатую русскими просветителями борьбу, выступая как теоретик, умеющий не только ниспровергать неприемлемые доктрины, но и развивать позитивную программу.

Напомню, что в конце 1770 года вышел перевод Ивана Туманского «О государственном правлении и разных родах оного из Энциклопедии». Совершенно очевидно, что появившийся в 1771 году в России Радищев знал эту книгу, и когда писал свое примечание к слову самодержавство, имел в виду определение данного понятия в этой книге, принадлежащей разносчику политического учения энциклопедистов кавалеру де Жокуру.

Напомню радищевское примечание.

«Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние. Мы не токмо не можем дать над собою неограниченной власти; но нижѐ закон, извет общия воли, не имеет другого права наказывать преступников, опричь права собственныя сохранности. Если мы живем под властию законов, то сие не для того, что мы оное делать долженствуем неотменно; но для того, что мы находим в оном выгоды. Если мы уделяем закону часть наших прав и нашея природныя власти, то дабы оная употребляема была в нашу пользу; о сем мы делаем с обществом безмолвный договор. Если он нарушен, то и мы освобождаемся от нашея обязанности. Неправосудие государя дает народу, его судии, то же и более над ним право, какое ему дает закон над преступниками. Государь есть первый гражданин народного общества».[1]

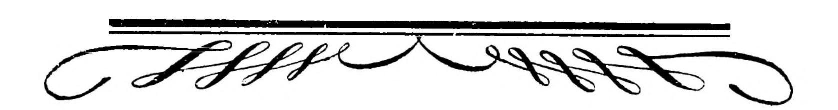
Так по приезде из Лейпцига Радищев в первом же своем общественном выступлении показал, как овладел он идейным наследством «великих мужей», что он понял их, исходя из социально-политических условий русской жизни и потребностей русского общественного движения. Развернувшаяся в конце 60-х и начале 70-х годов деятельность русских просветителей в 80-е годы примет качественно новый характер. Это будет определено великим событием русской жизни — крестьянской войной против дворянско-само-

---

[1] А. Радищев. Избранные сочинения, Гослитиздат, 1949, стр. 3.

державного режима, возглавленной Пугачевым. До восстания Пугачева эта деятельность в большей своей части носила негативный характер — разрушались «алтари», возводимые екатерининскому самодержавству. После восстания, продемонстрировавшего революционные силы народа, русское просвещение окажется способным теоретически обобщить его опыт и построить самое передовое в мире самостоятельное политическое мировоззрение XVIII столетия, в основе которого будет лежать радищевская теория народной революции.

ГЛАВА ПЯТАЯ

I

Указом 26 декабря 1768 года прекращались заседания Большого Собрания Комиссии по составлению нового Уложения. Работа же по составлению нового законодательства, как свидетельствуют архивные материалы, продолжалась полным ходом, только теперь она была сосредоточена в частных комиссиях. Несмотря на войну с Турцией, депутаты, члены этих частных комиссий, были оставлены в Петербурге. Им был придан многочисленный штат «состоящих у письменных дел»:

сочинителей, их помощников, держателей дневных записок и т. д. Регулярно на протяжении нескольких лет, почти до начала восстания Пугачева, по составленному расписанию собиралось около двух десятков комиссий и обсуждали наказы избирателей, изучали старое законодательство, составляли проекты статей новых законов. Несколько сот человек в столице России, скрывшись за дверями императорских апартаментов, занимались общегосударственным делом, в результатах которого была заинтересована вся многомиллионная Россия.

Среди других действовала в течение 1769—1771 годов комиссия «о разборе родов государственных жителей» в составе дворянских депутатов — Ф. Орлова, Брюса, Унгерн-Штернберга и депутата от города — купца Свешникова. Главным содержанием работ данной частной комиссии в этот период было обсуждение различных проектов прав крестьянства.

Получив в свое распоряжение сотни крестьянских наказов, а также «голоса» депутатов, поданные во время прений в Большом Собрании, Комиссия поручила сначала Унгерн-Штернбергу, а затем Вольфу составить проекты будущих законов о крестьянских правах. В обоих представленных проектах в качестве основного тезиса было декларировано политическое невмешательство правительства в отношения между помещиками и крестьянами. И Унгерн-Штернберг и Вольф вместо требуемой демократическими депутатами регламентации отношений между крестьянством и дворянством, регламентации, построенной на вмешательстве власти в эти отношения, занялись выработкой пожеланий и рекомендаций дворянам-помещикам не отягощать своих крепостных без нужды тяжелыми поборами, не быть бесчеловечными и жестокими. Единственной уступкой демократическим депутатам был пункт о праве крестьян жаловаться на помещиков (особо жестоких), жаловаться через старосту. Изучение документов убеждает нас, что умело подобранный из дворянских депутатов состав комиссий обеспечивал последовательный и жестоко крепостнический характер подготавливаемых ими проектов. Этот крепостнический дух с особой силой проявился во время обсуждения двух указанных выше проектов. Все, даже пустейшие, либеральные пожелания и обещания призрачных прав встречали неизменно ожесточенный отпор и беспощадно вымарывались.

Был, в частности, изъят из проекта и пункт о праве крестьянина жаловаться через старосту своему же помещику. По сути дела вырабатывался не проект прав крестьян, а проект еще большего увеличения деспотической власти помещика над своим крестьянином.

Работа частных комиссий раскрывает полностью политику Екатерины: роспуск Большого Собрания был вызван испугом перед активностью оппозиционных к правительству демократических депутатов. Политические дебаты свидетельствовали о решительном желании многих депутатов самим заняться законодательством, о дерзновенном отрицании главной прерогативы самодержца: в монархии государь — единственный источник законов. В этих условиях затеянный Екатериной сбор избранников нации грозил многими нежелательными последствиями. Следовало, значит, прежде всего отнять у оппозиции трибуну, кафедру, с которой, умело используя легальные возможности, депутаты так горячо и, главное, так громогласно заговорили о нуждах и отягощениях народа. Распуская Большое Собрание, императрица лишала демократическую общественность возможности влиять на дух и характер будущих законов, на работу частных комиссий. Это же, кстати сказать, отражало сокровеннейшее желание дворянства, крайне встревоженного всеми этими дебатами. Идя навстречу коренным интересам помещиков, Екатерина не только оградила их от общественности, но и предоставила им самим в частных комиссиях решать по-своему все наболевшие социальные вопросы, составлять любые, их устраивающие, законы.

В этой атмосфере и появился тщательно подготовленный собственный журнал русской императрицы — «Всякая всячина». Пока в частных комиссиях заседали или чиновники, или крепостники, можно было, не волнуясь за судьбу будущих законов, заняться обществом, чтобы отвлечь его внимание от дел Комиссии, чтобы направить его интерес к иным проблемам и «материям». Изобретено было в достаточной мере оглушающее средство: гласность, свобода слова, чуть ли не бесцензурная критика и сатира.

В первом же номере своего сатирического журнала Екатерина обратилась к обществу с призывом последовать ее примеру и приступить к изданию сатирических анонимных журналов. «Я вижу, что за нею («Всякой всячиной».— *Г. М.)* последуют законные и незаконные дети:

будут и уроды ее место со временем заступать. Но вижу сквозь облака добрый вкус и здравое рассуждение, кои одною рукою прогоняют дурачества и вздоры, а другою доброе поколение всякия всячины за руку ведут».[1]

Внешне это выглядело все так же либерально, все так же в духе действий просвещенной монархини. Поэтому какие-либо подозрения, возникавшие, конечно, в связи с ликвидацией Большого Собрания, должны были развеяться, как дым. Больше того, новый либеральный почин Екатерины свидетельствовал, что она не свертывала свою деятельность, а все больше и больше расширяла ее и от гласности в пределах Большого Собрания переходила к гласности почти всероссийской.

Именно в это время и выступил отлично знавший причины роспуска Большого Собрания, превосходно понявший тактику Екатерины и ее роль просвещенного монарха держатель дневной записки со своим журналом «Трутень».

Екатерина начала издавать журнал с тем, чтобы отвлечь внимание общества от Комиссии; Новиков приступил к изданию «Трутня» с мыслью напомнить ему о вопросах, поставленных и не разрешенных Большим Собранием депутатов, с намерением оказать влияние на работающую за закрытой дверью частную комиссию «о разборе родов государственных жителей». Новиков, бесспорно, был в курсе деятельности этой комиссии. Стоит указать лишь на то, что сочинителем в ней был его друг и соратник по журналу Михаил Попов. Именно он вел протокольные записи всех заседаний комиссии, он присутствовал при обсуждении проектов Вольфа и Унгерн-Штернберга, он сам дважды переписывал проекты о правах «третьего или нижнего рода государственных жителей».

Несомненно также, что все содержание журнала с двумя генеральными темами — дворянство и крестьянство (их характеристика, изображение их бытия, их общественно-политического положения и взаимоотношений) — соответствовало двум главным проблемам, поднятым и не разрешенным в Комиссии: права «благородных» и права «нижнего рода государственных жителей». Эта тематика была выявлена уже в эпиграфе журнала «Трутень»: «Они рабо-

---

[1] «Всякая всячина», 1769, «Поздравление с Новым годом». стр. 3.

тают, а вы их труд ядите». Работающие — это крестьяне, поедающие их труд бездельники — это дворяне. О том же свидетельствует и ряд других фактов, но я укажу только на два, наиболее разительные.

Первый: из проекта Вольфа, как было сказано выше, комиссия «о разборе родов государственных жителей» исключила пункт о праве крестьян жаловаться через старосту на усиленные притеснения. И вот в «Трутне» появляются «Крестьянские отписки»: письма крепостного Филатки, старосты Андрюшки своему барину Григорию Сидоровичу. Эти письма как бы написаны с целью обличения крепостников — членов комиссии, отнявших у крестьян право даже через старосту обращаться с просьбой к собственному помещику. Новиков показывает, как помещик Григорий Сидорович, опираясь на таких столпов дворянской государственности, как члены комиссии Ф. Орлов, Брюс и Унгерн-Штернберг, жестоко и беспощадно расправляется и с Филаткой и со старостой Андрюшкой, посмевшими пожаловаться на свое житье и на действия, явно беззаконные, их мучителя — соседнего помещика Нахрапцова.

Второй: Екатерина сразу поняла политическое направление журнала «Трутень». До его выхода она забавляла общество безобидными шутками, «всякой всячиной», кое-как перекраивая украденное в английских журналах «Зритель» и «Болтун». После первых же номеров «Трутня», затронувшего актуальнейшие вопросы политической жизни, Екатерина оказалась вынужденной обратиться именно к этим вопросам, а ими и были прежде всего вопросы работы Комиссии. Так, 22 мая в двадцать первом листе «Всякой всячины» появилась аллегорическая сказочка о том, как мужику кафтан шили. Сказочка должна была оправдать Екатерину в ее действиях и обвинить демократических депутатов в срыве работ большой государственной важности. Сказочка начиналась многозначительно: «Жил да был мужичок...» Пришла ему нужда сменить кафтан. Обратился к одному приказчику, тот прогнал его прочь и велел его высечь. Сменился приказчик, но и новый не удовлетворил просьбу мужика. Наконец появился добросердечный приказчик и, выслушав мужика, приказал собрать портных (депутатов), чтобы они мужику сшили кафтан. Демократические депутаты изображены в виде «дерзких и нахальных мальчиков», взятых в ученики к портным. Взяли их из

милости, по добросердечию приказчика (Екатерины II). Но вместо послушания начали они спорить, кричать, шуметь и тем самым мешать остальным портным (депутатам) сшить кафтан мужику. Так и не удалось добросердечному приказчику исполнить свое желание — дерзкие мальчики помешали. А тем временем дожидавшийся кафтана мужик стоял на морозе и терпел.

Сказочка рисовала Екатерину защитницей народных интересов, а демократических депутатов — людьми не только дерзостными, но — то ли по глупости, то ли по самолюбию — предавшими интересы своих избирателей. Сказочка была написана и не без желания намекнуть обществу, что вот и теперь, когда разрешены бесцензурные журналы, предоставлена обществу гласность, появились люди вроде издателя «Трутня», очень похожие на «дерзких и нахальных мальчиков», которые, следуя своему «желчному» человеконенавистническому характеру, ничего полезного обществу принести не могут, а только то и делают, что чернят мудрую политику русской самодержицы и тем самым мешают хорошим большим и общественно-важным начинаниям человеколюбивой Екатерины.

Выше уже рассказывалось, как Новиков принял этот вызов Екатерины и разоблачил перед обществом и деспотический характер коронованного автора и всю ее новую демагогическую авантюру с сатирическими журналами. Факт ожесточенной борьбы Новикова с Екатериной необходимо учитывать при анализе всего богатого сатирического материала «Трутня» и «Живописца». Борясь с монархом, занимающимся литературой, Новиков ни на шаг не отступал от своей цели: сказать правду о социально-политическом положении России, о взаимоотношении двух главных антагонистических классов — дворянства и крестьянства.

II

Из двухсот семи заседаний Большого Собрания депутатов обсуждение проекта прав «благородных» заняло около ста. Дворянские деятели — помещики, придворные, офицерство, государственные чиновники — в течение полутора лет превозносили сословие «благородных», пели осанну дворянскому корпусу, перечисляя его заслуги перед Россией, ут-

верждая его ведущую роль во всей государственной, культурной, хозяйственно-политической жизни страны, отстаивая его права и привилегии как награду за эти заслуги и дела. В речах дворянских лидеров, особенно таких, как князь Щербатов, дворянство рисовалось как единственно активный класс, несущий все бремя забот об отечестве, не жалеющий своего «живота» во имя «возлюбленных россиян», как единственный и законный представитель русской национальности. Эта активность дворянских депутатов, эта исступленная пропаганда кастовых привилегий и заслуг и объясняет нам обилие сатирических материалов о русском дворянстве, появившихся на страницах «Трутня».

Демократические депутаты старались несколько умерить спесь представителей дворянского корпуса напоминанием, что и другие сословия несут не меньшие, если не большие тяготы и обязанности перед государством. Новиков подошел к этому иначе. Уже эпиграф журнала говорил об отношении к помещикам держателя дневной записки: они — трутни. Перед лицом русского общества, с кафедры получившего широкую популярность журнала, Новиков разоблачал созданный дворянскими идеологами миф о ведущей роли дворянства в жизни России. Документами, фактами из быта русского дворянства, литературной сатирою Новиков демонстрировал перед всеми подлинное лицо дворянского корпуса. Дворяне в Комиссии назывались не иначе, как «благородные», в отличие от «подлого» народа. Об их заслугах говорили высокопарно, торжественно, патетически. Новиков стал говорить о дворянах гневно, сатирически. О дворянстве как господствующем и стоящем у власти классе он сказал самое главное, то, что характеризует существо его социально-политического бытия. Русское дворянство или служило при дворе, в государственном аппарате, в армии, или занималось собственным хозяйством. Новиков и показал читателю дворянина-чиновника и дворянина-помещика.

Как служат дворяне, как исполняют свои обязанности перед государством? Значительная часть статей журнала посвящена обличению произвола чиновников, их плутней, их взяточничества. Новиков показал, что в России люди не защищены законом, что суда нет, а есть учреждения, отданные на откуп чиновникам всех рангов, которые открыто грабят и притесняют население.

Новиков использует различные жанры для обличения. Вот форма газетного объявления: «Некоторому судье потребно самой свежей и чистой совести до нескольких фунтов». Или: «Недавно пожалованный воевода отъезжает в порученное ему место и для облегчения в пути продает свою совесть». Вот форма «извествия», заимствованная из газеты: «З а б ы л - ч е с т ь дворянин, находясь в некотором приказе судьею, трудами своими и любовию к ближним нажил довольное имение».

Автор «Писем к племяннику» — типичный представитель дворян-подьячих. Ярко и заманчиво повествует он племяннику о выгодах, таящихся в судах: «Годов в десяток можно нажить хорошую деревеньку». «Судейская наука вся в том состоит, чтобы уметь искусненько пригибать указы по своему желанию». В начале своего царствования Екатерина издала указы против взяточничества, декларировав свою борьбу с лихоимством. В обществе много говорилось об этих указах Екатерины. И вот дядя опасается, что его племянник и в самом деле поверит в эти угодные правительству слухи об искоренении неправосудия и потому может лишиться доходов. В предупреждение этого он спешит заверить племянника: «Ежели ты думаешь, что она (судейская должность.— *Г. М.*) по нынешним указам ненаживна, так ты в етом, друг мой, ошибаешься»; «тебе известно, что по приезде моем на воеводство не имел я за собою больше шестидесяти душ дворовых людей и крестьян; а ныне, благодаря подателя нам всяких благ, трудами моими и неусыпным попечением нажил около трехсот душ, не считая денег, серебра. . .» Воровать можно безнаказанно,— убеждал многоопытный дядя,— правительство на нашей стороне. Если даже зарвется который и поймают его,— ну, отстранят от должности — вот и все наказание. «А тогда, как мы наживемся, хотя и попросят, так беда будет невелика: отрешат от дел и велят жить в своих деревнях. Вот те на, какая беда! для чего не жить, коли нажито чем жить». Потому — воруй, воруй и грабь, не теряя бесценного времени,— почти слезно умоляет дядя своего «любезного племянничка».

В тринадцатом листе рассказывается трагическая история о судье, у которого украли часы. Она рисует полнейшую беззащитность человека перед лицом всесильных судейских негодяев. У судьи пропали золотые часы, конечно,

не купленные: «судьи редко покупают», они «с надлежащим судейским насилием вымучены были у одной вдовы». Часы украл племянник судьи, «хотя мальчишка молодой», но уже твердо вступивший на дядину стезю. Судья обвинил в воровстве подрядчика, которому должен был изрядную сумму. Подрядчик был немедленно схвачен и подвергнут пыткам. Добиваясь признания, его секли так, что «плети отрывали кожу кусками». После таких истязаний подрядчик, чтоб только прекратить пытки, принял вину на себя. Воспользовавшись этим, судья потребовал также, чтобы подрядчик отказался от взыскания с него долга. Ограбленного и невинно избитого подрядчика заковали в кандалы, но тут вдруг обнаружилось, что часы-то украл племянник судьи. Обнаружилось, и... ровно ничего не изменилось. Судьи все были заодно: «собака собаку лижет, и ворон ворону глаз не выклевывает»; они «приказали: вора племянника, яко благородного человека, наказать дяде келейно; а подрядчику при выпуске объявить, что побои ему впредь зачтены будут».

Таковы дворяне-чиновники.

Еще отвратительнее облик дворян-помещиков. Показывая социальную практику дворян, Новиков страстно ратует за необходимость изменения существующего положения в соответствии с началами справедливости и человеколюбия, с истинами, подсказываемыми разумом. Стремясь вскрыть типическое и главное, что определяет практику помещика-дворянина, Новиков создает образ Безрассуда, показывая тем самым, что этим главным является классовый эгоизм. «Безрассуд болен мнением, что крестьяне не суть человеки»; он рассуждает: «я господин, они мои рабы, они для того и сотворены, чтобы, претерпевая всякие нужды, и день и ночь работать и исполнять мою волю исправным платежом оброка: они, памятуя мое и свое состояние, должны трепетать моего взора». Отсюда деятельность Безрассуда сводится только к тому, чтобы обирать крестьян. Так ставился Новиковым вопрос о социальном паразитизме, который и приводил, по его мнению, к моральному вырождению дворянства. Безрассуды не заняты общественно-полезным трудом. Они тунеядцы, погруженные в эгоистические мелочные дела. Один из породы Безрассудов, вельможа Недоум, «ежедневную имеет горячку величаться своею породою»; другой — Скудоум, «сынок при-

казного человека, грабившего целый свет»; он «презирает свою почтения достойную супругу, которая не только что его сделала счастие, но и всей Скудоумовой фамилии; а Скудоум, не чувствуя нималой к ней благодарности, таскается по всему городу и влюбляется в таких, с коими обхождение наносит бесчестие»; третий, Мешков, «имеет болезнь для своего прибытка честных людей поносить. Он обманывает всех по своей возможности; в глаза льстит, а заочно ругает и для получения какой-нибудь вещи не щадит ни чести, ни добродетели, ни совести, ни законов»; четвертый, Глупомысл, «хочет непременно знатным быть господином, хотя имеет чин и весьма маленький»,— так из номера в номер проходит вереница созданных Новиковым образов представителей класса — хозяина России.

Эти Глупомыслы и Мешковы не любят родины, презирают народ, раболепствуют перед всем иностранным, клевещут на русских, говоря, «что русские ничего хорошо делать не могут, как иностранные». Когда некоторые из этого племени выморочных решаются заняться просвещением, то никакого толка из этого не получается. «Безрассуд, житель нашего города, помешался в уме, прочитав книгу «Разговоры о множестве миров» (Фонтенеля, в переводе Кантемира). Когда некий дворянчик, «молодой российский поросенок», поехал «по чужим землям для просвещения своего разума», то, объездив с пользою, возвратился уже «совершенною свиньею».

Единственно доступной для этих дворян областью оказывалась «волосоподвивательная наука». Они прочно усвоили, «что хорошо завитые волосы скорее ума приметить можно: волосы снаружи, а ум внутри».

Стремлением показать губительные последствия социального паразитизма объясняется и обилие в «Трутне» материалов о щеголях, щеголихах, придворных бездельниках, развратниках, плутах и мошенниках.

Создавая литературные портреты русских дворян, Новиков эпохи «Трутня» опирался на опыт и литературные достижения русского классицизма. Образ строился плоскостно, однолинейно; он лишен был всего конкретно-индивидуального. Одна господствующая в поведении человека черта бралась за основу и исчерпывала всю характеристику персонажа. Эта же черта выносилась в заглавие — фамилию. Отсюда судья Забыл-честь, жестокий помещик Без-

рассуд, придворный щеголь Глупомысл и т. д. Но использовал Новиков этот опыт творчески, своеобразно, подчиняя его задаче создания общественной, социальной сатиры. Каждый образ у Новикова поэтому памфлетен. Главное в нем — конкретность и точность изображения порока. Новикову чуждо представление о пороке общечеловеческом. Он всегда бичует пороки, терзающие Россию, и бичует вместе с тем носителей их, русских дворян, помещиков и чиновников. Отсюда документальная достоверность его изображений пороков: взятки в судах, злоупотребления при рекрутском наборе, принуждение крестьян работать в воскресенье, ненависть и презрение к России и русскому языку, преклонение перед французской цивилизацией и ее носителями в России — авантюристами и жуликами всякого рода и т. д. и т. п. Делая образ носителем точного, социально обусловленного порока, Новиков прибегает к условным именам с целью зашифровки действительного, реального лица. Оттого не только современники могли, но иногда и мы до сих пор можем почувствовать, на какую именно особу «целил» Новиков.

Совершенно очевидно, что образ Стозмея есть «сатира на лицо», а условное имя было «уловкой», «тонкостью». Так же построен образ Недоума. Почти наверное это памфлет на князя Щербатова. Никто другой в эти годы так страстно и горячо не кичился аристократизмом, как Щербатов. На протяжении полутора лет в Комиссии по Уложению именно он произносил на эту тему речи с таким волнением и темпераментом, что держатель дневной записки Новиков должен был отмечать в протоколе душевное состояние оратора: «говорил с крайним движением духа». В этих речах он как особую «отличность» дворян отстаивал древность рода. С высоты своих аристократических позиций он относился с презрением даже к тем дворянам, которые не имели пятисотлетней родословной. Это он выступил против Козельского, пытавшегося заявить, что следует, наряду с заслугами дворянства, учитывать заслуги и людей других сословий — ремесленников, купцов, крестьян. Опровергая утверждения Козельского, Щербатов возмущался именно этой попыткой сравнить дворян с «подлым народом».

А вот новиковский Недоум: его социальное положение — вельможа, его занятие — «подает проекты», которые многими «были похваляемы, а многими были опорочены»,

Не есть ли это намек на занятия Щербатова в Комиссии с его многочисленными проектами? Убеждения Недоума: «Он производит свое поколение от начала вселенной, презирает всех тех, кои дворянства своего по крайней мере за пятьсот лет доказать не могут». Недоума «тотчас начинает трясти лихорадка, если кто пред ним упомянет о мещанах или крестьянах. Он их в противность модного наречия не удостаивает нижѐ имени подлости». Не есть ли это то самое «крайнее движение духа» в полемике с Козельским, уравнявшим дворян с «подлым народом»?

В таком прямом выпаде против деятеля Комиссии нет ничего неожиданного для Новикова. На страницах его «Трутня» имена депутатов появлялись не один раз. Так, например, в двадцать втором листе были помещены стихи Василия Майкова (продолжавшего работать в частной комиссии) на смерть подполковника Арсения Беклешова, убитого под Хотином. Арсений Беклешов — депутат, знакомый Майкова и Новикова. Журнал имеет два посвящения: на 1769 год — Льву Нарышкину, на 1770 год — Всеволоду Всеволодскому — оба депутаты Комиссии. Посвящение Нарышкину носило официальный характер. Посвящение Всеволодскому обнаруживало дружеские отношения между ним и Новиковым. В своем обращении к Всеволодскому Новиков излагает свои мысли о достоинстве добродетельного человека, смело заявляя: «не знатность вашего чина во мне производит» почтение, «но ваши добродетели: ибо знатный господин, не имеющий душевных добродетелей, столь же мал в моих глазах, как и последний гражданин, не имеющий оных».

Еще радикальнее, чем сатира на дворян, была разработана Новиковым крестьянская тема. В Комиссии не было депутатов от крепостных; их голос не звучал с трибуны русского парламента. Лишь многочисленные наказы казенных крестьян таили в себе душераздирающие жалобы всего крестьянства. Только ничтожнейшая часть их была предана гласности — зачитана на Большом Собрании. Большая же попала к «служащим у письменных дел», застряла в частных комиссиях. Новиков, издавая журнал, решил выступить с защитой интересов крестьян, и здесь он продолжил линию демократических депутатов.

Выступления Новикова по крестьянскому вопросу многочисленны. Описывая светских вертопрахов, петербургских

щеголей и петиметров, всех этих Наркисов, Ветренов, он всякий раз указывал, что резвость этих ничтожных людишек, их игры, моды, забавы тяжелым бременем ложатся на крепостных крестьян. В ряде статей Новиков подробно описывает положение последних. Обращаясь к Безрассуду, он восклицает: «Вообрази рабов твоих состояние, оно и без отягощения тягостно; когда ж ты гнушаешься теми, которые для удовольствования страстей твоих трудятся почти без отдохновения». «Они работают день и ночь, но со всем тем едва, едва имеют дневное пропитание, затем, что насилу могут платить господские поборы». Нарисовав картину бедствия бесправных крестьян у помещика-тирана, Новиков, совсем в духе демократических депутатов, взывал к чувству, сердцу, совести этих людей: «Безрассудный! разве забыл то, что ты сотворен человеком, неужели ты гнушаешься самим собою во образе крестьян, рабов твоих? разве не знаешь ты, что между твоими рабами и человеками больше сходства, нежели между тобою и человеком».

В наказах крестьяне жаловались на злоупотребления помещиков во время рекрутских наборов. Защищая крестьян от дикого произвола крепостников, Новиков предает гласности эти проделки дворян, действующих вопреки законам. «При нынешнем рекрутском наборе, по причине запрещения чинить продажу крестьян в рекруты и с земли до окончания набора, показалося новоизобретенное плутовство»: помещики, забывшие честь и совесть, с помощью ябеды выдумали способ обходить законы, творить произвол и наживаться за счет продажи крестьян в рекруты. Это обличение написано Новиковым в форме письма с точным указанием года, месяца и дня — 1769 года, октября 8 дня. Характерна и «издательская» приписка к этому письму: «Ето не мое дело». Приписка была прямо обращена к правительству, ибо это оно должно было карать дворян-преступников, следить за исполнением собственных указов.

Не ограничившись этим, Новиков предоставил право голоса самим крестьянам, заставил общество выслушать голос лишенного всех прав «питателя России». Крестьянин, как об этом скажет Радищев, был в законе мертв. Специальным указом Екатерины ему запрещалось жаловаться. Весь аппарат помещичьего государства направлен был на то, чтобы голос мужика не мог прозвучать в обществе. Литература того времени не только правительственно-официальная, но

и дворянски-оппозиционная изображала положение крестьянства искаженно. Сумароковско-херасковская школа создала традицию изображать крестьян как счастливых поселян, веселых пастушков, довольных своим бытием, вкушающих сельское блаженство. И вдруг 20 октября 1769 года со страниц двадцать шестого листа «Трутня» впервые прозвучал голос самого крепостного крестьянина — появились «Отписки крестьянские» — письмо старосты Андрюшки, а затем — лист тридцатый — письмо крестьянина Филатки. Целый мир нужды, нищенства, нечеловеческих страданий, обрисованный беспощадной рукой художника, предстал перед читателем. «Отписки» эти значительны не только тем, что в них впервые была показана картина реальной жизни русского крепостного. Они важны новым своим тоном — в них нет обычных для человеколюбивых речей того времени моральных сентенций, призывов к совести жестокосердого и т. д. Новиковские крестьяне не жалобили, а обвиняли,— и не языком эмоций, а языком цифр, точных фактов заговорили они.

«Указ твой господский мы получили,— пишет староста Андрюшка «государю Григорью Сидоровичу»,— и денег оброчных со крестьян на нынешнюю треть собрали: с сельских ста душ сто двадцать три рубли, двадцать алтын; с деревенских с пятидесяти душ шестьдесят один рубль, семнадцать алтын; а в недоимке за нынешнюю треть осталось на сельских двадцать шесть рублев, четыре гривны, на деревенских тринадцать рублев, сорок девять копеек; да послано к тебе, государь, прошлой трети недоборных денег с сельских и деревенских сорок три рубли двадцать копеек, а больше собрать не могли: крестьяне скудны, взять негде. . .» «С Филаткою, государь, как поволишь? денег не платит, говорит, что взять негде: он сам все лето прохворал, а сын большой померь, остались маленькие робятишки; и он нынешним летом хлеба не сеял, некому было землю пахать, во всем дворе одна была сноха, а старуха его и с печи не сходит. Подушные деньги за него заплатил мир, видя его скудость; а за твою, государь, недоимку по указу твоему продано его две клети за три рубли за десять алтын; корова за полтора рубли, а лошади у него все пали, другая коровенка оставлена для робятишек, кормить их нечем: миром сказали, буде ты его в том не простишь, то они за ту

корову деньги отдадут, а робятишек поморить и его вконец разорить не хотят».

Жуткая в своей безысходности, полная нечеловеческих страданий и горя, встает перед глазами читателя жизнь несчастного Филатки в его письме к барину: «Бьет челом и плачется сирота твой Филатка. По указу твоему господскому, я, сирота твой, на сходе высечен, и клети мои проданы за бесценок, также и корова, а деньги взяты в оброк, и с меня староста правит остальных, только мне взять негде, остался с четверыми робятишками мал мала меньше, и мне, государь, ни их, ни себя кормить нечем; над робятишками и надо мною сжалился мир, видя нашу бедность: им дал корову, а за меня заплатили подушные деньги. . .» «Нынешним летом хлеба не сеял, да и на будущий земли не пахал; нечем подняться. Робята мои большие и лошади померли, и мне хлеба достать не на чем и не с кем, пришло пойти по миру, буде ты, государь, не сжалишься над моим сиротством. Прикажи, государь, в недоимке меня простить и дать вашу господскую лошадь, хотя бы мне мало-помалу исправиться. . .» «Неужто у твоей милости каменное сердце, что ты над моим сиротством не сжалишься? Помилуй, государь, прикажи мне дать клячонку. . .» «Умилосердися, государь, над бедными своими сиротами. О сем просит со слезами крестьянин твой Филатка и земно и с робятишками кланяется».

И вот «благодетель» смилостивился. Вслед за письмами крестьян Андрюшки и Филатки Новиков печатает помещичий приказ, который звучит суровым приговором всему дворянскому корпусу. Приказ этот разоблачает дворянскую легенду о патриархальных отношениях между помещиком и крестьянином. Вот что пишет «отец-помещик»: «. . .старосту при собрании всех крестьян высечь нещадно за то, что он за крестьянами имел худое смотрение и запускал оброк в недоимку, и после из старост его сменить; а сверх того взыскать с него штрафу сто рублей». Нового «старосту выбрать миром и подтвердить ему, чтобы он о сборе оброчных денег имел неусыпное попечение и неплательщиков бы сек нещадно». Но с особой силой холодная жестокость, бесчеловечность помещика показана в издевательском решении судьбы Филатки: «По просьбе крестьян у Филатки корову оставить, а взыскать за нее деньги с них; а чтобы они и впредь таким ленивцам потачки не делали,

то купить Филатке лошадь на мирские деньги; а Филатке объявить, чтобы он впредь пустыми своими челобитными не утруждал и платил бы оброк без всяких отговорок бездоимочно».

Голоса Андрюшки и Филатки звучали оглушительно. С высокой журнальной кафедры было брошено обвинение дворянскому корпусу; лидерам «благородного» сословия, закулисно подготавливавшим в частных комиссиях новые узаконения против крестьянства; наконец — самой Екатерине, подчеркивавшей свое «невмешательство» в дела помещиков и крестьян. Екатерина услышала этот голос. Но как ни сильно было ее негодование, она более не могла отважиться на литературную полемику с издателем «Трутня». Вот почему во «Всякой всячине» мы и не находим ответа на «Крестьянские отписки». Екатерина не могла публично разделаться с Новиковым, потому что не желала больше давать материалов для обвинения ее в деспотизме. Она поступила проще — не как государь-философ, а как самодержец: запретила выход «Трутня». Действительно, именно после помещения первой отписки, письма старосты Андрюшки, журнал был запрещен, и только через месяц, надо полагать, после долгих хлопот, удалось возобновить издание.

Об этом закрытии мы узнаем из «Трутня».

В тридцать первом листе помещено письмо некоего читателя, который спрашивал издателя, почему «Трутень» не выходил в течение четырех недель. Новиков отвечал, что он «не совсем в том виноват. Я бы охотно сообщил вам причины, меня к тому принудившие, но, для избежания хлопот, я о том умалчиваю».

Так наступила новая фаза «полемики» — полицейские гонения и преследования.

Именно это положение объясняет, почему изменился замысел «Трутня» на новый, 1770 год. В литературе уже прочно установилось мнение, что вторая часть «Трутня» значительно слабее первой, что сатирического материала в нем стало мало, да и предмет сатиры изменился, измельчал. В общей форме эти указания справедливы — журнал действительно изменился, и материалов, подобных «Отпискам» и «Письмам дяди к племяннику», в нем не встречается. Во второй части журнала Новиков действительно отказался от обличения приказных, помещиков и придворных. Но, подготовленный полемикой со «Всякой всячиной», он пере-

шел к обличению власти. Конечно, делал он это замаскированно и осторожно,— открытые выпады были невозможны.

Как и в первой части, основной тон и направление нового издания Новиков определил эпиграфом, сохранив и на новый год уже знакомый читателю девиз: «Опасно наставленье строго, где зверства и безумства много». Опыт издания первой части «Трутня» прекрасно подтвердил смысл этих строк. Ведущей темой в журнале на 1770 год стала тема удушения «Трутня», тема обличения власти, объявившей войну свободному и правдивому слову.

Всего из второй части вышло семнадцать листов, из них в девяти идет речь о том, что журнал заставили изменить направление, что его принудили и принуждают отказаться от прежнего тона, что его преследуют.

Уже в шестом листе появляется письмо издателя Новикова к Правдулюбову, известному дерзкому полемисту «Трутня» 1769 года, воевавшему со «Всякой всячиной»: «Письмо г. Правдулюбова напечатано не будет. Оно задевает «Всякую всячину», в нем «г. Правдулюбов делает рассуждение о всех еженедельных сочинениях минувшего года и полагает им цену; нападает также своею критикою на некоторую переводную в стихах поэму и проч. Я сообщаю г. Правдулюбову, что подобных сему писем и впредь печатать не буду».

Лист девятый.— Вновь помещено сообщение, что присланная к издателю сатира на иерея помещена не будет.

Лист одиннадцатый.— Дается сатира на подьячих, при этом начало статьи весьма знаменательно: «Нет средства, чтоб не писать сатир на подьячих: сия тварь весьма несносна честным людям».

Лист тринадцатый.— Помещено письмо к г. издателю: «Есть люди, которые говорят, что «Трутень» 1770 года нерадивее «Трутня» 1769». Новиков отвечает на это письмо: «Сочинителю сего письма во ответ ничего теперь не скажу: пусть он изволит потерпеть, а со временем я его уведомлю о многом особливым письмом».

Лист четырнадцатый.— Некая молодая сочинительница грозит Новикову: «Уймись, радость! в противном случае напишу я на тебя сатиру и буду жаловаться твоей прабабке»,— то есть «Всякой всячине». Так из номера в номер проводит Новиков мысль, что «Всякая всячина» и есть та сила, которая заставляет его изменить тон журнала.

Лист пятнадцатый.— Помещено письмо недоумевающего читателя: «Кой чорт! что тебе сделалося? .. Пожалуй, скажи, для какой причины переменил ты прошлогодний свой план, чтобы издавать сатирические сочинения?» И Новиков помещает иронический ответ: вот-де опять не угодил слишком взыскательному читателю — в прошлом году ругали за сатиру, а теперь за ее отсутствие. В том же листе в ст. 49 Новиков уже дает прямой ответ на эти будто бы недоумевающие письма читателей: началось, говорится в журнале, «моровое поветрие» на издателей, которое является следствием того, «что они всегда бранились», то есть вели полемику со «Всякой всячиной». И дальше, намекая на преследования властей, автор заметки дает иронический совет издателю «Трутня»: «Миленький «Трутень», пожалуй, береги себя, не простудись: ныне еще погода не очень хороша».

Лист шестнадцатый.— Помещено письмо Вертопраха, в котором говорится, что «Трутню» «пора лететь на огонек в кухню, чтоб подняться с пламенем сквозь трубу на воздух и занестись, сам не знаю куда».

Наконец в листе семнадцатом Новиков печатает «Расставание, или последнее прощание с читателями»: «Против желания моего, читатели, я с вами разлучаюсь». Этим расставанием и прекратилось издание «Трутня», который закрылся, как закрылись все журналы «поколения» 1769 года.

III

Издание «Трутня» обогатило Новикова опытом общественной борьбы, убедило его, что избранный им путь служения обществу правилен, что литература, книга — могучее средство воспитания. Журнал, по мысли Новикова, должен быть прежде всего «кафедрой»,[1] с которой можно «прокричать» о народных отягощениях, о царящих в самодержавном государстве беззакониях, о лживой и лицемерной политике русской императрицы. Но журнал — это и «школа»,[2] позволяющая «преподавать наставления», помогать людям «убегать пороков» и честно исполнять свой долг, долг гра-

---

1 «Живописец», 1772, л. XIII.
2 «Пустомеля», 1770, л. 1.

ждан, любящих свое отечество. В свете этих критериев Новиков предполагал дать оценку такому важному моменту общественно-литературной жизни России, каким явилось издание многих сатирических журналов в 1769 году. Свое намерение он хотел выполнить уже во второй части «Трутня» на 1770 год, но это оказалось невозможным. В шестом листе он оповестил читателя: «Письмо г. Правдулюбова напечатано не будет. Оно задевает «Всякую всячину»... делает рассуждение о всех еженедельных сочинениях минувшего года и полагает им цену».

То, что не удалось осуществить в «Трутне», Новиков исполняет позднее. В «Пустомеле» и «Живописце» мы находим статьи, оценивающие и сатирическую журналистику 1769 года и господствовавшую в литературе школу Сумарокова — Хераскова.

В предисловии к журналу «Пустомеля» Новиков с прежней настойчивостью обрушивается на «Всякую всячину» и сочинения Екатерины. «Мне и самому,— говорит он,— несносны те авторы, которые сочинения свои начинают вздором, вздором наполняют и оканчивают вздором.[1] Пишут все,— продолжал он,— что ни попадается; спорят, критикуют, решат и, запутавшись в мыслях, изъясняются весьма неясно; тут следуют у них сухие шутки, будто оставляют темные места на догадку читателя:[2] но ежели сочинитель по чистой совести захочет признаться, то скажет, что и сам он того не понимает; и так останется истинная причина, что яснее не мог того написать». Далее следует характеристика писателей, исполняющих повеления коронованного автора — «неограниченного самолюбца». В числе других Новиков изображает Чулкова. «Многие ныне принимаются писать, думая, что хорошо сочинять так же легко, как продавать снурки, серьги, запонки, наперстки, иголки и прочие мелочные товары, коими щепетильники торгуют в деревнях и меняют оные на лапти и яйцы: но они обманываются». Таких «бумагомарателей» (Новиков ставит в один ряд и Екатерину — автора «Всякого вздора», и Рубана, автора «Ни то ни се», и Чулкова с его журналами

---

1 «Всяким вздором» Новиков еще в «Трутне» называл журнал Екатерины «Всякая всячина».

2 Прямой выпад против предисловия к «Всякой всячине», где писалось, что авторы журнала, «не все прописывая, оставляют кое-что на острую догадку читателя».

«И то и се» и «Парнасский щепетильник») развелось немало. «Они пишут все, что с ними ни повстречается, хватаются за все» и потому «начинают и никогда не оканчивают, затем, что не имеют цели своим желаниям». Писцы эти, полные самодовольства, рассуждают так: «Что нравится им, то, думают они, понравится и всем. Но ето уже чересчур много обижать читателей, будто они хорошего отличить не умеют от худого».

Настоящие писатели обязаны «иметь цель своим желаниям». Цель эта должна удовлетворять не личные вкусы и желания, а общественные потребности. Поэтому не «о том, что повстречается», должен писать автор, не «всякий вздор», а имея «истинное о вещах понятие», «мешаться в политические дела» и сочинять сатиры, а не эклоги да оды.

Через месяц после прекращения «Трутня», действуя осторожно, через подставное лицо, маклера Фока, Новиков подал «доношение» в Академию наук с просьбой разрешить издание ежемесячного журнала «Пустомеля». Конспирация, к которой он прибег, это тоже итог опыта издания «Трутня», но предосторожность, к сожалению, не дала больших результатов, ибо ни скрытие своего имени, ни осторожность не помогли: Новикову удалось выпустить только два номера нового журнала — июньскую и июльскую книжки, и издание опять было прекращено. Что же представлял собой этот журнал?

Вышедшие два листа, в сущности только пробные для автора, позволяют утверждать, что Новиков твердо решил продолжить линию, начатую в «Трутне». Продолжена была, прежде всего, критическая тема: обличалась «Всякая всячина», сатирически изображались состоящие при дворе «ласкатели», судьи, «не имеющие ни совести, ни чести», высмеивались те общественные порядки, которые утвердились в империи Екатерины.

Но было в этом журнале и новое: сочинитель проявил интерес к положительным явлениям русской жизни; проявилось стремление слово сатиры дополнить положительным примером, кафедру — школой. В первом номере «Пустомели» на эту тему написан рассказ (незаконченный) «Историческое приключение». Его главный герой — новгородский дворянин Добросерд. Отец Добросерда стремился «природные его дарования изострить учением и приумно-

жить хорошим воспитанием». Учителями Добросерда были русские люди, «известные разумом, учением и добропорядочным поведением». Изучив три языка, «чтобы мог чтением славных авторов просветить разум и украсить память», получил Добросерд «истинное о вещах понятие». Изучил он логику и физику, выучился математике, истории, географии, «знал сокращенно деяния наших предков». Отец же определил и служебное поприще Добросерда — армия. Рассказ обрывается на отъезде Добросерда в полк, в связи с начавшейся войной.

Несомненно, рисуя образ Добросерда, Новиков исходил из личного опыта. Сам он и его ближайшие друзья учились у русских ученых, «известных разумом», овладели языками, «чтоб чтением славных авторов просветить разум», изучали российскую историю, исполненную «деяний наших предков». В течение всей своей послеуниверситетской жизни Новиков встречал немало честных и патриотически настроенных молодых людей. Они служили с ним в полку, они работали вместе в Комиссии, многие из них отправились на войну. Стоит назвать хотя бы только Федора Козловского или Николая Ладыженского, которому, кстати, и посвящен этот первый номер нового журнала.

Это открыто выраженное намерение сочинителя «Пустомели» дополнить свою сатиру положительными примерами не ограничилось только помещением этого рассказа. Вслед за ним были напечатаны «Ведомости». Читатель знал «Ведомости» по «Трутню» — это была резкая сатира на дворянство. Здесь старый жанр наполнен новым содержанием: на материале войны с Турцией прославлялся «российский солдат», гроза турецких армий. В сообщении из Москвы читатель находил панегирик русскому трагическому «славному актеру» Дмитревскому, который «московских жителей» удивил и привел в восхищение.

Во втором номере центральное место занимают две крупные статьи — «Завещание Юнджена, китайского хана, к его сыну», авторское обращение к читателю по поводу первой книжки «Пустомели», и стихотворное фонвизинское «Послание к слугам моим». Этот лист представляет особый интерес, прежде всего, потому, что именно он и был причиной закрытия журнала. В литературе существует точка зрения, согласно которой журнал закрыли за помещение «Завеща-

ния Юнджена». Что же было крамольного в этом сочинении? Исследователи объясняют дело так: в 1770 году великому князю Павлу Петровичу, наследнику престола, исполнилось 16 лет. Дворянским оппозиционным деятелям казалось, что в связи с этим Екатерину можно будет принудить отречься от престола и передать власть законному наследнику Павлу. На Павла рассчитывали Панин и его ближайшие единомышленники. Завещание, рассказывая о делах китайского императора, воспроизводило сходную ситуацию — Юнджен передавал престол своему сыну Хунли. Поэтому это завещание и следовало расценивать как призыв оппозиции к Екатерине II отречься от престола и передать самодержавство Павлу.

Мне представляется, что «Завещание» это не имеет отношения к панинским политическим замыслам, и печатал его Новиков, исходя из своих собственных, и прежде всего сатирических, намерений. Внимательное рассмотрение этого листа убеждает нас, что сочинитель «Пустомели» сумел это действительно переведенное с китайского произведение использовать как прекрасное оружие сатиры. В самом деле, если бы Екатерина закрыла журнал только за помещение «Завещания Юнджена», являющегося отрывком из книги «Китайские мысли», переведенной Леонтьевым, то она не допустила бы и издания всей зловредной книги; между тем известно, что книга эта после истории с «Пустомелей» преспокойно вышла в 1772 году и ни она, ни ее переводчик не подверглись преследованиям. Создается странная картина: «Завещание» в «Пустомеле» Екатерине не нравится, а в целой книге она даже не обращает на него внимания. В чем же дело? Очевидно, в интерпретации этого текста Новиковым.

Если принять во внимание материал всего номера журнала, можно почувствовать единый композиционный замысел. В самом деле, журнал открывается «Завещанием Юнджена», заканчивается «Посланием к слугам моим», а эти два чужих сочинения скрепляются авторским обращением к читателям. В этом обращении все дело, ибо оно формулирует намерение Новикова «мешаться в политические дела». Указывая на трудность для автора все сочинять самому, сочинитель «Пустомели» заявляет, что есть множество чужих превосходных, достойных печати произведений, и только

«самолюбивый автор и прескверное свое сочинение ставит лучше чужого совершенного». Указав на это, Новиков оправдывает помещение им в одном листе двух превосходных чужих сочинений. Так мы обнаруживаем один из новых приемов Новикова-редактора, который в дальнейшем — в «Живописце», в «Московском издании» — будет широко применяться: использование чужих произведений для достижения своих целей.

Какая же цель была поставлена в «Пустомеле»? Обратимся к «Завещанию Юнджена». Что составляет его содержание? Рассказ о том, как некий государь, будучи просвещенным монархом, «неутомимым трудолюбием», изданием «премудрых законов», изменением «регламента», заботами о народе создал в конце концов идеальное государство, «где суд был справедлив», «весь народ был доволен и спокоен». Этот государь желал, «чтобы военные служили верно своему отечеству, как повелевают законы и требует должность; статские соблюдали бы порядок государственного правления и судили бы дела по самой справедливости; пограничные и поместные начальники были бы осторожны, прозорливы и немздоимны; а подданные все жили в согласии, спокойстве и веселии». Одним словом, он сделал все, чтоб «утвердить блаженство меж подданными и водворить тот мысленный златой век, который нашими стихотворцами описывается». Как видим, Новиков задался показать идеального монарха и процветающую под его управлением страну. Какая же это страна — Россия? Кто этот идеальный монарх — Екатерина II? Нет. Страна эта, пишет Новиков, Китай, а государь — хан Юнджен.

Это и было первое преступление Новикова. На протяжении последних трех лет, с издания манифеста о созыве Комиссии и публикации Наказа, российские газеты, речи дворянских депутатов, многочисленные сочинения поэтов, деятельность самой Екатерины в журнале «Всякая всячина» (например, лист тридцать пятый) внушали подданным, что именно русская императрица является просвещенным государем, что именно Россия благоденствующая страна, что в ней утвердился «златый век». Новиков, продолжая использовать чужие сочинения, внушает читателю: если где и есть страна, в которой утвердился «златый век», то это именно не Россия, это — Китай.

Но поместив «Завещание», Новиков выполнил только первую часть замысла; вторая состояла в стремлении подсказать читателю законный ответ на вопрос — что же происходит в России? Для этого избирается великолепное сатирическое послание Фонвизина и печатается вслед за «Завещанием Юнджена». Читатель после описания «златого века» в Китае переходил к русской действительности, и здесь его ожидала неожиданность: кучер Ванька, забравшись на любезно предоставленную Новиковым кафедру, во всеуслышание заявил:

«Куда ни обернусь, везде я вижу глупость.
Да сверх того еще приметил я, что свет
Столь много времени неправдою живет,
Что нет уже таких кащеев на примете,
Которы б истину запомнили на свете.
Попы стараются обманывать народ,
Слуги дворецкого, дворецкие господ,
Друг друга господа; а знатные бояря
Нередко обмануть хотят и государя...»
и т. д.

Такая характеристика общественной практики в екатерининской России завершала композиционное соединение двух чужих произведений, которые должны были помочь Новикову внушить читателю, что вся правительственная пропаганда лжива, как лживы сочинения поэтов, воспевающих утвердившийся в России «златый век». Напечатание фонвизинского «Послания» делает честь Новикову. Белинский через семьдесят лет скажет, что это — «злое послание» (VII, 15), что оно «переживет все толстые поэмы того времени» (II, 205). Следует подчеркнуть, что печатание Новиковым фонвизинского «Послания» в такой композиционной связи усиливало его политическое звучание. Таким образом, вторая книжка «Пустомели» возвращает нас к самым сильным сатирическим статьям «Трутня». Екатерина, увидев в «Пустомеле» стремление следовать за ненавистным ей «Трутнем», будучи последовательной в своей политике, закрыла и этот журнал.

Новикову стало ясно, что в таких условиях продолжать журнальную деятельность невозможно, и он временно оставляет ее, занявшись тем, что его так волновало в это время,— работой по изучению состояния русской литературы.

IV

Высоко ценя общественную роль литературы, убедившись сам, на собственном примере, как плодотворно ее влияние на умы, Новиков вместе с тем столкнулся с очевидным небрежением общества к писателю и русской литературе, увидел, что часто в этом небрежении виноваты сами писатели. Отечественная литература не изучалась, о русских писателях мало знали, современные действующие литераторы жили разобщенно, некоторые из них писали ради подачек — перстеньков, табакерок и прочих подарков.

Человек практического склада ума, организатор по натуре, принципиальный и последовательный в своих убеждениях просветитель, Новиков счел своим долгом заняться приведением в порядок «литературного хозяйства» России. Отказавшись от государственной службы и сделав литературно-общественную деятельность главным содержанием своей жизни, он не мог не вмешиваться в дела той сферы идеологической и культурной жизни России, в которую вступал, охваченный ревностным патриотическим чувством и просветительской верой в великую роль печатного слова. Так Новиков после «Трутня» и «Пустомели» стал собирать материал, изучать печатные, рукописные, документальные источники для составления сразу двух книг: истории русского театра и «Опыта исторического словаря о российских писателях». Первая книга написана не была, но собранный материал по российскому театру частично был использован в «Словаре».

Составление «Словаря» было продиктовано Новикову патриотическими мотивами. Первые строки предисловия прямо формулировали эту идею: «Не тщеславие получить название сочинителя, но желание оказать услугу моему отечеству к сочинению сея книги меня побудило». Собрав воедино сведения о русских писателях, и прежде всего о писателях XVIII века, Новиков смог убедительно доказать обществу, что в России есть литература, есть множество различных не только духовных, но и светских писателей. За семьдесят лет Россия выдвинула первоклассных поэтов, таких, как Ломоносов, Кантемир, Сумароков, крупнейших драматургов, авторов романов и сатирических произведений, ученых, историков, филологов, философов, сочинителей

книг по математике, медицине, физике и т. д. Велики и неоценимы заслуги этой армии русских литераторов; именно благодаря им «погруженная прежде в невежество Россия о преимуществе в науках спорит с народами, целые веки учением прославлявшимися». Ныне,— заявляет далее Новиков,— мы живем в период расцвета русской литературы, в период европейского признания ее успехов: «писатели наши прославляются. Свидетельствуют сие многие подлинные наши на иностранные языки переведенные книги. Всякие известия, до российской истории касающиеся, иностранными народами принимаются со удовольствием».[1]

Новиковская книга, явившаяся плодом настойчивого и любовного труда по собиранию известий о русских писателях, их сочинениях, их жизни, подводила итог целому периоду русской культуры. Тем самым она ставила задачу постоянного, систематического изучения литературы, давая тому прекрасный пример. Оценивая произведения и деятельность писателей, Новиков ставил вопрос о необходимости критики как средства общественного воздействия на литературу. Эту важную особенность новиковской книги отлично понял и почувствовал Белинский: «Словарь российских писателей Новикова,— писал он,— богатый факт собственно литературной критики того времени. Его... нельзя миновать в историческом обзоре русской критики» (VII, 412).

Несомненно, патриотическое чувство Новикова определило общий несколько приподнятый, панегирический стиль «Словаря». Ломоносовский пафос веры в творческие силы русских людей, выраженный в знаменитой формуле, «что может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов российская земля рождать», был свойственен и Новикову, особенно когда он обозревал поля российской словесности и наук, наблюдая гигантский рост достижений русских людей во всех областях знаний. Но это патриотическое чувство не помешало ему в оценках исходить из своих принципиальных воззрений на роль писателя и значение литературы. В этой книге мы едва ли не впервые сталкиваемся с принципиальной критикой по существу, с критикой, на

---

[1] «Опыт исторического словаря о российских писателях», Предисловие.

первое место выдвигающей критерий общественной полезности произведений, с критикой, исключающей личные вкусы, неприязнь, зависть. Еще до «Словаря», в предисловии к «Пустомеле», Новиков поставил вопрос о критике как серьезном, ответственном, общелитературном деле. «Некоторые утверждают,— писал он,— что критиковать легче, нежели сочинять. Но я етому не совсем верю и думаю, что правильно и со вкусом критиковать так же трудно, как и хорошо сочинять». На редкость доброжелательный критик, Новиков всегда и неизменно осуждает писателя, когда он превращает свою музу в доходное предприятие, когда он служит не обществу, а двору.

В то время господствовала сословно-феодальная идеология. Командное положение во всех областях культурной жизни занимало дворянство. Привилегированное положение дворянства его идеологи настойчиво объясняли «благородным» происхождением этого сословия. В литературе эта тенденция наиболее полно выразилась в деятельности Сумарокова, в области общественно-политической — вспомним прения в Комиссии по вопросу о правах «благородных» — это доказывал и проповедовал Щербатов. Новиков уже в «Трутне» обрушился на нелепые и глупые рассуждения Недоума, ослепленного своим аристократизмом, выступил с защитой тех, кого спесивое племя дворян именовало «подлыми». В «Словаре» эта позиция Новикова была развернута с максимальной силой.

Более трехсот писателей называет он в своей книге. В большинстве случаев он указывает социальное и служебное положение каждого из них. Но нигде не говорится о «благородном» происхождении писателей, об их дворянских заслугах и качествах, ни в одном случае творческие заслуги не объясняются благородством происхождения. Неизменно повсюду проводится Новиковым единый идейный принцип оценки — не по происхождению, а по делам, не по породе, а по произведению. Больше того, Новиков сознательно породе противопоставляет личные качества. Так, например, характеризуя замечательного русского деятеля Степана Крашенинникова — ученого, писателя, профессора Академии,— он так сформулировал этот свой принцип: «Он был из числа тех, кои не знатностию породы, не благодеянием счастия возвышаются, но сами собою, своими качествами,

своими трудами и заслугами прославляют свою породу и вечного воспоминания делают себя достойными».[1]

Оттого в «Словаре» на равных основаниях рядом с титулованными авторами стоят выходцы из «подлого» сословия, из крестьян, мещан, купцов. Нельзя не заметить сознательного намерения автора в тех случаях, когда говорится о писателях-разночинцах, выходцах из «среднего рода людей», а тем более из крестьян, особенно подчеркнуть их успехи, их заслуги, их вклад в русскую культуру. С таким пристрастием и любовью говорится о Ломоносове, сыне «промышленника рыбных ловлей», «муже великого разума», «высокого духа и глубокого учения», о механике Кулибине — нижегородском купце, писателе Эмине, сыне «небогатых родителей», профессорах Поповском, Барсове, актере Федоре Волкове — сыне костромского купца, Десницком — «магистре свободных наук, юриспруденции докторе, римских и российских прав публичном экстраординарном профессоре» и т. д.

Полагая, что именно личные достоинства человека, а не его сословная принадлежность определяют содержание творческой деятельности писателя, Новиков потому и подчеркивает значение таких нравственных качеств, как «острый ум», способность к языкам, ученость, «великий разум», трудолюбие. Завершается характеристика писателя всякий раз оценкой произведений, им написанных.

Из общего числа упомянутых в «Словаре» писателей около трети — современники Новикова. В оценке умерших писателей Новиков, стремившийся, прежде всего, к определению исторического значения их творчества, всегда снисходителен и оттого более щедр на похвалу. К живым и действующим сочинителям он относится более критически. Писатели-современники — наследники лучшего, созданного русской литературой, выразители сегодняшних нужд отечества. Оценивать их творчество значило для Новикова решать вопрос, как они понимают свое место и роль в обществе, как они служат отечеству, как, наконец, умеют выступать с защитой отягощенного народа.

Вопрос о положительной программе Новикова-критика нельзя рассматривать в отрыве от его практической писа-

---

[1] «Опыт исторического словаря о российских писателях», стр. 97.

тельской деятельности в «Трутне», «Пустомеле» и «Живописце». Именно эта личная писательская позиция определила и характер его критических оценок и позволила ему разобраться в современном состоянии литературы, разделить писателей-современников на два лагеря.

Особое место среди современников занимает Сумароков. Относясь к его творчеству в высшей степени положительно, Новиков объявляет его деятельность «великою и бессмертною». Перечисляя заслуги писателя, он из всего многочисленного наследия выделяет драматические сочинения и притчи. Следует отметить, что такая оценка делает честь историческому чутью Новикова; именно заслуги Сумарокова перед театром и его роль зачинателя русской басни определяют и наше отношение к этому писателю. Обращает на себя внимание и еще одно обстоятельство: Новиков, сам писатель-сатирик, и как критик выступает пропагандистом именно сатирического направления в литературе; оттого он и подчеркивает в Сумарокове именно это критическое начало — басня, комедия. Сюда же должны быть отнесены и сумароковские трагедии. На почве морального конфликта поэт умел создавать острые политические, порой памфлетные произведения. Стоит вспомнить такие трагедии, как «Димитрий самозванец», о которой упоминает Новиков. Высоко оценивая роль Сумарокова, Новиков отдавал должное его историческим заслугам перед русской литературой, как видим, прежде всего, за разработку сатирико-политических жанров. Вместе с тем отношение к Сумарокову у Новикова почти историческое: для Новикова это писатель, уже все свершивший, писатель, принадлежащий к прошлой эпохе. Положительно оценивает он Хераскова и молодых поэтов — своих гимназических товарищей, группировавшихся вокруг журнала «Полезное увеселение»,— Ржевского, Нарышкиных и др.

Ориентировался же в своем «Словаре» Новиков не на Сумарокова, а на писателей молодых, близких ему по направлению, по образу мыслей, по пониманию задач литературы. Он стремится выдвинуть на первое место тех, «о ком сказать должно, что Россия надеется увидеть в них хороших писателей», то есть тех, кто недавно вступил в литературу и кто в ближайшие годы будет играть активную роль в ней. Кто же эти писатели?

Фонвизин. «Его «Послание к людям своим, Шумилову, Ваньке и Петрушке», а другое «Матюшка разносчик» свидетельствуют остроту его разума и тонкость в сатирах». Он автор великолепной комедии «Бригадир», «точно в наших нравах».

Майков. Автор двух трагедий, почитающихся «в числе лучших в российском театре», шутливой поэмы «Елисей, или раздраженный Вакх» (произведение сатирическое.— *Г. М.*), двух частей басен, од духовных и торжественных. «Он почитается в числе лучших наших стихотворцев и тем паче достоин похвалы, что ничего не заимствовал».

Эмин. «Человек острого, проницательного разума», «великого просвещения», имевший от природы «критический дух», издатель многих книг, романов, повестей и нравоучительных басен, российской истории в три тома, сатирического журнала «Адская почта». «Собственные его сочинения, а особливо российская история, достойны похвалы», «сатирические его сочинения имеют в себе весьма много остроты».

Попов. «Написал довольно весьма изрядных стихотворных и прозаических сочинений и сообщил немало переводов», «он также сочинил комическую оперу «Анюту». «Вообще сочинения его весьма изрядны, а особливо его песни и опера заслуживают великую похвалу».

Аблесимов. Автор многих стихов, которые «довольно имеют остроты и посредственно хороши». Но более важны его еще не опубликованные произведения — три комедии и комическая опера. Предвещая будущий успех сочинений Аблесимова, Новиков заявляет, что его работы «похвалу заслуживают».

Аничков. «Философии и свободных наук магистр, сочинял слова... весьма много похваляемые».

Вот кому сочувствует Новиков, кого «похваляет», чья общеполезная критическая по духу деятельность снискала его признание. Эти писатели составляют один лагерь литературы.

Нельзя не отметить, что в своих оценках Новиков не беспристрастен, что он характеризует отдельных писателей с точки зрения с в о е г о понимания общественных задач литературы. Отсюда не случайно большинство положительных оценок высказано по адресу начинающих литераторов, у которых более написанных, чем напечатанных сочинений,

но с кем он уже работал, кого он знает лично и с общественно-творческой стороны,— Попова, Майкова, Аблесимова, Фонвизина и т. д. Совершенно очевидно желание Новикова подчеркнуть наличие в рядах современных писателей людей, одинаково с ним мыслящих, сторонников критического отношения к действительности, составивших в литературе один лагерь.

Бесспорно, именно 1769 год — год сатирических журналов — позволил Новикову увидеть в литературе признаки социального и идейного размежевания, определил стремление защищать и отстаивать свои и своих единомышленников принципы и убеждения от нападок враждебной стороны. В центре борьбы встал вопрос — быть ли литературе независимой от правительства, напоминать ли о народных отягощениях или стать придворной, «карманной» русской императрицы Екатерины, поющей и пляшущей под ее дудку.

Отстояв свою личную независимость в полемике со «Всякой всячиной», Новиков, приступив к составлению «Словаря», стремился показать обществу, что в России есть писатели, стремящиеся стать на путь независимости от правительства. Поддержал он этих писателей не только своими положительными оценками их деятельности, но и опытом всей русской литературы. Для этого в основание «Словаря» была положена им генеральная идея: именно обществу и его авангарду — ученым, писателям разных сословий принадлежит заслуга возведения здания русской культуры и литературы. В период, когда правительственная официальная идеология утверждала, что всеми своими успехами русская культура обязана просвещенной политике русских царей, и Екатерине II прежде всего, Новиков заявлял: Россия всему обязана инициативе, заслугам армии русских культурных деятелей. Правительство, верховная власть и, в частности, императрица Екатерина исключались им из процесса сложения и развития русской науки и литературы. Именно в этой связи и следует рассматривать дерзкий акт Новикова — он не включил в свой «Словарь» Екатерину II.

На этом следует остановиться подробнее. В основание публичной деятельности Екатерины, как уже говорилось ранее, положена была просветительская концепция монарха-философа, монарха-писателя. Эту идею Екатерина воплотила практически: сотрудничала в сатирическом журнале

«Всякая всячина», позднее сочиняла пьесы и политические трактаты. Правда, обычно Екатерина выступала анонимно, поэтому Новиков не мог писать о ней как об авторе художественных произведений. Но было одно сочинение Екатерины, которое она не только не скрывала, но всячески популяризировала, создавала вокруг него небывалую по размаху рекламу не только в России, но и на Западе. Этим произведением был Наказ Комиссии по составлению нового Уложения.

Новиков не только читал этот Наказ, но в течение нескольких дней слушал, когда он публично оглашался в Комиссии. Он присутствовал на заседании, где было предложено рукопись сочинения Екатерины поместить на вечное хранение в золотой ковчег. Он видел этот ковчег, построенный в виде футляра книги и одновременно храма, на куполе которого находились изображения Славы на колеснице и крылатых фигур, трубящих о подвиге Екатерины. Он не только знал Наказ, но пользовался в своей работе в частной комиссии «о среднем роде людей» печатными экземплярами Наказа издания 1767 года и издания 1768 года; не мог не видеть он и третьего издания 1770 года. Титул этих книг везде неизменно повторялся: «Наказ императрицы Екатерины II». Екатерина сама многократно подчеркивала, что Наказ — ее «собственное сочинение». Представители западного общественного мнения единодушно возносили хвалу Екатерине — автору Наказа. Русская правительственная печать и дворянская литература подряд несколько лет в канун выхода «Словаря» трубили о беспримерном подвиге Екатерины, о мудрости ее сочинения, о вечной ее авторской славе. Поэты, и среди них прежде всего Василий Петров, сочиняли многоречивые торжественные оды в честь екатерининского Наказа.

Новиков был в курсе всего этого — и русских оценок и международного признания Екатерины великим автором Наказа. Лучшим доказательством этого является напечатанное им в том же 1772 году в его журнале «Живописец» письмо Фридриха II прусскому посланнику в Петербурге, в котором было сказано следующее: «Я читал с благоговением сочинение императрицы». Итак, для всей Европы, для русского двора и дворянства Екатерина — знаменитейший политический писатель столетия, чья книга издавалась многократно — на французском, английском, латинском, не-

мецком языках. Новиков же, издавая «Словарь», включает в него даже наборщика Рудакова, сочинившего единственное стихотворение «К опыту исторического словаря», но не включает в его состав одного писателя, да еще писателя с такой мировой славой — Екатерину II.

Случайно ли это умолчание? Если мы вспомним полемику Новикова в «Трутне», во время которой Екатерина обличалась как «неограниченный самолюбец», в словах которого слышны «кнуты да виселицы», к тому же плохо разумевший и писавший по-русски из-за своего иностранного происхождения, если учесть новиковское отрицание екатерининской «доктрины», что в России под ее управлением утвердился «златый век», если оценить генеральную идею «Словаря» — русская литература и культура — дело общества, русских писателей и ученых, а не власти,— то станет очевидным, что пропуск Екатерины в «Словаре» — акт сознательный.

Новикова интересовала деятельность тех писателей, которые своим творчеством служили России. Вот почему в «Словаре» не было немца Шлецера, к 1772 году издавшего три книги на русском языке,[1] — рыцаря борьбы с Ломоносовым, но был Миллер, честно и полезно служивший России; вот почему Екатерине — автору Наказа, лживого и лицемерного сочинения, предназначенного для обмана нации и потому вредившего коренным национальным интересам России, писателю с неограниченным самолюбием, стремившемуся быть единоначальным наставником молодых людей и «всемирным возглашателем добродетели», желавшему полицейскими угрозами лишить литературу самостоятельности и независимости, не было места в «Словаре».

Екатерина-писатель была главой враждебного Новикову лагеря. Исключение ее, кроме того, было удобно составителю, ибо, поместив ее в числе писателей, он обязан был говорить то, чему не верил, то есть лгать и льстить,— а это, как известно, было не «по склонностям» Новикова. Пропустив же Екатерину, он мог безопаснее бить по направлению, ею возглавленному. Вот почему главный удар

---

[1] О сочинениях Шлецера см. статью М. Сухомлинова «Н. И. Новиков, автор исторического словаря о российских писателях».— Записки имп. Академии наук, СПБ., 1865, т. 6, кн. 2, стр. 237.

был нанесен «карманному» поэту Екатерины — «при кабинете ее императорского величества переводчику» Василию Петрову. Следуя своему критерию общественной полезности, Новиков обрушивается на Петрова именно за направление его творчества. Действуя осторожно, он как бы отказывается от оценки, просто перечисляя его стихи: «Ода на карусель», поэма «На победы российского воинства», оды «На победы российского флота при Хиосе в Морее» и «На прибытие его сиятельства графа Алексея Григорьевича Орлова», также «Письмо к г. генерал-майору и кавалеру Потемкину». Уже эти названия стихов ясно свидетельствовали о творческом профиле поэта. Но этим Новиков не удовлетворился, и в конце своей характеристики он всему этому направлению дает общественную характеристику — «случайные стихи». Термин этот формально произошел от придворной практики заказывать поэтам стихи «на случай». Поэтому, вводя в критический оборот новый термин «случайные стихи», Новиков выражал этим свое отношение к ним — это стихи заказные, оплаченные властью, проникнутые лестью. Но этот термин включал в себя и иной, политический и сатирический смысл. Дело в том, что практика фаворитизма Елизаветы и Екатерины породила особенную терминологию — про очередного любовника императрицы говорили: «Он вошел в случай»; отсюда общее наименование фаворитов — «случайные люди». Фонвизин через восемь лет после новиковского «Словаря» в своей «Всеобщей придворной грамматике» будет в сатирических целях обыгрывать это словоупотребление: «Какое разделение слов у двора примечается? .. Двусложные — силен, случай, упал». Поэтому новиковский термин «случайные стихи» в применении к одам, в которых прославлялась не столько Екатерина, сколько ее любовник Орлов и его братья,— несомненно, включал в себя и этот обличительный смысл. Поэтому-то общество равнодушно к этим «случайным стихам», и они только «некоторыми много похваляются», то есть ценятся только заказчиками. Продажные стихи не могут быть художественно прекрасными, самостоятельными. И Новиков обличает жалкое эпигонство Петрова: «О сочинениях его сказать можно, что он напрягается итти по следам российского лирика».

«Случайные стихи» пишет и «двора ее императорского величества камер-юнкер» Павел Потемкин; примыкает

к этой когорте и Василий Рубан. Характеристика последнего более сдержанная (Рубан только вставал на путь «шинельного поэта»), но верная по существу, как в этом убедился сам Новиков в том же 1772 и следующем, 1773 годах, когда Рубан подвизался у него в «Живописце» на ролях наемного одописца. К той же категории придворных писателей принадлежит и Козицкий. Характеристика его сделана осторожно и даже сочувственно. Он «искусный и ученый муж», и можно было ожидать, что он «приобрел бы не последнее место между славными российскими писателями». Приобрел бы — что же мешает Козицкому? Его служебные обязанности, то, что он отвлечен должностями, на него возложенными. Какие же это должности? Их две. Первая — придворная служба: он «коллежский советник у принятия челобитен». Вторая — служа при дворе, он обязан и писать по указке, состоя в качестве «карманного» писателя. Так, Новиков заявляет, что «Всякая всячина» «есть произведение его пера». Назвав правительственный журнал, Новиков не мог не сказать про него, что он «приобрел толикую похвалу», но эта столь неопределенная и двусмысленная «толикая похвала» рассчитана была на читателя, следившего за сатирическими журналами и знавшего, сколь зубодробительной была похвала «Всякой всячине» со стороны «Трутня», «Смеси» и «Адской почты».

Издавая «Опыт исторического словаря о российских писателях», Новиков тем самым полагал начало не только историческому изучению русской литературы, но, критически оценив деятельность современных писателей, выдвигал перед обществом задачу развития и поощрения литературы, независимой от власти. Эта же книга подводила первые итоги борьбы передовой литературы с правительственным лагерем «карманных» писателей, точно называла имена главных деятелей этого «случайного» направления, вдохновляемого Екатериной II.

Работа над этой книгой поэтому не отвлекла Новикова от его главной литературно-сатирической творческой деятельности. Наоборот, серьезное и пристальное изучение русской литературы помогло ему глубже и принципиальнее определить свое отношение к ее общественной роли. Скорее всего именно основанное на опыте издания «Трутня» и «Пустомели» самопризнание позволило Новикову опубликовать свое имя на титуле «Словаря».

V

«Трутень» издавал начинающий, неизвестный читающей публике писатель. «Живописец» делался руками опытного сочинителя, активного общественного деятеля, закалившего свое мировоззрение в журнальной борьбе с игравшим в либерализм монархом. «Трутень» возник в атмосфере напряженных политических споров в Комиссии по составлению нового Уложения как голос честного человека и был превращен в рупор идей передовых русских людей, лишенных парламентской трибуны. «Живописец» возник на новом этапе развития русского просвещения, явился выражением сложившейся за эти годы программы Новикова-писателя, Новикова-общественного деятеля, Новикова-просветителя. В чем существо этой программы, будет сказано ниже. Сейчас важно отметить, что к изданию «Живописца» Новиков пришел обогащенный опытом литературной деятельности и общественной борьбы, пришел с самостоятельной программой, которая должна была обосновать прежде всего его главную идею: науке, литературе, просвещению принадлежит ведущая роль в борьбе с социальным злом, с деспотическим режимом в России, в борьбе за разумные и человечные нормы общежития.

Оценивая свои возможности как автора с высоты этих задач, Новиков и счел необходимым договориться со своим читателем именно по этому кардинальному вопросу — об авторе, его убеждениях, его общественных обязанностях и трудностях, возникающих на его пути. Журнал начинался с декларации: «Автор к самому себе».

«Ты делаешься Автором; ты принимаешь название живописца; но не такого, который пишет кистью, а живописца, пером изображающего наисокровеннейшие в сердцах человеческих пороки. Знаешь ли, мой друг, какой ты участи себя подвергаешь?» В следующей далее импровизированной беседе Новикова с самим собой раскрываются перед читателем те трудности, которые подстерегают сатирика на каждом шагу. «Там сатирик описывает пороки, язвит порочных. . .— говорит Новиков Автору.— Некоторые читатели говорят ему: ты забавен; я читал тебя с приятностию, но ты едок; я тебя опасаюсь; а прочие кричат: он все-

светный ругатель!»[1] Пожелаешь проповедовать добродетель и «научить оной и самих царей»,— отовсюду услышишь насмешливые голоса: «До сея пищи охотников немного». Куда ни обратит свой взор Новиков, на многих ли своих читателей, на своих сотоварищей по перу, писателей,— везде он видит готовящуюся «устремиться на Автора грозную тучу». Обратив внимание Автора на все эти обстоятельства, он спрашивает: «Что будет с твоими сочинениями, когда и славнейших писателей труды не щадятся?» Где же выход? Может быть, бросить авторство? И он советует: «Итак, рассмотря себя, оставь сие упражнение». Но Автор, выслушав все, отвергает эти советы и дает свой ответ на вопрос — что же должен делать истинный Автор в этих обстоятельствах. «Но ты молчишь, и я с досадою на твоем лице усматриваю непременное желание быть Автором. Еще раз прошу тебя, оставь сие упражнение.— Нельзя,— ты мне отвечаешь».

Нельзя! Таков категорический ответ Новикова. Нельзя отступать перед трудностями и опасностями избранного пути. Нельзя, потому что только этот путь принесет исполнение сложившейся программы, согласно которой должны быть произведены изменения в обширной Российской империи.

Решительно избрав путь Автора, Новиков рассчитывал на помощь многочисленных читателей, но эти читатели были особого рода — не Безрассуды, Недоумы, Кривотолки и им подобные. Новиков ориентировался на читателей, «истину любящих», ценящих в произведении прежде всего «содержание, а не слог», желающих видеть в писателе «лучше всего доброе сердце и истинную любовь к отечеству». Именно такой читатель, «осьмидесятилетний старик», и посоветовал Новикову новую тактику, тактику умного осуществления своей программы при условии сохранения журнала от правительственных гонений, тактику, сформулированную одним словом — «осторожность». О необходимости «осторожности» сказал Новиков читателю и в своем обращении к нему во втором листе. Это предупреждение чрезвычайно важно. Оно свидетельствует о желании издателя дать читателю ключ к пониманию всего

---

[1] «Всесветным ругателем» называла Новикова Екатерина. Вот почему была так опасна эта критика.

материала журнала. Это же обязывает исследователя рассматривать все напечатанное в «Живописце» с учетом существа этой тактики.

Как же и в чем воплотилась в журнале эта тактика?

Приступая к изданию третьего журнала, Новиков понимал, что главный его враг и теперь все тот же, что и в эпоху «Трутня». Тогда, используя екатерининскую политику показного просветительства (государь-писатель), он объявил ей открытую войну, задавшись целью обличить коронованного автора. В журнальной полемике, как известно, победа осталась за «Трутнем»; именно потому он и был закрыт. Сейчас Новиков был заинтересован в том, чтобы журнал выходил. Нужно было поэтому изменить характер своих отношений с Екатериной. Но изменить именно тактику, а не убеждения и политику. В основу нового поединка с монархом было положено все то же использование игры Екатерины с просвещением. На этот раз Новиков опирался на екатерининскую политику по-новому. О чем мечтала Екатерина, проводя свою политику овладения русским общественным мнением? Чего она больше всего добивалась? Послушания писателей. Новиков и решил разыграть роль послушного ученика.

Прежде всего Новиков решает посвятить Екатерине свой журнал. Это первое посвящение держателя дневной записки русской императрице: «Трутень» был посвящен Нарышкину и Всеволодскому, «Пустомеля» — Ладыженскому и Демидову, «Опыт исторического словаря» — наследнику Павлу. Но главное в посвящении «Живописца» состоит в том, что оно обращено не к Екатерине-монарху, а к Екатерине-писателю, скромно утаившему свое имя: «Неизвестному г. сочинителю комедии «О время». Общество отлично знало, что автор комедии — императрица. Знал об этом и Новиков. Первый лист нового журнала, состоявший из письма Новикова к господину сочинителю комедии «О время», и должен был дать читателю ключ к пониманию новой тактики умудренного опытом издателя.

Посвящение или, как тогда говорили, «Приписание» было особого рода: громко похвалив автора комедии за будто бы обличительный пафос его произведения, превознеся принципы его «беспощадной» сатиры («вы первый с такою благородною смелостию напали на пороки, в России господствовавшие», «вы первый с таким искусством

и остротою заставили слушать едкость сатиры» и т. д.), он немедленно начал поучать: «Взгляните беспристрастным оком на пороки наши, закоренелые худые обычаи, злоупотребления и на все развратные наши поступки... Истребите из сердца своего всякое пристрастие, не взирайте на лица: порочный человек во всяком звании равного достоин презрения». Поучая и советуя, Новиков открыто приписывал монарху свои убеждения, свои взгляды на сатиру, представлял Екатерину-писателя в глазах читающей публики грозным сатириком. Нужно это было для того, чтобы спокойно продолжать свою работу сатирика, объявив себя всего лишь ее скромным учеником: «Вы открыли мне дорогу, которой я всегда страшился; вы возбудили во мне желание подражать вам в похвальном подвиге исправлять нравы своих единоземцев».

Что Екатерине были приписаны новиковские воззрения на сатиру, читатель отлично догадывался, ибо он помнил: не Екатерина, а Правдулюбов первый «с благородною смелостию» нападал в «Трутне» на пороки. Это он в полемике с «выжившей из ума прабабушкой» требовал изображать пороки и порочных людей, не взирая на лица. И это она, Екатерина, скрывавшаяся под псевдонимом Патрикия Правдомыслова, требовала пороки называть слабостями и к слабостям относиться снисходительно. Такого навязывания автору комедии «О время» своих убеждений не могла не заметить и Екатерина. Отвечая «Живописцу», она, не вступая в полемику, обходя молчанием и тем самым отводя все похвалы, поспешила дать свое определение смысла сатиры-комедии, так явно искаженное Новиковым. Цель ее как писателя,— сообщает она,— отнюдь не исправление нравов; она стремится лишь к тому, чтобы «приносить удовольствие», «увеселять». «Пишу я для собственной своей забавы». «При сочинении,— возражает автор комедии Новикову,— не брал я находящихся в ней умоначертаний ниоткуда, кроме собственной моей семьи». Новиков сделал вид, что не заметил этого указания и поправки императрицы.

Читатель XVIII века, привыкший к намекам, эзоповскому языку и аллегориям, понимал: начинался новый поединок. Екатерина, может быть подкупленная и «Приписанием» ей журнала, и громогласно высказанной похвалой ее писательским дарованиям, и открыто заявленным наме-

рением «Живописца» следовать по дороге, проложенной ею,— ждала, внимательно следя за журналом. Ясно, что не все ее устраивало в «Живописце». Оттого она и не стала сотрудничать в нем, как обещала («вы хотите, чтоб я прислал к вам какие-нибудь мои сочинения; сие с охотою впредь я исполню»). Но окончательно отказаться от мысли покорить одного из активных писателей мешала новиковская тактика. Сводилась же она к тому, чтобы, сначала защитившись «Приписанием», в дальнейшем порции своего оригинального сатирического материала перемежать открытой похвалой Екатерине и ее приближенным.

Посмотрим, как строился журнал. За «Отрывком путешествия» и «Ведомостями» следовал «Перевод с письма господина Доминика Диодати из Неаполя». Это письмо — восторженная хвала Екатерине за ее Наказ. Оно «живыми красками» описывало образ русской «повелительницы». После такой порции похвалы шли продолжение «Отрывка путешествия», первое «Письмо к Фалалею» — произведения резко обличительного характера. Затем снова отступление — похвала фавориту Екатерины Григорию Орлову. За панегириком Орлову — группа сатирических очерков, в центре которой обличение «пречестного отца Тарасия». И снова — похвала Екатерине. На этот раз ей отведен целый двадцать второй лист. Но в похвале Новиков неизменно придерживается правила — хвалить «чужими устами»: так и на этот раз он выбирает иностранного автора, при этом еще коронованного — прусского короля Фридриха, который превозносит Екатерину за Наказ как образец «законодательной мудрости». В заключение первой части журнала Новиков решил напечатать весь цикл «Писем к Фалалею» — одно из талантливейших и самых резких по тону обличения произведений XVIII века. «Письма» печатались в двадцать третьем и двадцать четвертом листах. Чтобы довести их до читателя, Новикову пришлось прослоить их «случайными стихами» Рубана; двадцать третий лист: письму Трифона Панкратьевича предшествовала «Надпись на положение Екатериною Великою пред надгробие Петра Первого флага, взятого у турок на Архипелаге». Лист двадцать четвертый открывался стихами «На день рождения его императорского высочества», за которыми следовали письма матери Фалалея и дяди Ермолая Терентьевича. Завершался журнал два-

дцать шестым листом, целиком посвященным безудержной похвале Екатерине — стихами Потемкина «Ея величеству государыне императрице Екатерине Алексеевне самодержице всероссийской на приобретение Белыя России» и Рубана «На день коронования ея императорского величества Екатерины II».

Тактика «осторожности» определила не только композицию журнала, но и характер поединка с Екатериной: как писатель — Новиков лишь послушный «ученик» государыни-философа, государыни-писателя, скромный сатирик, следующий по ее стопам; как издатель — он печатал угодные ей «случайные стихи» «карманных» поэтов или льстивые сочинения иностранцев. Правда, Новиков и этой похвале умел придать иной раз неожиданный, второй и, несомненно, сатирический смысл. Сами по себе панегирические статьи были, конечно, приятны Екатерине. Они славили мудрость, человеколюбие, справедливость русской императрицы. Ее Наказ объявлялся «сочинением, премудростию везде сияющим». В «Письме господина Доминика Диодати» говорилось, что в своей государственной политике она «ищет не собственной, но общей пользы», «простой народ от бремени податей освобождает», «на хлебопашество призирает милостиво». «Во всем увидел я премудрыя законодавицы руку, которая россиян ведет приятным путем туда, где обитает блаженство... Поистине то самое теперь сбывается, что Платон говорит, когда либо философы государствуют, либо государи философствуют». Все это в высшей степени, как можно легко догадаться, устраивало Екатерину, если бы... если бы не противоречило это принадлежащее иностранцу заверение, что в России утвердился «златый век», всему остальному сатирическому материалу, написанному русскими людьми. А русские авторы своими обличительными сочинениями опрокидывали хвалебные заявления иностранцев, убедительно показывая их лживость. В самом деле, «Отрывок путешествия», «Сатирические ведомости», «Письма к Фалалею» и ряд других статей рисовали картины бедствия, нищеты, бесправия и произвола, царивших в России благодаря Екатерине.

Как видим, Новиков не только продолжил опыт «Трутня» в области создания и применения эзоповского языка, но и усовершенствовал его в своем новом журнале. Это позволило ему, ни в чем не уступая своим принци-

пиальным воззрениям на Екатерину (в журнале нет ни одного слова хвалы русской императрице, принадлежащего лично ему, все «случайные» произведения — подписные), полностью изложить в первой части весь заготовленный сатирический материал. Екатерина, так страстно вожделевшая видеть русскую литературу покоренной и поверженной к ее стопам, явно обрадовавшаяся неожиданному «Приписанию» «Живописца», оказалась недальновидной и потому неспособной своевременно понять маневр Новикова. Крамольный журнал преспокойно выходил под охраной нескольких «случайных стихов», нанося из месяца в месяц сокрушительные удары по самым основам социального строя. И на этот раз, и в этом новом поединке она опять потерпела поражение.

А журнал был действительно крамольным. Выходя в канун пугачевского восстания, он как бы отразил на своих страницах грозные сполохи приближающейся крестьянской войны. Вот почему главная сатирическая тема первой части журнала — тема «бедности и рабства», вот почему главный сатирический персонаж — помещик-дворянин.

Из месяца в месяц внушал журнал читателям, что крестьянский вопрос — главный, решающий вопрос социального бытия России. О бедственном положении крестьян Новиков заговорил с первых же листов «Живописца». Уже в авторском обращении к читателям он рисует обобщенный образ помещика, бывшего офицера, Худовоспитанника, который у себя в деревне «со крестьян своих собирает тяжкие подати», «сечет и мучит» их, потому что «нет у него и здесь никому и никакой пощады; и если бы можно ему было со крестьянами своими поступать в силу военного устава, то не отказался бы он их а р к и б у з и р о в а т ь».

Рисуя в этом и в других случаях образ помещика-тирана, Новиков настойчиво ставит перед читателем вопрос — откуда такая хладнокровная жестокость, откуда это тиранство, где корни его: в индивидуальном характере человека или в социальных условиях? И каждый раз Новиков отвечает: в социальном строе. Крепостное право — вот что уже с детства воспитывает из молодого дворянина жестокосердого мучителя: «. . .а что до тиранства принадлежало, то уже я в том и родителей своих превосходил,— пишет один молодой помещик,— хотя, правда, они в сем искус-

стве гораздо неплохи были: ибо один раз батюшка за недоимку 35 душ... а матушка еще и того более бесчеловечным наказанием на... как узнала, что некто из крестьян перешиб ногу любезной ее собачке» (л. XVIII).

Крепостное право, утверждает Новиков, позволяло не только драть шкуры, грабить и мучить крестьян, оно еще растлевало души людей, развращало нравы. Вот типичная история моральной гибели крепостного. У помещицы Скупягиной пропала ложка. Приглашенная кофегадательница без всяких к тому оснований объявила вором дворового Ваньку. Немедленно помещица «призывает Ваньку, приказывает принести плети или батожье; спрашивает его, куда он девал ложку, приказывает, чтобы он немедленно признался. Ванька божится, клянется и уверяет ее, что он ложки не крадывал; но божбам его не верят. Боярыня его ругает; и лице его, кажется ей, изобличает его в покраже. Ваньку секут без пощады; долго он терпит напрасное мучение и говорит правду, но наконец начинает лгать. Он признается в покраже ложки, сказывает, что ее продал и пропил.— С кем? — спрашивает боярыня.— С Андреем, соседским слугою.— Так,— кричит госпожа Скупягина,— я никогда не ошибаюсь, вы оба давно казались мне ворами.— Скупягина посылает к соседке, просит ее, чтобы и она также наказала своего слугу; Андрей также говорил правду, но наконец побоями и его принудили лгать. Скупягина Ваньку своего еще наказывает отнятием жалованья и кормовых денег, чтобы возвратить свою пропажу... Ванька из доброго человека по нужде становится вором, окрадывает свою госпожу, уходит, проматывает, попадается; его отдают в приказ: покраденное пропадает, а Ваньку, яко вора, посылают в каторгу» (л. XIX).

Но, может быть, Скупягина и Худовоспитанник — исключения? Может быть, жестокосердые по натуре, они просто злоупотребляют крепостным правом? На возможные сомнения читателя Новиков отвечает блестящим циклом «Писем к Фалалею». «Авторы» писем — отец, мать и дядя Фалалея — рядовые русские помещики, закосневшие в невежестве, алчности и тиранстве. Сила сатиры в реалистичности и типичности этих образов. Перед читателем предстал не аллегорический условный образ плохого помещика Безрассуда, знакомый ему по журналу «Трутень». Герои писем — живые люди со своим индивидуальным

характером, бытовым окружением, сложившимся помещичьим укладом, устойчивой, буднично-обычной верой в незыблемость своего права владеть и распоряжаться судьбами себе подобных людей. В «Живописце» Новиков отказывается, как правило, от авторского вмешательства, от патетического осуждения тиранства и зверств. Он смело предоставляет своим героям возможность разговаривать, излагать свои афоризмы житейско-помещичьей мудрости. Их письма — обычная болтовня своих людей, убежденных в единомыслии, и она-то прежде всего передавала читателю типичный облик русского помещика, нормально-рядового дворянина, каких на Руси были тысячи. Из писем главных героев читатель узнавал множество колоритнейших фактов, из которых возникала целая биография. Вот главный автор писем — отец Фалалея Трифон Панкратьевич. Некогда свою карьеру он начинал приказным. Но, к своему сожалению, слишком рано был отрешен от службы за взятки. Сторонник «истинных» дворянских вольностей, которые в его представлении есть то состояние, когда все можно своею волею сделать — взятки брать, деньги под процент в рост отдавать, у соседа землю отрезать и т. д., он брюзжит на петербургское начальство, притесняющее его широкую натуру. Он богомолен и сыну своему приказывает ходить в церковь, читать молитвы, бережно хранить отцовские святцы. Богомолен, но в то же время хитер, попам не верит, знает по опыту, что каждый из них жуликоват,— отсюда наставление сыну: «берегись: их молитва до бога доходна, да убыточна». Отрешенный от должности с накопленным капиталом, он теперь ограничил свою деятельность выколачиванием доходов со своего имения, благо что здесь государь предоставил ему, помещику, «истинную вольность» делать все, что угодно. И он старается, не останавливаясь ни перед чем. Он «с мужика кожу дерет», готов хоть «забить до смерти», тем более, что знает: «за то положено только церковное покаяние». Все же некоторые сомнения смущают даже его, пустоголового: как ни бьется он с мужиками, а все толку мало, и доходы все становятся меньше и меньше. «Я, кажется, таки и так не плошаю, да что ты изволишь сделать: пять дней ходят они на мою работу, да много ли в пять дней сделают; секу их нещадно, а все прибыли нет». Он очень чуток ко всему, что касается его прав. Живя в глуши, он все же пронюхал, что появился

в столице сатирический журнал «Живописец», который заявляет, что «помещики мучат крестьян». Появление таких листов доводит Трифона Панкратьевича до бешенства. Он возмущается поведением властей, которые допускают воистину непозволительную вольность называть помещиков тиранами, и грозится при случае самолично ему, сочинителю, «проклятому и ребра живого не оставить». Это возмущение Трифона Панкратьевича имеет под собой теоретическое основание — христианский закон, божью заповедь. «Изволит умничать,— рассуждает он по поводу выступления «Живописца»,— что мужики бедны: едакая беда; неужто хочет он, чтобы мужики богатели, а мы бы, дворяне, скудели; да етого и господь не приказал: кому-нибудь одному богатому быть надобно, либо помещику, либо крестьянину». Как истинный христианин, Трифон Панкратьевич на всякий случай знает нужную заповедь из священного писания. Нашлась и на этот раз подходящая: «И во святом писании сказано: друг другу тяготы носите, и тако исполните закон Христов: они на нас работают, а мы их сечем, ежели станут лениться; так мы и равны — да на что они и крестьяне: его такое и дело, что работай без отдыху» (л. XV). Последняя фраза тоже почти цитата. На этот раз не из священного писания, а из официального государственного документа — «проекта о правах низшего рода людей», составленного собратьями Трифона Панкратьевича, заседавшими в Комиссии. Вот как они определили место и роль крепостного крестьянина в русском государстве, его удел: «Нижний или третий род людей суть те, которые живут в селах и деревнях, упражняясь в земледелии, и тем питают как самих себя, так и всякого состояния людей... И сей есть их жребий»! [1] Как видим, Трифон Панкратьевич не изверг рода человеческого; думая и поступая так, он знает, что поступает справедливо, по закону государеву и воле господней. Оттого, отписав Фалалеюшке все касательно до хозяйства, он далее, полный отцовских чувств, зовет любимое чадо домой, в отпуск, отдохнуть от службы в кругу семейных, родных и, особенно, дорогих сыну собак — скосыря и налетки. Как заботливый отец он сообщает: «Мать твоя бережет их пуще своего глаза; намнясь

---

[1] Гос. ист. архив в Л-де, ф. 1258, д. № 220, кн. 1, л. 360.

налетку укусила было бешеная собака; да спасибо, скоро захватили, ворожея заговорила. Ну, да полно и было за ето людям. Сидоровна твоя всем кожу спустила: то-то проказница; я за то ее и люблю, что уж коли примется сечь, так отделает, перемен двенадцать подадут: попросит небось воды со льдом; да ето нет ничего, лучше смотрят» (л. XV).

Таков Трифон Панкратьевич — помещик, христианин, уволенный за взятки чиновник, семьянин, тиран и мучитель своих крестьян, заботливый, любящий отец. Выставив Трифона Панкратьевича перед читателями со всеми сложившимися его привычками, устоями, точно описанным бытом (чего стоит, например, одна такая бытовая деталь — мать, секущая крепостных и на двенадцатой перемене розог требующая с устатку воды со льдом), Новиков убедительно и доказательно внушал им: губительно не злоупотребление рабством, а само крепостное право. Именно это людоедское право есть величайшая беззаконность, естественным следствием которой являются и бедность, и нищета, и страдания миллионов крестьян.

В «Трутне» обличались, как правило, злоупотребления крепостным правом, сатирически изображались отдельные примеры бесчеловечности и тиранства. В «Живописце» Новиков выступает против самого принципа крепостного права. Он не жалуется больше на плохих помещиков, а осуждает само «право», показывая губительность для России, для нации этого института. Рабство следует уничтожить не только потому, что оно экономически невыгодно и ведет отечество по пути разорения («секу крестьян нещадно, а все прибыли нет; год от году все больше мужики нищают»,— признает даже сам Трифон Панкратьевич), но и потому, что крепостное право есть источник всех бедствий России, пользование им приводит к распаду человеческой личности, к моральному растлению, порождает жестоких, алчных, невежественных людей без рода, племени и отечества. Вот почему антикрепостническая тема стала основной для первой части «Живописца». В произведениях, подобных «Письмам к Фалалею», эта тема выражена обнаженно. В других сатирических статьях и очерках, посвященных русскому «благородному сословию», эта тема положена в основание, и вся критика дворянства ведется всегда с этих антикрепостнических позиций.

Из ряда антидворянских произведений особого внимания заслуживают «Ведомости сатирические», «Mon coeur, живописец», «Опыт модного словаря», «Письма» модниц к издателю журнала. Перед читателем проходила вереница героев из дворян: тут были чиновники и столичные щеголи и щеголихи, провинциальные помещики и военные, светские молодые люди и деревенские недоросли, вертопрахи и матерые приказные. Читая собственные признания этих персонажей, подслушивая их речи, читатель улавливал у всех этих разных и непохожих друг на друга героев что-то общее им всем, типическое.

Таким общим родовым признаком оказывалась социальная практика этих людей. Все они дворяне, все они живут за счет своих крепостных. Оттого все они вне сферы нужной обществу деятельности, оттого всем им, крепостникам, и присущи общие принципы жизни, привычки, душевные качества.

Прежде всего, им равно присуща ненависть к труду. Вот светский вертопрах, модник, проживающий выколоченные из мужиков деньги в столице. Он с молоком матери всосал дворянскую мудрость: «для чего без нужды трудиться?» Знакомый нам Трифон Панкратьевич того же мнения — он убеждает сына бросить службу в гвардии: «нынча время военное; неровно как пошлют в армию, так пропадешь ни за копейку». «Поди в отставку,— советует он,— да приезжай домой: ешь досыта, спи сколько хочешь, а дела за тобой никакого не будет» (л. XXIII). Это принципиальное утверждение права на безделье базируется на прочном основании — работать должны только крестьяне — «да на что они и крестьяне: его такое и дело, что работай без отдыху» (л. XV). Не занимаясь трудом, они в то же время пребывают в неустанной деятельности по выколачиванию денег. Надо признаться, что эта деятельность отнимала много сил и времени у этих лиц: «Матушка моя, пришедши из конюшни, в которой по обыкновению ежедневно делала расправу крестьянам и крестьянкам», предавалась законному отдыху, который состоял в том, что «читает, бывало, французскую любовную книжку» и своему сыну-мальчику «все прелести любви и нежность любезного пола по-русски ясно пересказывает» (л. XVIII). Одна из таких «матушек» — Акулина Сидоровна «так надсадила

себя» расправой над крестьянами, «что чуть жива пришла» и, надорвавшись, отдала богу душу.

Но сечь и сдирать шкуру с крепостных — деятельность далеко не единственная. Алчущие денег, многие из дворян пускались во все тяжкие: брали взятки, воровали, судились, жульничали, а некоторые даже умудрялись составлять капитал совершенно на особой, исключительной стезе: получение денег с обидчика за бесчестье. Таким делом, например, занимался Ермолай «из сельца Краденова». Без тени сомнения «трудился» Ермолай, не чувствуя ни стыда, ни позора,— шел на оскорбление, получал пощечину, а затем судился с обидчиком и брал с него отступного. Попытался было Ермолай потребовать денег и с автора «Живописца» за свое бесчестье, заявляя, что «к едаким тяжбам мне уже не привыкать; я многих молодчиков отделал так, что одним моим, жены моей и дочерей бесчестьем накопил трем дочерям довольное приданое. Что ж делать живучи в деревне отставному человеку? чем-нибудь надобно промышлять» (ч. II, л. V).

Именно крепостное право, неустанно показывает Новиков, создавало условия для праздности с самого детства, определяя всю последующую жизнь как жизнь бездельника, трутня, ненужного человека. Один из таких молодых дворян, осознавший следствия своего худого воспитания, сообщает в «Живописце»: «От праздности... произошли все мерзкости исполненные дела, а вольность сделала меня отважным и наглым на все предприятия». Научился я просиживать целые ночи, весьма скоро в игре, в пьянстве и в других непостоянных забавах преходящие», от которых «вся деревня трепетала» (л. XVIII).

Другая общая черта всех этих худовоспитанников — презрение к знанию, к наукам и учению. «А учение? — О! ета ненужная тягость совсем брошена» (л. III),— заявляет столичный щеголь. В этом своем выводе он не одинок. Еще в свое время его отец внушил ему — «деды наши и прадеды ничему не учились, да жили счастливо, богато и спокойно» (л. III). Некоторые из этих ненавистников наук даже непрочь сослаться на Руссо, который, по их словам, «разумом» доказывал, «что науки бесполезны» (л. III). Ненужность наук точно мотивирована Молокососом: «Я не хочу тратить времени для наук: они мне

не нужны. Чины получаю я по милости моего дядюшки» (л. IV).

Отрицая пользу образования, необходимость изучения истории, математики, физики, литературы, это выморочное племя культивирует свои особые «науки» — как воровать, брать взятки («поделись с начальством, так и концы в воду»), как судиться за бесчестье, как отдавать деньги в рост, «драть шкуру с крепостных» и т. д. Последняя — наиболее распространенная среди помещиков наука. Ее принципы отлично изложены Худовоспитанником: «Моя наука вся в том состоит, чтобы уметь кричать: пали! коли! руби! и быть строгу до чрезвычайности к своим подчиненным» (л. III).

У этих невежественных, корыстолюбивых, жадных до денег трутней какая-то дикая, без тени человечности, воистину скотская мораль. Отношения любви, брака, семьи подменены у них сожительством двух, соединенных капиталом, равнодушных друг к другу людей, изо дня в день ругающихся «всеми бранными словами», дерущихся палками, меняющих взаимно любовников и т. д. Столичные дворяне уверяют читателя, что «по-нашему надобно любить так, чтобы всегда отстать можно было» (л. IV), что «чем глупее муж, тем лучше для жены» (л. IX).

Утратив человечность в обращении с крепостными, они и в семье выступают тиранами и мучителями. Вот как дочь таких родителей рассказывает о семейной жизни: [отец] «какой ето несносный человек! Ужесть, радость, как он неловок выделан: какой грубиян! Он и со мною хотел поступать так же, как с мужиками; но я ему показала, что я не такое животное, как его крестьяне. То-то были люди! С матушкою моею он обходился по старине. Ласкательства его к ней были брань, пощечины и палка; но она и подлинно была того достойна: с едаким зверем жила сорок лет и не умела ретироваться в свет» (л. IX). Как видно по письму, дочь недалеко ушла от своего родителя, и весь прогресс выразился в том, что она, учтя опыт матери, успела «ретироваться в свет». Что же нового внес «свет» в семейные дела? «По счастью скоро выдали меня замуж: я приехала в Петербург: подвинулась в свет, разняла глаза и выкинула весь тот из головы вздор, который посадили мне мои родители: поправила опрокинутое мое

понятие, научилась говорить, познакомилась со щеголями и щеголихами и сделалась человеком». Но «беда» подстерегла ее и тут: муж «терзает до невозможности; он влюблен в меня до дурачества». Но, «ставшая человеком», наша героиня быстро освоилась с таким положением и научилась «отвязываться от етого несносного человека». Наука не сложная. Сначала она говорила ему «отцепись», «но он никак не отстает; после етого резонирую, что стыдно и глупо быть мужу влюблену в свою жену; но он никак не верит: и так остается мне одно средство — упасть в обморок», чем и спаслась, а то бы он «залюбил до смерти» (л. IX). «Перемучившись» дома со своим неотвязным мужем, она отдыхала в «свете»: подвернувшийся ей первый светский волокита начал заклинать ее: «вить я влюблен в вас до дурачества». Наученная говорить, она отвечала ему: «Шутишь... ужесть как славно ты себя раскрываешь», и продолжала слушать милые слуху речи. Волокита, бросая на нее «гнилой взгляд», начинал хвалить ее, «давая полную свободу языку», а затем «свободу рукам» (л. IV).

Жизнь трутней, как видим, стирала с дворян человеческое достоинство, уничтожала все индивидуальные, драгоценные черты личности. Но чем больше торжествовало скотское, тем энергичнее шла утрата всяких связей у этих людей с родиной, со своей национальностью. Невежественные и дикие, они умудрялись быть космополитами, ненавистниками России, русской культуры, русского языка, своих соотечественников. Уже в третьем листе один из этих Скотининых так определил свое отношение к отечеству: «Я не знаю русского языка. Покойный батюшка его терпеть не мог; да и всю Россию ненавидел: и сожалел, что он в ней родился; полно, етому дивиться нечему; она и подлинно ето заслуживает».

Не желая служить своему отечеству, презирая русский народ, отданный им на растерзание, огражденные законом от какой-либо творческой деятельности, они силой крепостного права были обречены на утрату всех связей со своей страной, со своим народом. Все эти Трифоны Панкратьевичи, Худовоспитанники, Скупягины, Ермолаи — это какие-то башибузуки, рассматривающие Россию как неприятельскую землю, жадно терзающие ее для того, чтобы

жрать, спать и развратничать. Это какие-то изверги без роду и племени, утратившие достоинство, честь, совесть, стершие начисто в себе разумную личность, превратившиеся в скотоподобных завоевателей.

Зло обличив русское «благородное сословие», беспощадно «сняв личину» с этих «погрязших в пороках людей и представив их свету таковыми, каковы они в самом существе суть» (л. XVII), Новиков сумел указать и причину, породившую эту великую беду России — крепостное право. Так на страницах третьего своего журнала Новиков вынес приговор крепостничеству, решительно осудив его, страстно «прокричав» со своей «кафедры» о гибельности рабства для России.

Именно об этой сильной стороне Новикова-сатирика писал Добролюбов: «Новиков, как известно, был первый и, может быть, единственный из русских журналистов, умевший взяться за сатиру смелую и благородную, поражавшую порок сильный и господствующий. Он затрагивал такие вопросы и интересы, которые только еще в настоящее время находят свое разрешение и о которых поэтому во времена Новикова нельзя еще было говорить всего, что нужно. При всем том жизнь и сила составляют отличительные достоинства «Трутня» и «Живописца».[1]

Открыв причину болезни, какие же средства к ее ликвидации нашел Новиков в эпоху, когда «нельзя еще было говорить всего, что нужно»? Новиков был человеком практического ума, он жаждал деятельного вмешательства в жизнь. «Живописец» и был потому задуман, что к 1772 году окончательно сложились его политические воззрения. Он теперь уже знал и причину бедствия и средство к его истреблению. Первая часть журнала была посвящена антикрепостнической теме, вторая часть формулировала позитивные воззрения новиковской просветительской программы.

VI

Искренняя боль за отечество толкала Новикова уже в эпоху «Трутня» на опасный в российских условиях путь защиты и пропаганды принципов просветительства.

---

[1] Н. Добролюбов, т. I, стр. 258.

Новиков не был революционером. Критикуя и обличая порядки крепостнической России, он никогда не поднимался до сознания необходимости уничтожения самодержавия как политического строя, при котором неизбежны и рабство, и произвол, и взяточничество, и несправедливость.

Воспитанный на просветительской литературе своего времени, он в эту пору с юношеской страстью верил во всемогущую силу слова, верил, что проникновенной, правдивой речью можно пробудить в людях уснувшую совесть, верил, что апелляция к разуму может изменить положение. Он считал неразумным существование общества, где одни непосильным трудом сведены на положение скотов, а другие, развращенные богатством и властью, потерявшие человеческое достоинство, забывшие о назначении человека, превращаются в жадных и жестоких Безрассудов и Недоумов — пустых, спесивых и глупых щеголей и щеголих.

Как истый просветитель, он исповедовал убеждение, что «истина всегда согласна с разумом», что, «пишучи правду», можно найти «себе таких читателей, которым сие будет приятно». Поэтому для него «побуждение людей к исправлению» было «исполнением должности истинного гражданина». Отсюда, с одной стороны, интенсивная литературная деятельность, издание в трудных условиях сатирического журнала, а с другой — нерешительность и непоследовательность в критике социальных устоев крепостничества, сочетание обличений рабства («Отписки крестьянские») с критикой порочных судей, тиранов-помещиков, критикой, проводившейся с точки зрения вечных, моральных, общечеловеческих принципов («Рецепты»).

Именно в этом заключалась слабая сторона новиковских воззрений эпохи «Трутня».

Умно и смело обличая несправедливость рабства, зло высмеивая дворянских Безрассудов и Глупомыслов, Новиков снижал ценность своей сатиры обращением к тем же Безрассудам и Глупомыслам. Каждое гневное обличение он кончал призывом исправиться, отказаться от пороков, от неразумного, несправедливого угнетения таких же, как они сами, людей. Сатира на негодяя-судью кончалась призывом, чтобы все судьи, «устыдившись своего невежества, старались быть таковыми, какими им быть повелевают честь, совесть и государские законы» (л. XIII). Финал истории о Безрассуде — патетический призыв к мучителю

крестьян понять свои заблуждения и исправиться: «Безрассудный! разве забыл то, что ты сотворен человеком, неужели ты гнушаешься самим собою во образе крестьян, рабов твоих? разве не знаешь ты, что между твоими рабами и человеками больше сходства, нежели между тобою и человеком» (л. XXIV). Отсюда появление особого жанра в журнале — «Рецептов». В каждом из них, назвав порок и выявив его носителя, Новиков «прописывал» рецепт морального воскрешения.

Для судьи: «Старайся знать потребные для твоего звания науки», «человеколюбие и бескорыстие должны первыми быть путеводителями твоего сердца» (л. XXIII).

Для некоторого военного: «Когда ты перестанешь гордиться чином, презирать мещан и крестьян затем только, что они бесчиновны, бесчеловечно увечить себе подчиненных; когда ты станешь исправлять их ласкою и своим примером, а не строгостию и мучительством... тогда по справедливости достоин будешь тех лавров, коими герои украшаются» (л. XXIII).

Для некоторого купца: «Ваша милость имел случай с помощию подкупленных тобою бояр, судей и подьячих набогатиться от откупов и подрядов, или, лучше сказать, от разорения народного». Делалось это все для того, чтобы «быть дворянином и иметь чины; сыновей женить на дворянках, а дочерей выдавать за дворян. Желать надобно, чтоб сие сбылося; ибо ничто не вылечит так скоро твоей алчности к чинам и дворянству, как то раскаяние, когда новые твои сродники все твое без совести нажитое имение промотают» (л. XXIV) и т. д.

Весь талантливый сатирический материал «Трутня» таил поэтому в себе трагический разрыв между художником, сатириком, увидевшим звериный лик русского помещика и чиновника, и проповедником моральных сентенций, наивно обращавшимся к этим же тиранам и мучителям с призывами к моральному воскрешению.

Углублявшийся из года в год кризис социальной системы крепостнического государства, накалявшаяся атмосфера общественной борьбы, тревожное ощущение надвигавшейся катастрофы — все эти обстоятельства общественного бытия Новикова в годы, следовавшие за разгромом Комиссии по составлению нового Уложения, были той

школой, в которой формировалось и складывалось мировоззрение русского просветителя.

Екатерининское царствование характерно небывалым обострением классовых противоречий между дворянством и крестьянством. Уже само вступление Екатерины на престол происходило в зареве многочисленных восстаний. По свидетельству самой Екатерины, более полутораста тысяч крестьян бунтовало в 1762 году.[1] Число восстаний непрерывно росло. За первое десятилетие екатерининского царствования не менее пятидесяти раз вспыхивали одиночные бунты в различных губерниях. В 1773 году разрозненные бунты переросли в крестьянскую войну. Усиливавшиеся тяготы, беспрерывный рост числа закрепощенных, интенсивный процесс превращения крепостного права в рабство, невольничество — все это не могло не вызывать протеста. Своими непрерывными восстаниями крестьянство грозно предупреждало правительство и дворянство, требовало изменения существующего положения. Это отлично понимала Екатерина — отсюда и сложные политические маневры, и демагогические декларации, и демонстративная затея Комиссии, и т. д. Несмотря на всю бесплодность этих действий правительства, они вместе с тем служили объективным свидетельством того факта, что не только крестьянство, но и господствующий класс и монарх отлично понимали и законность и необходимость изменения существующего положения. Вот почему общественная жизнь России этих лет проходила в атмосфере ожидания реформ, социальных перемен.

Созыв и работа Комиссии 1767 года усилили не только в русском, довольно малочисленном «обществе», но и в народе эти ожидания. Немало способствовали возникновению этих настроений и многочисленные депутаты от городов и крестьян. Свидетельство одного современника, приведенное в фундаментальном труде В. Семевского, подтверждает этот в высшей степени важный факт политической жизни России, факт непосредственной связи передовой русской общественности с народными массами: «В бывшей Комиссии... о сочинении Уложения, неосторожно предлагаемые мнения от господ депутатов, а паче от Коробьина, вселяли паче сию заразу в сердца низких людей, тут находящихся

---

[1] Сборник русск. историч. общества, т. X, стр. 137.

депутатами, и... тщетно многими лучшими сынами отечества совсем испровержено было мнение г. Коробьина: упившиеся сердца лестным ядом сим не могли вкключить предоставленного им лекарства, а дух неподданства и разврата в грубые и несмысленные души вкоренился, зарождающийся от разных несправедливых слухов и от разглагольствований крестьянских, однодворческих, старых служек и других чинов депутатов, которые по разъезде своем семена сии злые и в отдаленнейшие области России распростерли».[1] Новиков, разделявший эти надежды, впавший «в сию заразу», потому и решился свой «Трутень» сделать «голосом» Филаток, чтоб тем самым повлиять на работу оставленных частных комиссий. Но годы, прошедшие после разгона Комиссии, опыт журнальной борьбы с Екатериной, действия правительства позволили Новикову понять истинный смысл политических маневров Екатерины, понять природу екатерининского самодержавства, а потому изжить иллюзии.

«Чувствительный к крестьянскому состоянию», отлично знавший современную ему деревню и господствовавшие в ней порядки, навсегда запомнивший крестьянские жалобы в наказах, он все более и более энергично защищал «мертвого в законе» крестьянина, лишенного даже права выражать свое мнение вслух. Его новые, после закрытия «Трутня», политические и социальные искания, его стремление определить, обнаружить национально-исконный путь развития любимого отечества, несомненно, в какой-то мере отражали надежды и чаяния миллионных масс крестьянства. Этот важный и определяющий фактор идейной жизни русского общества 70—80-х годов XVIII столетия, к сожалению, до сих пор мало изучен. Для правильного понимания процесса формирования радикальной русской литературы в последней четверти века, и прежде всего формирования идеологии русского просвещения, необходимо учитывать тесную связь передовой русской общественной мысли с политическими выступлениями крестьянства.

После закрытия «Пустомели» Новиков работает над историческими проблемами — изучает историю русской литературы, подготавливает историю русского театра, знакомится с историей России, следствием чего явится орга-

---

[1] В. Семевский. Крестьяне в царствование Екатерины II, т. I, СПБ., 1903, стр. 442.

низация исторического журнала «Древняя российская вивлиофика» (с 1773 года). Эти занятия российской историей, несомненно, помогли Новикову разобраться в национальных путях развития России, определили его социально-политические воззрения.

Еще работая в Комиссии, Новиков понял, что центральный вопрос русской жизни — это вопрос крестьянский. От его решения зависит и настоящее и будущее родины. История открыла и причины этого: Россия издавна сложилась как страна сельскохозяйственная, страна хлебопашества. Много столетий уже русские люди занимаются производством хлеба, и в этом источник их богатства, источник могущества и процветания России. «Хлеб,— писал Новиков,— есть самонужнейшая вещь». Хлебопашеством занималась основная масса населения, хлебопашество характеризовало облик страны, формировало жизненный уклад, нравы, обычаи, поверья народа, хлебопашество, наконец, определило и природу отношений между людьми в государстве.

В экономике древней Руси Новикова привлекают черты патриархальности, естественно-«разумного» разделения труда в обществе на базе производства «самонужнейшей вещи», кажущееся равенство сословий. Ссылаясь на это представление о национальной старине, он пытается начертать идеально-патриархальную схему возможного социального устройства современного государства. Сильный в критике, Новиков не только наивен, но и беспомощен в вопросах своей положительной программы.

Если попытаться свести воедино раскиданные повсюду — в художественных произведениях, научных статьях и письмах — мысли Новикова о характере желаемых для России общественных отношений, представится приблизительно следующая картина.

Объединяющим началом всей русской жизни должно явиться хлебопашество. Форма государства — монархия, но монархия особого типа, когда за государем закрепляется, как главная и основоопределяющая, обязанность верховного организатора грандиозного всероссийского труда. В силу естественного разделения труда миллионы русских людей исполняют разные функции в этом процессе. За небольшой частью населения, обладающей необходимой культурой, научными знаниями, овладевшей специальным «понятием

о хлебопашестве», закрепляется функция административного руководства. Эти люди ответственны перед государем за конечный результат труда — хлеб. Им для выполнения данной задачи даются не во владение, а всего лишь в надзирание такие же, как они, люди, для исполнения всех важнейших и многочисленных сельскохозяйственных работ — пахоты, сева, обмолота и т. д. Первая группа людей за исполнение этих обязанностей называется дворянством. «Дворяне,— пишет Новиков,— не что иное, как люди, которым государь вверил некоторую часть людей же, во всем им подобных, в их надзирание».[1] Господствующая масса русских людей — хлебопашцы, люди, занимающиеся непосредственным трудом. Итак, вместо существующего принципа крепостного права, «законно» освобождающего дворянина от работы,— социально-экономическая теория, требующая обязательного участия всех сословий в едином трудовом процессе — хлебопашестве. Определен и принцип трудовых взаимоотношений: вместо владения «себе подобными людьми» — надзирание. Юридическое положение занятых производством хлеба людей покоится на всеобщем равноправии (надзиратели и надзираемые такие же, ничем не отличающиеся друг от друга люди). Экономическим основанием этого равенства, как уже говорилось выше, является обязательность труда.

Раз государь «хлебопашество в своем имеет покровительстве», раз он следит за правильностью действий дворянства, то возможны патриархально-равные отношения между крестьянином и монархом. Начала патриархальные, так милые сердцу Новикова, с особой силой выступают в восхищении его обнаруженным им древнерусским обычаем — преподнесением государю именинного пирога. Обычай этот состоял в том, что хлебопашец, изготовив именинный хлеб или пирог, «как наилучший и необходимейший для продолжения человеческой жизни дар» «приносил бы государю» и, «подавая оный», как будто говорил: «Государь! Вот нужнейшая вещь для продолжения человеческой жизни. Вот истинное твое и всего государства богатство. Я приношу тебе в дар хлеб в знак моего изобилия и тру-

[1] Н. Тихонравов. Летописи русской литературы и древности, т. IV, М., 1862, стр. 41.

дов, употребленных мною во весь минувший год для приведения в цветущее состояние земледелия».[1]

Очевиден демократический характер всех этих утопических построений.

Несомненно, царистские убеждения Новикова характеризуют слабость его политической позиции. При этом следует помнить, что в ту эпоху только один Радищев, став революционером, решительно отверг упования на монархию. Но в реально-исторических условиях тех лет царистские взгляды Новикова не помешали ему быть враждебным к режиму Екатерины II. Это обстоятельство чрезвычайно важно: ибо в то время как энциклопедисты, верные своей теории просвещенного абсолютизма, оказались вынужденными возлагать надежду на Екатерину II, русские просветители Новиков и Фонвизин при всем своем монархизме видели деспотизм правления Екатерины II и, что еще важней, боролись с ним. Это отличие русских просветителей от французских нельзя не отметить.

И еще одно. Новиковские упования на «хорошего царя» не были связаны с теорией просвещенной монархии. Скорее они восходят к убеждениям крестьянских депутатов в Комиссии. Используя легальные возможности, депутаты открыто, громогласно, настойчиво и неоднократно заявляли «о нуждах», «об отягощении» крепостных, об их надеждах и желаниях. Но, выражая интересы крепостных, эти депутаты выразили и их идейную слабость, их темноту, непонимание политической стороны борьбы за вольность и землю. Отсюда и царистские убеждения и развитие утопической идеи возможного мирного урегулирования отношений помещиков и крестьян.

В программу, развитую и выдвинутую в 1768 году самими крестьянами, входили требования: а) изменить существующий в России режим крепостного права. Путь изменения мирный, и в частности — вмешательство правительства. Основа — урегулирование этих отношений на началах «справедливости», «человеколюбия»; б) отменить личную власть помещика над крестьянами. Защитить его человеческие и гражданские права; в) строго следить за исполнением существующих законов; г) способствовать рас-

---

[1] Н. Тихонравов. Летописи русской литературы и древности, т. IV, стр. 41.

пространению грамотности в деревне, разрешив крестьянам получать образование.

Эти требования народа, сформулированные им самим, были поставлены перед русской передовой литературой как первоочередные. Она уже не могла пройти мимо них. Прежде всего Комиссия «разбудила» Новикова, ее политические споры были школой его гражданского воспитания. Программа, выдвинутая крестьянскими депутатами, стала его программой; ее центральное положение он развивал как публицист, как политик, как писатель и как просветитель сначала в своих журналах «Трутень» и «Живописец», а потом в своей книгоиздательской и общественной деятельности.

Общий итог вторжения публицистических выступлений крестьянских депутатов в идейно-политическую жизнь России конца 60-х годов очевиден и безусловен: в литературу вошла крестьянская тема — и с обличением отягощений и с требованием изменений существующего режима крепостнического гнета, изменений путем урегулирования отношений дворян и крестьян, с надеждой на «доброго барина», на возможное воцарение «благополучия», если помещик захочет быть «отцом» своим крепостным,— то есть вошла в том своем идеологическом содержании, какое было определено самим крестьянством (наказы и речи Маслова, Чупрова, Алейникова, Жеребцова). Таким образом сила литературы, поднявшей крестьянскую тему, в ее гласной, органической и творческой связи с публицистикой самого угнетенного народа. Слабость ее также в значительной мере определена связью с этой публицистикой, и прежде всего с ее политическими предрассудками (вера в «хорошего царя» и возможность мирного урегулирования отношений между дворянством и крестьянством).

Идеальный строй Новикова был антикрепостническим в своем существе. Выдвинув принцип надзирания вместо владения, Новиков потому и обрушился в первой части «Живописца» на главное социальное зло России — крепостничество. Крепостное право для него не только аморально, экономически невыгодно, но и незаконно и антинационально, ибо не соответствует принципам, некогда сложившимся в России, истинным отношениям равных людей, занятых хлебопашеством.

Каковы же средства и пути осуществления этих столь ожидаемых социальных перемен? В том же письме, изложив свои воззрения, пожалуй впервые с такой лаконической определенностью, Новиков с грустной надеждой восклицал: «Дал бы бог, чтоб почтенные мои собратья сему поверили! ..»[1] В этом восклицании мы слышим уже знакомое нам по «Трутню» убеждение: опять все та же вера в силу просвещения, в возможность морального обновления человека. И действительно, Новиков и теперь остается просветителем, отстаивает все те же, давно известные нам принципы, хотя на многое стал смотреть иначе, многое в его воззрениях изменилось.

В период «Живописца» Новиков отчетливо понимает враждебность человеку социально-политического режима России. Его не устраивает и екатерининское «просвещенное самодержавство» — он борется против него, обличая его лживость, лицемерие и деспотизм. Ему уже ясно, что в основе не только всех несчастий и тягот крестьянина, но и испорченности, порочности дворянства лежит крепостное право. Отсюда антикрепостнический пафос в первой части журнала. Соответственно обогатилась, выросла в целую систему взглядов положительная программа. Исчезло свойственное «Трутню» морализирование. В «Живописце» Новиков не прописывает «рецептов» Худовоспитаннику, Ермолаю «из сельца Краденова», Трифону Панкратьевичу и им подобным, не обращается к ним с проповедью, а беспощадно разит их, талантливо и зло показывая полную несостоятельность надежд на их моральное воскрешение.

И все же Новиков не стал революционером. Он не понял смысла и цели крестьянских восстаний. Восстание для него — всего лишь акт мести, акт разрушения — и только. Это было глубоким заблуждением одного из основоположников русского просвещения, заблуждением, исторически неизбежным. Понадобилось десятилетие, чтобы на смену веры в силу просвещения пришло другое, выстраданное убеждение о революции как единственном средстве преобразования социального и политического устройства России, возрождения народа и самой природы человека. Теорию революции как величайшего акта народного творчества,

---

[1] Н. Тихонравов. Летописи..., т. IV, стр. 41.

преобразующего жизнь, развил другой русский деятель, современник Новикова Александр Радищев.

Новиков и Радищев выразили две эпохи исторической жизни России, разделенные крупнейшим потрясением крестьянской войны 1773—1775 годов. Убеждения держателя дневной записки сформировались в период, предшествовавший этой войне. Демократические в своем существе, они, отразив интересы и чаяния крепостного крестьянства, запечатлели прежде всего слабейшие стороны народного самосознания — веру в «хорошего царя», надежду на возможность разумно-естественных отношений с помещиком (помещик — «отец», крестьяне — его «дети»), тяготение к сохранению катастрофически разрушаемой патриархальности и т. д. Политические воззрения Радищева определила крестьянская война. Ее сильнейшие стороны, прежде всего непримиримая классовая ненависть к угнетателю и выстраданное убеждение, что освобождение может быть завоевано только революционным путем, обобщенные великим русским революционером, легли в основание передового самостоятельного русского политического мировоззрения. Но это уже была следующая, более высокая ступень русского просвещения XVIII века, выдвинувшая его на мировую арену.

Не только историческими обстоятельствами объясняются непоследовательность и слабость общественно-политических воззрений Новикова. Он был дворянин. Социально-политические противоречия крепостнической России этих лет помогли ему порвать с эгоистической практикой своего класса. Интересы русских хлебопашцев стали для него собственными интересами, определили всю его литературно-общественную деятельность. Но в решении путей и средств уничтожения существующего в России и гибельного для нации положения им проявлялась не только просветительская слабость, но и дворянская ограниченность. Эта ограниченность сказалась прежде всего в боязни сделать политические выводы из критики крепостничества, в стремлении вопрос о немедленной ликвидации рабства подменить вопросом воспитания будущих поколений дворян в духе ненависти и презрения к крепостничеству. Иногда поэтому в ходе общественной борьбы политическая позиция Новикова оказывалась либеральной.

Идеалист в основах своего мировоззрения, Новиков потому и оказался неспособным разобраться в обществен-

ных отношениях и найти исторически верный путь преображения жизни на началах разумных и справедливых. Поэтому и в период «Живописца» вопрос о пути и средствах преодоления социального зла он, хоть и иначе, чем в «Трутне», все же продолжал решать с позиции господствовавшей в ту эпоху концепции просветительства. Ему, как и многим идеологам XVIII столетия, казалось, что просвещение разума погруженного во тьму человека есть то «всеобщее врачество», есть та сила, при помощи которой, как Архимедовым рычагом, можно перевернуть и перестроить весь мир. Но прежде чем характеризовать убеждения Новикова эпохи «Живописца», и в частности его отказ от перевоспитания крепостников, необходимо остановиться на вопросе о существе и особенностях русского просвещения.

Слово «просветитель» в научной литературе употребляется нередко без какого-либо намека на рассмотрение конкретно-исторического его содержания. Новиков был просветителем. Больше того, он был тем человеком, кто формировал практически и закладывал теоретические основы русского просвещения XVIII века; потому здесь совершенно необходимо кратко характеризовать это понятие.

Основополагающим для нас должно быть классическое определение существа русского просветительства, данное Лениным в работе «От какого наследства мы отказываемся?». Просвещение как идеология сформировалось в эпоху борьбы с феодализмом, и главным образом крепостничеством; ему, как политическому движению, вооружавшему буржуазию и крестьянство на эту борьбу, свойственны некоторые общие черты. «Нельзя забывать,— писал Ленин,— что в ту пору, когда писали просветители XVIII века. . ., когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками».[1] Какие же черты, общие всем просветителям в этих условиях, устанавливает Ленин? «Как и просветители западно-европейские, как и большинство литературных представителей 60-х годов, Скалдин одушевлен горячей враждой к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической области. Это первая характерная черта «просве-

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 2, стр. 473.

тителя». Вторая характерная черта, общая всем русским просветителям,— горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России. Наконец, третья характерная черта «просветителя» это — отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян (которые еще не были вполне освобождены или только освобождались в эпоху просветителей), искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние, и искреннее желание содействовать этому».[1]

Такова классическая ленинская характеристика просветительства. Но как ни конкретна исторически эта характеристика, как бы она ни была прикреплена к точно обозначенному явлению идейной жизни России 40—60-х годов XIX века,— она имеет и общеметодологическое, расширительное значение. И в той мере, в какой Ленин устанавливал черты, общие западно-европейским просветителям XVIII века и русским, жившим в 60-е годы XIX века,— можно распространить эту характеристику и на русское просвещение XVIII столетия.

В ту эпоху, когда складывалась и формировалась идеология русского просвещения XVIII века, когда жил и писал Новиков, вопрос борьбы с крепостным правом уже был коренным вопросом всей политической жизни России. Доказательство тому — беспрерывные крестьянские восстания, вылившиеся в 1773 году в крестьянскую войну, политические маневры правительства, общественное обсуждение вопросов крепостного права, господство этой темы в литературе 70-х и 80-х годов и т. д. И Новикову свойственна «горячая вражда к крепостному праву и всем его порождениям». И для его убеждений характерна горячая защита просвещения, свободы. И новиковская деятельность посвящена отстаиванию интересов народных масс — главным образом крестьян. И у него мы угадываем искреннюю веру в то, что отмена крепостного права принесет с собой общее благосостояние.

При этом установлении общих, характерных для просветительской идеологии, черт не должно забывать о коренных различиях между русскими просветителями XVIII века и просветителями XIX века. Новиков, Фонвизин

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 2, стр. 472.

и Радищев — дворянские просветители, Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Салтыков-Щедрин — революционеры-демократы. При наличии общих всем просветителям воззрений[1] дворянских просветителей XVIII века можно рассматривать лишь в исторической преемственной связи с просветителями 60-х годов XIX века. Ленинская периодизация русской революции, устанавливающая преемственность между тремя классами, действовавшими в ней (дворяне, революционеры-разночинцы, пролетариат), дает ключ к пониманию исторически верного и действительного содержания и существа идеологической программы русского дворянского просвещения XVIII века.

Наряду с общими просветительству чертами в идеологию русского просвещения XVIII века входили многие другие важные вопросы, свойственные только ему, глубоко самобытные, определяемые историческими условиями формирования этого идейного течения, задачами общественной борьбы, национальными особенностями России и ее освободительной политической мысли. Главнейшей характерной особенностью именно русского просвещения XVIII века является наличие в нем двух течений. Одно из этих направлений, проникнутое верой в мирный путь социального обновления России, дворянски ограниченное в области политики, сформировавшее нравственную философию и идеал социально-активной личности, возглавлялось Новиковым. Другое, революционное, исполнившее историческую миссию обобщения опыта освободительной борьбы народных масс, представлялось Радищевым.

Другой важной чертой русского просвещения, уже определившейся в XVIII столетии, является его антибуржуазность. Французское, американское и немецкое просвещение, в силу исторически сложившихся обстоятельств, было буржуазной идеологией. Русское просвещение XVIII века, отражая нараставшую из года в год борьбу крепостных против феодально-сословного режима, борьбу, которую крестьянство вело одиноко, без буржуазии, предавшей интересы народа и добивавшейся своего жирного куска от феодального пирога, выразило в какой-то мере подлинные народные чаяния и было поэтому более демократичным, сумев раскрыть отвратительные черты буржуазно-собственнических

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 2, стр. 473.

идеалов. В деятельности и творчестве Новикова эта линия была намечена. В творчестве революционера Радищева она нашла свое полное и последовательное развитие.

Именно в этой связи и стоит рассматривать ту последовательную положительную оценку, какую дали революционеры-демократы русскому просвещению XVIII века, и в частности Новикову. Об оценке Новикова Белинским, Герценом, Добролюбовым говорилось выше. Необходимо также напомнить и мнение Чернышевского об этом замечательном деятеле XVIII века.

Чернышевский, не раз напоминавший русскому обществу о плодотворнейшей деятельности Новикова, в одной из статей 1860 года сделал крайне важное замечание о значении его просветительской программы. По мнению Чернышевского, в XVIII веке только немногим деятелям была свойственна способность свое отношение к обществу, к явлениям социально-политической жизни выражать в единой разработанной системе убеждений. Новикова и Радищева он называет прежде всего среди этих людей: «Новиков, Радищев, еще, быть может, несколько человек одни только имели тогда то, что называется ныне убеждением или образом мыслей».[1]

В 1773 году, за несколько месяцев до крестьянского восстания, Новиков приступил к развертыванию положительной программы русского просвещения. Этому он посвятил вторую часть журнала «Живописец».

VII

Уже в предисловии к первой части журнала Новиков предупредил читателей, что он как писатель намерен активно вмешиваться в жизнь, выносить свой приговор общественным порокам, проповедовать идею разумных человеческих отношений. Отсюда задача журнала — обличать, быть «кафедрой» и «исправлять нравы своих единоземцев», то есть быть и школой. Исправление, между прочим, достигалось и обличением: «выводить наружу пороки, осмеяния и презрения достойные», «снимать личину с порочных

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Сочинения, т. VI, СПБ., 1906, стр. 353.

людей». Но существенно важным, настаивает Новиков, должно быть наставление, утверждение положительных примеров, принципов и нравственных начал: журнал из номера в номер «общеполезные делал наставления», «указывал на пользу наук и знаний», «внушал истинную любовь к отечеству».

Критике, обличению в «Живописце» подверглось крепостное право и его социальные, бытовые и юридические порождения. Центральной фигурой сатирического обстрела был крепостник. «Снимая личину» с этих Ермолаев, Скупягиных, Трифонов Панкратьевичей, пригвождая их к позорному столбу российской гласности, осмеивая в них «все презрения достойное», показывая, как заскорузли и омертвели души дворян, развращенных крепостным правом, Новиков, как об этом уже сказано выше, более не ставил задачи их морального излечения. Обличение и осмеяние крепостничества нужно Новикову в новых условиях, с одной стороны, для доказательства аморальности и незаконности крепостного права, а с другой — для предупреждения. Предупреждал он тех, в ком была еще жива душа, показывал им, к каким неисправимым последствиям приведет их пользование правом владения во всем подобными им людьми. Так и сатира, в данном случае в функции предупреждения, включалась в позитивную программу Новикова, душой которой была идея воспитания новых людей.

Уже в первой части журнала, преимущественно критической, всячески подчеркивалось, что одной и едва ли не главной причиной существования рабства, узурпации прав крестьянства, превращения некогда господствовавшего принципа надзирания в принцип владения явилось плохое, неверное воспитание. Один из таких крепостнических башибузуков так и был назван — Худовоспитанник. Столичные дворяне, чиновники, помещики, щеголи, волокиты и молокососы потому сознательно, в корыстных целях, отрицали необходимость знаний, наук, нравственного воспитания. Некий «несчастный Е.», молодой дворянин, под влиянием «оставшейся еще искры стыда и совести» раскаялся в своих прошлых поступках, отказался от права безделья, пошел служить и, зная направление и цель «Живописца», прислал письмо, в котором подробно объяснил, что начатый им с детства путь тирана-крепостника объяснялся «следствием худого воспитания» (л. XVIII).

Объясняя существующий рабовладельческий строй России моральными факторами, Новиков сформулировал свою практическую задачу писателя и просветителя: начать воспитание новых поколений русских людей, которые, будучи обогащены просвещением, утвердили бы новые, разумные отношения между дворянством, крестьянством, купечеством, ремесленниками и, наконец, государем. Вот почему вторая часть журнала и посвящена развертыванию программы великого дела воспитания «единоземцев».

Прежде всего, естественно, вставал вопрос: кого необходимо было воспитывать. Отказавшись от идеи морально воскресить Ермолая и Трифона Панкратьевича с их чадами и домочадцами, Новиков тем самым почти снимал вопрос о возможном исправлении дворянского корпуса в целом. Надо сказать, что дворяне чутко уловили это отношение к ним «Живописца». Тому доказательство — десятки самых ругательных писем, которые получал журнал, исполненных угроз и злорадных сообщений об истреблении ненавистных листов журнала. В одном из них, между прочим, ясно указано на отсутствие у Новикова какого-либо расчета на дворянство. «Я осмеливаюсь с некиим пророческим духом вас в том уверить,— пишет «Дворянин с одною душою»,— что ваши читатели, кои из мещанства и купечества, не отрекутся и впредь платить вам дань за описание глупостей и пороков нынешнего века. Что ж касается до дворянства, то я в некоторых... предвижу для вас более вреда, нежели пользы» (л. XXV). Итак, главный объект воспитания — люди третьего сословия. Вот почему еще в «Трутне» Новиков всякий раз развратным бездельникам дворянам противопоставлял благородных, в науках искусных, живущих с пользой для отечества и себя разночинцев, ремесленников, художников и ученых. Вот почему в дальнейшей деятельности он будет окружать себя молодыми разночинцами, студентами Московского университета, часто воспитывавшимися на средства, добытые Новиковым. Но пессимистически рассматривая возможность массового воспитания дворянства, Новиков вместе с тем возлагал надежду на некоторую его часть, и прежде всего на дворянскую молодежь. Отсюда стремление показать положительные образы молодых дворян, тех, кто разделял новиковские убеждения, кто не без помощи его «Живописца» вставал на верный путь добродетели. Стоит напомнить и «несчаст-

ного Е.» (л. XVIII), и собеседника Новикова в «Английской прогулке» (л. XIII), и знаменитого Фалалея, бывшего, по заявлению его дяди Ермолая, «приятелем» Живописца, «потому что он отдавал все отцовские, и материнские, и мои письма для напечатания» (ч. II, л. V).

Получив отвращение к мерзостным и подлым, осмеяния достойным поступкам тиранов-крепостников, юноши, ставшие на новиковский путь воспитания из себя добродетельных граждан, должны были припасть к светлому и чистому роднику науки. «Науки приносят обществу великие пользы и связывают его самыми крепкими узами здравого рассудка: они учат жить добродетельно» (ч. II, л. XXI). Только знания, науки, просвещение открывают человеку главное — добродетель, а добродетельный человек тот, кому ненавистны алчное корыстолюбие, жажда наживы, угнетение человека, скотские удовольствия, безделие тунеядцев, кто счастие и смысл жизни видит в благе сограждан, отечества, кто «себе и обществу чем-нибудь полезен» (ч. II, л. XXIII). В понятие добродетельной жизни включались Новиковым и вера в бога и необходимое воздаяние ему «достодолжного почтения». Благополучие государства покоится на воспитании юношества: «благополучна та страна, где юношество к пользе государя, ко благоденствию общества, ко преодолению господствующих в народе предрассуждений и к собственному своему благополучию хорошо воспитывается» (ч. II, л. XXI).

Воспитанное в духе гражданских «российских добродетелей» новое поколение единоземцев установит идеальное, разумное государство без рабства, с вольным трудом хлебопашцев, с государем и дворянами в роли надзирателей. Эта наивная мечта была страстным убеждением Новикова, она делала его настойчивым и твердым в осуществлении намеченных грандиозных планов, исполняла его железной решимостью итти через все беспрестанно возникавшие на этом тернистом пути трудности.

Но кто же должен взять на себя задачу воспитания юношества? Верный своим убеждениям, Новиков отвечает: не правительство, а общество. Львиная доля всех тягот и забот падает на литературу, на русских писателей, на русское просвещение. Главным средством воспитания должна стать книга. Создать эту книгу, напечатать ее, распространить по России, довести до самых отдаленных уголков —

такова практическая работа русских писателей, русских просветителей.

«...слово тоже есть дело; это положение бесспорное для приложения к истории вообще или к тем эпохам истории, когда открытого политического выступления масс нет»,[1] — это ленинское положение позволяет понять весь огромный политический смысл деятельности русских просветителей XVIII века, и в частности Новикова, чье просветительское слово в 70—80-х годах было политическим делом.

Итак, дело русского просвещения — дело частных людей, независимых от правительства. Это важное требование Новиков сформулировал в двух письмах — Любомудрова к издателю «Живописца» и ответе «Живописца» Любомудрову. Человек практический, для которого задумать означало исполнить, Новиков уже с конца 1772 года приступил к созданию «Общества, старающегося о напечатании книг». Зная, что задуманное им дело могло быть исполнено только усилиями коллектива литераторов, он пытался создать уже в этот период первую свою просветительскую организацию. Но отсутствие средств, малое количество союзников не позволили создать предприятие которое бы могло заняться полным осуществлением широкой программы. Организованное «Общество» взяло на себя труд пока что печатать лишь книги, уже переведенные «Собранием, старающимся о переводе иностранных книг». Для того чтобы понять содержание двух вышеуказанных писем, необходимо несколько рассказать и об этом «Собрании» и о новиковском «Обществе».

«Собрание, старающееся о переводе иностранных книг» возникло в 1768 году по инициативе Екатерины II. Содержалось оно на личные средства императрицы. Организация «Собрания» была продолжением начатой с восшествия ее на престол политики ложнодемонстративного просветительства. Ранее уже указывалось, что основу этой политики составляла пропаганда угодных Екатерине сочинений и просветительских идей энциклопедистов. Созданное ею «Собрание» и должно было в широком масштабе начать осуществление екатерининского плана. Официальными руководителями его были В. Орлов, А. Шувалов и

[1] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 9, стр. 53.

Г. Козицкий. Последний был фактическим организатором всего дела, а это значит — прямым исполнителем воли императрицы. Она сама подсказывала, какие книги нужны ей, что нужно выбирать из огромного литературного наследия передовых идеологов, с чем надо знакомить русскую публику. Таким образом, она желала практически руководить русским просвещением, оказывать на него влияние в нужном направлении, определять, что именно необходимо ее подданным усвоить из произведений крамольных философов. Кроме того, стоя во главе «Собрания», она получала практическую возможность руководить довольно большой группой литераторов, оплачивая их труд из своих монарших рук.

Что же издало это «Собрание» к 1773 году, то есть к моменту написания письма Любомудрова «Живописцу»? Из общего числа сорока шести книг — восемнадцать — просветительские сочинения: переводы из Энциклопедии (13), сочинения Монтескье (4) и Вольтера (1). К этой же группе примыкали сочинения по истории Рима и Греции, написанные вслед за Монтескье, сочинения прусского короля Фридриха и ряд других работ. Показная сторона дела, как видим, была блестящей, «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг», работавшее под монаршим руководством, печатало, главным образом, переводы из передовых изданий. Фактическое положение вещей было все тем же: или переводились книги, политически устраивавшие Екатерину, или делались переводы из Энциклопедии, фальсифицировавшие характер этого издания. Так, были переведены из Энциклопедии следующие статьи: «О любопытстве и гадании», «О клевете, презрении и несчастии», «О Париже», «О любви» и т. д. Из политических сочинений следует прежде всего назвать уже известный нам перевод Туманского «О государственном правлении и разных родах оного».

В стороне стоят лишь два тома переводов «Статей о философии и частях ее», сделанных русским философом Яковом Козельским. Действуя в духе намеченного курса переводов из Энциклопедии, он сумел дать русскому читателю книгу, вовсе не устраивавшую Екатерину и имевшую целью показать действительное идейное богатство Энциклопедии. Выход этой книги можно объяснить лишь тем, что именно в это время Екатерина была слишком занята де-

лами Комиссии, слишком обеспокоена ходом развернувшихся в ее стенах прений. Остальная часть изданных «Собранием» книг это или сочинения художественные («Публия Овидия Насона превращения», «Амелия. Повесть. Сочинение г. Фильдинга» и т. д.), или сочинения по географии, медицине, а порой и случайные произведения типа «Исторической записки Амстердамского общества в пользу утопших».

Таково было положение с официальным «просвещением» к моменту, когда у Новикова созрело решение приступить к практическому исполнению своей программы. Создав свое «Общество, старающееся о напечатании книг», он, лишенный пока возможности самому заказывать переводы сочинений, которые он хотел бы дать своим читателям, и не имея достаточных связей с литераторами для получения оригинальных нужных ему произведений, принужден был удовлетвориться на первый случай выбором наиболее подходящих книг из числа имеющихся в «Собрании». В первый же год существования «Общества» было издано пять книг, причем одна из них — «Путешествия Гулливеровы» — продолжала начатое Академией издание.

Какие же книги избрал Новиков? Две книги по истории — сочинение Миллера о России, «О народах, издревле в России обитавших», и труд Мабли «Размышление о греческой истории», одно сочинение о древнегреческих философах, «Елиана различные повести» и, наконец, переведенную Михаилом Поповым «Выписку о чревовещателях и чревобасниках». Как ни мало число изданных «Обществом» книг, все же очевидна преднамеренность их выбора. Выпуская в это время свою «Древнюю российскую вивлиофику», Новиков был связан с историком Миллером. Следствием этих отношений явилось напечатание исторического труда Миллера. Давний друг Новикова Михаил Попов, естественно, предложил свою книгу. Прибывший из Лейпцига Александр Радищев предложил сочинение аббата Мабли, автора, не принимавшего политических взглядов Монтескье — любимого писателя императрицы. Больше того, молодой Радищев снабдил книгу таким своим примечанием, которое уже было прямо направлено против политической теории энциклопедистов.

Ведя одновременно дела по «Обществу» и печатая вторую часть «Живописца», где развертывалась программа

русского просвещения, Новиков счел нужным теоретически сформулировать принципы начатого им практического дела. Так появилось письмо Любомудрова к издателю «Живописца». Главная задача письма — публичное извещение об учреждении частными людьми «Общества, старающегося о напечатании книг». Любомудров пишет: прочтя «статуты оного общества», «я столь много восхитился, усмотря их доброе намерение и долженствующую из оного учреждения истекати пользу для всего российского народа, что не мог удержаться, чтобы не восхотеть об оном дать знать всему свету» (ч. II, л. XVIII).

Оповестив русское общество о том, какая начата практическая работа по просвещению, Новиков тотчас старательно объясняет, почему «польза для всего российского народа» заключена именно в книгоиздательстве: «Что может более, коли не печатание книг, расплодить единую истину», «родить, так сказать, столько же прямомыслящих голов, как и сам изобретатель той истины, сколько есть читателей». Но раз дело воспитания определяется прежде всего открытием «не заблуждающемуся еще уму» «единой истины», значит, печатание книг есть тот рычаг, которым можно перевернуть порочное социальное устройство и воспитать единоземцев в духе российских добродетелей. Печатание книг позволяет данную задачу решать на широкой базе, ибо оно «наибольшему количеству народа» подает сведения об истине и «через то очищает общество от заблуждений и предрассудков, всегда вредных».

Успех «Общества» определяется его независимостью от правительства, а поэтому оно должно стать «учреждением частных людей». Кончается статья приглашением русских писателей к заведению подобных учреждений: «Сведение о таковом обществе побудит, может быть, и иных к учреждению какого другого».

Ответ издателя «Живописца» Любомудрову дополнял, исходя из опыта работы «Общества», изложенную выше программу. Согласившись, что работа «Общества» «весьма полезна для единоземцев наших», Новиков поставил перед молодым русским просвещением новую в просветительском движении вообще задачу — «по моему мнению, государь мой, не довольно сего, чтобы только печатать книги, как то понимаю я из наименования сего Общества, а надобно иметь попечение о продаже напечатанных

книг» (подчеркнуто мною.— *Г. М.*). Книжная торговля для Новикова — составная часть программы просвещения народа. Важно напечатать нужную книгу и продавать ее в Москве и Петербурге, но этого мало. «Сколь большей пользы ожидать надлежит от сих книг тогда, когда посредством торговли доставляться будут они в отдаленных наших провинциях живущим дворянам и мещанам». И как истинный государственный деятель, как просветитель, поставивший перед собой цель воспитания юношества всей страны, как человек, отважившийся создавать основы «истинного народного просвещения», он выдвинул перед русским обществом насущнейшую задачу организации книжной торговли по всей России.

Именно перед обществом,— ибо книжная торговля, как составная часть русского просвещения, также должна быть независима от правительства, должна находиться в руках частных людей. Поэтому решительно утверждается тезис: «Но о распространении сей торговли не государю, но частным людям помышлять должно».

Так эти письма заявляли, что в России складываются два враждебных друг другу идейных течения, как враждебны были друг другу «Трутень» и «Всякая всячина», как враждебна деятельность Фонвизина, Новикова, Козельского, молодого Радищева — Екатерине, Петрову и другим «случайным» поэтам. Одно просвещение — официальное «или, так сказать, слепое пристрастие ко французским книгам». Главное дело этого направления — переводы. Отсюда «ее императорское величество учредила «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг на российский язык». Для целей практического руководства объединением литераторов императрица «определила ежегодно 5000 рублей».

Другое, истинное просвещение ставило перед собой задачу воспитания народа. Оно независимо от правительства, оно есть инициатива частных людей. Материально не связанные «от определенного им жалования», они исполняют свою миссию свободно; «а науки любят свободу»,— заявляет Новиков,— ибо «где должность, там принуждение». Это просвещение из иностранных книг отбирает лишь необходимые и полезные, ставя своей главной задачей печатание российских сочинений. Поэтому «Общество, старающееся о напечатании книг» должно явиться центром

объединения русских писателей и ученых. Наконец, оно, расширяя круг своей деятельности, развертывает книжную торговлю, рассылая по всей России своих представителей.

«Общество, старающееся о напечатании книг», объединившее пока небольшую группу российских литераторов, журнал «Живописец», издание трудов по истории — «Древняя российская вивлиофика», с задачей обличения «кощунов» — людей, «ненавидящих свое отечество», с задачей внушения патриотической любви к России, умножения «сведений о своих прародителях», изучения нравов и обычаев родины,— таковы первые практические дела Новикова по осуществлению сложившейся у него программы русского просвещения.

Создавая русское просвещение, как видим, Новиков оберегал его от влияния правительства, призывая литераторов беречь свою независимость, противостоять натиску двора. Именно этим объясняется, почему тема независимости писателя — одна из наиболее разработанных во второй части «Живописца». Ей посвящены статьи «О словесных науках» (л. I), «На сих днях получил я писание» (л. II), «Слушай-ка, брат живописец» (л. V), письмо, подписанное «Доброхотное сердечко» (л. X), письмо Россиянина о характере сатиры (л. X), статья, подписанная «Ваш доброжелатель» (л. XXII), и т. д.

Наибольшей опасности, предупреждал Новиков, подвергается писатель-сатирик, «сторонник действительной живописи». Его непрестанно проклинают, ему грозят Сибирью, тащат в суд за «бесчестье», а подчас и просто обещаются или «псами затравить», или «ребра живого не оставить». Но страшнее самодурских угроз помещиков — подкуп. Тема подкупа подробнее всего развернута в письме за подписью «Доброхотное сердечко» и ответе Новикова. Вряд ли случайно потому это важнейшее и принципиальнейшее письмо было напечатано дважды.

Некая женщина, скрывшись под псевдонимом «Доброхотное сердечко», пишет живописцу гневное письмо. Ее оскорбляет и возмущает автор журнала, потому что он во Франции не бывал и оттого не умеет по-французски употреблять «нежных только цветов краски», а все более «темные и мрачные», отчего «малюет» только «поношения и клеветы». «Отпряв» за это живописца, «Доброхотное сердечко», как до этого Ермолай «из сельца Краденова»,

вдруг меняет тактику и начинает увещевать опасного человека: «Пора, право пора тебе, дружок, опомниться». Это восклицание подкрепляется неотразимым, с точки зрения этих людей без совести, стыда и чести, средством — обещанием денег: «Напиши-ка два или три хорошенькие портретца, да только поскорее; ан и не тот станешь человек. Тебя будут звать для снимания портретов во все знатные домы; а ты с легкой моей руки станешь богатеть да наживаться». Ответ Новикова — декларация писательской независимости, своего рода присяга на верность «действительной живописи». Он заявляет: «Я не в силах сие исполнить, потому что ласкательство есть претрудная для меня наука, и я никогда не имел склонности следовать ее правилам». «Неоспоримая истина»,— продолжает он,— что живописец «не придет в моду» при дворе и у дворянства. Там нужны другие, угодливые, «случайные» поэты. Именно туда, ко двору, и адресует он «Доброхотное сердечко»: «Вы можете сыскать из них одного по своему желанию», стоит «заглянуть только ко дв...» (т. е. ко двору).

Эта борьба за свободу писателя, за независимость от правительства составляет специфическую особенность русского просвещения. Теоретические построения энциклопедистов о просвещенной монархии как силе, осуществляющей начертанную философами программу преобразования общества, их вера в возможность воздействовать на законодательную политику государя и на основе этих новых законов построить разумные отношения между людьми, как мы видели, не устраивали ни Новикова, ни других русских писателей (Козельский, Радищев). Практика екатерининского самовластия была тем фактором, который помог русским деятелям преодолеть эту фальшивую и вредную политическую теорию. Русские просветители поняли и больше — благодаря такой теории ее идеологи невольно утрачивали свою независимость, превращались, помимо своего желания, в орудие своих коронованных друзей. Новиков видел, как стремительно и победоносно завоевала Екатерина французскую «философскую республику». Он беспрестанно чувствовал на собственном опыте намерение и желание Екатерины подчинить и сделать своим орудием и русских деятелей. Вот почему борьба за независимость была так важна и принципиальна для Новикова: русскому просвещению угрожала реальная опасность. Отстаивание

независимости русского просвещения и литературы от правительства поэтому одна из исторических заслуг Новикова.

В этой связи нельзя не отметить один смелый шаг Новикова — помещение в первом же листе второй части «Живописца» за 1773 год отрывка из книги прусского короля Фридриха «Утренние размышления королевские» под названием «О словесных науках». Лишенный возможности прямо говорить о екатерининской политике заигрывания и подкупа французских просветителей и русских деятелей, он поместил рассуждение на эту тему коронованного собрата Екатерины — Фридриха, так же, как Екатерина, заигрывавшего с энциклопедистами.

Фридрих более чем откровенно рассуждал о необходимости для власти подкупа литераторов. Писатели, «люди ученые, есть род проклятый и народ несносный», впрочем, «они люди нужные для государя, который хочет царствовать самодержавно и притом любит свою славу». Зачем же нужны писатели государю? «Они раздают чести, и без них не можно приобресть никакого твердого прославления». Какая же должна быть по этой причине тактика? «Надлежит их ласкать по необходимости, а награждать по политике». Руководствуясь этой «политикой», он одержал победу, правда, не такую блестящую, как Екатерина, и временную, над такими деятелями, как Вольтер, Даламбер. Вот что пишет он о великих людях, которые стали жертвой собственной несостоятельной теории: «Я содержу при моем дворе некоторое число сих блистающих разумов, которые приемлют на себя труд объяснять мои мысли. Ты видел, с какою отличностию принимал я господина Аламберта». «Великие отличности» оказывались этому писателю потому, что «сего философа слушают в Париже как прорицателя и что он только что и говорит о моих дарованиях и добродетелях; и повсюду утверждает, что я имею все свойствы истинного героя и великого государя». Эта чрезмерная похвала смущала даже самого Фридриха, который считал, что его «дела того еще не заслужили, но Аламберт столь был вежлив». Цинично и нагло заявляет Фридрих в конце статьи, что за эту похвалу он «никогда не упускал платить исправно ежегодные награждения».

Печатая эту статью, Новиков разоблачал тактику просвещенных монархов; обращаясь к писателям, он предупреждал их об опасности сближения с монархами. Статья Фридриха каждым своим словом намекала на действия, поступки и тактику Екатерины, вызывала знакомые ассоциации и картины. Эти намеки отлично понимались. Русские писатели не могли не знать о заигрывании Екатерины с французскими идеологами, о материальной поддержке Дидро и его Энциклопедии, о приглашении в Россию Вольтера, Даламбера, Дидро. Более того, эта статья печаталась накануне ожидаемого приезда в Петербург Дидро, который по приезде, кстати сказать, все время проводил во дворцах Екатерины или вельмож, то есть делал то же, что Даламбер у Фридриха. Так же как Даламбер писал о Фридрихе, что он «истинный герой и великий государь», так и Дидро после пребывания в гостях у Екатерины заявил, что она «прекрасная женщина с душой Брута».

Как бы для того, чтобы еще больше обнаружить параллель, Новиков помещает «Перевод из записок энциклопедических», восхваляющих Екатерину. Не без иронии Новиков замечает: «Возможно ли, что мы посреди своего отечества оставляем в неведении народ о щедротах нашей премудрой государыни, между тем как чужестранные ведомости все оными наполнены?» Далее следует перевод статьи, прославляющей русскую императрицу за покровительство иностранной торговле. Заканчивалась эта статья — о частном случае «законодательной премудрости» — выводом о характере русского самодержавства вообще: «Щедрота, каковую ее императорское величество оказать изволила в сем случае, служит истинным доказательством тех чувствований, кои она изъяснила в письме, писанном в Берлинскую академию наук в 1768 году: «Наука моя (так сказано ею) состоит в прямом познании того, что все люди суть братия; а жизнь моя препровождена будет так, чтоб исполнение дел соответствовало знанию сему» (л. XXV). Это ли не Даламберова «вежливость»! ..

Итак, в 1773 году, накануне восстания Пугачева, завершается сложение теоретических основ той ветви русского просвещения, которую возглавил Новиков. К этой же поре относится и первый приступ к исполнению обширной программы воспитания русского народа в духе национально-

русских гражданских добродетелей. Начало этого пути изобиловало трудностями, возникавшими беспрестанно и на каждом шагу. Тут и зорко следившая за каждым шагом Новикова Екатерина, и исходившие от нее зримые и незримые ограничения, и недостаточная сплоченность писателей, и отсутствие денежных средств и необходимого количества соратников и помощников, наконец, пассивность, инертность той социальной среды, к которой обращался Новиков. Эти главные препятствия приводили Новикова к мысли, что еще *«не у прииде час»* [1] свершения его замыслов.

К концу года положение ухудшилось еще более — начавшаяся крестьянская война ожесточила правительство по отношению к проявлению какого-либо «свободоязычия». Следовало поступать более чем когда-либо осторожно. Перепуганное дворянство единой сплошной массой стало вокруг трона. Даже былая дворянская оппозиция выдвинула своего лидера Петра Панина на подавление восстания. Литературный вождь дворянской фронды Сумароков стал «петь Екатерину». В этих условиях не могла быть развернута деятельность Новикова, требующая широкой общественной поддержки, объединения большого количества работников просвещения. Начатые предприятия не могли продолжаться. Затухала деятельность «Общества, старающегося о напечатании книг». Все хуже и хуже шли дела с распространением исторического журнала «Древняя российская вивлиофика».

Никогда не выпускавшая из виду Новикова, Екатерина не могла не воспользоваться этими обстоятельствами, чтобы не привлечь к себе своевольного держателя дневной записки, не попытаться подчинить его своему влиянию. Видя материальные затруднения издателя «Древней российской вивлиофики», она, действуя осторожно и деликатно через своего секретаря Козицкого, тоже литератора, предложила Новикову свое содействие в получении им необходимых исторических рукописей из государственных архивов, а затем «соизволила подкрепить» полезное научное предприятие «знатною суммою денег». Стесненный обстоятельствами Новиков принимал эти «щедроты», зная, что за них надо расплачиваться: он не зря поместил

---

[1] «Живописец», 1773, ч. II, л. XVIII.

в «Живописце» в это же время рассуждения Фридриха. Уже издавая «Вивлиофику», он чувствовал, как его утесняют: принимая «щедроты», он должен был посвятить журнал Екатерине, а текст посвящения послать на предварительное утверждение самой императрице. В следующем, 1774 году положение еще ухудшилось. Задумав издавать новый сатирический журнал «Кошелек», он уже не мог действовать самостоятельно. Ему подсказывали темы, присылали материал, требовали, чтобы он приносил листы журнала для высочайшего просмотра.[1]

Как уже говорилось раньше, литература для Новикова — общественное служение. Главное требование к литератору, предъявляемое Новиковым,— его независимость. Попав в положение неудержимо растущей зависимости от «неограниченного самолюбца», Новиков чувствовал, что не может быть «Автором» в том высоком и благородном смысле слова, о котором он так доверительно говорил своему читателю. После нескольких малоудачных листов «Кошелька», поняв всю безнадежность в этих условиях продолжать раз навсегда избранный путь и не желая осквернять себя званием придворного «случайного» писателя, он бросает издание четвертого своего журнала и порывает с Екатериной и двором.

Одержимый своей верой в возможность преобразования общественного бытия отечества на началах просвещения, он и в годы начавшегося полицейско-потемкинского режима ищет возможностей к осуществлению своей программы на пути расширения связей с обществом, развития общественной инициативы, объединения большого числа частных людей в единый просветительский центр. Первой в новых условиях попыткой сплотить круг единомышленников из авторов и читателей было издание в 1777 году нового журнала «Утренний свет». После этой пробы сил Новиков приступает в 1779 году к практической работе по созданию замышленного им просветительского центра, избрав для этого древнюю столицу России — Москву.

---

[1] «Милостивый государь Григорий Васильевич,— писал Новиков Козицкому,— при сем сообщаю третий лист «Кошелька», осмеливаюсь просить об уведомлении меня, угодны ли сии листы ее величеству».— Н. Тихонравов. Летописи..., т. IV, стр. 45.

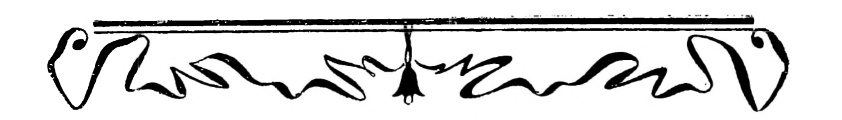
Герцену принадлежит замечательная оценка характерной особенности влияния Новикова-просветителя на русское общество и литературу: «Новиков — один из тех великих людей в истории, которые делают чудеса на сцене, неизбежно остающейся во мраке,— один из тех подпольных идейных руководителей, работа которых проявляется только в момент огласки».[1]

Но прежде чем приступить к рассказу об этом поистине замечательном «новиковском десятилетии», необходимо подвести итоги всему сделанному Новиковым за так называемый петербургский период его деятельности и творчества. Задача облегчена самим Новиковым: в 1775 году он выпустил третьим изданием «Живописец». Это так называемое третье издание «Живописца» — по сути дела новая книга. Больше того, это отчет перед обществом в своей авторской деятельности, это энциклопедия новиковских воззрений, сложившихся в годы, предшествовавшие великому крестьянскому восстанию, это — и программа работ, к осуществлению которой он приступал.

---

[1] А. Герцен. Сочинения, т. VI, П., 1919, стр. 343.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

I

В год казни Пугачева Новиков, не имея возможности осуществить все свои планы, которые требовали коллективных усилий, предпринимает отважную попытку выступить самостоятельно с обличением крепостников и защитой хлебопашца, еще более утесненного после своего поражения. В лицо ликующему дворянскому сословию, в лицо «казанской помещице» был брошен вызов — третье издание «Живописца». Придерживаясь старой тактики — «осторожности», он свою, новую по сути, книгу называет старым именем с сохранением посвящения автору комедии

«О время!». Читатель получал как бы знакомый журнал. Как будто бы ничего не произошло с ним — простая перепечатка популярного в свое время «Живописца».

Но действительная цель издания иная: выбрать из своих прежних сатирических журналов все самое главное, объединить лучшие статьи в один сборник, отбросив былую манеру приписывать свои сочинения вымышленным авторам, назвать себя и в год торжества Трифонов Панкратьевичей, обращаясь к широким кругам «среднего рода людей», заявить о своем отвращении к строю ликующих крепостников, о своей верности просветительским идеалам, о своем желании продолжать средствами литературы служить делу просвещения и воспитания «единоземцев». Новый «Живописец» потому включал в себя лишь те статьи, которые развертывали две темы — обличение крепостничества и изложение просветительской программы.

Тема «рабства и бедности» была представлена многочисленными статьями о крестьянстве. Из «Трутня» и «Живописца» были собраны и сгруппированы в циклы, помещены подряд все те произведения, которые при первой своей публикации вызвали переполох в дворянском корпусе: цикл «Письма к Фалалею» дополнился двумя «Письмами дяди к племяннику», «Английская прогулка» и «Отрывок путешествия» обогатились «Отписками крестьянскими», «Сатирические ведомости» — «Опытом модного словаря» и т. д. Просветительская программа представлена циклом статей о состоянии современной литературы, об общественных ее задачах («Автор к самому себе»), о роли писателя и распространении книг (переписка Любомудрова с издателем), о важности сатирических произведений и независимости писателя («Письмо Россиянина», ответ на письмо, подписанное «Доброхотное сердечко»).

Если раньше отдельно печатавшиеся на протяжении нескольких лет статьи по крестьянскому вопросу возбуждали интерес у широких кругов русских читателей, то теперь, собранные воедино, они рисовали законченную картину чудовищного крепостного права в екатерининской России, объективно объясняли причины восстания обездоленных Филаток. Более того, они не только укоряли ликующее племя крепостников, но с новой силой призывали передовые демократические силы к борьбе с ними —

конечно, по новиковской, здесь же изложенной, просветительской программе. Таким образом в эпоху, когда под влиянием страха перед восставшей массой крестьянства многие из дворянских либералов, недовольные строем рабства, растерялись и, разочаровавшись в возможности изменения существующего положения, отказались от активной общественной деятельности,— Новиков выпустил книгу своих сочинений, которая свидетельствовала, что ее автор не изменил себе, что он продолжает начатую им просветительскую деятельность. Книга, следовательно, вооружала русское просвещение в новых исторических условиях, звала к деятельности, внушала веру в возможность и в эпоху воцарившейся реакции развернуть с еще большей энергией просветительскую работу. Общественная необходимость этой деятельности подкреплялась всем антикрепостническим пафосом книги, доказывавшей невозможность сохранения аморальных, антинациональных, беззаконных отношений рабовладения. Выпуская свою книгу, Новиков, конечно, верил, что его голос дойдет до нужных ему людей. И он не ошибся; объективное тому свидетельство — успех книги в обществе, заставивший его выпустить в 1781 году новое, четвертое, издание, и, главное, созданный им в 1779 году в Москве просветительский центр, объединивший сотню единомышленников.

Но третье издание «Живописца» — это новый этап в идейном развитии Новикова, новый шаг в сложении его политической программы. Мыслитель, чутко реагировавший на запросы общественной жизни, прошедший через политическую школу Комиссии для составления нового Уложения, не мог остаться равнодушным к событиям крестьянской войны. Дворянско-просветительская ограниченность помешала понять творческий характер вооруженной борьбы и, главное, не позволила оправдать восставших. И вместе с тем эти исторические события оказали плодотворное влияние на Новикова и, прежде всего, помогли изжить некоторые иллюзии, свойственные ему в эпоху «Трутня» и «Живописца». Главная же иллюзия Новикова той поры было убеждение, что наряду с помещиками-тиранами могут существовать помещики-«отцы». Таким образом, в конечном счете, понимание глубоких социальных причин, рождающих порабощение человека человеком, подменялось у просветителя моральными категориями. Но мы помним,

что такая иллюзия была свойственна и крестьянским депутатам Комиссии. Разделяя ее, Новиков прежде всего в «Трутне» в двух сочинениях, «Рецепте Безрассуду» и поздравлении на Новый год, с наибольшей полнотой выразил эту идею. В «Живописце» та же идея лежала в основании «Отрывка путешествия», где барину-тирану деревни Разоренной противопоставлялся барин-«отец», у которого счастливые крестьяне жили в деревне Благополучной. Выше уже говорилось, что такая моральная постановка вопроса объяснялась и цензурными условиями — легально говорить об отмене рабства было нельзя. Тогда-то и в Комиссии передовые депутаты (Козельский, Коробьин, Чупров, Алейников, Маслов) и в литературе Новиков заговорили о моральном обличении дворян-тиранов, противопоставляя им дворян-«отцов».

Пугачевское восстание способствовало изжитию в самом крестьянстве надежды на «доброго барина». Было ясно, что на силу принуждения необходимо отвечать силой сопротивления, на политику рабства — политикой вооруженной борьбы. Вот почему лозунг «мщения» двигал и поднимал тысячи крепостных на ненавистных дворян-угнетателей. Этот опыт масс не прошел бесследно для Новикова, как известно, бывшего чувствительным к крестьянскому состоянию.

К 1775 году, после полутора лет крестьянской войны, обнажившей непримиримость классовых противоречий дворянства и крестьянства (вспомним, что именно углубленное раздумье о пугачевском восстании привело Пушкина к мысли о закономерном и оправданном антагонизме крепостных и помещиков),— и Новикову стала ясной иллюзорность и утопичность надежд на «доброго барина», очевидной стала истина, что интересы помещиков и крепостных — «противуположны». Выражением этих новых воззрений просветителя и явилось третье издание «Живописца».

Действуя в рамках легальности, придерживаясь тактики «осторожности», Новиков, не включая в сборник своих сочинений никаких новых произведений, сумел сформулировать эту новую, свою, после пугачевского восстания оформившуюся, социальную программу.

Как же осуществил Новиков эту свою задачу? Методом подбора определенных сочинений, методом исключения и переработок прежних произведений, путем дописывания новых окончаний к прежним очеркам.

О подборе уже говорилось — третье издание «Живописца» объединяло в одной книжке сочинения, обвиняющие дворян в паразитизме и защищающие крепостных. Но главным методом демонстрации новых воззрений Новикова в издании «Живописца» 1775 года было исключение тех произведений или тех частей в очерках и статьях, включенных в сборник, в которых выражалась надежда на «доброго барина». Так, в третье издание «Живописца» не было включено поздравительное письмо читателям «В Новый год новое счастие» («Трутень», 1770, л. I—II) именно потому, что там с особой силой была сформулирована эта идея о возможности урегулировать отношения между крепостным и барином на началах моральных. Новиков там желал «бедным»: «добродетелей, приличных их состоянию, и чтобы знатные их не угнетали: вот их счастие!»; «поселянам»: «я желаю, чтобы ваши помещики были ваши отцы, а вы их дети».

Другим произведением, напечатанным в «Трутне», где также высказывалась вера в «доброго барина», был «Рецепт Безрассуду». В нем с особой силой проявилось противоречие мировоззрения Новикова эпохи Комиссии, когда обличение помещиков-крепостников сочеталось с верой, что крестьяне могут быть «благополучны» у «хороших», «добрых» дворян. Перепечатывая этот «Рецепт» в 1775 году, то есть после жестокого разгрома пугачевского восстания, Новиков перерабатывает его, и перерабатывает коренным образом. Он вносит принципиальные идейные изменения. Ранее «Рецепт» строился на противопоставлении судьбы крестьян у помещиков-тиранов и у «помещиков-отцов», где они были «благополучны». В издании 1775 года обличение помещика Безрассуда было оставлено, а изображение жизни «благополучных» крепостных у «барина-отца» — снято. Вот выброшенная часть текста: «Они (крестьяне.— *Г. М.*) не смеют и мыслить, что они человеки: но почитают себя осужденниками за грехи отец своих, видя, что прочие их братия у помещиков отцов наслаждаются вожделенным спокойствием, не завидуя никакому на свете счастию, ради того, что они в своем звании благополучны».

Пугачевское восстание наглядно и неотразимо продемонстрировало перед Новиковым, что «помещиков-отцов» нет и не может быть, что мечта о «благополучии» крепостных у помещика утопична, что все помещики в силу кре-

постного права — Безрассуды. Этот опыт и определил исключение Новиковым данного отрывка в издании 1775 года.

Многое изменил Новиков и в «Отрывке путешествия». В первом издании «Живописца» отрывок «Путешествия» печатался в двух листах, пятом и четырнадцатом. Между ними была помещена статья «Английская прогулка», рассказывавшая о недовольстве дворянства первым «Отрывком путешествия» и объяснявшая, что обличался здесь не весь дворянский корпус, а только жестокосердые помещики. После первого отрывка шло уведомление от издателя: «Продолжение будет впредь». И далее: «Итак, я надеюсь, что сие сочиненьице заслужит внимание людей, истину любящих. Впрочем, я уверяю моего читателя, что продолжение сего путешествия удовольствует его любопытство». И действительно, в четырнадцатом листе шло обещанное продолжение «Путешествия». Заключалось все «Путешествие» восклицанием путешественника, что он отправляется в деревню Благополучную, где надеется увидеть крестьян благополучных.

Во втором издании текст «Путешествия» полностью соответствует первому. В 1775 году, делая свою книгу, Новиков вносит перемены. Прежде всего, он два отрывка соединяет в один и печатает подряд, создавая единое произведение. Затем, после завершающих фраз о том, что путешественник отправляется в деревню Благополучную, появился новый текст, которого ранее не было и который по сути представлял собой новую концовку всего «Путешествия». Этим новым было уведомление: «Продолжение сего путешествия напечатано будет при новом издании сея книги».

Что должно означать это уведомление? Первое само собой напрашивающееся соображение: закончив путешествие в деревню Разоренную, Новиков решил написать новое путешествие в деревню Благополучную. Но если допустить это, тогда станет неясным — почему же, задумав это новое «Путешествие», он ничего не сообщил об этом читателю «Живописца» ни в первом, ни во втором издании. Правда, можно предположить, что это «Путешествие» Новиков задумал написать только в 1775 году и сразу же пообещал его читателю. Пообещал? Но как же мог исполнить свое обещание Новиков? Уведомление гласит: «при новом издании сея книги». Следовательно, издавая «Жи-

вописец» в 1775 году, Новиков знал, что будет еще раз его переиздавать. Так ли это? Ведь Новиков издавал не журнал, в котором легко можно было исполнить обещание, а книгу. Мог ли Новиков, еще не зная, как читатель встретит его новую книгу, утверждать, что будет ее переиздавать, да не только утверждать, но быть уверенным настолько, чтобы пообещать читателю такое программно важное сочинение, как «Путешествие в деревню Благополучную». Допустив этот маловероятный вариант, обратимся к четвертому изданию «Живописца», вышедшему в 1781 году. Никакого «Путешествия в деревню Благополучную» мы там, конечно, не найдем. Но и там мы читаем — «Продолжение сего путешествия напечатано будет при новом издании сея книги»... Нет, не собирался Новиков писать «Путешествие в деревню Благополучную», и не издательская, а умно-авторская это приписка.

В самом деле, обещание нового «Путешествия» носит принципиальный характер. Новое «Путешествие» должно было противостоять изображенному «рабству и бедности» в деревне Разоренной. Новое «Путешествие» должно было показать процветающую при крепостном праве деревню и благополучие крестьян. Когда писалось первое «Путешествие», деревня Благополучная появилась в нем как мечта, как вера, что может быть крестьянин благополучен. Но в данном случае, после разгрома крепостных, не считавших себя «благополучными», это декларативное и издевательское обещание «Путешествия в деревню Благополучную» лишь усиливало антикрепостнический смысл произведения в целом. Обращая внимание читателя на то, что деревня Благополучная существует, что путешественник поехал туда, Новиков, вместо того чтобы дать, наконец, читателю, уже и без того подготовленному к продолжению, вкусить «блаженство» в деревне Благополучной, дает вместо этого... обещание: «Продолжение сего путешествия напечатано будет при новом издании сея книги». Несомненно, обещание это — злая ирония, «родная наша ирония, ирония утешительница, мстительница»,— по меткому определению Герцена.[1] Нет, не может быть деревни Благополучной

---

[1] Предисловие Искандера к изданию «О повреждении нравов в России» князя Щербатова и «Путешествие А. Радищева», London, 1858, стр. VI.

в самодержавной крепостнической России, да еще после разгрома Пугачева. Читатель, привыкший к новиковским «тонкостям», отлично понимал «етот счет, что дважды два будет верно четыре».

II

Отличительной особенностью третьего издания «Живописца» является полное отсутствие в нем чужих — анонимных и подписных — произведений. В «Трутне» сотрудничали Попов, Аблесимов, Эмин, Майков, им принадлежали талантливые сочинения. В «Пустомеле» печатались переводы Леонтьева, стихи Фонвизина, соответствовавшие новиковским требованиям и убеждениям. В «Живописце» печаталось много стихов в честь Екатерины и ее приближенных, письмо самой Екатерины Новикову, многочисленные переводы, различные прозаические сочинения. Все это чужое, принадлежавшее другим авторам, часто очень важное хотя бы в тактическом отношении,— например, письмо Екатерины,— Новиков исключил из третьего издания. Исключил принципиально: данная книга имела специальную задачу — явить читателям, и прежде всего читателям-союзникам, из рядов которых должна была вербоваться просветительская армия, образцы таких сочинений, которые бы соответствовали высокому и обязывающему званию Автора-писателя. А это значило, что, оставаясь независимым от власти, писатель должен был поднимать самые коренные вопросы жизни России, находить выход из создавшегося в России тягчайшего положения «рабства и бедности» в активной деятельности, в распространении просвещения, в воспитании нации.

Подчеркивая всегда общественную ответственность писателя-гражданина, Новиков поэтому очень взыскательно относился прежде всего к самому себе. Вспомним, как, впервые явившись перед читателем в 1769 году, он именовал себя «издателем». Затем опыт «Трутня» и общественное признание его дарований (двойной тираж журнала в год издания) позволили ему в «Пустомеле», а главным образом в «Живописце» объявить читателю, что он становится Автором, условиться с ним о своем понимании роли литературы и обязанностях писателя.

Успех «Живописца» был еще бóльшим. Расширяя свою деятельность (издание «Опыта исторического словаря о российских писателях», организация исторического журнала «Древняя российская вивлиофика», создание «Общества, старающегося о напечатании книг»), Новиков все активнее включался в жизнь и становился, в силу объективных обстоятельств, одним из идейных руководителей передового русского общества. Завоевав симпатии и доверие читателя, Новиков, опираясь на относительно широкие социальные круги, задумывает развернуть обширнейшую книгоиздательскую деятельность. На пути к осуществлению этого своего намерения он и пришел к мысли о необходимости издания всех тех своих сочинений, которые не утратили интереса и значения не только на сегодня, но и на ближайшее будущее, отбросив при этом все незрелое, все отвлекающее читателя в сторону от генеральных проблем, все, когда-то имевшее свое значение, а теперь уж устаревшее,— как, например, полемику со «Всякой всячиной». Такими сочинениями оказывались произведения, посвященные крестьянскому вопросу и просветительской программе. И вот, собрав из двух своих лучших журналов — «Трутня» и «Живописца» — отвечающие данной цели произведения, исправив их, объединив в циклы, придав им новую композицию, он издает новую книгу, назвав ее третьим изданием «Живописца». Этот сборник избранных сочинений был снабжен специальным предисловием «К читателю». Предисловие опять было написано для объяснения с читателем по главному вопросу — об авторстве. И на этот раз Новиков не называет своего имени — на этот счет у него была своя, особая точка зрения. И до этого и после он будет большинство своих сочинений выдавать анонимно. Однажды он даже сочтет нужным объявить публике свою позицию по этому вопросу: «Тот, который других перед собою не уважает, должен непременно сделаться известным; но что до нас касается, мы никогда публике себя не объявляли».[1] Эта позиция вытекала все из той же новиковской высокой оценки роли писателя — он обязан исполнять свой долг, не привнося посторонних элементов, личных, докучливых — жажду славы, признания, похвал и т. д. Писатель, удовлетворенный исполнением своего долга,

---

[1] «Утренний свет», ч. IX, «Заключение».

не станет называть своего имени читателю. Но если для Новикова не было необходимости «хвалиться» перед читателем своим именем, то было важно дать знать читателю, что автор разных статей в разных журналах — один и тот же. Поэтому, собрав из «Трутня» и «Живописца» свои произведения, он в специальном предисловии делает публичное заявление, что все, здесь собранное, — «мое сочинение».

Если раньше читатель знал, что было два автора замечательных произведений, утаивших свое имя от читателя: один под именем «Издатель «Трутня», а другой — «Сочинитель «Живописца», то теперь, предупрежденный Новиковым, он знал — «Издатель «Трутня» и «Сочинитель «Живописца» — одно лицо, которое и сейчас, собрав свои сочинения в одной книге, не называет своего действительного имени. Уверенный, что читатель отлично помнит его сочинения и потому удивится, найдя их в этой новой книге измененными, исправленными, Новиков уведомляет его, что сделаны эти поправки им самим по праву автора: «Должно объявить читателю, что я в журнале моем многое переменил, многое исправил, другое выключил и многое прибавил из прежде выданных моих сочинений под другими заглавиями».[1]

Имея, таким образом, томик самим Новиковым собранных сочинений, следовало бы заняться их анализом, чтобы определить, какое место в общелитературном процессе эпохи они занимали, чтó утверждали, какую роль играли в годы обнаруживавшегося кризиса господствовавшего дворянского искусства — классицизма. Но эта задача осложняется тем обстоятельством, что вопрос об авторстве ряда сочинений, напечатанных в новиковских изданиях, до сих пор не получил удовлетворительного решения.

В представлении читателя XVIII века Новиков был крупным, талантливым писателем; позднейшие исследователи, занимавшиеся новиковским наследством, встали на иную позицию. Воспользовавшись особенностью новиковского отношения к делу писателя (не подписывать своих сочинений), они, вместо объяснения этой авторской позиции, взялись за нелегкий труд росписи новиковского наследия за разными авторами, устремились в поиски за писа-

---

[1] «Живописец». В Санктпетербурге 1775 года, стр. XVI.

телями, кому бы можно было приписать все самое талантливое, самобытное, значительное в этом наследии. Так возникла целая литература, вековая, длящаяся до наших дней борьба различных точек зрения на тему — за кем бы можно числить то или иное сочинение Новикова. Приписывались одни и те же произведения крупным писателям и второстепенным, радикальным и консервативным — Радищеву и Екатерине II, Фонвизину и Эмину, Ивану Тургеневу и М. Попову и т. д. и т. п. И реже всего в этой литературе, в груде имен, аргументов, фактов, доказательств называлось имя Новикова.

Несомненно, отсутствие подписи под тем или иным произведением, совпадение мотивов этого сочинения с каким-либо подписным произведением создавали формальное основание для сопоставлений, для доказательства сходства, для поиска утаившего свое имя автора. Казалось бы при этом естественно допустить Новикова в число тех, кому могли принадлежать эти сочинения. Ведь именно «Трутень» и «Живописец» создали имя Новикову не только издателю, но и писателю, а произведения, приписываемые другим, составили их главное содержание, определили их облик и успех. Но сложилась иная традиция — приписывая одно и то же сочинение разным писателям, исследователи свои доказательства в пользу нового имени, свои отводы старого кандидата сопровождали тщательной аргументацией, не аргументировался лишь отвод Новикова. Новиков-писатель был просто заподозрен. Без фактов, без доказательств, произвольно.

Такое положение является в какой-то мере следствием екатерининско-лонгиновского «опубликования». Обвинения, сформулированные ими,— «невежда», «мистик», «бойкий журналист»,— тяготели над литературной наукой, не позволяя допустить, чтобы такие блестящие радикальные сочинения, как «Письма к Фалалею», «Отрывок путешествия», «Письма дяди к племяннику» и др., принадлежали Новикову.

Все это привело к тому, что писатель Новиков не изучен, прежде всего по причине малого числа закрепленных за ним художественных произведений. Вот почему снятие екатерининско-лонгиновского «опубликования» Новикова означает, между прочим, и восстановление его писательского имени. Оставаясь в пределах все тех же условных дан-

ных — неподписанные сочинения в «Трутне» и «Живописце»,— считаю своим долгом, исходя из суммы объективных фактов, анализа идейного содержания произведений, истории журнальных редакций и авторской правки текста, изучения новиковского отношения к делу писателя, Автора, его печатных высказываний об анонимности как одном из моментов своего понимания общественного дела писателя,— попытаться доказать принадлежность собранных в сборнике третье издание «Живописца» сочинений Новикову.

Начну с первой новиковской автохарактеристики — «Издатель «Трутня». Из предшествовавшего анализа «Трутня» ясно, что Новиков был полным хозяином своего первого журнала, что делал его он сам по продуманному плану, точно сформулированному в эпиграфе: «Они работают, а вы их труд ядите». Насколько эпиграф реализует глубокий замысел авторского построения журнала, видно и из того, что когда после десяти листов обнаружились трудности осуществления задуманного плана, когда завязавшаяся полемика с Екатериной стала по-новому определять направление журнала, Новиков переменил эпиграф, дав тем самым сигнал читателю: читай и понимай все написанное под этим новым знаком — «Опасно наставленье строго, где зверства и безумства много». Журнал должен был стать голосом демократической части Комиссии, обращенным ко всероссийской аудитории. Взяв на себя функцию организатора журнала, его автора, Новиков не думал, что будет сам писать много. Об этом и было заявлено в предисловии. Но изменившиеся обстоятельства, начавшаяся полемика, заставили Новикова изменить и лицо журнала и свою роль: уже необходимо было выступать не только автором-организатором, но и автором-писателем. Всю полемику вел Новиков — этого никто не отрицает. Таким образом, в первом своем журнале, выступив перед читателем под именем «Издателя «Трутня», Новиков проявил блестящий талант автора-организатора журнала (общая идея журнала, его план, композиция, подбор подходящих статей, авторского коллектива и т. д.) и автора-полемиста, писателя — мастера эзоповского языка, блестящего стилиста.

В «Живописце» мы встречаемся, прежде всего, с тем же мастерским построением журнала. Опять перед нами знакомый по «Трутню» автор-организатор журнала, тонко и остроумно осуществляющий свою тактику «осторожности»,

помогающую печатать радикальные сочинения. Новым является публичное заявление Новикова о том, что он становится Автором-писателем. Договорившись с читателем о своем принципиальном понимании роли писателя, Новиков, повидимому, ввел для точного разграничения своего и чужого материала правило — все чужие статьи подписывать. И действительно, все безусловно чужие сочинения подписывались точным именем: «Сочинитель комедии «О время», т. е. Екатерина II, «В. Р.», т. е. Василий Рубан, «П. П.», т. е. Павел Потемкин, и т. д. «Живописец» 1772 года со всей очевидностью показывает, что Новиков являет собой писателя, чуждого коммерческих соображений, настойчиво и решительно осуществляющего свои планы и намерения, писателя-организатора литературных сил, писателя-просветителя с самостоятельной тщательно разработанной программой практических действий, писателя, которому было необходимо высказаться перед обществом, у которого было желание вступиться за интересы отягощенного, изнывающего в рабстве народа. Создавая «Живописец», Новиков хотел досказать и то, что ему не дали, закрыв «Трутень» и «Пустомелю». Приступая к осуществлению этой задачи, он знал, что журнал не принесет ему лавров, что следует ожидать гонений и преследований, и, подготовленный полемикой с самодержавным автором в «Трутне», он в специальном предисловии, в ответ на увещевания отказаться от намерения писать, коротко и решительно заявил: «Нельзя!» Таким образом мы видим, что, приступая к изданию «Живописца», Новиков хотел сказать русскому читателю что-то самое для него важное, самое дорогое. Первые же листы нового журнала показали, что этим главным была крестьянская тема; именно ей был посвящен центральный эпизод предисловия — история Худовоспитанника (л. II), «Отрывок путешествия» (л. V и XIV), цикл «Писем к Фалалею» и ряд других сочинений. И вот именно эти-то сочинения, для которых собственно Новиков и издал свой новый журнал, исследователи и отняли у него, оставив за ним авторство статей о щеголях и щеголихах.

Больше всего наука приписания потрудилась над тем, чтобы доказать, что «Отрывок путешествия» принадлежит Радищеву, а цикл «Писем к Фалалею» — Фонвизину. Не вдаваясь в столетнюю историю вопроса, остановлюсь на последних исследованиях, подводящих итоги и

«окончательно», «доказательно» приписавших эти произведения двум авторам. Эта точка зрения получила официальное признание (см. учебники по истории русской литературы XVIII века для вузов). «Отрывок путешествия» помещен уже в I томе академического собрания сочинений Радищева, правда, в отделе «приписываемых» сочинений. В дни радищевского юбилея 1949 года этот «Отрывок» уже печатался в составе сочинений Радищева без всяких оговорок.[1]

«Отрывок путешествия» окончательно закреплен за Радищевым исследованием В. П. Семенникова.[2] Как и все предшествовавшие ученые, Семенников не занимается вопросом, почему это «Путешествие» не может принадлежать Новикову. Весь пафос обращен на приписание его Радищеву. Первым, формальным основанием приписания служит сообщение сына Радищева — Павла Александровича, указавшего в 1858 году в своих примечаниях на опубликованную статью Пушкина о Радищеве, что «другие статьи сего «Путешествия» были напечатаны в «Живописце» Новикова в 1776 году и в «Северном вестнике» Мартынова (ч. V, январь 1805 года, стр. 61, «Смесь») «Отрывок из бумаг одного крестьянина». Это глава из «Путешествия» под заглавием «Клин», которую привел Пушкин в приложении к своей статье о Радищеве».[3] Как видим, никакого категорического утверждения, что «Отрывок путешествия» в «Живописце» принадлежит Радищеву, в воспоминаниях дряхлого сына Радищева нет. Это, видимо, понимал и Семенников. Вот почему он начинает строить свою систему доказательств, основанную на допущениях, предположениях, вероятностях.

Нить своих доказательств Семенников начинает так: «Если между содержанием «Отрывка» и «Путешествием» будут найдены какие-либо значительные точки соприкосновения», то показание сына Радищева есть доказательство принадлежности его отцу «Отрывка путешествия» в «Жи-

---

[1] См., например: А. Н. Радищев. Избранное, Молодая Гвардия, 1949 (редактор текста Л. Кулакова), или А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву, Лениздат, 1949 (редактор текста Д. Бабкин).

[2] См. статью «К истории создания «Путешествия из Петербурга в Москву» в книге: «Радищев», М.—П., 1923, стр. 319—364.

[3] Там же, стр. 322.

вописце». Далее следуют поиски точек соприкосновения. Первая группа точек соприкосновения: а) «Это два наиболее ярких, наиболее выразительных литературных протеста против крепостного права». б) «Оба произведения написаны в одинаковой форме — путешествия». Чувствуя слабость этих доказательств, Семенников сам же заявляет, что это только «внешние черты сходства» (стр. 330). После этого автор переходит к «наиболее важному вопросу» — к выяснению точек соприкосновения «в частностях». Вторая группа — частные точки соприкосновения: а) Сюжет «Отрывка путешествия» в «Живописце» близок сюжету главы «Пешки» радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву». В чем эта близость? И в том и в другом случае автор описывает свое посещение крестьянской избы и впечатления от этого посещения. б) В обоих произведениях «жестокосердые помещики» отнимают у крестьян «хлеб и воду». в) В обоих произведениях помещик заставляет работать крестьян в воскресенье. г) В обоих произведениях имеются одинаковые слова(!). Последний факт имеет для исследователя особо важное значение. Сделав эти наблюдения, исследователь опять, как и в первом случае, не решаясь прямо утверждать, что «Отрывок путешествия» в «Живописце» принадлежит Радищеву, делает новое сложное допущение — остаются два предположения: 1) или что «Отрывок» оказал явное влияние на Радищева, или 2) автор «Отрывка» сам Радищев.

Далее следует третья группа доказательств — тождество стиля. Желая во что бы то ни стало склонить чашу весов в свою сторону, исследователь ставит новую условную задачу — если совпадут черты стиля, то, значит...

Существенным свойством радищевского стиля, устанавливает Семенников, является его необычная эмоциональность — «пропитанность чувством». Именно этот сентиментальный элемент составляет особенность радищевского «Путешествия». После этого обнаруживается сентиментальный элемент и в «Отрывке путешествия» «Живописца». Анализ при этом состоит в том, чтобы, вырвав из обоих произведений отдельные слова и фразы, сделать псевдонаучное заключение: употребление похожих слов — свидетельство принадлежности данных двух произведений одному автору. Следовательно, по всем законам формализма

делается угодный исследователю вывод — оба произведения принадлежат Радищеву.

Работа Семенникова — серьезная, тщательная, но бесплодная. Бесплодна она потому, что бездоказательно отвергнуто авторство самого Новикова, не прослежено, какое место идея этого «Отрывка путешествия» занимает в системе воззрений самого Новикова, потому, что не показано, в какой связи находится этот «Отрывок путешествия» со всем остальным материалом двух журналов Новикова, потому, что это «Путешествие» в анализе вырвано из композиционного единства журнала, потому, что приписание Радищеву основано на формальных или субъективных сопоставлениях, доказательствах и тождествах.

Прежде всего, в систему доказательств Семенникова не входит главное — идейный анализ. Автор привлек и «общие внешние черты», и «форму путешествия», и «частности», и «похожие слова», но нигде не говорит об идейном содержании этих двух произведений. Правда, Семенников указывает, что этим двум «Путешествиям» свойственен «антикрепостнический пафос». Но «пафос» этот, как покажу ниже, не может сблизить эти два произведения, потому что в основание их положены две глубоко различные и враждебные друг другу идеи. Если же подойти к двум «Путешествиям» с этих позиций, то все доказательства рушатся, как карточный домик.

Главной идеей, политической задачей радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву» является доказательство тезиса, что восстание, крестьянская революция есть единственный способ уничтожения крепостничества, бесправия, угнетения человека человеком, бедности и нищеты. «Отрывок путешествия», помещенный в «Живописце» 1772 года, обличая «рабство и бедность», покоится на идее урегулирования отношений между помещиком и крестьянином на началах патриархальных, как отношений между «отцами» и «детьми».

Глава «Пешки», обличая «жестокосердого» помещика, кончается грозным предупреждением: «Но не ласкайся безвозмездием». «Отрывок путешествия» в «Живописце», устанавливая, что в крестьянской бедности «виноваты сами глупые помещики», торжествующие «над подобными себе человеками», заканчивается следующими рассуждениями и мечтаниями самого крепостного крестьянина: «Дай ему

бог здоровье (помещику-тирану.— *Г. М.*). Мы на бога надеемся: бог и государь до нас милосливы, а кабы да Григорий Терентьевич также нас миловал, так бы мы жили как в раю».

Как видим, здесь две различных идейных концепции. Утверждение, что автор «Отрывка путешествия» в «Живописце» Радищев, искажает действительное положение вещей и принижает первого русского революционера. У нас нет никаких оснований говорить, что Радищеву были свойственны эти патриархальные, наивно-идеалистические и, в конечном счете, либеральные убеждения. В то же время вся эта идейная концепция точно соответствует основам новиковского мировоззрения. Таковы идейные противоречия двух сравниваемых произведений, обойденные исследователями.

Опровержение «частных» и «общих» «точек соприкосновения» более чем неблагодарная задача. Как я уже отмечал выше, все эти частности сами по себе ничего не доказывают, не доказывают даже Семенникову, почему он и заключал, что «только совокупность одинаковых впечатлений имеет значение» (стр. 341). Но механическая совокупность субъективных впечатлений доказать ничего не может. В самом деле, как можно всерьез говорить о таких точках соприкосновения, как единство сюжета «Путешествий» и единство антикрепостнического пафоса. Единство антикрепостнического пафоса? Как уже было только что сказано, единство это мнимое: близкие в моральной оценке поведения бесчеловечного «помещика-тирана», авторы двух «Путешествий» стоят на крайних полюсах в вопросе о способах и путях изменения такого положения. Сходство сюжета? Сходство, состоящее в том, что описываемые две избы крепостного крестьянина (в одну и ту же эпоху, в одной и той же стране) оказываются похожими друг на друга,— это, по мнению исследователя, аргумент! Безусловно, общее между ними есть, но эта общность — положение крестьянина, живущего при екатерининском режиме. Сходство это бросается в глаза, несомненно, потому, что только в этих двух произведениях описывается крестьянская изба.

Опровержение сходства слов — просто бессмысленная задача. Использовать формальные совпадения как доказательство своих умозрительных построений можно только при отсутствии каких-либо действительных и объективных

свидетельств о принадлежности «Отрывка путешествия» Радищеву. Полагая сам метод таких сопоставлений несостоятельным, я не считаю нужным покорно следовать за каждым выдвинутым аргументом и опровергать каждое похожее слово. Более целесообразно развернуть ряд соображений, подтверждающих, что «Отрывок путешествия» принадлежит издателю «Трутня» и «Живописца».

Новиков был «чувствителен к крестьянскому состоянию». В произведениях, безусловно принадлежащих Новикову, в его «Рецептах», есть «Рецепт» помещику-тирану и мучителю Безрассуду («Трутень», л. XXIV). В этом «Рецепте» описывается положение крестьян: «Они работают день и ночь, но со всем тем едва, едва имеют дневное пропитание». «Они и думать не смеют, что у них есть что-нибудь собственное, но говорят: е т о н е м о е, н о б о ж и е и г о с п о д с к о е». Так еще в 1769 году Новиков описывает непосильную работу крестьян, лишенных не только собственности, но и пропитания. Как же относятся крестьяне к своему Безрассуду? «Бедные крестьяне л ю б и т ь е г о к а к о т ц а н е с м е ю т, но, почитая в нем своего тирана, его трепещут». Таким образом Новиков утверждает: крестьяне, исповедуя патриархальную веру, что помещик для них должен быть отцом, горюют, видя своего барина тираном. Далее Новиков заявляет, что горькая участь данных крестьян есть исключение, объясняемое характером Безрассуда, ибо «прочие их братия у помещиков отцов наслаждаются вожделенным спокойствием, не завидуя никакому на свете счастию, ради того, что они в своем звании б л а г о п о л у ч н ы» (подчеркнуто мною.— *Г. М.*). Эта же мысль высказана Новиковым и во втором листе «Трутня» на 1770 год в статье «В новый год новое счастие». Статья эта — поздравление с Новым годом. Написана она в духе «Рецептов»,— всем сословиям, всем «должностям» издатель «Трутня» высказывает пожелания. Вот что он пожелал «поселянам»: «Я желаю, чтобы ваши помещики были ваши отцы, а вы их дети».

Вся идейная схема «Рецепта» и «Поздравления» тождественна основной идее «Отрывка путешествия», напечатанного в «Живописце». Там также изображены крестьяне, бедствующие от тиранства Григория Терентьевича. И крестьянин, разговаривавший с путешественником, также считает себя обиженным богом и своим помещиком, который

не хочет быть ему «отцом». Так же, как и в «Трутне», высказывается мысль, что «прочие братия» живут «благополучно». В доказательство этого крестьянин «насказывает» путешественнику «столько доброго» про помещика соседней деревни, который «отец своим крестьянам», отчего и деревня его — «Благополучная». В обоих произведениях видно, таким образом, единство моральной концепции, положенной в основание произведений, обличающих рабство и жестокосердых помещиков.

Далее, для Новикова характерна пропаганда идеи равенства всех людей. Выражая эту свою мысль, он почти всегда употреблял очень характерное слово — подобные (крестьяне — люди, подобные во всем дворянам). Впервые эту мысль Новиков высказал в «Трутне» в том же «Рецепте»: крестьяне Безрассуда «не смеют и мыслить, что они человеки: но почитают себя осужденниками за грехи отец своих». Обращаясь к Безрассуду, Новиков пишет: «Безрассудный! разве забыл то, что ты сотворен человеком, неужели ты гнушаешься самим собою во образе крестьян». В путешествии в деревню Разоренную, напечатанном в 1772 году, мы находим ту же новиковскую концепцию, выраженную уже словом подобные: «О вы, худые и жестокосердые господа! вы дожили до того несчастия, что подобные вам человеки боятся вас, как диких зверей!» Новиков употребляет это слово не только в «Трутне» и «Живописце», но и в частных письмах. Так, в 1773 году в письме к Козицкому Новиков пишет: «Дворяне не что иное, как люди, которым государь вверил некоторую часть людей же, во всем им подобных». В данном случае важно не совпадение слов, а совпадение всей новиковской концепции равноправия, выраженной соответствующим характерным словом. Кстати, об этом слове — оно также присутствует у Семенникова в числе доказательств. Вырвав его из идейного контекста, он обращает внимание на необычное употребление слова «подобный» в смысле «такой же» и, установив использование этого слова Радищевым в таком же значении, делает заключение: следовательно, никто другой, кроме Радищева, так говорить не мог. Как видим, при первой же поверке несостоятельность этого утверждения становится очевидной.

Еще одно обстоятельство: говоря об идейном единстве новиковских статей о крестьянстве в «Трутне» и «Живо-

писце», следует помнить, что их проблематика, тон и стиль всеми своими корнями уходят в те битвы, которые разгорелись в Комиссии по крестьянскому вопросу. Именно там в речах демократических депутатов Новиков впервые услышал моральное осуждение рабства. Отголоском этих патетических речей демократических депутатов и является новиковское восклицание: «О Безрассудный!», «О жестокосердый тиран!» и т. д. Именно Новикову принадлежит заслуга введения в литературу этого словоупотребления. В этой же связи стоит указать, что сама патриархальная концепция дворянско-крестьянских отношений как отношений «отцов» и «детей», как и «царистские» настроения, была историческим заблуждением крепостных хлебопашцев. Не случайно поэтому в манифестах Пугачева (через год после «Отрывка путешествия») дворяне осуждались на казнь, между прочим, и за то, что они не хотели быть «отцами» своим крестьянам. Вот что читаем в одной из прокламаций восставшего народа: «Всему свету известно сколько во изнурение приведена Россия. От кого же? Вам самим небезизвестно. Дворянство обладает крестьянами, но хотя в законе божием и написано, чтобы они крестьян так же содержали, как и детей, но они... хуже почитали собак своих, с которыми гонялись за зайцами».[1]

Идейная близость новиковских статей о крестьянах в «Трутне» и «Живописце» и выступлений депутатов Комиссии Коробьина, Козельского, Чупрова, Маслова и др. с защитой крепостных, находящихся под властью помещиков,— очевидна. Стоит только сопоставить с ними, этими речами депутатов, такие произведения, как «Рецепт Безрассуду» и «Отрывок путешествия», «Отписки крестьянские» и т. д.

Депутат Козельский заявлял: «Многие из крестьян, зависящих до сего времени от единственной, различной и неопределительной своих помещиков воли... сносят свое состояние с крайним их отягощением». «Крестьянин же чувственный человек, он разумеет и вперед знает, что все, что бы ни было у него, то говорят, что не его, а помещиково».

Новиков пишет в «Рецепте Безрассуду»: крестьяне «работают день и ночь, но со всем тем едва, едва имеют

---

[1] Я. Грот. Материалы для истории пугачевского бунта. Сборник отд. русск. яз. и словесности А. Н., т. XX, стр. 53.

дневное пропитание, затем что насилу могут платить господские поборы. Они и думать не смеют, что у них есть что-нибудь собственное, но говорят: ето не мое, но божие и господское».

Депутат Коробьин 5 мая 1768 года выступил с защитой помещичьих крестьян: «Чего ради оное начало, от которого толь вредные происходят следствия, состоит в неограниченной власти помещика над имениями своего крестьянина, и для того всячески трудиться должно разрушить сие начало. В рассуждении сей материи я бы с охотою от нее воздержался, если бы совершенно ведал, что все находящиеся в дражайшем отечестве нашем дворяне суть такие, которых правление над своими крестьянами умножает их благополучие усугублением изобилия и которые самым делом доказывают, что они правят ими, как отцы своими чадами. Но как из вышесказанного видеть можно, что владельцы двоякого вида в нашем отечестве усматриваются: одни такие, которых потеряние почитают себе крестьяне будто как за погубление своей жизни; а другие такие, от которых всячески желают удалиться... На первых хлебопашцы взирают как на своих отцов, а на вторых как на бич». В этом выступлении обнаженно изложена моральная концепция первых защитников крестьян. Используя легальные возможности, предоставленные Комиссией, памятуя, что говорить о ликвидации крепостного права было запрещено, эти депутаты поэтому выступали лишь с требованием ограничения власти помещиков, мотивируя свое требование фактом существования в России двух родов помещиков: одни — «отцы», другие — «бичи». Отсюда следовало: там, где помещик «отец», крестьяне «благополучны»; там, где помещик «бич», крестьяне разорены и нищи. Об этом с особой силой говорил крестьянский депутат Маслов: «Есть такие владельцы: людей у него находится, примерно сказать, только двадцать человек, и то будет половина на пашне, а другая при нем в лакействе, и по своей роскоши приумножает псовую охоту и думает, неусыпно старается и мужиков денно и нощно работою понуждает, как бы оное прокормить, а того не думает, что чрез его отягощение в крестьянских домах дети с голоду зле помирают; он же веселится, смотря на псовую охоту, а крестьяне горько плачут, взирая на своих

бедных, голых и голодных малых детей». Новиков сидел в Комиссии и не только слушал эти выступления, не только читал их, но и кратко излагал существо этих речей и возражения им со стороны переполошившихся помещичьих депутатов. Он прочно усвоил тактику и концепцию депутатов — защитников крепостных и в своих журналах «Трутень» и «Живописец» выступил с серией статей по крестьянскому вопросу, собранных вместе в книге третьего издания «Живописца».

Идея «Отрывка путешествия» прямо, непосредственно связана с речами депутатов. Вот пример: из беседы путешественника с крестьянами мы узнаем, что помещик Разоренной деревни — «бич» своим мужикам: «У нашего боярина такое, родимый, поверье, что как поспеет хлеб, так сперва всегда его боярский убираем; а с своим-то-де, изволит баять, вы поскорее уберетесь. Ну, а ты рассуди, кормилец, вить мы себе не лиходеи: мы бы и рады убрать, да как захватят дожжи, так хлеб-от наш и пропадет (потому они и работают на себя только по воскресеньям.— *Г. М.*). Дай ему бог здоровье! Мы на бога надеемся: бог и государь до нас милосливы, а кабы да Григорий Терентьевич также нас миловал, так бы мы жили как в раю»... На другой день, поговоря с хозяином, я отправился во свой путь, горя нетерпеливостию увидеть жителей Благополучныя деревни: хозяин мой столько насказал мне доброго о помещике тоя деревни, что я наперед уже возымел к нему почтение и чувствовал удовольствие, что увижу крестьян благополучных».

Совершенно очевидна связь этих статей с речами депутатов, и в этом сила первых в русской литературе выступлений по крестьянскому вопросу — они родились в атмосфере политической борьбы демократических депутатов с крепостнической политикой Екатерины. Они идейно близки воззрениям самих крестьян, которые самостоятельно сформулировали в своих наказах и в речах своих депутатов требования, надежды и чаяния. Именно эта связь крестьянских статей «Трутня» и «Живописца» с речами депутатов и есть решающее свидетельство принадлежности их Новикову — писателю, полтора года проработавшему в Комиссии.

Те, кто приписывает «Отрывок путешествия» Радищеву, базируются на формальном анализе и потому отрывают это произведение от реальной почвы, его породившей, возводят его в ранг «сентиментальных путешествий», сопоставляют с произведениями данного типа, оперируя понятиями чистого литературного ряда.

Методологическая несостоятельность таких «построений» очевидна. Они искажают и обедняют русскую литературу, отрывая ее от реальной действительности. Повторяю, сила крестьянских статей третьего издания «Живописца» — в их связи с политическим событием, каким была работа Комиссии, с речами демократических депутатов, а не с правилами Стерна. Могло произойти это потому, что их автор — Новиков — был в центре идейной жизни России той поры, в Комиссии. Радищева тогда в России не было — он учился в Лейпциге. И не Комиссия, а восстание Пугачева было школой первого русского революционера.

III

Методология формалистических доказательств, уловление похожих слов, мотивов, сюжетов, обычно базируется на имманентном изучении данного произведения, на отрыве его от действительности, на изучении вне контекста окружающих его в журнале произведений. Уже неоднократно говорилось, что отличительной особенностью новиковских журналов является их идейное единство, достигаемое их автором-организатором: «Отрывок путешествия», как и все другие материалы, органически связан со всем духом журнала, и прежде всего с принципами Новикова, декларированными им в статье «Автор к самому себе». Статья эта, возвращаясь к проблемам, затронутым уже в «Опыте исторического словаря», дает оценку состояния современной литературы. Гневно и презрительно говоря о писателях «случайных», пишущих во имя материальных выгод, наживы и славы, Новиков в то же время подвергает критике и господствующее направление — классицизм. Априорные нормы эстетики, требовавшие изображения должного, а не действительного, по мнению Новикова, приводят к тому, что искусство становится лживым, лицемерным и, хочет

оно того или нет, апологетическим по отношению к существующему строю. Вот как издевательски изображает Новиков писателя-классика и его поэтическую практику: «Но мне еще встречается писатель: он сочиняет пастушеские песни и на нежной своей лире воспевает златый век. Говорит, что у городских жителей нравы развращенны, пороки царствуют, все отравлено ядом; что добродетель и блаженство бегают от городов и живут в прекрасных долинах, насажденных благоуханными деревами, испещренных различными наилучшими цветами, орошенных источниками, протекающими кристалловидными водами, которые, тихо переливаяся по мелким прозрачным камешкам, восхитительный производят шум. Б л а ж е н с т в о в виде пастуха сидит при источнике, прикрытом от солнечных лучей густою тению того дуба, который с лишком три тысячи лет зеленым одевается листвием. Пастух на нежной свирели воспевает свою любовь; вокруг его летают зефиры и тихим дыханием приятное производят ему прохлаждение. Н е в и н н о с т ь в видах поднебесных птиц совокупляет приятное свое пение с пастушескою свирелию, и вся природа во успокоении сему приятному внимает согласию. Сама д о б р о д е т е л ь в виде прелестныя пастушки, одетая в белое платье и увенчанная цветами, тихонько к нему подкрадывается; вдруг перед ним показывается; пастух кидает свирель, бросается во объятия своея любовницы и говорит: «Цари всего света, вы завидуете нашему блаженству!» Г. автор восхищается, что двум смертным такое мог дать блаженство: и как хотя мысленным не восхищаться блаженством! жаль только, что оно никогда не существовало в природе! Творец сего блаженства хотя знает всю цену завидныя сея жизни, однакож живет в городе, в суетах сего мира; а сие, как сказывают, делает он ради двух причин: первое, что в наших долинах зимою много бывает снега; а второе, что ежели бы он туда переселился, то городские жители совсем позабыли бы блаженство пастушеския жизни. Читатель ему ответствует старинною пословицею: «Ч у ж у ю д у ш у в р а й, а с а м н и н о г о ю»,— бедный автор, ты других и себя обманываешь».

Замечательно, что эта характеристика лживого и антиобщественного искусства завершается народной пословицей «чужую душу в рай, а сам ни ногою», смысл которой как

бы подчеркивает и проясняет позицию, с которой автор критикует господствующее дворянское литературное направление. Но критикой Новиков не удовлетворился. Показав несостоятельность искусства классицизма, он противопоставил ему прежде всего свою сатирическую живопись, произведения, воспроизводящие правду жизни, реальную действительность. Вот отчего уже в «Трутне» пастушеской идиллии он противопоставил бытовой документ — «Отписки крестьянские», где предстал перед читателем «не пастух в виде блаженства», «воспевающий свою любовь», а несчастный больной Филатка «с малыми робятами», оставшийся без коровы, без хлеба и все еще преследуемый своим барином. В «Живописце» Новиков продолжил свою прежнюю работу по созданию «действительной живописи». Поэтому прямым дополнением к изображенной писателем-классиком деревне является деревня Разоренная. Деревня «златого века» помещена во втором листе, деревня Разоренная — в пятом.

«Деревня Разоренная поселена на самом низком и болотном месте. Дворов около двадцати, стесненных один подле другого, огорожены иссохшими плетнями и покрыты от одного конца до другого сплошь соломою». «Улица покрыта грязью, тиною и всякою нечистотою, просыхающая только зимним временем. При въезде моем в сие обиталище плача я не видал ни одного человека». В избе в лукошках «лежали без всякого призрения оставленные младенцы», один лежал обернувшись «лицом к подущонке из самой толстой холстины, набитой соломою», другой «был распеленан, множество мух покрывали лице... сего робенка». Взрослые «день и ночь в поле», даже в воскресенье: «Вить мы, родимый, не господа, чтобы и нам гулять; полно того, что и они гуляют». За всю эту работу помещик «отъемлет у крестьян насущный хлеб и последнее спокойство», а требуют они всего лишь «необходимо нужного только пропитания».

Так последовательно Новиков борется с далеким от действительной жизни искусством: в предисловии как критик он обрушивается на авторов пастушеских сочинений, воспевающих «златый век» и «блаженство» крестьянской жизни, а в «Отрывке путешествия» выступает как «действительный живописец», изображая крепостническую деревню «обиталищем плача».

Чтобы покончить с данным вопросом, необходимо остановиться еще на одном, также в течение ста лет дискутируемом неясном и затемненном обстоятельстве. Как известно, «Отрывок путешествия» имеет подпись — И*** Т***. Что значат эти инициалы? Существуют три точки зрения: И*** Т*** означают — «Издатель «Трутня», Иван Тургенев и... Александр Радищев. Так как опять Семенников наиболее подробно занимался этим вопросом, буду спорить с Семенниковым.

Кандидатура Ивана Тургенева, выдвинутая Незеленовым, справедливо отводится Семенниковым. Тургенев известен не как писатель, а как переводчик, и переводчик мистических книг, к тому же познакомившийся с Новиковым значительно позже — в период масонской деятельности. «Рассмотрение инициалов И. Т. в смысле «Издатель «Трутня»,— заявляет сам Семенников,— имеет более вероятия, прежде всего, потому, что Новиков писал в своем журнале, и писал хорошо». Установив это, исследователь сразу же отступил, увидев перед собой вопрос: «К чему было издателю «Живописца» называть себя «Издатель «Трутня»? Тем более,— заявляет он неожиданно,— что инициалы, возможно думать, и не означают имени и фамилии автора, а могут иметь какой-либо другой смысл».[1] В подтверждение этого суждения говорится, что «у издателей и сотрудников сатирических журналов не было в обычае ни сообщать свои имена под статьями, ни ставить буквенные подписи» (там же). Последнее утверждение считаю просто недоразумением, ибо оно не соответствует фактам.

Не будем говорить о всех издателях, а займемся журналами Новикова. В «Трутне», «Пустомеле» и «Живописце» мы в целом ряде случаев столкнемся с намеренным желанием Новикова или указать прямо имя автора, или в высшей степени убедительно намекнуть читателю — кто этот сочинитель, укрывшийся под псевдонимом (вымышленное имя, инициалы и т. д.). В одном случае автор указывает прямо: «Стихи на смерть Беклешова», подпись: В. Майков («Трутень»). Подпись в данном случае необходима, ибо погибший — близкий друг по Комиссии и Майкова и издателя «Трутня». Или — «Эпиграмма г. Кон-

[1] «А. Радищев», стр. 327—328.

дратовича к г. издателю «Трутня» («Пустомеля»), или «В. Р.» — Василий Рубан («Живописец») и т. д. В других случаях ставился псевдоним, который должен был известному кругу лиц точно указать автора. Александр Аблесимов — член новиковского кружка в Комиссии — пишет специальное письмо издателю, где прозрачно намекает на взаимоотношения между членами этого кружка и подписывается «Азазезь Азазезов». И несомненно, подпись эта была известна и Новикову и его друзьям. Эмин — издатель «Адской почты», друг Новикова, поддерживавший его в своем журнале, подписывается «Б. К.» (т. е. «Бес кривой»), и друзья отлично узнавали истинного автора. Сам Новиков, написав первую статью против Екатерины и подписавшись псевдонимом Правдулюбов, дал своим друзьям и единомышленникам сигнал, что автор этой статьи он сам: под письмом появляется точное указание — 9 мая — день именин Новикова. Итак, мы видим повсюду желание Новикова ту или иную подпись сделать понятной нужному ему кругу лиц.

Условился Новиков и со своими читателями о собственном имени — «Издатель «Трутня». Избрание этого имени было мотивировано в предисловии журнала. На это имя корреспонденты писали письма через переплетчика. Как автору журнала, скрывшемуся за псевдонимом «Издатель «Трутня», были присланы стихи, которые напечатаны в очередном листе журнала. Автора — «Издателя «Трутня» читатель знал довольно хорошо.

После закрытия «Трутня» автор, так полюбившийся публике, пропал. Но вдруг появился журнал «Пустомеля», который напомнил читателю об исчезнувшем авторе — «Издателе «Трутня»: во втором листе напечатана была «Эпиграмма к г. издателю «Трутня», свидетельствовавшая о связи «Сочинителя «Пустомели» с «Издателем «Трутня». Этой эпиграммой дело ограничилось, ибо журнал был закрыт. В 1772 году начинает выходить «Живописец». Журнал быстро завоевывает симпатии читателей. Многое в манере автора, укрывшегося под именем «Сочинитель «Живописца», было знакомо, напоминало пропавшего «Издателя «Трутня».

Новикову очень важно было установить преемственность своих журналов. Назваться «Трутнем» в 1772 году он не мог и по обстоятельствам политическим («Трутень»

был закрыт Екатериной) и по субъективным причинам (перед новым журналом стояли совсем новые задачи). Но читателю необходимо было напомнить: «Издатель «Трутня» не пропал. И вот в первых же номерах «Живописца» печатается радикальнейшее произведение о положении крепостных крестьян, прямо продолжающее идейные мотивы «Трутня»: «Отрывок путешествия». На этом сочинении Новиков и ставит свой первый известный читателю псевдоним «И. Т.» — «Издатель «Трутня». А подписываться инициалами, которые раскрывались как имя издателя-автора журнала, характерно как раз для Новикова. Так, в журнале «Пустомеля» Новиков подписывался С. П. (сочинитель «Пустомели»), в «Живописце» — С. Ж. (сочинитель «Живописца»).

Эта линия поведения Новикова — установление близости между двумя авторами — «Издателем «Трутня» и «Сочинителем «Живописца» — завершается в 1775 году в так называемом третьем издании «Живописца». Здесь собранные в одной книге произведения «Издателя «Трутня» («Сатирические ведомости», «Рецепт Безрассуду», «Отписки крестьянские», «Письма дяди к племяннику») и произведения «Сочинителя «Живописца» («Автор к самому себе», «Английская прогулка», «Отрывок путешествия», «Письма к Фалалею» и т. д.) объявляются сочинениями одного лица.

Каждое из приведенных доказательств в отдельности, а также их совокупность убеждают нас в том, что публичное признание Новиковым «Отрывка путешествия» своим сочинением справедливо и соответствует действительности.

Другое важное сочинение Новикова, «Письма к Фалалею», было также изъято из его наследия и приписано сначала М. Попову, а затем Д. Фонвизину. Приписание Попову сделано впервые Ефремовым, а затем поддержано Семенниковым.[1] Поводом к этому приписанию послужило формальное основание: во втором листе «Трутня» помещено «Письмо дяди к племяннику», в конце которого указано, что к письму прилагаются вирши прокурора, о которых шла речь в письме,— притча «Два вора». В третьем листе эта притча, принадлежавшая Михаилу Попову, была напечатана. Одно это обстоятельство оказалось вполне

---

[1] В. Семенников. Русские сатирические журналы 1769—1774 гг., стр. 43—46.

достаточным для Ефремова и Семенникова, чтобы высказать предположение (быстро превратившееся в уверенность) о возможности приписать Попову и «Письмо дяди к племяннику». Приписав «Письмо дяди к племяннику» Попову, исследователь неожиданно ставит свой кардинальный вопрос — а на что это похоже? В данном случае похожими оказались «Письма к Фалалею» в «Живописце». А раз похоже, значит, письма и в «Живописце» принадлежат Попову.

В 1939 году появились работы двух молодых исследователей,[1] которые, действуя тем же методом, приписали «Письма к Фалалею» не Попову, а по сходству их с «Недорослем» — Фонвизину. Это открытие вошло в научный оборот и хоть условно, но введено в учебники по истории русской литературы XVIII века.

Опровергать аргументы этих статей бесплодно. Целесообразнее, доверившись показаниям самого Новикова в третьем издании «Живописца», что «Письма к Фалалею» — его сочинение, показать на их анализе типичные идейно-художественные черты новиковского писательского дарования.

IV

Указав в специальном предисловии к третьему изданию журнала, что в данную книгу включены «его сочинения», Новиков предупреждает: он «многое переменил, иное исправил, другое выключил и многое прибавил из прежде выданных моих сочинений».

Начнем с этого заявления — «многое переменил, иное исправил». В этой книге, как уже указывалось ранее, осуществлялись прежде всего идейные исправления («Рецепт Безрассуду» и «Отрывок путешествия»). Переменам и правке подверглись и другие произведения. Например, «Отписки крестьянские» были перепечатаны из «Трутня» далеко не механически, ибо они в «Живописце» 1775 года включались в цикл других сочинений, общих по теме. Для того чтобы это произведение, существовавшее ранее самостоятельно, могло войти в новый цикл, в нем должны

---

[1] А. Лурье. «Письма к Фалалею»; И. Исакович. О письмах Фалалея Фонвизина.— Ученые записки Лен. Гос. университета, вып. IV, 1939 г.

были быть произведены изменения. И, действительно, эти изменения были сделаны.

В «Трутне» действовал принцип: «сам я... писать буду очень мало; а буду издавать все присылаемые ко мне письма». Отсюда большинство статей «Трутня» подано как присланные в редакцию письма. Вел полемику с Екатериной не издатель «Трутня», а присылавший издателю письма Правдулюбов. Это была, по выражению Екатерины, «тонкость», отлично понятая при дворе. Этого не скрывал и сам Новиков. В восьмом листе помещено письмо Чистосердова, в котором передавались придворные разговоры на эту тему: «А ето-де одни пустые рассказы, что он печатает только присыльные пиесы. Нынче-де знают и малые робята етот счет, что дважды два будет верно четыре». В 1775 году, решившись издавать свои сочинения, Новиков отбрасывает «былые тонкости», не хочет заниматься «пустыми рассказами» и выдавать свои сочинения за присланные письма. Поэтому-то он и выбрасывает предшествовавшее «Отпискам» в «Трутне» письмо Правдина, в котором проводилась «тонкость», что сочинитель этих «Отписок» не «Издатель «Трутня», а Правдин. Теперь все три письма, соединенные в одно произведение, получили новое заглавие — «Отписки крестьянские и помещичий указ ко крестьянам» и давались без какого-либо сопроводительного письма.

Ту же внимательную авторскую правку, смысловую и стилистическую, мы находим и в «Письмах к Фалалею». Вот несколько образчиков из первого письма Трифона Панкратьевича:

В первом издании: «А ты, Фалалеюшка, с попами знайся, да берегись; их молитва до бога доходна...»

Во втором издании: «А ты, Фалалеюшка, с попами знайся, да берегись, их молитва до бога доходна, да убыточна...»

В первом издании: «Как же нам быть тиранами? Изволит умничать («Живописец».— *Г. М.*), что мужики бедны...»

В третьем издании: «Как же нам быть тиранами? Нынече же ето и ремесло не в моде: скорее в воеводы добьешься, нежели во... Да полно, ето не наше дело. Изволит умничать, что мужики бедны...» и т. д.

Иногда правка носит глубоко принципиальный и значительный характер:

В первом издании: «Кому-нибудь одному богатому быть надобно, либо помещику, либо крестьянину: вить не всем старцам в игумнах быть; да на что они и крестьяне. . .»

Уже во втором издании Новиков счел необходимым усилить обличение:

«Кому-нибудь одному богатому быть надобно, либо помещику, либо крестьянину: вить не всем старцам в игумнах быть. И во святом писании сказано: друг другу тяготы носите и тако исполните закон Христов: они на нас работают, а мы их сечем, ежели станут лениться; так мы и равны,— да на что они и крестьяне. . .»

В третьем издании Новиков вновь вернулся к этому месту и, оставляя прежний принцип: крепостник ищет оправдания своего тиранства в законе божием, изменил текст священного писания: «. . .вить не всем старцам в игумнах быть. И во святом писании сказано: работайте господеви со страхом и радуйтеся ему с трепетом. Приимите наказание, да не когда прогневается господь: егда возгорится вскоре ярость его».

Таковы наиболее крупные и принципиальные поправки и дополнения. Примеры же чисто стилистической правки насчитываются десятками. Все это дает нам право утверждать, что при перепечатке в 1775 году «Письма к Фалалею» подверглись тщательной авторской правке. Но этим Новиков не ограничился. Он именно в этой книге осуществил один из излюбленных своих приемов — циклизацию. «Письма к Фалалею», напечатанные в свое время в первой части «Живописца», он соединил с письмом Ермолая «из сельца Краденова», опубликованным во второй части журнала, и с двумя «Письмами дяди к племяннику», напечатанными в «Трутне». Основа этой циклизации — сюжет, раскрывающий семейно-бытовые отношения между родителями (и дядей), провинциальными помещиками, с одной стороны, и сыном (племянником), оторвавшимся от родной почвы, родительских традиций, живущим в столице, честно исполняющим свой служебный долг, читающим книги и заводящим знакомства с опасными людьми —

«Издателем «Трутня» (Иван) и «Сочинителем «Живописца» (Фалалей),— с другой.

Единый сюжет организовывался единой авторской идеей — дворянская молодежь, подпав под влияние просветителя, может порвать со своей средой, стать на путь обличения даже своих кровных родных. Иван и Фалалей, получая письма от родственников, переполненные увещеваниями и угрозами, передают эти письма для публикации издателям сатирических журналов. Вся эта идейно-сюжетная коллизия раскрывает нам черты новиковского мировоззрения, о котором так подробно говорилось выше.

Циклизация оказалась возможной и потому, что «Письма дяди к племяннику», напечатанные в «Трутне», знаменовали отказ Новикова от абстрактно-моральной сатиры. Его все менее удовлетворяла господствовавшая в журналах и литературе манера условно-отвлеченного изображения явлений русской действительности в почти аллегорических образах Скупого, Тирана, Болтуна, Безрассуда, Глупомысла, Влюблена и т. д., манера, которая на первых порах захватила и его самого.

«Письма дяди к племяннику» были первым опытом конкретно бытовой сатиры. И здесь, несомненно, на Новикова оказал влияние фонвизинский «Бригадир». Именно в этой первой комедии пороки выступали в образах русских провинциальных помещиков, погруженных в быт. Новиков, чутко подхватив этот опыт, углубил его. Изображая конкретные персонажи, он связывает их родственными отношениями, погружает в бытовые заботы, стараясь многочисленными штрихами, полными житейской мудрости, мудрости, почерпнутой из практики их социального бытия, нарисовать характер человека.

Сопоставляя образы дяди в «Письмах к племяннику» и Ермолая с Трифоном Панкратьевичем в «Письмах к Фалалею», обнаружим общую им господствующую черту их характера: будучи крепостниками, мучителями, взяточниками и ворами, все три помещика б о г о м о л ь н ы, причем именно внешне богомольны, а не религиозны. Они исполняют все церковные обряды, постятся, говеют, причащаются, платят попу, отлично знают заповеди божии и беспрестанно ими оправдывают все свои аморальные поступки. Вот признание дяди своему племяннику Ивану: «Я сам, грешник, ведаю, что беззакония моя превзыдоша

главу мою; знаю, что я преступник законов, что окрадывал государя, разорял ближнего, утеснял сирого, вдовицу и всех бедных, судил на мзде... О ты, всесильный, вселенныя обладатель! Ты зришь сокрушение сердца моего и духа, ты видишь желание следовать воле твоей...» и т. д.

Ему вторит дядя Ермолай: «Приезжай, друг мой Фалалеюшка, приезжай бога ради поскорее, хоть ненадолго, а буде можно, так и вовсе... просись, куда я тебе присоветую, сиречь к приказным делам, да только где похлебнее... Не в пронос сказать о нашем Авдуле Еремеевиче: хотя он недолго пожил при монастырских крестьянах, да уже всех дочек выдал замуж... А не совсем таки разорился: бог с ним, про себя еще осталось. А кабы да его не сменили, так бы он и гораздо понагрел руки около нынешних рекрутских наборов. Знать, что тех молитва дошла до бога, которые в ету пору определились... Я бы-ста и сам не побрезгивал пойти в едакие управители. Перепало бы кое-что и мне в карман... Я и поныне еще все стареньким живу. Кто перед богом не грешен? кто перед царем не виноват?»

Отец Фалалея Трифон Панкратьевич все свое рабовладение и мучительство основывает, как мы уже знаем, на началах божьей веры.

Налицо идейная общность житейско-помещичьей «мудрости» и общность принципов художественного изображения.

V

Новиковские журналы «Трутень» и «Живописец» — крупное явление истории русской литературы XVIII века.

Уже статьи Новикова в «Трутне», разрушившие «алтарь» Екатерине, стоят в начале нового этапа развития русской прозы. Отражая в той или иной степени интересы закрепощенных масс, Новиков и Козельский создавали национальные основы идеологии русского просвещения. Коренные вопросы русской политической жизни, и прежде всего вопросы борьбы с крепостничеством, легли в ее основание. Вот почему острейшая историческая необходимость обусловила борьбу русских просветителей с крепостниками и главной всероссийской помещицей — деспотической монархиней Екатериной II. А в сложившихся обстоятель-

ствах борьба с екатерининским режимом означала одновременно и борьбу с буржуазными политическими теориями энциклопедистов. Идеология русского просвещения и определила достоинства новиковской прозы, и прежде всего ее идейность, ее политическую остроту.

Новиковская проза, порывая с традициями дворянского классицизма, была также чужда творческой практике первых русских буржуазных писателей типа Эмина и Чулкова. И Сумарокову и Эмину, несмотря на всю враждебность их друг другу и глубокое отличие их мировоззрений, свойственна была открытая защита своих узкоклассовых интересов. Сумароков ратовал за честь и достоинство дворянского корпуса, его беспокоили и волновали непорядки в «своем доме», он стремился к укреплению и процветанию дорогого ему класса, единственного, как ему казалось, имевшего право представлять народ. Проза Эмина, отражая, в конечном счете, интересы нарождающейся русской буржуазии, которая приспосабливалась к крепостническим условиям, была идейно слаба. Она проповедовала утилитарные практические советы, морализировала, угождала неприхотливым вкусам своих читателей, заказчиков и покупателей, порой просто забавляла, сообщая незамысловатые общеобразовательные сведения.

В центре внимания Новикова — большие и больные вопросы социальной и национальной жизни его отечества. И решает он их как просветитель, вступаясь в защиту закрепощенных крестьян, этих «питателей» отечества. Содержанием новиковских выступлений в «Трутне» стала боевая, острая политическая сатира на русского самодержца, на его политику. По форме — это тонкая и умная пародия, разящая ирония, смелый политический намек.

Кроме обличения самодержавия Екатерины, Новиков уже в «Трутне» поднял центральную тему эпохи — взаимоотношения крепостных и помещиков. В «Живописце» эта тема стала ведущей. Поставив на общественное обсуждение вопрос о судьбе крепостного крестьянства, о паразитизме дворянства, Новиков-писатель отразил в известной мере чаяния и настроения «хлебопашцев». Острота этих социальных и политических проблем, поднятых на страницах «Трутня» и «Живописца», определила новаторскую эстетическую позицию Новикова-писателя.

За его плечами был опыт русской литературы — Кан-

темира, с одной стороны, Ломоносова — с другой. Деятельность Кантемира открывала плодотворнейшую линию в развитии русской литературы. По словам Белинского, «сатирическое направление со времени Кантемира сделалось живою струею всей русской литературы» (IX, 184). Оно было «благодетельно» и «важно». На этой-то почве и могла появиться и расцвести сатирическая журналистика 1769 года и писательская деятельность Новикова. Руководствуясь живой потребностью русской жизни, Новиков смело отрешается от канона дворянского классицизма и нового, идущего с Запада искусства — буржуазного сентиментализма, создавая свою эстетику «действительной живописи».

Новиков-писатель требовал, чтобы предметом искусства был действительный, исполненный мучительных контрастов и противоречий, социальный мир. Требуя от литературы активного вмешательства в жизнь, Новиков-писатель именно потому оружию сатиры верил больше всего. Так политические убеждения «чувствительного к крестьянскому состоянию» писателя формировали его эстетику, его стремление правдиво, достоверно, порой документально изобразить обстоятельства жизни порабощенного крестьянства. Вот отчего в своем изображении крестьянских нужд и «отягощений», в своем обличении помещичьих притеснений и преступлений, в показе «грабежей и насильств», чинимых «нижнему и среднему роду людей» в судах и воеводствах, Новиков прямо и открыто опирался на крестьянские наказы своим депутатам, на речи крестьянских депутатов, в которых вскрывался с исторической достоверностью чудовищный произвол дворян-помещиков, дворян-чиновников. Эстетическое новаторство Новикова и определялось тем, что многие изображенные им факты находят свое соответствие в тех документах, которые были составлены самими крестьянами.

Господствовавшим литературным направлением в ту эпоху был дворянский классицизм. Отвергая с просветительских позиций своекорыстную дворянскую идеологию этого течения, Новиков настойчиво боролся и с эстетикой отвлеченной антинародной литературы. Многообразная и противоречивая социальная жизнь России середины XVIII века не находила своего прямого отражения в этой дворянской литературе. Она перевоплощалась в абстрактном

сознании классицистов и запечатлевалась в условных, логически отвлеченных, лишенных социальной конкретности образах. Больше того, в силу дворянского классового характера классицизма подлинные условия русской жизни, и прежде всего крепостничество, и не могли найти своего действительного отражения. Искусство классицизма сознательно уводило внимание читателя от решающего противоречия русской жизни — противоречия между дворянином и крепостным. Отстаивая право крепостного владения, пытаясь доказать его законность, эстетика классицизма исключала русского крестьянина из литературы, его жизнь была объявлена недостойной искусства, она третировалась как «низкая тема», подлежащая лишь сатирическому и издевательскому изображению в «низком жанре».

Вот почему классицизм утверждал сатиру на общий порок. Отвлеченность, рационалистичность помогали уходить от грозной для крепостников действительности. Вот почему процветали темы сатирического изображения Скупого, Щеголя, Ханжи, Неблагодарного и т. д. Дворянское искусство ратовало за чистоту породы, за чистоту кодекса дворянской чести и потому не столько изображало в сатирических образах действительные пороки, сколько предписывало рецепты.

Заслуга Новикова состоит, прежде всего, в том, что он первым отступил от этих утвердившихся принципов дворянской эстетики. В «Письме Правдулюбова», напечатанном в «Трутне» и направленном против Екатерины, открыто отвергалась сатира на «общий порок» и отстаивалась «сатира на лицо». Характерно при этом, что Новиков подчеркивает, что эстетика классицизма, при всей оппозиционности Екатерине лидеров этого движения и Сумарокова в первую очередь, оказывалась отличным оружием в руках самодержавия, помогая проводить политику отстаивания неизменности существующего рабства.

Требуя «сатиры на лицо», Новиков далек был от увлечения изображать только индивидуально случайные явления. Вот как еще не совсем точно и удачно была сформулирована главная идея «действительной живописи»: «Критика на лицо, [но] без имени, удаленная, поелику возможно и потребно». Так подготавливалась возможность перехода на реалистические позиции. Именно потому, что Новиков отступил от эстетики классицизма, оказалось воз-

можным впервые в литературе объявить крестьянина, народ, его жизнь истинной темой искусства. Мало этого, Новиков изображал крестьян с открытым сочувствием и любовью, бесстрашно заявляя о своем страстном желании видеть возрожденным того, кого помещики довели до скотского состояния. Оттого же сатирической, «низкой» темой оказался дворянин помещик, но не просто «от природы порочный» дворянин вообще, а именно русский дворянин XVIII века, и прежде всего дворянин помещик, чиновник и приказный. И эти дворяне изображались в таком общественном окружении, с такой детальностью быта, с такой конкретностью, что читатель совершенно ясно видел перед собой не просто порочного человека, а дворянина, живущего под началом Екатерины, осуществлявшей угодную ему политику. Оттого внимание Новикова привлекают реальные жизненные факты, события, поведение людей, поступки, совершавшиеся в самодержавно-крепостнической России. Поэтому обличаемый Новиковым порок показан как результат социальной практики его носителей. Таким образом, защищая принципы конкретного сатирического изображения, Новиков ратовал за правдивое искусство, именуемое им «действительной живописью». «Действительная живопись» позволила запечатлеть достоверную картину дворянско-самодержавной России в 60—70-х годах, с конкретным самовластьем помещиков, с ужасающим бытом крепостных крестьян, с екатерининскими указами о закрепощении «хлебопашца», с тартюфовской политикой «казанской помещицы» Екатерины.

Поэтому за каждой статьей журнала, за каждым очерком, жанровой сценой можно легко, даже теперь, через столько лет, угадать реальное событие, которое послужило для Новикова предметом изображения. В шестнадцатом листе в разделе «Ведомости» читаем: «Из Кронштата. На сих днях в здешний порт прибыл из Бурдо корабль: на нем, кроме самых модных товаров, привезены 24 француза, сказывающие о себе, что они все бароны, шевалье, маркизы и графы». В действительности же это были мошенники и проходимцы, арестанты, убежавшие из Бастилии и приехавшие в Россию на легкий заработок быть «учителями и гофмейстерами молодых благородных людей».

Погоня за модой, слепое преклонение российских дворян перед всем французским — вот что давало возмож-

ность этим бродягам и мошенникам занимать места воспитателей и наставников. Заметка эта не есть выпад против галломании дворянства вообще. Это обличение позорного для дворянства реального факта. Из записок члена французской миссии Мессельера нам известно, что нашествие в Россию французов, «побывавших в переделке у парижской полиции», приобрело стихийный характер.

Выше уже говорилось, что острота сатиры на приказных («Письмо дяди к племяннику») состоит прежде всего в том, что речь идет не о пороках приказных вообще, а о реальных событиях: о том, что шумиха, поднятая вокруг указов Екатерины об искоренении лихоимства,— лжива, что ничего не изменилось; после новых указов воровать можно так же спокойно. То есть и в данном случае описывается событие реальной жизни. В «Письме» подчеркивается, что беззаконные действия и «пороки» «дядюшек» и им подобных существуют, главным образом, благодаря полному равнодушию и безразличию правительства к собственным установлениям и отсутствию фактической борьбы с воровством и взяточничеством.

В этом и состоит отличие новиковской критики «на лицо» от сатиры на «общий порок».

29 сентября 1766 года Екатерина издала указ, запрещавший торговлю крепостными во время рекрутских наборов. 13 января 1769 года этот указ был повторен, так как его не соблюдали. А 13 октября, во время очередного рекрутского набора, в «Трутне» появилась заметка о новоизобретенном плутовстве помещиков, которые обходят этот указ (л. XXV). Она вскрывала реальные злоупотребления, указывала на неспособность или нежелание правительства действительно искоренять эти преступные действия.

Этим стремлением к конкретности, правде и объясняется построение «Отписок». Сама попытка языком цифр и бытового документа обрисовать положение и характеры крестьян и помещика была новаторской. Ставя перед собой задачу обличить произвол помещика над крепостными, Новиков рисует не абстрактные фигуры деспотов, обрушивается не на отвлеченно-моральные категории деспотизма, но стремится дать конкретно-бытовые подробности и детали.

Эта конкретность сатиры Новикова давала ей новые качества. Ряд журналов того периода, и «Всякая всячина» в первую голову, как показали исследователи, усиленно

подражали английскому сатирическому журналу «Зритель». А сатире «Зрителя» чуждо негодование, она лишена гневной страсти, в ней отсутствует нападение, она дышит юмором, насмешкой, стремится вызвать у читателя улыбку над чудачествами, странностями людей. «Зритель» далек от политики, от размышлений о судьбах народа. Именно потому Екатерина так беззастенчиво «заимствовала» из этого журнала обильный материал на тему общечеловеческих пороков. Борясь против разоружающих русскую литературу норм эстетики, Новиков счел нужным публично обнаружить их иностранное происхождение и громогласно заявить, что сатира «Всякой всячины» выеденного яйца не стоит, так как является перелицовыванием «на свой салтык» сатиры «Зрителя».

Твердо стоя на реальной почве, исходя в решении политических, социальных и экономических вопросов из национальных особенностей русской жизни, Новиков и в области эстетики стремится опереться на конкретно-национальную почву. Первых крупных удач он достиг во время своей полемики с Екатериной. Конкретность политической задачи определила и конкретность ее воплощения в сатирическом слове. Полемика эта превратилась в сатиру, в обличение лицемерной политики русской самодержицы, игравшей перед обществом роль просвещенного монарха. Каждое выступление «Трутня» против «Всякой всячины» обличало известные обществу факты, поступки, политические обстоятельства, реальное лицо — Екатерину II. И здесь лучшим образцом является создание сатирического образа Екатерины — «неограниченного самолюбца». Этот опыт борьбы обогатил Новикова-художника, умного, наблюдательного писателя. Он задумывает цикл писем дяди к своему племяннику Ивану. Новым в этом замысле было стремление обусловить все поступки и всю житейскую мудрость крепостника конкретным бытом и общеполитическими условиями его бытия в России. В первом письме дяди к Ивану перед читателем вырастал выхваченный из действительности вороватый и плутоватый чиновный крепостник. Во втором — характер его неожиданно углубился. За это время (между первым и вторым письмами) выступила «Всякая всячина» с теорией, что нет пороков, а есть «слабости человеческие». Это конкретное злободневное политическое явление Новиков использует немедленно. Дядя

оказывается не только погруженным в быт: «законник», он держит ухо востро, прислушивается к каждому слову верховной власти. Прочтя монаршие слова о слабостях человеческих, он взыграл духом и, подмигивая и хихикая, пишет в столицу племяннику письмо с выражением полного удовлетворения и благодарности защитнику своих плутней — правительственному журналу «Всякая всячина».

Развивая принципы критического реализма в русской литературе, Новиков опытом своей художественной практики показал, что обличение должно неизменно сопровождаться утверждением. Вскрывать язвы социального бытия России, описывать «рабство и бедность», мучительство и тиранство Трифона Панкратьевича и Григория Сидоровича, рисовать правдивые картины разоренных деревень, страдающих в них Филаток с «малыми робятами» — писателя обязывал долг гражданина. Присягою звучат поэтому слова Новикова: «Удалитесь от меня, ласкательство и пристрастие, низкие свойства подлых душ: истина пером моим руководствует!» Но чувство гражданина, заставляющее «снимать личину», есть чувство патриотическое, оно продиктовано любовью к своему угнетенному отечеству, к своим порабощенным единоземцам. Вынуждаемый «бедоносными» устоями жизни на сатиру, на критику, на обличение, художник «с великим содроганием чувствительного сердца начинает описывать некоторые села, деревни и помещиков их». Это чувство боли за Россию и ее народ, этот патриотизм и определили положительное, утверждающее начало в художественном творчестве Новикова.

Именно на этом основании будет построена научная деятельность Новикова — издание «Опыта исторического словаря о российских писателях», «Древней российской вивлиофики». С презрением и гневом относится он к антинациональной, космополитической жизни провинциальных и столичных дворян. Радостно отмечает, что есть еще много людей, которые хотели бы воспитать в себе истинно русский «характир», познать «великость духа своих предков». Но главное, утверждает Новиков-писатель, в России есть многомиллионное крестьянство. Именно он, русский хлебопашец, и становится положительным героем его произведений.

Лучшим образчиком органического единства начал сатирического и утверждающего являются «Отписки кре-

стьянские». Одна из важнейших задач этих «Отписок» — противопоставить два мира: мир Филаток и мир помещиков Григориев Сидоровичей. Противопоставление это реализовано на конкретном примере — на решении судьбы Филатки. Впавший в отчаяние, начисто разоренный, больной сам, отягощенный большой семьей с «малыми робятами», он обращается за помощью, «бьет челом и плачется» Григорию Сидоровичу, прося его помочь в этом крайнем случае. Мы уже помним, что Григорий Сидорович как истый помещик не только не внял этому слезному плачу, но и повелел старосту Андрюшку на всем «миру» публично на сходе выпороть за то, что осмелились писать ему челобитную, за то, что обременили его своим плачем. Ответ Григория Сидоровича показал читателю, как хладнокровен и жесток не знающий границ своей алчности Григорий Сидорович, как бессердечие убило в нем навсегда человека.

Но строго и осудительно проведя читателя через все картины рабского ада, Новиков выводит его вдруг на чистый воздух, дает ему возможность припасть к чистой и живительной струе неувядаемой и торжествующей в любых условиях человечности — читатель попадает в неведомый ему крестьянский мир. Только у них, тружеников-хлебопашцев, можно найти утешение. Читатель узнает: крестьянский мир, собрание бедных и разоренных Филаток, есть великая сила и аккумулятор нравственной энергии — именно потому, что они труженики, потому, что заняты трудом, нужным всему отечеству, потому, что они «питатели» и производят «самонужнейшую вещь» — хлеб. В ответ на бессердечное решение Григория Сидоровича «мир» помогает Филатке — он платит за него подати, он оставляет Филатке корову, потому что хочет поднять его на ноги, потому что в нем есть уважение и любовь к человеку, потому что ему свойственно чувство сострадания.

Изображая крестьянство как носителя подлинной человечности и подлинной нравственности, Новиков показывает, что в основании этой истинно гуманной морали лежит труд. Именно тот факт, что крепостной все время занимался хлебопашеством, трудился,— позволило ему сохранить в себе те истинные качества личности и русского, которые давно утратили российские дворяне, превратившие «надзирание» во владение и законом обеспечившие себе право на тунеядство, на безделие. Это стремление Нови-

кова представить крестьян как истинных носителей национально-русских достоинств, человечности и нравственности заслуживает самой высокой оценки. Именно в этой связи и стоит рассматривать его первую, еще очень робкую попытку подойти к изображению положительных героев. И здесь, стоя на тех же, прежде всего национальных позициях, он создает ряд образов молодых дворян, оторвавшихся от социальной практики своих родителей, стремящихся утвердить свое человеческое достоинство в общеполезном труде, в деятельности на благо отечества. Вспомним героя «Английской прогулки», Фалалея и Ивана, пытающихся преодолеть социальные навыки своей среды, путешественника в деревню Разоренную и т. д. Так здесь в небольшой, самим Новиковым собранной книге были даны читателю и литературе произведения, полные антикрепостнического пафоса, гневного отрицания и глубокой патриотической любви к своему бедствующему отечеству. Русская критическая литература начинала свое развитие с органического сочетания тех двух начал, которые, по мнению Белинского, и составили в будущем существо реализма: «патриотическое, беспощадное сдергивание покрова с действительности» и «кровная любовь к плодовитому зерну русской жизни» (VII, 253).

И еще одно замечание. Защищая интересы крепостного крестьянина, сатирически зло и беспощадно изображая дворянина-помещика, Новиков стремился в своих эстетических исканиях опереться иногда на творчество трудового народа. Примечательно в этом отношении внимание Новикова к пословицам как той форме народного творчества, в которой ярко и лаконически запечатлелся опыт народа, его отношение к вершителям своих судеб. Пословица, начиная с «Трутня», будет сопровождать Новикова во всей его литературной деятельности. Она будет служить и орудием сатиры и средством нравоучения. Замечательно, что с помощью пословицы Новиков разделался с поэтами классицизма. Так, в предисловии к «Живописцу», выступая против идеализации крепостнических отношений сумароковской школой, против созданных ими многочисленных произведений о «благополучных» пастухах и пастушках, он зло издевается над такими писателями, обличает в литераторах крепостников, беря себе в союзники крепостного крестьянина, говоря его словами, его пословицами. Нови-

ков пишет: «Г. автор восхищается, что двум смертным такое мог дать блаженство: и как хотя мысленным не восхищаться блаженством; жаль только, что оно никогда не существовало в природе!» Поэтому этот автор сам предпочитает жить в городе за счет блаженных пастухов, не хочет переезжать в изображенный им счастливый край, и читатель ему ответствует старинною пословицею: «чужую душу в рай, а сам ни ногою».

Еще более замечательно стремление Новикова использовать пословицу для построения характера. Так, например, обстоит дело в многочисленных «Письмах к племяннику» и «Письмах к Фалалею», где писатель стремится создать национально и социально точный образ русского помещика. Поэтому для характеристики дяди Ивана и дяди Фалалея он использует пословицу: «Вор слезлив, плут — богомолен», действительно, эта народная пословица с поразительной силой вскрывает социальную природу подобных мошенников и плутов и стоит как бы эпиграфом ко всему циклу. Новиков-писатель смотрит на практику крепостников глазами народа и его социальный опыт кладет в основание своей эстетики «действительной живописи».

Естественна в этих условиях и борьба Новикова с новомодным западным искусством. Когда Екатерина в своей «Всякой всячине» начнет использовать и «на свой салтык» перекладывать произведения английских писателей Стиля и Аддисона, Новиков беспощадно обрушится на коронованного автора. Его не удовлетворяет эстетика сентиментализма. Он далек от умиления и преклонения перед святостью семейного очага, столь характерных для английского и французского сентиментализма. Человек — если он становится предметом сатиры — интересует Новикова прежде всего как человек общественный, в его общественных связях и отношениях.

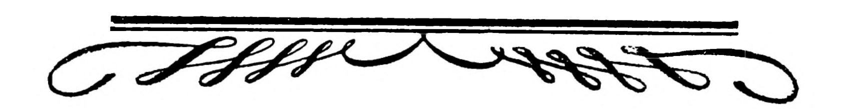
Эта враждебность Новикова англо-французскому сентиментализму особенно ярко выступила в его «философии человека». Для Дидро, Стерна, Ричардсона человек велик, прежде всего, своим чувством,— поэтому он всегда изображается героем семейного очага, занятым своими сердечными или семейными делами, чуждым интереса к общественному миру, равнодушным к окружающим людям, их страданиям, их политическому и экономическому положению. Отвергая понятие антиобщественного человека, Но-

виков создает иную, русскую меру ценности личности и в своих журналах «Трутень» и «Живописец» пытается изобразить положительного героя — русского деятеля. Образ Автора, образ Издателя и Сочинителя, «чувствительного к крестьянскому состоянию», к которому стекаются сотни писем, жалоб и обличений, живущего интересами миллионов хлебопашцев,— одна из заслуг писателя.

Усвоенный от Ломоносова образ русского героя-деятеля, патриота, сына отечества, россиянина был обогащен им социальной характеристикой. Герой новиковских очерков в журналах — Правдулюбов, Путешественник, Издатель «Трутня» — это русский человек, дворянин, но дворянин сострадательный к положению крепостных, вознегодовавший на своих собратьев по классу, ставший на путь отважного обличения их паразитизма, их своекорыстной, варварски жестокой и бессмысленной жизни.

Ломоносовский герой велик своим подвигом во славу России, своим патриотическим восторгом, своей гордостью великим и могучим отечеством. Новиковский герой — человек, негодующий на несправедливость, человек, сочувствующий крестьянскому состоянию, переполненный чувством скорби, участия и возмущения. Мерой ценности человека, его личных качеств и достоинств, индивидуальных особенностей Новиков объявляет его общественную активность, готовность вмешаться в несправедливые жизненные отношения, заинтересованность в судьбах других людей,— больше того, не просто людей, а хлебопашцев, находящихся в рабстве. Ему чужд комнатный мирок, домашнее удовольствие, чуждо уединение и самодовольство. Он тысячами уз связан с людьми, его «очаг» — Россия, его интересы — судьбы угнетенных, его друзья — «единоземцы», ободряющие его за порицание помещика Безрассуда, за борьбу с правительственным журналом «Всякая всячина», с чиновниками-взяточниками, обижающими тех, кого они обязаны защищать.

Все эти новаторские черты новиковской литературной работы оказали плодотворное влияние на русскую литературу, и то, что в ближайшие же годы эстетика «действительной живописи» оказалась мощно развитой в творческой практике современников Новикова — Фонвизина и Державина, молодого Крылова и особенно Радищева,— свидетельствует, как жизненна и как важна была работа Новикова-писателя.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

I

Осенью 1773 года на далеком Яике вспыхнуло восстание, которое оказалось началом еще небывалого в России по своему размаху вооруженного движения многих тысяч крепостных крестьян, заводских рабочих, угнетенных башкир. Это крестьянское восстание существенно отличалось от большинства предшествовавших ему и возникавших впоследствии крестьянских волнений. Такое же стихийное, неорганизованное, лишенное четкой политической программы (отсюда царистский лозунг), как и всякое крестьянское восстание, оно вместе с тем многим

отличалось от обычных «бунтов». Прежде всего, оно отличалось количеством участников и решительностью, с которой крестьяне боролись с оружием в руках за свою вольность; обнажением глубокой непримиримой ненависти к дворянам-угнетателям; силой нанесенных правительству ударов (больше года самодержавное правительство, мобилизовав все силы государства, регулярную армию, принуждено было бороться с «возмутителями»); первыми, правда, крайне робкими, не изменившими стихийную природу восстания попытками противопоставить крепостническим порядкам свои, демократические требования,— я имею здесь в виду изданные Пугачевым манифесты о ликвидации крепостного права, о возвращении народу вольности, о наделении крестьян помещичьими землями, лесами и водами. Наличие именно этих письменных указов, манифестов, постановлений Военной коллегии, в которых были записаны в виде законов коренные желания русских крестьян, тоже черта, свойственная лишь этой крестьянской войне.

«Тяжесть порабощения», возросшая при Екатерине, подняла крестьян на стихийный протест. Пушкин, изучавший пугачевское восстание, отметил именно этот антидворянский его характер. «Весь черный народ был за Пугачева; духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но и архимандриты и архиереи. Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства». Так был нанесен решительный удар патриархальной вере крестьян в «доброго барина». Ход войны, ее массовость, справедливое возмездие, обрушившееся на сотни дворян, свидетельствовали о том, что́ уже множество крестьян поняло: нельзя ждать подачки от «доброго барина», следует уничтожить все «племя дворян» как «злодеев и мучителей». Поэтому в документах восстания мы не встретимся с этой идейной слабостью крестьянства.

Но главное — «темнота мужика», выразившаяся «прежде всего в непонимании п о л и т и ч е с к о й стороны движения»,[1] в непонимании, что бороться надо не только против дворян, но и против царя,— лежит и в основании пугачевского движения. Энгельс писал, что русский народ устраивал «бесчисленные разрозненные крестьянские восстания против д в о р я н и отдельных чиновников, но н и к о г д а

---

[1] В. И. Л е н и н. Сочинения, изд. 4, т. 8, стр. 219.

не выступал против царя, кроме тех случаев, когда во главе его становился самозванец и требовал себе трона. Последнее великое крестьянское восстание при Екатерине II было возможно лишь потому, что Емельян Пугачев выдал себя за ее мужа, Петра III, будто бы не убитого своей женой, а только лишенного трона и посаженного в тюрьму, из которой он, однако, теперь бежал. Царь, наоборот, представляется крестьянину земным богом; бог высоко, царь далеко, восклицает он в отчаянии».[1] Правда, любопытно при этом отметить, что решающим признаком того, что Пугачев был действительно царем, явилась дарованная им народу вольность и земля. Пугачев говорил о себе: «А что я ваш подлинно милостивый государь, признавайте и верьте. Ныне я вас... освобождаю и даю волю детям вашим и внучетам вечно...» «Жалую землями, водами, лесами».[2]

Восстание русских крепостных против Екатерины за своего «хорошего царя» сильнейшим образом подрывало официальную легенду о просвещенном характере екатерининского самодержавства, о наступлении в России «златого века». Крестьянское восстание выявило в небывалых дотоле масштабах деспотический характер русского абсолютизма, его реакционно-феодальное содержание. Тем самым русской литературе были завещаны две важнейшие темы — борьба с крепостным правом и деспотическим режимом самодержавия.

Но этому могучему стихийному движению крестьян за свою свободу не суждено было победить. «Отдельные крестьянские восстания даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели. Кроме того, говоря о Разине и Пугачеве, никогда не надо забывать, что они

---

[1] Ф. Энгельс. Об общественных отношениях в России.— К. Маркс. Избранные произведения в двух томах, т. II, М., 1933, стр. 536.

[2] «Русская проза XVIII века», т. I, М.—Л., 1950, стр. 247.

были царистами: они выступали против помещиков, но за «хорошего царя». Ведь таков был их лозунг».[1]

Восстание было жестоко подавлено. Несмотря на этот разгром, вооруженная борьба русских крепостных оказала огромное влияние как на всю последующую политику крепостнического государства, так и на общественную жизнь страны.

Крестьянская война как крупнейшее политическое событие определила несомненно идеологическую борьбу в дворянском обществе и литературе. Прежде всего перед прогрессивной частью дворянства встал целый ряд совершенно категорических требований, совершенно ясных политических вопросов, от которых нельзя было отмахнуться, не считаться с которыми было невозможно. И как свидетельствуют факты, литературное движение, развернувшееся в 80-х годах после разгрома восстания, протекало под знаком решения этих вопросов. Русские передовые писатели, каждый по-своему, сознательно или бессознательно, но как-то соотносили свою деятельность с требованиями народа и, в меру преодоления своей дворянской сословной ограниченности, разделяли чаяния и надежды страдавшего в рабстве крестьянства. Большинство из них испытывало общедворянский страх перед восстанием, революционной энергией народа, и это стало их бедой. Но не принимая революционного пути решения основной задачи социально-политической жизни России, они в то же время понимали, что нельзя, занимаясь литературой, забывать о положении русских крепостных, о выдвинутых ими требованиях. Единственным писателем, кто не испугался восстания, а оправдал его, кто понял до конца справедливость вооруженной борьбы, кто одобрил требования крепостных,— был Радищев.

II

Крестьянская война под руководством Пугачева определила мощное вторжение в господствовавшую культуру подлинно демократической идеологии. Следствием этого знаменательного исторического события явилось ускорение процесса социальной и политической дифференциации в ли-

---

[1] И. В. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. Партиздат, М., 1933, стр. 9.

тературной среде. Победа екатерининского самодержавства, с одной стороны, и страх перед неукротимым гневом восставшего народа — с другой, способствовали консолидации дворянства вокруг своей «казанской помещицы».

Правительство Екатерины спешило воспользоваться плодами своей победы для укрепления власти и поверженного авторитета. Прежде всего, извлекая по-своему понятые уроки крестьянской войны, приступили к перестройке административного аппарата и усилению власти дворян на местах. Екатерина стала создавать вместе с Потемкиным полицейское государство. В год казни Пугачева было издано «Учреждение для управления губерний» (1775) — первый законодательный опыт после разгрома крестьянской войны. Россия делилась на 50 губерний, каждая из которых получала разветвленный административный аппарат, сплошь состоявший из дворян — назначенных правительством или выбранных самими помещиками. Укрепляя дворянскую диктатуру на местах, Екатерина предоставляла широкие возможности русским помещикам расправляться с возможными новыми бунтами. Через десять лет, идя навстречу желаниям «благородного сословия», она издала «Жалованную грамоту дворянству», определявшую их «права» и преимущества. Указы в эти годы шли непрерывной чередой, и Екатерина кокетливо жаловалась в письмах своему агенту и представителю энциклопедистов Мельхиору Гримму, что она «больна легисломанией».

Усиливая полицейские функции государства, Екатерина не забывала и о необходимости идеологического укрепления своей власти и, особенно, о восстановлении поверженного крестьянской войной и втоптанного Пугачевым в грязь ее авторитета. Полтора года десятки тысяч крестьян пушками и рогатинами, ружьями и вилами, наконец,— и это было ново и беспримерно,— письменно, в многочисленных манифестах,— в этих «прелестных письмах»,— ниспровергали славу «матери отечества» и легенду о том, что в России утвердился «златый век». Жестоко расправившись с бунтовщиками, Екатерина спешно принялась за восстановление своего авторитета.

Прежде всего она прибегла к мерам, вынуждавшим корифеев французской просветительской философии с новой силой засвидетельствовать перед «всем светом», что и после разгрома крестьянской войны в России процветает

«златый век», «блаженство подданных», что на престоле сидит «просвещенный монарх».

Во время войны Екатерина поддерживала письменную связь с Вольтером. Он был главным информатором в республике философов по русским делам. Боявшиеся народа и его революционной энергии энциклопедисты оказались неспособными понять исторический смысл этой антифеодальной борьбы русских крепостных. Не поняв, они остались в плену своей прежней умозрительной концепции просвещенного абсолютизма. Сохраняя и в этих новых условиях (жестокий разгром восставших, усиление рабства и полицейского террора) свои отношения с Екатериной, продолжая видеть в ней монарха, готового исполнить их предначертания, продолжая своим авторитетом укреплять авторитет рабовладельческо-деспотического правления Екатерины, они делали объективно реакционное дело, выступая в союзе с крепостниками, вредя передовой русской литературе, отважившейся и в условиях потемкинского террора защищать права и жизнь миллионов крепостных.

В 70-е годы Екатерина устанавливает особо тесный контакт с французскими просветителями. Когда на Яике начались бои, Екатерина принимала Дидро в Зимнем дворце. Тогда же велась переписка с Вольтером. Екатерина сообщала: «Вы легко можете усмотреть, что оное буйство человеческого рода не расстраивает моего удовольствия, которое я имею от собеседования с Дидеротом».[1] Далее: «Маркиз Пугачев наделал мне в нынешнем году множество хлопот» (141). Вольтер поспешил высказать свое сочувствие — «маркиз Пугачев изверг», он «агент или орудие». Екатерина поправляет: «Пугачев был самовластный разбойник и отнюдь ни от кого не зависел». Вольтер с искренним неистовством обрушивает на Пугачева свой гнев: «Подлинно Пугачев больше чорт, нежели человек» (149). «Впрочем, господин маркиз, как бы то ни было, но я думаю, что дело ваше тем окончится, что вас повесят, а вы того и стоите, ибо вы провинились не только против моей августейшей императрицы, которая бы вас, может быть, и помиловала, но вы виноваты против целой империи, которая вас отнюдь не простит» (143).

---

[1] «Переписка Екатерины II и г. Вольтера», ч. II, М., 1803, стр. 136.

Так Вольтер благословлял Екатерину на жестокую расправу с бунтовщиками. Императрица не замедлила сообщить, что и в этом случае она будет верной ученицей Вольтера: «Он (Пугачев.— *Г. М.*) воображает, что я из уважения к его храбрости могу его помиловать и что он прежние свои преступления может в будущей службе загладить. Если бы он одну меня оскорбил, то мнение его было бы основательно: я, конечно, бы его простила; но это дело до всей империи касается, которая свои законы имеет» (148). Как видим, крестьянская война не расстроила, а укрепила союз Екатерины с энциклопедистами. Поэтому незамедлительно, сразу после разгрома восставших, Екатерина в тех же письмах Вольтеру стала описывать себя законодательницей и преобразовательницей своего отечества, давая тем самым понять своим французским друзьям, что перед ними действительно просвещенный монарх, принявшийся вновь за дела, начатые еще в 1767 году. Естественно, каждый раз она напоминала, что стремится исполнить заветы своего Наказа и составить законы для «блага подданных».

Отправившись в Москву на казнь Пугачева, Екатерина сообщала Вольтеру: «Через несколько дней поеду я отсюда в Москву. Там-то я примусь опять за свою трудную работу законодательства» (152). О том же через два года: «Наше законодательное здание мало-помалу возрастает: Наказ о сочинении Уложения есть его основание. Я его вам прислала назад тому лет десять. Вы усмотрите, что Учреждение («Учреждение о губерниях 1775 года».— *Г. М.*) не уклоняется от правил, но от них проистекает; вскоре за ними последует устав о доходах, о коммерции, о полиции и проч., кои нас уже года с два занимают; после сего очень легко и удобно будет сочинение Уложения» (163). Помимо писем, Вольтеру посылались и сами «законодательные опыты». В 1777 году было послано «Учреждение о губерниях», переведенное на немецкий язык. И вот как Вольтер встретил закон, укреплявший помещичье государство и предупреждавший новую крестьянскую войну: «Вчерашний день получил я один из залогов вашего бессмертия, Уложение ваших законов на немецком языке, коим ваше императорское величество изволили меня наградить. С сегодняшнего утра начал я заставлять переводить оное на велхский язык; оно будет переве-

дено на китайский и на все вообще языки. Оно сделается всемирным евангелием» (165).

Искренно обманываясь, Вольтер приветствует законодательную инициативу Екатерины, щедро и неутомимо прославляет русскую императрицу, вновь воздвигая ей алтарь «просвещенной монархини». В письме от 5 декабря 1777 года он писал: «За две недели перед сим осмелился я отправить с немецкою почтою на имя вашего величества картину справедливости и человеколюбия. Она подобно колокольчику возвестит человеческому роду о благотворениях ваших» (165). «Колокольчиком» была торжественная ода Вольтера в честь Екатерины.

Ода была кстати. Екатерина спешно сколачивала отряд одописцев. Как никогда была острой необходимость в «карманных» поэтах. В первых рядах в России оказались прежний любимец Василий Петров, юный питомец университета Ермил Костров и сумароковский ученик, единственно талантливый из всего придворного окружения, поэт Ипполит Богданович.

Год разгрома крестьянского восстания и казни Пугачева ознаменовался началом беспримерной активности официальной поэзии, активности купленных «случайных» поэтов. Прославляется Екатерина-«законодательница», «матерь отечества», «премудрая». В чудовищно бездарных длинных одах перечислялись заслуги русской императрицы перед Россией. Богданович приступает к созданию крупной поэмы о Екатерине; ему поручается и другое важное дело — переводы стихов итальянских и французских поэтов, прославлявших Екатерину,— именно он переводит «Послание г. Вольтера к императрице Екатерине II». Так хор «случайных» поэтов, истошно славивших Екатерину за ее разгром восставшего народа, за укрепление рабовладельческого, деспотического государства, возглавил Вольтер. Он назвал Екатерину «победительницей, примирительницей и законодательницей». И именно после разгрома Пугачева он произвел ее из великой в «превеликую». Силой своего авторитета Вольтер утверждал, что Екатерина «наперсница богов», что ее империя — «страна, где правда высится и разум просвещенный», где императрица, «свободу дав умам, путь оным показует». Россия, где хозяйничал ожесточившийся помещик и усердствовал Потемкин, объявляется «пресчастливой» страной, а Екатерина — образцом монарха:

«таков быть должен царь, коль хощет дать пример к приобретению правдивой в жизни славы, коль хощет, чтоб народ сердца и ум простер». Жить под властью такого монарха — «счастье для народа», счастье для писателя. Вот почему он, Вольтер, заявляет, обращаясь к Екатерине: диктуй мне, что надо писать,— «что должен я писать, ты мне сама внушай».

Екатерина незамедлительно использовала это лестное предложение «внушать» западным и особенно русским писателям, что́ писать. Этой задаче «внушения» и посвящена литературная деятельность самой Екатерины, принявшая значительные масштабы именно в годы 1775—1790.

Прежде всего нужно было внушить раз и навсегда, что в России (после разгрома восстания крепостных) господствует политическая свобода, что в деревне наступило «полное благополучие». С первой задачей Екатерина справилась быстро: взят был Наказ, как известно изъятый из обращения после разгона Комиссии, и сделаны из него назидательные выписки, которые были собраны в одной книге, названной «Российский апофегмат». Книга была издана в 1777 году. Наказ обещал новые законы, которые и должны были привести к «блаженству». «Апофегмат» утверждал «блаженство» силой высочайшего определения.

Есть ли в России равенство? — Есть, отвечал «Апофегмат», ибо «равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были первозакону».

Каков смысл русского самодержавства? И Екатерина спешила объяснить его русским подданным в духе учения Энциклопедии. «Какий предлог самодержавного правления? Не тот, чтоб у людей отнять естественную их вольность, но чтобы действия их направить к получению самого большего от всех добра. Самодержавных правлений намерение и конец есть слава граждан, государства и государя».

В России утвердилась вольность, вещает «Апофегмат»: «В государстве, то есть в собрании людей, обществом живущих, где есть законы, вольность не может состоять ни в чем ином, как в возможности делать то, что каждому надлежит хотеть, и чтоб не быть принужденным делать то, чего хотеть не должно».

В России, действительно, есть «бедные», есть «убогие». Но должно помнить, повелевает на этот раз «Апофегмат», что «человек не для того убог, что он ничего не имеет, но

для того, что он не трудится; тот, который не имеет никакого поместья да трудится, столь же выгодно живет, сколько имеющий доход и не трудится». Так «Апофегмат» высочайше советовал и приказывал признать справедливым существующий в России сословный режим, существующее в России деление на рабов и дворян, укрепивших после поражения восставших свои права, считать мудрым государственным режимом екатерининское правление.

Соответственно с этими политическими требованиями намечалась и целая программа воспитания юношества, то есть, собственно, программа для литературы. «Должно вселять в юношество,— писала Екатерина,— страх божий, утверждать сердце их в похвальных склонностях и приучать их к основательным и приличествующим состояния их правилам».

Главный смысл этих наставлений в проповеди строжайшего охранения сословных привилегий. Юношество должно быть воспитано в «правилах, приличествующих их состоянию», то есть дворяне должны научиться повелевать, остальные сословия, и прежде всего крестьяне — слушаться.

Вопрос о послушании был главным во всей политической и литературной работе Екатерины. Это был стержень ее идеологической программы — слишком жутким было воспоминание о «непослушании» десятков тысяч крепостных под руководством Пугачева. В решении этой поставленной крестьянской войной проблемы Екатерина оказалась вынужденной прибегнуть к новой для нее тактике. «Непослушание» русского народа после пугачевского восстания было очевидным. Народ своими действиями, своими политическими манифестами громогласно заявлял: ему ненавистно рабство, ненавистно екатерининское самодержавство. Эта демократическая идеология вторгалась в общественную жизнь России. Этот громкий голос народа привлекал к себе внимание. К нему начинали прислушиваться. И тогда Екатерина поняла, что мало утверждать авторитет с помощью «карманных» поэтов. Мало возводить силами энциклопедических умов «алтарь». Оказывается, необходимо еще считаться с «мнением народа», с голосом угнетенных. Екатерина, не останавливавшаяся ни перед чем в достижении своих политических целей, и на этот раз решает подкрепить свой авторитет мнением народа. И именно в момент жестокой и дикой расправы над ним. Так возникает циничный

и наглый план фальсификации истории народа, начинается беспримерная фальсификация народного творчества. Чередой идут «исторические сочинения», драмы, «подражания Шакеспиру», ученические «Записки касательно Российской истории», «поучительные» сказки и пословицы.

Исторические сочинения утверждают одну мысль: самодержавие в России всегда было истинным благом подданных, и появилось оно вследствие полной невозможности самих русских справиться с задачей политического управления («призвание варягов»). Особенная же черта русского народа — образцовое послушание. Зная это, русский народ и живет по созданной им самим пословице: «не так живи, как хочется, а так живи, как бог велит».[1] Русские крестьяне,— утверждает Екатерина,— усвоили мудрость: «чего нет, того не спрашивай», поэтому они знают, что только «тому будет счастливо, кто пахать не ленив». В соответствии с этим и процветает в России «блаженство». В сказке о царевиче Хлоре специально была описана русская крепостная деревня в главе «Сельное счастье»: «В недальнем расстоянии увидели дом крестьянский и несколько десятин весьма удобренной земли, на которой всякий хлеб, как то: рожь, овес, ячмень, гречиха и проч., засеян был; иной поспевал, иной лишь вышел из земли. Подалее увидели луга, на которых паслись овцы, коровы и лошади. Хозяина они нашли с лейкою в руках; обливает рассаженные женою его огурцы и капусту, дети же упражнены были в другом месте, щипали траву негодную из овощей. Рассудок сказал: бог помочь, добрые люди; они ответствовали: спасибо, баричи... посети, пожалуй, наше жилище... Пошли с Хлором на двор, посреди двора стоял ветхий и высокий дуб, а под ним широкая чисто выскобленная лавка, а перед лавкою стол; гости сели на лавку, хозяйка с невесткою разостлали по столу скатерть и поставили на столе чашу с простоквашею, другую с яичницей, блюдо блинов горячих и яиц в смятку, а посредине ветчину добрую, положили на столе ситный хлеб да поставили возле каждого крынку молока, а после вместо закусок принесли соты и огурцы свежие да клюкву с медом. Хозяин просил: покушайте, пожалуй».[2] Воистину «развесистой клюквой» выглядела русская деревня под пером самодержавного автора.

---

[1] Сочинения Екатерины II, т. I, СПБ., 1849, стр. 254.
[2] Там же, стр. 292.

Таковы были «внушения» Екатерины, и они определяли программу действий реакционной — правительственной и дворянской — литературы в 70-е и 80-е годы. Борьба с этими «внушениями» составила главный смысл деятельности Фонвизина, Новикова, Крылова. Выступивший к концу 80-х годов Радищев будет бороться как революционер не только с крепостнической литературой, но и с крепостническим государством.

Чтобы внушения были лучше всего усвоены литературой, Екатерина решила организационно подчинить себе писателей. О «карманных» поэтах думать много не приходилось — они схватывали все указания на лету. Впереди и в 80-е годы попрежнему шел Богданович. Вслед за «Душенькой» он, исполняя желание императрицы, издает четыре книги «русских пословиц» — этой гнусной фальсификаторской стряпни, ничем не прикрытой апологии екатерининского самодержавия. Пословицы подправлялись, искажались, а в большинстве случаев просто самим Богдановичем сочинялись. Эти-то сочиненные пословицы для большего воздействия на публику он располагал по рубрикам, каждая из которых имела политический заголовок. Например: «Глава вторая. В ней означается, что служба государю исправляется не иным образом, как когда подданный в обязанностях своих сохраняет верность, твердость и истинное любочестие». Далее шли рубрики: «Служба государю», «Почтение к вышним», «Мужество в повиновении вышним», «Нужная терпеливость», «Трудолюбие» (для примера пословица: «не ленись, а трудись, на чужое не льстись»).

Фальсификация позволяла «политическую мудрость» рабовладельцев выдавать за убеждения народа. Так оказывалось, что режим рабства и угнетения освящается, оправдывается и, больше того, признается справедливым самим народом. Следом за пословицами пошли драматические сочинения, утверждавшие те же идеалы. Некоторые из них сочинялись опять же «на пословицу».

Дворянские писатели, ранее стоявшие в оппозиции, такие, как Сумароков и Майков, испугавшись крестьянского восстания, быстро примирились с правительством и стали писать в духе увещеваний Екатерины: Сумароков — оды, Майков — пастушескую драму с музыкой «Деревенский праздник или увенчанная добродетель». Драма, выпущенная в 1777 году, представляла собой помещичью идиллию,

утверждавшую, что в деревнях процветает блаженство, потому что там сидит гуманный, «добродетельный» помещик. Смерть оборвала деятельность этих писателей — Сумароков умер в 1777 году, Майков — в 1778 году. Деятельность «карманных» поэтов не могла удовлетворить Екатерину. Так возникала задача подчинения себе или хотя бы нейтрализации всей русской литературы.

Задача эта оказалась, однако, не такой легкой. Некоторые дворянские писатели заняли в эти годы нейтрально-выжидательную позицию: они отсиживались и молчали. Отдельные публиковавшиеся ими в этот период произведения все же заставляли власть насторожиться: Княжнин, например, сочинил комедию «Несчастье от кареты», где хотя и крайне осторожно, но все же проводил мысль, что крестьяне в современной деревне бедствуют. Николев выступил с комической оперой «Розана и Любим», где опять выведены мужики, жалующиеся на свою судьбу, где совсем не было «сельного счастья», которое по приказу Екатерины надлежало находить в деревне.

С начала 80-х годов вновь в литературе появился Фонвизин, поразивший Екатерину не только своей дерзостью в постановке запрещенных тем,— он осмеливался выступить прямо против нее самой. Было очевидно, что необходимо принимать срочные меры. Надо было находить способы более энергичного воздействия на писателей, предоставлять их самим себе было опасно. Именно в этой связи и должно рассматривать проект создания Российской академии — учреждения, объединявшего русских писателей.

Российская академия помогала «внушать» обязанности писателям и ставила Екатерину во главе русской литературы. Вслед за академией был создан журнал «Собеседник любителей российского слова», практический центр объединения писателей вокруг Екатерины — редактора журнала. Необходимость объединения писателей для целей подчинения их своему влиянию диктовалась и возраставшей из года в год активностью этих писателей и, в частности, стремлением к независимым от правительства объединениям больших общественных сил. В Москве, например, все тем же ненавистным Новиковым с начала 80-х годов было создано огромное просветительское общество, действовавшее по своей собственной и враждебной Екатерине программе.

III

Одним из следствий наступившей после разгрома пугачевского восстания реакции явилось широкое распространение масонства в России, и в частности масонства мистического. Масонство в России было пришлым явлением. Его прошлое уходит в XVI—XVII век. Как идеологическое движение, широко развернувшееся в Европе, масонство ведет свою историю с начала XVIII века — века крушения феодальных устоев. В основании масонства лежит широкая религиозно-идеологическая программа, развивающая христианское учение о всеобщем братстве людей, идеи гуманности и любви к людям, правила нравственного усовершенствования и морального перевоспитания человека, испорченного социальными пороками. Масонство создало формы объединения «братьев» — специальные организации, именовавшиеся ложами, орденами. Вступление в ложу облекалось в строгие и тайные церемонии, заимствованные из арсенала средневековых объединений ремесленных цехов, и в частности цеха каменщиков. Отсюда наименование — свободные каменщики. Тайные ложи масонов явились первыми общественными организациями единомыслящих людей, объединявшихся на началах признания идейной программы и строгого устава. Это обстоятельство между прочим объясняет причину особого интереса к масонству, который проявляли многие крупные культурные деятели эпохи. Такие ордена и ложи подсказывали форму политических объединений.

При всем том масонство в целом как идеологическое движение, характерное для XVIII века, было явлением антиобщественным. Этим и объясняется в частности, что в дальнейшей своей истории в XIX и XX веках оно превратилось в активнейшее реакционное, направленное против трудящихся масс, движение. Религиозная основа, интерес к проблемам нравственного самоусовершенствования определили идеологическое лицо масонства. Оно объединяло, как правило, людей господствующего сословия, иногда недовольных своим правительством, иногда состоящих даже в оппозиции к нему, но всегда пассивных, отказавшихся от борьбы за общественно-прогрессивные идеалы. Как правило, масонство принимало в свои ряды людей, убежавших из мира социально-политических противоречий, отказав-

шихся от общественной деятельности, решивших найти личное успокоение в собственном нравственном усовершенствовании. Именно это обстоятельство позволило вторгнуться в масонство мистицизму, всякого рода шарлатанству, например алхимии, магии и т. д. Это же часто превращало отдельные масонские ордена в орудие всевозможных политических авантюр, как, например, часто было в немецком масонстве. Этими чертами определялось политическое лицо масонства.

При этом следует помнить, что масонство не было идейно однородным течением. В нем было множество «систем». Поэтому существовали ложи, далекие от мистицизма, объединявшие людей на почве абстрактно-религиозных идей «всеобщего братства», и ордена крайне мистического направления, проповедовавшие магию, алхимию, каббалу, являвшиеся очагами обскурантизма и мракобесия.

Важной особенностью идейного развития XVIII века был тот факт, что к масонству проявляли интерес прогрессивные деятели литературы, философии и просвещения. Его общая идеологическая основа — учение о гуманности, о любви к людям, о самовоспитании человека, наконец, организационная форма строения лож и орденов не только привлекали внимание передовых деятелей Франции, Германии, Америки, но и определяли их решения стать в число масонов. Так оказывается, что многие крупные просветители Европы и Америки были масонами, имели организационно оформленные связи с масонскими ложами.

Во Франции мы наблюдаем интересное явление: наряду с масонскими ложами обычного типа создавались еще особые, которые должны были объединять ученых, писателей, политических деятелей, уже состоявших в масонской организации. Это была попытка создания своего рода ученого собрания из масонов. Парижская ложа Наук объединяла таких масонов, как Вольтер, Франклин, Кондорсе, Дантон, Камилл Демулен, Гудон, Монгольфьеры и др. Накануне революции в Тулузе была создана масонская ложа «Энциклопедия», объединявшая представителей третьего сословия.

В Германии мы также наблюдаем распространение идей масонства среди передовых групп общества, хотя немецкое масонство было в основных своих течениях мистическим и реакционным. По свидетельству исследователя,

«немецкое масонство к концу первого пятидесятилетия своего существования подверглось полному извращению. В нем все более погасали провозглашенные английскими основателями масонства принципы гуманности, терпимости, свободы, всеобщего братства. По духу, по организации, по приемам своих деятелей оно все более превращалось в чисто средневековую организацию; средние века оживали во всех проявлениях мысли и деятельности тогдашних масонов, во всех их скрытых и открытых симпатиях: как средневековые мистики, они погружались в каббалистические и алхимические премудрости, занимались чародейством и верили в возможность непосредственного общения с загробным миром».[1] Кроме того, именно Германия стала ареной действий и родиной бесчисленных шарлатанов-мистиков, политических интриганов и духовидцев из масонов — всех этих Шрепферов, Вельнеров и Бишофсвердеров. И все же, несмотря на такое направление и характер немецкого масонства, великие люди Германии — Лессинг, Гете, Гердер — были масонами, считали своим долгом отстаивать его гуманистические идеалы. Лессинг выпустил даже специальное произведение «Масонские беседы», в котором доказывал, что сущность масонства не в обрядах, знаках, алхимических опытах и даже не в филантропии, а в воспитании людей согласно идеям братства. Масонство для Лессинга важно и дорого как организация, пропагандирующая человеколюбие, уважение к свободе и общественности.

Американское масонство, с его сочетанием пуританизма и торгашества, морали бизнеса и ханжеской набожности, вместе с тем имело в своих рядах таких прогрессивных деятелей, как Франклин, Вашингтон, Адамс и др. Франклин и Вашингтон, крупнейшие политические руководители революции, занимали и в масонстве видные места. Франклин был товарищем Гросмейстера Великой Ложи, Вашингтон — не только «братом» и «великим мастером-строителем», воздвигшим на западе «Храм Свободы», но и кандидатом в Генерал-Гросмейстеры.

До своей поездки во Францию в качестве посла республики Франклин выступал у себя на родине как просве-

---

[1] «Масонство в его прошлом и настоящем», т. I, М., 1914, стр. 101.

титель и руководитель масонской ложи. Вступив в масонство в 1731 году, Франклин вскоре написал первый масонский устав. Проповедь добродетели, нравоучения и нравственного воспитания человека составляет его идейную основу.

Конечно, пребывание в рядах масонов деятелей подобного типа не меняло характера масонства, и оно попрежнему оставалось антиобщественным, консервативным, а порой и реакционным движением. Конечно, все эти деятели занимали в масонстве особое положение, являлись исключением из правила. Но не считаться с этим явлением нельзя. Его надо объяснять конкретно-историческими, социально-политическими обстоятельствами. Необходимо понять причины, породившие эти исключения и во Франции, и в Германии, и в России. В России таким исключением в масонском движении была деятельность просветителя Новикова.

В России масонство возникло еще в елизаветинское время. Наибольшим успехом пользовались ложи под началом Елагина, развернувшие свою деятельность в Петербурге в 70-е годы. Дворянская интеллигенция составляла основную массу членов елагинских лож. Общемасонские идеалы привлекали в состав лож тех дворян, коим были ненавистны и деревенские помещичьи недоросли, и столичные петиметры, «мастера волосоподвивательной науки». В ложе «братья масоны», дав клятву хранить тайну, имели возможность собираться, беседовать, спорить и просто весело проводить время. Елагинские ложи, по свидетельству Новикова, «почти играли им (масонством.— *Г. М.*), как игрушкою; собирались, принимали, ужинали и веселились; принимали всякого без разбору, говорили много, а знали мало».[1] В большинстве случаев масонские собрания превращались в род клубов, где можно было отлично поужинать в компании друзей и хороших знакомых.

Крестьянская война 1773—1775 годов усилила кризис в рядах дворянства. Подавляющее большинство «благородного сословия», сплотившись вокруг трона, принялось укреплять свою власть и свое государство, видя в этом единственный путь предотвращения новой пугачевщины. Часть дворянской интеллигенции, недовольная рабовладель-

---

[1] М. Лонгинов, стр. 096.

ческой политикой Екатерины II и в то же время на смерть перепугавшись крестьянской войны, навсегда отошла от общественно-политической деятельности. При этом она отказалась и от участия в военном торжестве крепостников, не захотела прислуживать победившему деспоту и его клеврету Потемкину. Но это не была оппозиция. Дворянские интеллигенты просто бежали из мира действительности в мир внутренний, в мир нравственный. Масонство с его проповедью нравственного самоусовершенствования оказалось той организацией, которая приняла этих беглецов. Масонство стало быстро развиваться в России. Десятки лож разных систем и орденов открылись в Петербурге, Москве и многих провинциальных городах.

Вне зависимости от направлений вся деятельность масонских лож в эту эпоху господства полицейского режима Потемкина носила объективно реакционный характер. Масонство, объединяя в своих рядах дворянскую интеллигенцию, отказавшуюся от какого-либо протеста против усиливавшегося крепостнического гнета, тем самым способствовало укреплению режима екатерининского самодержавия. Поэтому бегство в масонство было не чем иным, как своеобразной тактикой умывания рук. Новообращенные масоны как бы говорили: мы не хотим ничего делать для укрепления помещичьего государства и усиления несправедливого режима рабства, но мы также не будем ничего делать и для уничтожения этого режима. Ибо все это суетные, мирские, бессмысленные для человека дела. Пусть все будет как есть, но зато можно заняться собственным нравственным усовершенствованием и сделаться «лучшими человеками». Не случайно все масоны, проповедуя гуманизм и братство, на деле были крепостниками, а в области политики считали совершенно необходимой для страны власть сильного государя.

Русские дворяне, как истые космополиты, вывозили с Запада то одну, то другую масонскую систему, безропотно подчиняясь верховным масонским руководителям то английских, то шведских, то немецких орденов. Были среди них и ложи типа описанных Пушкиным: «В то время существовали в России люди, известные под именем мартинистов. Мы еще застали несколько стариков, принадлежавших этому полуполитическому, полурелигиозному обществу. Странная смесь мистической набожности и фило-

софического вольнодумства, бескорыстная любовь к просвещению, практическая филантропия ярко отличали их от поколения, которому они принадлежали. . . Нельзя отрицать, чтобы многие из них не принадлежали к числу недовольных; но их недоброжелательство ограничилось брюзгливым порицанием настоящего, невинными надеждами на будущее и двусмысленными тостами на фран-масонских ужинах».

Были и воинствующе-мистические ордена типа розенкрейцеров. «Мистицизм XVIII века, бывший плодом разложения старого порядка, был вместе с этим реакцией против революционных стремлений того времени»,—писал Плеханов.[1] Часть русской дворянской интеллигенции, бывшая ранее в оппозиции к екатерининскому режиму или тяготевшая к ней, после крестьянской войны не могла не понять, что то был первый и грозный сигнал — кончалась одна эпоха, начиналась другая. Херасков, Муравьев, Кутузов, эти предвестники Карамзина, первыми осознали, что дворянство исторически перестало быть силой, способной побеждать; более того, они начинали чувствовать, что ему суждено сойти с исторической арены. Как ни страшна, как ни враждебна была им борьба крепостных за свою свободу, они все же не могли не понимать, что надвигается исторически неотвратимая катастрофа. Французская революция, повалившая феодализм и покончившая с дворянством, прояснила эту историческую неизбежность окончательно. Вот почему Карамзин мог писать: «Французская революция принадлежит к числу событий, определяющих судьбы человечества на долгий ряд веков. Начинается новая эпоха; я вижу это, а Руссо это предвидел».[2]

Исторический пессимизм ускорял процесс крушения старых основ дворянского мировоззрения, помогал формированию новых социально-исторических воззрений дворянства. Из мира, где господствуют Потемкин и жестокие крепостники, где поднимается с рогатиной мужик, ожесточившийся на своих владетелей, из мира, чреватого великими социальными и политическими потрясениями, они предпочитали бежать. Масонство, как уже говорилось, гостеприимно

---

[1] Г. Плеханов. Сочинения, т. XXII, стр. 247.

[2] Цитирую по книге: В. Сиповский. Н. М. Карамзин автор «Писем русского путешественника», СПБ., 1899, стр. 163 (подлинник написан по-французски).

раскрыло свои двери, научая презирать бренную жизнь здесь, на земле, открывая путь к истинному и единственному блаженству — к вечной жизни там, в загробном мире. Миру зла они стали противопоставлять более устойчивую «правду» — богатство открытого внутреннего мира личного «Я». И здесь-то философия сентиментализма оказалась живительным бальзамом. Именно поэтому после пугачевского восстания на базе масонства и начал развиваться в России сентиментализм.

В 70-х годах в русскую литературу хлынул поток переводов сентиментальных сочинений английских, французских и немецких авторов. В авангарде шла «слезная» драма, затем поэзия и проза: Стерн и Юнг, Руссо и Мерсье, Геснер и Ля-Шоссе, Геллерт и Дидро, Виланд и Бомарше. За переводами пошли подражания. За ними — первые робкие собственные опыты. Начала складываться новая дворянская литература, отражавшая кризис крепостнической системы, воинствующая в своей проповеди пассивности, бессмысленности всяких попыток изменить существующие несправедливые социальные условия. Противопоставляя политике мораль, утверждая в качестве единственной ценности человеческой жизни нравственное очищение и приуготовление себя к будущей жизни, воспитывая пренебрежение к окружающей действительности и к живущим в ней в условиях социального неравенства людям, сосредоточивая все внимание на жизни «очищенного сердца», на способности к чувству, эмоции,— эта идеология дворянского сентиментализма разоружала общественное движение. Вот почему в самом своем начале русский сентиментализм складывался как течение антинародное, антидемократическое, антиреволюционное. В то же время нельзя не признать, что по сравнению с идеологией крепостников воззрения русских дворянских сентименталистов более прогрессивны. Если масса русского дворянства во главе с Екатериной, несмотря на страх перед крестьянской войной, не пожелала сделать каких-либо уступок своим крепостным, а стала еще больше увеличивать крепостнический гнет, то сентименталисты вынуждены были пойти на уступку. Уступка эта была ничтожной, сводившейся к проповеди считать и крестьян людьми способными к «чувству». Но все же эта уступка включала в себя черты гуманизма, которые были совершенно чужды крепостникам

типа Простаковой и Скотинина. А именно Скотинины и Простаковы составляли основную массу «благородного сословия».

Характерной чертой русского сентиментализма является его связь с масонством. Естественно оказалось поэтому, что один из лидеров классицизма — Херасков — начал эту «смену вех» с того, что, войдя в ряды масонов, стал развивать эстетику сентиментализма. Так же естественно первым помощником у него оказался ученик Сумарокова — Муравьев. Вокруг них объединилась группа молодых дворянских писателей — Алексей Кутузов, Александр Петров, Иван Дмитриев и др. Из этого круга и выйдет Карамзин, канонизировавший и развивший принципы дворянского сентиментализма в своей творческой практике.

Возникает естественный вопрос: как могло произойти, что антифеодальная, разрушающая сословность литература, что философия свободы человека могли стать знаменем дворянской литературы?

Нет никакого сомнения в том, что литературная деятельность Руссо и Дидро, что их учение о внесословной ценности человека, составляющее основу сентиментализма, было объективно революционным. И «Новая Элоиза» и «Общественный договор», так же как философия и драмы Дидро вооружали «третье сословие» Франции на борьбу с ненавистным феодализмом, режимом порабощения человека человеком. Но, учитывая этот объективно революционный характер выступлений французских просветителей, не должно в то же время забывать, что они, в силу исторически сложившихся обстоятельств, развивали буржуазную идеологию. Их философия свободного человека была не только антифеодальной, но и буржуазной — факт, который у нас часто забывается. Эта буржуазность порождала ограниченность их политической и философской мысли, ограниченность их «царства разума», которое, как мы знаем, «было не чем иным, как идеализованным царством буржуазии».[1]

Эта буржуазная ограниченность порождала, по крайней мере, два важных качества политической и философско-эстетической теории французских просветителей. Первое: глашатаи революционных идей сами были сторонниками

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIV, стр. 18.

мирных путей общественного преобразования. Руссо и Дидро не звали к революции. Они боялись ее. Но читатель Руссо и Дидро делал выводы сам и шел штурмовать Бастилию. Это очень верно подметил Плеханов: «Не должно впадать в преувеличения и воображать, будто французские просветители сознательно подготовляли революционную бурю, разразившуюся в конце XVIII века... Некоторые тогдашние проповедники новых идей замечали, что народ теряет терпение и может, пожалуй, восстать против своих притеснителей (Вольтер, Руссо и другие). Но, не будучи сторонниками революционного способа действий, они пугались приближавшегося взрыва, а не приветствовали его. Они от всей души предпочли бы мирную реформу насильственной революции. Это мирное настроение проповедников революционных идей ярко отразилось как в литературе, так и в искусстве. Буржуазная драма, в образах выражавшая стремления третьего сословия, совсем не знает боевых мотивов».[1]

Эта особенность идейной позиции идеологов буржуазной революции предопределяла возможность взаимно противоположных выводов: из революционной идеологии можно было сделать революционные выводы, из предпочтения мирных путей общественного преобразования вытекала возможность упования на мирный ход исторического развития. Первый вывод сделал французский народ, второй, в частности,— русская императрица Екатерина II и дворянская интеллигенция России, перепугавшаяся крестьянской войны. Действительно, Екатерина со дня воцарения, как мы знаем, использовала политическую теорию энциклопедистов в целях укрепления своей самодержавной власти. Вольтер, Дидро, Даламбер оказались обманутыми русской императрицей и, действуя в соответствии со своими упованиями на просвещенный абсолютизм, стали воздвигать Екатерине «алтарь» как просвещенной монархине, нанося тем самым огромный вред русскому освободительному движению. Руссо и европейские сентименталисты (Юнг, Стерн, Геснер) послужили основанием для идеологического перевооружения дворянства. Этому способствовала вторая особенность философско-эстетической концепции французского просвещения, вытекавшая из ее буржуазной ограниченности.

---

[1] Г. Плеханов. Сочинения, т. XXII, стр. 21.

В основании этой второй особенности лежала разработанная французскими просветителями философия человека, которая по всему своему духу была индивидуалистической антиобщественной философией. Провозглашая внесословную ценность личности, Руссо и Дидро, а за ними вся школа европейского сентиментализма разрушали идеологический догмат феодализма. Но, как уже заметил Плеханов, человек сентиментализма, противопоставляя имущественному богатству богатство индивидуальности и внутреннего мира, богатству кармана — богатство чувства, был лишен боевого духа. Герой европейского сентиментализма — не протестант, он беглец из реального мира. В жестокой феодальной действительности он жертва, он ничто, он нуль, а не человек. Но у себя в очаге, в своем уединении он велик, ибо, как утверждал Руссо,— «человек велик своим чувством». Поэтому герой сентиментализма не просто свободный человек и духовно богатая личность, но это еще частный человек, бегущий из враждебного ему мира, не желающий бороться за свою действительную свободу в обществе, пребывающий в своем уединении и наслаждающийся своим неповторимым «Я». Этот индивидуализм французского сентиментализма являлся прогрессивным в пору борьбы с феодализмом. Но и в этом индивидуализме, в этом равнодушии к судьбе других людей, в сосредоточении всего внимания на себе и полном отсутствии боевого духа уже отчетливо проступает эгоизм, который расцветает пышным цветом сразу после революции. То, что должно было проступить в общественных взаимоотношениях во Франции после революции, уже существовало в те же годы как неопровержимое явление в английском обществе и английском сентиментализме. Прежде всего должно назвать произведения Стерна — его «Сентиментальное путешествие» и «Тристрам Шенди». Несомненно, Стерн шел в первых рядах этого антиобщественного буржуазного искусства. Герои Стерна, и Тристрам Шенди прежде всего, это воинствующие эгоисты. Они не просто равнодушны к окружающему их миру и к людям, страдающим от социальной несправедливости, но равнодушны жестоко. Самовлюбленность Тристрама Шенди, занятого собой и только собой, его принципиальная отрешенность от всего того, что за стенами его дома и что находится вне субъективных впечатлений, лишена простодушия — она антидемократична.

Именно эти-то черты европейского сентиментализма и позволили русскому дворянству заимствовать и перенять его философию. Развивая лишь слабые стороны этого идеологического движения, лишь то, что ограничивало его революционность, они превращали в конкретно-исторических русских условиях (эпоха реакции после поражения крестьянской войны 1773—1775 годов) сентиментализм в оружие борьбы с передовой демократической и революционной идеологией. Этим и объясняется развитие и становление в России во второй половине 70-х и в 80-х годах на базе масонства литературного направления — сентиментализма. Именно в эти годы шла работа по идейному перевооружению дворянства, сменявшего идеологию классицизма на идеологию сентиментализма. Херасков, Муравьев, Кутузов, Петров, Львов, в некоторой мере Капнист — первые представители русского дворянского сентиментализма. В 90-е годы сентиментализм станет господствующим направлением в дворянской литературе. Во главе школы станет Карамзин, выученик Хераскова и Муравьева. Мнение Добролюбова, что характерной чертой сентиментализма является «самодовольное спокойствие человека, не думающего о счастье других»,— точно передает консервативность, а порой и открыто реакционное лицо этого направления. Карамзинизм — это откровенная защита дворянских прав и привилегий, проповедь сохранения существующих сословно-крепостнических отношений, то есть последовательная дворянская идеология, только развитая в новых исторических условиях, когда на очередь был поставлен вопрос о неизбежной гибели феодального режима. Новая дворянская литература сентиментализма, отражавшая кризис крепостнической системы, была воинствующей в своей проповеди пассивности, бессмысленности всяких попыток изменить существующие несправедливые отношения рабства. Противопоставляя мораль политике, утверждая в качестве единственной цели человеческой жизни нравственное очищение и самоусовершенствование, воспитывая пренебрежение к окружающей действительности, сосредоточивая все внимание на «жизни сердца», этот дворянский сентиментализм в самом своем начале сложился как течение антидемократическое, антиобщественное, антинародное. «Убеждение в том, что прогресс общественной нравственности предполагает усовершенствование общественного строя, распо-

лагает людей к общественным реформам. Наоборот, вера в то, что добродетель состоит в чистоте сердца и зависит от «святости религии», делает их равнодушными к подобным реформам. Консерваторы всегда упирали на «чистоту сердца».[1] Тысячу раз был прав Белинский, утверждавший, что сентиментализм в России связан, прежде всего, с именем Карамзина, который «не изобрел его», а только «привил» русской литературе, позаимствовав его на Западе, где он «зародился и преобладал в литературе и нравах» (XI, 212).

IV

Крестьянская война, углубившая кризис крепостничества, не только сплотила массу помещиков вокруг трона и породила сентиментализм. В эту пору, под влиянием трагически сложившейся борьбы русских крепостных, лучшие люди из передового дворянства стали отходить от правительства и «благородного сословия», отстаивая свою независимость и мучительно отыскивая пути и способы помощи народу вне союза с ним. Непонимание творческого характера революционной энергии народа было исторически неизбежной слабостью дворянских просветителей. Эта слабость и породила непоследовательность их политической, философской и эстетической позиции в условиях жестокой и суровой классовой войны, развернувшейся в эпоху реакции. Но, вместе с тем, именно они испытали на себе всю силу благодетельного влияния подлинно демократической народной идеологии. Эта идеология и определила их крупные творческие и общественно-политические успехи.

Так к моменту трагического исхода крестьянского восстания Новиков, сохраняя свою независимость, вторично, и на этот раз навсегда, порывает с двором, начав в новых условиях деятельность просветителя, которая вся противостояла воинствующе-реакционной господствующей дворянской культуре. Так Фонвизин, не сумев подняться до понимания и оправдания восстаний, не разорвав со своим классом, все же развернет острейшую политическую борьбу с екатерининским самодержавством. С середины 80-х годов

---

[1] Г. Плеханов. Сочинения, т. XXII, стр. 258.

в литературу войдет юный Крылов и как прямой воспитанник русского просвещения обрушится на укреплявших свою власть дворян, на перевооружившихся крепостников, воевавших против народа под знаменем сентиментализма, смело и дерзко станет обличать режим рабства и деспотизма.

Но эпоха крестьянской войны породила и революционную мысль в России. Радищев, разорвав со своим классом, политически оправдает восставший народ, создаст теорию народной революции как единственного пути социально-политического обновления, сурово и решительно потребует казни монарха и «избиения дворянского племени». Радищев — это вершина русского просвещения и высшее достижение русской литературы XVIII века. Радищевым открывается эпоха дворянской революционности. Произведения первого русского революционера будут мощно воздействовать на передовую дворянскую литературу, помогая ей преодолевать свои ошибки, заблуждения и слабость. Ленин указывал, что освободительное движение в России в эпоху крепостничества характеризуется полным преобладанием дворян: «Крепостная Россия забита и неподвижна. Протестует ничтожное меньшинство дворян, бессильных без поддержки народа. Но лучшие люди из дворян помогли разбудить народ».[1]

Деятельность Фонвизина, Крылова, Радищева развернется и общественно обнаружит себя в 80-е годы. В эпоху расцвета реакции, в начальный момент идейного перевооружения дворянства выступить пришлось одному Новикову. Первая же выпущенная им книга подтверждала перед лицом правительства и дворянского корпуса его прежнюю верность просветительским идеалам. Этой книгой было третье издание «Живописца». В год торжества победивших крепостников, в год, когда по Волге плавали «глаголи» с повешенными за ребро «возмутителями», в год, когда по новым губерниям рыскали каратели, Новиков отважно составляет книгу, собирая из своих прежних журналов только самые радикальные сочинения, только те, которые защищали крепостных крестьян, обличали дворян и сатирически изображали Екатерину. С этой книгой Новиков вступил в новый период своей деятельности. И эта позиция была принципиальной — ей не изменил Новиков и дальше. В 1781 году

[1] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 19, стр. 294—295.

он, внимательно пересмотрев книгу и внеся кое-какие поправки, вновь переиздает ее, отчетливо понимая, что она открыто и демонстративно противостояла не только правительственной политике, но и прямым екатерининским директивам по крестьянскому вопросу. До «Путешествия из Петербурга в Москву» третье издание «Живописца» было единственной книгой по крестьянскому вопросу, к тому же еще книгой, широко популярной в демократических кругах читателей.

Третье издание «Живописца» было ответом и вызовом победившим крепостникам Новикова-писателя. Новиков-издатель в эту пору жестокой реакции, «смены вех» дворянских литераторов, бегства дворянской интеллигенции с поприща общественной жизни не только продолжил свою просветительскую деятельность, но и неутомимо искал путей к ее расширению. Закончив в 1775 году издание «Вивлиофики», он немедленно продолжил работу по ознакомлению русского читателя с его родиной, с ее прошлым, с населяющими ее народами. В 1775 году он подготавливает, а в 1776 году выпускает «Скифскую историю» Андрея Лызлова — сочинение, написанное русским ученым в XVII веке и оставшееся в рукописи, которая была извлечена из частного собрания и издана Новиковым. В том же году выходят два исторических издания, подготовленных целиком Новиковым: «Повествователь древности России или собрание разных достопамятных записок, служащих к пользе истории и географии России» и первый в России иллюстрированный журнал, посвященный народам, населяющим Россию,— «Откровенная Россия».

Не удовлетворяясь изданием исторических сочинений, Новиков продолжил свою критическую работу и начал готовить первый в России библиографический журнал, который и вышел в 1777 году под названием «Санкт-Петербургские ученые ведомости». Определяя намерение заняться литературной критикой и посвятить этому свой новый журнал, Новиков писал в обращении к публике: «Критическое рассмотрение издаваемых книг и прочего есть одно из главнейших намерений при издании сего рода листов и поистине может почитаться душою сего тела, то и испрашиваем мы у просвещенныя нашея публики, да позволится нам вольность благодарныя критики. Не желание охуждать деяния других нас к сему побуждает, но польза общественная»,

В годы, когда господствующее положение в литературе занимали «случайные» поэты, объединившиеся вокруг Екатерины, когда на передовую дворянскую литературу был объявлен поход, эта попытка частного человека вмешиваться в литературную жизнь, выносить суждения об отдельных произведениях, судить деятельность писателей, прославлять независимых от правительства авторов сатирических сочинений прошлой эпохи — свидетельство все той же верности Новикова своей просветительской программе, пример гражданского мужества.

К 1777 году эта неутомимость в отстаивании своих независимых позиций начала ослабевать. Дворянское общество, слишком занятое своими классовыми делами, не поддерживало начинаний Новикова, не откликалось на его голос. Исторические издания имели ничтожное количество подписчиков. «Санкт-Петербургские ученые ведомости» пришлось закрыть на 22 номере по причине, нам неизвестной. Вся совокупность складывавшихся обстоятельств утверждала необходимость поисков каких-то новых путей и средств к продолжению своей деятельности.

Светлая, наивная вера Новикова во всемогущую силу разума неоднократно омрачалась при столкновении с грубой, варварски дикой системой крепостничества, с политикой самодержавного произвола и насилия. Еще в конце 1769 года, под впечатлением первых гонений на «Трутень», Новикова охватили сомнения. В тридцать четвертом листе «Трутня» была помещена статья под заглавием «Судьба»: «О смертный! бесплодно стараешься изыскивать тот способ, коим бог управляет светом. Вечно ты, коль бы много ни силился, не постигнешь своим разумом, имеющим пределы, как премудрое божество устроевает дела человеков... Следственно, суетно домогаешься знать, для чего сие так, а не инако произошло? Бог правосуд в своих положениях, коих ты никогда не уведаешь. Если желаешь ведать причины судеб смертных, довлеет быть тебе богом. Взирай лучше благоговейно правлению тому, которого ты причины знать тщишься».

Однако земные дела влекли к себе Новикова столь сильно, что он не мог заставить себя «взирать благоговейно» на современные общественные порядки. Он стремился обличать неправду, порожденную крепостничеством и самодержавием, принижавшую и оскорблявшую человека;

ярким тому примером может служить «Живописец». Размышление же в «Трутне» — это минутная слабость. Но такого рода слабости характерны для Новикова. Не умея понять истинных причин социального зла, он при оценке действительности всегда исходил из моральных категорий. Неудачи, постигавшие его на избранном им поприще, искренно его огорчали. Удары самовластия он воспринимал болезненно и не всегда находил в себе силу и выдержку, чтобы твердо противостоять им. А самодержавие прибегало к любым способам, чтобы смять каждого мыслящего, рассуждающего человека, стремилось наложить оковы на человеческую душу, смирить порывы гордого разума. Радищев, кажется, одним из первых засвидетельствовал, как уродовал и ломал человека русский деспотизм XVIII века. «Управляющие умами и волею народов властители» стремятся «утушить заквас, воздымающий сердце юности» у многих благородных, но наивных сынов отечества; а «единожды смирив его, нередко навеки соделают калекою». Многократные вмешательства деспотизма в судьбу Новикова не прошли бесследно для него, обусловили противоречивость его поведения, чередование идейных взлетов с падениями.

В год жестокой расправы над Пугачевым Новиков в поисках душевного равновесия вступает «неожиданно для себя» в масонство. По собственному свидетельству, он чувствовал себя «на распутьи между вольтерьянством и религией», «а потому неожиданно попал в общество».[1] Знаменательно, что масонство не явилось для него логическим завершением его исканий, что не он пришел в общество, а масоны пришли к нему, воспользовавшись его слабостью. «Собравшись у него в доме после предварительного вступления, не требуя от него обета, прочли ему принятие и, против ожидания его, поздравили членом своего общества. Мы знаем тебя, говорили они, знаем, что ты честный человек, и уверены, что не нарушишь тайны».[2] Новиков был видной фигурой в русском обществе, и залучить его в масонский орден, очевидно, было выгодно. Оттого и были обойдены все церемонии официального приема, которые могли оттолкнуть Новикова от масонства. Это свидетель-

---

[1] М. Лонгинов. Сочинения, т. I, М., 1915, стр. 373.

[2] Сборник студентов имп. Петерб. университета, 1857, вып. 1, стр. 322.

ство современника подтверждается показаниями самого Новикова (цитирую по Лонгинову): «В масонство... вступил я не по собственному исканию или побуждению, но по приглашению... и то на таких условиях, чтобы не делать никакой присяги и обязательства, чтобы мне открыть три первые градуса наперед, и ежели я найду что противное совести, то чтобы меня не считать в числе масонов» (074).

В отличие от других членов орденских лож, черпавших в масонстве основы своей веры, Новиков только тогда согласился быть масоном, когда увидел, что оно в какой-то своей части приближается к его убеждениям, сформировавшимся вне связи с масонством. Усомнившись в этот период в успехе «сатиры нападения», Новиков переходит к обоснованию нравоучения как главной функции литературы. Идея нравственного возрождения человеческой личности на началах самопознания и просвещения является определяющей в мировоззрении Новикова этого периода.

Но все эти поиски не оторвали Новикова от раз навсегда избранного пути служения обществу. «Патриотическая ревность к возлюбленному отечеству... пылающее его желание приобщить что-либо к пользе и благосостоянию своих сограждан» [1] побудили Новикова и в изменившейся обстановке продолжать деятельность на поприще просвещения. Несмотря на особое, независимое положение, занятое Новиковым в масонстве (подробнее об этом ниже), факт вступления его, а затем долголетнего пребывания в ордене розенкрейцеров, его религиозность, усилившаяся в эпоху реакции, сближавшая в какой-то мере с идеологическими основами масонства, несомненно являются свидетельством идейной слабости просветителя. Но при этом должно помнить, что, будучи масоном, он использовал свои масонские связи и денежные средства, объединенные в ордене, для дела просвещения, что при деистической религиозности Новикову всегда был чужд мистицизм, неприемлемо масонское бегство из действительности, ненавистна масонская проповедь пассивности, оборачивавшаяся на практике воинствующей защитой режима крепостничества. Этим и объясняется его личная возраставшая из года в год общественно-просветительская деятельность издателя, писателя и философа. Последнее обстоятельство особенно важно:

---

[1] «Утренний свет», ч. I, СПБ., 1777, стр. VII.

фальсификаторы новиковского наследства пытались свести всю деятельность Новикова в этот период только к деятельности издателя, бездоказательно заявив, что больше он ничего не писал в эти годы. Знакомство с журналами и изданиями Новикова опровергает эти утверждения. Новиков выступал в этот период и как писатель-сатирик и как нравственный философ. При этом он боролся и против распространявшегося мистицизма и против мнимой пассивности дворянской интеллигенции, которая на базе масонства и сентиментализма отстаивала основы существующего феодально-самодержавного режима.

В этих исторических обстоятельствах Новиков замышляет свой новый журнал, который должен был помочь решению двух важнейших задач: объединения вокруг какого-то практического дела разобщенных в годы реакции писателей, с одной стороны, и с другой — развертывания в новых политических условиях своих философских воззрений о человеке, его положении, месте и роли в социально-общественной жизни. Так в 1776 году подготавливается, а с сентября 1777 года начинает выходить «Утренний свет» — первый в России философско-литературный журнал.

Новиков старался никогда не действовать в одиночку. И в данном случае он стал собирать литературные силы. И вот опять объединению «случайных» поэтов, собравшихся вокруг Екатерины, противостояло объединение писателей и читателей, собранных частным человеком Новиковым вокруг журнала «Утренний свет».

Найти писателей и сотрудников в этих условиях было трудно. Поэтому старые дружеские и литературные связи определили приглашение Василия Майкова. На почве масонства возникли отношения с Херасковым и другом Радищева Алексеем Кутузовым — это привело к привлечению их в журнал. Херасков пригласит своего ученика Михаила Муравьева и Ивана Тургенева. Привлечены были также некоторые ученые и переводчики. Данная группа писателей и составила основной состав сотрудников нового журнала. Коллективность руководства порождала соответственное разделение функций: за Новиковым было общее наблюдение за журналом, вся деловая, практическая сторона и отдел философии. Вот почему именно Новикову принадлежат в журнале статьи, определяющие философское лицо «Утреннего света»,— «Предисловие», «Заключение» и др.

Литературный отдел был на попечении маститого писателя Хераскова и его учеников.

Как главный издатель и практический организатор журнала Новиков предпринял первую в истории русской общественности попытку объединения читателей журнала на базе предложенного им общественного дела. Следует сразу подчеркнуть, что всякое объединение частных людей для каких-либо общественных целей рассматривалось Екатериной всегда как преступление. Тем дерзновенней была эта инициатива Новикова в пору реакции и той консолидации дворянства, которую проводила Екатерина.

Новиков сумел найти в высшей степени невинный повод к такому объединению. В первом же номере в своем «предуведомлении» он объявил (это в свою очередь свидетельствовало о продуманном плане действий), что издатели «все выручаемые деньги от продажи сего журнала определили к содержанию училищ для бедных детей». Как видим, одна из важных причин издания журнала для Новикова заключалась в желании вмешаться в дело образования и воспитания русских людей. Собранные средства должны были помочь осуществить план — открыть на общественные деньги независимые от правительства училища, да еще специально для «бедных» и «неимущих». Перед нами, несомненно, опять прежние стремления просветителя осуществить в доступной для него мере требования демократических депутатов Комиссии о возможности получения образования «бедными» и «неимущими».

Но этим Новиков не ограничился: дело создания училища для бедных, естественно, требовало «знатного и постоянного подкрепления». Верный своей позиции независимости от правительства, он и этого «подкрепления» ждет только от общества. «Добрый ваш пример может побудить других добронравных людей. Любовь их к бедным, воспитания не имущим согражданам чрез сие поострится». Взяв на себя это бремя,— уверяет Новиков,— они не почувствуют тягости, ибо это «бремя легкое, приятное и никого не удручающее и которое, однакож, человечеству и должности к отечеству великую честь приносит». Несомненно, что Новиков понимал всю дерзновенность своей затеи, которая требовала смелости и мужества. Но,— писал Новиков,— «смелость и неустрашимость имеют всегда в себе нечто привлекающее».

Так началась беспрецедентная «работа с читателем», которому были «открыты новые врата», показан «новый путь ко благу человечества». Читатель отозвался на новиковское начинание: помимо обычной платы за журнал, многие стали присылать дополнительные денежные взносы. Собрав деньги, Новиков открыл сначала одно, а потом другое училище. Был нанят штат учителей и воспитателей. Из числа бедных вербовались воспитанники, поступавшие на полный и половинный пансион. С целью поощрения читателей к дальнейшим жертвованиям и, главное,— демонстрации силы и пользы общественных усилий Новиков стал регулярно печатать отчеты о расходовании средств и о состоянии дел в училищах. Помня традиции Московского университета, Новиков и здесь придал делу гласность и публичность, печатая сообщение об успехах учеников, при этом, кстати сказать, одновременно указывалось, на чьи средства тот или иной ученик воспитывался.

Екатерина, внимательно следившая за ходом нового дела Новикова, не одобрила его и своим равнодушием всячески подчеркивала неугодность ей этих частных училищ. Но именно новиковская инициатива заставила ее приступить к организации и подготовке правительственных мер к народному образованию. Уже в 1780 году она сообщает Гримму в Париж, что желает организовать народное училище по австрийской системе. Затем был приглашен австрийский педагог Янкевич де Мариево. Началась разработка устава, и в 1782 году открылось первое «Народное училище» в Петербурге. Оно должно было стать очагом воспитания «верноподданных служителей престолу». Журнал, издаваемый этим «Народным училищем» с 1785 года — «Растущий виноград»,— своеобразный ответ Екатерины на просветительские действия Новикова.

V

Вторая задача журнала, как это представлялось Новикову, должна была состоять в пропаганде этического учения, в развитии своего учения о добродетели и «науки о человеке».

Уже в предисловии к журналу Новиков отступает от своего былого принципа — сочетания «школы» и «ка-

федры». В новых условиях на первое место выдвигается «школа». Он обещает «давать восчувствовать. . . наказание единым токмо порокам». А «порок и человек, сии два предмета, должны в наших листах быть подобны двум параллельным линиям, которые вечно одна другой прикоснуться не могут». Порочный человек «свое высокое человеческое достояние ногами попирает», «такие люди, конечно, заслуживают, чтоб мы их за диких в человеческом только образе скитающихся зверей почитали». Вот на этих-то «нечеловеков» «всеобщая сатира да будет бичом». Ставя же себе целью не исправление этих «нечеловеков», а воспитание единоземцев, «истинных человеков», Новиков считает важным на первое место выдвинуть практическую нравственную философию, назначение которой — «дать восчувствовать, что человек есть нечто возвышенное и достойное». Мораль как практическая философия, как изложение системы взглядов о поведении человека в обществе поэтому составляет содержание журнала. Эта особенность «Утреннего света» не является признаком идейной деградации Новикова, а лишь свидетельствует о последовательности его убеждений: он осуществлял сейчас те задачи, которые выдвинул еще в «Живописце». Необходимо помнить при этом, что вся практическая философия просветителей XVIII века в ее общем виде формулировалась в этических учениях.[1] Общественное бытие человека, его отношение к государству, к окружающим людям, к самому себе — все это находило свое выражение в необыкновенно емком понятии — мораль. Именно эту особенность развития философии XVIII века Мабли сформулировал так: «Политика — это общественная мораль, мораль — это частная политика».

1777 год — год начала издания «Утреннего света» — замечательная дата в истории русского просвещения вообще и русской философии прежде всего: начиная с этого года, на протяжении целого десятилетия Новиков в ряде после-

---

[1] Заслуживает внимания свидетельство современника, как в те годы рядовые русские люди воспринимали вопросы морали: «Нравственность,— пишет в своих записках Винский,— или яснее: чем каждый человек обязан обществу и, наоборот, общество человеку,— до того мне были неизвестны, что я их в числе наук до сорока лет моей жизни не считал. Все науки,— пишет Мерсье,— даже и божественная астрономия суть только роскошь ума человеческого, одни мораль и политика ему необходимы».— «Мое время». Записки Г. Винского, стр. 15—16.

довательно издаваемых им журналов будет излагать основы своего этического учения, выступая самостоятельным философом-моралистом и пропагандистом этических учений как древнегреческих мыслителей, так и философов нового времени, прежде всего родоначальника новой опытной науки — Фрэнсиса Бэкона.

К изданию «Утреннего света» Новиков пришел научно и философски подготовленным. Незаурядным, пытливым и острым был природный ум Новикова, поразительной — его неутомимая на протяжении всей жизни жадность к знаниям, любовь к книгам. Много лет провел Новиков в мире книг, взяв на себя высокую обязанность отбора для русского общества трудов по всем родам знаний, роль, в известной мере, руководителя духовного воспитания русских людей последней четверти века. И отбор этот проведен с тактом и умением истинного просветителя, человека большой образованности, широкого круга знаний, глубокой и смелой мысли. Именно об этом свидетельствуют его издания переводов лучших современных писателей Англии, Франции, Германии, новейших книг по истории, экономике, педагогике, философии, географии, медицине и т. д., его ревность к изданию собраний сочинений и отдельных произведений русских авторов, сочинений по русской истории, собрания русских народных песен, исторических документов и т. п.

Страстный книголюб, Новиков и после окончания гимназии неустанно занимался самообразованием. Своими энциклопедическими знаниями он обязан только трудолюбию, своему горячо и остро осознаваемому патриотическому долгу служить отечеству, быть полезным обществу именно в области просвещения. Поэтому уже через семь лет после ухода из университета он обращает на себя внимание своими знаниями и способностями, и его назначают в Комиссию для сочинения нового Уложения; в 1769—1770 годах мы видим его в качестве издателя лучшего, радикальнейшего журнала тех лет — «Трутень», в 1772 году он, продолжая журнальную деятельность сатирика («Живописец»), в то же время выпускает в свет «Опыт исторического словаря о российских писателях», который обнаруживает не только его знакомство с многочисленными сочинениями и рукописями по русской истории, но и пристальный, глубокий интерес к русской истории вообще. Именно в это время, как

он об этом сообщает сам,[1] он начал составлять историю русского театра и просматривать рукописные исторические документы, подготавливая издание «Древней российской вивлиофики» (1773—1775 гг.), пронизанной самостоятельной, глубоко патриотической концепцией национального воспитания русского общества на примерах и образах истории русского народа.

В 1777 году Новикову исполняется 33 года. К этому времени, за первое десятилетие своей литературной работы, он снискал себе в русском обществе уважение, завоевал имя человека самоотверженного и образованного, литератора талантливого, ученого-историка опытного и знающего. Мы имеем десятки свидетельств современников, высоко оценивающих достоинства и качества Новикова как человека, писателя, ученого. Эмин называл его «прямым другом истинного человечества». Алексеев, переводчик «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского, выражая общее для тех лет мнение о Новикове, писал о нем как «о знатном человеке», который, «ревнуя о добрых нравах своих соотчичей», стремится, «открыв глаза, показать ясно их заблуждения».[2] Карамзин именно об этом периоде пишет: «Г. Новиков в самых молодых летах сделался известен публике своим отличным авторским дарованием: без воспитания, без учения писал остроумно, приятно и с целию нравственною».[3]

Новиков посвятил себя целиком делу просвещения, нравственного воспитания русских людей и всегда подчеркивал, что делал он это не ради славы, не ради корыстных соображений, а по чувству гражданина, желающего быть полезным отечеству и согражданам. Поступки патриота не требуют награды; поэтому, делая добро, он предпочитал оставаться в неизвестности.

Знание языков (французского и немецкого), вынесенное из гимназии, позволило ему самостоятельно ориентироваться в философской и социальной литературе того времени, сознательно руководить отбором переводов для своей

---

[1] «Опыт исторического словаря о российских писателях», стр. 65.

[2] В. Семенников. Материалы для истории русской литературы, СПБ., 1914, стр. 74.

[3] Неизданные сочинения и переписка Н. М. Карамзина, ч. I, СПБ., 1862, стр. 223.

типографии и своих журналов. Что знание языков было отличным, свидетельствуют многочисленные документы.

Уже давно, в 1914 году, В. Семенников, на основании собранных им материалов, доказал, что Новиков после 1769 года служил переводчиком иностранной коллегии, что им лично переведено с французского несколько книг, вновь им переизданных впоследствии в своей московской типографии.[1] С своей стороны приведу еще два свидетельства. Допрошенные во время следствия по делу Новикова Трубецкой и Лопухин дали важные показания в этом отношении. Лопухин, отвечая на вопрос, касающийся издания книги «О таинстве креста», сообщил: «Переводил ее Багрянский, а с переводом читали оригинал и исправляли, готовя к печатанию, вместе с переводчиком Кутузов, Тургенев, Новиков и я».[2] По поводу той же книги Трубецкой показывает: «Что ж до перевода ее касается, то помнится, ее переводили двое, с немецкого и французского языков, а именно Кутузов и Багрянский; а потом она была с оригиналами прочитываема Тургеневым, Гамалеем, Новиковым и прочими, кто бывало тут случится».[3]

Эти оба свидетельства существенны в том отношении, что показывают степень знакомства Новикова с иностранными языками: он мог проверить и исправить перевод не только Багрянского, но и Кутузова, который знал языки в совершенстве.

Наконец приведу свидетельство самого Новикова, высказанное им на страницах «Утреннего света»: «При издании сего журнала мы не могли иметь гордости и самолюбия, потому что крайне было бы смешно, если б мы хотели величаться и гордиться переведенными токмо с других языков правилами. Сверх оного, мы весьма удалены как от самолюбия, так и не могли иметь столь глупой мысли, что будто мы одни только достигли нужных к таковому предприятию познаний и разумения языков,— нет, конечно; мы удостоверены, что и другие имеют также познания и разумеют языки, да еще, может быть, и более и лучше, нежели мы».[4] И здесь важно отметить, что Новиков

---

[1] В. Семенников. Цит. соч., стр. 73—75.
[2] М. Лонгинов, стр. 0139.
[3] Там же, стр. 0123.
[4] «Утренний свет», ч. IX, Заключение, стр. 205.

говорит о своем знании языков как о чем-то само собой разумеющемся, хотя под «мы», конечно, надо видеть не одного Новикова, но в числе других членов редакции и его. Ведь если в издании «Утреннего света» и принимали участие несколько писателей, то действительным редактором философского отдела был Новиков. Это он последовательно развивал этическое учение в журнале, строго-принципиально отбирал нужные ему материалы периодики, выходившей на немецком и французском языках. А чтобы отбирать те статьи, которые мы видим в журнале, чтобы найти то, что оказывалось близким по духу, надо было знать языки и самому читать всю выписываемую обильную иностранную литературу.

Установление факта свободного владения Новиковым иностранными языками — не внешняя деталь биографии, а принципиальный момент, имеющий большое значение. В ту эпоху вопрос о практических возможностях образования отчасти был вопросом знания языков. Переводов книг было очень мало. Именно этот недостаток и стремился изжить своей книгоиздательской деятельностью, своими переводами и пропагандой учебников французского и немецкого языков сам Новиков, стараясь сделать доступными широкому кругу русского общества книжные богатства Западной Европы. Радищеву принадлежат слова, сказанные применительно к образованию Ломоносова: «Преддверие учености есть познание языков. . . Познанием чуждого языка становимся мы гражданами тоя области, где он употребляется, собеседуем с жившими за многие тысячи веков, усвояем их понятия; и всех народов и всех веков изобретения и мысли сочетаваем и приводим в единую связь».[1]

VI

Борьба материализма и идеализма в современной Новикову философии находила свое конкретное выражение в борьбе эмпиризма и рационализма. Основы новой опытной материалистической философии, заложенные Бэконом и систематизированные Гоббсом, были развиты дальше Лок-

---

[1] А. Н. Радищев. Избранные сочинения, М.—Л., 1949, стр. 230.

ком, а в последующем французскими энциклопедистами как сенсуалистический материализм. Линия рационализма этого времени представлялась философией Лейбница и многими ее эклектическими последователями типа Вольфа и немецких просветителей. Широкое распространение в эти годы получает этическое учение Шефтсбери, оказавшее влияние на многих деятелей французского и немецкого просвещения — Дидро, Лессинга, Мендельсона. Попыткой эклектического соединения и примирения элементов эмпиризма и рационализма явилась шотландская школа философии «здравого рассудка», представленная прежде всего Томасом Ридом.

Отражение шотландской школы на немецкой почве дало любопытное явление в области просвещения — литературно-философскую деятельность М. Мендельсона.

Новиков был в курсе философской жизни своего времени. Он подходил к разным учениям и философским школам самостоятельно и критически. Мораль французских просветителей с ее острым и смелым подчеркиванием законности наслаждения, понятая Новиковым как безрассудное следование страстям, как принижение разума и возвеличение чувств, была ему чужда. Чувственные удовольствия он всегда ставил ниже духовных, а исполнение добродетели, по Новикову, приносит человеку чисто духовное наслаждение. Механистически понятое «разумное себялюбие» (Гельвеций и Гольбах) отвергалось им; оно не могло быть, по его мнению, положено в основу социальных добродетелей.

По основам своих убеждений Новиков являлся сторонником морализирующей просветительской философии, отстаивая идеал совершенной личности как гармоничное сочетание разума и страсти. Будучи религиозным, он в то же время именно в духе деизма считал бытие бога и бессмертие души необходимыми предпосылками нравственности. Выступая страстным ревнителем просвещения, Новиков стремился сделать истины этического учения известными и доступными широкому кругу людей, требовал от науки практического служения человеку, определяя ее задачу — приносить пользу.

Модная у французских литераторов система Шефтсбери вызывала возражения Новикова. Субъективный критерий морали Шефтсбери, согласно которому важны лишь добрые намерения человека, а не последствия его поступка, глубоко

чужд Новикову. Для него прежде всего важен результат, осуществление доброго намерения, а само добро понимается как общеполезность. Чуждо Новикову и утверждение Шефтсбери о врожденном моральном чувстве, ибо для него добро есть то, что необходимо воспитывать, внушать, «вкоренять» в человека, примерами жизни доказывать важность и полезность «делания» добра.

Эта неудовлетворенность широко распространенным этическим учением эпохи повела Новикова к исканиям, которые столкнули его в конце концов с этикой Бэкона — «первого творца материализма», родоначальника «английского материализма и вообще опытных наук новейшего времени...».[1] Интерес к Бэкону привел Новикова к стремлению пропагандировать его сочинения, для чего он и печатает две его книги: «О мудрости древних» и книгу, включавшую все основные вопросы бэконовской морали, известную в русских переводах под названием «Сокращение Баконовой философии». Кстати, об этих переводах. До сих пор исследователи Новикова отмечали в «Утреннем свете» только одну, на три странички, статью Бэкона «О сцептицизме». В действительности Новиков напечатал пять глав из книги «Сокращение Баконовой философии», причем главы наиболее важные — «О страстях», «О добродетели», «О сцептицизме», «О воображении» и «О перемене человеческих дел».

Особого внимания заслуживает перевод книги «О мудрости древних» — одной из оригинальнейших и остроумных книг Бэкона. В этом сочинении Бэкон вскрывает историческую почву возникновения мифов: «В древние веки изобретения человеческого разума и заключения, теперь всякому известные, а в те времена новые и необыкновенные, все были исполнены всякого рода басен, загадок, притчей и подобий».[2] Современная наука, пишет Бэкон, позволяет вскрыть те реальные силы, которые в сознании древних нашли столь причудливое и фантастическое отражение, как это сохранили нам мифы. После такого вступления дается анализ наиболее распространенных мифов. Так, например, миф о «Тифоне, или бунтующем», в котором рас-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. III, стр. 157.
[2] «Утренний свет», ч. IX, стр. 26.

сказывается, как в результате распри между богами Олимпа Тифон объявляет войну Юпитеру, но оказывается побежденным, Бэкон предлагает толковать как фантастическое отражение восстаний народа против государей.

Выбор Бэкона для Новикова не случаен. Как истый просветитель, он считал, что современная наука более совершенна, чем древняя, что путь исторического развития человечества есть путь прогресса. Этому убеждению противостояла масонская точка зрения, согласно которой истинное знание скрыто от современного человека, современная наука беспомощна, и потому истину следует отыскивать у древних народов в их учениях. Эта идея приводила к мысли о мистическом, таинственном характере мудрости древних. Переводя материалиста Бэкона, вскрывавшего истинный характер этой мудрости, Новиков ополчался против одной из главных масонских доктрин.

Известная книга Паскаля «Мысли», изданная в конце XVII века, объявляла войну господствовавшему в ту эпоху рационализму Декарта. Человек, его достоинства, его обязанности, его чувства и внутренние психические переживания — вот что в центре внимания Паскаля. Глубокий психолог, он вскрывал сущность человеческой природы, заполняя книгу тонкими наблюдениями над поведением человека, над его душевной жизнью, хотя идеалистический характер его мировоззрения и искажал его достижения психолога. Художественные достоинства, яркий, выразительный язык книги помогали усвоению ее философского содержания. В «Утреннем свете» «Мысли» были переведены малоталантливым чиновным литератором де Тейльсом под названием «Мнения Паскаля». Перевод был мало удачен, он лишил книгу всех ее стилистических достоинств.

Кроме этих оригинальных работ мыслителей нового времени, теоретический отдел заполнялся рядом статей, которые в популярной форме знакомили читателя с жизнью и воззрениями древних философов. Журнал, излагая последовательное развитие этических учений, начинает с античной философии, с этики Сократа и ее дальнейшей интерпретации, в духе идеализма — у Платона, в духе сенсуализма — у Аристиппа и, наконец, в духе компромисса этих двух этических учений — у Аристотеля. Наряду с этим журнал стремился познакомить русского читателя с жизнью

и деятельностью таких философов, как Гераклит, Анаксимандр, Анаксагор, Анаксимен, Солон и др.[1] Общеобразовательное значение этих статей — несомненно.

VII

Общественное лицо Новикова в период издания «Утреннего света» проявляется, прежде всего, в его статьях. Журнал издавали и редактировали несколько человек, поэтому общая позиция «Утреннего света» не могла не быть эклектической. До нас не дошло никаких материалов, которые характеризовали бы с ясностью взаимоотношения редакторов. Тем более важно изучение лично Новиковым написанных статей, развивавших его общественно-философские воззрения. Литературных сочинений Новикова в «Утреннем свете» нет. В эти годы его привлекала философия. Философских статей, принадлежащих перу Новикова, в журнале, как мне представляется, шесть: «Предуведомление» («Утренний свет», ч. I), «О достоинстве человека в отношениях к богу и миру» (ч. I), «Рассуждение на новый год» (ч. II), «Истины» (ч. IV), «О добродетели» и «Заключение» (ч. IX). Ряд других статей может быть только с большей или меньшей долей основания приписан Новикову.

Философские воззрения Новикова, изложенные в его статьях, до сих пор не подвергались изучению. Сложилась нелепая и вредная, не имеющая под собой никаких оснований традиция конструировать убеждения Новикова этой поры на основании чужих статей, напечатанных в журнале. Ход рассуждения исследователей, следовавших этим путем, был таков: Новиков состоял в масонской ложе, вместе с ним в масонстве были другие редакторы журнала. Значит,— писали они,— «Утренний свет» — масонский журнал, пропагандировавший масонские воззрения. Отсюда — все, что было напечатано в журнале, должно представлять черты мировоззрения Новикова. Соответственно этому мировоззрение Новикова приобретало мозаичный характер — из девяти частей журнала подбирались цитаты, характер которых зависел от политических и философских воззрений исследователя, и сумма их объявлялась «искомой величи-

[1] Биографии были взяты из «Жизни философов» Диогена Лаэртского.

ной». Идейный облик Новикова не мог при таком подходе не быть эклектическим: он считался и мистиком, и гуманистом, и моралистом, и масоном, и даже «певцом кладбищенства». При этом никогда ни один исследователь не указывал, из какого сочинения брались им цитаты, приписывавшиеся перу Новикова. Если же произвести проверку и установить источник, откуда брались эти многочисленные цитаты, то окажется, что Новикову приписывали мнения Бэкона и Мендельсона, Сократа и Паскаля, Геснера и Юнга, Виланда и десятка других авторов, переводы сочинений которых печатались в журнале. Не привлекались за многолетнее изучение Новикова только те статьи в журнале, которые действительно принадлежали ему.

Итак, совершенно очевидно, что традиционный метод «изучения» Новикова в период «Утреннего света» негоден. Мы знаем точно, что Новиков не был единственным редактором журнала, каким он был в «Трутне» и «Живописце». Журнал печатал в основном переводные сочинения как литературные, так и философские, и убеждения этих авторов ни в коем случае нельзя приписывать Новикову. Можно лишь говорить о причинах выбора Новиковым и другими редакторами того или иного сочинения. Публиковал журнал немало и оригинальных сочинений, принадлежавших Хераскову, Кутузову, Муравьеву и другим авторам, которые, как правило, давались без подписи. Совершенно очевидно, что приписывать Новикову воззрения, излагаемые в этих статьях, нет никаких оснований.

Философские произведения Новикова, напечатанные в «Утреннем свете», объединяет одна тема — выдвижение и обоснование основ такой нравственности, которая бы определяла общественно-активную гражданскую и патриотическую деятельность человека. В современной Новикову философии общества проблема человека была центральной. Дидро, например, писал в Энциклопедии: «Нет иных истинных богатств, кроме человека и земли». Гельвеций пишет специальное сочинение «О человеке», создает «науку о человеке», утверждая, что если «люди узнают себя... приобретут ясное понятие о нравственности — и они станут счастливыми и добродетельными».[1]

---

[1] К. Гельвеций. О человеке, его умственных способностях и его воспитании, М., 1938, стр. 1.

Но не только передовая материалистическая философия создавала «науку о человеке». Всевозможные идеалистические учения, и в частности масонство, также занимались «наукой о человеке». При этом, например, масоны сознательно боролись с передовой философией, формально используя некоторые ее положения, но давая им свое реакционное толкование. Французские материалисты в своей «науке о человеке» говорили о величии человека, о добродетели, о необходимости самопознания как формы нравственного воспитания, о счастье и т. д. О самопознании, о счастье и блаженстве человека беспрестанно твердили и масоны, толкуя эти понятия со своих религиозно-мистических позиций.

Сложность философской позиции Новикова состояла в том, что, не будучи материалистом и не принимая основ морали Гельвеция, Гольбаха и Дидро, он в то же время решительно выступил против масонских теорий, против их проповеди отрешенности от мира, проповеди загробной жизни, против их учения, принижавшего человека, выступил потому, что довольно ясно понимал откровенно реакционный политический смысл таких учений. Идеализм Новикова, его религиозность мешали этой борьбе с масонством. И вместе с тем в конкретно-исторических условиях политической реакции в годы после поражения крестьянской войны, в годы идейного перевооружения дворянства на базе масонства и сентиментализма Новиков первым выступил против этой антиобщественной идеологии, выступил, сам находясь «на распутье», бесконечно далекий от революционного мировоззрения. Больше того, в противовес реакционным теориям он развил свое этическое учение, в основе которого лежала проповедь природного равенства духовных способностей всех людей, вне их сословной принадлежности. Идея величия человека, по Новикову, вытекала из великих его обязанностей перед обществом и отечеством. Такое учение звало человека к активной общественно-полезной и патриотической деятельности.

Новиков не был философом-догматиком. Моральная философия привлекала его прежде всего в силу своего практического значения: она была полезна и нужна человеку, научала его добродетели, просвещала его ум. Он не создавал никаких систем. Основные положения его этики изложены в ряде его статей, написанных в опровержение книг,

в изобилии распространявшихся в те годы в России, и прежде всего переводных книг, которые несли русским дворянам-масонам «откровения». В этот период (вторая половина 70-х годов) в России еще не было розенкрейцерства, не было и книг архимистического, заумного содержания. Вот почему, в частности, Новиков ополчился в своих статьях против самых идеологических основ антиобщественной «философии» масонства, против «истин», проповедовавшихся, например, в книге Иоанна Масона «Познание самого себя». Сочинение это — образчик масонских «бредоумствований», наносивших огромный вред своей проповедью поповщины и реакционно-охранительной идеологии. Книга Масона была популярна в кругу Хераскова, Муравьева, Ивана Тургенева. Последний даже перевел ее на русский язык.

Социальный смысл масонских «откровений» состоял в проповеди незыблемости существующего сословного общества, в принижении человека, в утверждении морали покорности, смирения, довольства существующим правопорядком здесь, на земле, морали, учившей человека приуготовлять себя путем самопознания через откровение к будущей вечной жизни, которая вся будет «блаженство».

Главное в самопознании у масонов — рассмотрение человека в его отношении к богу. Отсюда специальная постановка вопроса — «о различных отношениях, в которых мы находимся в рассуждении бога, Христа спасителя и нам подобных творений».[1] Это «самопознание» унижает человеческую природу, имеет целью доказать всю ничтожность человека, всю его греховность, из чего и должен был следовать вывод о смирении и покорности человека на земле, ибо только «смиренная гордыня» обеспечит ему в будущем право «на вкушение блаженства». Люди,— учит Масон,— «творение бога и подданные царства его». Отсюда вытекали обязанности человека — «повиноваться, яко послушные рабы». Из отношений человека ко Христу вытекало тоже рабское послушание: «мы, яко христиане, рабы Христовы; и все должности, коими рабы своим господам обязаны, должны и мы в высочайшей степени исполнять» (44). Познав необходимость рабского послушания

---

[1] Иоанн Масон. Познание самого себя, ч. I, М., 1783, стр. 30.

богу, человек и в отношении ко всем остальным людям также выступает как послушный раб. «Человек, познающий сам себя, будет уважать и соблюдать тот чин и состояние, в котором угодно было провидению его поставить» (53). «Не от нас то зависит, какую ролю играть нам, не от нас, но от бога» (55). Как видим, это уже ничем не прикрытое стремление отстоять и сохранить незыблемость сословного правопорядка. Вот против этой-то, с позволения сказать, «философии» рабовладельцев и выступит просветитель Новиков. Он открыто заявит, что решительно возражает против бытующих и популяризируемых в России учений, принижающих человека.

Новиков писал: «Много было нравоучителей, да еще и ныне находятся между человеками пресмыкающиеся духи, которые человеческую природу столь страшно унижают, что, если бы возможно было им поверить, надлежало бы стыдиться быть человеком. Иные думают, что божественное смиренномудрие требует, дабы о человечестве иметь толь низкие понятия; и потому почитают за должность свою презрительнейшими и гнуснейшими образованиями учинить человеческую природу мерзостною и ненавистною. Но человек, себя за ничто почитающий, не может и к другим иметь никакого почтения и в обоих сих случаях являет низкость мыслей».[1]

Антицерковная и антимасонская направленность этого высказывания Новикова очевидна. В той же статье Новиков открыто заявлял о своей цели «высокое достоинство человеческое представить понятным». Итак, вместо реакционного принижения человека Новиков провозглашает философию величия человека. Человек — «истинное средоточие сей сотворенной земли и всех вещей». Он есть нечто «важное и достойное».[2] «В природе человеческой находится много такого, что внушает в нас истинное к нему почитание и искреннюю любовь. Бессмертный дух, дарованный человеку, его разумная душа, его тело, с несравненнейшим искусством сооруженное к царственному зданию, и его различные силы суть такие вещи, которые безмерно важны».[3]

---

[1] «Утренний свет», ч. I, стр. 287.
[2] Там же, стр. XI—XII.
[3] Там же, стр. 285.

Человек — «владыка мира»; чтобы понять его величие, необходимо рассмотреть его место в природе и обществе. «Человек со всеми дарованиями, находящимися в нем, тогда только является в полном сиянии, когда взираем мы на него яко на часть бесконечныя цепи действительно существующих веществ».[1] Так опять вместо религиозно-масонского идеала — «человек раб божий», Новиков развивает учение о величии человеческой природы.

Проповеди неравенства и сословности Новиков противопоставляет идею равенства. «Богатство и знатность рода не точно проистекают из человеческия природы».[2] «Высокомерие богача или дворянина есть смешная гордость». Равенство людей Новиков мотивирует их природой, их высоким положением в мире, их возможностью мир себе представлять и об оном размышлять и рассуждать. Новиков никогда не говорит о «чине и должности», разделяющих людей. В центре его философии Человек с большой буквы. Именно отсюда проистекает рассуждение, что людей можно «почитать за властителей». «И потому в с я к и й человек может некоторым образом сказать сам в себе: в е с ь м и р м н е п р и н а д л е ж и т».[3]

Новиков отлично понимает, что в реальной действительности дело обстоит иначе, что в крепостной России равенства нет, и нет, прежде всего, потому, что торжествует сословный строй, существуют дворяне, не желающие этого равенства. «Правда,— пишет Новиков,— есть много и таких людей, которые, ослепляясь тщетною гордынею, думают о себе очень много».[4] Именно поэтому для Новикова дворянин, богатый, ослепленный своей сословностью, не есть «истинный человек». «Но мы постараемся доказать, что таковый высокомерный горделивец ни истинныя своея цены, ни высокого достоинства человеческого отнюдь не знает и превозносится тем, что к человеческой природе или не точно принадлежит, или составляет малейшую частицу его совершенств».[5] Более того, люди, «кои сами свое высокое человеческое достояние ногами попирают. . . которые противятся врожденным благородным побуждениям. . . такие люди,

---

[1] «Утренний свет», ч. I, стр. 286.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 295.
[4] Там же, стр. 286.
[5] Там же.

конечно, заслуживают, чтоб мы их за диких в человеческом только образе скитающихся зверей почитали и к чести человечества строжее с ними поступали, нежели наша склонность ко кротости нам повелевает».[1] Нетрудно заметить, что в данном случае утверждается на философском языке то, что составляло пафос литературно-сатирической деятельности Новикова в «Трутне» и «Живописце». Дворян — Безрассуда, Трифона Панкратьевича и Григория Сидоровича Новиков разоблачал именно за то, что они в своем помещичьем тиранстве утратили все человеческие черты.

Новиков твердо знает, что эти «нечеловеки» — помещики-тираны, дворяне-чиновники — приносят неисчислимые бедствия и страдания многим тысячам «единоземцев». «Находятся ли такие люди,— спрашивает Новиков,— которые полагают свое удовольствие в злости и которые вкушают особливую радость видеть печали и несчастия других людей?» И тут же гневно отвечает — да, такие люди есть, но они ничтожества, «насекомые». «Или не подобны ли они тем насекомым, которые прилепляются к чирью?» [2]

Последнее признание знаменательно тем, что оно передает слабость политической позиции Новикова, объясняемую трагической для него далекостью и от народа и от революционного мировоззрения. Понимая, что реальная жизнь миллионов единоземцев-хлебопашцев находится в руках таких помещиков, которые, будучи подобны «насекомым», правлением своим порождают «печали и несчастия других людей», Новиков «по кротости своей натуры» все переводит в план моральный и единственную надежду возлагает на просвещение «человеков».

В развитии своих этических положений, имевших целью «высокое достоинство человеческое представить», Новиков иногда сознательно прибегал в полемических целях к терминологии и построениям масонов. Так, центральным моментом масонского учения, как уже говорилось выше, было изучение вопроса «о различных отношениях, в которых мы находимся в рассуждении бога, Христа и нам подобных творений». И вот Новиков нарочито пишет статью со сходным названием, но дающую полярно противоположное решение вопроса. Несомненно, заглавие прямо и открыто

---

[1] «Утренний свет», ч. I, стр. XV.
[2] Там же, ч. IX, стр. 345.

полемично: «О достоинстве человека в отношениях к богу и миру». Религиозность Новикова проявлялась в признании бога-творца, «мудрого строителя». Поэтому он использует религиозно-масонское положение — бог сотворил человека — для выводов, подтверждающих его просветительскую философию, открыто направленную против масонства и церкви.

Человека сотворил бог,— убеждают церковь и масоны,— поэтому он раб божий, послушная его воле «ничтожная тварь», довольная своим земным рабским существованием, ибо не человек, а бог определяет, «какую ролю должно ему играть». Новиков начинает свое построение с похожего тезиса — «бог сотворил человека». Но это для Новикова есть важнейший довод и основание для признания величия человека. «Очевидно, что бог нас сотворил и содержит для того, дабы нами свое величество, силу, славу и премудрость вселенной предъявити. Мы дело рук его; а дело превозносит творителя своего».[1] Так, оказывается, из отношения человека к богу проступает, с одной стороны, величие человека, а с другой, только через человека постигается величие самого бога. В эпоху торжества сословности, унижения человеческой природы Новиков смело утверждает: самопознание нужно людям для того, что оно позволяет им осознавать себя «как владык мира; как божества, для коих солнце сияет, звезды блистают; которым звери служат; для которых растения зеленеют, процветают и плоды приносят».[2]

Несомненно, при всем идеализме этого учения Новикова оно было антицерковно и враждебно масонству, и в этом, прежде всего, его общественное значение. Вместо унижения он возвеличивает человека, объявляя его «владыкой мира», более того — «божеством». Просветительская вера в человека, признание его внесословной ценности составляет существо новиковского философского учения. Облечено же оно в форму этической теории, выражаемой часто фразеологией, заимствованной из арсенала абстрактно-христианской религиозности. Что это так, видно из дальнейшего развития новиковской «науки о человеке». Ее подлинный политический смысл со всей силой развертывается в его учении «о человеке как цели и человеке как средстве».

---

[1] «Утренний свет», ч. I, стр. 291—292.
[2] Там же, стр. 293.

Новиков пишет: «Всякая вещь в мире есть цель всех других и средство ко всем другим».[1] Все новиковские доказательства величия человека, его места в мире как «владыки», как «части бесконечныя цепи действительно существующих веществ», его «божественности» и составляет первую часть формулы — «человек как цель». Таким образом, величие, «достоинство», «божественность» даны человеку от рождения. Но этого, учит Новиков, еще недостаточно. Свое величие человек еще должен осуществить, проявить и, главное, утвердить в своей жизни. Получив от рождения «величие», человек может легко утратить его, превратиться в «ничтожество», в «насекомое», в «нечеловека». Так оказывается, что действительное достоинство человека зависит не от бога, а от самого человека, и прежде всего от его общественно-полезной деятельности, которая одна в состоянии сделать «истинного человека». Учение об этой деятельности и составляет идейный смысл второй части новиковской формулы — «человек как средство». «Если бы люди были токмо единою целию всех вещей сего мира, а притом не были б средством оных, то были бы они подобны шмелям, которые у трудолюбивых пчел поядают мед, а сами оного не делают. Тщетная честь! бедное достоинство, которое людей ровняло б со свиниями, проядающими все время жизни своея и в сластолюбии валяющимися во грязи и которые уже после смерти становятся средством».[2] Во всей этой гневной тираде ясно слышен голос издателя «Трутня», сделавшего эпиграфом своего журнала строки о трудолюбивых пчелах и трутнях («они работают, а вы их труд ядите»), которые раскрывали существо социальных взаимоотношений между помещиками и крестьянами.

Итак, свое величие человек должен утвердить при своей жизни в общественной деятельности. «Истинные человеки не должны тако проводити жизнь», они обязаны «отечеству служить и быть полезными».[3] «Какое величие! какое достоинство! какое превосходство! Всякий, в государстве ли, в земле ли какой или во граде живущий человек, почитая себя средством, долженствует своему отечеству и каждому своему сочеловеку служить и быть полезен».[4] Та-

[1] «Утренний свет», ч. I, стр. 293.
[2] Там же, стр. 295.
[3] Там же, стр. 296.
[4] Там же, стр. 295—296.

ков новиковский идеал человека-гражданина, достоинство свое утверждающего служением отечеству и своим согражданам,— «истинный патриот и прямой человек». В связи с этим высказывается Новиковым наивная, но светлая просветительская мечта о торжестве истинно человеческих отношений в его дорогом отечестве, когда уничтожится сословность, исчезнет рабство, когда все люди, поняв смысл «науки о человеке», станут свое истинное величие осуществлять в деятельности на благо родины и всех сограждан. «Здесь да вообразит себе каждый из человеков, которые по достоинству человеческому живут, как цари мира, себя средством почитают, окрест себя только единое устрояют благо, во всех частях себя до совершенства довести стараются и всякое благодеяние чинят не из какого другого намерения, как только из единого удовольствия творить добро».[1] «Какое благородное упражнение, какое гармоническое велелепие, какая искренняя любовь, верность, честность и справедливость в таковых местах будут встречаться на улицах! И когда единое сие воображение вливает уже во все наши жилы сладчайшее чувствие удовольствия, то что ж бы было, если бы сие в самом деле исполнялось? если бы всякий человек по величию своего достоинства поступал?» [2]

Вряд ли надо доказывать, что все это учение Новикова «о человеке как средстве» глубоко и органично враждебно и дворянско-сословной и церковно-масонской морали. Новиков ставит своей задачей воспитывать в человеке чувство достоинства, патриотизма, ненависть к унижающим его сословным привилегиям, желание осуществить свое истинное величие в общественно-полезной деятельности.

Масоны проповедовали мораль, предмет или цель которой «есть господствование над самим собою и наслаждение самим же собою».[3] Смысл человеческого существования, внушали масоны, в отречении от житейских интересов и в подготовке себя к смерти. «Куда стремятся все наши намерения? К сему ли миру, в котором мы живем, или к тому, в который мы переходим? Если надежде и радости нашей положен пределом сей только мир, так мучительна мысль, что мы ежедневно уда-

---

[1] «Утренний свет», ч. I, стр. 297.
[2] Там же, стр. 296.
[3] Иоанн Масон, ч. I, стр. 13.

ляемся от нашего блаженства. Если надежда и веселие наше направлены к высшему, так с удовольствием представляем мы себе, что ежедневно приближаемся мы к предмету высочайшего нашего желания».[1] И далее еще определеннее: «Познание самого себя есть наилучшее приготовление к смерти».[2]

В связи с идеалом человека стоит и новиковское учение о добродетели. Добродетель, по Новикову, должна помогать человеку «свое истинное величие утверждать». Добродетель, учит Новиков, не есть собрание утилитарных правил, какими, например, были «правила» Франклина, модные в эти годы,— типичные добродетели буржуа, помогающие ему осознавать себя как собственника (об этом подробнее ниже). Добродетель, учит Новиков, не достигается и пользой. Ему претит этот приобретательский дух морали, а именно дух собственника пронизывал этику энциклопедистов. О теории пользы, как основе морали французских материалистов, Маркс писал: «. . .теория Гольбаха есть исторически правомерная философская иллюзия насчет поднимавшейся тогда во Франции буржуазии, чью жажду эксплоатации еще можно было изображать как жажду полного развития личностей в общении, освобожденном от старых феодальных уз».[3]

Не понимая исторической прогрессивности этой морали, Новиков ее отвергал. Он искал иных обоснований поведению человека. «Добродетельная душа не для того делает добро, чтоб после воспользоваться, но для того, что только счастие созидать привыкла».[4] Новикову чужд эгоизм, он учит понимать добро и находить пути к его исполнению. Именно этим определяется роль нравоучения. «Сия наука есть не тщетная теория, не пустая схоластическая наука, не в спорах состоящее учение, которое, к сожалению, вкравшись в систему толь простого, толь кроткого и толь святого закона, обезобразило оную; нравоучение есть не слабая пища памяти, не такая наука, которая служит людям показанием их перед другими в разговорах или книгах, нет, оно есть практическое наставление».[5]

---

[1] Иоанн Масон, ч. I, стр. 179.
[2] Там же, ч. II, стр. 49.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. IV, стр. 397.
[4] «Утренний свет», ч. IV, стр. 186.
[5] Там же, ч. IX, Заключение, стр. 211.

Эта наука, просвещая разум, открывает пути следования добродетели. Она дает чувствовать силу удовольствия, счастье от совершенного добра. Она «есть не один токмо свет, освещающий разум, но пламя, воспаляющее и оживляющее человеческое сердце: сия приятная теплота подобно божественному огню согревает добрые природные склонности, оживляет оные, питает совесть, умерщвляет страсти и преклоняет волю. Желание делать добро тем более в нас умножается, чем более знаем и чувствуем силу побудительных к тому причин и изящность добродетели: от чего происходит неизвестное некоторое внутреннее удовольствие, первый плод, первое воздаяние добродетели».[1] Новиков учит: делая добро, человек должен знать, что получит от этого «внутреннее удовольствие»; отсюда «добродетельный в искусстве, в разных знаниях человек не может быть несчастлив».[2] Счастье, по Новикову,— это чувство достоинства человека. Но только тот «пребудет на высочайшей степени достоинства человеческого», кто, совершенствуя себя и просвещая разум, будет упражняться в делании общего добра, в оказании услуг «возлюбленному отечеству» и «дражайшим согражданам».

Главное в «доброделании»,— говорит Новиков,— «благожелательство» и «гостеприимство». Главное потому, что они уводят человека из уединения, отвлекают от масонских упражнений, настраивают против философии сентиментализма, помогают порвать с эгоизмом, выводят на широкий открытый путь «общежития», «привязывают к целой вселенной чрез узы человечества». Без этих свойств «человек есть тварь беспокойная, бедная, неполезная как земле, так и самому себе».[3] Нет никакого сомнения, что это учение о добродетели противостояло не только масонским «бредоумствованиям», но и настойчивым проповедям «уединения», как единственно великой цели человеческого существования, высказанным в сочинениях Паскаля, Юнга, Виланда, напечатанных в «Утреннем свете» по воле Хераскова и Кутузова.

Новиковский человек, осознающий свое величие, от рождения достигает своего достоинства, своей «божественности» здесь, на земле, в общежитии, в гражданской

---

[1] «Утренний свет», ч. IX, Заключение, стр. 209.
[2] Там же, ч. II, стр. 9.
[3] Там же, ч. IX, стр. 344—345.

патриотической общественно-политической деятельности. Белинский, говоря о «положительном герое», «о хороших людях на Руси», указывал, что всегда «в них человеческое в прямом противоречии с тою общественною средою, в которой они живут».[1] Смысл новиковской проповеди в «высвобождении» этой «человечности». «Хороший человек на Руси,— пишет далее Белинский,— может быть иногда героем добра в полном смысле слова».[2] Лучшей характеристики новиковского идеала человека нельзя дать. Он весь враждебен дворянско-масонским представлениям о человеке, и в этом его сила. В то же время он далек от радищевского учения о человеке-революционере, и в этом его слабость. Новиковский человек — это действительно «герой добра», каким был, например, сам Новиков.

Условия реакции наложили свой отпечаток на высказанные Новиковым «истины». Но действуя осторожно и робко, он все же, говоря о деятельности, совершенно определенно давал понимать, что речь идет именно о деятельности общественно-политической. В этом отношении характерно такое его суждение в сочинении «Истины»: «Соболезновать о том, что истина и правосудие изгнаны из света, а не стараться возвратить их, значит то же, чтобы, поджав руки, кричать на пожар».[3] Это, собственно, первое осуждение политического режима после разгрома пугачевского восстания. Это прямой выпад против пассивности дворянской интеллигенции, отказавшейся от общественной деятельности и бежавшей в масонство. Сам Новиков не сидел сложа руки, он звал «на пожар», страстно желая, чтоб «истина» и «правосудие» воцарились в отечестве. Но делал это как просветитель, веруя в просвещение, в печатное слово, в возможность мирным путем решить великие социальные вопросы. Это была его беда. Одновременно с ним действовал в литературе и общественной жизни Фонвизин, которого дворянский страх перед революцией загнал в страшный, безвыходный идейный тупик политической концепции просвещенного абсолютизма. Это было тоже бедой талантливейшего и смелого сатирика, при своей жизни убедившегося в крахе своих надежд на возможность прихода просвещенного государя. Только Радищев, первый русский революционер, разрешил

---

[1] В. Белинский. Письма, т. III, СПБ., 1914, стр. 321.
[2] Там же.
[3] «Утренний свет», ч. IV, стр. 186.

идейный кризис русского просвещения, указав на ясный и единственно правильный путь — народную революцию. Поэтому только Радищев смог создать подлинно гуманную новую нравственность, в центре которой был тоже человек-деятель, только деятельность эта была особого рода — борьба, революционное обновление отечества. Поэтому положительный герой Радищева не «герой добра», а «прорицатель вольности», революционер, «мститель», «истинный сын отечества».

Как истый просветитель Новиков утверждал, что помочь его единоземцам стать «истинными патриотами и прямыми человеками» могут только знание, наука и просвещение. Это также противостояло масонским учениям. Последние утверждали: «Откровение научает нас познанию самих себя».[1] «То откровение, в коем благоугодно было богу открыть людям волю свою, было к тому наиболее определено, чтоб сделать нас способными к будущему блаженству и приготовить нам пути к нему».[2] Поэтому науки, человеческое знание предаются проклятию. Единственной книгой, открывающей «свет мудрости», объявляется евангелие. «Мы должны мысли наши о законных вещах единственно почерпать только из евангелия и никак не обращаться к человеческим заключениям, кои столько же слабы и обманчивы, сколько мы сами. Не называйте никого учителем на свете».[3] Отсюда только «теплая и твердая молитва есть сильнейшее средство к достижению истинного о самом себе познания».[4] Совершенно очевидно, что эта реакционная проповедь полностью соответствовала политике и намерениям самодержавной императрицы Екатерины II. Так бежавшие в масоны дворяне вели энергичную идеологическую работу по укреплению существующего рабовладельческого строя, боролись с просвещением, наукой, знанием.

Тем большее значение приобретают выступления Новикова, который именно в это время, в эти глухие годы реакции, отстаивал идеологию просвещения, неустанно внушая веру в человеческое знание, в науку, утверждая, что только они помогут человеку, только они откроют дорогу

---

[1] Иоанн Масон, ч. I, стр. 8.
[2] Там же, стр. 28.
[3] Там же, стр. 42.
[4] Там же, ч. III, стр. 80.

к «блаженству» здесь, на земле. Свою огромную практическую работу по пропаганде в России книг, нужных и полезных человеку, по истории и медицине, по агрономии и физике, по литературе и грамматике, по философии и политике, Новиков подкреплял теоретически. Новиков доказывал, что силу человека составляет знание, ибо только оно, «просвещая разум, образует оный к мудрости, очищая сердце, готовит оное к добродетели». Отсюда главная цель человечества — совершенствоваться, делаться из года в год «лучшими человеками». «Человек может неоспоримо сделаться лучшим, когда в знаниях большее приобретет искусство».[1] Науке и искусству отводится Новиковым высокая роль — они подготавливают человека к исполнению добродетели. «Все пространное поле наук и художеств преобратилось бы в пустое, бесплодное и сведения недостойное мечтание, ежели б оные не стремились к исправлению человеческого сердца, ко споспешествованию человеческому благополучию и к расширению души и сил ее».

Новиковское сочинение «Истины» настойчиво утверждает мысль, что единственным «кормчим» является разум, поэтому от просвещения его зависит судьба человека — он может стать или «истинным патриотом и прямым человеком», или «нечеловеком». «Страсти суть ветры, помощию коих плавает корабль наш, который своим кормчим имеет рассудок, правящий разумом. Когда же нет ветру, то корабль плыть не может; а когда кормчий неискусен, то корабль погибает».[2] Поэтому учиться, приобретать знание прямая «должность» человека. «Желать учиться, а имея к тому способы, упускать оное, походит на то, ежели б кто, сидя в темноте, велел подать свечу; а когда принесли оную, то бы в темное удалился место».[3] Намек здесь несомненен: это масоны, говоря об учении, отказывались от света и, проповедуя «божественное откровение», «удалялись в темные места».

«Многие говорят,— пишет Новиков,— что никогда не пьют вина или кофе; а есть и такие, кои с холодным духом и без всякого зазрения говорят: я никогда не читаю; так для чего же не говорить им и того: я безумец,

---

[1] «Утренний свет», ч. II, стр. 7.
[2] Там же, ч. IV, стр. 184.
[3] Там же, стр. 186.

я никогда не рассуждаю?»[1] Это Безрассуды, Трифоны Панкратьевичи, Простаковы, Скотинины, это дворянские интеллигенты, бросившиеся в масонство, «без всякого зазрения говорят: я никогда не читаю» ничего, кроме евангелия. Это им в лицо бросил Новиков гневные свои слова: «безумцы», «твари бесполезные», «насекомые, прилепившиеся к чирью», «нечеловеки», отказавшиеся от высшего дара человека «рассуждать» и «мир себе представлять».

VIII

Следует, наконец, остановиться и еще на одном вопросе новиковской этики, на его учении о бессмертии.

Существенным вопросом философии XVIII столетия был вопрос о предпосылках нравственности. Одним мораль представлялась абсолютной, врожденной. Для других она была основана на интересе. В России в 70-х годах одним из первых стал разрабатывать проблемы морали Новиков, выступая с теорией общей пользы. В то же время он считал необходимым дополнить свою этическую концепцию учением о бессмертии души. О бессмертии Новиков многократно говорит в своих статьях, о бессмертии говорится во многих произведениях его журнала «Утренний свет». Этому вопросу, в частности, посвящен и специальный трактат «Федон, или о бессмертии души». Кстати, о нем: многие исследователи почему-то упорно считают, что трактат этот принадлежит Платону. Действительно, у Платона есть «Федон, или разговоры о бессмертии души», но ближайшее же знакомство с произведением, напечатанным в «Утреннем свете», позволяет убедиться, что это не платоновский трактат, а сочинение, принадлежащее немецкому просветителю Мендельсону.

В «Федоне» Платона личное бессмертие доказывается на основе известного его учения об идеях, в «Федоне» Мендельсона доказательства опираются на положения новой философии. Главные доказательства Мендельсона чрезвычайно наивны, они обращены не столько к разуму, сколько к чувству: «Тело не уничтожается (после смерти оно меняет лишь форму своего бытия.— *Г. М.*), может ли душа, как существо простейшее, совершенно погибнуть!» —

[1] «Утренний свет», ч. IV, стр. 187.

восклицает Мендельсон и тут же дает ответ, что, мол, нет, не может.

Но важнее этого наивного аргумента в пользу бессмертия весь остальной материал трактата. В своей книге Мендельсон излагает и закон непрерывности и закон сохранения силы, действующий в природе, знакомит с философией опыта Локка. Вот образчик рассуждений Мендельсона, типичного популяризатора достижений философов, безразлично, к эмпиризму или рационализму относящихся, лишь бы они соответствовали «здравому смыслу». «При разрушении тела ничто не пропадает; распавшиеся части продолжают существовать, действовать, страдать, составляться и разделяться до того времени, как чрез бесконечные переходы превратятся они в части другого составленного тела. Иное будет пылью, иное сыростью, одно подымется в воздух, другое входит в произрастение, а из произрастения входит в животное, оставя ж зверя, служит пищею червяку».[1] И дальше: «Не сходно ли сие с опытами?» «Опыт нас научает», «не чрез опыты ли мы знаем, что мы в здешней жизни без впечатлений на чувствы наши не можем мыслить?»[2] Несомненно, это восходит к локковскому утверждению, что основу наших знаний составляют простые идеи, происходящие из опыта. Перевод Мендельсона интересен именно тем, что он давал русскому читателю возможность знакомиться с основными положениями философской мысли века, легко, просто и красноречиво изложенными писателем-моралистом.[3]

---

[1] «Утренний свет», ч. I, стр. 132.

[2] Там же, стр. 139—140.

[3] Когда через 75 лет появился в России новый перевод мендельсоновского «Федона», Чернышевский приветствовал это издание. «Мы радуемся успеху Федона,— писал Чернышевский,— не потому, чтобы он мог считаться в наше время основательным трактатом о бессмертии души, а потому, что знакомство с сочинениями людей таких чистых и благородных душою, возвышенных по уму и образу мыслей, как Мендельсон, приносит несомненную пользу читателям, хотя бы эти сочинения уже устарели». Дальше Чернышевский подчеркивал, что мендельсоновский «Федон» «неспособен вполне убедить человека», но что он считает «эту книгу полезною и прекрасною по духу благородства и кротости, которым пропитана она, как и все, что писал Мендельсон, один из лучших и благороднейших людей своего времени... Мендельсон был другом и сподвижником великого и благородного Лессинга. Этого уже довольно для того, чтобы обеспечить ему наше уважение».— Н. Г. Чернышевский. Сочинения, т. I, стр. 13.

Мендельсоновский трактат был единственным в журнале произведением, в котором вопрос о бессмертии ставился теоретически. Но решить его Мендельсон не был, конечно, в состоянии. Доводы Мендельсона были обращены к сердцу, а не к рассудку, и разум оставался равнодушным к этим красноречивым увещаниям идеалиста. К разуму пытался обращаться сам Новиков в своих статьях, пропагандировавших идею бессмертия.

В своем «отчете публике» «Чего ради предпринял явиться перед ней», говоря о том, что составило главное содержание «Утреннего света», Новиков так охарактеризовал главные «материи» журнала: «Представление великой пользы, происходящей от нравоучения и чувствования бессмертия души».

Чем вызван этот интерес Новикова к бессмертию души? Больше того: почему, начиная с «Утреннего света», эта проблема станет в центре идейно-философской жизни русского общества в 80-е годы? Наконец, отчего Радищев, начиная с «Дневника одной недели», будет беспрестанно возвращаться к этому вопросу, а сразу же по прибытии в илимскую ссылку приступит к написанию специального трактата на данную тему?

Ответ на этот вопрос следует искать в особенностях русского общественного движения этого периода. Перед русским просвещением ходом истории была поставлена задача создания такой нравственности, которая помогала бы практическому воспитанию русских людей в духе ненависти к деспотизму, самодержавству, рабовладению, помещичьему своекорыстию и социальному паразитизму. Такова была общая задача, но решалась она у различных деятелей просвещения с различных политических позиций. Новиков воспитывал «человеков», патриотов, людей, одушевленных идеей гражданских добродетелей, бескорыстного служения своим согражданам. Радищев воспитывал революционеров. В этом смысл «Жития Ушакова», такова идейная основа «Путешествия из Петербурга в Москву», об этом он прямо и открыто писал в своем посвящении «Путешествия» Кутузову. Таким образом, если различны были цели воспитания, то общей у русского просвещения была задача создания такой этической теории, которая, идейно воспитывая человека, научала бы его вмешиваться в жизнь, видеть истинное счастье в общеполезной деятельности, «взирать

прямо на окружающие предметы» и в конечном счете повышала бы его общественную активность.

Создание новой этики означало объявление войны господствовавшей религиозно-христианской морали. В основе религии, как известно, лежат два догмата — признание бытия бога-миротворителя и бессмертия души. Эта религиозная мораль с помощью церкви была подчинена интересам господствовавшего дворянского класса и монархии. При этом именно догмат о бессмертии души оказывался могучим оружием в руках власти, при помощи которого народы держались в повиновении. Он духовно разоружал народ, одурачивал, приучал к покорности, к пренебрежению интересами земной жизни.

Идеология просвещения, борясь с феодально-религиозными догматами и системами, державшими в рабстве миллионы людей, повела штурм реакционной доктрины бессмертия души как загробной жизни. Вот почему проблема бессмертия разрабатывалась Гольбахом и Гельвецием, Руссо и Вольтером. При этом важно помнить, что, штурмуя и ниспровергая религиозную проповедь бессмертия души, французские просветители стремились идею о бессмертии переосмыслить и в новом виде внести в свое учение о нравственности. Старая идея бессмертия наполнялась у них новым содержанием: вместо покорности на земле во имя блаженства в загробной жизни — активная, деятельная, направленная на общее благо жизнь на земле, составляющая счастье человека и обеспечивающая ему бессмертие в потомстве. Итак, бессмертие как побудительный стимул нравственности осталось, но появилось новое определение смысла бессмертия: не загробная жизнь, а память потомства.

В России с развернутым учением о бессмертии как двигателе новой нравственности первым выступил Новиков. Это учение было направлено против официальной религиозной доктрины — в этом глубоко общественный характер разработки проблемы бессмертия, нашедшей свое место на страницах «Утреннего света» и «Московского издания».

Для Новикова учение о бессмертии органически связано с его нравоучением. Существо же нравоучения составляла идея величия человека, идея внесословной его ценно-

сти. Поэтому «уверение о великости нашего существа и о великости того, что определено для нас в будущей жизни, естественно побуждает нас ко простиранию проницания нашего в будущее и заставляет нас пещися о том, что после нас последует».[1]

«Чувствование, что душа наша бессмертна,— писал Новиков,— есть надежнейшее правило всех наших благородных, великих и человеческому обществу полезных деяний, без которого правила все человеческие дела были бы малы, низки и подлы. Сие уверение истребляет порок, возвышает и питает добродетель в самых опаснейших обстоятельствах».

В христианстве и в религии вообще бессмертие души понимается как загробное существование. Новиков, деист по своим воззрениям, признающий идею бога-творца, тщательно обходит вопрос о загробном существовании, когда говорит о бессмертии души. Нигде в его сочинениях мы не встретим этого мотива. Лишь иногда он позволяет себе упомянуть крайне неопределенный термин «небесное блаженство», зато совершенно отчетливо и настойчиво говорит о бессмертии не души, а имени, бессмертии в потомстве. «Сие уверение (в бессмертии.— *Г. М.*) производит то, что мы стараемся делать вечным имя наше и память и что мы не равнодушны во мнении об нас позднейшего потомства».[2]

Это неприятие бессмертия как загробного существования и признание лишь бессмертия имени, достигаемого общественной, гражданской деятельностью на земле, выражено и в новиковских «Истинах»: «Человек умирает, предают его земле. Возлагают по нем печальную одежду на некоторое время; но сколь скоро оно минует, то и память его исчезает. Токмо единые благотворители человечества из мыслей наших не удаляются».[3]

Бессмертие нужно Новикову для того, чтобы повысить общественную активность человека, воспитать в нем убеждение, что только в деятельной жизни на благо общества, в «делании добра» люди становятся «человеками», постигают свое «величество», обретают счастье: «Удостоверенный человек о вечной жизни и совершенном блаженстве, яко

---

[1] «Утренний свет», ч. IX, Заключение, стр. 214.
[2] Там же, стр. 215.
[3] Там же, ч. IV, стр. 185.

о наградах за добродетель, в состоянии произвесть великие дела».[1] Новиков понимает, что теоретически доказать бессмертие разуму, принимающему истины, полученные только из опыта, невозможно. Но, по его мнению, возможно заставить человека поверить в бессмертие, обратя его внимание на практическую сторону вопроса. Новиков поэтому каждый раз, прежде чем приступить к изложению идеи бессмертия, считает необходимым предупредить читателя, напомнить ему об особенности своей трактовки: «Осмелимся читателям нашим представить пользу, проистекающую от уверения о бессмертии души». Именно во имя благотворной пользы, приносимой уверением в «бессмертии души», настаивает он на этом учении.

Таким образом пропагандировавшаяся «Утренним светом» идея бессмертия полностью сведена к практическим задачам. Новиков явно идет на сделку с разумом. Он доказывает, какие практические результаты в распространении нравственности, в воспитании общества в духе общественной добродетели принесет «уверение» в личном бессмертии, вера в возможность сделать вечным свое имя в потомстве благородными и человеческому обществу полезными делами. Так, сняв вопрос о возможности теоретического доказательства бессмертия, Новиков утверждает право на внесение идеи бессмертия в свое этическое учение на условии веры. Эта вера в бессмертие, это допущение его оправдываются Новиковым теми выгодами, какие оно приносит и каждому человеку в отдельности и обществу в целом.

Вопрос о бессмертии в такой его трактовке, впервые выдвинутый в «Утреннем свете», имел немалое значение как в жизни русского общества, так и в истории русской философской мысли конца века. Новиковская точка зрения противостояла не только церковной доктрине, но и масонской идее бессмертия, окрашенной мистицизмом. Характерно, что с опровержением этой точки зрения незамедлительно выступил масон-мистик Шварц и в специальном курсе лекций и в своем журнале «Вечерняя заря», где полемизировал с Новиковым. Начиная с «Утреннего света», в русских журналах последних десятилетий века непрерывно идет полемическая разработка идеи бессмертия, развивается борьба

[1] «Утренний свет», ч. IX, Заключение, стр. 210.

разных политических, классовых точек зрений. Кульминацией именно этой философской борьбы в России явился радищевский трактат «О человеке, о его смертности и бессмертии». Вне учета того, что этому трактату предшествовала долгая философская борьба, и прежде всего борьба новиковской практической точки зрения со шварцевской масонско-мистической и церковно-религиозной, нельзя правильно понять политическую направленность философского выступления Радищева.[1]

IX

Деятельность Новикова писателя-сатирика, развитие им принципов «действительной живописи» нашли свое славное продолжение у Фонвизина и Крылова. На статьи Новикова, изображавшие русских крепостных, опирался в своей новаторской работе Радищев. Именно этими фактами, прежде всего, определяется историческое значение и глубокая прогрессивность новиковской писательской деятельности.

Его этическое учение, развернутое сначала в «Утреннем свете», а затем в «Московском издании», имело ту же замечательную судьбу. Противостоя масонской церковно-рабовладельческой морали, новиковское этическое учение о величии человека и его гражданских обязанностях, развитое в страшные годы потемкинской реакции, спасло честь русского просвещения и деятельно помогло русской литературе. На примере развития в русском обществе идеи бессмертия мы видим, как Новиков единственный выступил против мистической и религиозной проповеди церковников, Шварца и других масонов. Поэтому Радищев, обрушившийся сам на «бредоумствования», отметил заслугу Новикова в постановке и развитии им вопроса о бессмертии, вскрыв идеализм его позиции, объяснив причины появления его практического учения.

Теория нравственности Новикова, высказанная на страницах «Утреннего света», не оказалась погребенной в книж-

---

[1] О связи радищевского философского сочинения с философскими спорами 80-х годов см. в книге М. Горбунова «Философские и общественно-политические взгляды А. Н. Радищева», М., 1949, а также в моей книге: «А. Н. Радищев. Очерк жизни и творчества», М., 1949.

ках журнала. Она получила широкий резонанс, воодушевив некоторых писателей, повлияв на нравственный облик молодой русской литературы. Примечателен в этом смысле факт знакомства Льва Толстого с этической теорией Новикова. Проявляя интерес к вопросам морали и нравственной задаче литературы, он через сто лет нашел философские сочинения в «Утреннем свете» и с одобрением отнесся к новиковской «науке о человеке».[1]

Из современников новиковская «наука о человеке» произвела благотворное влияние прежде всего на Державина. Душою державинской поэзии является идея человека, идея личности, осознавшей свое величие, свое богатство, свою внесословную ценность. Белинский указывал, что «ум Державина был ум русский, положительный, чуждый мистицизма и таинственности, что его стихиею и торжеством была природа внешняя, а господствующим чувством — патриотизм». И далее — в его стихах «видна практическая философия ума русского» (I, 33). Здесь Белинский поразительно точно определил двоякий характер державинского понимания человека — его природное величие («природа внешняя»), проистекающее из признания внесословной ценности человека, и его величие в делах, в общественном служении и в патриотической деятельности («господствующее чувство — патриотизм»).

Первые поэтические опыты Державина, прочно связанные с прежней классицистической традицией, относятся к началу 70-х годов. Затем произошло второе рождение поэта. Сам Державин приурочивает его к 1779 году. Стихи нового периода — «На смерть князя Мещерского» (1779), ода «Бог» (1780) и т. д.— знаменовали сложение иной, антиклассической поэтической системы. Ее идейная основа — новая философия человека. На формирование этих-то философских воззрений Державина, получивших свое талантливейшее поэтическое воплощение, прямое и несомненное влияние оказала новиковская «наука о человеке», изложенная в «Утреннем свете». Журнал начал выходить с сентября 1777 года. В первой же его части были напечатаны главные новиковские сочинения. Они и помогли Державину, послужили прочным основанием для его новаторской поэтической работы.

---

[1] См. Л. Толстой. Сочинения, т. 46, ГИЗ, М., 1932, стр. 213—214.

Державин был знаком с Новиковым. Он состоял подписчиком журнала со дня его основания. В дальнейшем он одобрительно относился к практической деятельности Новикова-книгоиздателя, которая, как уже говорилось, была практическим воплощением теорий, изложенных в «Утреннем свете». Державин обращался к Новикову именно по издательским делам, прося его помочь в организации типографии в Тамбове.

Философские воззрения Державина на человека с особой полнотой и поэтической силой изложены в его оде «Бог». Таким образом поэт счел нужным начать свой путь с написания поэтического манифеста. Этот манифест утверждал дерзновенную мысль — человек величием своим равен богу. Господствовавшая религиозная мораль строго и беспощадно бросала человека под ноги «высшему существу», внушая ему, что он «раб божий», заставляя его говорить с богом лишь стоя на коленях. Да и не говорить, а молиться и униженно просить. Державин впервые именно заговорил с богом, и заговорил отважно и гордо подняв голову. Державинский герой не бессловесное «ничто»,— он думающий и рассуждающий человек, он ощущает трепет восторга от величия силы человеческого ума, от его возможностей. Эта державинская философия была поэтическим обобщением исторического пути русского народа, его государственной и социальной активности, его высокого самосознания и трезвого практического отношения к явлениям объективного мира. Потому-то Белинский и писал, что в его стихах «видна практическая философия ума русского».

Новиковская практическая философия будила державинскую мысль, вдохновляла своей дерзновенностью, увлекала как поэта, почувствовавшего и открывшего в самом себе величие свободной личности, осознавшего себя впервые в единстве поэта-человека.

Державинская ода «Бог» утверждала величие человека. Это величие открывалось в соотношении человека с богом и миром. Мы уже знаем, что именно Новикову принадлежит такая постановка вопроса. Это он писал статью «О достоинстве человека в отношениях к богу и миру». Нельзя точнее определить и философское содержание оды «Бог».

Новиков утверждал свою точку зрения в полемике. Он писал: «Иные думают, что божественное смиренномудрие

требует, дабы о человечестве иметь толь низкие понятия; и потому почитают за должность свою презрительнейшими и гнуснейшими образованиями учинить человеческую природу мерзостною и ненавистною. Но человек, себя за ничто почитающий, не может и к другим иметь никакого почтения».

Державин точно так же открыто восстает против масонско-церковного унижения человека. Обращаясь к богу, Державин пишет:

Но что мной зримая вселенна?
И что перед тобою я? —
В воздушном океане оном,
Миры умножа миллионом
Стократ других миров,— и то,
Когда дерзну сравнить с тобою,
Лишь будет точкою одною:
А я перед тобой — ничто.

Такова общепринятая точка зрения. Но Державин вслед за Новиковым восстает на нее:

Ничто! — Но ты во мне сияешь
Величеством твоих доброт;
Во мне себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод.

А Новиков писал: «Бог нас сотворил и содержит для того, дабы нами свое величество, силу, славу и премудрость вселенной предъявити». Державин далее излагает свое понимание причин «величия человеческой природы», проистекающего из места человека во вселенной:

Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей ты телесных,
Где начал ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной.

Все это утверждение величия человека на том основании, что он есть «звено» в единой цепи живых существ, непосредственно восходит к новиковской статье: «Человек со всеми дарованиями, находящимися в нем, тогда только является в полном сиянии, когда взираем мы на него яко на часть бесконечныя цепи действительно существующих веществ».

У Державина величие человека определяется так:

Я связь миров, повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь,— я раб,—я червь,— я бог!

У Новикова читаем: «Если человеков почтем за цель всего мира, то как великолепно поставлены они в оном, как средоточие всей окрестности творения, как владыки мира, как божества». «Человеки преимущественно пред другими творениями имеют по естеству своему возможность мир себе представлять, об оном размышлять и рассуждать».

Находим мы у Новикова и державинскую антитезу — «я царь,— я червь»: «Могут сказать, что все здесь о нашем отношении к богу говоренное может быть сказано и о червяке, который в наших глазах есть презреннейшее творение; и следовательно, непонятно, как сия мысль в нас, человеках, такие высокие помышления о самих себе внушить удобна? Неоспоримо, что все твари в равном отношении к богу в рассуждении их бытия и сохранения состоят; но сии суть против разумных тварей несмысленные и разумным подчиненные творения. Человеки, как разумное существо, принадлежат ко классу творений первого степени».

Соотносится державинский этический идеал и с новиковским учением «о человеке как средстве». Новиков требовал гражданской общественно-полезной деятельности. Он учил, что человек свое величие осуществляет лишь в служении отечеству. Отсюда главная черта новиковской этики — патриотизм. Выше об этом говорилось подробнее. Известные слова Новикова — «человек, почитая себя средством, долженствует своему отечеству и каждому своему сочеловеку служить и быть полезен» — с поразительной точностью передают гражданственность поэзии Державина. Культ служения обществу и отечеству, чувство патриотизма определяли выбор поэтом своих героев, это были: Румянцев, Суворов, русские солдаты. Стихотворение «Вельможа» — своего рода декларация о внесословной ценности личности. Державин поэтически формулирует гражданский идеал: не происхождение, не знатность, а только деятельность на

пользу общую дает право человеку на уважение. И если служебное положение человека высоко, то, значит, тем более оно обязывает к общественному служению. Эпиграфом этих стихов может служить новиковское утверждение: «Чем важнее и достойнее почтения сан в общежитии, тем более особа, облеченная в оный, долженствует отечеству служить и быть полезною».

Наконец следует сказать, что именно в атмосфере философских споров вокруг проблемы бессмертия души, которые разгорелись в 70—80-е годы, сложилось державинское определение бессмертия, знаменитое по замечательной судьбе его «Памятника». Утвердилась традиция толковать это стихотворение лишь как «вольный перевод Горация». Нет нужды доказывать, что такое понимание выхолащивает все идейное богатство «Памятника». Общеизвестно, как точна, конкретна, исторична вся державинская самохарактеристика, все его определения своих заслуг перед русской поэзией — авторская «безвестность», «забавный русский слог», «сердечная простота в беседе с богом», умение «истину царям с улыбкой говорить» и т. д. Совершенно очевидно, что «Памятник» не только подводил итог державинскому творчеству, но и формулировал характерное для его поры общественно-философское определение человека. Несмотря на свою религиозность, Державин в этом стихотворении отверг церковное и масонско-мистическое понимание бессмертия души как загробного существования. С силой большого поэта он утверждает мысль, что истинное бессмертие человек обретет только в самоотверженной патриотической, гражданской деятельности на благо отечества. Таким образом философски Державин говорит не о бессмертии души, а о бессмертии и м е н и. И опять нельзя не отметить, что именно эту точку зрения выдвинул и отстаивал от нападок церковников, масонов и розенкрейцеров в 70—80-е годы Новиков.

В годы потемкинской реакции правительство, разгромив оппозицию, утверждало монополию своего идеологического руководства обществом. На литературу был объявлен поход. Во главе этого движения за подчинение литературы видам самодержавия стала Екатерина. Дворянская интеллигенция, ушедшая в масонство, проповедовала идеи бегства из мира, идеи общественной пассивности и мистицизма. Во вторую половину 70-х годов отстаивать честь русского просвещения

пришлось одному Новикову. Он с колебаниями, с идейными срывами, вытекавшими из его идеализма, просветительства и боязни революции, все же сумел развернуть такое учение о нравственности, которое не только оберегало русскую передовую литературу от растленной реакционной идеологии, но и вооружало ее.

Борьба этих враждебных лагерей развернулась, в частности, и вокруг молодого поэта Державина, выступившего на общественную арену именно в эту пору. Молодого поэта немедленно приблизила к себе и цинично подкупала, желая приручить, Екатерина. Но из Державина не вышел придворный, «случайный», «карманный» поэт. Масоны и сентименталисты через друзей Державина из кружка Львова — Капниста пытались обратить поэта в свою веру. Но и здесь Державин сумел отстоять свою независимость. В борьбе за судьбу начинающего поэта сыграл свою роль Новиков. Его просветительская программа, его этическое учение об «истинном патриоте и прямом человеке» вдохновило поэта, идейно обогатило его русскую по своему духу поэзию, помогло порвать с откровенно реакционной дворянской и правительственной литературой. Екатерина привлекла Державина к сотрудничеству в специально созданном журнале «Собеседник любителей российского слова». Но после «Фелицы» поэт больше панегириков не писал. Зато он прислал в журнал оду «Бог», проповедовавшую этическое учение ненавистного Екатерине человека, единственного не приглашенного в правительственный журнал.

Оставаясь по своим политическим воззрениям крепостником и сторонником монархии, Державин сумел в то же время в своей поэзии, в лучших ее образцах, стать выше своекорыстной сословной дворянской идеологии. Поэтому его поэзию как явление прогрессивное в общественной жизни 70-х годов именно за ее гражданственность и патриотизм, за ее идеал человека приветствовал и высоко ценил Радищев. В первой четверти века поэзия Державина приветствовалась декабристами. Чернышевский отметил в ней именно эту новиковскую линию: «Служение на пользу общую».[1]

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Собр. соч., т. III, М., 1947, стр. 137.

X

Вторым, после философского, большим отделом журнала «Утренний свет» был литературный. Находясь в ведении Хераскова, он стал своеобразным штабом складывавшегося русского дворянского сентиментализма. Маститый писатель, ставший на путь идейно-эстетического перевооружения дворянской литературы, объединил вокруг себя прежде всего молодежь — начинающих писателей Михаила Муравьева, Алексея Кутузова, Ивана Тургенева и студентов университета, которые подвизались, главным образом, в качестве переводчиков. Из писателей старого поколения журнал печатал стихи Василия Майкова.

Провозгласив человеческую личность венцом мироздания, русские сентименталисты решительно отказывались видеть противоречия реальной русской жизни, предавшись целиком самопознанию, совершенствованию собственной личности, «самонаслаждению». И здесь взоры были устремлены на Запад — там были спасительные образцы. Муравьев пишет: «Я сделал себе щит из Кляйста, Руссо и Виланда и присваивал себе, или, лучше сказать, воображал, что присваивал, их язык, их чувствования». Именно этим и объясняется поток переводов сентиментальных произведений (Юнга, Виланда, Геснера, Мозера и др.). Русские сентименталисты «присваивали себе их язык, их чувствования». Это же, помогая самоусовершенствованию, уводило прочь от русской действительности в «мир сердца».

Переводы западно-европейских сентименталистов в «Утреннем свете» связаны с именем малоизученного писателя Кутузова, стоящего у истоков русского сентиментализма.

Алексей Михайлович Кутузов родился в 1749 году. Начальное воспитание он получил в Пажеском корпусе. Здесь он познакомился с А. Н. Радищевым. В 1766 году, в числе лучших воспитанников корпуса, оба друга были отправлены в Лейпцигский университет для продолжения образования. Увлечение новой, просветительской философией, совместное чтение произведений Гельвеция, Руссо и Мабли еще более укрепили дружбу Кутузова и Радищева. По свидетельству последнего, Кутузов в эти годы был его единомышленником и «сочувственником».

Однако по приезде в Россию пути их разошлись. Кутузов увлекся моральным учением масонов и в 1772 году

вступил в масонскую ложу. С этого времени начинается деятельность его как масона. С 1782 года Кутузов — один из идейных руководителей ордена розенкрейцеров.

С Радищевым он все более и более расходится. Французская просветительская философия, освободительные идеи и всякая общественно-политическая деятельность вызывают у него враждебное отношение. Искренно возмущаясь деспотизмом и дикими формами крепостничества в России, прекрасно отдавая себе отчет в несправедливости существующих общественных отношений, Кутузов тем не менее разделяет масонскую идею о суетности и греховности попыток переделать существующее. Будучи идеалистом, отрицая познаваемость мира, он доказывал, что обстоятельства социальной жизни, общественная среда не влияют на человека. Отсюда вытекало заключение о ненужности и бессмысленности какого-либо изменения политического режима. Но Кутузов был не только идеалистом: примерно с 1782 года, с момента вступления в розенкрейцеры, он становится мистиком. Активно проповедуя розенкрейцерскую теорию о том, что истинно счастливая жизнь наступит для человека лишь после смерти, за гробом, он призывает к терпению, смирению, пассивности.

Редакторы «Утреннего света» привлекают Кутузова к участию в своем журнале. Эта дорозенкрейцеровская его пора, наиболее плодотворная, лишена мистицизма. В журнале Кутузов проявляет себя как писатель нового, сентиментального направления. Оригинальных произведений Кутузовым написано мало; он занимался в основном переводческой деятельностью. Подобно Хераскову и Муравьеву он не выступил еще в эту пору со своими прозаическими сочинениями, но в письмах к друзьям он — убежденный сентименталист.[1] Каждое его письмо — это исповедь души, кропотливый, внимательный анализ противоречивых человеческих чувств. Письма эти показывают с особой наглядностью, как складывалась и вырабатывалась стилистическая манера раннего русского писателя-сентименталиста.

В «Утреннем свете» за подписью А. К. было помещено два перевода — «Путешествие Добродетели» и знаменитые

---

[1] Большинство писем Кутузова считалось утраченным. Но несколько лет тому назад В. В. Фурсенко обнаружил много неопубликованных писем Кутузова, подготовил их к печати и снабдил вводной статьей. Работа Фурсенко до сих пор находится в рукописи.

«Ночи» Юнга. Позднее перевод «Путешествия Добродетели» вышел отдельным изданием, и из писем Кутузова мы знаем, что этот перевод принадлежал ему. Отдельным изданием вышли и «Ночи» Юнга в переводе Кутузова.

В истории европейского сентиментализма последнее произведение сыграло большую роль. В основе его лежало утверждение сентименталистов, что источником поэзии должно являться непосредственное человеческое чувство. Поэма Юнга — лирическое излияние больного, скорбящего по утрате близких, уединенного человека. Жалобы сердца, интимные переживания, мятущийся дух — вот что привлекает внимание поэта. Кутузов первым дает перевод Юнга на русский язык.

«Путешествие Добродетели» — переводный с немецкого роман, принадлежащий к популярной серии сентиментальных путешествий, восходящих к Стерну и Якоби. Необходимость путешествий доказывается в романе ссылкой на опыт великих путешественников, каков, например, Стерн. Они «доставляют путешествующему тончайшее изображение характера и национальные красоты каждого народа», помогают «совершеннее познать человеков» и «внутренние достоинства богатыя души».

В романе изображается путешествие Тсангли с его другом и учителем Иезрадом. В ходе путешествия, в столкновении с действительностью, которая дает повод к рассуждениям и наставлениям учителя, происходит воспитание Тсангли. В романе воспеваются дружба, добродетельные дела, с восторгом говорится о чуткости человеческого сердца. Специальная глава посвящена любви Тсангли и Клеменции, прославлению культа нежного чувства. Стиль этой главы эмоционально приподнят, взволнован. Эта особая эмоциональность подчеркивается автором уже в самом заглавии: главу, посвященную любви, он называет необыкновенно кратко, но выразительно:

«О!»

Путешествуя, Тсангли попадает в Швейцарию. Республиканский образ правления подает повод к таким тирадам о вольности: «Вольность святая! о источник вечных благословений! Какая земля без тебя богата и счастлива! Какое благо природы ты не доставляешь! Где такой человек, который бы, находяся в недрах твоих, единою тобой не был

благополучен!» Эта платоническая любовь автора к вольности находит свое выражение в таком, например, призыве: «О монархи, облегчите бедность народа, освободите народы свои от бичей, самую жизнь их мучающих, истребите неверствие, которое через вольность печатания всеобщим учинилося и наконец и самых боязливейших глаза откроет. Если уже все должности противу бога прийдут в забвение, то какие же противу вас наблюдаемы будут?» [1]

Русских оригинальных художественных произведений в журнале печаталось немного. Но все они — свидетельство отличного приспособления эстетики сентиментализма к нуждам идейно перестраивавшегося дворянства. Лучше всего это проявляется не в стихах, которые были или художественно беспомощными, или открыто эпигонскими, а в прозе. Здесь на первом месте стоят прозаические сочинения Михаила Муравьева. С достоверностью можно говорить о двух сочинениях как подлинно муравьевских: «Дщицы для записывания» и «Восхождение солнца». «Дщицы для записывания» — сочинение в духе Стерна. Стерн для Муравьева — учитель, его произведения — образцы. Он ценит Стерна за то, что «его намерение не было описывать города, правление, земледелие, торговлю, художества; но он хотел рассматривать людей». «Одно слово, молчание, взгляд, чувствование, сокрытое в сердце, подавали материю для целой главы в его книге». «Дщицы для записывания» и запечатлели «чувствования, сокрытые в сердце».[2] Муравьев рассматривает пристально и внимательно мир своих чувств, рассказывает о своих впечатлениях, о своих мыслях, пришедших ему на ум при прочтении им книг, при взгляде на картину и т. д. Он говорит о своей тоске, «о страхе и надежде», о смутных порывах духа. Он «путешественник единого часа», и его волнует, что он расскажет «в доме своем Вопрошающему». Так «Дщицы для записывания» имитировали дневник духовно взволнованной личности. Идейно-философское содержание этого сочинения открыто и прямо смыкалось с масонскими проповедями. В самом деле, человек, по Муравьеву, в этой жизни «путешественник единого часа», он мученик здесь, на земле, и лишь «сожалеющая смерть примет в лоно утомленных и творит осво-

---

[1] «Утренний свет», ч. III.
[2] М. Муравьев. Сочинения, ч. II, СПБ., 1847, стр. 306.

божденником». Отсюда единственное утешение на земле — «наслаждающее размышление самого себя».

Второе сочинение Муравьева — миниатюрная пьеска «Восхождение солнца» — опять образчик исповеди человека, возрадовавшегося при созерцании утреннего восхождения солнца и сумевшего вновь предаться «наслаждающему размышлению самого себя».

Совершенно очевидно, что именно на страницах литературного отдела «Утреннего света» вырабатывалась новая эстетика, подготовившая Карамзина и его школу, здесь формулировались и политические идеалы сентименталистов и философия человека, лицемерно отказывающегося от земных благ во имя откровенно эгоистической, своекорыстной морали «наслаждающего размышления самого себя», составляющие существо карамзинизма. И не случайно эта муравьевская формула тождественна карамзинскому утверждению: «что́ человеку, между нами будь сказано, занимательнее самого себя».

Из всего сказанного ясно, что эта общественно-политическая позиция и этот идеал человека, сформулированный Муравьевым, Херасковым и Кутузовым, чужды новиковской этике. Естественно возникает вопрос, как могло существовать такое противоречивое содружество на страницах одного журнала? Вопрос этот крайне сложный и чрезвычайно важный.

Прежде всего дело в том, что обстоятельства общественной жизни тех лет не давали Новикову иных возможностей для объединения общественных сил, кроме тех, что он нашел. Как мы знаем, никогда русский просветитель не действовал одиночкой. Он всегда выступал организатором лучших сил передового общества. И всегда деятельность созданного им содружества противостояла правительственной политике. Независимость от власти — главный девиз Новикова. В период реакции после разгрома Пугачева создание таких объединений частных людей было просто невозможно. Обстоятельства вынуждали Новикова блокироваться с людьми, стоявшими далеко не на тех же позициях, что сам он. В то же время Херасков, Муравьев, Кутузов и другие масоны относились отрицательно к потемкинскому режиму. Мы уже знаем, что это была не политическая, а только личная позиция. Но в условиях массового ренегат-

ства и открытого перехода на сторону Екатерины — Потемкина бывших дворянских фрондеров и это уже было основанием для блока. Именно эта их позиция объясняет сближение Новикова в 80-е годы с розенкрейцерами, то есть в первую очередь опять с теми же Херасковым, Кутузовым, Иваном Тургеневым и др.

Но были и другие обстоятельства, способствовавшие этому блоку, обстоятельства, так сказать, субъективные. Новиков, как мы знаем, сам был масон. Занимая идейно независимое положение в ордене (ниже будет показано, что Новиков боролся всю жизнь и за организационную независимость), Новиков в то же время в каких-то общих чертах — гуманизм, вера в нравственное обновление человека, признание необходимости самопознания и т. д.— соприкасался с масонской идеологией. Эта идейная слабость и рождала возможность эклектического журнала, каким был «Утренний свет», как в известной мере эклектическим было и все книгоиздательское дело, развернутое Новиковым в 80-х годах в Москве. Обе стороны этого союза взаимно вынуждены были итти на уступки. Уступку масонов, а позднее розенкрейцеров всячески и использовал в своих целях просветитель Новиков. Но как всякий блок, не имеющий единой принципиальной программы, он должен был рано или поздно развалиться. И действительно, к 1779 году в журнале «Утренний свет» назрели противоречия, разрешившиеся закрытием журнала. В начале 1780 года он и был закрыт, но закрыт Новиковым специально для того, чтобы начать издавать новый журнал — «Московское издание». Об этом своем намерении Новиков и сообщил читателю. Позднее, в конце 80-х годов, развалится блок между Новиковым и розенкрейцерами, блок, который был нужен Новикову для издательского дела. Розенкрейцеры, увидев, что из этого блока бо́льшую пользу извлекал Новиков, потребовали прекращения деятельности заведенных на их денежные средства типографий.

Распаду блока «Утреннего света» способствовали и новые явления общественной жизни России. Журнал издавался три года — с сентября 1777 по 1780 год. Первый год принес наибольший успех журналу. Число подписчиков доходило до тысячи. В 1780 году число подписчиков значительно упало. В обществе произошли перемены, которые

резко снизили интерес читателя к моральной философии и нравоучению. Новиков, проявлявший необычайную чуткость к событиям окружавшей его жизни, немедленно откликнулся на новые требования.

В заключении к IX части журнала в 1780 году Новиков писал: «Мы приметили, что многие из наших читателей сими... материями несколько или совсем были недовольны, то сею частью оканчиваем наш журнал». Эта открыто высказанная мысль о своей связи с жизнью общества, о желании быть выразителем общественных интересов сама по себе примечательна. Характер же этих новых общественных интересов, подчинить которым хочет свой новый журнал Новиков, с особой наглядностью говорит нам, что действительные убеждения Новикова были далеки от замкнутых масонско-орденских дел и обязанностей. Новые интересы передовых дворянских и разночинных кругов в это время определялись политикой. Политики, сведений о происходивших в Европе и Америке событиях, суждений о причинах войн и восстаний, о природе общественных и политических переворотов, о поведении народа во время этих событий — вот каких «материй» в 1780 году требовал прогрессивно настроенный читатель.

Новиков все это хорошо знал — он издавал газету «Московские ведомости», которые именно под влиянием этих запросов он заполнял сообщениями о военных действиях между восставшими против английского владычества американцами и войсками короля Георга. Поэтому в своем заключении к журналу Новиков открыто объявляет будущее содержание своего нового журнала: «Просьбою ж некоторых побуждены с наступлением будущего года начать новый» журнал. «Материи нового сего журнала будут состоять частию из нравоучения, из описаний жизней славных героев и политиков и описания славных сект (партий.— *Г. М.*); все оное будет переменяемо политическими, историческими и географическими отделениями».

О том, как исполнил свое обещание Новиков в новом журнале «Московское издание», будет сказано ниже. Сейчас я хотел бы указать на то, что уже в «Утреннем свете», в последней его части, Новиков счел нужным дать несколько статей, где затрагивались теоретические вопросы, имеющие прямое отношение к происходившим политическим событиям.

Укажу, прежде всего, на статью «О перемене человеческих дел». До сих пор она считалась безымянной. В действительности она принадлежит Бэкону. Английский философ был и политиком; его перу принадлежат в высшей степени интересные политические трактаты. Новиков выбрал из них статью, которая развивала вопрос о причинах исторических переворотов,—предмет, живо интересовавший лучших людей из дворянства.

«Всякое частное государство, кое увеличивается знатным образом, должно ожидать войны. С теми провинциями, которые присоединены к собственному его владению, представляет оно реку, обременяющуюся источниками и устрашающую общим наводнением соседственных жителей»,— так Бэкон предупреждал и предсказывал в свое время губительность политики завоеваний. Новиков напоминал об этом предсказании, когда американские провинции, присоединенные к Англии, с оружием в руках отстаивали свою независимость.

В общественных переворотах,—указывал Бэкон,— большую роль играют падение нравов, раскол, варварство и невежество, господствующие в стране. Но всегда следует помнить, что за веком варварства «следует неподалеку век света»; поэтому можно предсказать «достоверное прибытие» нового учения. «В таковых обстоятельствах, чтоб во всем сделать перемену, надлежит быть человеку одаренному пылкими и любопытства преисполненными дарованиями к парадоксам. Первый его долг будет восстать противу правления, а потом ласкать овладевшую людьми склонность климата... Мнения, зависящие от единого разума, не наблюдая выгоды чувств, не причиняют великих движений; надлежало бы им случиться во дни неудовольствия, чтоб возбудить великие перемены». Бэкон высказывает совет «исправлять злоупотребления, утишать расколы заранее посредством примирения, а не гонения», ибо преследование всегда «делает из легковерного и непостояннейшего в своих мыслях упрямым энтузиастом».[1]

Так заканчивался «Утренний свет». В 80-е годы начинался новый этап в жизни русского общества, и Новиков, связанный с ним живыми узами, принялся готовить журнал, соответствовавший возросшим потребностям читателя.

---

[1] «Утренний свет», ч. IX, стр. 168—169.

XI

Последний вопрос, требующий своего разрешения в этой главе,— масонские связи Новикова. Выше уже говорилось, что с 1775 года Новиков стал масоном. Эти же связи, в частности, определили и важнейшую перемену в жизни просветителя: в начале 1779 года через своих друзей, и Хераскова в первую очередь, ему удается получить в аренду типографию Московского университета сроком на 10 лет. Немедленно же Новиков переезжает из Петербурга в Москву и с головой уходит в дела по восстановлению и реорганизации типографии, которая к его приходу находилась в запущенном состоянии. Уже в ближайшие два года переоборудованная типография стала неузнаваемой. Современники свидетельствуют, что книгоиздательское дело у Новикова было поставлено превосходно.

Приобретя типографию, сделавшись одновременно редактором «Московских ведомостей», которые издавались при университете, Новиков ходом вещей встал перед задачей практической организации просветительского центра. Под давние теоретические воззрения, высказанные еще на страницах «Живописца», наконец-то была подведена материальная база. Но начинать такое дело в одиночку, без средств было невозможно. Вот почему в новых условиях он вынужден был итти на блок с людьми, чьих идей не разделял. Для развертывания книгоиздательства пришлось заключить союз с масонами. Опыт отстаивания своей идейной независимости в конце 70-х годов помог ему решить и новую задачу — войдя в орден розенкрейцеров, отстоять организационную независимость. В существующей научной литературе повелось изображать Новикова чуть ли не главным идейным вдохновителем розенкрейцеров. Вот почему необходимо подробно разобраться в этом вопросе, привлечь все действительные документы масонства Новикова, чтобы выяснить фактическую роль, которую играл Новиков в ордене розенкрейцеров, и тем самым разоблачить укоренившуюся легенду.

В 80-е годы Москва становится крупным масонским центром. После долгих исканий истины среди различных масонских систем и направлений в 1782 году московские масоны остановились на розенкрейцерстве. Розенкрейцерство в Москву привез Иван Григорьевич Шварц, профессор

Московского университета. Во главе розенкрейцерства стали: Шварц, Н. Трубецкой, Лопухин и др. Новиков, познакомившись с Шварцем, становится розенкрейцером, но вскоре занимает в ордене особое место — нечто вроде директора-распорядителя многих культурно-просветительных организаций, заведенных «братьями» в Москве.

Масоны проповедовали идеал братства «вольных каменщиков», а средством достижения этого братства объявляли личное самоусовершенствование каждого члена ордена, нравственное воспитание в духе христианских добродетелей. Главным положением розенкрейцеров было: нравственное самоусовершенствование, которое приближает человека к истинному знанию. А истинное знание состояло в познании бога, натуры и себя кратчайшим путем, через откровение, которое дается от бога только нравственно совершенному человеку. Короче, «нравственное усовершенствование», «последование Христу» и «мистическое единение с божеством» [1] — таковы элементы, слагающие «душевное тело» масона-розенкрейцера. Вот как формулирует должности и обязанности розенкрейцеров князь Н. Трубецкой:

«Истинный розенкрейцер должен быть не тот человек, который был до вступления в орден. Он должен суетные забавы, как то: карточную игру, сладострастие в столе и сему подобное, совсем от себя отторгнуть, а наипаче в доме своем он николи не тратит драгоценного времени в забаве карточной или в негах столовых, но, яко истинный воин христов, дом его есть храм, в котором он, упражняясь в познании себя и в чтении божественных книг, познает свою немощь, злодеяния свои, свое падение и грех и непрестанно сам с собою борется, и так упражняясь и познав ничтожность свою и что он есть падший грешник, он упражняется кротостию, диавольскую духовную гордость от себя отторгает, и, так украшен смирением, он примером своим светит перед человеками и неизвестным братьям, не говоря, дает о себе знать, что он в числе их».[2]

Таков человек розенкрейцеров, «воин христов», рыдающий и кающийся грешник, стремящийся самобичеванием и молитвами достичь идеала христианской нравственности.

---

[1] «Масонство в его прошлом и настоящем», т. I, стр. 249.
[2] Там же, стр. 163.

Проповедь пассивности, эгоистического самоусовершенствования характерна для розенкрейцеров. Этому и учил «братьев» идейный вождь розенкрейцеров Шварц в специально читанных им приватным образом лекциях по философии «О трех познаниях». «Человек во временной своей жизни должен устроивать для себя к будущей жизни на твердом и незыблемом основании дом или вечную обитель; но как мы будущего не знаем и не можем начертать порядочного плана для вечного жилища, то бог по милосердию своему показывает человеку в библии самое покойное и верное расположение вечного дома», потому «не камни тленные потребны человеку для вечного жилища, но вера и любовь к богу, любовь к ближнему и умерщвление плоти».[1]

Соответственно с учением Шварца давались определения деятельности, работы масонов и другими розенкрейцерами. Вот что мы читаем у Лопухина в «Катехизисе истинных франк-масонов».

«В[опрос]: Какое должно быть главное упражнение (работа) истинных ф. м.?

«О[твет]: Последование Иисусу Христу.

«В[опрос]: Какие суть действительнейшие к тому средства?

«О[твет]: Молитвы, упражнение воли своей в исполнении заповедей евангельских и умерщвление чувств лишением того, что́ их наслаждает; ибо истинный ф. м. не в ином чем должен находить свое удовольствие, как токмо в исполнении воли небесного отца.

«В[опрос]: Где истинный ф. м. должен совершать свою работу?

«О[твет]: Посреди сего мира, не прикасаяся сердцем к суетам его, и в том состоянии, в которое каждый был призван».[2]

Но воспитанием христианских добродетелей не ограничивались дела ордена. Главной «работой» «братьев» было познание «высших тайн» природы через сокровенные «науки» — магию, каббалу и алхимию. Познание природы сводилось розенкрейцерами к исканию философского камня, панацеи («всеобщего универсального врачества») и божественной магии — к попыткам войти в сношение с духами.

---

[1] Н. Тихонравов. Сочинения, т. III, ч. 1, стр. 79.

[2] И. Лопухин. Записки, «Русский архив», 1884, № 1, стр. 24—25.

Цель нравственного воспитания сводилась Шварцем к подготовке мистического соединения души человека с богом.

Значительная часть масонов была увлечена идеями розенкрейцерства, подчинилась влиянию мистика Шварца. Вокруг него сгруппировались братья Трубецкие, Лопухин, Тургенев, Кутузов и др. Какое же место занимал Новиков среди розенкрейцеров? Каково его отношение к учению Шварца и правилам истинных франкмасонов? Исследователи, утвердившие легенду об идейном единстве Новикова и Шварца, не могли ответить на вопрос, отчего вместо «строения дома или вечной обители» для будущей жизни Новиков заводил здесь, на земле, типографии и книжные лавки? Отчего, в отличие от розенкрейцеров, он отстаивал идеал общественно-активной личности? Отчего вместо главного «орденского упражнения» — познания высших таинств природы через магию, каббалу и алхимию — он «упражнялся» в издании учебных пособий, в пропаганде научных знаний?

Изучение деятельности Новикова и содержания издававшихся им в ту пору журналов и газеты показывает, что Новиков поступал и действовал не как истинный розенкрейцер, что в его деятельности и взглядах было много такого, что прямо или косвенно расходилось с главными принципами розенкрейцеров. Больше того, как свидетельствует сам Новиков и «братья» — Шварц, Шредер, Лопухин,— между ним и руководителями ордена была «холодность», была борьба. Все это настоятельно выдвигает вопрос: каковы место и роль Новикова в ордене розенкрейцеров, каково его отношение к принципиальным положениям шварцевского вероучения.

Прежде чем анализировать практическую деятельность Новикова, обратимся сначала к прямым, лично Новикову принадлежащим показаниям, в которых излагается история его масонства.

Вот что показал Новиков на следствии о своих масонских связях петербургского периода (цитирую по Лонгинову): «В 1779 году взял в содержание университетскую типографию, переехал в Москву, и члены моей ложи (рейхелевской.— *Г. М.*) все разошлись, и я с ними ни с кем ни в переписке, нижѐ в каких-нибудь связях не был, кроме Ивана Петровича Тургенева, Алексея Михайловича Кутузова и Василья Васильевича Чулкова, которые и после

остались в связи, и сия петербургская моя ложа совсем уничтожилась, чем окончился сей период бытности моей в масонстве» (077). В первые два года московской жизни Новикову было не до масонства: «По приезде моем в Москву 1779 года упражнен я был и совершенно занят типографскими делами, а масонством совсем не занимался» (077).

В 1781 году в Москве появился Шварц, с которым познакомился Новиков. Но: «Знакомство наше, кажется, продолжалось около года, только по литературе и по типографии, об масонстве же я с ним не говорил ни слова» (078). Шварц, как человек умный, ученый и «заслужливый», полюбился Новикову. К этому же времени относится и создание из числа старых членов рейхелевской ложи новой маленькой ложи для избранных, куда вошли и Новиков и Шварц. Последний был принят на условии отказа от своего пристрастия к шведской масонской системе. В июле 1781 года Шварц вместе со своим воспитанником Татищевым уехал в Берлин по масонским делам. «По отъезде профессора Шварца и Татищева были ли у нас какие собрания или нет, совсем того не помню, больше кажется, что не было никаких, ибо по причине летнего времени, в которое они поехали, кажется, что все были в деревнях, я же занят был совершенно типографскими делами» (080—081).

Шварц вернулся в феврале 1782 года. Вскоре же оформился и орден розенкрейцеров. Но в руководящем центре начались размолвки. Шварц был недоволен Новиковым, перестал доверять ему, усматривая в нем равнодушие к орденским упражнениям. Новиков свидетельствует: «Произошла между нами некоторая холодность и недоверчивость, продолжившаяся до смерти его. Он меня подозревал в холодности к масонству и ордену потому, что я, быв совершенно занят типографскими делами, упражнялся в том урывками» (085).

Несмотря на всю ревность к орденским делам и теоретические рассуждения о необходимости равнодушия к мирской жизни, Шварцу, а позже Шредеру не чужды были презираемые ими суетные земные дела. Подчиненные берлинской масонской ложе, Шварц и Шредер были орудием тех политических интриг, которые вел через масонство прусский двор короля Фридриха. В Берлине мечтали посредством вовлечения наследника Павла в розенкрейцер-

ский орден подчинить своему влиянию политику русского правительства. Новиков был в стороне от этих интриг. «С берлинскими братьями переписку имел профессор Шварц, а из нас каждый написал только по совету профессора Шварца по принятии в орден по одному благодарительному письму» (085).

В 1783 году Новиков писал Ржевскому, что еще до сих пор в масонских обществах слишком много шарлатанства, много людей, идущих туда для достижения своих корыстных и честолюбивых целей. Услышав, что в числе главных упражнений некоторых масонских лож есть упражнение в божественной магии — то есть в вызывании духов, он писал: «Призывание духов не что иное есть, как мерзость Ваалова или так называемая какомагия».[1] Позже Новикову суждено было узнать, что этой «мерзостью» занимались розенкрейцеры, занимался и Шварц. Как же не возникнуть было холодности между мистиками и ярым сторонником просвещения?

В 1784 году умирает Шварц, и его место занимает приехавший из Пруссии барон Шредер. И опять: «Между мной и бароном всегда была холодность, а я не имел к нему по молодости его доверенности, также и он меня не очень любил». Но с недоверием к Новикову относились и все остальные руководители ордена. И это было известно следователю Шешковскому, который, стараясь выяснить причину этих размолвок, задал Новикову вопрос, какие у него были столкновения с Лопухиным? Новиков ответил: «С Лопухиным ссоры у нас не было; но вообще у всех, которые в управлении были, произошла некоторая холодность ко мне и к Гамалею: все подозревали нас в холодности обеих, в нехотении упражняться в упражнениях ордена и тому подобное» (0109).

Наступил 1786 год; «все масонские ложи, сколько их было с нами в связи, уничтожены, и собрания быть совсем перестали, и члены из нашего знакомства вышли, так что мы уже с ними ни в каком знакомстве не были, и они нас оставили. В начале того же года барон Шредер, быв недоволен мною за то, что я по беспрестанным почти моим болезненным припадкам и по типографским делам и забо-

---

[1] Я. Барсков. Переписка московских масонов XVIII века, П., 1915, стр. 243.

там давно уже не делал собраний с порученными моему начальству (братьями.— *Г. М.*), и подозревая меня в холодности и нехотении, взял (их.— *Г. М.*) из-под моего начальства» (087), то есть закрыл новиковскую ложу. Таково было положение у этого «руководителя» розенкрейцеров. Его вечно подозревали, постоянно выговаривали за бездействие и наконец просто отняли порученных ему «братьев». Действительно, Новиков был болен, но любопытно, что именно в это время он не только с прежним воодушевлением занимается типографскими делами, но и развертывает новое предприятие — помощь голодающим крестьянам. На такие дела у Новикова времени и здоровья хватало.

В конце 1786 года приказом из Берлина были запрещены все орденские собрания, был установлен так называемый силанум.[1] Зимой этого года Новиков уехал к себе в деревню Авдотьино и совсем не был связан с продолжавшими розенкрейцерскую деятельность Трубецким, Лопухиным, Шредером и др.

В 1788 году из Берлина предложили прислать когонибудь из правоверных розенкрейцеров, чтобы присланный «сам на месте и наставлен будучи в орденских упражнениях мог заменить место иностранных двух» бывших руководителей — Шварца и Шредера. Решено было отправить Кутузова. В дальнейшем связь с Кутузовым поддерживали главари московского ордена — Трубецкой, Лопухин и Тургенев. «Переписку с берлинскими имели,— показывает Новиков,— сначала Шварц, после Шредер, а с того времени как Кутузов находится в Берлине, переписку с ним ведет кн. Николай Никитич Трубецкой, а я с ним переписки не имел» (088). С 1788 по 1792 год Новиков по болезни большую часть времени вынужден был проводить у себя в Авдотьине.

Такова история взаимоотношений Новикова с розенкрейцерами в его изложении. Из показаний Шешковскому мы видим, что в масонстве Новикова привлекает нравственная сторона, стремление людей сообща, путем самоусовершенствования и познания, научиться делать добро, избегать зла. Вовлеченный в масонство, он ищет среди многих систем

---

[1] Из показаний И. Тургенева: «В ордене происходит молчание, или так называемый силанум» (Лонгинов, 0145).

истинную, попадает, наконец, в розенкрейцерство. При этом сразу же по заведении в Москве нового рыцарского капитула он выражает свое недовольство вывезенной из Германии «новинкой». Сообщение Шварца о новом ордене у Новикова вызвало «совершенное отвращение и пренебрежение»; он «тогда с крайним принуждением слушал и некоторые бумаги читал». «Услышавши сие от профессора Шварца, все мы крайне были недовольны и сказали ему, что это совершенно против нашего желания, что мы сих связей и союзов не искали и не хотим» (Лонгинов, 081).

Недовольный шварцевским орденом, Новиков все же вступил в него, заняв в нем свое особое, независимое положение. Орден, объединив множество просвещенных и влиятельных людей русского общества, был значительной силой. Бескорыстие многих «братьев», искреннее их желание творить добро, избегать зла и пороков не могли не привлекать Новикова. Он всегда окружал себя десятками помощников, всегда стремился всякое доброе дело поднимать сообща. Тем более должна была привлечь его к себе самостоятельная попытка русского общества найти средства и формы к объединению единомышленников в рамках одной организации. Нравственная сторона масонства еще более укрепляла его связь с этим обществом. Но в то же время Новиков, не скрывая, показывал свою холодность ко всей обрядной стороне ордена, свое отрицательное отношение к реакционно-мистическим идеям Шварца, к божественному откровению, к стремлению заниматься магией и алхимией. Даже Лонгинов, на основе изучения всех материалов, приходит к заключению: «Итак, в 1779 году, когда в Москве сошлись Новиков, Шварц и Трубецкой, эти три лица, бывшие впоследствии главными деятелями масонства в Москве, принадлежали коренным образом к трем различным оттенкам ордена» (145). Именно оттого все «братья» — и Лопухин, и Шварц, и Трубецкой — так ревниво замечают новиковскую холодность к самым сокровенным тайнам и целям ордена, его презрение к «мерзости алхимических поисков и вызыванию духов», его стремление избежать «упражнений» «братьев».

Новиков пришел в масонство с резко и остро осознанным чувством неудовлетворенности общественной и социальной практикой крепостнической России. Поэтому он не замыкался и не ограничивал свое пребывание в масон-

стве личным усовершенствованием, поисками личного блаженства. Для него, «нравственного практического философа» и общественного деятеля, счастье обреталось на земле, в практической деятельности для общего блага. Масонство, как ему казалось, было той организацией, которая могла быть использована для новых, еще более обширных, полезных отечеству предприятий в области просвещения. Это стремление Новикова использовать орден в своих целях замечали современники. Мы знаем свидетельство А. И. Тургенева об отношении Новикова к Лопухину и другим масонам: «Новиков был часто их орудием и употреблял и их как орудие».[1] Вигель в «Воспоминаниях» замечает: «Новиков завербовал несколько знатных и богатых людей, с помощью их и на их счет завел лучшую и обширнейшую типографию в Москве, дорого платил авторам за право печатать их сочинения, дешево уступал их книгопродавцам, поощрял все молодые таланты».[2]

Но главное — это стремление Новикова замечали сами руководители ордена, отчего между Новиковым и Шварцем и Шредером в первую очередь была не только «холодность», о которой показывал Новиков, но и непрерывная борьба.

Известно, что за границу в 1781 году Шварц поехал рядовым членом ложи. Привез же в Москву Шварц не только новый рыцарский капитул и градус системы строгого наблюдения, не только независимость русского масонства, чего так добивались московские «братья», не только розенкрейцерство, о чем обычно пишут исследователи масонства. Привез Шварц еще и предписание президента конвента о назначении его, Шварца, верховным начальником московских масонов. Шварц достал желанную для русских масонов независимость, но за нее пришлось заплатить подчинением ему, Шварцу, как верховному орденскому начальнику и диктатору. «Сим назначается он,— писал президент о Шварце,— единственным верховным представителем сей степени во всем императорско-российском государстве». Всем русским «братьям» вменялось в обязанность оказывать Шварцу «верность и повиновение».[3]

---

[1] Б. Модзалевский. К биографии Новикова, СПБ., 1913, стр. 64.

[2] «Русский архив», ч. 2, М., 1892, стр. 215.

[3] С. Ешевский. Сочинения по русской истории, стр. 216.

Но получением диктаторских полномочий Шварц не ограничился: видя стремление Новикова к самостоятельности, подчеркивание им своей независимости и свободы действий, он задумал подчинить себе Новикова по орденской линии. И вот — беспримерная вещь — он из Берлина привез не только полномочия на свое верховное представительство, но и специальное предписание Новикову беспрекословно подчиняться ему, Шварцу. Приведу этот документ: «А так как бр. верховный представитель донес, что бр. Николай Иванович Новиков, директор императорского университета типографии в Москве, имеет истинные добродетели и заслуги... поставить его главным представителем сей степени, в присутствии по крайней мере трех братьев, имеющих ее. Брат Н. И. Новиков в присутствии же сих братьев даст обещание в том, что он брата Шварца признает верховным представителем, будет ему оказывать верность и повиновение».[1] Один только этот документ ярче всего свидетельствует о том особом месте, которое занимал Новиков в ордене: для таких «братьев», как Трубецкие, Татищев и др., достаточно было одного предписания президента конвента о назначении Шварца начальником. Они, богачи, влиятельные в России люди, вельможи, беспрекословно подчинились какому-то «немчику» Шварцу. Для Новикова же потребовалось специальное предписание, требование особой клятвы на верность и повиновение Шварцу. Вот какова была эта идиллически расписанная биографами «дружба» Шварца и Новикова. И Шварц не замедлит воспользоваться этим подчинением Новикова. Он станет издавать свой журнал «Вечерняя заря», содержание которого направлено против философии «Утреннего света» и «Московского издания»; он заставит Новикова печатать этот журнал в университетской типографии; он затеет ряд других изданий, противопоставляя их новиковским.

После смерти Шварца борьба между Новиковым и новым руководителем ордена Шредером приобрела еще более острый характер. Шредер понимал, что Новиков, несмотря ни на что, все-таки является самостоятельным и полновластным хозяином как университетской типографии, так и типографии Типографической компании, основанной на

[1] С. Ешевский. Сочинения по русской истории, стр. 216.

средства главных розенкрейцеров, в том числе и самого Шредера. Он видел, что не они, розенкрейцеры, заставляют служить Новикова их орденским целям, а он использует их авторитет и их деньги для осуществления своих планов. И вот Шредер начинает методически преследовать Новикова, пытаясь всей своей властью масонского начальника лишить его самостоятельности и независимости. Он приказывает Новикову представить отчеты о работе типографии, описи издаваемых книг, планы подготавливаемых новых изданий. Шредер хочет вмешаться в работу Новикова, хочет ее контролировать, определять отбор книг. Видя по отчетам, как мало издается специальной масонской литературы, он требует увеличения издания этих книг, а затем обязывает Новикова создать специальную типографию, которая бы печатала только книги масонского содержания. Новикову вменяется в обязанность, создав эту типографию, наблюдать за всеми ее работами, отвечать за своевременное издание книг, беспрекословно выполняя то, что ему будет указано. Отбором же книг для этой особой (лопухинской) типографии ведал мистик Лопухин. Об этом разделении функций сообщает сам Лопухин (цитирую по Лонгинову): «Хотя сею типографиею, под именем моим бывшею, управлял и книги отдавал печатать Новиков, однако я по склонности к мистическим материям участвовал много в том печатании и усердием и веданием» (0134).

Документов борьбы между Новиковым и Шредером до нас дошло очень мало. Но все же документы есть, и тем большего они заслуживают внимания. Остановимся, прежде всего, на так называемых письмах Коловиона к Начальнику, то есть Новикова к Шредеру. Писем Шредера мы не имеем. Но из ответов Новикова вырисовывается довольно отчетливая картина отстаивания им своей независимости. В своем первом письме Шредер потребовал от Новикова немедленного представления: 1) описи изданных гражданских и масонских книг, 2) сведения о работе масонской типографии, 3) немедленной передачи книжной лавки другому лицу. Новиков вместо исполнения просто не отвечает на письмо Тогда следует второе письмо — выговор. После этого приходилось не только отвечать, но и оправдываться: «Медленность и долгое молчание на первый ваш отпуск всеискренно признаю я и сам неизвиняемыми по уяснению сего обстоятельствами. Подлинно, я должен был все оста-

вить, хотя бы и все дела от того расстроиться должны были, но исполнить как возможно скорее повеление моего начальника... Требованную вами опись мы кончили, которую при сем под литерою А на российском и немецком языках прилагаю».[1] Шредер требует отчета, почему задержалось создание специальной масонской типографии для печатания мистических книг. Пришлось доносить и об этом: «Типография для печатания мистических книг совсем уже учреждена и вступила действительно в работу, и теперь печатаются две книги».[2] Это оправдание не могло удовлетворить Шредера. В то время как обе типографии Новикова печатали десятки и сотни светских книг, журналы, газету, в масонской, после бесконечных проволочек, стали наконец печататься... две книги. Поэтому в следующем письме Шредер, еще грубее вмешиваясь в издательские дела Новикова, требует отчета — что же в это время печаталось в двух больших типографиях, какие книги переводились, кем именно и что готовилось для печатания в тайной типографии. Вынуждаемый приказами, Новиков доносит: «Прилагаю также, по повелению вашему, росписи: 1) книгам, которые есть у меня; 2) актам, кем которые переведены и переводятся кем именно; 3) книгам, которые в публичной типографии напечатаны на отечественном и иностранных языках; 4) книгам, которые в тайной типографии напечатаны и печатаются».[3]

Посылая эти отчеты, акты, описи, отвечая на письма начальника, уступая в некоторых случаях его требованиям, Новиков стремился показным смирением и покорностью спасти и отстоять свое дело в основном, не дать Шредеру полностью наложить руку на все огромное предприятие, созданное им в недрах и на базе ордена для осуществления плана просвещения России. «Я смею уверить вас, что я все дарованные мне от бога силы начинаю употреблять к тому, чтобы сие предписание ваше мог всегда исполнять в точности»,[4] — писал Новиков, а Шредер, видя в этом простую отписку, немедленно строго выговаривал ему за это, требуя не словесной, а практической покорности. Приходилось

---

[1] А. Пыпин. Русское масонство, стр. 349—350.
[2] Там же, стр. 351.
[3] Там же, стр. 352.
[4] Там же, стр. 347.

опять оправдываться, клясться, уверять в искренности своих намерений: «Касательно до § 4 вашего отпуска, в котором вы распространили еще объяснение на соблюдение слова своего, приемлю за нужное мне наставление и всекрайнейше буду стараться, сколько милосердый спаситель поможет, исполнить сие самым делом, ибо не довольно того, чтобы мы признавали только, но должны исполнять самым делом».[1]

Такой была масонская жизнь Новикова, как ее рисуют дошедшие до нас документы. Заняв особое, независимое положение в ордене, он в непрестанной борьбе со Шварцем и Шредером отстаивал свободу своих действий. А именно в 80-е годы, когда русское общество жило особо интенсивной политической жизнью, Новиков считал важным всячески способствовать быстро растущему самосознанию русских людей. Вот почему он так непреклонно и настойчиво дрался за типографию университета, создал новую на основе капиталов Типографической компании, всеми силами охраняя свою книгоиздательскую деятельность от вмешательства масонских начальников. Поэтому руководители ордена — сначала Шварц, а потом Шредер — имели все основания подозревать Новикова в холодности к масонству и раздражаться его независимостью и свободой действий, все основания для борьбы с ним, целью которой было пресечение этой неугодной им деятельности, подчинение собственному строжайшему контролю созданных Новиковым, при их же помощи, обширных типографий, превращенных вопреки их намерениям в центр русского просвещения.

Современники и последующие поколения отлично понимали, как смел и как удачен был почин Новикова — использовать и организационную форму масонства и денежные средства ордена для объединения многих десятков передовых людей России вокруг патриотического большого общественного, просветительского дела. Герцен в своей статье «О развитии революционных идей в России», остановившись на просветительской работе Новикова, приветствовал как раз именно эту его смелость: «Какое громадное дело,— писал он,— эта смелая мысль соединить около одного нравственного интереса, в братскую семью, всех, кто

---

[1] А. Пыпин. Русское масонство, стр. 351.

только был умственно зрел, начиная с больших сановников империи, вроде князя Лопухина, до бедного школьного учителя и уездного лекаря».[1]

Прежде чем перейти к характеристике практической работы Новикова, необходимо остановиться на тех новых явлениях и событиях в жизни европейского и русского общества, которые помогут уяснить многое в деятельности русского просветителя.

---

[1] А. Герцен. Сочинения, т. VI, стр. 343.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

I

Важнейшими событиями конца XVIII века были две буржуазные революции: американская и французская.

Особенностью этих буржуазных революций Запада является тот факт, что там антифеодальная, антикрепостническая борьба крестьянства была возглавлена буржуазией. Как указывает И. Сталин, гегемония в этих революциях «принадлежала не пролетариату, который не представлял и не мог представлять по своей слабости самостоятельную политическую силу, а либеральной буржуазии. Там освобождение от кре-

постнических порядков получило крестьянство не из рук пролетариата, который был малочислен и неорганизован, а из рук буржуазии. Там крестьянство шло против старых порядков вместе с либеральной буржуазией. Там крестьянство представляло резерв буржуазии. Там революция привела, ввиду этого, к громадному усилению политического веса буржуазии».[1]

Последнее обстоятельство крайне важно в понимании идейной жизни того времени. С 1776 по 1783 год шла американская революция. Это была первая в XVIII веке буржуазная революция, которая привела к распространению и усилению буржуазной идеологии. Характерно в этом отношении небывалое наводнение Европы в 80-е годы сочинениями американских буржуазных идеологов, и в частности моральными сочинениями Франклина.

Через шесть лет победит вторая буржуазная революция — во Франции. Эта победа еще больше усилит политический вес и господство буржуазной идеологии. Действительно, в 70—90-е годы мы наблюдаем факт вторжения, в частности, в Россию этой идеологии. При этом обстоятельства складывались таким образом, что многое из этой буржуазной идеологии приходило в Россию в своеобразно опосредствованном виде, как такое идейное оружие, которое бралось на вооружение самодержавием и дворянством. Так Екатерина приспособила для своих целей политическую концепцию энциклопедистов. Так дворяне, проводя идейное перевооружение, вывезли с Запада сентиментализм. Так масоны усвоили и стали популяризовать утилитарную мораль янки, изложенную в сочинениях Франклина.

Перед русским передовым общественным движением, боровшимся за самостоятельную, самобытную русскую культуру, встала с особой остротой задача ограждения русского просвещения и литературы от индивидуалистической, антиобщественной в своей основе, антидемократической буржуазной идеологии. Антибуржуазность — одна из характерных черт русской передовой литературы XIX века — складывалась именно в 80-е годы XVIII века. Ведущей в этой области была деятельность Радищева. Фонвизин и Новиков, каждый по-своему, также внесли вклад в это исторически важное дело.

---

[1] И. В. Сталин. Сочинения, т. 6, стр. 126.

Возраставшая из десятилетия в десятилетие антибуржуазность русской литературы определилась, несомненно, социальными обстоятельствами, особым характером сложившейся в России борьбы с феодализмом. Ее вели, как известно, многие десятилетия русские крепостные. Вели долгие годы одни, без поддержки и помощи буржуазии, которая выступала в России как союзник самодержавия. Рабочего класса, как единственного класса, способного привести крестьянство к полной и действительной свободе, в России ни в XVIII, ни в начале и середине XIX века не было. «Когда было крепостное право,— вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство. Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли. Крестьяне не боялись зверских преследований правительства, не боялись экзекуций и пуль. . .» [1]

Как учит товарищ Сталин, русская буржуазно-демократическая революция пошла по пути, отличному от Запада, по пути союза рабочих и крестьян. «Так сложился союз рабочих и крестьян в буржуазно-демократической революции. Так сложилась гегемония (руководство) пролетариата в общей борьбе за свержение царизма, гегемония, приведшая к февральской революции 1917 года».[2]

Первыми русскими революционерами, отдавшими свою жизнь делу борьбы с царизмом и крепостничеством, как известно, были дворяне, бесконечно далекие от народа. В 40—60-е годы XIX века идеологами крестьянской революции явились революционные демократы.

Несомненно, тот исторический факт, что русское крестьянство не было в своей борьбе с феодализмом резервом буржуазии, тот факт, что в России отсутствовала революционная буржуазия, и определил возможность развития антибуржуазных тенденций в русской литературе.

В последней трети XVIII века антикрепостническая борьба русских крестьян приобрела особо массовый и острый характер. По своему социальному содержанию эта

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 6, стр. 384.
[2] И. В. Сталин. Сочинения, т. 6, стр. 126.

борьба против крепостничества, самодержавия Екатерины, феодализма была борьбой за буржуазную свободу. «Демократический переворот буржуазен»,— учит Ленин. «Но мы, марксисты, должны знать, что нет и быть не может другого пути к настоящей свободе пролетариата и крестьянства, как путь буржуазной свободы и буржуазного прогресса».[1]

Подлинным и единственным борцом за буржуазно-демократическое преобразование России до выступления на историческую арену пролетариата было крестьянство. Буржуазия, не будучи революционной, не возглавила крестьянскую борьбу, предала их интересы, не дала из своей среды революционеров. Другой класс — дворянство — дал революционеров. Первым русским революционером был Радищев. Его теория крестьянской революции и была в XVIII веке идеологией последовательной буржуазно-демократической революции, в результате победы которой было бы установлено буржуазное государство особого типа — «крестьянская буржуазно-демократическая республика». Вот почему Радищев видел ограниченность идеологии французского буржуазного просвещения и резко критиковал воззрения крупнейших мыслителей французского третьего сословия именно за буржуазный характер. Вот почему радищевские воззрения были враждебны русской буржуазии и XVIII, и XIX, и XX века.

Дворянские просветители — такие, как Новиков, Фонвизин и Крылов,— несомненно с меньшей последовательностью, чем Радищев, но и они, в той мере, в какой умели выражать чаяния и настроения крепостных, создавали объективно идеологию демократической борьбы за буржуазное преобразование самодержавно-крепостнической России.

Решительный пересмотр теорий буржуазных идеологов и практики буржуазных революций начал Радищев — первый русский революционер. И его величие определяется, между прочим, и тем, что начал он разработку иной, антибуржуазной философии, иной, антибуржуазной эстетики, иной, подлинно демократической теории народной революции в момент, когда на Западе буржуазия была революционной, когда она вела борьбу с феодализмом, выставляя свои интересы за интересы всеобщие. Вот почему чрезвычайно

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 9, стр. 92—93.

важно остановиться на первой в XVIII веке американской буржуазной революции, ибо в отношении к ней, прежде всего и с особой отчетливостью, проявилась антибуржуазность русского просвещения и передовой литературы.

Постановка мною вопроса об антибуржуазности русского просвещения, русской литературы не должна быть понята как антиисторическая попытка очернить и охаять великое наследие французского просвещения XVIII века. Нет нужды доказывать всю историческую прогрессивность теоретической и практической деятельности французских просветителей, всю объективную революционность их идеологии эпохи борьбы с феодализмом, крепостничеством, абсолютизмом. Всем нам хорошо известны слова Энгельса о просветителях: «Великие мужи, подготовившие во Франции умы для восприятия грядущей могучей революции, сами выступили в высшей степени революционно», они совершили переворот в области общественной мысли: «Все существовавшие дотоле государственные и общественные порядки, все унаследованные от прошлого воззрения были отвергнуты как неразумные и свалены в одну кучу. Мир в течение прошедших веков руководился нелепыми предрассудками; лишь теперь его озарил яркий свет разума, и все прошлое заслуживало лишь сострадания и презрения».[1]

Эта антифеодальная направленность французского просвещения была отлично понята русскими просветителями. И они, внимательно следившие за идейной жизнью мира, высоко ценили и как разящее оружие смело использовали в своей борьбе эту антифеодальную идеологию. Яков Козельский соберет из Энциклопедии Дидро и Даламбера, переведет и издаст два тома статей по вопросам философии, права, морали. Федор Ушаков будет «учиться мыслить» по философским книгам Гельвеция. Фонвизин с любовью относится к творчеству самого демократического писателя Франции — Руссо, с глубоким уважением говорит о его независимости от государей. Новиков, создав в Москве издательский центр, заказывает переводы и выпускает сочинения Вольтера, Дидро, Руссо, Бомарше, Лессинга и т. д. В своем журнале «Московское издание» он демонстративно солидаризируется с просветительским тезисом о большой общественной роли писателя и философа, прямо опираясь

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIV, стр. 357.

на Дидро, пропагандируя его точку зрения на роль философа и философии. Деятель культуры и просвещения последних десятилетий XVIII века Рахманинов и в своих журналах и в своей частной типографии переводит и издает сочинения Вольтера. Наконец, Радищев, высоко ценя философские воззрения Гельвеция, Гольбаха и Дидро, прямо опирается на них и использует в своей борьбе против идеализма, масонства и мистицизма.

Повторяю: все это факты несомненные, очевидные и ясные. Русское просвещение, русская передовая литература XVIII века действительно были отлично осведомлены об идейной жизни Запада и приветствовали лучшие антифеодальные сочинения, включая их в свой арсенал борьбы. Но ограничиться констатацией только этой стороны, как это делалось до сих пор, значит обеднить идейное содержание русской литературы, исказить исторический процесс сложения самобытной и самостоятельной политической и философской мысли в России.

Сила и своеобразие русского просвещения состоят в том, что оно не слепо, а сознательно и критически подходило к этим идейным ценностям. Оно увидело, например, ограниченность политической теории энциклопедистов, почувствовало индивидуализм, собственнический, антидемократический характер философии человека и Руссо, и Дидро, и всего буржуазного сентиментализма. Больше того, как мы знаем, обстановка в России сложилась таким образом, что эти слабые стороны идейных воззрений «великих мужей» использовали в России Екатерина и верные ей дворяне. Таким образом, борясь против слабых черт идеологии просвещения, русские деятели оберегали его честь, выдвигая вперед самые сильные его стороны, носившие подлинно революционный характер,— его философию, право, атеизм, учение о природе и т. д.

До сих пор эта черта русского просвещения не изучена в должной мере. До сих пор в науке замалчивалась двойственная природа буржуазного просвещения. Это приводило к идеализации литературного наследия «великих мужей», к исторически неверной, преувеличенной оценке их роли. Тем самым оставалась в тени важная особенность русского просвещения — его антибуржуазность. Тем самым снимался вопрос о путях формирования национально-самобытной передовой политической теории в России. А между тем Ленин

применительно к XIX веку прямо и совершенно точно определил характер этого процесса формирования передовой русской мысли.

Ленин писал: «В течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области. Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине выстрадала полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы».[1]

Как уже говорилось, события далекой от России американской революции русские передовые деятели воспринимали сквозь призму опыта крестьянской войны. Связь между вооруженными выступлениями народа против рабства и деспотической власти была несомненна. Революция заставила задуматься над коренными вопросами политического и социального бытия государств. Своеобразие передовой русской мысли проявлялось в том, что она оказалась способной отнестись к важнейшим событиям мировой истории не созерцательно, но и, в лице прежде всего Радищева, творчески.

По словам Белинского, именно в XVIII веке, в самом его начале, в петровское время, Россия вошла в число тех государств, вместе с которыми стала «держать судьбы мира на весах своего могущества». Решающую роль сыграла здесь война с Карлом XII — очередным претендентом на роль властелина мира. «Россия громами Полтавской битвы возвестила миру... о своем вступлении на поприще всемирно-исторического существования» (X, 143).

Последующие десятилетия еще более упрочили это место и положение России в системе государств мира; ни одно крупное событие века, как бы далеко от России ни было географическое место его свершения, не проходило теперь вне прямого или косвенного участия России, вне влияния

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 31, стр. 9.

русской политики. Это, в свою очередь, не могло не определить особенность развития русской культуры. Пора слепого перенимания, пора некритического освоения идейных ценностей, созданных человечеством, свойственная дворянской культуре петровско-елизаветинского времени, канула в вечность. С середины века, а особенно в последнюю треть его русские демократические деятели, взявшие на себя функцию руководства делом просвещения, относились к культуре мира по-хозяйски. Знакомясь с прошлым и настоящим идейным богатством передовых стран Европы, они умели воздавать должное достигнутым результатам и отвергать и осуждать резко и категорично то, что могло нанести вред русскому освободительному движению, делу борьбы с крепостническо-самодержавным государством.

Самое же главное, передовые русские идеологи, и прежде всего Радищев, уже тогда начинали выступать с самостоятельным теоретическим обобщением исторического опыта народов мира. Это явление первостепенной идеологической важности в истории русской общественной мысли, много объясняющее в русской культуре XIX века, определилось как раз в 70—80-е годы XVIII столетия. Безвозвратно кончилась та пора, когда исторический опыт других народов, и прежде всего опыт общественно-политической освободительной борьбы, приходил в Россию уже в опосредствованном виде, то есть в виде готовых политических, социологических и философских учений. Наступала новая эра — русский народ оказался способным выдвинуть мыслителя такого масштаба, как Радищев, который вполне самостоятельно и, как правило, опережая западно-европейских идеологов изучал, осмыслял и теоретически формулировал этот опыт. При этом формулировалась и обобщалась революционная борьба народов мира всегда и неизменно с позиций практических потребностей русского освободительного движения, с высот достижений и опыта русского исторического процесса. Так русская демократическая культура, русская революционная мысль приобретали всемирно-исторический характер.

Мы не должны забывать, что И. Сталин, А. Жданов, С. Киров категорически потребовали такого изучения русской жизни, при котором бы «история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и, вообще,

мировой истории».[1] Без учета этой особенности исторического развития XVIII столетия нельзя понять и истинного содержания русской литературы.

II

В 70—80-е годы внимание всего мира привлекли события первой в XVIII веке буржуазной революции. Соединенные Штаты как республиканское независимое государство родились в огне национально-освободительной войны, длившейся с 1776 по 1783 год. Эта война была крупным событием века. «История новейшей, цивилизованной Америки открывается одной из тех великих, действительно освободительных, действительно революционных войн, которых было так немного среди громадной массы грабительских войн...» «Это была война американского народа против разбойников англичан, угнетавших и державших в колониальном рабстве Америку...»[2] В ней принимали участие, прямо или косвенно, почти все крупные государства Европы. Борьба Соединенных Штатов за свою независимость не была частным делом американцев. В этой войне решалась судьба не только молодого народа: рождение и выход на арену международной жизни нового государства многое меняло в отношениях между странами Европы. Это не могло не вызвать всеобщего интереса к событиям за океаном.

Своеобразие этой революционной войны против «разбойников англичан» заключалось в том, что народ утверждал силой оружия не только свою независимость, но и республиканский буржуазный строй. Это была первая в XVIII столетии буржуазная революция. Она предшествовала французской революции 1789 года и давала народам Европы предметный урок борьбы за политическую свободу. Деятели американской революционной войны — Вашингтон, Адамс, Джефферсон — были воспитанниками и последователями французских просветителей. Революция за океаном поэтому явилась следующим за эпохой просвещения этапом в развитии политических и социальных идей

---

[1] И. Сталин, А. Жданов, С. Киров. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР. «К изучению истории», М., 1938, стр. 24.

[2] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 28, стр. 44.

XVIII века. Там, в Америке, «возникла впервые... идея единой великой демократической республики... была провозглашена первая декларация прав человека и был дан первый толчок европейской революции XVIII века...»[1]

Историческая закономерность образования нового независимого государства отчетливо понималась современниками. Война с Америкой, которая велась королем Георгом III и реакционным правительством Норта, была непопулярна в широких массах. В английском парламенте из года в год росли силы оппозиции.

Десятки передовых деятелей Франции лично принимали участие в американской войне. Маркиз Лафайет, будущий участник французской революции, выехал в Америку вместе с отрядом добровольцев на корабле «Свобода». Юный Сен-Симон, будущий утопист, был увлечен революцией и в 1779 году отправился за океан, в Америку, где принимал участие в сражениях под руководством Вашингтона. Бомарше выступил организатором крупного предприятия по снабжению республики оружием. Рейналь, политический писатель, находившийся в дружеских отношениях с энциклопедистами, в 1781 году выпускает книгу «Révolution d'Amérique». Книга отвечала возросшему в обществе интересу к Америке. В ней подробно освещался ход революционных событий, она знакомила с жизнью Америки.

Приезд в Париж Вениамина Франклина в качестве посла республики привлек внимание общества. Резиденция посла стала местом паломничества. Будучи в заключении, Мирабо, узнав о декларации американцев, приветствует почин народа.

Американская революция особо остро поставила вопрос о закономерности, исторической целесообразности и естественности стремлений народов изменить общественное и государственное устройство. Декларация республики, провозглашавшая право народа устраивать свою судьбу на началах справедливости, право силой оружия отстаивать свои идеалы, подкреплялась военными действиями армии Вашингтона.

Мысль о свободе переставала быть только мечтой. Становилось очевидно, что путь к свободе — в борьбе. Газет-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIII, ч. 1, стр. 21.

ные сводки о военных действиях, о доблести патриотов нарушили привычную ограниченную национальными рамками жизнь народов. Американские дела волновали все страны Европы, как свои собственные, именно потому, что послужили поводом, предлогом, сигналом к тому, чтобы заняться своими собственными, домашними делами.

Передовые круги европейской буржуазии приветствовали в Америке именно революцию, восходившую зарю свободы, славный почин. Отсюда и восторженность и энтузиазм в выражениях чувств и симпатий к заокеанской республике. Но изучение документов свидетельствует, что передовая Европа несколько раздула революционное свободолюбие американцев, она героизировала то, что не всегда было героическим и, больше того, даже иногда оказывалось не лишенным духа стяжательства, торгашества и своекорыстия. В Европе не замечали или не хотели замечать ряда особенностей американской революции. Не замечали, что борьба началась не случайно, как протест против введения Англией гербового сбора, что вообще материальный интерес, и прежде всего интерес к свободной торговле, был едва ли не главным двигателем этой борьбы. Девизом многих борющихся были поэтому не свобода и равенство, а слова виднейшего деятеля движения Диккинсона — «материальное благополучие». Не случайно поэтому во главе борьбы американского народа против английского владычества стали богатейшие землевладельцы. Не случайно, что даже вопрос о независимости для американцев в первые годы войны не был главным и решающим. Множество политических деятелей считали: были бы удовлетворены их требования о свободе торговли, а тогда можно было бы существовать и под английской короной! Об этом писал тот же Диккинсон в «Письмах пенсильванского фермера». Такова же, как свидетельствуют архивные документы, была и официальная политика конгресса. Американский посол в Париже Франклин, выполняя директивы своего правительства, не раз ставил перед французским королем такую дилемму: или пусть Франция увеличит масштаб своей борьбы с Англией, или, в противном случае, они, американцы, пойдут на мировую с Англией. Вот любопытное донесение русского посла в Париже князя Барятинского в Петербург об этой политике: «Некоторые знаменитые люди, милостивый государь, уверяют, что конгресс через

Франклина учинил здесь требование, чтобы Франция дала им вспомогательные войска и снабдила их деньгами, без того окажутся они принужденными искать примириться с Англией, что вследствие той просьбы и посылают туда войска».[1] Не случайно, наконец, новая буржуазная республика, принявшая пышную декларацию прав человека и гражданина, складывалась как государство с узаконенным рабовладением (рабство негров).

Эти-то особенности американской войны за независимость не могли не определить общеидейного характера движения. Несмотря на то, что в 1778—1779 годах в борьбу с наемными армиями короля Георга III включились довольно широкие (конечно, в масштабах трехмиллионного населения страны) круги американских тружеников, движимых ненавистью к английским колонизаторам, воодушевленных идеей политической независимости и свободы,— они не смогли преодолеть идеологической ограниченности этой революции. Руководителями американского народа оказались ходом истории люди довольно умеренных убеждений, ее идеологами — виднейшие начальники масонского ордена. Закономерным поэтому было их намерение характеризовать и трактовать события, прежде всего, как войну за независимость, за свободу торговли, за справедливость, а не как народную революцию, вызвавшую значительную политическую активность народа. Вот почему политический опыт вооруженной борьбы американских фермеров, городской бедноты и ремесленников не нашел своего теоретического обобщения, исторически-философского осмысления на американском континенте.

Во Франции события за океаном и героизировались и приветствовались третьим сословием именно как революция; для него, чувствовавшего подземные толчки близящейся революции в своей стране, эти события звучали, по словам Маркса, «набатным колоколом».[2] Но и здесь до 1789 года идейный опыт американской революции не был осмыслен и не был взят на вооружение. Об Америке и ее опыте вспомнили в годы революции, в годы образования новой

---

[1] Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Коллегия иностранных дел, сношения России с Францией, д. № 354.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVII, стр. 7.

государственности. И, видимо, вина в данном случае падает на деятелей французского просвещения (Монтескье, Вольтера, Дидро, Мерсье де ла Ривьера, Тюрго, прежде всего), политически далеких от идей народной революции, слишком долго, настойчиво и страстно пропагандировавших концепцию просвещенного абсолютизма как идеальной формы правления, призванной осуществить великие идеалы свободы.

Но была страна, где события за океаном не только привлекали внимание правительства, сумевшего, кстати, найти способ вмешаться в них и предопределить в конечном счете их исход, не только вызывали интерес со стороны общества, но и были теоретически обобщены идеологом, решившим при этом историческую задачу, оказавшуюся не под силу ни французским просветителям, ни американским деятелям. Этой страной была Россия.

III

С первых же дней войны американского народа за свою независимость русское правительство поставило эти события в центр своего внимания. Руководителем русской внешней политики был в ту пору Никита Панин — образованный человек, глава дворянского либерализма. Будучи сторонником «фундаментальных законов», которые бы ограничили произвол самодержца, Панин считал необходимым установить справедливый порядок взаимоотношений между крестьянством и дворянством, что явилось бы, по его мнению, основой процветания, роста силы и могущества Российского государства.

С начала войны все русские послы в европейских государствах, и прежде всего послы во Франции и Англии, получили строжайшее указание Панина с особой тщательностью и подробностью доносить обо всем, что связано с войной американских «областей». Изучая ход войны, определяя возможности ее участников, трезво оценивая причины, ее вызвавшие, и перспективы образования нового государства, Панин подготавливал мнение для определения Россией своей политики в этом вопросе.

А события тем временем нарастали. Неутомимый представитель Америки Франклин настойчиво склонял Францию к военному союзу. Французское правительство, помогая

13 провинциям, оттягивало в то же время официальное вступление в войну. Тогда Панин вырабатывает план действий, смысл которого сводится к поощрению Франции в ее намерении выступить в качестве военного союзника Америки. Главная роль в проведении намеченной Паниным политики выпала на посла в Париже князя Барятинского. От его находчивости, быстроты действий, умения собрать всю нужную официальную и неофициальную информацию для Панина зависела успешная реализация плана.

Материалы архива министерства иностранных дел позволяют сделать вывод, что русский посол справился с возложенной на него задачей. Все депеши Барятинского в коллегию иностранных дел за годы 1776—1783 почти сплошь заполнены сведениями о борьбе американцев за независимость, о поступках, делах и даже намерениях Франклина, о ходе переговоров между Францией и Америкой, о действиях английского морского флота против французских торговых судов, перевозивших продовольствие, оружие и солдат. Депеши Барятинского в части американских дел сопровождались, как правило, многочисленными приложениями (документы министерства иностранных дел, газеты, журналы, дополнительные сведения в виде частных писем и т. д.). В 1776—1777 годах, когда Америка особенно усиленно и настойчиво добивалась у Франции согласия на заключение трактата о военном союзе и торговле, угрожая в противном случае приступить к переговорам о мире с Англией, Барятинский исправно сообщал в Петербург об этих требованиях Франклина, указывая на уклончивое поведение французского министра иностранных дел Верженa. В ответ на это Панин предлагал Барятинскому настойчиво твердить Вержену, что Россия с удовлетворением встретит вступление Франции в войну на стороне Америки.

К 1778 году переговоры вступают в новую стадию и, наконец, приближаются к своему завершению. Барятинский, получив неофициальные сведения от близких к Франклину людей, спешит сообщить их в Петербург: «В недавнем времени приехали сюда два комиссионера от американского министерства с требованием от здешнего правительства решительного ответа, что желают заключить с ними трактат или нет».[1]

---

[1] ЦГАДА — там же, депеши из Парижа за 1778 г., д. № 333.

В декабре 1777 года парижская газета «Европейский курьер» поместила сообщенную Франклином речь Вашингтона перед войсками, в которой он говорил, «что Франция вскоре объявит явно даваемую помощь Америке».[1] Видимо, по мысли Франклина, это сообщение должно было ускорить ход переговоров с Верженом. Барятинский, прежде чем отправить этот номер газеты Панину, стремится, используя свои связи, убедиться в подлинности речи Вашингтона. В скором же времени ему удается у одного из друзей Франклина найти подлинный текст речи Вашингтона, который он отправляет в Петербург. Так было всегда — Барятинский все нужные правительству сведения об Америке давал не только исправно, но и из самых точных источников, нередко используя для этого связи с людьми, близко стоявшими к американской миссии.

Наконец в 1778 году переговоры о заключении трактата завершились, и королевская Франция, при сочувствии и одобрении этого акта Россией, объявила о своем вступлении в войну с Англией на стороне заокеанской республики.

К 1779 году для России назрела потребность точно сформулировать свою политику, и Екатерина поручила сделать это Панину. Последний не замедлил представить «Всеподданнейший доклад секретной комиссии экспедиции коллегии иностранных дел». Доклад — плод самого пристального изучения возникшей мировой проблемы — намечает ту линию поведения России, которая проводилась до самого конца войны, до 1783 года. Тщательно анализируя сложившуюся обстановку, Панин заключает: «в результате то и оказывается», что отделение 13 провинций в самостоятельное национальное государство является важным и законным актом, для России выгодным, почему русское правительство и не может не способствовать окончанию войны в пользу Америки.[2]

К этому же времени относится другой любопытный документ: в бумагах Екатерины мы находим записку, в которой дана характеристика текущего международного момента. Вот что мы читаем в этой записке: «В настоящее время все государства переживают кризис. Они попеременно испытывают те переходные конвульсии, которые по-

---

[1] ЦГАДА, депеши из Парижа за 1778 г., д. № 333.
[2] Архив Воронцова, т. 34, М., 1888, стр. 393—401.

трясают, рушат или превозносят царства... Турция дышит понемногу... Польша привыкает к шаткости судьбы своей. Италия ждет и надеется. Венеция грустит... Америка образуется».[1]

Не найдя поддержки в народе, правительство Норта пыталось опереться на вооруженные силы других стран. Уже в своем докладе Панин писал, что английские министры полагают, что «гинеи достанут всегда им союзников», тем более, что есть множество немецких князьков, «обвыкших кровь подданных своих ставить в цену и продавать за наличные деньги».[2] И действительно, около половины солдат, сражавшихся с армиями Вашингтона, были наемные пруссаки и баварцы. Их число увеличивалось с каждым годом, ибо все попытки Норта достать солдат в других странах терпели неудачу. Категорическим отказом ответил и Панин на циничное предложение английского посла Гэнинга послать на подавление американской революции десятитысячный русский корпус.

Но первая неудача не заставила Норта отказаться от мысли привлечь Россию на свою сторону. В Петербург был послан даровитый английский дипломат Гаррис со специальным заданием добиться заключения с Россией союзного трактата. В сложившейся международной обстановке, когда на стороне Америки выступили две сильные европейские державы — Франция и Испания, исход войны мог быть, конечно, предрешен для Норта только союзом с Россией.

Немедленно по приезде в Петербург Гаррис сообщил Панину об этих надеждах английского двора: «По убеждению лондонского кабинета одна императрица была в состоянии принудить его врагов положить оружие».[3] Тот же Гаррис привез из Лондона уже готовый проект такого трактата. Эту заинтересованность отлично понимал Панин и именно потому отвечал отказом Гаррису и в 1778, и в 1779, и в 1780, и в 1781 годах, когда в соответствии с торгашеским принципом английской дипломатии Нортом были выдвинуты особенно выгодные для России условия. Соответственно панинской позиции была указана русскому послу в Лондоне Симолину тактика поведения. В инструкции

[1] Сборник русск. историч. общества, 1869, т. II, стр. 411.
[2] Архив Воронцова, т. 34, стр. 394.
[3] Ф. Мартенс. Трактаты с Англией, т. IX, СПБ., 1892, стр. 291.

Екатерины 1779 года говорится о его обязанности, учитывая, что нынешний нортовский кабинет находится в «критическом и нежном положении», держаться «одних неопределительных генеральностей».[1]

Смысл панинских предложений о мире сводится к тому, что правительство Норта должно прекратить затеянную им войну, признать 13 американских областей независимыми, заключить с ними, как с самостоятельным государством, «приличный договор». Лондон ответил отказом на это предложение, указав, что единственным условием мира может быть покорность колоний английской короне. Не добившись, таким образом, прекращения войны и заключения мира, Панин стал изыскивать более действенные аргументы, чем простое предложение услуг посредника. Необходимость вмешательства в события обусловливалась затянувшейся войной, в которой силы воюющих начинали уравновешиваться, и возможность победы Америки становилась все более проблематичной. Сообщения Барятинского, отмечая эту особенность войны, становились все более тревожными — из Америки стали настойчивее раздаваться голоса о прекращении войны и капитуляции перед Англией. В одной из депеш читаем: «Маркизу Делафайету, как верные люди меня уверяли, приказано конгрессу сделать сильные обнадеживания, что Франция всю возможность употребит к удержанию их независимости, и притом поручено ему доставление провианта и съестных припасов на сию кампанию».[2]

В последующих депешах Барятинский сообщает об отправке в Америку обмундирования, продуктов питания, артиллерийского парка и обученных войск. Но не всегда эта помощь оказывалась эффективной. Англия, располагая сильным флотом, постоянно расстраивала регулярные рейсы торговых кораблей Франции. Потери торгового флота вызывали в Америке и Франции смятение. Всем было очевидно, что если положение в ближайшее время не изменится, то действия Франции как союзника могут быть сведены на нет. Для правительства Норта, в свою очередь, было ясно, что, осуществив блокаду, оно сумеет расправиться с непокорными американцами. Но выполнению плана

---

[1] В. Александренко. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке, т. I, Варшава, 1897, стр. 51.

[2] ЦГАДА, депеши из Парижа за 1778 г., д. № 354.

блокады мешал возраставший флот противника, который с каждым годом подрывал морское могущество Англии. Для спасения положения соединенный франко-испанский флот стал конвоировать свои торговые суда. При этом хотя и не была достигнута полная безопасность плавания, все же английский план блокады Америки значительно подрывался.

Именно в этот момент равновесия сил английский король Георг III обратился к Екатерине II за помощью: «Сестра моя! .. я восхищен был величием ваших талантов, благородством ваших чувств и широтой ваших взглядов. Нынешнее положение в Южной Европе представляет этим качествам новую возможность выгодно развернуться и довершить славу вашего царствования. Намерения врагов моих, будь они даже тщательно маскируемы, не могли бы ускользнуть от проницательного взора вашего величества. Но враги мои и не пытаются вовсе скрыть их: они с аффектацией открывают их всем, хвастают своими проектами и чаяниями, рассчитанными единственно на то, чтобы перевернуть всю Европу вверх дном. Их проекты могут осуществиться, если в такой критический момент ваше величество останется равнодушным зрителем. Применение, даже частичная демонстрация морских сил могли бы восстановить и укрепить спокойствие Европы, рассеять организовавшуюся против меня лигу и утвердить систему равновесия, которую эта лига стремится уничтожить. Я желал бы и всегда буду желать мира, но на условиях, гарантирующих сохранение моих прав, интересы моих друзей и союзников, нераздельно связанных с нашими, на условиях, соответствующих достоинству моей короны.

«Пребываю, сестра моя, вашего императорского величества искренне любящий брат *Георг*».[1]

Главным вопросом войны, вопросом, обусловливавшим победу американского оружия и завоевание независимости тринадцатью областями, являлся вопрос английской блокады Америки. Английский флот стал брать перевес, и десятки французских и испанских торговых судов, груженных оружием, или топились, или захватывались, или попросту не допускались к берегам Америки многочисленными английскими военными кораблями. Таким образом вопрос решался не столько в сухопутных сражениях, сколько

---

[1] «История дипломатии», т. I, М., 1941, стр. 309—310.

на море. Будущность нового государства зависела от исхода морских сражений, от того, насколько благополучно кораблям союзников удастся пробиться в американские порты.

Панин правильно оценил центральную проблему войны и разработал потому доктрину морского вооруженного нейтралитета, будучи уверен, что проведенная в жизнь политика вооруженного нейтралитета как раз и окажется тем действенным средством, которое вынудит воюющие стороны согласиться на мир с условием признания Америки независимой.

В чем же коренилось это убеждение Панина? Смысл политики вооруженного нейтралитета сводился к следующему: Россия особой декларацией уведомляла воюющие стороны, что она, исходя из принципов свободы торговли, будет попрежнему (несмотря на войну) вести торговлю со всеми государствами. В связи же с бывшими случаями нападений военных кораблей воюющих стран на торговые суда нейтральных государств русская императрица объявляла, что она «не колеблется заявить, что для поддержания их и для охраны чести ее флага, безопасности торговли и мореплавания ее подданных против кого бы то ни было она повелит отрядить значительную часть своих морских сил».[1] Одновременно с этой декларацией, обращенной к воюющим государствам, особыми нотами правительства Швеции, Голландии, Дании и Португалии приглашались присоединиться к данному акту России.

В одном из панинских документов мы находим прямое свидетельство того, что разработанная им доктрина вооруженного нейтралитета являлась, по его мнению, именно тем безусловным средством, которое неизбежно должно привести к прекращению войны. Вот панинские слова, сказанные 5 марта 1780 года: «Соединение 5 нейтральных держав, кое, конечно, сбудется к славе и величию России (соединение нейтральных Дании, Швеции, Голландии, Австрии и Португалии под общим руководством России сбылось очень скоро, как и предполагал Панин.— *Г. М.*), придаст еще более важности нашим бескорыстным стараниям восстановить тишину в Европе».[2]

Но разработкой доктрины вооруженного нейтралитета, дипломатической подготовкой объединения нейтральных

---

[1] В. Александренко, т. II, стр. 206.
[2] Ф. Мартенс, т. IX, стр. 311.

стран вокруг русской декларации о вооруженной защите нейтральной торговли Панин и Екатерина не ограничились.

Решив проводить политику вооруженного нейтралитета, и Екатерина и Панин знали, что тем самым вмешиваются в ход войны, и не только вмешиваются, но и решают ее в пользу Америки. Одним из многочисленных свидетельств этого является тот факт, что известие о декларации произвело, по словам русского посла в Лондоне Симолина, «разочарование английских министров», ибо они поняли, что «русские эскадры снаряжаются для охранения прав нейтральных держав против Англии».[1] Наоборот, французское правительство, союзник американской республики, приняло декларацию с восторгом и немедленно передало ее Франклину, а тот со специальным нарочным Адамсом срочно отправил ее конгрессу, который в заседании 5 октября 1780 года с удовлетворением выразил свое согласие с принципами вооруженного нейтралитета. Больше того, русскому правительству конгресс выразил благодарность за проведение этой покровительственной политики, а русская правительственная газета «Санкт-Петербургские ведомости» не замедлила сообщить своим читателям, что «конгресс... изъявил многими своими изданными определениями наиглубочайшее почтение к великодушным ея императорского величества законоположениям и усердие свое споспешествовать оным».[2]

Эта благодарность американского конгресса, это удовлетворение французского правительства русской политикой объяснялись тем, что провозглашенная, благодаря вооруженному нейтралитету, свобода торговли шести нейтральных стран срывала окончательно план английской блокады Америки. Таким образом, зная, что осуществление политики вооруженного нейтралитета непременно поведет к окончанию войны и тем самым обеспечит победу соединенным областям Америки, русское правительство пожелало этот свой шаг вынести из недр тайной дипломатии, решило сделать его достоянием гласности.

Декларация о вооруженном нейтралитете была подписана 9 марта 1780 года. В начале апреля она уже была

---

[1] Ф. Мартенс, т. IX, стр. 311.

[2] «Санкт-Петербургские ведомости», 1781, № 17, стр. 134.

опубликована в европейской печати. Серия апрельских депеш Барятинского посвящена характеристике того впечатления, какое произвела декларация на французское правительство и на общественное мнение Голландии и Франции. Объявление в Голландии декларации о вооруженном нейтралитете и мемориала о приглашении Голландских генеральных штатов «к защищению торговли нейтральных держав» вызвало ликование общества. Голландский посланник в Париже поспешил сообщить об этом Барятинскому, а последний донести Панину: «Голландский посол в сегодняшнем политическом собрании сообщил мне, что ему от своего министерства приватным еще образом дано знать, что вся республика в восхищении от столь мудрого и человеколюбивого ея величества подвига».[1]

Депеша от 13 апреля 1780 года целиком посвящена описанию дипломатических шагов Барятинского, в связи с вручением французскому правительству декларации, и характеристике мнений парижского общества, узнавшего об этой декларации из газет. Прежде всего из этой депеши мы еще раз убеждаемся, что политика вооруженного нейтралитета, проводимая русским правительством, укрепила дружбу с Францией, вызвала ее одобрение и удовлетворение именно как союзника американской республики за то, что эта политика способствовала достижению цели войны — приобретению независимости американским народом. Министр иностранных дел Вержен просит Барятинского передать Панину, «что добрая дружба с Россией для взаимных интересов весьма полезна, но настоящее дружеское ныне с вами соглашение почитаем мы еще более приятным. . .» «Я еще вам скажу и более, вся нация о пребывающей и настоящей дружбе и согласии с Россией оказывается весьма довольною».[2] «Нация», помогавшая американской республике, действительно была очень довольна декларацией, о чем и спешила публично и во всеуслышание заявить. «В прошедший понедельник,— сообщает Барятинский,— то есть с последнею почтою, из Голландии получены газеты, и во всех оных врученный мемориал князем Голицыным Генеральным штатам и Декларация напечатаны. Я не могу вашему сиятельству описать, какую сенсацию оное здесь производит

---

[1] ЦГАДА, депеши из Парижа за 1780 г., д. № 354.
[2] Там же.

в публике, сходятся толпами в публичных сборищах и с восхищением о высочайшем имени ея императорского величества кричат, яко о защитнике человеческого рода и прямой его вольности, и генерально и единогласно заключают: мир теперь есть в руках ея величества».[1]

В той же депеше Барятинский сообщает о том, как сбываются панинские замыслы — сделать политику вооруженного нейтралитета средством обеспечения мира между воюющими странами: «Благоразумные же люди, милостивый государь, входят в подробные исследования о сем деле, рассуждают, что от сего ея величества подвига (провозглашение декларации.— *Г. М.*), если возымеет желаемый успех (то есть если присоединятся другие нейтральные страны, а они присоединились довольно быстро, в том же 1780 году.— *Г. М.*), конечно, не только последствием будет мир, но и оный суть единствен к восстановлению сущего равновесия в Европе».[2]

Последующие события быстро повели дело войны к развязке. Ставка Норта на блокаду Америки, вследствие блестяще осуществленной политики вооруженного нейтралитета, потерпела крах, надежда на союз с Россией не оправдалась, силы союзных армий на территории Америки беспрерывно увеличивались, все чаще английская армия стала терпеть поражения, внутри Англии все активнее проявлялось недовольство масс американской войной, все энергичнее выступала оппозиция, особенно в лице Фокса, требуя немедленного признания независимости американских областей,— в Англии назревал кризис, приведший к отставке Норта. Новое правительство Рокингама — Фокса немедленно по приходе к власти объявило о начале мирных переговоров с американской республикой. А уже через два месяца Фокс поспешил уведомить русского посла Симолина, что новое правительство признает политику вооруженного нейтралитета, проводимую русским правительством, правильной, а принципы декларации справедливыми. Он просит передать в Петербург, что «его великобританское величество не видит никакого затруднения объявить, что он принимает как основание особенного мира свободное мореплавание» согласно принципам, провозглашенным в декларации.

---

[1] ЦГАДА, депеши из Парижа за 1780 г., д. № 354.
[2] Там же.

Вскоре, в том же 1783 году, в Версале, вновь при посредничестве и участии России, встретились представители Соединенных Штатов Америки, Франции и Великобритании для подписания документа, дававшего жизнь новому государству.

Позиция, занятая Екатериной II в войне молодой республики с Англией, не отличалась оригинальностью — раньше ее королевская Франция выступила открыто на стороне восставших. И нет нужды доказывать, что Людовик XVI и Екатерина II были бесконечно далеки от какого бы то ни было сочувствия к «бунтовщикам». Напротив, мы отлично знаем, что оба монарха люто ненавидели восставший народ. Истинное екатерининское отношение к событиям проявилось и в категорическом нежелании признать Соединенные Штаты и, в частности, в том яростном негодовании, которое вызывал у нее один из деятелей революции — Франклин,— она, например, вменила Радищеву как вину его похвалу Франклину.

И королевская Франция и самодержавная Россия способствовали успеху молодой республики по соображениям откровенно корыстным — отделение тринадцати колоний от Англии ослабляло могущество этой державы, создавало дополнительные экономические выгоды от свободной торговли с американцами без посредничества английских колонизаторов. Но в действительной истории эта политическая игра монархов привела к огромным последствиям, совершенно не предвиденным ни Людовиком XVI, ни Екатериной II. Прежде всего благодаря такой политике была достигнута победа, определившая образование нового государства мира, создание первой в XVIII веке буржуазной республики. Кроме того, антианглийская политика обоих правительств во время войны легализировала общественные симпатии к республике, к вооруженной борьбе народа.

Действительно, как свидетельствуют факты, такая политика Людовика XVI и Екатерины II позволила передовым кругам дворян в России и третьему сословию во Франции открыто в течение нескольких лет на страницах книг, журналов и газет обсуждать ход восстания, причины его и, наконец, победу народа. Нельзя не признать, что обсуждение этих событий развивало вкус к политике, развязывало общественную инициативу, то есть просвещало тысячи людей, что отвечало целям и задачам просветителей.

Должно быть отмечено и различие позиций в осуществлении политики вооруженного нейтралитета Екатерины II и Панина. Русская императрица, верная своим принципам лживого, показного либерализма, не замедлила и эту свою политическую игру выдать «перед лицом всего света» как действие просвещенного монарха, сочувствующего освободительным стремлениям американского народа. Отсюда и публикация в европейских газетах декларации о вооруженном нейтралитете,— спекулируя на общественном интересе к восставшим, Екатерина II спешит сама рекламировать свои действия, стремясь заставить своих европейских друзей вновь заговорить о ней.

Несомненно, иные причины определяли поведение Панина. Намечая и проводя курс на «восстановление тишины в Европе», он руководился прежде всего патриотическими соображениями. Любя Россию, понимая, что его отечество стало государством, «которое силою и славою своею обращает на себя внимание целого света», он стремился мудрой дипломатической политикой в этой войне еще более укрепить авторитет России. Вот почему ближайший друг и соратник Панина Фонвизин писал о нем с гордостью, как об истинном творце политики вооруженного нейтралитета, отмечая огромный авторитет «правившего иностранными делами России министра»: «Вся Европа почитала в нем великого государственного мужа».

IV

Передовое дворянское общество именно потому, что оно только что пережило крестьянскую войну, с большим вниманием отнеслось к далеким американским событиям. Писателями, которые не только проявили интерес к революционной борьбе американского народа против колониального владычества «разбойников англичан», но и выразили с наибольшей полнотой свое отношение к ней, были Фонвизин, Новиков, Радищев.

Своеобразие фонвизинского отношения к американским событиям определялось его служебным положением секретаря коллегии иностранных дел, ближайшего помощника и друга министра иностранных дел Панина. Выше уже говорилось, что Панин принимал меры к обузданию наглого владычества англичан, используя весь огромный авторитет

России для прекращения войны и установления «тишины в Европе». Фонвизин, таким образом, оказывался в центре политических событий эпохи.

После выступления русских крепостных он имел возможность вторично наблюдать движение народа и на этот раз видел, как общественно-политическая активность угнетенных изменила государственный режим. Больше того, ему довелось активно включиться в эти политические дела. В 1777 году он едет во Францию, и в частности в Париж, который был в то время европейским центром американской войны. Фонвизин прибыл как частное лицо, как русский писатель. Это неофициальное положение было удобно для него, доверенного лица Панина. Американский посол в Париже Франклин, узнав о приезде Фонвизина, немедленно стал искать путей сближения с ним — так крайне необходима была американскому правительству помощь России. Эта встреча наконец состоялась в литературном собрании в 1778 году. Подробности об этом Фонвизин немедленно сообщил Панину в Петербург.

Во время пребывания во Франции Фонвизин писал на родину сестре и брату министра Петру Панину. Письма эти — замечательный образец художественной прозы XVIII века. Это к тому же первое после разгрома крестьянской войны произведение Фонвизина. Идейное значение писем в том, что они запечатлели важнейшие политические события 70-х годов: момент развертывания американской буржуазной революции, канун французской буржуазной революции, то есть ту пору, когда укреплялся политический вес буржуазии, когда буржуазная идеология принимала воинствующий характер. Потому-то, исходя из общих задач русского просвещения, Фонвизин с небывалой дотоле силой развернул защиту русской культуры от враждебных чужеземных влияний. Центральные мотивы писем — критика растленной дворянской культуры и буржуазной морали, уже утверждавшейся во Франции, критика тех корифеев буржуазного просвещения (Дидро, Даламбера и др.), которые, игнорируя русское общественное движение, укрепляли авторитет русского самодержавия, нанося тем прямой вред русскому народу.

Белинский поразительно точно определил тему писем: «читая их, вы чувствуете уже начало французской революции в этой страшной картине французского общества,

так мастерски нарисованной нашим путешественником» (XI, 205).

Зоркий глаз политического писателя отметил и новый характер складывавшихся буржуазных отношений с их господством «чистогана» и властью денег. Все — и дворяне, и духовенство, и торжествующие буржуа — заражены были «корыстью» и жаждой денег. «Ни порода, ни наружные знаки почестей не препятствуют нимало снисходить до подлейших обманов, как скоро дело идет о малейшей корысти». «Кавалеры св. Людовика», «подольстясь», получают у чужестранцев займы и «на другой же день скрываются вовсе с деньгами от своего заимодавца! Сколько промышляют своими супругами, сестрами, дочерьми! Словом, деньги суть первое божество здешней земли».[1] Вот почему, чем точнее описывал Фонвизин жизнь Франции в канун революции, чем яснее была ему гнилость режима Людовика XVI, чем отчетливее видел он хищный оскал складывавшегося нового, буржуазного мира с властью «чистогана» и денег, тем искренней и настойчивей звучало в письмах патриотическое желание вернуться домой, тем чаще и проникновеннее он писал о родине. Вывод же путешественника был категорическим: «Славны бубны за горами — вот прямая истина!»

Плод точных и трезвых наблюдений, эти письма, пожалуй, впервые давали русскому читателю объективную картину быта и нравов, политического и экономического устройства, культуры и жизни общества, неуклонно шедшего к буржуазной революции. Нарисованная писателем картина жизни Франции способствовала освобождению от «французской заразы», заставляла задуматься над многими существенными вопросами, возбуждала интерес к явлениям русской жизни, русской истории, русской культуры, а порой — и гордость ими.

Другим важным идейным стержнем писем было знаменитое выступление Фонвизина против крупнейших философов: Дидро и Даламбера. Смысл фонвизинской критики становится ясным в свете того обстоятельства, что эти люди были творцами легенды об Екатерине — просвещенной монархине, философы и писатели, покровительствуемые и опекаемые ненавистной Фонвизину русской императрицей.

---

[1] Д. Фонвизин. Сочинения, стр. 328.

Совсем не случайно в данном контексте подчеркнуто уважение русского писателя к Руссо, единственному деятелю Франции, не пожелавшему вступить в какие-либо отношения с Екатериной. Таким образом фонвизинская критика Дидро и Даламбера есть в то же время и обличение двора и политики русского самодержавия, сумевшего использовать авторитет корифеев просвещения для укрепления своей деспотической власти.

Безусловно, в этом своем резком суждении Фонвизин несправедливо и даже клеветнически называет этих людей «шарлатанами», незаслуженно и без всякого основания пытается очернить всю их замечательную деятельность. Но это объясняется как тактической задачей — дискредитировать тех, кто служил ненавистной русской императрице, так и убеждениями Фонвизина, которому претил атеизм Дидро, которого пугала мораль «интереса».

Фонвизин принадлежал к дворянским просветителям. Его мировоззрение было ограниченным, его политические убеждения, не поднявшиеся выше концепции просвещенного абсолютизма, завели его, отлично понявшего деспотический характер правления Екатерины, в идеологический тупик. Но несмотря на свою дворянскую ограниченность, несмотря на то, что идейно-политический смысл творчества того, кого критиковал Фонвизин,— Дидро,— бесконечно шире и значительнее фонвизинского, ибо оно играло объективно-революционную роль,— все же выступление Фонвизина против буржуазной морали, основанной на власти денег, против отношений «чистогана», складывавшихся во Франции, против практической деятельности Дидро по созданию русскому деспоту «алтаря» имело глубоко прогрессивное значение. Это значение станет тем большим, если мы вспомним, в какой момент выступил Фонвизин — в эпоху бурного вторжения буржуазной идеологии в Россию, в эпоху, когда проходило на ее базе идейное перевооружение дворянства и укрепление самодержавной власти после пугачевского восстания.

V

С начала 80-х годов московские масоны повели с повышенной активностью орденские дела, полностью отдавшись исканию «высших истин» и «градусов». Верный своим про-

светительским убеждениям, своим антимасонским статьям в «Утреннем свете», Новиков, чутко уловив перемены в умонастроениях передовых кругов дворянской и разночинной интеллигенции, отметив рост интереса к общественным делам, с небывалой дотоле силой отдается не только просветительской работе (книгоиздательство), но и, прежде всего, политике. Три своих периодических издания — газету «Московские ведомости» (с 1779 по 1789 год), журналы «Московское издание» (1781 год) и «Прибавление к Московским ведомостям» (1783—1784 годы) — он почти целиком посвящает политике.

Новиков, живший всегда интересами общества, отлично понимал, что после томительных лет реакции наступил перелом, что общество стало усиленно интересоваться политикой. В центре же «политики» с 1779 года были американские дела. Если нельзя было говорить о праве русского народа на изменение политического режима, то можно было обсуждать право и опыт американцев решать свою судьбу. И вот Новиков реорганизует «Московские ведомости», изменяет их направление. Если раньше содержание их исчерпывалось опубликованием правительственных указов и торговых объявлений, то теперь Новиков заполнил страницы газеты подробными сведениями о европейских и американских событиях. Через каждые два дня выходил свежий номер газеты, наполненный сообщениями из Франции, Англии, Америки, Голландии, Испании и других стран. Газета знакомила русских читателей с ходом военных действий, с прениями в английском парламенте, где была сильная оппозиция правительству, требовавшая прекращения несправедливой войны и предоставления независимости американским областям. Из газеты русские читатели узнавали о том, как встречал демократический Париж посла республики Франклина, узнавали об отправлявшихся в Америку добровольцах. Новиков заставлял своих читателей размышлять над политическими проблемами, «приобучал» делать из них самостоятельные выводы. Вот почему в «Московских ведомостях» помещались сообщения и о революционном воздействии американских событий, например, на Ирландию. «Слух носится,— писала газета в 1783 году,— что служащее добровольно в Ирландии войско приняло намерение

стараться приобресть отечеству своему такую же независимость, какою пользуется теперь Северная Америка».[1]

Интерес к газетам в этот период возрос небывало. Тираж, особенно «Московских ведомостей», увеличивался из года в год. Газета становилась популярной, она проникала в провинцию, свидетельствуя, что в передовых слоях русского общества утверждался «вкус к политике», к европейским делам и международным событиям. «Г. Новиков,— свидетельствует Карамзин,— сделал их («Московские ведомости») гораздо богатее содержанием, прибавил к политическим разные другие статьи. Число пренумерантов ежегодно умножалось, а лет через десять дошло до четырех тысяч... Правда, что еще многие дворяне, и даже в хорошем состоянии, не берут газет; но зато купцы, мещане любят уже читать их. Самые бедные люди подписываются, и самые безграмотные желают знать, что пишут из чужих земель».[2]

Известно, что воспитанники пансиона Шадена в Москве регулярно читали сводки военных действий, обсуждая прочитанное и разделяясь на партии сочувствующих американцам и англичанам. Вот что вспоминает Карамзин о своих детских годах: «С каким восторгом, будучи пансионером профессора Ш[адена], читал я во время американской войны донесения торжествующих британских адмиралов! Родней, Гоу не сходили у меня с языка; я праздновал победы их и звал к себе в гости маленьких соучеников моих».[3]

О том, каков был интерес русского общества к американским событиям, между прочим говорит и небольшая ироническая статейка под названием «Сновидение», напечатанная в журнале Новикова «Московское издание». Шутливо подражая Дантову изображению путешествия в ад,

---

[1] «Московские ведомости», 1783, № 87. Необходимо помнить, что это сообщение о желании Ирландии освободиться, по примеру Америки, от английской зависимости печаталось после объявления указа Екатерины о закрепощении крестьян Украины. Это сообщение воспринималось современниками в одном ряду с ходившими в рукописях одой «Вольность» Радищева, где выражалось желание такой же, как в Америке, свободы для России, и «Одой на рабство» Капниста, протестовавшей против закрепощения украинских крестьян.

[2] Н. Карамзин. Сочинения, т. III, изд. Смирдина, 1848, стр. 546.

[3] Н. Карамзин. Сочинения, т. 5, М., 1803, стр. 384.

рассказчик описывает свое посещение царства теней. Наставником в этом путешествии у него был Сенека. В числе других рассказчик и Сенека встречают Пятую тень — старца, оплакивающего свою смерть. Сенека недоумевает — отчего этот много поживший человек так недоволен уходом из суетного мира, а старец отвечает: «Это правда, я очень стар, жизнь мне уже наскучила. Но я желал бы еще дожить до окончания последней войны.

«Сенека. Без сомнения, ты имел великое участие в сей войне и был одним из производивших оную королей?

«Тень. Нет, но мне хотелось узнать, останутся ли американцы независимыми».[1]

В 1782—1783 годах заканчивалась американская война за независимость, и Новиков спешит рассказать русской публике о том успехе, которым увенчалась народная борьба.

В конце декабря 1782 года в английском парламенте выступил король с заявлением о предоставлении независимости американским областям. «Московские ведомости»[2] немедленно печатают эту речь короля. В Париж прибыли английские представители для того, чтобы подписать трактат Англии с Северо-Американскими Штатами. Трактат подписывают министры Англии, Америки, Франции; представитель России присутствует как посредник. Номер семьдесят седьмой «Московских ведомостей» заполнен сообщениями об этом событии. В номере семьдесят девятом Новиков печатает «Прелиминарные статьи между его великобританским величеством и тринадцатью штатами».

Не ограничиваясь сообщениями о ходе мирных переговоров, публикацией текста договора, речей министров, посланников и короля по этому поводу, Новиков в подробностях освещает народное ликование по случаю победы во Франции, в особенности в Париже, и в Америке. Но и это ему кажется недостаточным. События в Америке для Новикова связаны с философской революцией французских просветителей. И вот, как бы продолжая идеи Дидро, высказанные в статье «Философ», напечатанной в «Московском издании», Новиков решает дать в газете серию биографий великих философов, ученых и практических деятелей эпохи, показывая на *событиях современности*,

---

[1] «Московское издание», 1781, ч. I, стр. 36.
[2] 1783 г., № 4.

что может сделать философ — частный человек, открывающий истину своим согражданам,— для своего отечества. Характерно, что среди «славных людей» мы находим только просветителей и деятелей революции. Эта серия биографий «замечательных людей века» начала печататься с номера шестьдесят восьмого под общим заглавием «Примечания о некоторых славных людях нынешнего столетия, взятые из одного новейшего французского сочинения». В первой серии даны характеристики Монтескье, Вольтера, Руссо, Бюффона. В следующих номерах газеты помещены «Примечания» к биографиям Рейналя, Франклина, Адамса, Лафайета, Вашингтона. Вот несколько выписок из этих «Примечаний».

Рейналь.

«Он приобучил народы размышлять о своих важнейших интересах. Некоторый великий государь сказал о нем: он принес мне пользу теми самыми вещами, которые мне наиболее досадили».

Франклин.

«Отдаленность есть перспектива и, так сказать, небо великих мужей, и Франклин в некоторых веках почитаем будет божеством. Электричество преображает всю физику; селения английские преображают всю политику. Франклин был главою при обеих сих важных переменах и тем самым заслужил себе у потомства два лучшие места».

Адамс.

«Был первым споспешником американской вольности. Все видавшие его люди имели то редкое удовольствие, чтобы найти в нем актера, соответствующего той роли, которую он играет: они видели его совершенно преданного своему предмету и не говорящего ничего иного, кроме того, что бы могло подать хорошее мнение о его деле и величайшее понятие о его нации. Простота наружного его вида сопряжена с остротой его мыслей, кои, устремлены будучи единственно к республике, не теряли нимало своего жару, чтобы могли быть выражаемы с приятностью и точностью, подобно как армия, идущая против неприятеля, наблюдает не менее законы тактики».

Лафайет.

«Сей младый герой есть один из тех великих умов, которые открывают для себя новую стезю. Он первый, преодо-

лев все преграды, вступил в пространное поле, куда слава приглашала мужество».

В центре внимания «Московских ведомостей» была фигура Вашингтона — полководца, политического деятеля, «добродетельного человека». Вашингтон для Новикова — пример гражданина и сына отечества. Он печатает о нем в «Прибавлениях» большую статью: «Краткое описание жизни и характера генерала Васгинтона». В газете он помещает, в переводе с французского, статью с характеристикой Вашингтона как вождя революции. В ней изложена концепция народной революции, названы условия, способствующие успешному ее развертыванию, определена роль Вашингтона как человека, который «весьма нужен был для воспоследовавшей в Америке перемены».

Васгинтон.

«Такой человек, каков генерал Васгинтон, весьма нужен был для воспоследовавшей в Америке перемены; ибо когда народ возмущается и выбирает себе предводителей, которые не питают в себе того же духа вольности, коим он оживлен, то они пользуются сим случаем для угнетения его, и тогда он переменяет только цепи, нимало не облегчающие его неволю; равным образом, когда и предводители возбуждают народ к бунту и когда он (народ.— *Г. М.*) не предвидит для себя от того таких же выгод, каких они (предводители.— *Г. М.*) ожидают, то он весьма скоро скучает смятением и возвращается незапно к своему естественному игу, в таком случае возмущение учиняется только одним волнением. Но когда народ и его предводители ведомы суть тем же духом и воспламенены теми же страстями, то первое волнение соделывает совершенную перемену; в таком случае целая нация составляет одну глыбу, которая подавляет все своею тяжестью и величиною, которым ничто сопротивостать не может».[1]

Это сочувствие американским событиям и восставшему народу только подчеркивает историческую зоркость Новикова, реализм его мышления, чуждого розенкрейцерскому мистицизму, его просветительскую веру в необходимость

---

[1] «Московские ведомости», 1783, № 71. Разрядка моя.— *Г. М.*

и возможность разумного изменения условий существования народа.

Но передовые русские люди, как я уже сказал, не просто интересовались американскими событиями, они внимательно изучали эти события для того, чтобы «размышлять о своих важнейших интересах», о своих домашних, внутренних политических делах. Ода «Вольность» Радищева, написанная под непосредственным впечатлением победы американского народа, замечательно засвидетельствовала это состояние умов русского общества в его отношениях к Америке:

К тебе душа моя вспаленна,
К тебе, словутая страна,
Стремится, гнетом где согбенна
Лежала вольность попрана;
Ликуешь ты! а мы здесь страждем!..
Того ж, того ж и мы все жаждем;
Пример твой мету обнажил.

Радикально настроенные писатели, дворянские просветители, изучая американскую революцию, сумели взглянуть на нее через призму исторического опыта борьбы русского крестьянства против крепостнического рабства. В этом сила и своеобразие русских откликов и оценок заокеанских событий.

Заокеанские события рассматривались Новиковым с двух сторон. Во-первых, на примере успешной народной войны американцев он «приобучал» своих единоземцев размышлять о насущных вопросах русской социально-политической жизни. Этой цели служила прежде всего газета, воспитывавшая в передовых дворянских и разночинных кругах интерес к политике, к «переменам» государственного режима волею народа. В данном плане замечательна, между прочим, и помещенная в журнале «Московское издание» статья о войнах, в которой этот вопрос рассматривался с теоретической точки зрения. В статье выдвигалась мысль о существовании войн захватнических, которые заслуживают самого резкого осуждения, и войн освободительных («справедливых» — по терминологии журнала), которые должно приветствовать.

Во-вторых, победа буржуазной американской революции вызывает у Новикова понимание необходимости борьбы за сохранение самобытности русской культуры и, в первую очередь, общественных идеалов. В этой связи заслуживают

внимания два факта: 1) наряду с положительным отношением к победе американского народа Новиков резко и категорически осуждает узаконенное в американской республике рабство негров; 2) получившая всеевропейское распространение откровенно буржуазная мораль американского просветителя Франклина не принимается Новиковым.

Вопрос о рабстве негров в только что победившей республике послужил для русского просвещения основанием для выражения своего отношения к новому политическому институту — буржуазной демократии. И Новиков, а затем с еще большей силой и принципиальностью Радищев немедленно после победы американской революции выскажут свое сочувствие победившему народу и резко осудят узаконенное рабство негров.

В новиковском журнале «Прибавление к Московским ведомостям» [1] появилась статья «Понятие о торге невольниками». Статья американского происхождения. Ее автор не только «очевидец» — это работорговец, который сам на корабле ходит в Африку, скупает невольников и перепродает их с выгодой в республике. Статья эта характерна именно для чудовищно циничной и демагогической пропаганды своих выгод победившей буржуазией. Поэтому в статье не просто описывается единичный факт покупки негров,— она представляет собою идеологическое обоснование права американцев торговать неграми; право превращать свободных людей в рабов нагло мотивируется тем, что будто делается это в целях благодеяния несчастным невольникам.

Смысл аргументации рабовладельца сводится к следующему: невольниками становятся лишь те, кто, совершив у себя в Африке преступление, приговаривается к смертной казни. И вот вместо смерти невольник обретает жизнь — его продают в Америку. Таким образом, налицо первое «благодеяние» — американцы даруют своим невольникам жизнь; затем наступает второе «благодеяние» — из дикой страны негры попадают в просвещенную республику, где приобщаются к благам американской культуры. Автор статьи так и пишет: «Торг невольниками сохраняет множество людей. Они делаются через него полезными сочленами целых наций, извлекаются из своего невежества и преобразуются в лучших человеков, нежели каковы были бы в своем

---

[1] №№ 72, 73, 74 за 1784 год, стр. 521—564.

отечестве, где они жили часто сами себе в тягость. Коль многие из них просвещаются посредством сего торга самолучшею религиею!»

Защищая рабовладельческую политику, автор статьи, как истый буржуа, не может не позволить себе хвастливого превознесения американских порядков: «Кроме сего, африканские невольники вообще наслаждаются в американских землях лучшею жизнью, нежели в своих собственных». Каково же это наслаждение? Без стеснения этот рабовладелец заявляет: «Сколь важны выгоды, получаемые американским земледелием от сего торга. Опыт вообще подтверждает то, что для сохранения людей лучше производить вест-индское земледелие через черных невольников». Вот оно, оказывается, в чем состоит наслаждение негра в Америке — работать на плантациях американских буржуа! В конце этой статьи делается итоговый принципиальный вывод: «Сих доказательств довольно для согласования со мнением утверждающих справедливость торга невольниками».

Как видим, данная статья не простая заметка этнографа, это принципиальная защита невольничества победившей буржуазией. Таким образом перед нами документ воинствующей буржуазной идеологии. Победа буржуазии усилила ее политический вес, и это сделало буржуазных идеологов более откровенными, позволило им со всей циничностью утверждать и отстаивать свои права, свою свободу, свою собственность. Более того, статья эта, написанная как бы по частному вопросу, выражала основы буржуазного понимания свободы человека как свободы собственников. Именно поэтому и выбрал ее Новиков для напечатания в своем журнале. Как типичный идеологический документ победившей американской буржуазии, он давал возможность высказать свое отношение по кардинальному политическому вопросу. Нет никакого сомнения, что Новиков поместил эту статью только для того, чтобы этой американской, буржуазно-рабовладельческой точке зрения противопоставить точку зрения русского просвещения. Избирая прием, характерный для русских просветителей, Новиков снабжает эту статью своим примечанием.

В самом деле, жанр примечаний — особенность идеологической работы русских просветителей. Впервые к нему прибегнул Яков Козельский, который в 1765—1766 годах в переведенном сочинении Гольдберга «История датская»

поместил серию своих примечаний. Задача этих примечаний состояла в том, чтобы дать свою оценку описываемых в истории событий и лиц, отличную от переводимого автора. В 1768 году тот же Козельский издал книгу «Философические предложения», в которой был применен тот же принцип — в особых примечаниях автор высказывал свое отношение к политическим и философским теориям Руссо, Гельвеция, Монтескье. В 1773 году в издании Новикова появился перевод сочинения Мабли «Размышление о греческой истории», сделанный Радищевым. Книга эта также была снабжена примечаниями переводчика. Среди них особое место занимает знаменитое примечание «о самодержавстве».

В данном случае мы имеем дело с таким же намерением в примечании высказать свое критическое отношение к одному из острейших политических вопросов американской буржуазной демократии. Вот что писал Новиков в своем примечании:

«Мы сообщаем сие письмо наипаче для того, что оно писано благомыслящим очевидцем. Хотя и не выпустили мы предварительного защищения торга невольниками, однако не соглашаемся на оное, ибо оно утверждено на многих ложных заключениях. Здесь не место исследовать, не выкрадывают ли многих невольников из их земли; все ли невольники бывают преступники; в лучшее ли переходят они состояние; могут ли они когда-либо быть счастливы в невольничестве у европейцев или обыкновенно поступают с ними ужаснейшим образом? Извинение, что мы в Европе делаем подобные несправедливости; что посредством торга невольников производится много добра, которое без оного должно бы оставлено быть,— все сии извинения не уважаются перед судилищем рассудка и человечества и не доказывают еще справедливости права, присвояемого белыми человеками над черными их собратьями».

Трудно переоценить это резкое, категорическое выступление русского просветителя против одной из коренных доктрин буржуазной американской демократии. Стоит указать при этом, что здесь же, с той же категоричностью Новиков выступил и против крепостничества, против «права, присвояемого белыми человеками» над своими «собратьями». «Перед судилищем рассудка и человечества» — это не могло быть оправдано и не могло быть «уважаемо».

VI

Другим крупным принципиальным выступлением Новикова против начавшегося бурного распространения американской буржуазной идеологии является его выступление против морально-этических идеалов американского просветителя Франклина.

Вопрос этот совершенно не был изучен в новиковской литературе, поэтому он требует необходимого подробного обоснования. Новым идеологическим явлением 80-х годов было распространение в Европе не только французских сочинений, как это было раньше, а и сочинений американских, прежде всего сочинений американского просветителя Франклина. Победа революции усилила интерес к франклиновской моральной философии. Франклин, один из участников революции, был в то же время популярнейшим разносчиком идеологии победившей американской буржуазии. Франклиновские сочинения стали проникать и в Россию. И — знаменательнейшее явление! — Новиков, стремившийся познакомить русского читателя со всеми прогрессивными произведениями, защищавшими свободу человека, разрушавшими идеологию феодализма, не издал ни одного сочинения Франклина. Более того, он в некоторых своих изданиях, в своих философско-педагогических работах, а также всей своей практической деятельности просветителя открыто противопоставлял принципы русского просвещения принципам буржуазно-собственнического просветительства Франклина.

Для того чтобы стала понятна эта антифранклиновская направленность идеологической работы Новикова, необходимо хотя бы вкратце остановиться на характеристике главных сочинений американского просветителя.

В 1732 году в виде приложения к своей газете Франклин выпустил первый номер нового периодического издания, нечто вроде календаря, наполненного практическими сведениями по хозяйству, домоводству, а также советами общего характера, которые велись от имени пожилого и умудренного опытом человека, «добряка» Ричарда Соммерса. Издание календаря встретило одобрение общества. Популярность поучений Ричарда подтвердила убеждение Франклина в необходимости подобных изданий: календарь выходил в течение 25 лет. В 1757 году Франклин, собрав все поучения Ричарда Соммерса за 25 лет, издает их от-

дельной книгой под названием «Поучения добряка Ричарда». Поучения, написанные в форме пословиц и афоризмов, утверждали целую систему взглядов на жизнь, на общество, рассчитанную на среднего буржуа-американца, мечтающего о личном благополучии. Уместно напомнить одну любопытную подробность: сама идея поучений Ричарда возникла у Франклина под влиянием библии. Вычитанная им в библии притча «Долгая жизнь в твоей правой руке, а богатство — в левой» служит для него, практического философа и делового американца, основанием для утверждения двух правил науки жизни — как долго жить и как обогащаться. «Поучения добряка Ричарда» развивали первое правило — как долго и благополучно жить; на тему второго было написано рассуждение «Средства к обогащению».

«Поучения добряка Ричарда» были такие: «Образ правления, при котором бы все граждане обязаны были отдавать правительству десятую часть своего времени, был бы без сомнения признан несправедливым, а наша леность поглощает гораздо более у многих из нас. Праздность порождает болезни и значительно сокращает нашу жизнь. Она, как ржавчина, съедает человека больше, чем сама работа».

«Леность идет так тихо, что нищета ее легко догоняет. Раньше вставай, раньше ложись — и будешь здоров, богат, всегда с ясными мыслями и свежей головой».

«Человек, ничего не откладывающий из получаемых доходов, будет всю жизнь нуждаться и умрет без гроша; кто ест жирно, оставит тощую духовную. Крестьянин, стоящий на ногах, выше дворянина, ползающего на коленях. Зарабатывайте, сколько можете, берегите, что имеете, это правило превращает олово в золото. Большому кораблю — большое плавание, лодки же должны держаться берегов».

В рассуждении «Средства к обогащению» дается точно разработанная система приобретения капитала каждым человеком. «Время — деньги. Помните, что, откладывая не более 15 копеек в день, можно в год скопить более пятидесяти рублей. Посредством этой суммы, растрачиваемой нами часто совершенно безрасчетливо, человек, пользующийся кредитом, может постоянно располагать капиталом в тысячу рублей, платя за него ежегодно по пяти процентов». Развивая систему наживы состояния, Франклин определяет роль и задачу просветителя: «В настоящее время, когда все

жалуются на безденежье, указать нуждающимся средства всегда быть при деньгах, конечно, весьма доброе дело, и потому я хочу указать им несомненную истину, при помощи которой кошельки их не замедлят наполниться и сделаться неистощимыми. Первое — чтобы честность и труд был вашим постоянным спутником. Второе — истрачивайте в день несколько меньше того, что получаете».

Таково содержание и такова идейная сущность этой практической философии просветителя Франклина, ориентированной на янки. Понятно, что в эпоху складывавшегося буржуазного общества эта практическая мораль должна была пользоваться успехом. «Поучения добряка Ричарда» после нескольких изданий в Америке перекочевали в Европу и выходили в Англии, Франции, Германии, пока, наконец, не попали в Россию.[1]

Помимо «Поучения добродушного Рихарда», внимание Новикова привлекла и автобиография Франклина — знаменитые его «Записки». В своей автобиографии, изданной в годы пребывания в Париже, Франклин, в частности, подробно рассказывает о системе самовоспитания, выработанной им в молодости. Всякий человек, говорит Франклин, должен приготовлять себя к жизни в обществе. Цель этого самовоспитания — найти возможность быть полезным самому себе, служа другим. Средство этого воспитания — тренировка в соблюдении известных нравственных правил, систематическое упражнение в добродетелях, своего рода нравственная гимнастика. Изобретенная самим Франклином система воспитания сводилась к следующему: истинных человеческих добродетелей — тринадцать. Для того чтобы овладеть одной добродетелью, необходимо ежедневное практическое упражнение в ее исполнении. Каждая добродетель усваивается в течение семи дней. Полный курс воспитания добродетельного человека занимает, по количеству добродетелей, 13 недель. Высчитав все, Франклин принялся за осуществление своей системы. Была заведена специальная тетрадь, куда он выписал все добродетели. Листки в этой тетради были разграфлены особым образом: по горизонтали — дни недели, по вертикали — добродетели, чтобы можно было ежедневно вести запись своих успехов и неудач

---

[1] «Учение добродушного Рихарда», П., 1784. «Как благополучно век прожить, наука доброго человека Рихарда», М., 1791.

в «трудах» над усвоением очередного нравственного правила. Каждый вечер Франклин отмечал крестиком свои проступки, подводил итоги прожитого дня. По прошествии тринадцати недель оказалось, что не все добродетели были усвоены. Пришлось курс повторить. И этого оказалось мало. Тогда было решено повторять это упражнение четыре раза в год.

Знаменитые нравственные правила Франклина были такими: 1. Воздержание. Не ешь до одурения, не пей до разгорячения головы. 2. Молчание. Говори только то, что полезно тебе и другим. 3. Порядок. Чтобы каждая вещь имела свое определенное место. Назначать каждому твоему делу известную часть времени. 4. Решимость. Реши, что тебе нужно делать, и исполняй, что решил. 5. Умеренность. Делай издержки только полезные себе или другим, то есть ничего не расточай. 6. Труд. Не теряй времени, занимайся всегда чем-нибудь полезным. Не делай ничего, что не необходимо. 7. Искренность. Не употребляй окольных путей: пусть чистосердечие и справедливость предшествуют твоим мыслям и отличают твои слова. 8. Справедливость. Не делай никому неприятностей и оказывай другим услуги, каких они должны от тебя ждать. 9. Сдержанность. Избегай крайности, за обиды не имей злопамятства, которого они заслуживают. 10. Опрятность. Не терпи никакой нечистоты ни на себе, ни на своей одежде, ни в своем жилище. 11. Спокойствие. Не позволяй себе волноваться пустяками или обыкновенными неизбежными явлениями. 12. Целомудрие. 13. Смирение. Подражай Сократу.[1]

Эта франклиновская система получила также шумный успех. Все было в этой системе просто и общедоступно: надо было завести тетрадку, выписать в нее тринадцать правил и начать упражнение в каждой добродетели, ежедневно записывая добрые и худые поступки. Биография Франклина, конечно, не могла не подогревать успеха этой системы. Ведь прилежно трудясь над своей тетрадкой с тринадцатью правилами, воспитал же он из себя не только образцового человека, но и крупнейшего республиканского

---

[1] Минье. Жизнь Франклина, М., 1870, стр. 26—27.

деятеля. Таким образом опять и в данном случае из моральных категорий вырастала политика.

В тех же «Записках» Франклин рассказывал, что в период своей просветительской деятельности в Америке он составил проект организации общества распространения добродетелей, которое должно было, учтя опыт его самовоспитания, начать массовую нравственную гимнастику. Но план осуществить не удалось, и он остался только в виде проекта.

Автобиография Франклина быстро получила европейскую известность. Как и все новинки, «Записки» Франклина попали в Россию. В журнале «Приятное и полезное препровождение времени» за 1798 год были напечатаны две главы из «Записок», в том числе глава о самовоспитании с знаменитыми тринадцатью правилами. Годом позже в Москве вышла книга из масонского кружка — «Отрывки из записок Франклиновых», переведенная учеником Московского университета Андреем Тургеневым, сыном розенкрейцера Ивана Петровича Тургенева. Поздний год ее издания объясняется долгой работой Андрея Тургенева над ее переводом. Французский оригинал франклиновской автобиографии был раньше известен в кругу московских масонов-розенкрейцеров.

Именно этим франклиновским сочинениям Новиков в середине 80-х годов и попытался противопоставить свои. При этом внутренняя полемика с идеями и практической работой американского просветителя была совершенно очевидна для русского читателя. Франклиновской буржуазной добродетели и франклиновскому календарю Новиков противопоставляет свой календарь и свое учение о добродетели. О новиковских добродетелях подробно говорилось в предыдущей главе. Сейчас стоит остановиться на истории создания Новиковым «Христианского календаря на 1784 год». Книгу эту делало несколько авторов, кто именно — нам неизвестно. Официальная по своему характеру, она не могла включать в себя какого-либо идейного материала, противоречившего религиозным догмам и утвердившимся традициям. Но было в этом календаре одно новшество, принадлежавшее Новикову, которое вытекало из нравственного учения русского просветителя. Этим новшеством были «Листки для записывания худых и добрых дел наших».

Несомненно, многое в личности и убеждениях Франклина привлекало Новикова. Ему была близка общественная деятельность Франклина, его книгоиздательство и, главное, франклиновская вера в нравоучение, в нравственное воспитание, были дороги практические пути и средства этого воспитания, даже его религиозная кротость, его освящение «именем всевышнего» усилий человека исправить свою натуру. Действительно, Франклин все свои упражнения сопровождал обращениями к богу.

Расхождение начиналось с вопроса о «настоящих интересах» человека. Как мы видели, эти интересы Франклин сформулировал в двух афоризмах: человек должен долго и благополучно жить и обогащаться. Интересы Новикова требовали находить «удовольствие» и счастье в служении отечеству и согражданам. Новикову был чужд буржуазный практицизм поучений Ричарда с его беспрестанной заботой о собственном кошельке, о завещании, о капитале. Скептически относился он и к наивной вере Франклина, что будто именно эти отобранные им 13 добродетелей воспитывают истинного гражданина и человека. Поэтому в «Христианском календаре» мы видим совершенно иную систему нравственного воспитания. Содержание «Христианского календаря» совершенно враждебно франклиновским убеждениям — оно все посвящено нравственному воспитанию общественной личности, далекой от эгоистических стремлений к собственному благополучию, богатству и самодовольству. Система нравственного самовоспитания «Христианского календаря» также лишена узости и голого практицизма (13 добродетелей, усвоенные за 13 недель).

Уже в обращении «К читателю» издатель и составители писали: «Предлагаемый тебе, любезный читатель, христианский календарь есть не что иное, как только опыт, сделанный нами, и если он благосклонно принят будет, то намерены мы издавать оные ежегодно». Появление этого календаря свидетельствует, что Новиков и привлеченные им авторы не ограничивались изданием переводных нравоучительных сочинений, а стремились создавать новые книги, которые бы выполняли задачу нравственного воспитания лучше, практичнее и вернее. Такой попыткой и является коллективная работа над «Христианским календарем». По замыслу составителей, календарь должен был в будущем наполняться «самыми избраннейшими материями, которые

бы служили к пользе и удовольствию, равномерно же и к нужному сведению». На календарь же 1784 года как на первый опыт возлагалась особая функция — завоевать у читателя популярность, а у духовного начальства, связанного с широкими кругами городских и деревенских священников,— доверие. Календарь как массовое издание предполагалось распространять не только через подписку, но и через священников среди верующих. Оттого в первом опыте «материи», которые бы служили «к удовольствию», отсутствуют совершенно. Содержание календаря, как издания полуофициального характера, вынужденно ограничилось, на первый раз, преимущественно «материями» религиозными, нежели нравоучительными и полезными. Каждый месяц строился по одному плану: «Полный месяцеслов всех святых», «высокоторжественных праздников», «назначение священного писания, ветхого и нового заветов для ежедневного чтения православного христианина», «рассуждения, наставления и увещания, почерпнутые из которого-нибудь текста священного писания». Сведений «полезных» было меньше, но они также сообщались из месяца в месяц в разделе «Показание восхождения и захождения солнца, долгоденствия и долгонощия, прибывания и убывания луны», а также в приложении к календарю, в особой «Хронологии вещей достопамятных». Эта «Хронология» являлась своего рода краткой энциклопедией. В ней рассказывалось о многих замечательных событиях, как, например, о том, когда произошло «начатие Москвы», изобретение пороха, «вымышление пушек», соединение всех русских княжеств воедино, «зачатие царствующего града Санкт-Петербурга», «начало первой выплавки серебра в Нерчинске» и т. д.

Но главным изобретением составителей календаря были не рекомендации на каждый день молитв и текстов священного писания, не любопытные известия «Хронологии вещей достопамятных». Этим новым в печатном календаре были особые «листки», вклейки чистой бумаги, которые должны были заполняться владельцем календаря. Каждый месяц заканчивался тремя такими вклейками: «Листок для записывания добрых и худых дел наших», «Листок для записки по прошествии каждого месяца рассмотрения и изыскания причин, по которым мы сделали доброе или худое дело», листок, где «можно записывать числа рождения и именин родни, друзей и благодетелей наших».

Вводя эти «листки», Новиков как бы приглашал своих читателей вступить на систематический и практический путь самовоспитания. Обладатель календаря, читая «увещания, рассуждения и наставления» в стихах и прозе, расположенные на каждый день месяца, доходил, наконец, до вклеенных листков, которые ему предлагалось заполнить самому. Стремясь руководить читателем, составители календаря печатают специальные статейки, написанные от лица самовоспитывающегося. Каждая из них — это исповедь сердца отзывчивого, чистого, полного любви к людям, жаждущего творить добро.

«И так 31 день ближе я стал к моей смерти, к судилищу божию, ко решению моея вечныя судбины. Мудрее же ли я стал? Лучше ли? Святее ли? и ко исполнению воли божией, которая есть не что иное, как истина и блаженство, удобнее ли и искуснее ли? Приближился ли я хотя несколько более к великому моему назначению? — Христу в добродетели и блаженстве уподобиться! Старался ли я по возможности моей, яко просвещенный и верный ученик Христов, споспешествовать в делах божиих? — И ежели бы ныне долженствовал я ко свету лица божия предстати, что бы ощутил я в себе?

«Ответствую ли я или нет на сии вопросы, однакоже сни пребудут наиважнейшими вопросами, какие только совести моей предложить могу.— И так хощу быть мудрым, ответствовать себе на оные пред богом и ответы сии в кратких, но разительных словах на следующем листе начертати».[1]

Таких «исповедей» в календаре двенадцать. Помещены они ко всем месяцам. Назначение их — сформулировать, выразить душевные движения человека, ставшего на путь морального усовершенствования, подсказать ему нужные советы и, главное, подготовить его к тому, чтобы самому продолжить эту исповедь, записать собственные мысли, чувства и поступки за прошедший месяц на приготовленных специальных листках. Каждая такая печатная «исповедь» кончалась императивным указанием — сядь, обдумай прожитое и запиши все, ничего не утаивая.

«И третий месяц! — И так уже и четвертая часть года протекла! — Каково сердце мое было в конце первого и второго месяца сего года? Какие ответы писал я перед

---

[1] «Христианский календарь на лето 1784 г.», М., 1784, стр. 34.

богом на предложенные мне вопросы? Могу ли я ныне, при конце третиего месяца, написать оные лучше и радостнее? — Любовь к богу! — Любовь к человекам божиим! — Более ли надо мною господствуют? Любовь к миру и самолюбие, слабее ли вы и бессильнее в душе моей учинились? — Просмотрим и запишем на следующих листах. . .» [1]

Май, месяц весны, торжества природы, тепла, света, ознаменован исповедью в добродетельных поступках. Человек в эти дни всеобщего торжества добра должен совершать хорошие, человеколюбивые дела. «О вы, приятные весенние дни! как провел я вас? Какими деяниями ознаменовал? Какие вы в вечности благословенные и препрославленные плоды мне принесете? Кротость, смиренномудрие, воздержание, любовь, терпение, благоговение, прилежание, вы ли суть те добродетели, которые в вечности меня будут радовати? Я хощу на следующих листах написать имена тех добродетелей, которые преимущественно в сем месяце я исполнил.— Но увы! какие же написать я должен?» [2]

Ноябрь содержит «исповедь», полную смятения и тревоги,— близится конец года. Исполнился ли замысел сделаться «лучшим человеком»? Добродетельно ли прожиты одиннадцать безвозвратно ушедших месяцев? Может ли совесть спокойно и безбоязненно отдать отчет о всех совершенных делах, о всех поступках, о всех чувствах за этот срок? «Возбудись, сердце мое! воспряни! скоро, скоро паки прейдет год! проснись! где ты? где стоишь ты? Оглянись назад и посмотри на путь, который ты прешло, и потом воззри, что предлежит тебе? осведомься со тщанием — осведомься, но не у человеков, но у бога и у совести твоея».

Материалы этого календаря, его нравоучительный характер, его стремление стать школой самовоспитания — безусловно, масонского типа. Именно как практическую помощь в нравственном усовершенствовании и представлял себе Новиков главную задачу масонства. Но как видим, эта масонская книга резко отличается от тех, которые были пособиями в «практических работах» московских розенкрейцеров, от книг типа «Хризомандер», «Таинство Христа», «Должности братьев» и т. д. Главное открытие календаря — «листки для записей худых и добрых дел», его тенденция

---

[1] «Христианский календарь на лето 1784 г.», стр. 94.
[2] Там же, стр. 152.

стать практической школой самовоспитания для многих тысяч читателей — не имеет ничего общего с кругом идей розенкрейцерства. «Листки для записывания худых и добрых дел» изданного Новиковым календаря и «листки для записки по прошествии каждого месяца рассмотрения и изыскания причин, по которым мы сделали доброе или худое дело», представляли школу самовоспитания в смысле приучения человека размышлять над своими поступками, контроля над собой и прежде всего контроля разума над своими чувствами, приучения человека к строгой нравственной дисциплине. Практицизм состоял не в удобстве, простоте и скорости воспитания, а в доступности этого метода, в возможности руководства этим воспитанием императивными предисловиями, подчинявшими человека чужой, но доброй воле.

Видимо, этот первый опыт «Христианского календаря» имел успех, видимо, «листки» пользовались популярностью; говорю — видимо, потому что для решения этого вопроса необходимо обследовать содержание этих «листков» во многих календарях. В календаре, принадлежащем мне, все «листки» заполнены. Правда, это запись не худых и добрых дел, а биографических сведений владельца календаря и его семьи. Но поразительно в этом календаре другое. Оказывается, он после выхода из типографии побывал в руках у пяти семейств, сохранив историю их жизни с восьмидесятых годов восемнадцатого века до 1905 года. 120 лет новиковский календарь был живой, нужной книгой,— его читали очередные владельцы и тщательно записывали все радостные и печальные события жизни собственной и своих близких людей.

Противоречия между моральной системой Франклина и нравоучительной философией Новикова носят глубоко принципиальный характер. Сочинения Франклина, его «Записки», его система воспитания, его добродетели — все это пронизано духом буржуа, утверждающего свое право, свое бытие, свою независимость. Этот буржуа еще благодушен в откровенном высказывании своих идеалов собственника. Он молод, полон сил и уверенности, что все так и сбудется, как он хочет, как требуют его интересы, как выгодно и удобно ему. Его мораль, мораль собственника прежде всего, уже отчетливо сформулирована в афоризмах и поучениях Ричарда. Франклиновские сочинения закладывали и оформ-

ляли основы культуры капиталистической, антиобщественной в своей основе, воспитывающей идеалы разделения, разобщения людей, прославляющей право жестокой борьбы индивидов за личное благополучие, понятое как богатство.

Характер воззрений русского просветителя был иным. Новиков выдвигал идеал не добродетельного собственника, а добродетельного гражданина, активной личности, находящей свое счастье в делании добра другим, в стремлении приносить пользу своим согражданам и отечеству. При этом важно, что принципы морали и добродетель «истинного человека и патриота», подсказанные разумом, он стремится все время соотнести с «древними российскими добродетелями», с «характиром славных наших предков». Новиков подчеркивал, что «россиян» отличают от других народов свои неповторимые национальные черты, особый характер, соответствующий условиям жизни русских людей и историческому развитию общества. Отчетливо сформулировать эти особые черты русского характера Новиков еще не мог, но он их остро чувствовал, они были предметом его размышлений. Поэтому, выступая просветителем на русской почве, Новиков был чужд космополитизма — национальное, русское накладывало свой отпечаток на все, что он делал, на всю систему его воззрений.

Этот отпечаток был тем сильнее, чем больше Новиков расширял свои связи с русским обществом. О его первых общественных начинаниях уже говорилось. Чтобы понять, каков был общественный смысл проповедуемого Новиковым в «Утреннем свете» и «Московском издании» идеала «человека и патриота», необходимо отдельно остановиться на истории первой его попытки общественной организации крестьянских масс. Речь идет о новиковской инициативе в оказании помощи голодающим в 1787 году. Эта деятельность подкрепляла практически новиковскую «науку о человеке», наглядно свидетельствуя, чего именно добивался от своих «единоземцев» русский просветитель.

Прежде всего следует сказать об укоренившейся традиции рассматривать это новиковское дело как типичное проявление масонской филантропии, о стремлении исследователей эту личную инициативу Новикова представить как работу ордена в целом. Благотворительность масонство поощряло и проповедовало. О благотворительности писалось и в уставе вольных каменщиков: «Всякий каменщик,

какого бы исповедования христианского, какой бы страны или состояния ни был, есть твой брат и имеет право в твоей помощи». Вернадский[1] подробно описывает случаи и характер этой масонской помощи. Она сводилась в ордене к выдаче небольших единовременных сумм нуждающимся «братьям», воспитанникам, отправлявшимся за границу усовершенствоваться в «науках», а в практике каждого масона — к милостыне. В «Записках» Лопухина мы читаем: «Кстати, о милостыне. Странно, как очень многие против ее умствуют... но частному человеку, имеющему в сердце хотя искру любви к ближнему, как отказать ему в помощи? Какая может быть в том ошибка, что поданных несколько копеек иной пропьет? А ежели от сделанного по сему отказа иногда человек должен будет сутки или больше терпеть голод, или покусится на преступление, или замарает душу свою ропотом на судьбу, то каково должно быть это душе того, кто откажет, ежели в ней есть чувствительность истинного человеколюбия».[2] Как видим, и сама милостыня подавалась для того, чтобы собственная совесть была спокойна, милостыня рассматривалась как средство самовоспитания.

Организованная Новиковым помощь голодающим крестьянам бесконечно далека от теоретических уставных правил масонства и тем более от его практики: она носила принципиально общественный характер. Больше того, как уже мы знаем, она явилась прямым исполнением крестьянских наказов, привезенных депутатами в Комиссию по Уложению и попавших в руки Новикова.

Слухи о страшном голоде быстро докатились до столицы и Москвы, встревожив всех. Первое время в обществе надеялись, что правительство немедленно окажет помощь голодающим крестьянам. Но правительство с преступным равнодушием взирало на драматические события. Тогда начался ропот. О том, каково было общественное настроение, отлично свидетельствует Щербатов: «Никакого распоряжения до исхода февраля месяца не сделано о прокормлении бедного народа, для прокормления того народа, который сочиняет силу империи, которого в самое сие время родственники и свойственники идут сражаться со врагами,

---

[1] Г. Вернадский. Русское масонство, П., 1917, стр. 198—214.
[2] И. Лопухин. Записки, стр. 33. Разрядка моя.— *Г. М.*

которые в степях в холоде и в нужде и в сырых землянках без ропота умирают, который дает доходы не токмо на нужды государственные, но и на самый роскошь... Толпы нищих наполняют перекрестки, жалобным своим воплем останавливают проезжающие кареты, содрогшие от голода младенцы, среди холода и вьюги единое чувствие глада имея, безвинные руки протягивают, исчисляют число времени их пощения и милостыни просят, которой еще и не получают довольно... а правительство глухо и слепо и нечувствительно на сие является».[1] Возмущение было тем больше, что именно в этот голодный год Екатерина совершала поездку по России с целью, направленной, как то было объявлено, «к назиданию государственных польз и к усовершенствованию благоденствия ее подданных».[2] Тысячи людей силой сгонялись на работы для того, чтобы устроить дорогу, по которой проедет роскошный поезд царицы. Путешествие было организовано с баснословной пышностью: сенатом было отпущено четыре миллиона рублей. Организацией этого политического путешествия по России, длившегося несколько месяцев, и было занято правительство. Страна была брошена на произвол судьбы, народ предоставлен сам себе.

В этих условиях и выступил Новиков инициатором и организатором общественной помощи голодающим. Это был невиданный случай в России. Частный человек оказался сильнее, энергичней и дееспособней правительства. Вот что рассказывает Новиков о первых своих действиях:

«Распространившиеся общие о сем [голоде] слухи и ежедневно возраставшие и до непомерной дороговизны возвысившиеся в Москве на хлеб цены, также и полученное мною из деревни нашей уведомление, что все крестьяне претерпевают великий недостаток в хлебе, заставили меня в начале зимы поехать в деревню, чтобы успеть какое-нибудь сделать распоряжение заблаговременно. Дорогою до деревни везде видел я тем слухам подтверждение. В деревне у себя нашел я, что у крестьян не было уже ни хлеба для пропитания, ни корму для скота. Я роздал весь свой хлеб, сколько его было, своим крестьянам, уделя из оного часть соседским крестьянам же, пришедшим по знакомству про-

---

[1] М. Щербатов. Сочинения, т. I, стр. 684—685.

[2] «Путешествие ея императорского величества в полуденный край России, предприемлемое в 1787 году», 1786, стр. 1.

сить; но как сего очень было мало, то и употребил я бывшие тогда у меня занятые с братом на наши нужды деньги, всего помнится до 3000 р., с тем, чтобы куплено было на половину ярового хлеба для семян на следующую весну, а на половину ржи для прокормления; по удовольствовании же своих крестьян оставшийся хлеб велел по малому числу раздавать приходящим бедным просителям. Сделав такое распоряжение, возвратился я в Москву. Быв в первый раз еще в жизни моей поражен ужасною картиною голода, был я чрезвычайно сильно этим тронут; натурально, что и рассказывал я случившимся у меня приятелям, в числе коих был и г. Походяшин, о моей поездке в живых выражениях».[1]

Обычно, когда говорится об общественном характере помощи голодающим 1787 года, то подразумевают под этим действия широкого круга масонов, орудием которых был Новиков. В действительности все происходило иначе. Организация сбора денег, последующая массовая закупка хлеба, раздача его крестьянам и т. д. были делом личной инициативы Новикова. По приезде из деревни в Москву он выступил с рассказами о голоде «в живых выражениях» в нескольких московских домах. Смысл этих обращений к обществу очевиден — вызвать сочувствие к голодающим, призвать людей к участию в помощи несчастным. Некоторые москвичи откликнулись пожертвованием денежных сумм. Основной вклад сделал Походяшин — до 50 000 рублей. Собрав деньги, Новиков немедленно, бросив типографии, вновь едет в деревню, где живет в течение полугода, занимаясь организацией огромного нового общественного предприятия. В организации голодающих крестьян, живших в ста деревнях, в разработанных Новиковым принципах помощи нуждающимся — именно здесь, в деревне, во время практических работ с народом, а не только в Москве во время сбора денег — проявился общественный характер нового предприятия. «Я поехал в деревню сам и жил там всю зиму и следующую весну. Походяшин передавал всего 50 000 руб., на которые я закупил хлеба и роздал просившим взаймы до следовавшей осени, с тем, чтобы деньгами или хлебом заплатили. Хлеб раздаван был с свидетельствами и расписками. Всех казенных и дворянских селений,

---

[1] П. Пекарский. Дополнения к истории масонства в России в XVIII веке, СПБ., 1869, стр. 144.

из коих брали хлеб, кажется не ошибусь, ежели скажу, было около ста. Посредством сего хлеба вся та окольность в тот несчастный год прокормилась, и весною все поля обсеяны были яровым хлебом».[1]

Смысл общественного характера мероприятий 1787 года сводился к организации взаимопомощи, идея которой созрела в самом народе. Новым в этом было прямое обращение писателя-просветителя к крестьянству, попытка объединения вокруг общего практического дела нескольких тысяч крепостных. Дело в том, что Новиков не ограничился единовременной помощью, а решил организационно закрепить успех 1787 года. Поэтому, после того как удалось спасти людей от голодной смерти и засеять весной все поля, Новиков приступил ко второй, самой важной части задуманного предприятия. По составленному плану, весь возвращаемый крестьянами хлеб и деньги должны были поступить в особый фонд, из которого в дальнейшем оказывалась помощь нуждающимся в случае неурожая. Те же, кто по маломощности хозяйства и бедности не мог возвратить взятой ссуды, привлекались к общественным работам — выделке кирпича, постройке каменных амбаров для хранения общественного хлеба, обработке земли на отведенных Новиковым в своем имении участках, хлеб с которых должен был ссыпаться в крестьянские магазины. Намеченный план, благодаря руководству Новикова, великолепно осуществлялся. В течение пяти лет, до 1792 года, то есть до самого ареста Новикова, крестьяне ста деревень вели общественные работы, засыпали каждую осень на десятки тысяч рублей хлеба, раздавали его зимой беднейшим крестьянам, помогая им весной засевать поля. Заведенная самодеятельная администрация отлично справлялась с работой.

Так от обличений Безрассудов и помещиков, разорявших Филаток («Копии с отписок»), в «Трутне», от наивной веры в возможность только словом, только доводами разума исправить «человеков» Новиков приходит к практической нравственной философии «Утреннего света», которая послужила основанием для начала деятельности по организации сил общества (открытие двух училищ на средства подписчиков). От политики «Московского издания» и «Прибавления», к расширяющейся из года в год организации сил

[1] П. Пекарский. Дополнения к истории масонства.., стр. 145.

общества (разрешение огромной практической задачи просвещения отечества) до первой попытки сблизиться с народом, найти пути практических связей с ним и, главное, найти формы его организации — таков путь Новикова. Из года в год крепла у него вера в силу общественных начинаний, вера в плодотворность усилий объединенных людей. Убеждение это великолепно выражено им самим русской пословицей: «Есть чего ждать, когда есть с кем жать».

В этой принципиальной политике Новикова, в его вере в склонность русских людей действовать сообща, в их способность осознавать свои общие интересы и проявилось прежде всего национальное, русское. Не приняв поэтому идеала добродетельного собственника, высказанного Франклином, Новиков построил свою нравственную философию на принципах воспитания добродетельного гражданина, опираясь при этом на остро осознаваемые особенности русского характера, на общественную и трудовую деятельность народа.

VII

Во время крестьянской войны Радищев находился на службе в штабе петербургского главнокомандующего. Связанный служебными обязанностями с Военной коллегией, он тем самым получал возможность непосредственного знакомства с документами восстания. Это обстоятельство несомненно способствовало тщательному изучению им всего хода восстания, изучению как правительственных мероприятий по подавлению его, так и всех действий восставших и политических документов их борьбы, так называемых манифестов Пугачева. Борьба крепостных против мучителей-дворян, ярая ненависть народа к своим угнетателям, творческая энергия, проявленная в борьбе с армиями самодержавного государства,— все это произвело на Радищева огромное впечатление. В свете этой крестьянской войны приобрели для Радищева иной смысл и все предшествовавшие и последовавшие мелкие крестьянские восстания и «бунты». Борьба угнетенного народа за свои права поставила перед Радищевым первоочередные вопросы социального и политического бытия России. Более того, эта борьба подсказывала такие ответы на вопросы, до которых не поднималась общественно-политическая мысль европейского просвещения.

Именно в этот период внимание Радищева и привлекли заокеанские события американской революции. Подготовленный восстанием Пугачева, Радищев с интересом стал следить за ходом вооруженной борьбы американского народа, за созданием буржуазной республики. Оправдывая и приветствуя восстание Пугачева, Радищев не мог не сочувствовать борьбе американского народа против своих угнетателей. К началу 80-х годов у Радищева уже созрела своя политическая теория народной революции как единственного средства приобретения свободы. В 1783 году он заканчивает оду «Вольность» — первое русское революционное произведение, вдохновленное борьбой русских крепостных. Обобщая опыт освободительной борьбы народов, Радищев на основании изучения русской истории, русских социально-политических условий, творческой активности народа приходит к выводу о неизбежности в будущем победоносной русской революции. В этой оде он искренно приветствовал и американский народ, своими силами добившийся свободы в вооруженной борьбе.

Но отличное знание государственных, политических и социальных порядков новой республики помогло Радищеву сразу же увидеть и всю ублюдочность, всю ограниченность прав, полученных народом из рук новых господ положения — буржуазии. Так перед Радищевым встало со всей отчетливостью противоречие буржуазной революции: народ, совершивший великий подвиг, не получил обещанной ему свободы. В итоге победы устанавливался буржуазный строй, при котором блага и свобода принадлежали лишь собственникам. Вот почему Радищев бросает вызов истошному хору буржуазных идеологов, прославлявших американскую демократию, вот почему заявляет, что отказывается «назвать блаженной страну», «где сто гордых граждан утопают в роскоши, а тысячи не имеют надежного пропитания, ни собственного от зноя и мраза укрова».[1]

Узнав, что республика узаконила рабство негров и что на рабском труде американский буржуа строит свое благосостояние, Радищев шлет проклятие буржуазной демократии. Описывая положение Америки после победы республики, он пишет: «Везде видна строящая рука делателя, везде кажется вид благосостояния и внешний знак устрой-

---

[1] А. Радищев. Избранные сочинения, М.—Л., 1949, стр. 165.

ства. Но кто же столь мощною рукою нудит скупую, ленивую природу давать плоды свои в толиком обилии? Заклав индийцов единовременно, злобствующие европейцы, проповедники миролюбия во имя бога истины, учители кротости и человеколюбия, к корени яростного убийства завоевателей прививают хладкровное убийство порабощения приобретением невольников куплею. Сии-то несчастные жертвы знойных берегов Нигера и Сенагала, отринутые своих домов и семейств, преселенные в неведомые им страны, под тяжким жезлом благоустройства вздирают обильные нивы Америки, трудов их гнушающейся».[1] Это выступление Радищева против рабовладения в Америке прямо перекликается с новиковским примечанием, которое обличало буржуазного идеолога, оправдывавшего торговлю невольниками.

Так усиление влияния буржуазной идеологии поставило перед Радищевым задачу ограждения русской литературы, русского освободительного движения от этого наступления, задачу создания подлинно демократической социальной, политической и эстетической теории. И здесь Радищев опирался на весь предшествовавший путь развития русской литературы, на опыт борьбы русских крепостных против угнетения, рабства и деспотизма. Как гениальный мыслитель Радищев отлично понял многие отрицательные стороны крестьянского восстания — его стихийность, неорганизованность и, главное,— его царистский лозунг. Вот почему он отлично осознавал, что сейчас, в данный исторический момент, крестьяне победить не могут. Нужно время, учил Радищев,— нужно воспитание «сочувственников», нужны «обстоятельства, нужно их поборствие», и тогда только подготовленное восстание победит. Но в то же время именно крестьянские восстания убедили его, что добыть свободу можно только революционным путем, что только людям труда — создателям всех материальных ценностей мира — принадлежит честь и высшего творчества — революции. Свергнув феодально-крепостнический режим, люди труда создадут новую государственность, новую культуру, которая и будет единственно демократической потому, что она не будет основана на порабощении человека человеком.

---

[1] А. Радищев. Избранные сочинения, стр. 164—165.

Произведения Радищева 80-х годов развернули в России подлинно революционную идеологию. Естественно, что она пришла в столкновение с идеологией буржуазного просвещения. Вот почему Радищев утверждает свои воззрения в борьбе с воззрениями Руссо и Дидро, Монтескье и Гельвеция. Вот почему радищевскому суду разума подверглась не только крепостническая действительность, но и прославленные сочинения корифеев буржуазного просвещения.

Прежде всего Радищев выступает против политической теории энциклопедистов (просвещенный абсолютизм), показав умозрительность и метафизичность социологических воззрений как Монтескье, так и Руссо. Единственный в XVIII веке, он создает учение о народной революции, вооружавшее русское общественное движение самой передовой политической теорией.

Наблюдая процесс идейного перевооружения русского дворянства на базе сентиментализма, Радищев понимал необходимость разоблачения идеологических основ нового искусства. Именно этими русскими условиями и объясняется та страстность, с которой Радищев обрушился на философию уединенного частного человека Руссо и европейского сентиментализма. Проповедуя революционные идеи, он не боялся народа и его революционной энергии, а видел в ней единственное спасение. Поэтому первый русский революционер и мог создать новую философию человека — человека, живущего в обществе, утверждающего свою личность в гражданской и патриотической деятельности, которая понималась им прежде всего как деятельность революционная. Ясно, что радищевская философия человека-революционера противостояла буржуазно-эгоистической и антиобщественной философии европейского сентиментализма.[1]

Художественные произведения Радищева явились воплощением его новаторских воззрений. Подвергнув с революционных позиций беспощадному обличению и отрицанию самодержавно-крепостнический строй России, нарисовав потрясающую в своей подлинности картину жизни русского крепостного крестьянина, призвав народ к революции, Радищев смог впервые в мировом искусстве создать образ человека-бойца, мстителя, «прорицателя вольности», изобразить

---

[1] Подробно об этом см. в моей книге: «А. Н. Радищев. Очерк жизни и творчества», М., 1949.

народ как великую, преображающую мир, творческую силу истории. Тем самым Радищев закладывал прочные основания для развития русского реализма. Тем самым Радищев ограждал русскую литературу от буржуазного влияния в период, когда это влияние, вследствие победы буржуазных революций в Америке и Франции, было особо интенсивным, когда буржуазная идеология принимала воинствующий характер. Тем самым Радищев указывал путь развития национально-самобытной патриотической и гражданской литературы, завещая ей борьбу с буржуазностью.

80-е годы — героическое десятилетие русской литературы XVIII века. Это годы радикальных сочинений Фонвизина — «Недоросль», «Всеобщая придворная грамматика», «Рассуждение о истребившейся в России совсем всякой формы государственного правления», «Друг честных людей или Стародум». В этот период развертывается огромная по своим масштабам деятельность Новикова — просветителя, книгоиздателя, нравственного философа, редактора журнала и политической газеты, писателя — автора сатирических рассказов «Пословицы российские». Вторая половина десятилетия характеризуется ростом политической активности не только передовых дворянских, но и разночинных кругов. Появляется в России тайное политическое общество, руководимое просветителем Кречетовым. В эту же пору начнет свою работу молодой писатель-сатирик Крылов. Наконец, 80-е годы — годы деятельности первого русского писателя-революционера Радищева, чье творчество являло собой высшее достижение русской культуры XVIII века.

Передовая русская литература складывалась в ожесточенной борьбе с самодержавием, с правительственной и дворянской литературой, и именно потому, что она из года в год одерживала успехи, русское самодержавие перешло к откровенной политике полицейской расправы с неугодными ему деятелями. Фонвизину запретили печататься, Радищева сослали в Сибирь, Новикова посадили в Шлиссельбургскую крепость, Кречетова арестовали, Крылов подвергся преследованиям.

Но заслуга передовой русской литературы не ограничивалась ее борьбой с русским крепостничеством и самодержавием. Она впервые именно в 80-е годы выступила с критикой своекорыстного характера буржуазной идеологии.

И это было исторически закономерным явлением. Победа буржуазии вскрыла антинародное существо буржуазной идеологии. Буржуазные пороки, ранее остававшиеся в тени, после победы буржуазии развились пышным цветом. «Одним словом, возникшие вслед за «победой разума» общественные и политические учреждения оказались злой, вызывающей горькое разочарование, карикатурой на блестящие обещания просветителей».[1] Во Франции и в Англии с начала века появились люди, которые выступили с констатацией всеобщего разочарования. То были социалисты-утописты — Сен-Симон, Фурье и Роберт Оуэн.

В России Радищев, внимательно присматривавшийся к утвердившемуся «царству разума» в Соединенных Штатах Америки, а затем и во Франции, понял и увидел противоречия буржуазного строя, увидел кричащие пороки нового общества и громогласно заявил об этом. Именно от Радищева начинается в русской литературе критика буржуазного общества, обличение чистоганного, антинародного характера буржуазной идеологии.

Ученик русских просветителей XVIII века, Крылов в своем басенном творчестве развернет подлинно демократический кодекс морали, весь направленный против своекорыстия буржуазных собственников. Пушкин «вослед Радищеву» не только станет обличать американскую демократию в ее «отвратительном цинизме» и ужасы капиталистического рабства Англии, но и заклеймит бессердечную, торгашескую, античеловеческую мораль «ужасного века» торжества буржуазии. В последующие годы великие русские писатели с еще большей силой и последовательностью будут разоблачать антинародное существо буржуазного строя, буржуазной морали, буржуазной демократии. Антибуржуазность — замечательная самобытная черта передовой русской литературы, свидетельство ее высокой идейности, ее глубокого, подлинного демократизма.

---

[1] К. Маркс. Избранные произведения в двух томах, т. I, М., 1933, стр. 110 (Ф. Энгельс. «Развитие социализма от утопии к науке»).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

I

В обстановке общественного подъема 80-х годов развертывается и деятельность Новикова. Не удовлетворившись одной только газетной политической информацией, он решает издавать журнал, который бы отвечал требованиям дня. Старый журнал «Утренний свет», как уже говорилось выше, Новиков считал непригодным для этого. Поэтому, закрыв «Утренний свет», он с января 1781 года начинает издавать новый журнал — «Московское ежемесячное издание», «заключающее в себе собрание разных лучших статей, касающихся до нравоучения, политической

и ученой истории, до философических и словесных наук и других полезных знаний».

В «Предисловии» заявлялось, что задача журнала состоит в том, чтобы «распространять знание, на котором основание свое имеет мудрость, яко предмет и доля человеческого рода» (ч. I, XXVI). В журнале сохранялась прежняя просветительская программа Новикова. «Причина всех заблуждений человеческих есть невежество, а совершенства — знание» (ч. I, X). Науки — это могущественное оружие в руках человека, и потому они заслуживают самого глубокого уважения. «Известно всем, имеющим хотя некоторое сведение о науках, что они суть плоды созревшего бессмертного человеческого духа, одаренного от природы способностию понимать или заключать о бесконечности как времени, или продолжения, так и пространства, или неограниченности» (ч. I, XIII). Именно эта способность человека мыслить, постигать законы природы дает ему право «человеком именоваться», налагает на него обязательства, не позволяющие ему «заниматься не свойственными духу его безделками». Без «науки разума» человек не способен исполнять предназначенную ему должность добродетельного гражданина. «Человек при рождении своем и не имея в жизни опытов, оживляющих силы и способности, полученные от природы, ничем не разнится от скотов и животных» (ч. I, VIII).

Как бы подчеркивая свою верность просветительским идеалам, Новиков печатает статью «Философ», в которой утверждается благородная и очень важная для XVIII века мысль об особой роли философов в обществе, об их предназначении открывать людям скрытую от них истину, «согласную с разумом». Под статьей было написано: «Переведено из Энциклопедии», то есть из Энциклопедии французских просветителей, из Энциклопедии Дидро и Даламбера.

В силу многих причин, о которых здесь не место говорить, материал Энциклопедии по своим философским и политическим установкам не был единым. Для осуществления грандиозного предприятия Дидро пришлось объединить широкие круги французской интеллигенции. В числе авторов были материалисты Гольбах, Гельвеций, но и Руссо и Вольтер, умеренные либералы и республиканцы, атеисты, скептики и деисты, знаменитый Бюффон, Тюрго и ученые

академики, врачи, писатели и т. д. Умонастроение этих разно думавших — не только научно, но и политически и философски — людей нашло свое выражение в статьях. Поэтому признак — напечатано в Энциклопедии — еще мало о чем говорит. Всегда важно знать, кому принадлежит данная статья.

Кто же автор статьи «Философ», переведенной и напечатанной «Московским изданием»? Знать это необходимо для того, чтобы понять действительные общественные и философские позиции Новикова этого периода, чтобы уяснить, воззрения какого автора на один из принципиальнейших вопросов просветительства счел необходимым пропагандировать Новиков на страницах своего журнала, чьи идеи он включил в программу своей практической просветительской деятельности. Статья «Философ» принадлежит не одному автору, а является соединением нескольких статей Энциклопедии, в которых развивался примерно один и тот же круг вопросов: о философе и философии в современном обществе. Надо помнить, что в Энциклопедии, как правило, одно и то же слово объяснялось и трактовалось в разных смыслах во многих отдельных статьях. Так, например, о «человеке» печаталось две статьи: с точки зрения естественноисторической и политической. О «бессмертии» говорится «грамматически» и «метафизически» и т. д.

Составитель статьи для «Московского издания», положив в основу статью Энциклопедии «Философ», трактующую вопрос политически, дополнил ее выдержками из других. Кому принадлежат дополнения, установить не удалось. Основная же статья Энциклопедии под названием «Философ» принадлежит Дидро.

Дидро — вот кто понадобился Новикову, чтобы объяснить читателям «Московского издания», что такое философ, чтобы определить перед лицом русского общества свою деятельность как «практического нравственного философа». «Гражданское общество,— читаем мы в «Московском издании»,— он (философ.— *Г. М.)* почитает, так сказать, божеством на земле. Он его украшает своею честностию, исполнением своих должностей и искренним желанием, чтобы не быть не полезным или беспокойным членом. Чувствование честности столько же входит в механическое сложение философа, сколько свет разума. В человеке чем более

разума, тем более честности. Напротив того, где царствует суеверие и пристрастие, тут царствуют страсти и своенравие. Делать все по порядку, следуя разуму или рассуждению, есть свойство философа» (ч. I, 236—237).[1]

Философы сделали своим божеством разум, они объявили, что разум должен судить жизнь: «чтобы не только все то, что есть справедливо, подвержено было рассудку, но также, во-первых, не принимали ничего такого, чего бы разум не в силах был доказать, хотя бы находилась тысяча подлинных и самых натуральных истин в том, что оное доказательствам не подвержено и оными не может быть доказано» (ч. I, 221). Философ выступает против богословов, которые стремятся «затмевать рассудок», что «есть не что иное, как отнимать у человека его путеводителя; а как разум имеет начало свое от бога, который людей оным одарил для рассуждения о предлагаемых ему вещах, то и, стало быть, невозможно, чтобы вещи, которые рассудок принужден бывает отвергать, богом были представлены в виде истины» (ч. I, 222). Это стремление энциклопедистов освятить именем бога неистовый бунт разума, его беспощадный приговор «несходной с истиной» действительности было бесконечно близким Новикову.

Мысли, провозглашенные в новиковских статьях, напечатанных в «Утреннем свете»,— о том, что только знание открывает человеку его обязанности, его «предопределение», что знание это должно быть приобретаемо не для того, чтобы «хвастаться», а должно носить нравственный характер и быть употреблено на общее благо, на пользу согражданам; что для осуществления этого особенно важна наука познания людей, познания самого себя,— все эти основополагающие элементы своей этики Новиков считает теперь необходимым сблизить с философией французского просвещения. Отстаивая свою независимость в масонском ордене, Новиков и в своей литературно-общественной деятельности подчеркивает, что его нравственное учение далеко от масонства Шварца, что оно связано с передовой философией времени. Именно это желание подчеркнуть передовой смысл своей этики и определило выбор статьи «Философ», о которой было демонстративно сказано: «Переведено из Энциклопедии».

---

[1] Д. Дидро. Сочинения, т. VII, 1939, стр. 276.

«Все оные познания может иметь человек, который не любит ни истины, ни добродетели, который ищет истину не для того, что она есть светило, просвещающее человеческий путь... но понеже оные науки, коими он хвастается, приобретают ему имя»; этот человек рассуждает о науках для того, чтобы «учинить свой разум и таланты блестящими». Настоящий «философ ищет истины, чтоб быть в состоянии узнать свое предопределение и, оное познавши, показать прочим. Об ней он размышляет, потому что она есть свет, при едином сиянии которого могут только люди безопасно шествовать... Добрые намерения и расположения без познаний составляют хороший нравственный характер, но не довольны к соделанию философа; он должен при прямых видах соединить познания к предметам, естественно пользующим человечеству, дабы укрыться от заблуждений, могущих иметь влияние в его поступки и оные учинить вредными ему или ближнему; следовательно, необходимо нужно ему знать природу человеческую и предметы нравственных его действий, оных положение, отношение и предел» (ч. I, 230—231).

Но для развития науки разума, как и вообще всех наук, нужны надлежащие условия. Выяснению вопроса о том, что же способствует развитию наук, посвящена статья «О главных причинах, относящихся к приращению художеств и наук». Статья эта без подписи, но мысли, развиваемые в ней, близки к многочисленным высказываниям Новикова, и можно предположить, что данная статья принадлежит ему. В статье выдвигаются два тезиса. Первый — только свобода способствует расцвету наук и художеств, второй — только народ есть истинный хранитель завоеваний науки.

«Народ есть первый собиратель плодов, науками приносимых: к знатным же они приходят весьма поздно. Не должно думать, чтоб оные вдруг процвели в каком-нибудь народе или чтобы для сего довольно было только ученых людей из других государств. Они могут украсить царский дом; но весьма редко бывает, чтоб они могли и все государство сделать ученым» (ч. I, 282). Науки только «вольностью процветают». «В благополучном веке Рима вольность была душою красноречия и заставила Силлов и Помпеев дрожать пред народным Трибуном. Но когда после благородной гордости сих республиканцев последовало подлое рабство во времена императоров, то сей благородней-

ший жар вдруг погас, и разум римлян вместе с их вольностию погребен был на полях Фарсальских» (ч. I, 285).

В этой своей статье Новиков, впервые со времен «Живописца», открыто поднимал тему крепостного права, указав на огромный вред рабства для народа и отечества. «В рабском состоянии добродетель и знание навлекают на себя подозрение». «Мы также теряем от страха все свое рачение, дарования и горячность» (ч. I, 285). Там, где господствуют тирания и рабство, там науки, труд, художество не могут развиваться, не могут процветать: «Нигде, где только рабство, хотя б оно было и законно, связывает душу как бы оковами, не должно ожидать, чтоб оно могло произвесть что-нибудь великое». Кончалась статья прямой угрозой деспотическим правлениям, звучавшей особо актуально в годы рождения американской республики: «В деспотическом правлении Азии великая слава бывает предзнаменованием великого несчастия» (ч. I, 285—286).

Вся статья, затрагивавшая злободневные вопросы, была, кроме того, полна намеков на политический режим России (рассуждения о «законном рабстве», о стремлении двора «привозными учеными» украшать «царский дом» и т. д.). И это не единичный случай в «Московском издании». Журнал не однажды осмеливался выступать с суждениями о политическом устройстве государства, о социальных условиях жизни человека. В одной из статей, говоря о том, что люди должны оцениваться по их человеческому достоинству, журнал ставит вопрос о причинах, мешающих осуществлению этого принципа. И вот какой дается ответ: «У людей есть степень, которая устраняет и уничтожает честолюбие: знатный господин низок и подл перед самодержцем; простой дворянин делается невольником придворного; мещанин терпеливо сносит высокомерие дворянина; а крестьянин определен быть рабом всех прочих состояний. Итак, люди против природы отдались один другому в неволю, происхождения которой одна их слабость причиною; малейший разбор ума, сложения и силы знатных уничтожает все высокие мнения, которые простой дворянин об оных имеет» (ч. II, 242—243).

«Московское издание», как и «Утренний свет», не было изданием идейно целостным, полностью отражающим новиковские воззрения. В то же время ясно, что роль Новикова-редактора здесь определеннее, чем в «Утреннем свете».

Прежде всего следует отметить отсутствие в новом журнале двух прежних редакторов — Хераскова и Муравьева. Но зато с большей активностью в новом журнале стал работать Кутузов. Несомненно, что Кутузов имел значительное влияние на выбор материалов для журнала.

Обращает на себя внимание следующий факт. Журнал содержит две группы сочинений — оригинальные и переводные, причем последних — подавляющее большинство. Главные оригинальные произведения принадлежат Новикову и Кутузову. Новиковские сочинения продолжают развивать идеи его «науки о человеке». С определенностью можно говорить о двух его сочинениях — философская статья «Предисловие» и «О главных причинах, относящихся к приращению художеств и наук». Главное в них — доказательство общественного значения наук, просвещения. Отсюда убеждение в необходимости вторжения литературы в жизнь, проповеди идеалов разумного изменения действительности; отсюда развитие положительных идеалов и использование сатиры для борьбы с отрицательными явлениями жизни; отсюда, наконец, учение о страстях, подводившее философскую базу под сатирические выпады против тех, кто, занимая высокую общественную «должность», оказывается на поводу страстей, забывая свои высокие обязанности гражданина.

Кутузову принадлежат три сочинения, подписанные инициалами А. К. Общее их направление определяется стремлением обосновать право ухода человека из действительности в мир своего «я», противопоставление богатства человеческой души суетным, временным, грубым и грозным явлениям социальной жизни. Этот интерес к чувству, к сердцу определял эстетическую позицию Кутузова как сентименталиста.

Изучение напечатанных в журнале переводных сочинений позволяет установить деление их на две группы: произведения, развивающие или иллюстрирующие центральные положения новиковских статей, и произведения сентиментальные, прямо примыкающие к кутузовским. Это позволяет высказать догадку, что отбором переводов в равной мере руководили и Новиков и Кутузов. Значит, «Московское издание» в целом, отличаясь от «Утреннего света» принципиальным интересом к «светским материям», и в частности к политике, все же может характеризовать Новикова

лишь с указанным ограничением, лишь в той части, в какой помещенный в нем материал отвечает воззрениям и убеждениям, изложенным в статьях, принадлежащих Новикову.

Из авторов «Утреннего света» в новом журнале принимал участие Иван Тургенев. Ему принадлежат два перевода: «О действии наук над сердцем и нравом человеческим» — речь, говоренная лейпцигским профессором,— и «Примечания на священное писание» — сочинение лейпцигского профессора и писателя Геллерта. Если вспомнить, что Кутузов учился в Лейпцигском университете, что Геллерт был любимым учителем русских студентов, то можно предположить, что подсказаны Тургеневу эти материалы были именно Кутузовым.

Должно быть отмечено еще одно обстоятельство: подавляющее число переводов в новом журнале принадлежит ученикам гимназий и студентам университета — Алексею Малиновскому, Рыкачеву, Жукову, Жилину, Лаба, Давидовскому, Мещеринову, Колязину и др. Известно, что Новиков широко привлекал студенческую молодежь к работе над переводами книг и статей для своего издательства и газеты. Новиков не забыл старой традиции Московского университета, не забыл, что сам он начинал путь с литературных кружков университета, с книжной университетской лавки. В 80-х годах книжная лавка Новикова и его типографии были подлинным центром умственной жизни Москвы. Поэтому несомненно, что роль Новикова в отборе переводов для «Московского издания» имеет творческий характер. В «Утреннем свете» переводили, как правило, или крупные писатели, или сами редакторы — Кутузов, Тургенев, де Тейльс и т. д. Здесь же переводчиками были студенты, которые переводили то, что им заказывалось. Новиков специально подбирал для переводов материалы, которые помогали ему развивать свои убеждения, отвечали потребностям общества. Таким образом в «Московском издании» был вновь использован принцип, который был применен в «Пустомеле»,— с помощью чужих сочинений внушать читателю угодные редактору идеи, обращать его внимание на противоречия и язвы политического и социального режима в России.

II

Существует мнение, что в философском «Предисловии» к «Московскому изданию» Новиков ведет борьбу с философами-материалистами, задается целью опровергнуть их «систему» морали. Так понимает, в частности, содержание и смысл «Предисловия» Незеленов.[1] Эта борьба кажется многим естественной, ибо ведет ее Новиков-масон, как, одновременно с ним, с тех же масонских позиций, опровергали идеи французских просветителей Шварц [2] и Лопухин.[3] Заключение это делается прежде всего на основании следующего заявления Новикова: «Многие нынешнего века высокие и купно низкие любомудрцы или философы почитают оную науку химерою (науку разума, открывающую человеку его назначение, управляющую его страстями.— *Г. М.*) или соплетением пустых, непонятных и бесполезных метафизических изречений или терминов, а прославляют систему, состоящую в последовании склонностям своим, каковы бы они ни были и куда бы ни стремились, говоря, что природа, естество или натура к тому нас побуждает и что безумно налагать оковы на природу, виновницу толиких удовольствий и сладости» (ч. I, XV). Действительно, Новикова возмущает эта проповедь бесконтрольного следования страстям, эта эгоистическая погоня за личными удовольствиями, сведение радостей человека только к чувственным наслаждениям, и он ополчается против такой системы. Но присмотримся, с каких позиций опровергает Новиков «систему, состоящую в последовании склонностям своим»? И действительно ли «правила» этой «системы» тождественны убеждениям французских материалистов?

Прежде всего, возражая против «системы», Новиков отнюдь не проповедует аскетизма: «Совершенно безумен был бы человек, если бы захотел прямо отрещися от удовольствий и услаждения: да и невероятно, чтоб был такой человек или такое животное, которое услаждение, соединенное с дыханием и жизнию, променяло бы на ничтожество» (ч. I, XV). Поэтому, «рассматривая свойство, силы и природу человеческую, без сомнения, видеть можно, какие

---

[1] «Новиков — издатель журналов», стр. 274—275.

[2] Курс лекций «О трех познаниях».

[3] Лопухин. Рассуждения о злоупотреблениях разума некоторыми новыми писателями и опровержение их вредных правил, М., 1780.

свойственны и приличны человеку удовольствия». Чувственные удовольствия человек не может отвергать, но в то же время ограничиваться ими он не имеет права; он должен помнить, что есть еще и другие «услаждения», более «приличные человеку». «Известно всем, что человек родится, растет и доходит до совершенного возраста... и что он имеет чувства и внутреннее побуждение к содержанию и сохранению своему и к произведению с восхищением подобных себе, так, как все животные, с тою только разностию, что животные получили стремлению своему предел, которого они прейти не могут, а человек сверх оного получил еще нечто благороднейшее, одаренное волею и разумом, помощию которых он может владычествовать над оными, избирать для себя все превосходнейшее, чувствовать достоинство и честность, удивляться стройности и красоте вселенныя» (ч. I, XVI—XVII). Воодушевленный мыслью о гражданском долге человека, Новиков пишет: «Ежели кто выходил когда-нибудь из чувственного круга, общего со скотами, в собственный человеческий круг умозрения, тот, конечно, не может сомневаться, что он рожден не для телесных и минутных сладостей, которые бесконечного его желания и стремления не только не могут удовольствовать, но еще предавшегося оным более раздражают и унижают перед неразумными тварями, следующими всегда порядочному своему побуждению; но природа произвела его к большему и благороднейшему удовольствию, нежели оные скотские сладости, к таким услаждениям, которые соответствуют его бесконечным склонностям и силам, полученным от предвечной мудрости, даровавшей ему разум и свободную волю к его совершенному благополучию. Прекрасно славный Галлер в поэме о происхождении зла, описывая духовный мир, говорит о изящности воли и разума человеческого:

Die Welt mit ihren Maengeln
Ist besser, als ein Reich von Willen-losen Engeln.

Мир с своими недостатками превосходнее, нежели царство ангелов, воли лишенных» (ч. I, XVII—XVIII).

Эти иные радости и удовольствия человек испытывает на общественном поприще, исполняя долг перед отечеством и перед согражданами, в осуществлении стремления «быть полезным друг другу и человеческому обществу». Как видим, рисуя свой идеал добродетельного, не чуждающегося

чувственных страстей человека и гражданина, Новиков нисколько не противоречил этике материалистов. В самом деле, в своем трактате «Система природы» Гольбах писал: «Хороший человек — это человек, видящий свой интерес или свое счастье в поведении, которое другие люди должны, ради собственного их интереса, любить и одобрять». «Ни один человек не может быть добродетелен в одиночку».[1] Это, конечно, не было проповедью эгоизма.

«Быть добродетельным,— говорит Гольбах,— это значит, следовательно, видеть свой интерес в том, что совпадает с интересом других; это значит наслаждаться благодеяниями и удовольствиями, которые доставляешь им».[2] В этом же духе, примерно, понимал добродетель и Новиков. Еще в «Утреннем свете» было напечатано: «Всякий, в государстве ли, в земле ли какой или во граде живущий человек долженствует своему отечеству и каждому сочлену служить и быть полезен». Исполнение добродетели,— говорит Гольбах,— дает человеку соответствующие его высокоразвитому интеллекту удовольствия. «Склонность к добродетели возбуждает внутри нас такие потребности, которые может удовлетворить одна добродетель, поэтому-то добродетель и служит сама себе воздаянием, вознаграждая сама себя теми благами, которые она доставляет другим». В том же духе писал и Новиков. Большего внимания, чем отмеченное нами совпадение некоторых принципов морали Гольбаха и Новикова, заслуживает тот факт, что сам Новиков осознавал близость своей точки зрения на этот вопрос с точкой зрения «славных философов». В той же первой части журнала он напечатал упоминавшуюся выше статью Дидро «Философ», где как раз и развивались близкие к философскому «Предисловию» мысли. «Из сего понятия о философах довольно ясно заключить можно, сколько нечувствительный мудрец стоический отдален от совершенств нашего философа. Наш философ есть человек, а их мудрец страшилище. Они стыдились человечеством, но наш то вменяет себе в славу; они хотели глупо уничтожить все страсти и возвысить нас сверх натуры посредством химерической нечувствительности: что ж касается до нашего философа, он не мыслит о химерической славе в истреблении страстей, ибо сие

---

[1] Гольбах. Система природы, М., ГИЗ, стр. 237.
[2] Там же, стр. 238.

невозможно; но он старается о том, чтоб не быть их невольником, но чтобы и чрез них получить себе пользу и из них сделать разумное употребление» (ч. I, 239—240).[1]

В другом месте той же статьи Дидро говорит: собственные интересы человека таковы, что они вынуждают его жить в обществе и быть обществу полезным. «Человек не есть чудовище, которое должно жить в безднах морских или во внутренностях лесов: одни надобности, принадлежащие к жизни, делают нужным сообщество с прочими; и в каком бы он ни находился состоянии, его надобности и благосостояние собственное принуждают его быть в обществе. И так рассудок от него требует, чтоб он знал, учился и трудился для приобретения тех качеств, кои он должен употреблять в обхождении с прочими» (ч. I, 235). Несомненно, суждение это близко мыслям новиковского «Предисловия». Значит, говорить о какой-то борьбе с этикой энциклопедистов нет оснований: «система», опровергаемая Новиковым, не принадлежит французским просветителям. Но высказанные им самим принципы морали не тождественны с моралью Гольбаха или Дидро, а лишь близки им по духу. И это явление характерно именно для русского просвещения в целом: отвергая политическую теорию энциклопедистов или борясь с нею, они сочувствовали и высоко ценили именно философию, то, что было самым важным во французском просвещении. Так поступал Козельский, это свойственно Радищеву, ту же черту находим и у Новикова. В действительности в своем «Предисловии» Новиков выступает против «разносчиков» учения о нравственности французских просветителей, против русских дворянских «вольтерьянцев», которые хотели прикрыть философией свою эгоистическую жизнь, против глупых и плоских вульгаризаторов и фальсификаторов идей энциклопедистов.

В связи с этой позицией Новикова напомним, что в той же Энциклопедии и тот же Дидро в статье «Интерес» как раз ополчался против тех, кто искажал основной принцип морали — «интерес», примитивно толкуя его как «себялюбие». Не важно — знал или не знал эту статью Новиков, важнее другое: Новиков в данном вопросе выступает с тех же позиций, что и Дидро. «Слово интерес имеет в нашем языке,— писал Дидро,— много значений. Взятое в абсолют-

---

[1] Д. Дидро. Сочинения, т. VII, стр. 278.

ном смысле, без какого бы то ни было непосредственного отношения к индивиду, телу, народу, оно означает порок, побуждающий нас искать для себя преимуществ в противность справедливости и добродетели». «Когда говорят об интересе индивида, тела, нации: мой интерес, интерес государства, его интерес, их интерес, это слово означает нечто нужное или полезное для государства, для лица, для меня». «В этом, хотя и переносном, смысле слово интерес употребляется вместо «себялюбия». Ошибка эта была присуща великим моралистам и послужила обильным источником заблуждений, споров и оскорблений». Дидро называет имена этих моралистов, так несправедливо толковавших понятие «интерес». «Книги Ларошфуко и Паскаля, побывавшие в руках у всех, незаметно приучили французскую публику всегда понимать слово себялюбие в дурном смысле». На самом же деле «это себялюбие» может внушать «страсти, стремиться к удовольствиям, полезным для порядка, для общества», ибо «человек, рожденный в обществе, получает от этого общества выгоды, которые он должен оплачивать услугами».[1] Как известно, книги Паскаля и Ларошфуко побывали и в руках русской публики. И в России было много людей, грубо и примитивно понимавших систему морали просветителей. Поэтому обличать таких последователей французских просветителей было необходимо и справедливо, так же как бороться со знаменитыми титулованными русскими вольтерьянцами, которые, будучи почитателями книг Вольтера или Гельвеция, в своей социальной практике оставались крепостниками.

Этической теории Новикова чужд догматический характер. Будучи по природе своей практической философией, она живо учитывала меняющийся характер общественных интересов, стараясь быть нужной и полезной согражданам на различных ступенях их политического и нравственного развития. В семидесятые годы в этике Новикова развивалось учение о добродетели и «человеке как средстве». В восьмидесятые годы Новиков акцентирует другой элемент этики. Главным в этике, развернутой на страницах «Московского издания», была теория подчинения страстей разуму.

Еще в «Утреннем свете» Новиков говорил о необходи-

---

[1] Д. Дидро. Сочинения, т. VII, стр. 214—216.

мости «умерщвления страстей», а в последней, IX части журнала дал перевод бэконовской статьи «О страстях». Но только в «Московском издании» эта существенная сторона бэконовского учения оказалась с особой полнотой и оригинальностью развита Новиковым. Все философское «Предисловие» к журналу посвящено, в сущности, развернутому толкованию учения о страстях. Бэкон, устанавливая место страстей в человеческом характере, объяснял их естественное и закономерное происхождение. «В человеке обретают как бы две души; единую (первую.— *Г. М.*), происходящую от божественного устроения и коея познание касается более до закона, нежели до философии (любомудрия), и о которой не позволено смертному судить; последняя же (вторая.— *Г. М.*) вещественная и чувственная, которая есть общая нам с животными и которую почесть можно орудием невидимой души». «Она вкореняется в наши нравы и исчезает тогда, когда мы в прах или пепел обратимся: тело служит ей зданием, а сердце и мозг — главнейшим жилищем». «Ее (эту вещественную, смертную душу.—*Г. М.*) называют разумом». «Смешение сих двух сил подало случай ко всем суеверным мнениям о переселении души и к толь многим заблуждениям о природе души».

Определив, что такое душа, разум и тело, Бэкон указывает на место и роль страстей: «страсти служат посредственниками между душою и телом». Итак, действие страстей и естественно и необходимо, но беда в том, что страстям свойственно стремление к независимости, к господству над человеком и его душой. Оттого-то страсти «описывают семенами бури, которая все опустошает и в беспорядок приводит во внутренности сердца, описывают их возмутителями разума и мучителями вольности»; иногда «сильные страсти — суть тигры». «Страсть обладающая (господствующая) есть язва, которая к самым добродетелям привязывается и, вкравшись, оные погашает».[1] Люди часто становятся невольниками «тиранических страстей».

Указав на пагубные последствия вырвавшихся на волю страстей, Бэкон предлагает смирять их, подчинять разуму, прибегая для этого к произведениям «пиитов и историков», в которых рассказывается и показывается, как укрощаются человеческие страсти.

---

[1] «Утренний свет», ч. IX, стр. 160—162.

Ознакомившись с бэконовским учением, Новиков разрабатывает теорию страстей по-своему. Новиков пишет в «Московском издании» о страстях без всякого желания выяснять законное место страстей («страсти служат посредственниками между душою и телом»,— как писал когда-то Бэкон). Он подходит к вопросу практически, стремясь, прежде всего, обратить внимание своих читателей на то, что господство страстей над разумом приводит к самым ужасным последствиям: человек, живущий «во угождение восхищающих страстей своих», противопоставляет себя большинству людей, разрушает связи и узы общественные, перестает следовать природным своим склонностям, пренебрегая тем добрым, что заложено в нем природой. «Уловленный настоящими и всегда новыми для него прелестями», человек, не просвещенный «наукой разума», не может понять тех обязанностей, которые на него накладываются как на гражданина общества. Человек же должен «иметь всегда главною метою совершенство свое, то есть совершенство духа, состоящее в познании бессмертных истин, которыми восхищается и возносится до вышнего царства духовного, или разумного: то наука разума не может не споспешествовать ему в толь славных его подвигах» (ч. I, XIV—XV).

Новиков останавливает свое внимание только на тех страстях, господство которых над человеком влечет за собой политические, бедственные для простого «питателя», последствия. Люди,— пишет он,— оказываются гонимыми «тремя сильными восхищающими ветрами, честолюбия, сладострастия и сребролюбия», поэтому «большую часть жизни проводят, отвергая все то, что приятности ветров оных противоборствует» (ч. I, VII). Итак, честолюбие, сладострастие и сребролюбие — три страсти, которые приносят обществу бедствия, именно бедствия, потому что им следуют не просто люди, не просто абстрактный человек, а конкретный, социальный человек — дворянин, помещик, вельможа, министр, государь. В учении о страстях Новиков стремится покинуть область отвлеченных моральных категорий и перейти к вопросам общественным, социальным. Поэтому и оказывается возможным ставить в журнале ряд политических вопросов, разрешать на страницах «Московского издания» проблему взаимоотношений правительства и народа. Этика становится политикой — в этом и заключено то новое в философских убеждениях Новикова, что

нашло свое выражение сначала в «Московском издании», а потом и во всей его последующей журнальной и книгоиздательской деятельности восьмидесятых годов. Если для «Утреннего света» определяющей была первая часть этической формулы Мабли: «мораль — это частная политика», то сейчас осуществлялась ее вторая часть: «политика — это общественная мораль».

Под этим углом зрения — политических выводов из этических норм и принципов — необходимо рассматривать и все содержание журнала, которому было специально предпослано философское «Предисловие».

В статье «О льстецах и о всех людях вообще» доказывается, что люди не ценят в себе человеческое достоинство, не хотят понять, что истинные свойства человеческие «суть благородная вольность и независимость», от чего и следует поклонение страсти честолюбия. «Честолюбие есть коршун, приставленный у людей к сердцу, которое он беспрестанно терзает... Государи завидуют состоянию своих соседей, министры — государям; придворные сетуют о том почтении, которое отдавать должны министрам; простые дворяне умирают с отчаяния, что не могут поступить в придворные и в первые чины в государстве; купцы и мещане трудятся только для того, чтобы сделаться дворянами; земледелец в упражнениях своих завидует мещанину, которого почитает он человеком почтенным. Итак, жизнь человеческая протекает в беспрестанных беспокойствах, и когда придет смерть, то, вместо чтоб сказать, что жили, должны признаться, что всю жизнь свою ненасытные только имели желания» (ч. II, 246).

Замечательно, что большинство статей и рассказов, посвященных теме обличения тех, кто слепо подчиняется страстям, объединяет стремление показать всю губительность этого подчинения на примере государей. Так, в историческом рассказе о Генрихе VIII («Печальные следствия непостоянства») сообщается о трагической судьбе Анны Болейн, ставшей жертвой страсти короля. Генрих был человеком, который «все почти основания того закона, в коем он был воспитан, соединил для удовольствования своей страсти». Поэтому все действия Генриха VIII, действительного исторического лица, «служат доказательством, сколь ненавистным должен быть тот человек, который не имеет никакого другого путеводителя, кроме страстей своих. Ко

всякому состраданию и раскаянию будучи неспособен, был он чудовище в виде человека, и вся его жизнь есть как бы цепь или записная книга гнусностию преисполненных его действий» (ч. I, 58).

Во многих литературных и исторических рассказах журнала на живых примерах показываются губительные следствия, приносимые тщеславием: «Не нужно доказывать, сколь те дела достойны презрения, коих предмет тщеславие или корысть. Человек, управляемый одною или другою из сих страстей, не способен бывает ни к какому доброму делу... Цесарь учинил такие дела, которые его сделали бессмертным, но основание оных, тщеславие, страсть непобедимая, помрачила половину... Желание освободить отечество из-под ига Помпеева достойно было похвалы; но ах! не теряет ли своей красоты, ежели рассудить о Цесаре так, как о тиране народа римского, избавляющем оный для того, дабы сам мог более притеснять, что и доказало следствие его действий» (ч. II, 185—186). Журнал с подлинным гуманистическим пафосом обрушивается на императоров и царей — Цезаря и Александра, приносивших в жертву своим страстям тысячи людей. «Как? люди разве сотворены только к удовольствованию честолюбия одного из них? Нет, нет, кровь человеческая весьма дорога, чтоб быть ей проливаемой беспрестанно для удовольствия желающего прославиться одного владетеля тщеславящегося» (ч. II, 186).

Так теория страстей подкреплялась примерами из истории, рассказами о поступках и поведении царей и императоров. Но историческими примерами Новиков не ограничился. Он печатает великолепно написанную статью «О государях», которая по сути является политическим памфлетом.[1] Автор памфлета выносит строгий и беспощадный приговор всем государям вообще, утверждая, что каж-

[1] Статья эта не подписана. Судя по некоторым признакам, можно предположить, что она является переводом с французского. Возникает вопрос, почему же в таком случае это не оговорено журналом, почему не назван переводчик? Ведь почти во всех случаях, когда печатались переводные статьи, Новиков указывал имя переводчика и с какого языка переведено. Значит, можно предположить: 1) перевод сделан самим Новиковым, а он, как известно, никогда не ставил своего имени под переводами, даже когда переводил книги (см. Семенников. Матер. для ист. русск. литературы, СПБ., 1914, стр. 73); 2) переводил кто-то другой — тогда, по каким-то

дый государь — раб своих страстей, а потому он деспот и тиран, попирающий права своих сограждан, устанавливающий в стране режим рабства и нищеты. Государь обычно утверждает власть свою не на правосудии, а с помощью придворных и министров-мошенников, грабящих и разоряющих народ. Поэтому если даже действительно во многих злоупотреблениях виноваты министры, то, «однакож, ответствовать должен за все несчастия, причиненные народу», сам самодержец.

Обличение пагубной страсти царей (сладострастие) звучит в статье как прямой намек на разорительные для России многомиллионные платежи деньгами и натурой (землей, крестьянами), которые производила Екатерина своим бесчисленным любовникам.

Но обличения правительства и двора — это только первая, негативная часть памфлета. Автор хочет не только судить, но и поучать. С тех же позиций моральной философии он выдвигает политические требования, формулирует свои претензии, устанавливает кодекс правил, следование которым только и делает государя «премудрым», «достойным управлять людьми».

Первое и решающее требование — государь должен быть просвещенным и добродетельным. «Философ и разумный человек думает, что одна премудрость и правосудие могут учинить государя великим». Средство к достижению этого — не только личное просвещение и совершенствование. «Как скоро государь пренебрежет возвышать свои дарования и укрепляться в добродетели (напомню — Бэкон и Новиков учат: «добродетель есть искусство содержать свои страсти в равновесии и управлять себя в наслаждении наших желаний».— *Г. М.*), тогда от часу станет умаляться (добродетель.— *Г. М.*), и почтение к нему уменьшается. Нет степени и предела, до которого дошед, государская премудрость могла б назваться совершенною: ежели она не возвышается, то упадает». Совершенствование в добродетелях государю необходимо, но, увы, это совершенствование не приводит к желанной цели. «Я не знаю, говорит один славный писатель, какая тайная причина производит в науке управлять

особым соображениям, Новикову было необходимо скрыть самый факт перевода. Этим соображением, кажется мне, было желание Новикова-редактора усилить политический смысл памфлета указанием на его оригинальность, намеком на его русское происхождение.

совсем противное другим наукам? По мере упражнения людей прочие науки приходят в совершенство: но чем более государь царствует, обыкновенно меньше умеет управлять» (ч. II, 254). Поэтому, раз положиться на самого государя нельзя, надо, чтобы государь призвал к себе «таких людей, которые бы правду перед ним говорили», надо допустить лучших людей, болеющих за отечество, «отечестволюбцев», которые бы могли быть полезными советодателями. «Сколько бы несчастий упреждено было! каких бы бед избегнули, ежели бы люди имели доступ к государям, доверенность и позволение с ними беседовать; пользуясь их милостию, старалися бы более изъяснить у престола несчастия народные и подавать советы к предупреждению оных» (ч. II, 250).

Второе: «Ежели государи хотят достойно царствовать, то должны себя остерегать от всех несходных с разумом поступок», при этом важно, чтобы, «служа богу с усердием», они «не отдавались бы во власть попов» (ч. II, 255—256).

Третье: государь должен понять, что в народных возмущениях виновато его правление, виноват он сам, ибо только его неправосудие, жестокость и несправедливость его министров есть причины народного недовольства, переходящего в восстание. «Всякий государь, утверждающий власть свою на неправосудии, скрывает пропасть, которою он или его преемники поглощены будут. Самые великие и жесточайшие возмущения не от чего иного произошли, как от своенравия и жестокости государей» (ч. II, 250).

Поучая, «Московское издание» грозит царям возмездием, ссылаясь при этом на опыт истории, говорит с ними, как с равными. Новиковский государь такой же смертный, как и все люди, лишенный всякого ореола божественной власти. Цари должны знать,— напоминает журнал,— что «счастие их так же превратно иногда бывает, как и приватных людей. Колико было в последнее нынешнее время государей, приведенных в самую жесточайшую крайность, блудящих, изгнанных и ушедших? В каждом почти веке есть такие славные несчастливцы» (ч. II, 257). В высшей степени характерно это отношение к царям как к «славным несчастливцам», выведенное из опыта истории, высказываемое журналом в дни, когда божественные права короля Георга американцы успешно оспаривали силой оружия.

Таково содержание этого политического памфлета: журнал обличал и поучал государей. И хотя в статье речь шла о государях вообще, читатель имел полное основание применять все эти обличения и советы к российским условиям. Уже одни бесконечные вариации темы о любовницах государя, о страшной беде, которую приносит фаворитизм государству и народу, довольно определенно намекали на язву русского самодержавия. Вспомним, что годом позже писанное «Рассуждение» Фонвизина и Панина прежде всего обрушивалось на фаворитизм Екатерины II, что через год Новиков сам открыто будет писать об этом в своих сатирических рассказах «Пословицы российские».

III

Статьям и рассказам, посвященным подвигам людей добродетельных, не пожелавших быть невольниками страстей, Новиков придал тот же политический характер, что и обличениям страстных государей. Политический смысл статей этого типа определялся прежде всего их злободневностью. Такой злободневной темой тех лет была тема войны. В годы, когда внимание всего европейского, в том числе и русского, общества было занято освободительной войной американцев, Новиков обратился к теоретической разработке вопроса о войнах, стал на страницах журнала прославлять подвиги патриотов, выдвигая гражданские доблести, героизм, самоотверженность и готовность умереть за отечество как главные добродетели человека. Как бы подкрепляя многочисленные сводки о военных действиях в Америке, журнал, поднимая вопрос о войне, стремится прежде всего разъяснить самое понятие войны, опровергнуть существующие ошибочные представления о ней. В статье «Рассуждение о войне» развивается замечательная мысль о существовании справедливых и несправедливых войн (терминология журнала: «добро, происходящее от справедливой войны и основанной на истине, покроет зло, происходящее от оной»,— ч. II, 193). Это деление выдвигается журналом как основной критерий при определении отношения к войне.

Прежде всего «Московское издание» восстает против пацифизма. «Согласен я в том,— заявляет автор,— что,

рассуждая о злосчастных действиях, производимых войною, природа человеческая ее устрашается; разбросанные члены по полям, свирепость солдат, умывающихся в крови неприятельской, оставленные вдовы и сироты без помощи, город в пламени, вопль изгнанных жителей из своих жилищ суть предметы, принуждающие содрогаться от страха и поражающие печалию всякую чувствительную душу. Но война ли сие? Сии суть только печальные следствия, соединенные с оною. Но как бы они жестоки ни были, не должны препятствовать прибегнуть к оружию, когда того нужда требует. Самая война не есть кровопролитие и предмет, приводящий в страх; но она есть справедливое защищение утесненных против неправедного утеснителя и мстительница нарушенной верности и время такое, в которое часть подданных отваживаются потерять свою жизнь за спокойствие своих сограждан, состояние общества и за пользу своего государя» (ч. II, 189—190).

Поэтому осуждать необходимо только несправедливые войны, ведущиеся ради корыстных целей. Так, например, Цезарь затеял войну будто бы для освобождения отечества от ига Помпеева, а в действительности для того, чтобы, став тираном, «сам мог более притеснять» народ римский. Презрение и негодование народа должно обрушиться на те подлые души, что начинают войны для своего обогащения. «Нет порока гнуснейшего и противнейшего природе человеческой. О небо! какое бесчеловечие погубить столько почтенных членов государства и отечества, дабы собрать чрез то богатство! как, возможно ли, чтоб такие души были творение природы? оных должно из числа живущих исключить, но природа сама ими гнушается и имеет к ним омерзение» (ч. II, 187). Это обличение грабительских войн было смелым политическим выступлением: напомним, что оно как бы предвещало радищевское обличение войн Екатерины в «Путешествии из Петербурга в Москву».

С иной оценкой журнал предлагает подходить к справедливым войнам. «Что ж должно к тому (справедливой войне.— *Г. М.)* побуждать? Любовь к отечеству, любовь к благу общественному обязуют нас посвятить с удовольствием имение и жизнь нашу к подкреплению государства и к благополучию сограждан» (ч. II, 188). В этом случае «нет ничего беспорочнее, как приняться за оружие и исполнить свое намерение. Злополучия, соединенные с сим, не

столь будут чувствительны; поелику чрез оные избегаем больших... Вопль нескольких вдовиц покажется маловажным, ежели рассудим, что смертию оплакивающихся ими избавлено все государство от оной» (ч. II, 191).

Справедливыми войнами «Московское издание» считает не только оборонительные войны, но и те, которые ведутся во имя освобождения отечества от поработителей, за установление нового режима. Журнал указывает на пример возвышения и укрепления голландской республики, которая родилась в пламени национально-освободительной войны против испанского владычества, «ибо какое бы было средство, возвысившее ее до такого степени, на котором она еще пребывает. Не война ли?» (ч. II, 201).

В год издания этой статьи в войне рождалась новая северо-американская республика. Печатая статью, журнал как бы комментировал, разъяснял обильный материал о войне, сообщаемый «Московскими ведомостями». В статье не только формулировалось сочувственное отношение к этой войне, но и развивалась мысль о том, что человек должен быть готов к исполнению долга перед согражданами и отечеством, должен «с веселостию итти» на поле брани и, презирая смерть и опасность, быть первым в числе защитников родины. Новиков стремится внушить своим читателям ненависть к несправедливым войнам и оправдать в глазах обманутых властителями людей войны справедливые, возрождающие отечество, как возродилась некогда голландская республика, как возрождалась в то время Америка.

Соответственно теоретическим положениям статьи «Рассуждение о войне» журнал подбирает литературный материал. Например, «Письмо Стратона к сыну» представляет собой напутственное слово отца сыну, идущему сражаться за отечество. Вот каким обращением начинается это письмо: «Ступай, мой сын! глас отечества призывает тебя к его защищению; глас, который добродетельным гражданином должен предпочтен быть всем прочим рассуждениям» (ч. III, 161).

Особого внимания заслуживает «Письмо от сына, умирающего на сражении, к отцу». Это письмо — исповедь патриота, павшего смертью героя за родину, за счастье сограждан. Здесь получил свое завершение новиковский идеал активной человеческой личности. События подсказали конкретные черты абстрактному идеалу.

Смертельно раненный в сражении, этот воин вспоминает об отце и, желая его утешить, ободрить, пишет письмо. Но утешение это особого рода — оно состоит в обращении к добродетели отца. «Ежели ж ваша родительская любовь не может меня так скоро забыть, представьте себе по крайности, как скоро вы обо мне вспомните, смерть, какою я умер. Знаменитая смерть! не на мягкой постеле в покое, не в непособии отечеству, не без славы. Я умираю на ратном поле» (ч. I, 274).

Страшиться смерти патриоту нет причин. Смерть страшна только тем, кто жил в покое, в удовлетворении страстей,— смерть для них наступила после бесцветной жизни. «Сколь [же] счастливо умер тот, ежели им спасенное отечество его хвалит и почитает то место, где покоятся его кости! славна того смерть, который кончает свой живот за отечество! благодарное потомство считает его в числе героев, и хотя ни один гробный камень не сказывает его имени свету, но история возвещает» (ч. I, 277—278).

«Презрительная смерть, родитель мой, должна только опечаливать родителей: несчастный юноша, бывающий в цветущих летах жертвою пороков, требует слез от друзей своих: что ж до того, кто умер за отечество, отечеству его и оплакивать должно!» (ч. I, 278).

«Так здесь-то, на открытом сражении, подле моих собратиев, глаза мои должны затвориться». Но «я воскресну между числом героев, умерших со мной. Здесь, под сей истоптанной зеленью, друзья похоронят сына вашего с слезами. Ах! какая приятная мысль умирающим, что мы приобрели кровию нашей победу потрясенному отечеству!» (ч. I, 279—280).

Величаво звучат эти слова умирающего патриота. Смерть не испугала его, не возмутила ясного спокойствия души. Умирая, он счастлив от сознания исполненного долга. Последние мысли его обращены не к богу, но к родине. Не молитву о себе, а слова утешения отцу произносит он перед смертью. Мысль о потусторонней жизни чужда ему — он верит в иное бессмертие, верит, что память о нем в его отечестве не умрет. Весь образ этого безымянного героя соткан из идей и чувств, враждебных христианским и розенкрейцерским догматам: за его спиной вставали тени

славных героев истории и современности с их гражданскими доблестями.

Но наряду с политическими статьями в «Московском издании» есть попытки писать и о масонских «материях». В трех томах журнала отведено примерно около десяти страниц для разработки масонских тем. Уже в конце «Предисловия» издатели пишут о важности изучения древних писателей и древних наук. Известно, что масоны, и в частности розенкрейцеры, придавали таинственный, мистический смысл учениям древних. Но в «Московском издании» хотя и изложена мысль о необходимости изучения глубокой древности, и в частности проникновения в непонятный язык египетских иероглифов, но мысль эта не имеет мистического оттенка. В XVIII веке вообще наблюдался интерес к египетской культуре, к таинственным, тогда еще не прочтенным иероглифическим письменам. И интерес к иероглифам у «Московского издания» в значительной мере определен стремлением к наиболее полному знанию истории человечества. «Не имея же сведения о целом человечестве, можем ли мы частно знать о себе и обо всем окружающем нас?» — спрашивало «Предисловие».

В последующем встречаются еще две кратких заметки: «Праздного времени упражнение» и «Состояние человека перед грехопадением». В первой иронически пишется о возможности открытия универсального лекарства, того «универсального врачества», приготовлением которого занимались «алхимистские адепты» — «то есть невежды». Во второй повторяется мысль о совершенстве познаний Адама. Но вряд ли эту заметку можно рассматривать как пропаганду розенкрейцеровских идей. Ведь и у Паскаля, в его «Мыслях», которые помещены в «Утреннем свете», развивалось учение о том, что ум человека после грехопадения омрачился, утратил ясность, а воля его ослабла.

Этим и исчерпывался масонский материал. Все же остальное содержание журнала было проникнуто глубоким уважением к науке и к человеческому разуму. В них, поскольку он не поднялся до революционного сознания, Новиков видел универсальное средство, ту панацею, которая одна сможет изменить условия жизни человека на началах разумности и справедливости, сможет возродить человеческую личность.

IV

В области литературы «Московское издание», как раньше «Утренний свет», продолжало пропаганду сентиментального направления. Журнал заполнен переводными рассказами, повестями, письмами «чувствительного» содержания. Здесь же начал печатать свои собственные сочинения Кутузов. Можно догадываться, что именно он ведал литературным отделом журнала.

Во второй части была напечатана «Понтийская повесть Геро и Леандр», являющаяся обработкой древней легенды о любви Леандра и Геро, жрицы богини любви Афодиты. Эта повесть предвосхищает карамзинские элегии в прозе, грустные лирические медитации о трагическом в любви, о таинственном роке, подстерегающем человеческое счастье.

Особо разрабатывается в журнале жанр писем. Как в типичных чувствительных произведениях, вздохи, восклицания, слезы, меланхолические излияния определяют их стиль. Искренние, интимные переживания передаются взволнованным, эмоционально-насыщенным языком. Иногда чувство передано с необычайной торжественностью, патетикой — так, например, написано «Письмо от сына, умирающего на сражении, к отцу».

Три письма Силии и Парменида — это история об испытаниях любви. Сильная и чистая любовь Парменида помогла ему выйти победителем из этих испытаний. «Письма» прославляли силу любви и красоту чувства, раскрывали сложный и тайный мир человеческой души.

«Письма» Серены Смирнону и Смирнона Серене (ч. III, 128—142) раскрывают душевную драму двух молодых людей. Смирнон, посещая дом Серены, горячо полюбил ее. Часто изливал он ей свои чувства, но счастье его омрачалось тайною грустью девушки. Тщетно пытался он выяснить причины этой грусти: «Я часто спрашивал тебя, какая скрытая печаль обеспокоивает тебя, и просил открыть мне твое сердце. Ты смотрела на меня с робкою грустию, вздыхала и молчала. Я думал, что примечаю приязнь в глазах твоих». Видя любовь Смирнона и Серены, отец дает согласие на их брак. Смирнон счастлив, но печаль Серены усилилась — она уважает, но не любит Смирнона, другой мил ее сердцу. И Серена пишет письмо к Смирнону, взывая

к его благородству, к его любви, она просит отказаться от нее. Смирнон отвечает на этот призыв, и письмо его — это вопль страдающего человека. Неожиданное признание сразило его. Противоречивые чувства борются в его душе, но добродетель побеждает. Он не будет принуждать Серену, он только просит помнить, что он ее попрежнему горячо и преданно любит.

В «Московском издании» были помещены три оригинальных этюда Кутузова за подписью «А. К.»: «Почему нехорошо предузнавать судьбу свою», «Наставление отца к сыну, который отъезжает в Академию» и «О приятности грусти». Особо примечателен этюд «О приятности грусти». В нем сформулирована философия «мучительной радости», раскрыт знаменитый потом по Карамзину культ меланхолии. Грусть приятна,— провозглашает Кутузов. Этого не могут понять лишь рационалисты, люди, «которые рассуждают о сердце человеческом не по собственным чувствованиям своим и не из опытов, но единственно по некоторым правилам системы своея». Они недоумевающе спрашивают: «Как человек в печали своей ищет радости и старается быть в грусти, чтобы быть веселу? Какое противоречие!» Но это противоречие мнимое. Допустим, говорит Кутузов, что «несколько часов бываю я печален, ибо не имею того, чего желаю и что имеют другие. Печаль сия есть неприятное чувствование и действие мысли моей, что я несчастлив. Однакож я не противлюсь ей, хотя она и неприятна. Для чего же? Она награждает меня за вход, который позволяю ей в сердце мое. Она полагает воображению моему цену, что я заслуживаю лучшего жребия и столько же или еще более достоин его, нежели другие. Она питает самолюбие мое; я почитаю печаль мою доказательством, что я должен быть счастливее, нежели есмь, хотя и доказывает она то, что я несчастлив. Приходят и хотят мне мешать в печали моей. Но нет! Я не хочу, чтобы мешали мне в оной. Я чувствую, что, потеряв ее и представление о достоинствах моих, и слабые преимущества других людей потеряют силу свою, и для того не позволю я лишать себя печали сей и начинаю любить оную» (ч. III, 145—146).

Сочинение Кутузова подводило философскую базу под реальную практику дворянства, признававшего необходимость моральных уступок крестьянству на условии сохра-

нения существующего крепостнического строя. Философский идеализм обосновывал политическую позицию дворянства в новых исторических условиях.

В самом деле, и Муравьев, и Херасков, и Кутузов, выражая настроение определенной части дворян, считали, что политика Екатерины — Потемкина, политика усиления рабовладения и власти помещика, как единственная политика предупреждения новой пугачевщины,— неверна. Они лично ее осуждали. Они «страдали», видя и наблюдая положение русских крепостных. Но, верные своим общеполитическим воззрениям, они принципиально не вмешивались в действительные социальные отношения, сознательно не желали устранять источник страдания. Кутузов оправдывает в своем сочинении эту позицию невмешательства, объясняя, что «грусть и страдание», причиняемые человеку внешним миром, не могут и не должны рождать у него мысли и желания вмешиваться в эту жизнь и устранять источник страдания. Нет, это страдание, эта грусть должны существовать и быть предметом самоанализа, показателем высоких моральных качеств субъекта (способность отзываться на несправедливость!), душевного богатства его личности. Отсюда и вытекало — «надо любить грусть».

Откровенно классовый, жестоко эгоистический характер этой философии очевиден. Существующее социальное зло — страдания миллионов крепостных — оказывается для дворянства всего лишь источником нового «блаженства», источником наслаждения собственным духовным аристократизмом, «наслаждающим размышлением самого себя»,— как откровенно признавался Муравьев.

Новиков не мог разделять этой позиции Кутузова и его единомышленников. Этому противоречили его этическое учение о человеке, осуществляющем свое величие лишь в общеполезной патриотической, гражданской деятельности, его учение о страстях, изложенное на страницах «Московского издания», и его практическая огромная по масштабу просветительская деятельность, направленная на благо «единоземцев». В следующем, 1782 году Новиков открыто выступит против кутузовского направления в своем цикле сатирических рассказов «Пословицы российские». Печатание же статей Кутузова в «Московском издании» — свидетельство того, что и в новом журнале Новиков не был

единственным хозяином-редактором, что и этот журнал носил эклектический характер. Виноват в этом, конечно, был Новиков, не сумевший быть достаточно принципиальным в данных вопросах и шедший на блок с людьми, чьих воззрений он не разделял.

Стоит обратить внимание и на факт радищевского выступления против данного сочинения Кутузова. Известно, что два своих главных сочинения, «Житие Ушакова» и «Путешествие из Петербурга в Москву», Радищев посвятил Кутузову — автору антиобщественных консервативных сочинений. Поэтому Радищев прямо писал, обращаясь к Кутузову: «Мнения мои о многих вещах различествуют с твоими». Это различие вынуждало Радищева опровергать кутузовскую субъективную философию, которая оправдывала существовавшее в России рабство. В посвящении Кутузову к «Путешествию» Радищев излагает точку зрения, противоположную кутузовской, изложенной в данной статье «О приятности грусти». «Страдания человечества,— заявляет Радищев,— уязвили мою душу». И это чувство, вызванное объективными факторами, помогает ему «отнять завесу с очей природного чувствования» и открывает возможность «воспрянуть от уныния». Радищев не только не хочет, но не может любить грусть и уныние. Он учит, что сострадание должно заставить человека итти в жизнь, быть общественно-активным, вмешиваться в социально-политические обстоятельства и изыскивать пути и средства искоренения, уничтожения причин «уныния» — самодержавия и крепостного права. Так Радищев начал борьбу с тем дворянским, консервативным, антиобщественным искусством сентиментализма, главным деятелем которого после его ссылки станет Карамзин.

Знаменательно, что это радищевское решение вопроса о революционном воздействии действительности на человека отлично было усвоено передовой русской литературой. Герцен, характеризуя эту черту русской литературы, через много лет так же, как и Радищев, обрушивается на сентиментализм и романтизм, подменяющие «чувствительностью» вопрос об активном вмешательстве человека в жизнь, о необходимости революционного изменения несправедливых социальных порядков. «Я знаю, как эти роковые бичи унижают, оскорбляют человека, но на этом плаче останавли-

ваться — бедно, слабо. Рядом с негодованием в душе является непреоборимое желание противодействия борьбы, исследования, изыскания средств, причин. Чувствительностью не разрешишь этих вопросов».[1]

V

Содержание «Московских ведомостей» и журнала «Московское издание» не могло не убедить масонов, и Шварца прежде всего, в том, что характер деятельности Новикова чужд основным принципам их учения. Всю свою кипучую энергию Новиков не собирался подчинять пропаганде масонских истин, как это, видимо, предполагалось, когда его вовлекали в орден. Приходилось удовлетворять потребность в распространении масонских идей при помощи печати своими силами. Больше того, в связи с деятельностью Новикова необходимо было опровергать идеалы, распространяемые его журналами и книгами.

Для осуществления этих задач Шварц и задумывает создать вокруг себя кружок людей, которые исповедовали бы его убеждения. Объединение правоверных мистиков-масонов, по мысли Шварца, должно было стать центром пропаганды истинно масонских «знаний». Найти учеников и последователей всего вернее для профессора можно было среди студенчества. Вот почему Шварц, приглашенный в университет для преподавания немецкого языка, с таким рвением стал добиваться чтения других курсов, стремясь всеми способами расширить круг своего влияния на молодежь. В конце концов он добивается разрешения читать лекции по философии, предлагает план реорганизации преподавания в гимназии, составляет проект создания Учительской или Педагогической семинарии на общественные средства и, когда семинария открывается, становится в ней инспектором.

Помимо университетских лекций, он начинает читать «в партикулярном доме» подряд два курса: «о философии истории» и «о трех родах познания» — любопытном, приятном и полезном. Лекции в университете и на дому пользовались успехом, студенты были увлечены идеями Шварца. Лабзин, один из вернейших его учеников, впоследствии

---

[1] А. Герцен. Сочинения, т. V, стр. 437.

видный мистик, вспоминал об этих лекциях с восхищением: «В самое то время, когда модные писатели поглощались с жадностью незрелыми умами, Шварц принял на себя благородный труд рассеять сии возрастающие мраки и без всякого иного призыва, по сему единственно побуждению, в партикулярном доме открыл лекции нового рода для всех желающих. С нами разбирал он Гельвеция, Руссо, Спинозу, Ла Метри и пр., сличал их с противными им философами и, показывая разность между ними, учил находить и достоинства каждого. Как будто новый свет просиял тогда слушателям! Какое направление и умам и сердцам дал сей благодетельный муж!» [1]

О том, каково же было общее содержание и направление Шварцевых лекций, пользовавшихся шумным успехом у питомцев университета, видно хотя бы из такого отзыва одного из них: лекции Шварца,— сообщает он,— возвышали «наши необделанные и грубые чувства к тонкости живописи, к стройности скульптуры, к совершенству архитектуры, к несомнительнейшим, доказательнейшим доказательствам геометрии, к приятности стихотворства, к беспредельному порядку астрономии, к неудобопонятности анатомии и физиологии, к справедливости физиогномии и хиромантии, к чудесному открытию магии и каббалы, к превращению естественного в сверхъестественное».[2]

Из этих-то восторженных своих почитателей Шварц и создал 13 марта 1781 года студенческое литературное «Собрание университетских питомцев», всецело находившееся под его влиянием. Председатель собрания Антоновский, члены — Багрянский, Лабзин, Максимович и другие впоследствии стали крупными деятелями мистического масонства. По заявлению Лонгинова, «особенно важен был дух, которым одушевил он (Шварц.— *Г. М.*) это общество; члены питали к нему как бы сыновнюю любовь и благоговение. Дух этот пережил долго самого Шварца. Он твердо вел юных питомцев на путь добра внушением им нравственных правил, основанных на религиозных началах, следуя направлению Якова Бема и учению мистиков, которые он распространял, будучи не только простым масоном, но убежденным и ученым теозофом» (136—137).

---

[1] Н. Тихонравов. Сочинения, т. III, ч. 1, стр. 75.
[2] Там же, стр. 77.

Видя эту привязанность своих учеников, Шварц потому и возлагал на них особые надежды. Они-то и должны были нести в общество его идеи, их и можно было использовать в борьбе с новиковскими изданиями. Из автобиографии Шварца мы знаем, что по водворении в университет он счел необходимым «привязать» к себе юношество с тем, чтобы завести «сие ныне цветущее и никогда неувядаемое общество, предписав ему два главнейшие закона и две спасительнейшие цели: первую, до просвещения разума относящуюся, чтобы упражняться в сочинениях разного рода и переводах наилучших мест из древних и новейших писателей, и издавать в свет годичный журнал в пользу бедных».[1]

Шварц все время испытывал потребность в собственном печатном органе. В 1781 году он пытается издавать свою газету на немецком языке, но это предприятие быстро терпит крах. Поэтому особые надежды он возлагает на своих учеников, чтобы с их помощью начать издавать журнал. Последнее ему, наконец, удается. В 1782 году начинает выходить журнал Шварца и его учеников «Вечерняя заря». Исследователи давно заметили, что по своему духу «Вечерняя заря» может быть скорее названа журналом Шварца, чем Новикова. Совершенно определенно высказался уже Боголюбов: «Предисловие к «Вечерней заре» и те философско-психологические статьи, которые идут в начале первых книжек, и отразили в себе философскую систему Шварца, и не только отразили, но весьма вероятно, им же самим были написаны, так, по крайней мере, представляется дело, если их сравнить с краткими конспектами лекций Шварца».[2] Замечания эти, верные сами по себе, еще не решают вопроса. До сих пор ученые устанавливали факт влияния идей Шварца на содержание журнала, оставляя в стороне более важный вопрос — что принадлежит и что может принадлежать в этом журнале Новикову? Что связывает Новикова с этим журналом, кроме типографской марки с его именем? Вот почему, кажется мне, неверно ограничивать задачу установлением степени влияния идей Шварца на журнал Новикова. Пора поставить вопрос, кто же был действительным хозяином журнала. Пора выяснить, влиял

---

[1] Н. Тихонравов. Сочинения, т. III, ч. 1, стр. 72.
[2] В. Боголюбов. Н. И. Новиков и его время, стр. 292.

ли только Шварц на содержание журнала или определял его характер как его действительный редактор.

Обратимся к фактам и документам, помня, что говорилось выше о прямом желании Шварца издавать вместе со своими учениками свой собственный журнал.

1. Новый журнал «Вечерняя заря» назвал себя продолжением «Утреннего света». Мог ли Новиков, если допустить, что он являлся редактором-издателем «Вечерней зари», писать так? Ведь он-то отлично знал, что продолжение «Утреннего света» уже было — им являлось «Московское издание». Сохраняя преемственность своих изданий, Новиков должен был назвать «Вечернюю зарю» продолжением «Московского издания». Так это и случилось бы, если бы издателем-редактором был Новиков.

Новые издатели журнала сознательно игнорировали «Московское издание», не признавали, демонстративно обходили его, устанавливая свое родство с «Утренним светом» «через голову» неугодного им журнала. Знаменательно и это обращение к «Утреннему свету». Многие переводные моральные сочинения «Утреннего света» («Мнения Паскаля», «Рассуждение Сенеки», сочинения Виланда, Юнга и т. д.) устраивали издателей «Вечерней зари». Выводы же, сделанные Новиковым в «Московском издании» из своей «науки о человеке»,— многочисленные «политические материи» журнала,— вызвали у Шварца и у его последователей возражения. Для них такое развитие и продолжение принципов моральной философии было не только неприемлемым, но и враждебным. Читатель «Утреннего света», доверчиво шедший за его этикой, был брошен Новиковым в объятия политики. Шварц своим обращением к «Утреннему свету» хочет исправить положение. «Вечерняя заря» должна была уже известные читателю по «Утреннему свету» моральные и нравоучительные правила сблизить с богословием, с философией откровения, с мистикой. «Вечерняя заря» бросала вызов «Московскому изданию». Поэтому выход «Вечерней зари» — знаменательная дата в истории журналистики восьмидесятых годов, в истории новиковского кружка: он обнаружил наличие двух оформленных и противостоящих друг другу направлений в среде московских масонов. Начиная с «Утреннего света», на основе использования двух начал в его идейном содержании (херасковское и новиковское) развиваются: новиковские журналы «Московское издание»,

«Прибавление к Московским ведомостям», «Городская и деревенская библиотека», «Экономический магазин», «Детское чтение» и шварцевские издания — «Вечерняя заря», «Покоящийся трудолюбец», «Магазин свободнокаменщический» (последние два — после смерти Шварца, руководимые его учениками и последователями).

2. Подчеркивая свою независимость и желание быть верно понятыми, издатели «Вечерней зари» в особом предисловии объявляют свои имена. Все лица, названные в качестве издателей «Вечерней зари»,— ученики Шварца, откровенные мистики: Лабзин, Максимович, Давыдовский и др. «Мы,— пишут издатели,— за наилучшее почли объявить имена их почтеннейшей публике и тем возбудить столь благородные их души к большим подвигам». Это объявление имен также противоречило принципам Новикова, который считал, что объявлять имена в нравоучительных изданиях невозможно: ибо только «тот, который других перед собой не уважает, должен непременно сделаться известным»,— писал он когда-то в «Утреннем свете». Издатели «Вечерней зари» знали это, но, объявляя свои имена, они хотели, чтобы публика, увидев знакомую издательскую марку — «В Университетской типографии у Новикова», не приписала ему журнала, чтобы она знала точно, кто истинные его хозяева.

Наконец, фактическая история издания «Вечерней зари» совершенно ясно свидетельствует нам о том, что это был журнал Шварца, а не Новикова. В конце 1781 года Новиков, составляя план своих изданий на 1782 год, приходит к выводу, что всю свою журнальную работу в дальнейшем ему следует связать с газетой «Московские ведомости». Огромный успех газеты за годы 1780—1781 подтвердил Новикову правильность избранного им пути. Читателю нужна была политика, нужны были практические знания. Газета позволяла воспитывать лучше, чем журналы, идеал истинного человека и патриота. На базе газеты он решил в 1782 году развернуть свою работу журналиста и писателя.

Соответственно 4 декабря 1781 года он и печатает в газете статью «О подписке и получении «Московских ведомостей» на будущий, 1782 год», в которой подробно излагает свое понимание задач издателя, редактора и писателя:

«Университетская типография, признательна будучи к благосклонному принятию почтенной публики и одобре-

нию, какового она два года уже удостоивала представленные ей совсем в новом виде против прежнего «Московские ведомости», и ободрена будучи тем, за долг свой почитает, в удовольствие одобрителей трудов ее и тех, которые знают цену таковых изданий, продолжать помянутые «Московские ведомости» и в будущем, 1782 году с таковым же, как и ныне, рачительным своим старанием и усердием, устремленными к тому единственно, чтоб нужными сими листами доставя всевозможное удовольствие почтенной публике, заслужить себе вящее благоволение от оной.

«Сообразуяся с сим намерением и немало не отступая от прежнего плана сих ведомостей, крайнее старание приложено будет, чтоб в оных из лучших и достоверных иностранных ведомостей в одно время с получением оных сообщаемы были все европейские и других частей света новости, политические дела и другие достопамятные происшествия, с присовокуплением к тому нужных и любопытство заслуживающих ученых известий, как то о новых открытиях и изобретениях в науках и художествах, и о выходящих в России новых книгах с кратким показанием содержащихся в них материй. Сверх сего сообщаем будет верный вексельный амстердамский, английский и другие иностранные курсы к немалой пользе торгующих и имеющих переводить в иностранные государства деньги. Но как нужнее бы всего обогащать сии ведомости происшествиями, наиболее касающимися до нашего отечества, то для помещения в оных обо всех редких естественных приключениях в пространной Российской империи (как, например, о чрезвычайных бурях, морозах, дожжах, наводнениях, засухах, землетрясениях, об уродах и других редкостях; також о новых изобретениях в науках, механических художествах и ремеслах и о прочем достопамятном) желательно б было, чтоб от любителей и охотников до натуральной и художественной российской истории и других споспешествователей распространению толь нужных и важных сведений о своем отечестве и в особенности от начальствующих особ в российских городах сообщаемо было о таковых материях в типографию императорского Московского университета с прописанием своего имени и чина, дабы знать, кому публика обязана будет такими интересными для нее сообщениями».

Газета должна была иметь приложения. Первым приложением был «Экономический магазин». На 1782 год задумано было новое периодическое издание «Городская и деревенская библиотека», задача которого состояла в том, чтобы дать читателю новинки западно-европейской литературы. Кроме того, Новиков именно в этом периодическом издании и напечатал 16 своих сатирических рассказов «Пословицы российские». Об этом своем намерении Новиков также сообщил в специальных объявлениях за декабрь 1781 и январь 1782 года. Таким образом мы совершенно точно знаем, что на 1782 год Новиков собирался издавать три периодических издания — «Московские ведомости», «Экономический магазин» и «Городскую и деревенскую библиотеку». Именно поэтому он и объявлял заблаговременно своим читателям, объявлял под одной рубрикой все три издания. Ни в ноябре, ни в декабре объявления о намерении издавать журнал «Вечерняя заря» не было.

Как известно, журнал «Вечерняя заря» выходил ежемесячно, и первый номер был помечен январем. На этом основании утвердилась традиция считать, что «Вечерняя заря» издавалась с января. В действительности новый журнал появился лишь в марте 1782 года. Объявление же о начале подписки на новый журнал «Вечерняя заря» было помещено 2 марта 1782 года («М. в.», № 18). Если же вспомнить, что Шварц вернулся в Москву в середине февраля 1782 года, то станет совершенно очевидным, что «Вечерняя заря» появилась вследствие прямого требования приехавшего из Германии Шварца. Несомненно, что журнал задуман был раньше, в 1781 году. В числе его сотрудников и редакторов были только ученики Шварца, объединенные в «Собрание университетских питомцев», которое, как известно, стало существовать с марта 1781 года под руководством Шварца. Отъезд Шварца в Германию задержал издание. Приехав, он немедленно потребовал, чтобы Новиков принял на себя издание его журнала. Так только после приезда розенкрейцерского диктатора было объявлено об издании нового журнала. Сам характер этого объявления принципиально и резко отличался от новиковских оповещений и своим тоном и, главное, содержанием. Новикову свойственна деловая, спокойная речь, соответствующая светскому, просветительскому содержанию рекомендуемых изданий. Редакторы «Вечерней зари» в деловом объявлении

о подписке пустились в масонскую проповедь: «В университетской книжной лавке принимается подписка на периодическое издание под титулом «Вечерняя заря»... заключающая в себе лучшие места из древних и новейших писателей, открывающих человеку путь к познанию бога, самого себя и своих должностей... Эти три познания необходимо нужные для всякого человека, а паче христианина, то мы и надеемся, что оно заслужит тем вящее благоволение от общества, чем мета, для которой оное выдается в свет, но для просвещения разума и исправления испорченныя нашея воли» («М. в.», 1782, № 18).

Издание «Вечерней зари» Новиковым — это первый результат той направленной к подчинению Новикова политики, которую повел Шварц. Поэтому в «Вечерней заре» ничего новиковского, кроме издательской марки на обороте титула журнала, нет. Это подтверждается с особой силой материалом «Вечерней зари», целиком направленным против новиковского этического учения.

«Вечерняя заря» не могла быть продолжением «Московского издания», не могла контролироваться Новиковым, потому что редакторы ее объявили войну «Московскому изданию». До сих пор обычно признавалось, что «Вечерняя заря» — журнал богословский, масонско-мистический, близкий по духу шварцевской теософии. Но дело в том, что Шварц не ограничивался простым изложением своего вероучения. Он не погнушался суетным, мирским делом и повел борьбу с философией «Московского издания», и прежде всего со стремлением Новикова сблизить этику с политикой.

Философии разума, которую, как знамя, поднял Новиков, Шварц противопоставляет «философию откровения». Новиков утверждает: воспитание человека необходимо для того, чтобы пробудить в нем достоинство, добродетель, самосознание гражданина; только воспитание поможет ему исполнить свой долг здесь, на земле. Шварц, опровергая эти идеи, пишет в «Вечерней заре»: «Человек в здешней жизни только путник, а в будущей гражданин». «Московское издание» высоко поднимает звание философа, этого «честного человека», открывающего согражданам «свет истины», лучшего советодателя государю, добродетельного гражданина, живущего по законам разума. Новиков, подчеркивая, как важна для него оценка роли философии разума, ее последователей и творцов, печатает специальную

статью из Энциклопедии, которая излагает точку зрения просветителей на этот вопрос. Журнал Шварца глумится, издевается даже над самым этим именем:

Какое изо всех животное от века
Походит меньше всех всегда на человека?
Скажи, любезный друг, не тратя много слов!
«Всех меньше сходствует с ним прямо философ».

(„В. з.“, ч. III, стр. 256.)

Новиков отказывается от аллегорий и дает своему новому журналу деловое название — «Московское издание». Самое название «Вечерняя заря» уже окутано мистическим туманом. Некогда первый человек Адам блистал «полдневным светом мудрости», но после грехопадения «прежнее его просвещение заступила тьма», и «человеческий разум несчастным падением нашего праотца весьма потемнился, и сие-то изображает наш смутный и бледный свет вечерней зари» (Предуведомление).

Издатели изгоняют политику со страниц журнала, устанавливая неизменный характер его построения, осуществляя свое намерение: методически и последовательно излагать масонское учение. Каждый номер журнала открывался философско-психологической статьей типа: «Рассуждение о бессмертии души», «О соединении души с телом», «О бытии бога», «О совести» и т. д. Затем следовали стихотворные переложения псалмов, нравоучительные, откровенно тенденциозные переводные повести, обязательные — стансы, рондо, мадригалы и загадки. В конце каждого номера печаталась очередная масонская статья «О египетском учении».

Богословско-мистическим началом проникнуто все содержание журнала. Общественные интересы ему чужды. Главная цель издателей — помочь человеку достичь того высшего света мудрости, которого лишился праотец Адам. Несмотря на то, что у современного человека «свет разума едва можно уподобить вечернему свету», все же «сего света и мы не лишены, он есть в нас, однако закрыт и, так сказать, задавлен нашими дурными делами». Средством достижения этого «света» журнал считает: 1) познание себя, как основы того нравственного очищения, которое делает возможным общение души с богом; 2) познание природы, в которой скрыто величие бога, и 3) познание священного писания, где скрыта тайна божества. Как видно, эта программа

в принципе враждебна философским позициям «Утреннего света» и особенно «Московского издания». На первый взгляд может показаться, что журналы были близки в вопросе о нравственном воспитании человека, но это только кажущаяся близость. Для Шварца и «Вечерней зари» нравственность нужна для того, чтобы сделать возможным для человека божественное откровение. Общественную деятельность человека они объявляют суетным и греховным делом. Нравственное же воспитание, по Новикову, нужно для того, чтобы изменить социальные и общественные условия жизни человека.

Новиковской пропаганде просвещения и наук, гимну разуму ученики Шварца противопоставляют мудрость священного писания, веру, божественное откровение: «Разум научает нас, но не может раскрыть истину бытия божия и в чем воля божия. Однакож откровение может ясно нам показать истинный свет». Эта мысль воспринята «Вечерней зарей» от Шварца; в своих лекциях он выступал как правоверный мистик против тех философов, которые превозносили человеческий разум. «Никакое умствование человеческое и никакая мудрость века сего неудобны без истинного упования на бога и предание ему себя совершенно довести нас до истинных познаний, но слепоту и единственные сомнения вкореняют в сердца наши: ибо не быв от бога, а от человека, они суть ложь». Отсюда, как свидетельствует Лабзин, Шварц «исторгал из рук многих соблазнительные безбожные книги» и давал «на их место святую библию».[1] Священное писание и «египетское учение» — вот основной источник мудрости, указываемый «Вечерней зарей». Такого рода идейное содержание было типично для розенкрейцерства. В этом смысле характеристику, данную Плехановым «просвещению» Шварца, как «мрачной и свирепой реакции против просвещения XVIII века»,[2] необходимо распространить прежде всего на «Вечернюю зарю».

Выступила «Вечерняя заря» и против новиковского идеала человека. По Новикову, человек принадлежит к миру животных, отличаясь от них тем, что он одарен волею и разумом. Человек,— говорится в «Московском издании»,— это разумное животное. Опровергая это утверждение,

---

[1] Н. Тихонравов. Сочинения, т. III, ч. 1, стр. 75.
[2] Г. Плеханов. Сочинения, т. XXII, стр. 263.

«Вечерняя заря» развивает теорию троичности человеческого существа. Бог един в трех лицах, и человек, сотворенный по образу божию, состоит из трех частей: тела, души и духа. Этим определялся его божественный характер.

«Человек принадлежит к царству духов»,— объявляет журнал,— или, вернее, он «полип оного царства». «Сим образом исключаем мы действительно человека из царства животных, между которыми он по сие время обыкновенно считался». Прежде всего так считал Новиков, и потому это было прямым выпадом против «Московского издания».[1] «Вечерняя заря» не может согласиться с новиковским определением человека: «Если человек стоять будет между животных с тем только перед ними преимуществом, что он одарен разумом и бессмертною душою, то отличается он от некоторого рода тварей токмо степенем совершенства, как, например, обезьяна отличается от лягушки тем, что имеет душу совершенную и чистейшую, нежели последняя. Сего, однако, сказать нельзя. Нет, телесный мир, или паче царство животных, человеком оканчивается, и в нем-то получает свое начало духовный мир, или царство духа» (ч. I, 279—280).

Если в «Утреннем свете» предпосылкой нравственности было бессмертие души, трактованное Новиковым практически, с точки зрения пользы, приносимой человеку у в е р е н и е м в бессмертии, то в «Московском издании» эта идея оставляется в стороне, и выдвигается на первое место проблема подчинения страстей разуму. Шварц же в «Вечерней заре» выдвигает религиозно-мистическую идею бессмертия на первое место, она — центральная тема журнала. При этом он категорически отвергает новиковскую практическую точку зрения периода «Утреннего света», пытаясь дать мистико-теоретическое обоснование бессмертию души как загробного существования.

---

[1] Напомню, что писал Новиков: «Известно всем, что человек родится, растет и доходит до совершенного возраста, подобно как и всякое растение... и что он имеет чувства и внутреннее побуждение к содержанию и сохранению своему и к произведению с восхищением подобных себе, так, как все животные, с тою только разностию, что животные получили стремлению своему предел, которого они прейти не могут, а человек сверх оного получил еще нечто благороднейшее, одаренное волею и разумом, помощию которых он может владычествовать».

Новиковская нравственная философия, близкая к этике Бэкона и к локковскому учению и по этой линии часто соприкасающаяся в отдельных вопросах с общественными и этическими воззрениями французских просветителей, неизбежно должна была вызвать протест теософа и мистика Шварца. Очевидно, внутриорденская борьба (приход в 1782 году Шварца к власти, требование личного подчинения Новикова Шварцу как верховному начальнику и т. д.) должна была выйти за пределы ордена и стать общественной борьбой двух разных философских и политических убеждений, временно уживавшихся внутри одной общей организации. Говорю: временно, потому что эта борьба неизбежно должна была с каждым годом делать связь все менее и менее прочной. Симптоматично, что уже начиная с 1786 года, в пору верховного начальствования Шредера, розенкрейцерство было раздираемо противоречиями, несогласиями настолько сильными, что они при покупке Гендрикова дома для типографии Типографической компании приняли характер скандала.

Как известно, Типографическая компания была создана в 1784 году, но только к 1786 году Новикову удалось открыть на собранный капитал новую типографию. Скандал разразился в тот самый момент, когда типография приступила к печатанию первых книг: Шредер потребовал вернуть ему деньги, вложенные при вступлении в Компанию. Это требование грозило срывом всего предприятия — наличных денег в кассе Компании не было. Новиков отказался удовлетворить требование Шредера. Взбешенный Шредер употребил всю свою власть масонского начальника для того, чтобы настоять на своем. С огромным трудом удалось спасти новую типографию — пришлось заложить в Опекунском совете Гендриков дом, в котором размещены были типография и аптека. В 1787 году, получив деньги, Шредер уехал в Берлин. Хозяином типографии остался Новиков.

О распаде и раздорах в так называемом новиковском кружке, о растущей неприязни к Новикову, этому «поручику отставному», «содержателю типографии», как его презрительно именует Лопухин,[1] свидетельствуют письма «старших братьев», заправил розенкрейцерства — Н. Трубецкого, И. Тургенева и А. Кутузова. Письма эти, находя-

[1] И. Лопухин. Записки, «Русский архив», 1884, № 1, стр. 54.

щиеся в архиве братьев Тургеневых, к сожалению, до сих пор не опубликованы. В. В. Фурсенко в своей неопубликованной работе о Петрове, на материале извлеченных им из архива писем, рисует картину истинных, а не идиллических, как их обычно представляли, отношений в новиковском кружке. Исследователь делает следующий вывод: «Как видно из этих свидетельств, налицо был не только раскол и распад прежде сплоченной группы, но для многих и виновник распада был ясен: это недавний глава, вождь мартинистов — Н. И. Новиков».[1]

Н. Трубецкой в письме к Кутузову писал о ликвидации Компании как о великой радости: «А наипаче сие утушило между многими из бывших наших членов дух ропота и от того происходящей нелюбви и подозрения, которые было уже между нами зачали являться».[2] И. Тургенев в 1792 году в покаянном письме к Платону Зубову прямо говорит, что обрушившиеся на него «немилости» — следствие не его связей с масонством, а кажущейся близости к Новикову. «Но может быть, не масонство было ближайшей причиной моего несчастия,— пишет Тургенев,— а некоторые из тех, с кем я в нем был. Знакомство мое с известным Новиковым более всего металось в глаза публике, и подлинно, странно было видеть людей, живущих в тесной связи и имеющих противуположные склонности и свойства душевные, и вам, сиятельнейший граф, перед которым отверста душа моя, еще страннее покажется, когда я вам донесу, что хотя сия нравов наших противуположность до того у нас воздействовала, что за несколько лет до изгнания моего (1792) разлучила меня с ним почти во-вся, так что в четыре года (1787—1791.— *Г. М.*) видался я с ним раза два или три. Ежели же и видался, то о литературе и вообще о науках не говорено было ни слова. Однакоже видимым образом оставались мы (с ним) в теснейшем союзе».[3] Далее Тургенев пытается объяснить причину расхождения с Новиковым. «Сие его отвращение от словесности, а появившаяся приверженность к экономике решила меня ввек с ним не видаться, ибо я считал, что он

---

[1] В. Фурсенко. А. Петров. Очерк его жизни и деятельности. Рукопись, стр. 23.

[2] Там же.

[3] Там же, из архива бр. Тургеневых. Неизданное письмо № 560.

пристрастился не к тому, в чем бы он мог с пользою упражняться». Итак, Новиков стал питать «отвращение от словесности». Первый же взгляд на роспись изданных в конце восьмидесятых годов Новиковым книг показывает, что как раз в словесности-то и упражнялся больше всего Новиков. К масонской же словесности он, действительно, получил отвращение и с 1785 года уже совершенно почти не печатает никаких масонских и мистических книг. Обвинение в пристрастии «к экономике» надо понимать в смысле стремления Новикова шиооко развернуть издательское дело, насадить в русских городах книжные лавки, всемерно приблизить книгу к низовому читателю, о чем свидетельствовал Карамзин: «Новиков торговал книгами, как богатый голландский или английский купец торгуют произведениями всех земель, то есть с умом, догадкою, с дальновидным соображением».[1] Всему русскому обществу, и розенкрейцерам в том числе, было отлично известно, что издательское дело не служило Новикову источником дохода, что капиталов себе на книгоиздательстве он не нажил. А вот сами розенкрейцеры, поняв, что подчинить себе Новикова не удастся, что превратить типографию в центр масонско-мистического книгопечатания Новиков не позволит, стали смотреть на созданную Типографическую компанию как на чисто доходное предприятие. Именно у них, у розенкрейцеров, появилось пристрастие «к экономике», к наживе за счет книжной торговли. Именно они хотели превратить Новикова в предприимчивого управляющего, который бы заботился о доходах своих хозяев. Об этих настроениях красноречиво говорят письма Кутузова из Берлина. Отправленный совершенствоваться в «таинственных науках», увлеченный поисками гомункула, он не забывает о мирских делах, все время беспокоясь, что типография приносит малый доход. В своих письмах Трубецкому он упрекает Новикова в нерадении и предлагает московским братьям решительно «ограничить планы Новикова». «Я всегда думал и ныне твердо уверен, что дело сие есть купеческое и, следовательно, надлежит поступать купечески». Ошибка же Новикова заключается в том,— пишет Кутузов,— что, «сберегая будущие и, может быть, никогда не случащиеся расходы, он лишался и лишал нас настоящих выгод. Я говорю

[1] Н. Карамзин. Сочинения, т. III, изд. Смирдина, стр. 595.

здесь о пространных изданиях; легче продать 300 книг, нежели 1500. Второе правило: надлежит располагаться по вкусу читателя».[1] Только человек совершенно не заинтересованный в просветительстве мог предлагать Новикову встать на путь коммерции, на путь угождения вкусу читателя. Стремление Новикова издавать все больше и больше книг, воспитывать читателя и его вкусы, а не угождать им, желание любыми средствами сохранить подвергающееся ударам издательское предприятие чужды и непонятны Кутузову. Его беспокоит другое: в письме, написанном после того, как Компания была уже распущена, Кутузов занят исключительно денежными делами. Он требует, чтобы Новиков соблюдал при расчете не интересы книгоиздательства и типографии, а интересы розенкрейцеров, бывших пайщиков. Он поучает Новикова — так «надлежит разделываться братьям, которые хотят последовать добродетели, в сих токмо случаях знаменуется истинный характер человека».[2] Так пишет розенкрейцер. А Новиков, принужденный ликвидировать дела Компании, уже больной, преследуемый правительством, измученный спорами и борьбой с «братьями», все же хочет сохранить с таким трудом созданный просветительский центр. Он не хочет потерять типографию. Поэтому, не находя больше поддержки у розенкрейцеров, поняв, что союз больше продолжаться не может, он ищет связей в других общественных кругах. Отсюда его сближение с Походяшиным, который преклонялся перед нравственным авторитетом и человеческими достоинствами известнейшего издателя. Походяшин дает Новикову деньги, чтобы сохранить типографию, когда розенкрейцеры кричат о наиболее выгодной дележке капитала.

Продолжением «Вечерней зари» был «Покоящийся трудолюбец», издаваемый теми же «питомцами» Шварца. Отсутствие Шварца, конечно, сказалось на облике журнала — он уже не имеет того оголтело-мистического и богословского содержания, каким отличалась «Вечерняя заря». Однако и этот журнал не новиковского направления. Он не принадлежал Новикову, а только издавался его типографией. Поэтому я не буду останавливаться на его характеристике.

---

[1] Я. Барсков. Переписка..., стр. 175—176.
[2] Там же, стр. 190.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

I

В «Утреннем свете» и «Московском издании» Новиков не печатал своих художественных произведений. В эту пору, как мы уже знаем, он занимался философией. В 1784 году Новиков будет писать свои работы о воспитании. В последующем вся его деятельность целиком будет отдана книгоиздательству. В науке сложилось прочное аксиоматическое утверждение, что после «Живописца», то есть с 1772 года, Новиков не пишет художественных произведений, навсегда бросив литературу. Это обстоятельство, между прочим, служило дополнительным поводом к уличению Новикова в идейном падении.

Как многие другие суждения о Новикове, и это заключение вызвано лишь тем, что мы до сих пор, выражаясь словами Белинского, знаем о нем «понаслышке». Знакомство с многочисленными новиковскими изданиями убеждает нас в том, как несправедливо и несостоятельно это заключение. Новиков был писателем, и не писать он не мог. И действительно, в 1782 году в своем периодическом издании «Городская и деревенская библиотека», содержавшем новинки европейской литературы, он напечатал цикл своих коротких рассказов под общим названием «Пословицы российские».

Как ранее, Новиков и эти произведения напечатал анонимно. Но принадлежность их русскому просветителю не вызывает никаких сомнений. Прежде всего, из рассказов перед нами вырисовывается знакомый по «Живописцу» и «Трутню» автор — со своими темами, со своим языком. Более того, здесь прямо продолжен принцип, открытый в «Трутне» и развитый в «Живописце»,— такое использование пословицы, которое помогало бы передавать в литературном произведении отношение народа к различным явлениям общественной жизни. В «Живописце», как я уже показывал, пословица служила для Новикова основанием для построения характера судьи-взяточника. И этот характер был показан в своей социальной обусловленности и конкретности именно благодаря тому, что Новиков прибег к пословице, запечатлевшей многолетний и тяжкий опыт народа в царских судах. В новых рассказах Новиков смело обнажил этот принцип: он брал пословицу, ставил ее в заглавие и строил рассказ, который как бы должен был объяснить причину ее возникновения в народе. Рассказ всегда был аллегорическим и сатирическим на темы политические или просветительские. Таким образом вывод, вытекавший из сюжета рассказа, вдруг усиливался во много раз, приобретая уже характер не частного суждения человека, а приговора народа, приговора, справедливость которого покоилась на самом прочном основании — опыте многомиллионного угнетенного крестьянства.

Никогда не называя своего имени, Новиков вместе с тем всегда считал необходимым дать читателю ряд намеков, по которым бы он мог точно узнать, что имеет дело с извест-

ным ему автором. Так он поступал в «Трутне», в «Живописце», давая понять, что издатель «Трутня» и сочинитель «Живописца» — одно и то же лицо. В «Утреннем свете» он описал себя в первом же произведении — «Предуведомление», а затем во всех других статьях ссылался на это сочинение. То же самое мы наблюдаем и в «Пословицах российских». В ряде рассказов разбросаны отдельные сведения об авторе. Оказывается, он «типографщик», «издатель», «почасту сидит в архивах», роясь среди старых русских манускриптов, и т. д. Из всей совокупности этих намеков для читателя-современника совершенно очевидно вырисовывался образ Новикова — крупного издательского деятеля, Новикова — собирателя и издателя древних русских исторических сочинений и рукописей, извлеченных из архива («Древняя российская вивлиофика»), и т. д.

Наконец, в ряде рассказов Новиков повторяет излюбленные положения из своих философских и нравственных сочинений, напечатанных им в «Живописце», в «Утреннем свете» и в «Московском издании». Так, например, в рассказе «Сиди у моря, жди погоды» говорится: «Тихое море удобно восколебатися может ветрами, и спокойная жизнь наша легко помутиться может страстями. Свирепые волны укрощаются, как скоро утихнут ветры; подобным образом страсти, нас в житии нашем колеблющие, исчезнут, как скоро истребит их благоразумие».[1] А в сочинении «Истины» Новиков писал: «Страсти суть ветры, помощию коих плавает корабль наш, который своим кормчим имеет рассудок, правящий разумом. Когда же нет ветру, то корабль плыть не может; а когда кормчий неискусен, то корабль погибает».[2]

Еще пример. В рассказе «Близ царя, близ смерти» сообщается, что учитель, излагая своему ученику урок, «представлял природу цепью, из бесчисленных звеньев слиянною». Далее учитель объявлял, что «есть невидимое, но не меньше потому необходимое начало и вина самих начал», что человек «есть звено сей общей цепи». Все это поучение прямо ведет нас к новиковской статье в «Утрен-

---

[1] «Городская и деревенская библиотека», М., 1782, ч. II, стр. 370.

[2] «Утренний свет», ч. IV, стр. 184.

нем свете», где было сказано: «Между тем человек со всеми дарованиями, находящимися в нем, тогда только является в полном сиянии, когда взираем мы на него яко на часть бесконечныя цепи действительно существующих веществ».

II

Выступление Новикова с «Пословицами российскими» было замечательным явлением литературной жизни 80-х годов. В момент обостренной борьбы передового лагеря литературы с правительственным лагерем, возглавляемым Екатериной и дворянскими сентименталистами, Новиков-писатель выступил смелым бойцом, поддержав тем самым деятельность Фонвизина.

«Пословицы российские» были направлены, прежде всего, против Екатерины. Эти рассказы прямо продолжали новиковскую борьбу с «неограниченным самолюбцем», начатую еще на страницах «Трутня». Всего Новиков напечатал шестнадцать рассказов — из них пять посвящены острейшей политической теме — русскому самодержавию, и, в частности, Екатерине: «Близ царя, близ смерти», «Седина в бороду, а бес в ребро», «Сиди у моря, жди погоды», «Битому псу только плеть покажи», «Фортуна велика, да ума мало».

Первые два рассказа — «Близ царя, близ смерти», «Седина в бороду, а бес в ребро» — дерзкое обличение екатерининского фаворитизма. Эти выступления Новикова прямо перекликались с сильнейшими сатирическими сочинениями Фонвизина — «Всеобщей придворной грамматикой» и «Рассуждением о истребившейся в России совсем всякой формы государственного правления», где тема обличения екатерининского разврата приобретала особо острую форму. Появление этой сатирической темы в литературе объясняется реальными обстоятельствами. К 80-м годам фаворитизм Екатерины приобрел особо гнусный, чудовищно-бесстыдный и крайне разорительный для государства характер. С начала царствования Екатерину сопровождал фаворит Григорий Орлов. Он держался до 1772 года, затем его сменил Васильчиков. В 1774 году появился Потемкин. С Потемкиным во дворце воцарился уже ничем не прикрытый

разврат: занимая официальное положение фаворита, Потемкин взял в свои руки поставку молодых «любимчиков» стареющей императрице. И вот один за другим во дворце появлялись молодые люди, «фавориты на час», которые осыпались почестями, наградами, дорогими подарками. Подолгу они не задерживались. Некоторых милостиво отпускали на покой, некоторые трагически умирали, как, например, умер Ланской, некоторые бесследно исчезали.

Против узаконенного бесстыдного разврата русской императрицы, объявившей себя «матерью отечества» и просвещенной государыней, и выступил Новиков. Уже первый рассказ прямо называл эту тему — «Близ царя, близ смерти».[1] И сатирическое содержание помогало усвоению этой народной мудрости: молодой самаркандец, не желая учиться, отправляется искать счастья ко двору, где, понравившись царице, делает карьеру, а затем отправляется на эшафот. Перед казнью несчастный избранник крикнул народу: «Теперь узнаю, но поздо, что близ царя, близ смерти». «Слова сии столь твердо вкоренились в слышателях зревших, что вошли с тех пор в пословицу, и ежели хотят ныне изобразить опасность придворной жизни, то говорят: близ царя, близ смерти». Нельзя сразу же не отметить, что само это утверждение «близ царя, близ смерти» даже вне связи с фаворитизмом имело «предерзостный» характер.

Следующая пословица «Седина в бороду, а бес в ребро»[2] уже прямо и открыто обличала царский разврат. Новиков, как мы уже знаем по «Трутню», мастерски умел использовать прием намека. Так, например, он, обличая Екатерину, называл ее «пожилой дамой нерусского происхождения, упражнявшейся в сочинениях книг под названием «Всякий вздор», возомнившей себя «всемирным возглашателем истины» и т. д. Тогда Екатерине было сорок лет. В 1782 году ей было 52 года. Как мы уже говорили, переход к старости ознаменовался у Екатерины усиленной сменой фаворитов. И вот Новиков берет пословицу, имевшую в виду именно это значение — блудливость стариков.

---

[1] «Городская и деревенская библиотека», ч. II, стр. 349—356.
[2] Там же, стр. 359—366.

Новиков строит свое сатирическое сочинение как цепь коротких рассказов, автор которых как бы ищет в каждом из них случая понять, откуда пошла пословица, поставленная в заглавие. Что рассказы носят сатирический, иносказательный характер, что нужно было искать за внешним изложением внутренний смысл, читатель специально предупреждался: «Сие изречение, может быть, более иносказательно, нежели как видится оно при первом взгляде. Человек, приобыкнувший не довольствоваться наружным письмен смыслом, легко усмотреть может»... иносказание.

Для усиления намека, заключенного в заглавии, Новиков подбирает серию коротеньких рассказов, развивающих одну и ту же мысль, один и тот же сюжет: старая женщина «пленяется молодыми мужчинами». В первом рассказе читаем: «Была женщина, которую морщины и седые волосы довольно обезобразили, но искушением беса ей все казалось, будто она в 18 лет. Наряды, румяны и белилы занимали всю ее голову, она не думала о должностях своих... ей беспрестанно мечталось, будто все молодые мужчины ею пленяются...»

Во втором рассказе: «Старуха, имеющая прекрасную и взрослую дочь, искушением беса влюбляется в двадцатилетнего молодчика, который, увидя вместе седую старуху и прекрасную ее дочь, отдает последней свое сердце, а с первою делает денежный договор в продаже ей своей склонности. Торг кончился, старуха щедро платит за купленные ласки, истощает все старинные редкости для подарков, опустошает мешки казенные...»

Третий рассказ: «Имея седину в голове, женщина, я чаю, искушением же беса, начинает думать, будто она в состоянии сочинять стихи и прозу, марает любовные сказочки, кропает идиллии, эклоги и другие мелкие сочинения, но успехов не видит...»

Четвертый рассказ: «Старая и беззаконно проводившая дни свои женщина имела сына, которому хотя и за тридцать лет было, но он еще ничему не учился...» И так подряд в шести рассказах перед читателем проходила развратная старая женщина, «седая старуха», приглашавшая к себе в дом двадцатилетних молодчиков, платившая им за ласки, опустошая «мешки казенные». Эта старуха к тому же еще занимается литературой, кропая мелкие сочинения, не имеющие успеха. Вряд ли можно сомневаться в точно

адресованном намеке: Екатерина была уже «старая, седая женщина», она принимала к себе в дом молодчиков двадцатилетних, она щедро платила им за ласки из казенного мешка, она на старости лет вновь принялась за литературу, «кропая сказочки» для своих внуков и всевозможные «мелкие сочинения», «успеха не видевшие».

В концовке сатиры иносказание приобретает уже совершенно обнаженный характер. В одной из рукописей, сообщает автор, он нашел повесть о том, как сыну одной развратной женщины бес предстал в виде прекрасной девицы и, соблазнив его, заставил на себе жениться. Через некоторое время бес ушел от него, написав ему на лбу составом, которым если написать, «то вечно написанное останется видно: седина в бороду, а бес в ребро». Молодец бегает по улицам, каждый читает на лбу надпись и спрашивает, что она означает. «Он каждому рассказывает: новость сия бегает из двора во двор и делается общею пословицею». Наконец следовала последняя фраза — злая ирония, которая должна была направить внимание читателя от «наружного смысла письмен» к иносказанию сатиры: «Причина сия невероятна, но ежели другой сыскать не можно, то я прошу моих читателей и сей поверить».

Два других политических рассказа посвящены серьезной и важнейшей для русского общественного движения проблеме — взаимоотношению власти и народа. До Радищева в России радикальные мыслители типа Фонвизина считали, что лучшей формой политического правления является просвещенная монархия. Исповедуя эту всеевропейски распространенную политическую теорию, русские мыслители в то же время, в отличие от Вольтера и Дидро, не считали Екатерину просвещенной монархиней. Выше уже говорилось о том, что эта концепция при осознании того факта, что Екатерина — деспот, завела Фонвизина в тупик. Новиков, как мы уже знаем, исповедуя веру в «хорошего» царя, отказывался видеть в Екатерине идеального государя. И вот в 1782 году он пишет рассказ на острейшую политическую тему — можно ли довериться теории просвещенного абсолютизма? Бывают ли вообще монархи просвещенные, можно ли надеяться, что придет время, когда появится такой монарх, который будет слушать философов, писателей, «великих мужей», «добрых граждан», а не вельмож

и фаворитов? Ответом на этот вопрос и был рассказ с характерным заглавием — «Сиди у моря, жди погоды».[1]

Политическое содержание этого рассказа обнажено: островом на Каспийском море владел «самодержавный князь». «Сей князь хотя и доброго был сердца, но не имел довольно душевной твердости или постоянства, чтобы мог он предпринятое однажды привести к окончанию».

Окружающие его придворные пользовались этой слабостью, «сколь повелевала им то собственная их корысть». «Почтения достойные и хранящие государственные выгоды люди удаляться начинали от дел». Уже эта характеристика самодержавного правления князя крайне напоминает екатерининское правление начала 80-х годов. Это Екатерина не имела довольно душевной твердости, чтоб «предпринятое однажды» (Комиссия 1767 года) «привести к окончанию». Не случайно через год Фонвизин в своем сочинении «Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особливое внимание» спрашивал Екатерину именно об этой же «материи»: «Отчего у нас начинаются дела с великим жаром и пылкостию, потом же оставляются, а нередко и совсем забываются?»[2] Столь же характерны для екатерининского правления отставки «почтения достойных и хранящих государственные выгоды людей». К этому моменту в отставку ушли Панин и Фонвизин, и опять этот мотив отставки мы встречаем в вопросах Фонвизина, заданных Екатерине: «Отчего многих добрых людей видим в отставке?»

Нашелся на острове царедворец по имени Усерд, который, «любя государя своего и радея о общественной пользе», остался при дворе. Он отважился перед самим князем «изобразить бедственное состояние княжества». Князь, убежденный Усердом, пообещал «исполнить по его совету». Но царедворцы не дремали и оболгали перед князем Усерда. «Слабый владетель» немедленно послушался их и сослал Усерда. В заточении Усерд провел много лет, читая данную ему «книжицу», которая кончалась словами: «Сиди у моря, жди погоды». Неожиданное нашествие на княжество «иноплеменников» заставило князя вспомнить о полководческом таланте Усерда. Усерд полу-

---

[1] «Городская и деревенская библиотека», ч. II, стр. 369—376.
[2] Д. Фонвизин. Сочинения, стр. 206.

чил приказ вернуться ко двору. Покидая ссылку, «упросил он быть уверенным всем в истине слов: сиди у моря, жди погоды»; все стали повторять эти слова, «от чего так известны и общи стали слова сии, что вошли в пословицу. И ныне, когда хотят безнадежному подать надежду, то говорят: сиди у моря, жди погоды».

Такова грустная, ироническая концовка рассказа. Нет сомнения, что в ней Новиков запечатлел кризис передовой русской политической мысли дорадищевского периода. Такой выдающийся деятель этой эпохи, как Фонвизин, исповедовал именно эту веру в просвещенного монарха. И в 80-е годы Новиков отлично понял, как безнадежна эта политическая теория, как она в реальных условиях екатерининского правления заводит общественное движение в тупик. Данный рассказ Новикова — замечательное свидетельство роста политического сознания русского просвещения. В канун появления Радищева Новиков, прибегая к опыту народа (пословицам), отвечает иронически на вопрос о возможностях практического воплощения утопической и умозрительной политической теории. От новиковского рассказа «Сиди у моря, жди погоды» протягиваются прямые нити к главе «Спасская полесть» «Путешествия из Петербурга в Москву», где по-радищевски, с революционных позиций, заново был пересмотрен вопрос о теории просвещенного абсолютизма и показана не только утопичность, но и ее глубокая враждебность русскому общественному движению.

Последний из политических рассказов «Фортуна велика, да ума мало» [1] как бы подводит итог новиковским размышлениям о судьбах народно-освободительных движений и значении народа в политической жизни государства. Лавид — сын «великого героя и славного паши» — был баловнем фортуны. Невежественный и глупый бездельник, он всегда был всеми любим и окружен почетом. Это фортуна способствовала его карьере. Бросив отечество, Лавид попадает ко двору французского государя. Затем фортуна забрасывает его на остров, где народ избирает его государем. В результате правления Лавида на острове «началися роскоши... разорвалася связь родства... Учредилась смертная казнь от богачей, желающих еще приобрести себе

[1] «Городская и деревенская библиотека», ч. IV, стр. 347—358.

имение разорением бедных, кои хотели просить на них и коим одно только было решение, что рубили им головы». Можно не сомневаться, что настойчиво повторенные Новиковым слова, что в каждом его рассказе заключено иносказание, помогали читателю понять политический намек. Да и намеком ли было, например, последнее утверждение — запрещение крестьянам жаловаться на своих господ под страхом смертной казни? Ведь всем было известно, что это именно Екатерина издала такой указ. Смысл рассказа все же не в намеках, а в выводе. Предсказатель, «пустынножитель», говорит народу: «Я предсказывал вам о человеке, выброшенном на ваш остров из моря, который бы, умом управляя вами, мог сделать вас совершенно счастливыми, а не о скоте, каков был сей Лавид, у коего в ослиную голову поселилася фортуна и сделала его над вами начальником. Впредь будьте осторожны в выборе людей, поставьте над собою правителем человека, а не скота. Он достойную получил смерть за свою глупость».

Вот к каким итогам пришел Новиков в своих размышлениях по политическим вопросам. Народ, оказывается, имеет право судить своего государя, если он не делает свой народ счастливым, может выбирать себе нового «над собою правителя», волен своего бывшего государя казнить. И опять же нельзя не отметить одну характерную деталь — именно в это время Фонвизин пишет свой политический трактат «Рассуждение о истребившейся в России совсем всякой формы государственного правления». И там мы читаем: «Всякая власть... производящая обиды, насильства, тиранства, есть власть не от бога, но от людей, коих несчастия времян попустили, уступая силе, унизить человеческое свое достоинство. В таком гибельном положении нация, буде находит средства разорвать свои оковы тем же правом, каким на нее наложены, весьма умно делает, если разрывает. Тут дело ясное».[1]

Совершенно очевидна близость этих двух утверждений, как очевидно, что на них лежит печать времени — они плод политического опыта дворянских просветителей, наблюдавших и восстания русских крепостных и успешную войну американского народа против английского короля.

---

[1] «Русская проза XVIII века», т. I, стр. 532.

III

Вторая группа пословиц, объединенных единством тем в своеобразный цикл, посвящена защите идей просвещения, отстаиванию просветительских идеалов от жестоких нападок реакции.

Два рассказа — «Сиди у моря тихого, жди погоды теплыя» и «Свое добро теряет, а чужого желает» — есть первое в русской литературе резкое выступление против мистицизма, алхимии и шарлатанства, розенкрейцерства — ордена, только что утвердившегося в России по инициативе Шварца. Чтобы понять всю актуальность и остроту новиковского выступления, надо представить себе положение дел в масонстве к этому моменту.

В конце февраля 1782 года в Москву вернулся из Германии Шварц. Его приезд ознаменовался новым этапом в развитии русского масонства — он привез розенкрейцерство. Как уже говорилось выше, Новиков не принял идей розенкрейцерства. Даже реакционер Лонгинов вынужден признать: «Известно, что Новиков опасался этой системы. Он принял с неудовольствием на себя обязательство, данное Шварцем, а некоторых привезенных им бумаг не хотел даже прочесть и ограничился тем, что признал лишь из их числа одни «Общие масонские правила», которые предписывали лишь то, что̀ и без того в общих чертах руководило Новиковым» (165—166).

Сразу по приезде Шварц развернул бешеную деятельность по пропаганде розенкрейцерства. Деятельность эта шла по трем основным направлениям: 1) раскрытие основ «розенкрейцерских наук»,— для чего с сентября 1782 года на дому «приватным образом» для студентов университета он начал читать курс лекций; 2) печатная пропаганда розенкрейцерства, чему был целиком посвящен журнал «Вечерняя заря»; 3) пропаганда главных мистических сочинений, составлявших идеологическую основу розенкрейцерства. Для исполнения этого намерения он привез из Германии ряд книг, которые и поручил переводить своим молодым последователям.

Деятельность Шварца была воинствующе-реакционной. Он повел решительное наступление против русской сатирической литературы, русского просвещения, увлекая молодежь на путь политической реакции и мистицизма. Одним

из центральных моментов шварцевской системы являлись доказательства ничтожества человека. Вот как записывал один из слушателей Шварца его лекцию: «Мы, люди,— гнилые смердящие сосуды, в которых все доброе, все чистое делается кислым и смрадным».[1] Принижение человека нужно Шварцу для воспитания покорности и смирения. Поэтому так обрушивался Шварц на разум. Именно разум просветители объявили своим путеводителем, просвещение разума было путем к истинному величию человека. Зная это, Шварц и стремился доказывать, что разум в человеке — ничто. Следуя за мистиком Яковом Бёме, утверждавшим, что разум ведет к самомнению, Шварц писал: «Разум научает нас, но он не может раскрыть истину... одно лишь откровение может ясно нам показать истинный свет». И далее, опять в соответствии с Бёме, устанавливалось, что просветление разума может быть осуществлено лишь при помощи «божественных наук», каковы магия, алхимия, каббала. Эти воззрения Шварца должны были, по его мысли, быть подкрепляемы капитальными мистическими сочинениями типа «Хризомандер», «Gemma Magica, или магический драгоценный камень», «Химическая псалтирь, или философические правила о камне мудрых».

Первой такой книгой, появившейся в России, был привезенный Шварцем «Хризомандер» — практическая наука, излагавшая основы не только магии и каббалы, но и открывавшая высшие «истины» и «тайны», и, в частности, тайну «делания золота». Розенкрейцерские лекции Шварца, его статьи в «Вечерней заре», привезенная им книга «Хризомандер», проповедуя мистицизм, пестрели следующими характерными словами, передававшими высший смысл «тайных» «божественных наук» розенкрейцерства: квинт-эссенция, коагуляция, сера, химия, меркурий, реторты, магия, Адамова земля и т. д.

Всю деятельность Шварца Новиков наблюдал в непосредственной близости. Он видел, как мистические идеи Шварца увлекали за собой некоторые круги студенческой молодежи. Его слушали с восторгом, как мы знаем по воспоминаниям некоторых студентов. С каждым месяцем его влияние возрастало. С изданием «Вечерней зари» и под-

---

[1] А. Незеленов. Литературное направление в екатерининскую эпоху, СПБ., 1889, стр. 167.

готовкой перевода «Хризомандера» этот розенкрейцерский мистицизм выходил за пределы «партикулярного дома», становился общественным явлением, антагонистичным по отношению к передовой русской культуре.

Новиков, состоя в ордене, сохранил свою независимость и устранился от розенкрейцерских обрядов и упражнений. Как истый просветитель, он развертывал свою издательскую деятельность, не принимая шварцевских книг,— их печатали в особой типографии, заведенной учеником Шварца Лопухиным. Но несмотря на всю «тихость» своего характера, Новиков именно в этот момент решает выступить против мистицизма и шарлатанства совершенно открыто.

В этой-то атмосфере и задумал он два своих сатирических рассказа, «Сиди у моря тихого, жди погоды теплыя»[1] и «Свое добро теряет, а чужого желает».[2] Они открыто направлены против розенкрейцерства, против мистицизма и алхимии. Задача этих рассказов — скомпрометировать в глазах общества розенкрейцерские «тайные науки», показать шарлатанский характер «божественных откровений».

Характерно, что Новиков выбирает у розенкрейцеров самую важную для них и тайную науку, доступную лишь немногим членам ордена,— делание золота. И именно эту «тайну» он делает объектом своих сатирических нападок. Замечательно при этом стремление писателя показать, что за всеми этими туманными учениями о «высших градусах» и «божественном откровении» стоит типичная собственническая жажда богатства. «Золото,— пишет Новиков,— есть и всегда будет предметом искания всякого рода людей... Что купцы предприемлют для приобретения золота, всем известно. Да и самые дворяне, сии божки, туне приемлющие, а даром не дающие, чего не делают для золота? особливо в нынешние просвещенные времена!»

После такого вступления следует рассказ: «Некто... занявший голову свою приобретением золота», вдруг услышал, будто кто ему говорит, как найти золото. Далее следует совет — пародия на розенкрейцерские «практические науки» и таинства обрядности: «Город сей, в котором ты

---

[1] «Городская и деревенская библиотека», ч. IV, стр. 371—374.
[2] Там же, стр. 377—378.

живешь, стоит на берегу моря. И ты должен девять зарей утренних и столько же вечерних проводить близ сей гавани. По прошествии сего времени поедет корабль за море, которого капитан будет иметь нужду в химике. Искав золота, ты получил уже практическое понятие о сей науке, можешь к нему явиться и ехать с ним за море, а тамо, я тебя уверяю, что золото сыщешь». «Некто» исполняет совет и ждет девять зарей вечерних и девять утренних. Наконец входит корабль в гавань. «Корабельщики выходят на берег, и первое их слово было: нет ли здесь химика, знающего посредством диссолюции и коагуляции находить Адамову землю и, извлеча из оной квинт-эссенцию герметическим образом, найти то, что производит золото».

Только истинный просветитель, только писатель-сатирик, исповедующий принципы «действительной живописи», только общественный деятель и нравственный философ, отдававший всю свою жизнь делу просвещения отечества и воспитания из своих единоземцев граждан и патриотов, мог так зло, так беспощадно, так метко в одной фразе передать весь шарлатанский характер «мудрых» рецептов и мистических поучений диктатора русских розенкрейцеров Шварца. Данная фраза Новикова есть прекрасное сатирическое изображение содержания и смысла шварцевских лекций, читавшихся им в «партикулярном доме», где как раз и преподавалась наука «извлечения квинт-эссенции из Адамовой земли посредством диссолюции и коагуляции».

Второй рассказ — сатирический выпад против привезенных Шварцем книг, и, в частности, «Хризомандера» — этого «практического руководства» по деланию золота. В своей сатире Новиков говорит: «Дворянин наш слыхал, что бывали и есть люди, кои изо всего делают золото; для чего же из железа золота не добиться? Для сего только надобно было иметь книгу под титулом «Способ из ничего делать золото». Нет сомнения, что речь идет о «Хризомандере». «Книга найдена, но она писана не по-русски, а дворянин наш кроме русского языка никакого не знал; новые хлопоты для богача, желающего еще богатее быть!» Понадобился француз. «Наконец француз сыскан, следовательно, и золото делать обязался. . . договор сделан, жалованье и содержание французу дано, и работа началась. Прежде всего надобно было сделать химическую печь». Началась бессмысленная «работа», которая

начисто разорила дворянина, но зато обогатила француза. Тогда соседи дворянина «подписали на его воротах: «Здесь живет человек, который свое добро теряет, а чужого желает».

Концовка рассказа прямой намек и открытый выпад против всей развернувшейся мистическо-реакционной деятельности Шварца и его учеников: «Вот истинная причина сей пословицы; может быть, алчность к золоту и ныне изобретает новые пословицы. Много людей есть и теперь, кои стараются изо всего делать золото, и еще больше есть писателей, кои систему сию утверждают». Единственным писателем в России, который «систему сию утверждал», был Шварц. Отличным дополнением к этому рассказу Новикова служат его ответы на следствии Шешковскому. Характеризуя свои отношения со Шварцем осенью 1782 года (после утверждения розенкрейцерства), Новиков заявил: «За рыцарство между профессором Шварцем и мною частные были неудовольствия, так что произошла между нами некоторая холодность и недоверчивость, продолжившаяся до смерти его».

Так еще на одном конкретном примере подтверждается бездоказательность легенды о дружбе и единомыслии Новикова и Шварца. Подтасовывая факты, сдвигая хронологию исторических событий, привлекая тенденциозные отзывы, принадлежавшие деятелям круга Шварца, создатели этой легенды делали все, чтобы оклеветать Новикова, превратить его в мистика и шарлатана, отняв тем самым у русского просвещения замечательного деятеля.

IV

Последняя группа рассказов посвящена пропаганде просветительских идей. В обстановке общественной активности масонов и розенкрейцеров Новиков считал необходимым не только практически осуществить просветительско-книгоиздательскую программу, но и популяризовать эти идеи в художественных произведениях. В рассказе «Век живи, век учись» [1] объектом сатиры стала новая общественная фигура — масон-сентименталист, который, рассуждая «о должности человека», «воссылал от глубины сердца своего

[1] «Городская и деревенская библиотека», ч. IV, стр. 361—364.

молитвы, да откроется ему настоящий путь его. Приятные слезы текли по его ланитам; душа его была спокойна». Так рассуждая, герой рассказа заснул и во сне увидел учителя-мага: «Он был един и сам в себе находил свое благо». Осмеяв этих новых искателей масонского просвещения, находивших «благо в самих себе», Новиков как истый просветитель, но далекий от революционных теорий, опираясь на народную мудрость пословицы, указывает на огромную общественную роль просвещения. Через два года Новиков в статье «Письмо о домашних учителях» разовьет ту же мысль — необходимость учиться в течение всей жизни, прибегая к самообразованию: «Ибо хотя я и не учен, однако понимаю, что в университетах не можно научиться всему тому, что знать надобно, и что ученые так же, как и мы, должны держаться пословицы: век живи, век учись».[1]

В рассказе «В Риме был, а папы не видал»[2] подверглись обличению дворяне, бросающие Россию и путешествующие по Европе на манер Иванушки из фонвизинского «Бригадира». В ряде других рассказов высмеиваются родители, жалеющие денег для воспитания и учения своих детей, молодые люди, жалеющие время для чтения книг, и т. д.

Рассказ «Есть чего ждать, когда есть с кем жать»[3] — своеобразное обобщение просветительской работы Новикова и его соратников по книгоиздательскому делу. Замечателен он желанием писателя свою просветительскую практику освятить не только национальной, но и демократической традицией. Рассказ начинался словами: «Сия пословица происходит от низкого состояния людей, но основанием своим она имеет важные причины».

«Важные» эти «причины», несомненно, состоят в том, что пословица формулирует опыт многомиллионного трудового народа, его трудовую мораль, которая покоится на признании единственно плодотворными трудовыми действиями — действия артельные, работу содружества людей, направленную на общую пользу. Здесь же мы сталкиваемся с новой попыткой Новикова понять «русский характир»,—

---

[1] «Прибавление к Московским ведомостям», 1784, № 76, стр. 597.
[2] «Городская и деревенская библиотека», ч. IV, стр. 367—368.
[3] Там же, стр. 385—389.

отсюда и выдвижение двух черт, по мнению Новикова свойственных именно русскому народу: «приготовление себе помощи во трудах» и «с терпением умение плода дожидаться».

Трудно переоценить тот общественный смысл, какой имело утверждение Новикова, что сила и плодотворность русского просвещения прочно покоятся на мудрости народа, выраженной в пословице: «есть чего ждать, когда есть с кем жать». Это значение станет еще более очевидным, если мы поймем, что такое толкование дела просвещения противостояло всей деятельности розенкрейцеров («приуготовление себя к будущей жизни»), всем их орденским «тайнам», всем их «герметрическим наукам» и «божественным откровениям», созданным для того, чтобы человек «был единым и сам в себе находил свое благо».

V

«Пословицы российские» Новикова — крупное литературное явление 80-х годов. До сегодняшнего дня эти рассказы никогда не подвергались изучению. Это вынуждает меня остановиться еще на одном вопросе: какое место занимали «Пословицы российские» в общественной жизни, какова их роль в борьбе между новым течением дворянского искусства — сентиментализмом и передовой сатирической литературой.

Мы уже знаем, что Фонвизин был в эту пору активным писателем, который продолжал линию «действительной живописи». В 1781 году он написал, а в 1782 году поставил «Недоросля». Сатира — вот что составляло существо фонвизинских сочинений. Эта сатирическая задача писателя, определявшаяся его политическими убеждениями, требовала от него правдивого, верного действительности искусства. Сатира рождала реалистические принципы. Дворянские писатели-сентименталисты вели борьбу с сатирой потому, что боялись ее, ибо она сталкивала их с реальной действительностью. Задача же сентименталистов состояла в том, чтобы увести внимание читателя из реального мира, из мира социально-политической жизни в мир души, чувства, сердца. Этот консерватизм общественной позиции сентименталистов приводил к тому, что и в области эстетической они блокировались с Екатериной. И для них и для

Екатерины-писателя, например, Стерн оказывался учителем. И сентименталисты и Екатерина стали в своей литературной работе проводить стерновский принцип выдвижения на первый план повествования личности автора, его субъективных впечатлений, его непринужденной «болтовни», которая подменила изображение объективной реальности. Черты такой литературной манеры характерны как для Муравьева, так и для Екатерины,— например, ее фельетоны «Были и небылицы», напечатанные в «Собеседнике любителей российского слова». Нет нужды доказывать, что эта манера прямо заимствована у Стерна.

Именно в это время, когда создавалась русскими сентименталистами теория «приятности грусти», и выступил Новиков-писатель со своими шестнадцатью сатирическими рассказами, которые были направлены против Екатерины-писателя и против сентименталистов.

В 1782 году Екатерина, осуществляя план восстановления своего поверженного крестьянской войной авторитета, пришла к выводу о необходимости опереться на «мнение народа», выраженное в его творчестве. Так родился замысел подбирать и самой сочинять пословицы, которые бы именем народа освящали самодержавный режим, сословное разделение, проповедовали смирение и покорность как норму поведения подданных в государстве. В 1782 году замысел был исполнен, появилась книжка под названием «Выбранные российские пословицы».

Новиковские сатирические рассказы «Пословицы российские» есть ответ на екатерининскую фальсификацию. Новиков вновь стал на путь, уже известный читателю по «Трутню», когда он зло и беспощадно высмеивал плод екатерининского сочинительства — журнал «Всякая всячина», как сочинение «всякий вздор». Ныне этим «всяким вздором» были собранные и сочиненные императрицей пословицы.

Прикрываясь мнением народа, Екатерина поучала: «чин чина почитает», «чего нет, того не спрашивай», «не так живи, как хочется, а так живи, как бог велит», «тому будет всегда счастливо, кто пашет не лениво». Подобные пословицы составляли, условно говоря, один ряд, имевший целью утвердить незыблемость существующего крепостнического режима в России. Но Екатерина не ограничилась этим и подобрала пословицы, составившие другой цикл, утверждавшие важную для нее мысль о необходимости

покорности общественного мнения. Напуганная спорами депутатов Комиссии по Уложению, полемикой с новиковским «Трутнем», политическими выпадами дворянской оппозиции, Екатерина после подавления крестьянского восстания стремилась ввести в России «единомыслие». И здесь также она хотела опереться на «мнение народное», внушая всяческим «молодчикам молодым», что выступать с критикой, высказывать свое мнение, советовать государю есть «непозволительная дерзость», которая осуждается не только властью, но и народом.

Действительно, эта проблема была для Екатерины важной; стоит напомнить несколько фактов: до пугачевского восстания Екатерина дважды вслух высказывала не только возмущение дерзкими выходками Новикова, но и искреннее удивление. Например, она писала во «Всякой всячине»: «Странное дело, находятся люди, которые бранят наше сочинение!» Тогда же она грозила Новикову ссылкой в Сибирь за дерзкое намерение критиковать и поучать русскую императрицу. И это отлично знал Новиков.

После пугачевского восстания Екатерина особенно настойчиво повела борьбу с независимым общественным мнением. В 1783 году по поводу выступления Фонвизина в «Собеседнике любителей российского слова» с вопросами к сочинителю «Былей и небылиц» Екатерина в своем фельетоне обрушилась на «вопрошающий народ», объясняя, что дерзость эта происходит «ясно от того, что в прежние времена врать не смели, а паче письменно, без... опасения».[1] Екатерина не только грозила, но исступленно бранилась по поводу вольномыслия: «Молокососы! Не знаете вы, что я знаю. В наши времена никто не любил вопросов, ибо с оными и мысленно соединены были неприятные обстоятельства».[2] Кроме этого печатного выступления Екатерины, предание сохранило раздраженный ответ императрицы на попытку Фонвизина выступать в своих сочинениях советчиком: «Худо мне жить приходится: уже и господин Фонвизин хочет учить меня царствовать».[3]

В 1782 году Екатерина и выпустила пословицы, внушающие мысль о необходимости покорности и смирения:

---

[1] «Собеседник любителей российского слова», 1783, ч. IV, стр. 168.

[2] Там же, стр. 163—164.

[3] П. Вяземский. Фонвизин, СПБ., 1848, стр. 285.

«кто смирением себя украшает, тот честностью укрепляет», «молодой умок, что вешний ледок», «всегда новизна, да редко правизна», «напрасно о том рассуждают, чего сами не знают», «на совет чужой не ходи, пока позовут — подожди» и т. д.

Екатерининской фальсификации народного творчества Новиков противопоставляет подлинную мудрость народа, запечатленную в его пословицах. Именно пословицу он избирает формой своих сатирических рассказов, с тем чтобы она подтверждала право частного человека судить о политике, о поступках монарха, о жизни в государстве и т. д.

«Пословицы российские» Новикова начинали новую стадию борьбы передовой русской литературы за свою независимость от правительства, за право обсуждать условия жизни людей в русском самодержавном государстве. Зачинателем выступил в 80-х годах Фонвизин в своем «Недоросле». Новиков подхватил его почин в «Пословицах российских». Через год Фонвизин разовьет свои мысли в «Нескольких вопросах, могущих возбудить в умных и честных людях особливое внимание». Характерно при этом, что Новиков выдвинул новый и важный аргумент в пользу права на свободное и независимое суждение — мнение народа, запечатленное в пословицах. Своими рассказами Новиков утверждал мысль, что сочинение писателя, не угодное императрице, можно запретить, что самого писателя можно отправить «потрудиться для пользы государственной описывать нравы какого ни на есть царства русского владения»; но, утверждает Новиков, подобная политическая расправа ничего не изменит. Сам народ ежедневно судит и государство, и крепостные порядки, и самого царя. И с народом сделать ничего нельзя. Екатерина вот уже несколько десятилетий трудилась над тем, чтобы утвердить за собой славу «матери отечества», заботливой и любящей народ «матушки-государыни». А народ говорит: «Близ царя, близ смерти». Екатерина старается убедить всех, что она просвещенный государь, что она готова слушать советы «умных и честных людей», что готова к реформам на пользу народа. А народ осмеивает эти государевы утверждения, эти надежды на Екатерину: «Сиди у моря, жди погоды». Екатерина велит прославлять себя в образе идеальной и целомудренной Душеньки, а народ, зная о чудовищном разврате старухи-императрицы, о государственном

характере фаворитизма, разорявшего Россию, зло заявляет: «Седина в бороду, а бес в ребро», и т. д.

Нет никаких сомнений, что такая апелляция к народному творчеству могла возникнуть только после крестьянской войны, когда небывало открыто народ высказывал свое мнение и о Екатерине, и о дворянах, и о крепостнических порядках в России.

«Пословицы российские» представляют большой интерес и в плане эстетическом. Прежде всего они свидетельствуют о враждебности Новикова к нарождавшемуся русскому дворянскому сентиментализму. В период «Утреннего света» и «Московского издания» Новиков занимался только философией. Упражнения Муравьева, Хераскова, Кутузова, Дмитриева и других были чужды ему. Совершенно очевидно, что, выступая вновь с литературными произведениями в 1782 году, когда русские сентименталисты уже создали своего рода манифест нового направления — рассуждение Кутузова «О приятности грусти»,— Новиков сознательно противопоставлял свою эстетическую позицию позиции этого дворянского искусства.

В самом деле, для Муравьева, Кутузова характерно бегство из действительности, вражда к сатире, изгнание социальных и политических тем, философский агностицизм, принцип субъективизма, находящий свое выражение в интересе к «тонкостям» своего духовного мира, к своему сердцу, к своей меланхолии, к утверждению своего права на грусть и даже на приятность грусти. Антиобщественный, консервативный характер упований на чистоту сердца очевиден.

Новиковская позиция прямо и открыто враждебна сентиментализму. Прежде всего, новые рассказы органически связаны с прежней писательской работой Новикова, поскольку в основе их лежит принцип «действительной живописи». Вот почему сатира — душа этих рассказов. Сатира не мелочная, не бытовая, а политическая. Главный объект ее — русское самодержавие, двор, вельможи, дворянство, Екатерина. Таким образом подготовка и выпуск Новиковым своего третьего издания «Живописца» в четвертый раз в 1781 году представляет собою сознательное выступление писателя, попрежнему стоящего на позициях сатиры, на позиции эстетики «действительной живописи». Теперь темы «Живописца» и «Трутня» дополнялись «Пословицами российскими».

Сатира новых рассказов Новикова связывала их с прежними произведениями писателя. Но более важной чертой «Пословиц российских» является то новое, что они вносили в искусство. Дворянский сентиментализм утверждал в качестве основы своей эстетики субъективизм. Наслаждаясь своим «я», своим богатством души, своим сердцем, сентименталисты утверждали, в сущности, прежнюю идеологию аристократизма, только по-новому, с новых моральных позиций сформулированную. Аристократизм и субъективизм делали это искусство антинародным.

Новым в «Пословицах российских» и была борьба с субъективизмом, борьба с аристократизмом, борьба за гражданственность литературы, за обязанность ее служить своему отечеству и угнетенному «питателю», борьба за реалистическую эстетику, за приближение к правде жизни. И здесь крайне важно было принципиальное обращение к народному творчеству. Пословица вводится Новиковым в литературу на полноправных началах. Более того, Новиков показывает, что частное мнение, субъективное суждение, его личная писательская правда имеет тем большее значение, когда она подтверждается коллективным опытом народа. Таким образом мы наблюдаем попытку утвердить такую эстетику, которая делала бы возможным для писателя смотреть на явления социальной и политической жизни глазами народа.

Эта новиковская попытка прямо ведет нас к басенному творчеству Крылова. «Пословицы российские» частный пример того, как именно в передовой литературе 80-х годов (Фонвизин, Новиков и как высшее достижение русской культуры XVIII века — Радищев) намечались проблемы и темы, нашедшие свое дальнейшее блестящее разрешение и развитие в литературе XIX века, и в творческой деятельности Крылова, Грибоедова, Пушкина прежде всего.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

I

Новиков был человеком исключительной воли и принципиальности, но «по тихости и чувствительности своего нравственного характера» он не любил споров, «гнушался возмущениями, бунтами»,[1] ссорами, поэтому предпочитал молча настаивать на своей позиции, увеличивать объем своей деятельности, не угодной орденским начальникам, чем вступать с ними в полемику. Сдерживающим началом были к тому же и масонская дисци-

[1] М. Лонгинов, стр. 074 (показания Новикова).

плина и нежелание обострять и без того быстро растущие разногласия. Новиков предпочитал полемизировать делом. Вот почему, когда Шварц в «Вечерней заре» открыто опровергал его философскую систему, он, не отвечая на эти опровержения, еще энергичнее, еще настойчивее принялся за пропаганду своих идей и убеждений. Новым в деятельности Новикова после 1782 года и была ставка на массового читателя, на расширение своей аудитории.

И «Московское издание» и, особенно, «Вечерняя заря» были журналами с незначительным тиражом — в несколько сот экземпляров, которые не всегда расходились по подписке. Теоретическим спорам со Шварцем Новиков предпочел создание таких практических условий, которые бы позволили ему вести пропаганду своих убеждений не среди сотен, а среди тысяч организованных им читателей. Отсюда новиковская ориентация на газету «Московские ведомости», отсюда превращение ее в центр всей своей просветительской деятельности.

Политические обстоятельства эпохи, общественный интерес к мировым событиям, умная редакторская работа Новикова — все это и определило крупный успех «Московских ведомостей», которые, по свидетельству Карамзина, достигли к середине восьмидесятых годов большого по тем временам тиража в 4 тысячи экземпляров. С 1782 года Новиков пожелал закрепить за собой этого уже массового читателя, подчинить его всецело своему влиянию, удовлетворить все его политические, умственные, нравственные, хозяйственные интересы и запросы, приучить к систематическому чтению именно своих изданий, наполненных жизненно необходимыми знаниями и сведениями.

Улучшая качество политической информации «Московских ведомостей», расширяя их содержание, Новиков готовит, а с 1783 года издает журнал, служащий продолжением «Московского издания»,— «Прибавление к Московским ведомостям». Журнал издавался как бесплатное приложение к газете и рассылался безвозмездно «пренумерантам», которых, как уже сказано, было несколько тысяч. Об этом своем намерении Новиков счел необходимым сообщить читателю: за выходящее приложением к газете «Прибавление» «не полагает он никакой излишней платы», потому что с его стороны делается это «из единого усердия ко благу отечества». Новиков обещает читателю, что им «приложено

будет всевозможное старание о распространении полезных сведений в разных частях человеческой учености».[1] В этой статье Новиков сообщает о характере всех своих будущих изданий, предупреждает, что отныне газета будет центром его деятельности. Вот несколько строк из этого замечательного новиковского оповещения:

«Ничего упущено не будет к приведению в совершенство сих листов, так чтобы они не только соравнялись по содержанию своему с лучшими иностранными публичными листами сего рода, но и превзошли и заменили бы совершенно недостаток оных для тех, кои не имеют ни способности, ни случая читать первых.— Приложено будет старание и о том, дабы с начала будущего года сообщаемо было Прибавлениями к Ведомостям нашим топографическое описание знатнейших российских и чужестранных городов, островов и проч., славных своими зданиями, торговлею, науками и тому подобным, и содержащихся в них примечания достойных вещей, продуктов, товаров и проч. Иногда в сии Прибавления помещаемы будут статьи из лучших иностранных коммерческих книг, иногда же предметы, касающиеся до домашнего воспитания, и показание лучших книг в сем роде; иногда показываемо будет главнейшее содержание книг, вышедших прежде в Москве. Всем сим надеемся мы сделать отменную угодность читателям нашим; ибо посредством одного чтения наших Ведомостей не только юношество, но и все те, кои не имели случая учиться или по крайней мере читать подобные книги, могут получить достаточное и подробное сведение почти о всем земном шаре и, так сказать, не учась, научиться географии, истории и топографии. Купечество российское отменную от сих Прибавлений получить может пользу: ибо оно от сего чтения приобретет достаточное сведение о всех продуктах и товарах, в каких местах можно получить их в большем количестве и с большими выгодами перед другими городами. Польза, проистекающая от показания основательного воспитания и точного знания лучших книг во всяком роде учености, довольно ощутительна, чтобы не содействовала она усовершенствованию наших листов».[2]

---

[1] «Роспись российским книгам, которые продаются в университетской книжной лавке», М., 1783.

[2] Там же.

Эта программа дальнейшего широкого развертывания просветительской работы и была ответом Новикова Шварцу. Все, что теперь исходило от Новикова-автора, Новикова-редактора, Новикова-издателя, было пронизано духом политики, гражданственности, практицизма, истинного просветительства.

II

Задуманный Новиковым план — на базе газеты обслужить многочисленные запросы широких читательских кругов — с 1782 года начал получать свое конкретное воплощение. После «Городской и деревенской библиотеки» в 1783—1784 годах стал выходить журнал «Прибавление к Московским ведомостям», наполненный статьями о политике, о торговле, об условиях, необходимых для процветания нации, о воспитании детей.

Продолжал выходить (начатый еще в 1780 году) журнал по сельскому хозяйству, заключавший в себе «практические материи»: «Экономический магазин, или собрание всяких экономических известий, опытов, открытий, примечаний, наставлений, записок и советов, относящихся до земледелия, скотоводства, до садов, огородов, до лугов, лесов, прудов, разных продуктов, до деревенских строений, домашних лекарств, врачебных трав и до других всяких нужных и небесполезных городским и деревенским жителям вещей». Журнал издавался в течение девяти лет, до тех пор, пока у Новикова не отобрали университетскую типографию.

Сразу же после прекращения журнала «Прибавление» с 1785 года начинает выходить новый, который является как бы практической реализацией идей «Прибавления» о воспитании детей: «Детское чтение для сердца и разума», первый в России журнал для детей. Журнал быстро завоевал успех у читателя и выходил также до 1789 года. И опять необходимо отметить характернейший штрих: задумав издание журнала для детей, наметив его программу, Новиков сумел быстро найти нужных для этого нового дела людей — Петрова и Карамзина, которых он и ставит во главе «Детского чтения». В этом умении сделать удачный выбор сказывается не только практичность Новикова,

не только отличное знание им дарований широкого круга известных и начинающих литераторов, объединенных вокруг его издательства. Новиков обладал огромным авторитетом, он умел увлечь людей, воодушевить их раскрытыми перед ними идеями, подчинить себе. В этой связи необходимо сказать несколько слов о Петрове. Воспитанник Московского университета, одаренный юноша, рано начавший сотрудничать в журналах («Утренний свет»), он вскоре попадает под влияние Шварца. По словам современника, в период активной деятельности Шварца (1782—1784 годы) у Петрова, как позже у его друга Карамзина, в комнате вместе с распятием стоял бюст Шварца. В качестве переводчика Типографической компании Петров, как ученик и последователь Шварца, должен был быть проводником его идей. И действительно, Шварц именно ему дает перевести привезенную из Германии книгу, особенно дорогую розенкрейцерам, «Хризомандер». В книге «открывался» путь к отысканию философского камня, показывался переход души человека к более высоким степеням совершенства, излагалось мистическое учение о слиянии с божеством. После смерти Шварца розенкрейцеры-мистики — Кутузов, Тургенев — пытались подчинить Петрова своему влиянию.

Новиков, зная и ценя способности Петрова, стремится привлечь его к себе, но не для переводов мистических книг. Он смело поручает ему издание журнала для детей, видимо стремясь практической работой по его, Новикова, плану оторвать Петрова от мистических «материй». Результаты новиковского влияния оказались плодотворными. Дух детского журнала был далек от мистики. Из года в год он становится более светским. Петров быстро отказывается от масонских статей типа «Сретение солнца» или «Остров Надежд — иносказание для детского возраста» и сам начинает писать естественнонаучные статьи (статья «О кофе»).

Уже накануне разгрома, в 1788 году, Новиков осуществляет издание нового научного журнала — «Магазин натуральной истории, физики, химии; или новое собрание материй к сим трем наукам, заключающее в себе важные и любопытные предметы оных, равно как и употребление премногих из них во врачебной науке, в экономии, в земледелии, искусствах и художествах». Журнал издавался в течение 1788—1789 годов.

Той же задаче завоевания читателя подчинена и книгоиздательская работа. Обширные планы, составленные Новиковым для своих типографий, включали новейшие книги, русские и иностранные, по разделу искусств и художеств, по географии, истории, философии, политике и медицине. Широко издавались практические книги: всевозможные «наставления», «лечебники», «травники» и т. д. Эти книги пользовались успехом, выходили несколькими изданиями. Сельский и городской житель привыкал к тому, что на все вопросы жизни он мог найти практический ответ в книгах Новикова.

Отсутствие в деревнях врачей и больниц приводило к распространению знахарства. Новиков считал необходимым сообщить сельским читателям круг практических медицинских советов. Он подбирает специальные книги, написанные врачами и учеными Москвы, которые бы заключали в себе научные советы и описание способов лечения многих заболеваний.

Подобные книги, наполненные практическими советами, выходили у Новикова во множестве.

В восьмидесятые годы розенкрейцеры в ордене и в своих журналах «Вечерняя заря», «Покоящийся трудолюбец», «Магазин свободнокаменщический», во многих мистических и масонских книгах проповедовали планы л и ч н о г о усовершенствования, основы своего «просвещения», которое, признавая бессилие разума принять высокие и таинственные истины, учило человека посредством откровения приближаться к божеству, для того чтобы в конце этого пути найти успокоение в единении с «причиной всего» — божественным духом.

Новиков в те же годы, отстояв свою независимость в ордене и в общественной деятельности, осуществлял грандиозный план просвещения русского народа. Газета и журналы, выходившие приложением к ней, сотни книг, изданных в больших тиражах, давали духовную пищу тысячам людей, определяли характер их знаний, вкусов, стремлений, настойчиво пропагандировали идеал активного, добродетельного человека, гражданина. Новиков, объединив вокруг своих журналов десятки писателей и переводчиков, стоял в центре литературы, выступал ее практическим организатором и строителем. И именно как просветителя, а не как

масона-мистика воспринимали его современники. Так Новиков приступил к осуществлению крестьянских наказов, требовавших от правительства помощи в получении образования «низшего рода людьми». Правительство осталось глухо к этим требованиям. Русское просвещение оказалось способным принять на себя эту огромную задачу.

III

Новиковские журналы восьмидесятых годов запечатлели эволюцию общественных, политических и философских взглядов их издателя. «Утреннему свету», «Московскому изданию» «Прибавлению к Московским ведомостям» соответствуют разные этапы формирования этической философии Новикова.

Новый журнал «Прибавление к Московским ведомостям» весь посвящен «политической материи»; в нем уже нет ни нравоучений, ни морализирующих рассказов и повестей, нет литературных произведений вообще. Содержание ста восьмидесяти шести номеров «Прибавления» за 1783—1784 годы можно разделить на четыре «отдела»: 1) статьи о воспитании, 2) статьи о торговле, 3) статьи на политические темы, и прежде всего об «американских делах», 4) статьи географические и естественнонаучные.

Уже на примере «Московского издания» показано, как рассуждения о человеке и его добродетелях были пропитаны духом политики. В ту эпоху проблема человека, его свободы и обязанностей как гражданина и патриота имела далеко не теоретический интерес. В связи с этим тема воспитания, естественно, приобретала политический оттенок. Всем многочисленным статьям о принципах и методах воспитания предшествовало определение цели и задачи педагогической системы — подготовить для общества просвещенного добродетельного человека и гражданина. Так от прославления добродетельных патриотов («Московское издание») Новиков переходит как «практический нравственный философ» к воспитанию таких граждан у себя в России.

За два года Новиков дал около десятка статей о воспитании как оригинальных, так и переводных («О воспитании и наставлении детей», «О воспитании», «Фамильный разговор» — статья против применения телесных наказаний,

«Некоторые правила для гофмейстеров», «Письмо о домашних учителях», «О раннем начале учения детей», «О эстетическом воспитании» и др.). Важнейшим принципом педагогической системы Новикова было уважение к ребенку. «Прибавления» учили видеть в нем свободного человека: ребенок,— читаем мы в одной из статей,— «имеет такие же права, как и мы, с тем только различием, что ему более, нежели нам, нужнее чужая помощь. Мы знаем из естественного закона, что никакой человек не имеет права принуждать без нужды другого человека, чтобы он исполнял его волю против своей собственной» (1784, № 91). Дети «должны учиться уступать необходимости, которая происходит из связи вещей и обстоятельств, а не по непременной воле своих родителей и воспитателей. Первое сделает их кроткими и уступчивыми людьми, а другое подлыми рабами» (там же). Этот гуманизм, поднятый как знамя во всех педагогических статьях новиковского журнала, и определяет роль, которую должны были они сыграть в русском обществе. Передовые идеи, высказанные в статьях о воспитании, еще раз свидетельствуют о широкой образованности Новикова, о внимательном изучении им передовой философской и научной мысли его времени и, главное, об антифеодальном, антикрепостническом, подлинно просветительском характере воззрений их автора.

Центральное место в журнале занимает оригинальная статья «О воспитании и наставлении детей для распространения общеполезных знаний и всеобщего благополучия», печатавшаяся в течение целого года в двадцати трех номерах журнала. Статья эта — несомненно новиковская. Она естественно и органически развивает мысли, высказанные Новиковым в статьях, напечатанных в «Утреннем свете» и «Московском издании».

Системы воспитания Руссо и Локка были самыми передовыми в XVIII веке. Руссо провозгласил принцип естественного воспитания, высказался за развитие в человеке здоровых природных инстинктов и чувств. Локк требовал систематического дисциплинированного воспитания ребенка разумным педагогом. В статье «О воспитании и наставлении детей» Новиков при изложении своих воззрений пропагандирует те черты педагогики Руссо и Локка, которые казались ему приемлемыми. Но — характерная особенность — Новиков смело отказывается от того, что представляется

ему непригодным, не отвечающим требованиям и задачам русского просвещения. Так, Новиков не принимает теорию уединения Руссо, не согласен с отрицанием значения общественного воспитания, выступает против локковской недооценки школы. Новиков обосновывал преимущество общественного образования перед домашним, ополчался против телесных наказаний, требовал развития инициативы у воспитанников, приучения их к самостоятельной деятельности, направленной на благо других, указывал на необходимость развития эстетических вкусов у ребенка. Журнал требовал, чтобы педагог давал ребенку обширный и свежий материал из различных областей человеческого знания, приучал его к размышлениям, развивал его стремление к «действительности».

Но главное, в чем расходился Новиков с системой Руссо и Локка,— в определении целей воспитания. Руссо воспитывал «прежде всего человека», потому что «общественное воспитание не существует более и не может существовать, потому что там, где нет более отечества, не может быть и граждан».[1] Локк воспитывал «джентльмена», практического человека, умеющего разумно и прибыльно вести свои дела. Эти идеи воспитания основоположников буржуазной нравственности были неприемлемы для русского просвещения. Еще учитель Новикова Николай Поповский, переводя локковское сочинение (переизданное Новиковым в 1788 году), в предисловии к переводу писал, что Локк не был и не мог быть «вселенским учителем», что «некоторые правила г. Локка были с обыкновением других народов несогласны».[2] Новиков в своих статьях и делал завещанные Поповским «прибавления, убавления, перемены» в соответствии «с обыкновением» русского народа, нуждами и потребностями русского просвещения.

Новиковская педагогическая система распадается на три раздела: воспитание физическое, нравственное и разумное. В главе «О телесном или физическом воспитании» излагались правила, следование которым сделает возможным нормальное развитие физических данных человека, закалит

---

[1] Ж.-Ж. Руссо. Эмиль, или о воспитании, СПБ., 1912, стр. 15.
[2] «О воспитании детей г. Локка», М., 1788, стр. V.

его тело, сделает его выносливым. В главе даны обширные сведения из области медицины и гигиены. В разделе «О нравственном воспитании» определялась главная задача: «стараться образовать разум и сердце дитяти». Здесь необходимо отметить подчеркивание равномерного развития как сердца, так и ума. Специально о необходимости образования, о роли знаний, просвещения в обществе говорится в главе «О воспитании разумном». Здесь Новиков излагает шесть принципов, на основе которых необходимо вести образование ума ребенка. В той же главе мы найдем кратко и точно сформулированный главный тезис новиковского этического учения, в котором за разумом, этим «путеводителем» человека, закреплена ведущая роль в воспитании характера и гражданских добродетелей. «В натуре нашей основано, чтоб воля наша в большей части случаев следовала познаниям и предписаниям разума. Мы желаем того только, что представляем себе добром; если ж иногда к добру мы беспристрастны или ненавидим его, а зла желаем и ищем, то почитаем мы тогда добро злом, а зло добром. И так чем справедливее мыслим мы и рассуждаем и чем удобнее и натуральнее соделался для нас сей образ мыслить и рассуждать, тем справедливее будут определения нашей воли и происходящие от того желания и отвращения. Следовательно, чем рачительнее обработывается и образуется разум дитяти или юноши, тем большего можно надеяться успеха в рассуждении образования его сердца» (1783, № 84).

Но главным в педагогических статьях Новикова была полемика с Екатериной. Свой общественно-литературный путь Новиков начал с выступления против Екатерины-сатирика. С тех пор в течение всей жизни он отважно выступал и против екатерининской политики и против екатерининских сочинений, борясь с ними с позиций просвещения. В 1782 году им были выпущены сатирические рассказы «Пословицы российские», не только обличавшие Екатерину лично, но и ее фальсификаторские упражнения в области русской пословицы. Педагогические статьи в «Прибавлениях» были новым и последним выпадом просветителя, на этот раз против педагогических экзерсисов императрицы. После окончания печатания этих статей, с 1785 года, Екатерина начала открытые полицейские гонения на Новикова.

Вопросами воспитания Екатерина занялась особо пристально после восстания Пугачева. На всех мероприятиях правительства по школьному образованию этих лет, на выработанных Екатериною и Бецким принципах народных училищ, на теоретических воззрениях по вопросам воспитания лежит печать страха перед новой пугачевщиной. Отсюда решение Екатерины взять дело образования под непосредственный контроль правительства. Отсюда постановка политической задачи перед созданными народными училищами — всячески нейтрализовать воздействие на молодое поколение демократической идеологии, всемерно усилить воспитание верноподданных и преданных престолу рабов.

Как всегда, Екатерина в решении важных задач обращалась за помощью к Западу. Здесь она также пошла по проторенному пути, пути применения новейших педагогических систем, какими были системы Локка и Руссо, к нуждам русского самодержавия.

Выступление Руссо против общественного воспитания оказалось вполне приемлемым для Екатерины. Бецкий по ее указанию разрабатывает педагогическую систему, целью которой было создание «новой породы людей». Достигалось это полным изгнанием из образования принципа общественного воспитания ребенка. Ребенок, отдаваемый в школу, полностью изолировался от среды, от окружающей его жизни; исключалось даже влияние семьи. Всю заботу брало на себя государство, которое должно было воспитывать верноподданных. Так чудовищно искажалась теория Руссо, к таким неожиданным последствиям приводила проповедуемая им полезность уединения и необходимость изоляции ребенка.

Своего рода манифестом педагогических воззрений русского самодержавия является книга «О должностях человека и гражданина», выпущенная по повелению Екатерины II в 1783 году как «книга, к чтению определенная в народных городских училищах». «Камнем веры» самодержавной педагогики была идея «образцового послушания».

Первым же пунктом определялось сохранение в качестве незыблемой основы существования сословно-крепостнических отношений в России: «Во всяком звании можно быть благополучным. . . Благость божия ни единого человека не исключила от благополучия: граждане, ремесленники, поселяне, также рабы и наемники могут быть благополучными

людьми».[1] Эта же мысль даже выражена для вящего назидания в стихах:

Что господом дано, ты тем и наслаждайся,
Чего же не дано, о том не сокрушайся.[2]

Хотя книга и называлась «О должностях человека и гражданина», но она ничего не говорила ни о воспитании человека, ни о воспитании гражданина. Эти слова были исключены из текста книги. Вместо них употреблено было другое понятие — «сын отечества». О воспитании «сынов отечества» и шла речь в книге. Это обращение к понятию «сын отечества» не случайно. В документах народной публицистики XVIII века, в знаменитых манифестах Пугачева, говорилось о том, что крестьянина восставать на своего барина-дворянина побуждает патриотический долг, что те, кто идет за Пугачевым, кто расправляется с мучителями-помещиками, кто сбрасывает с себя путы рабства и становится свободным, тот, и только тот, есть «истинный сын отечества». Таким образом восставший народ счел нужным переосмыслить официальный термин «сын отечества», вложив в старое понятие новое, революционное содержание.

Учитывая опыт пугачевского восстания, Екатерина после 1775 года во всей своей идеологической и политической деятельности стала проповедовать идею «образцового послушания» народа. Эта идея лежит в основании и данной книги, которая, безусловно, если не написана самой Екатериной, то вдохновлена ею. Во всяком случае, память о пугачевских манифестах и, в частности, о революционном истолковании понятия «сына отечества» совершенно очевидно наложила свою печать на эту книгу. Именно здесь мы сталкиваемся с намерением Екатерины дать свое и единственное толкование понятия «сын отечества». Поэтому в центре книги и стоят определение понятия «сын отечества» и учение о его «должностях».

«Истинный сын отечества должен,— читаем мы там,— привязан быть к государству, образу правления, к началь-

---

[1] «О должностях человека и гражданина, книга, к чтению определенная в народных городских училищах империи, изданная по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины II», СПБ., 1783, стр. 1—2.

[2] Там же, стр. 29.

ству и к законам. Любовь к отечеству состоит в том, дабы мы почтение и благодарность являли к правительству, чтобы покорялись законам».[1]

Из этого определения «сына отечества» следовали его «должности»: «Первая должность сына отечества есть не говорить, ниже делать что-либо предосудительное в рассуждении правительства, и потому всякие возмутительные поступки, как то: роптание, худые рассуждения, поносительные и дерзкие слова против государственного учреждения и правления, суть преступление против отечества и строгого наказания достойны».[2]

«Повиновение есть вторая должность сына отечества. Каждый обязан повиноваться и в таком случае, когда повиновение кажется быть тяжко и когда думается, что законам инаковым бы быть долженствовало». Наличие рабства в России не должно вызывать «роптание», ибо это разделение на рабов и господ определено самим богом: «Общество сие господ и слуг богу отнюдь не противно, поелику есть заповеди божии, кои как господам, так и слугам, свободным и рабам должности их предписывают».

Но самодержавная педагогика учила повиноваться не только государю и закону, но и всем местным властям, «которые от государя»; повиноваться необходимо потому, что только они несут благо, потому, что самодержавие и рабство есть идеальное устройство общества. «Начальники могут и долженствуют все сие лучше и основательнее знать; почему упование на прозорливость и праводушие правителей есть третья должность сына отечества».[3]

Новиковское педагогическое сочинение прямо направлено против этой самодержавной педагогики. Цель воспитания Екатерины — верноподданные «сыны отечества». Цель воспитания Новикова — «образовать детей счастливыми людьми и полезными гражданами». Екатерина проповедует принцип сословности, Новиков провозглашает равенство людей, обосновывая внесословную ценность человека. Екатерина и Бецкий требовали и создавали школьное образование под началом государства, отделяя ребенка от семьи и общества. Новиков настаивает в своих статьях на принци-

---

[1] «О должностях. . .», стр. 117.
[2] Там же, стр. 122.
[3] Там же, стр. 123.

пах общественного воспитания, открыто выступая против мнения Бецкого, обосновывая большую роль семьи и учителя в воспитании ребенка.

В этом выступлении против екатерининской системы воспитания — сила Новикова. В противопоставлении системе воспитания рабов просветительской гуманистической теории воспитания истинного патриота и гражданина его заслуга. Но нельзя не отметить, что это противопоставление было сделано слишком робко. Поэтому, между прочим, Новиков выступал слабо и нерешительно против центрального тезиса этой педагогики — проповеди послушания. Правда, Новиков воспитывал деятельного человека, воспитывал разум, который должен был определять поступки гражданина и патриота. Но выступить резко и категорически против проповеди послушания мешала Новикову его просветительская ограниченность. Он не был революционером, и это рождало его идейную слабость, его ограниченность, его робость в решении важнейших политических вопросов.

Задачу разгрома педагогической системы самодержавия мог выполнить только революционер. Таким в ту пору был один Радищев. Вот почему он не мог не выступить против екатерининской педагогики. Вопросы воспитания стояли в центре его внимания в 80-е годы. Они разрабатываются Радищевым в «Житии Ушакова» и «Путешествии из Петербурга в Москву». Но Радищев открыто выступает против центрального тезиса екатерининского сочинения. В 1789 году он печатает «Беседу о том, что есть сын отечества». Реакционному толкованию этого понятия, вкоренявшемуся по повелению Екатерины во всех российских школах, Радищев противопоставляет революционное. Истинный сын отечества, — заявляет он,— это не послушный раб и слепой исполнитель воли начальника, не ничтожный верноподданный, а свободный человек, мститель, бунтарь. Вот почему «истинным сыном отечества»,— утверждает Радищев,— не может быть ни рабовладелец, ни раб. Только революция сделает крепостных истинными сынами отечества. Любить отечество,— утверждает Радищев,— значит желать видеть его свободным, значит стремиться уничтожить самодержавие, рабство, значит возвести царя на плаху и перебить дворянское племя. Так Радищев возвращает понятию «истинный сын отечества» его демократический смысл, тот,

который впервые определился в годы крестьянской войны и был сформулирован в манифестах Пугачева. Но радищевское понимание «сына отечества» безмерно идейно глубже, ибо оно есть звено его учения о народной революции.

IV

К вопросам торговли Новиков подходит также с позиций философии и политики. Цикл статей, посвященных этой «материи»,— «Размышление о предприятиях, касающихся до торговли с Северной Америкой», «О употреблении чаю» и др.— возглавляется огромным трактатом «О торговле вообще». Статья печаталась в тридцати восьми номерах журнала за 1783 год. В статье утверждалось, что торговля, как показывает опыт столетия, это «важное для человечества дело». В нынешний век просвещения, создания науки о торговле, «озарено светом рассудка и философии то влияние, которое может она иметь во всякую часть государственного состава». В свете философии статья и рассказывает о торговле Англии, Франции, Испании, Дании, Голландии, Африки, в английских владениях Америки и во многих других странах мира. Автор трактата утверждает: торговля имеет огромное влияние на благополучие государств и наций, но она процветает только в тех государствах, где гражданам гарантированы законные права, где существует свобода, где правительства способствуют ее развитию своей политикой. «В деспотических государствах торговля слаба». Примеры истории,— излюбленный прием Новикова подтверждать свою мысль примерами из истории,— красноречиво говорят об этом: голландцы только тогда добились успеха в торговле, когда решили «переломить железный скиптр, их угнетавший, и поднять главу свою из вод, дабы владычествовать над морями» (1783, № 11). Трактат «О торговле вообще», как и все другие статьи, разрабатывавшие ту же проблему, свидетельствует о необыкновенно остром политическом чувстве Новикова, о его зоркости и исторической проницательности. Так ставить вопрос о торговле, как его ставит Новиков,— торговля тесно связана с благополучием государства, а успех ее развития и расцвета определен свободой,— значило быть не только хорошо осведомленным в теоретиче-

ской литературе, посвященной торговле (автор упоминает о работах Рейналя, Локка, Юма и др.), но и уметь делать самостоятельные выводы из политических событий последнего десятилетия. Надо помнить, что центральной проблемой национально-освободительной войны Америки была проблема свободной торговли: борьба шла прежде всего против ограничений этой торговли деспотическим режимом короля Георга III и правительства Норта. Участие Франции и Испании в этой войне определялось выгодами торговли с новым независимым государством. Вооруженный нейтралитет России предусматривал, прежде всего, свободу торговли нейтральных стран со всеми государствами мира. Вот почему статьи о торговле, напечатанные в «Прибавлениях», носят такой злободневный политический характер; при этом они доказывают выгодность и необходимость для нации свободы, они указывают условия процветания и благополучия государства.

Что дело обстояло именно так, что Новиков чутко улавливал пульс современной жизни и отлично разбирался в политической жизни мира, свидетельствуют статьи политического «отдела» журнала. Уже один только перечень названий говорит сам за себя: «О влиянии независимости соединенных областей Северо-Американских в политическое состояние Европы», «О новой Британской области в новой Шотландии», «Краткое описание жизни и характера генерала Васгинтона», «Епохи английской морской силы», «Известия о Пенсильвании», «О провинции Виргиния», «Краткое повествование о приключениях с бенгалами под властью англинской Ост-Индской компании», «О прибытках, полученных англинскою Ост-Индскою компаниею и служителями ее в Бенгалах». Из восьми статей — шесть об Америке и Англии.

Статья «О влиянии независимости соединенных областей Северо-Американских в политическое состояние Европы» начиналась так: «Объявление независимости соединенных Северо-Американских областей принадлежит к самоважнейшим приключениям нашего века» [1] (1784, № 39). Автор статьи, профессор Геберлин, хотя и считает,

---

[1] Характерная деталь: примерно в то же время (1782 год) Шварц в своем журнале «Вечерняя заря» печатает статью «Египетское учение о влиянии божества в человека».

что конституционная монархия, пожалуй, была бы лучше установленной республики, но все же объявляет Америку страной истинной свободы, высказывает предположение, что она, «вероятно, будет прибежищем свободы, изгнанной из Европы роскошью и развратом». Биография Вашингтона написана панегирически, герой американской революции «за то, что основал республику», ставится выше многих исторических героев. В статье «Краткое повествование о приключениях с бенгалами» рассказывается о том, как богатое государство пришло в упадок вследствие политики Ост-Индской компании. Английская компания установила в стране режим произвола, деспотизма, отняв у жителей свободу и право собственности, решая все вопросы управления страной только силой оружия. Автор делает вывод, что англичанам надлежало знать, «что свобода и собственность суть основания всего благосостояния; но они думали, что имели дело с людьми другого рода, которые отвыкли уже от сего великого права и с которыми можно было долго еще поступать по произволению» (1784, № 9).

Политические мотивы определяют все содержание журнала. Даже в статьях географических, как, например, в статье «Краткое описание нынешнего состояния Турции», Новиков выбирает такого автора, который считает необходимым подчеркнуть, что именно рабство и деспотизм ведут к упадку и оскудению государства. «Народ, беспрестанно притесняемый государем, пашами и их подчиненными, оставляет в запустении прекрасную землю и не хочет приобретать себе собственности, которая не осталась бы у него, но наконец перешла бы в руки деспотических его владельцев. Нация, знающая свое невольничество, становится ленива и ослабевает» (1784, № 37). Читатели «Прибавлений» отлично понимали политический смысл таких утверждений и свободно делали сопоставления и выводы.

Отношение Новикова к рабству, как мы видели, в эти годы непримиримо. Он далек от розенкрейцерского равнодушия к политическому и экономическому положению народа. Он противник рабства как системы и не хочет удовлетвориться только принципом моральной свободы. Об этом он писал в «Московском издании»; проповедью свободы и ненавистью к рабству, угнетению человека человеком пронизаны статьи о воспитании, наконец, прямым выпадом против «невольничества», против рабства негров,

против «права, присвояемого белым человеком», выступил Новиков в «Примечании» к статье «Понятие о торге невольниками», напечатанной в «Прибавлении».

В целом ряде статей «Прибавлений» Новиков обрушивается на религиозный фанатизм и ханжество церковников. Это было продолжением начатой еще в «Живописце» и «Московском издании» борьбы против поповщины. Вот как, например, отзываются «Прибавления» об испанском духовенстве и деятельности испанской церкви: «Сии люди, не работая, съедают самолучшие плоды человеческих трудов и в поноснейшей праздности утучняются мозгом государства. Они строят алтари суеверию и называют то религиею, чтобы споспешествовать невежеству своих сочеловеков и отнимать у здравого рассудка изряднейшие его свойства» (1784, № 36). Это позиция типичного просветителя. Недаром в том же 1784 году в своей типографии Новиков печатает сатирические произведения Вольтера, направленные против церковников и фанатизма.

Таким образом естественным оказалось напечатание статьи, разоблачающей иезуитов,— «История ордена иезуитов». Именно в это время оживленная деятельность иезуитов в Европе, и в частности в Германии, вызвала протест в среде немецких просветителей. Друг Лессинга — Николаи — начинает вести борьбу с иезуитами. «Святые отцы» ордена, найдя поддержку у Екатерины, развернули свою работу в России. Выступление Новикова единым фронтом с европейскими просветителями было косвенно направлено и против Екатерины, покровительствовавшей ордену. Императрица, зорко следившая за деятельностью Новикова, не оставила без внимания этого выпада. Немедленно она отправила указ генерал-поручику Архарову с повелением запретить «печатание ругательной истории ордена иезуитского». Гонения на «Прибавления» начались еще раньше, чем стала печататься статья «О влиянии успеха наук в человеческие нравы и образ мыслей». Из статьи, рассчитанной на четыре номера, «Прибавления» успели напечатать только первую часть в номере шестьдесят первом. Предположение Незеленова,[1] что недовольство Екатерины новиковским журналом, проявившееся в отношении этих

---

[1] А. Незеленов. Новиков — издатель журналов, стр. 360—361.

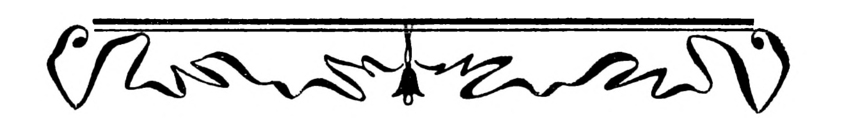
двух названных статей, в действительности вызвано всеми политическими статьями журнала, мне кажется правильным. Действительно, настойчивость Новикова в освещении американских событий, прославление героев революции Вашингтона и Франклина (известно, как не любила Екатерина Франклина, видя в нем «начинщика» и виновника многих бед), ряд статей о влиянии революции на ход мировой политики, наконец, стремление делать выводы из современных событий, устанавливать закономерности вроде того, что только свобода есть условие процветания народов, государств, торговли, наук и искусств,— вся долголетняя пропаганда этих идей среди возрастающего круга читателей не могла пройти мимо внимания Екатерины, не могла ей и понравиться. Факты свидетельствуют, что императрица все пристальнее присматривалась в восьмидесятые годы к деятельности Новикова, начиная искать поводов для того, чтобы ее прекратить. Екатерина понимала, что так просто, без приготовлений, схватить Новикова и посадить в крепость нельзя — он был видной фигурой, популярным человеком, его знали, уважали и любили.

По свидетельству Лопухина, которому рассказывал «сам» князь Прозоровский, Екатерина неоднократно говорила московскому главнокомандующему: «Для чего не арестует он Новикова? «Тотчас, если только приказать изволите»,— отвечал всегда князь. «Нет, надобно прежде найти причину»,— всегда отзывалась самодержица, предубежденная гневом».[1] Несколько лет пришлось Екатерине терпеть и сдерживать себя, тщательно выискивая такие «причины», которые позволили бы ей раз и навсегда разделаться со своим «вечным спутником», Новиковым, разделаться таким образом, чтобы не скомпрометировать себя преследованием известного русского просветителя.

---

[1] И. Лопухин. Записки, стр. 54.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

I

Белинский точно и исторически верно определил значение просветительской деятельности Новикова-книгоиздателя для русской литературы и «русской образованности». В 1847 году он писал: «Всякая сфера деятельности бесконечно разнообразна и требует различных деятелей... Нужно ли говорить, какое великое влияние на успехи литературы может иногда иметь книгопродавец-издатель? Вспомним Новикова. Этот человек — столь мало у нас известный и оцененный (по причине почти совершенного отсутствия публичности) — имел сильное влияние на движе-

ние русской литературы и, следовательно, русской образованности... Владея значительными средствами, он издавал множество книг в такое время, когда у нас почти вовсе не было книг. Но и в этом случае он действовал не как книгопродавец, хотя в то время и роль дельного книгопродавца была бы еще благодетельнее, нежели как могла бы она быть теперь. Нет! Новиков не был книгопродавцем: нажиться продажею книг нисколько не было его целью. Благородная натура этого человека постоянно одушевлялась высокою гражданскою страстию — разливать свет образования в своем отечестве. И он увидел могущественное средство для достижения этой цели в распространении в обществе страсти к чтению. Для чтения нужны книги и журналы, а их-то и не было тогда. И вот Новиков издает книги и журналы, всюду ищет молодых людей, способных или охотливых к книжному делу. Знающим иностранные языки он заказывает переводы, у стихотворцев печатает стихи, у прозаиков — прозу; всех одобряет и понуждает, бедным дает средства к образованию. Кому неизвестно, что сам Карамзин многим был обязан Новикову? Если бы это и несправедливо было приписано Новикову, все же это важный факт в его пользу. Когда явился Пушкин, всякое ходячее по рукам стихотворение, действительно хорошее или только казавшееся хорошим, приписывалось Пушкину, хотя бы и вовсе не принадлежало ему. Так и Новикову приписывалось издание всякой книги и одобрение всякого таланта: это выразительно указывает на его роль на сцене русской литературы» (X, 309—310).

Ключевский, занявшись как историк обширной издательской деятельностью Новикова, пришел к выводу: «В продолжение десяти арендных лет издательская и книгопродавческая деятельность Новикова в Москве вносила в русское общество новые знания, вкусы, впечатления, настраивала умы в одном направлении, из разнохарактерных читателей складывала однородную читающую публику, и сквозь вызванную ею усиленную работу переводчиков, сочинителей, типографий, книжных лавок, книг, журналов и возбужденных ими толков стало пробиваться то, с чем еще было незнакомо русское просвещенное общество: это — общественное мнение. Я едва ли ошибусь, если отнесу его зарождение к годам московской деятельности

Новикова — к этому новиковскому десятилетию» (1779—1789).[1]

За количеством книг, журналов, газет, книжных лавок Ключевский увидел и определил качество этой деятельности — помощь в оформлении общественного мнения. Как уже говорилось выше, русская действительность, политические события века были тем могучим фактором, который сплотил русских просвещенных людей и выдвинул из их среды передовых мыслителей и определил пути складывавшейся в России общественности. Новиков, создавший в Москве настоящий центр русского просвещения, способствовал этому важному историческому процессу, как способствовал росту самосознания широких кругов людей, никогда до того не державших книги в руках, которым он привил любовь к наукам, к знанию, к политике, страсть к постоянному систематическому чтению. «Люди, близкие к тому времени и к самому Новикову,— пишет Ключевский,— утверждали, что он не распространил, а создал у нас любовь к наукам и охоту к чтению; что благодаря широкой организации сбыта и энергичному ведению дела новиковская книга стала проникать в самые отдаленные захолустья, и скоро не только европейская Россия, но и Сибирь начала читать».[2]

Новиков отлично понимал, что только соединенными силами многих людей можно будет осуществить весь тот грандиозный план просвещения русского народа, который сложился в его пылкой, но практической голове. Как истый просветитель и настоящий литератор, любящий свою отечественную литературу, он начинает объединять вокруг своих типографий десятки нужных ему людей, собирает разобщенных писателей, переводчиков, ученых, редакторов вокруг реального живого дела — просвещения отечества. Деловыми связями — изданием сочинений, заказами переводов — закрепляет он отношения с известными писателями, делая их своими постоянными сотрудниками,— с Фонвизиным, Княжниным, Николевым, Чулковым, Левшиным, Херасковым и др. Издательские планы: книги для простого народа — всевозможные лечебники, руководства, советы

---

[1] В. Ключевский. Очерки и речи. Второй сборник статей, П., 1919, стр. 269—270.
[2] Там же, стр. 268.

хозяину; пособия для школ — буквари, первые книги для чтения, грамматики; руководства для торговых людей, купцов и чиновников, словари юридические, своды указов, справочники о международной торговле,— все это требовало людей ученых, со специальным образованием. Новиков ищет и находит их прежде всего в Московском университете. Профессора Дмитрий Синьковский, Петр Страхов, Антон Барсов привлекаются Новиковым, редактируют, составляют, переводят нужные ему книги. Известные профессора-демократы Семен Десницкий, Семен Зыбелин и Дмитрий Аничков привлекаются Новиковым не только как авторы и переводчики, но, прежде всего, как советчики, редакторы. Десницкий после перевода «Истолкования английских законов» Блэкстона предложил Новикову книгу «Наставник земледельческий, или краткое аглинского хлебопашества показание в приуготовлении земли новым способом под хлеб». Вероятно, он же предлагает книгу, составленную священником русской миссии в Лондоне Самборским,— «Описание практического аглинского земледелия». Книга эта вышла под специальным «смотрением профессора Семена Десницкого». Именно здесь, в издательском кабинете Новикова, решено было напечатать «Слово похвальное Екатерине II», написанное профессором Зыбелиным, в котором демонстративно, в 1787 году, прославлялась давно разогнанная Комиссия по составлению нового Уложения: здесь же определилось намерение дать русскому читателю книгу Локка о воспитании в переводе профессора Николая Поповского.

Для того чтобы познакомить русского читателя с новинками Западной Европы в области художественной литературы, философии, истории, экономики, нравоучения и т. д., необходимо было найти, подготовить и закрепить за издательством десятки переводчиков. Новиков вербует переводчиков всюду: из круга известных писателей, из воспитанников университета, из среды молодых начинающих литераторов, профессоров и т. д. За тринадцать лет работы вокруг новиковских типографий сплотились, кроме того, и кадры опытных профессиональных переводчиков, ставших постоянными сотрудниками Новикова,— Писарев, Николай Страхов, Свистунов, Костров и многие другие. К этому авторскому коллективу, занятому изданием книг, необходимо прибавить десятки переводчиков и писателей, сотруд-

ничавших в новиковских журналах, «Прибавлениях» и газете, сотни людей, распространявших напечатанные книги,— в Москве — в университетской лавке, в лавке Кольчугина, и в восемнадцати городах России — от Архангельска до Киева, от Петербурга до Симбирска и Казани,— чтобы представить себе размах новиковского предприятия, чтобы понять, какой реальной огромной силой и в литературе и в обществе был московский просветительский центр.

Чувствуя поддержку передовой интеллигенции, Новиков с каждым годом увеличивал размах своей деятельности. Впереди был 1789 год, когда кончался срок аренды типографии Московского университета, надо было думать о создании своей, независимой от правительства, издательской базы. Отсюда и планы Типографической компании, чтобы на общественный капитал создать совершенную в техническом отношении и более мощную типографию. Собранный капитал достигал огромной по тому времени суммы — около ста тысяч рублей, что в переводе на золотой рубль 1914 года означает свыше полумиллиона рублей. В опытных руках Новикова типография стала приносить доход, который равнялся сорока тысячам в год, а иногда доходил до восьмидесяти тысяч (показания Новикова Шешковскому). Все получаемые прибыли пускались снова в оборот для расширения тиражей и издательских планов. О размахе новиковского предприятия к концу восьмидесятых годов можно судить по тому, что после ликвидации Компании, несмотря на обширный сбыт изданных книг, их осталось еще нераспроданных по каталожной цене на сумму около семисот тысяч, то есть в переводе на курс 1914 года — более четырех миллионов рублей.

Новиковские книги составили значительный фонд в общей сумме всех изданных в XVIII веке русских книг.

За период 1771—1780 годы в России было напечатано всего 1466 книг, из них Новиковым, только начинавшим книгоиздательское дело, 167, или 11%. В следующем десятилетии удельный вес новиковских изданий резко возрастает. За 1781—1790 годы было издано всего в России 2685 книг, из них Новиковым 749, или 28%.

Какие же книги издавал он? В существующей исследовательской литературе его книгоиздательство, как и все вопросы новиковской деятельности, оценивается противоречиво. Ключевский, как мы видим, считает все издания

Новикова полезными, нужными и прогрессивными. Иные исследователи — Пыпин, прежде всего,— считают, что новиковские типографии занимались пропагандой мистических книг. Пыпин, например, изданные Новиковым книги делит на три группы: 1) книги, никакого отношения к масонству не имеющие, но отличающиеся мистическими свойствами; 2) собственно масонские книги; 3) книги, содержащие идеи розенкрейцерства и алхимические фантазии.[1] Эта классификация подтверждается нарочитым подбором книг, произвольно называемых мистическими. Так, чтобы доказать мистический дух изданий первого раздела, Пыпин ставит в один ряд такие книги: Иоанн Масон «Познание самого себя» и «Потерянный рай» Мильтона, Якова Бёме и Клопштока, Геснера и Иоанна Златоуста, Юнга и Феофана Прокоповича и т. д. Все они объявляются мистическими только потому, что «соответствовали мистическим стремлениям масонов». Тенденциозный характер такого подбора совершенно очевиден, тем более, что Пыпин не замечает, не хочет видеть других изданий и составляет длинный список «страшных книг» только для того, чтобы придать убедительность своим построениям.

Чтобы разобраться в том, что издал Новиков, обратимся к его книгам. Всего с 1779 по 1792 год все типографии Новикова — университетская, Компании, лопухинская — издали 891 книгу. Проведем классификацию и приблизительный подсчет книг по разделам. Приблизительный потому, что трудно установить точные признаки той или иной группы книг.

Группа первая — художественная литература — стихи, проза, драмы — русские и переводные: 384 книги. Вторая — сочинения по истории, философии, экономике и политике: 120. Третья — учебные пособия, практические наставления (лечебники, словари и т. д.), официальные документы: 194. Итак, три группы изданий, ничего общего не имеющих не только с масонством, но и с «нравоучением» и религией, составляют 698 книг. Что же представляют собой остальные книги? В лопухинской типографии трудов масонских, орденских и мистических издано 33. Тайно «сокровенных книг» напечатано 16. Вот эти 49 книг — действительно масонские и мистические, к которым Новиков не

[1] А. Пыпин, Русское масонство, стр. 234—236.

имел никакого отношения. В своих типографиях Новиков напечатал всего лишь 17 масонских книг. Остальное — это нравоучения: переводы английских, французских и немецких авторов; это — проповеди русских архиепископов и митрополитов (например, проповеди Платона), издавать которые Новиков как арендатор университетской типографии был должен; это — церковные истории и всевозможные краткие «поучения», «како подобает стояти в церкви божией во время службы», сочинения Феофана Прокоповича, наконец, всевозможные «священные размышления» и сочинения отцов церкви — Иоанна Златоуста, блаженного Августина, житие Сергия Радонежского и т. д.

Итак, за тринадцать лет, после усилий всех розенкрейцеров — Шварца, Шредера, Лопухина, Тургенева, Трубецкого и других, в результате бесчисленных нажимов и приказаний (вспомним письма Коловиона к Начальнику), в трех типографиях, где хозяйничал не только Новиков, но и Лопухин, издано 66 правоверно-масонских или мистических книг. Что инициатива издания этих книг принадлежала не Новикову, а «старшим братьям», свидетельствует ряд фактов. Книгу «Хризомандер», как и многие другие, привез из Германии Шварц и сам поручил перевести ее своему ученику Петрову. Книги Масона — «Познание самого себя», против которой выступал Новиков в «Утреннем свете», Арндта — «О истинном христианстве», «Апологию или защищение вольных каменщиков» перевел Тургенев. Лопухин, который с гордостью заявлял о своем увлечении мистикой, переводил многие из этих книг и наблюдал за их изданием в своей типографии. Заслуживает внимания характерная деталь: 33 из 50 (исключая 16 книг, напечатанных тайно) масонских книг было напечатано в типографии Лопухина, специально заведенной для издания орденской литературы в годы 1784—1785. После того как в 1786 году лопухинская типография слилась с типографией Компании, где полным хозяином был Новиков, печатание мистических и масонских книг почти совсем прекратилось.

По журналам «Утренний свет», «Московское издание», «Прибавление» мы знаем, что̀ интересовало Новикова, переводить сочинения каких авторов давал он. Это произведения Бэкона, Дидро, Локка, Руссо, Мендельсона, Вольтера и т. д. Для целей просвещения Новикову нужны были не книги, рекомендуемые «братьями масонами».

Истинный характер направления книгоиздательства, прежде всего, определяют сочинения по философии и литературе современных авторов. Посмотрим же, кого из современных писателей и философов издавал Новиков. Начнем с Англии. Типографиями Новикова были изданы — Локк («О воспитании»), Свифт («Похождения Гулливера»), Шеридан («Школа клеветы»), Смоллет, Фильдинг, Стерн, Юнг, Блэкстон, Поп, Гольдсмит и многие другие. Германия представлена Лессингом («Эмилия Галотти», «Солдатское счастье», «Клад»), Клопштоком, Виландом, Геллертом, Геснером и др. Главным же источником переводных книг для Новикова была Франция. Помимо многочисленных изданий произведений Мольера, Корнеля, Расина и других писателей прошедшего столетия, Новиков поставил перед собой задачу дать русскому читателю ряд произведений корифеев просвещения. Поэтому переводы Вольтера — и отдельные произведения и «собрания сатирических и философских сочинений» — по количеству стоят на первом месте — 14 книг. В таком количестве не переводился и не издавался ни один автор. Стоит отметить, что сатирические и философские направленные против церкви сочинения начинают выходить у Новикова с 1783 года и позднее. Издаются также сочинения Даламбера, оба известных «Рассуждения» Руссо и другие его произведения. Дидро представлен двумя драмами (напомним, что две его повести были изданы в «Городской и деревенской библиотеке»), Бомарше — пьесой «Беглец» и т. д. При чтении росписи изданных Новиковым книг обращает на себя внимание отчетливая ориентация на литературу нового, антифеодального направления.

Издание сочинений, подобных перечисленным, дополнялось десятками книг по истории, экономике и политике. Подбор произведений этого раздела определялся теми же соображениями, какими определялось содержание политического отдела журнала «Прибавление». Так, оказалось изданным новейшее сочинение, уже учитывавшее опыт национально-освободительной войны Америки,— «История о аглинской торговле, мануфактурах, селениях и мореплавании оныя в древние, средние и новейшие времена до 1776 года, с *достоверным показанием справедливых причин нынешней войны в Северной Америке*» (подчеркнуто мною.— *Г. М.*). Книга

была издана в 1783 году. В 1787 году выпускается в переводе с французского «Амстердамский мещанин, беспристрастный политик, или письмо одного голландца к своему марсельскому корреспонденту о пришествии российского флота в Средиземное море». Печатаются также «Новое путешествие в Западную Индию» (то есть Северную Америку), «Вильгельма Пэна, основателя и законодателя Пенсильванской провинции, плоды уединения» и ряд других подобных им книг.

Таким образом простое знакомство с книгами прикладного характера и с переводами сочинений по философии, политике, литературе убеждает нас, что, отбирая книги для переводов, Новиков руководствовался принципами подлинного просветительства.

Отечественная словесность для Новикова была предметом особых забот. Глубокая историческая мысль о великом прошлом русского народа, о «древних российских добродетелях», о самобытном национальном характере «россиян» определила его издательскую политику. Поэтому, помимо издания новых произведений русских писателей или переиздания старых художественно ценных — Хераскова, Николева, Сумарокова, Аблесимова,— Новиков стремится дать читателю и собрания сочинений. В этом отношении заслуживает внимания издание собрания сочинений Сумарокова, где Новиков выступает в роли редактора; на титульном листе он сообщает: «Собраны и изданы во удовольствие любителей российской учености Николаем Новиковым». Как истый собиратель литературы, Новиков приходит на помощь нуждающимся писателям в осуществлении их творческих планов. Так, он привлекает к работе бедствовавшего Аблесимова и безвозмездно печатает его журнал «Рассказчик забавных басен».[1]

Обращается Новиков и к народным песням. Он издает собранные Чулковым песни, сначала в шести частях, а через несколько лет, повторяя издание, печатает сборник в четырех частях.[2] По этим же причинам его привлекают

---

[1] «Рассказчик забавных басен, служащих к чтению в скучное время или когда кому делать нечего. Стихами и прозою», М., университетская типография Новикова, 1781.

[2] Интерес к фольклору мы наблюдаем у Радищева, для которого именно в песнях великолепно обнаруживается национальный характер русского народа. «Кто знает голоса русских народных песен, тот

русские сказки Левшина, содержащие «Повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие, оставшиеся через пересказыванье в памяти, приключения» — десять частей, его же «Вечерние часы, или древние сказки славян древлянских». Не важно в данном случае, что сказки эти были далеко не народные; важны по тем временам ориентация на сказку и настойчивое желание вызвать у современных читателей живое ощущение прошлого своего отечества.

Все эти начинания тесно связаны с новиковским интересом к русской истории. В течение всей своей жизни Новиков не переставал заниматься собиранием документов, их изданием. В 80-е годы, когда он был бесконечно занят журнальными и издательскими делами, он вновь принимается за работу над историческими документами, подготовляя новое издание своей «Вивлиофики». В новое издание он внес исправления, увеличил число документов, привел в хронологический порядок весь материал.

Когда-то Новиков писал: «Будучи рожден и воспитан в недрах отечества, обязан оному за сие служить посильными своими трудами и любить оное, как я и люблю его по врожденному чувствованию и почтению ко древним великим добродетелям, украшавшим наших праотцев и кои некоторых из наших соотечественников еще и ныне осиявают».[1] Потому Новиков и считал своим долгом желать читателям в жизни сей пользоваться «древними российскими добродетелями».

Выступление Новикова в семидесятые годы с проповедью достоинств русского национального характера было глубоко прогрессивным актом, обнаруживавшим ясность его ума. Прежде всего, Новиков обрушивался против попыток унизить характер и достоинства русского народа. На заявление, что у русских нет своего национального характера, он отвечал: «Как будто бы природа, устроившая все вещи с такою премудростию и наделившая все области свойственными климатам их дарованиями и обычаями, столько была

признается, что есть в них нечто, скорбь душевную означающее. Все почти голоса таковых песен суть тону мягкого. На сем музыкальном расположении народного уха умей учреждать бразды правления. В них найдешь образование души нашего народа». А. Радищев. Избранные сочинения, т. I, М., 1938, стр. 230.

[1] Журнал Новикова «Кошелек», 1774, Вместо предисловия.

несправедлива, что одной России, не дав свойственного народу ее характира, определила ей скитаться по всем областям и занимать клочками разных народов разные обычаи, чтобы из сей смеси составить новый, никакому народу не свойственный характир, а еще наипаче россиянину».[1]

Как истый просветитель, Новиков не только высказал свою мысль, но и нашел средство к ее утверждению на практических примерах. Так родилось издание «Древней российской вивлиофики». Задача этого «Собрания древностей» (подлинных исторических документов) состояла в том, чтобы современники могли «увидеть некое начертание нравов их (праотцев) и обычаев и с восхищением познать великость духа их, украшенного простотою». При этом важно помнить, что Новиков был чужд шовинизму и национализму. Он отдавал должное иностранным авторам и с истинной страстью просветителя знакомил русских читателей с достижениями культуры Запада; но считая важным вызывать у «современного читателя» «восхищение великостью духа предков», он издавал сочинения по русской истории. Осуществляя свои намерения, он издает известные 12 томов «Деяний Петра Великого» Ивана Голикова — первую популярную в читательских кругах историю преобразователя России, печатает исторические сочинения Кантемира, Феофана Прокоповича, Штелина, Шлецера, привлекает к работе петербургского историка Миллера. Изданные книги имеют разнообразный характер: это собрания документов, описания жизни исторических деятелей, сборники воспоминаний, анекдотов (например, о Петре Первом) или «Приуготовление истории для детей». Изданные Новиковым многочисленные книги по русской истории сыграли большую роль в воспитании русского общества. Они знакомили читателя с интересным и поучительным материалом, давали возможность познакомиться «с великостью духа предков», они воспитывали в «россиянах» чувство национального достоинства, показывали образцы «русского характира». Именно в этой атмосфере любовного отношения к русской истории и к «российским добродетелям», господствовавшей в новиковском издательстве, и приобрел юноша Карамзин множество сведений о прошлом России и живой интерес к старине.

---

[1] «Кошелек», 1774. Вместо предисловия.

Типичным для Новикова было стремление каждое свое начинание превратить в большое общественное дело. Издательская деятельность вообще немыслима была без широких общественных связей. По масонству Новиков сближается с розенкрейцерами. Как всегда, он и здесь отодвигает от себя специфические орденские дела и упражнения, сохраняя независимость своей деятельности. Веря, что основная масонская доктрина о братстве людей составляет главную цель ордена, Новиков стремится использовать состоящих в масонских организациях людей для больших общественных дел. Отсюда и привлечение «братьев» к своей работе, и создание Типографической компании, и мероприятия, связанные с организацией школ, воспитательных домов, бесплатной аптеки и т. д. Напомню, что примерно в этом ряду стоит и внимание Радищева к полумасонской литературной организации Петербурга — «Обществу друзей словесных наук». Радищев пришел в это общество с целью подчинить его своим более широким общественно-политическим задачам.

Ближайшие годы показали Новикову, что моральное учение розенкрейцеров не совпадало с основами его нравственной философии. Для розенкрейцеров нравственное воспитание — это борьба с самим собой, со своим «я», со своей «самостью». Обуздание желаний и страстей, уход из суетного мира в мир «духовной пустыни» и делало, по убеждениям розенкрейцеров, душу человека доступной воздействию «божественной благодати». Отсюда деятельность розенкрейцеров сводилась к постоянным наблюдениям за самим собой, к молитвам, постам, покаяниям перед «братьями» и «начальником». Такое учение было чуждо Новикову. Последующая эволюция розенкрейцеров к мистицизму, к алхимическим опытам еще более отдалила Новикова от ордена. Поэтому связи Новикова с розенкрейцерами после 1784 года строятся, главным образом, на практических делах по Типографической компании. Личные же отношения с Шварцем, Лопухиным, Тургеневым и другими могли быть близкими (ведь был же другом Радищева правоверный розенкрейцер Кутузов) и потому, повторяю, что доктрина масонства в ее общем виде была не только близка Новикову, но и определяла во многом его мировоззрение. Но это масонство, чуждое мистицизму и антиобщественным

стремлениям розенкрейцеров, Новиков подчинял целям просвещения.

Как же воспринимали книгоиздательскую деятельность Новикова современники, знавшие о его масонстве и видевшие его практическую работу? Для людей восьмидесятых годов Новиков был крупным деятелем литературы и культуры, во многом определявшим идейное развитие общества, «освежавшим силу мыслящую». Вспоминая о годах юности, С. Глинка отметил огромное общественное значение деятельности Новикова: «Умный, деятельный, предприимчивый Николай Иванович Новиков, далеко опередивший свой век изданием Ведомостей московских, Живописца, других многоразличных книг и искусством влияния на умы некоторых вельмож, двигал вслед за собою общество и приучал мыслить». «Н. И. Новиков, двинув умственный ход своего века, перешел и в наше девятнадцатое столетие. Типография Московского университета обязана ему распространением Московских ведомостей и по дальнейшим пределам нашего отечества. А учреждение библиотек по губернским городам есть продолжение мысли его. Видя непомерный разгул роскоши, заполнившей свет столичный и истощавшей быт сельский, он решился отвлечь умы современников от рассеяния к размышлению; средством к тому употребил издание книг. Силой чтения ему удалось сблизить различные сословия, а изданием своего Живописца он огромлял закоснелое невежество, видевшее еще на челе трудолюбивых земледельцев печать Хамову... Трудны были переходы его жизни, но он всегда оставался самим собою. Много перенес он, но могучая мысль человека должна всегда пройти через горнило страдания. Семена и плоды зоркой мысли сами выказывают человека. Вот очевидные следы жизни Н. И. Новикова».[1]

II

Екатерина отлично понимала, с человеком каких масштабов имеет она дело. У Храповицкого находим следующее указание: «Державин мне сказывал, что при нем ее величество меня и А. И. Васильева назвала мартинистами

---

[1] «Записки С. Н. Глинки», СПБ., 1895, стр. 12—13 и 15—16.

и что Новиков сочтен умным и опасным человеком».[1] Умным и опасным человеком считала Екатерина Новикова, а не шарлатаном, невеждой и корыстолюбивым дельцом, занимавшимся «граблением чужих имений», как она его назовет в указе от 1 мая 1792 года. Именно потому, что перед ней был умный и опасный человек, с ним и необходимо было разделаться.

Преследование началось с 1784 года, с запрещения в «Прибавлениях» статьи «История ордена иезуитов». В 1785 году Екатерина приказывает московскому главнокомандующему Брюсу составить роспись книг новиковской типографии. В указе писалось, что у Новикова «выходят многие странные книги», и потому предлагалось архиепископу Платону просмотреть их и выяснить, «не скрывается ли в них умствований, не сходных с простыми и чистыми правилами веры нашей православной и гражданской должности». Самого Новикова Платон должен был «испытать в вере». Но Платон оказался нерадивым следователем. Представленный им отчет не дал никаких улик против Новикова. Это не удовлетворило Екатерину, и в январе 1786 года Брюсу были присланы новые указы, в которых предлагалось вновь заняться расследованием книгоиздательской деятельности Новикова. Главнокомандующий верноподданно доносил, что Новиков был «через управу благочиния сыскан и представлен в губернское правление». Начались допросы, как на настоящем следствии. С Новиковым уже разговаривали, как с преступником. Но опять никаких подсудных преступлений найдено не было.

Однако Екатерина твердо держалась принятого ею решения избавиться от Новикова. Поведение его в голодный год только усилило ее давнюю неприязнь к нему.

Свою ненависть к «поручику отставному» державная повелительница не скрывала — о ней отлично известно было довольно широким кругам русского общества, свидетельством тому многочисленные показания современников. Пастор Виганд, занимавший с 1782 года кафедру истории в Московском университете, в своих «Записках» указывает: «Императрица Новикова лично ненавидела».[2]

---

[1] Дневник Храповицкого, стр. 430.
[2] «Русская старина» 1892, июнь, стр. 546.

Воспоминания московского губернатора Архарова совершенно точно передают нам картину долгой напряженной борьбы самодержицы с ненавистным писателем и просветителем, борьбы, в которой использовались все средства — от литературной полемики до полиции, от церкви до крепости: «В Москве составилось общество из большого числа известных особ и имело собственный дом, где ныне Спасские казармы; председательствовал в оном человек обширного ума, отставной армейский поручик Николай Иванович Новиков... Екатерина с негодованием смотрела на сии совещания и в посмеяние писала комедии и провербы, как то: «Обманщик», «Обольщенный», «Сибирский шаман», «Расстроенная семья» и проч. Наконец поручила главнокомандующему Москвы князю Прозоровскому произвесть следствие и разрушить оное. Новиков сперва выслан из Москвы, а потом посажен в Шлиссельбургскую крепость. В продолжение помянутого следствия государыня в Петербурге Николаю Петровичу Архарову сказала: «Всегда успевала управляться с турками, шведами и поляками, но, к удивлению, не может сладить с армейским поручиком».[1]

Ненависть к Новикову была тем активней, чем больше Екатерина понимала, как из года в год растет его популярность в обществе, как увеличивается его идейное влияние на умы, как он становится, благодаря крепнущим связям с обществом, реальной силой. И тогда, отказавшись от «провербов», она замышляет расправу.

Летом 1787 года издается указ, который запрещает светским типографиям издавать книги церковные или «к священному писанию, к вере либо к толкованию закона и святости относящихся». На основании указа московского главнокомандующего отобрали в книжных лавках и в типографии Новикова десятки тысяч книг, и не только духовных, но и учебных. Это уже был открытый поход против просветительских намерений Новикова. Но и этим Екатерина не ограничилась. 14 октября, в связи с приближающимся сроком окончания аренды университетской типографии (1 мая 1789 года), она заявила о своем решении «Новикову не отдавать университетской типографии. C'est un fanatique».[2] Через три дня — 17 октября — она посылает

---

[1] «Русская старина», 1872, т. V, стр. 146.
[2] Дневник Храповицкого, стр. 173.

в Москву специальный указ: «Подтверждаем и теперь прежнее наше повеление, чтоб университетская типография по истечению срока на содержание поручику Новикову не была отдана». В 1789 году одну из двух типографий у Новикова отобрали.

Ясно понимая, что сама императрица объявила поход против него, Новиков не унимался: в деревне именно в это время он продолжал развертывать дело крестьянской взаимопомощи, а в Москве после запрещения издания нравоучительной литературы с еще большей энергией принялся издавать книги экономические, философские, политические и литературно-художественные. Существует мнение,[1] что после указа 27 июня 1787 года, лишавшего частные типографии права издавать духовные книги, Новиков вынужден был переключиться на издание исторических сочинений, а вскоре, все по той же причине (невозможность печатать духовные книги), вынужден был и совсем прекратить книгоиздательское дело. Мне это утверждение представляется неверным. В самом деле, если посмотреть на роспись изданных Новиковым книг, то увидим, что после указа 1787 года он не уменьшил, а у в е л и ч и л количество изданий, увеличил за счет с в е т с к и х сочинений. Так, в 1786 году было издано 65 книг, в 1787 году — 132, в 1788-м — 155. Спад начался после того, как отобрали университетскую типографию, то есть после прямых мер по ликвидации книгоиздательской базы. В 1789 году было издано 44 книги, а в годы 1790—1792 всего только 26. Таким образом из приведенных цифр видно, что, прекратив издание нравоучительных сочинений, Новиков не уменьшил, а увеличил объем своих издательских планов. Знакомство с той же росписью позволяет установить, что это увеличение шло за счет философской, политической и художественной литературы. Так оказывается, что в годы преследования, в годы развернувшейся французской революции Новиков издал: Бомарше («Фигарова женитьба»), «Жизнь и похождения Здравого Смысла», сочинения Фильдинга, Лессинга («Клад» и «Эмилия Галотти»), сочинения Вольтера, Локка, комедии Дидро, Шеридана и т. д. Издание же исторических сочинений было не вынужденным, а естественным продолже-

---

[1] М. Л о н г и н о в. Новиков и московские мартинисты, стр. 284—285; Г. В е р н а д с к и й. Н. И. Новиков, стр. 99.

нием прежней политики ознакомления современного читателя с «древними российскими добродетелями». Характер книг, изданных Новиковым после указа о запрещении печатать духовную литературу, показывает нам, в каком направлении стала бы развиваться его деятельность, если бы она не была оборвана прямым вмешательством правительства.

В 1791 году, под давлением бесконечных преследований, ограничений, а еще более по причине до крайности обострившихся отношений между Новиковым, с одной стороны, и Трубецким, Лопухиным, Тургеневым, Кутузовым, с другой, Типографическая компания была ликвидирована. Но и после этого, несмотря на гонения, на гнев императрицы, на разрыв с розенкрейцерами, несмотря на усилившуюся болезнь, Новиков еще не хочет складывать оружия, не хочет окончательно сдавать своих позиций. Используя помощь и поддержку Походяшина, он пытается продолжить свое просветительское дело. Но это было уже безнадежно. За каждым действием Новикова неустанно следила Екатерина, все время подыскивавшая причины для нанесения последнего удара. Наконец 13 апреля 1792 года она подписывает указ об его аресте.

Причины, солидной и подходящей для такого случая, так и не удалось найти. Повод для ареста был придуман смехотворный — Новикова заподозрили в издании книги, «церковными литерами напечатанной»,— безобидной «Истории о отцах и страдальцах Соловецких», вышедшей еще в 1788 году в неизвестной типографии (но не новиковской). Явно, это было лишь формальным предлогом.

22 апреля у Новикова в Авдотьине был произведен обыск, а 23 апреля его, больного, страдающего тяжелыми припадками, под конвоем многочисленной команды доставили в Москву. Началось следствие. О пресловутой книге, послужившей поводом к аресту, и не вспомнили. Новиков должен был быть осужден, осужден за свою активную, неустрашимую, развивавшуюся на протяжении двух десятилетий просветительскую деятельность.

Указом от 1 мая 1792 года Екатерина повелела Прозоровскому, московскому главнокомандующему, «оного Новикова на основании нашего учреждения предать законному суждению, избрав надежных вам людей; по окончании же во всех судах того следствия и заключений должны они представить вам на ревизию, вы же препроводите на

решение в сенат». Характер назначавшегося следствия, порученного «надежным людям», был к тому же еще и предопределен сформулированными самой Екатериной обвинениями: 1) «Новиков осмелился печатать и торговать такими книгами, кои по указу нашему не только продавать, но и печатать запрещено»; 2) «Новиков и его товарищи завели больницу, аптеку, училище и печатание книг, дав такой всему благовидный вид, что будто бы все те заведения они делали из любви к человечеству... сей подвиг в заведении делали отнюдь не из человеколюбия, но для собственной своей корысти, уловляя пронырством своим и ложною как бы набожностию слабодушных людей, корыстовались граблением их имений, в чем он неоспоримыми доказательствами обличен быть может».[1] Как видим, Екатерина решилась прямо поставить в вину Новикову его просветительство, потребовав от Прозоровского представить «сей подвиг» как мошенничество. Прозоровский, грубый и исполнительный солдафон, готовый на все, чтобы угодить императрице, все же понял, что дело Новикова нельзя передавать в суд даже при «надежных людях», ибо никаких подсудных преступлений он не совершал. Тогда Екатерина спешит отказаться от своего прежнего намерения, «апробуя» решение Прозоровского не отдавать Новикова под суд и повелевая сослать его в Шлиссельбургскую крепость. Решившись нарушить законы и самостоятельно разделаться с Новиковым, Екатерина все же приказала вести тайное следствие, теперь уже самому Шешковскому, и потому, что действительно считала Новикова замешанным в политические дела, и потому, что надо было найти какие-то причины, чтобы объяснить перед обществом эту расправу над известным всей читающей России человеком. После долгого следствия, наконец, первого августа 1792 года царским указом Новиков объявлялся государственным преступником, которого запирали в Шлиссельбург на 15 лет. Ему были приписаны следующие преступления: 1) участие в тайных сборищах, происходивших в собственных масонских «храмах», «с целованием креста на верность и вечное повиновение ордену» розенкрейцеров; 2) подчинение герцогу Брауншвейгскому; 3) переписка и связь с Вельнером

---

[1] М. Лонгинов, стр. 071.

и берлинским двором; 4) издание «непозволенных и развращенных книг»; 5) внесение в орден «установлений и обрядов», «вне святой церкви непозволенных», и 6) «уловление в орден особы», то есть наследника Павла. Кроме того, были повторены прежние обвинения Новикова в «корыстолюбии, плутовстве и обольщении».

Какова же справедливость этих чудовищных обвинений? Уже то обстоятельство, что Екатерина побоялась передать дело Новикова с этими обвинениями в суд, свидетельствует, что сама императрица не верила в возможность их доказательства. Поэтому-то их следовало не доказывать, а утверждать авторитетом царского указа. Действительно, ни одно из обвинений не может быть отнесено к Новикову. Если предположить, что первые четыре обвинения говорят о государственном преступлении, то естественно, казалось бы, применить их к таким деятелям розенкрейцерства, как Трубецкой, Лопухин, Тургенев. А именно они-то оказались фактически оправданными, и лишь для видимости им было предложено выехать в свои деревни. Пятое обвинение — грубая фальсификация очевидных вещей, сделанная с целью клеветы. Всякому мало-мальски знакомому с масонством было известно, что масонская символика носила аллегорический, условный характер. Поэтому никаких нарушений установлений и обрядов «святой церкви» здесь не было. Шестой пункт, «об уловлении особы», следствием не подтвердился: кроме того, что Новиков отправил наследнику несколько масонских книг, ничего установить не удалось.

И все же Новиков был осужден. Именно масонство было избрано предлогом для расправы с Новиковым. Но в то время как истинные главари розенкрейцерства, связанные с Берлином, с Вельнером, увлекавшиеся магией и алхимией, всевозможными орденскими таинствами и упражнениями, отдававшие собственные деньги для печатания и распространения мистических, «непозволенных и развращенных книг», были оправданы, Новикова посадили в крепость, рекомендовав его обществу как шарлатана и мракобеса.

Таким и был план Екатерины. Не могла же она, в самом деле, открыто объявить, что осуждает человека на пятнадцать лет крепостного заключения за то, что он неутомимо заботился о просвещении народа, за то, что он орга-

низовал помощь голодающим. Необходимо было прежде всего дискредитировать Новикова как деятеля, как человека известного, пользовавшегося большой популярностью и авторитетом в обществе. О масонстве в ту пору ходили самые необычные и нелепые слухи. О нем в широких кругах было известно прежде всего по скандальным историям шарлатанов Калиостро, Сен-Жермена и других чародеев и духовидцев. «Мартинизм», благодаря увлечению масонов мистикой, магией, алхимией, давал повод к насмешкам, издевательствам, всевозможным подозрениям. Вот почему Екатерина и решила в своем указе прочно связать Новикова с масонством — у просветителя нужно было отнять имя. Не случайно уже Радищева Екатерина хотела скомпрометировать связью с масонами, пытаясь назвать его мартинистом. Скомпрометировать Новикова, действительного масона, было совсем не трудно. Поэтому она и объявила Новикова корыстным человеком, плутом (организация типографий и помощи голодающим), честолюбивым и невежественным человеком, шарлатаном (распространение масонских обрядов и алхимических наук), изменником (связь с Пруссией), политическим интриганом. Все это было чудовищной ложью. Но именно клевета и была для Екатерины единственно надежным средством, дававшим возможность наконец навсегда покончить с человеком, преследовавшим ее почти все царствование.

В связи с этим особенно любопытным оказывается один малоизвестный политический документ девяностых годов — так называемое «завещание» Екатерины Павлу. Впервые это «завещание» появилось во Франции в 1802 году в книге «История России».[1] Трудно утверждать достоверность этого документа; спорной может быть сама форма «завещания», сама идея обращения с наставлениями к Павлу. Но бесспорно одно — описанные в ней обстоятельства точно воспроизводят картину царствования Екатерины, высказанные мысли и убеждения почти дословно совпадают с тем кругом идей, о которых нам известно из ее писем, записок, показаний близких к ней людей, в частности, например, из «Дневника Храповицкого». Вот несколько

[1] «Histoire de la Russie, reduite aux seuls faits importants». A Londres et à Paris chez Buisson l'an (1802).

выдержек из этого «завещания», относящихся непосредственно к интересующему нас вопросу.

«Я обязана дать тебе совет как мать, как государыня, а всего более как современница великой революции, которая может достигнуть и до нас, если не положить пределов ее распространению. Наука царствовать становится час от часу труднее. Никогда царский венец не подвергался такой опасности, как теперь. От своего венца я умела устранять все опасности. Научись от меня науке заклинать народные бури. Предваряй их, производя войну далеко от пределов своих, и пока войска твои будут победоносны, все будут покорны тебе».

[I]. «Не допускай без своего ведома ни одной книги, ни газеты, ни карикатур. Народ должен мыслить, как и государь его. Ты должен вводить в среду народа настолько просвещение, насколько это не будет вредить ни тебе, ни им. Вообще раннее просвещение отнимает покой у государя и у народа».

[II]. «Овладей общественным мнением, умей управлять им, и пока оно будет на твоей стороне, ты можешь делать чудеса. Кроме того, подчини его религии, пусть религия и мысль будут нераздельны и пусть эта последняя будет всегда в зависимости от цензуры и духовенства».

[III]. «Есть события, о которых народу не следует и подозревать. Допускай в государстве только одни газеты и не питай слишком народное любопытство. Удаляй от народа все известия о переворотах, которые причинили бедствия процветавшим странам».

[IV]. «Заключи науки для твоих подданных в пределах домашних нравоучений. Пускай в царстве твоем проповедуются общественные и семейные добродетели. Не давай народу времени для размышлений. Он не создан для этого. Он не должен умствовать. Ничего не может быть труднее, как управлять народом, который требует во всем отчета. Он должен трудиться и молчать».

[V]. «Перо ученого приносит больше зла правительству, нежели война. Сошли в Сибирь первого писателя, вздумавшего казаться государственным человеком. Покровительствуй поэтам, трагическим писателям, романистам, даже историографам времен давно минувших. Отличай геометров, естествоиспытателей, но гони всех тех мечтателей, всех

созидателей платонических республик, кои святотатственною рукою прикасаются к государственной политике».[1]

Отмеченные цифрами пункты «завещания» являются как бы отражением опыта борьбы Екатерины с передовыми деятелями русской литературы и русского просвещения 80-х годов — с Новиковым, Фонвизиным и Радищевым в первую очередь.

В самом деле, именно Новиков взял на себя смелость изменять меру просвещения народа, угодную государю, смелость самостоятельно определять качество этого просвещения, его направление, его размах. Пункт пятый, в котором говорится о писателе, «вздумавшем казаться государственным человеком», прямо относится к Новикову. Это о нем говорили в обществе, что он сделался «истинным министром народного просвещения».[2] Совет, сформулированный в пункте втором, об овладении общественным мнением, осуществлялся Екатериной в ее борьбе с Новиковым. Это она обличением масонства пыталась овладеть общественным мнением,[3] это она подчинила мысль религии и указами Брюсу и Платону установила духовную цензуру над новиковскими изданиями. Пункт третий отражает горький опыт Екатерины в связи с событиями американской революции, которые по ее недосмотру стали достоянием общества. Русский народ не должен был и подозревать об американской революции, о ее победе. Екатерина это поняла особенно отчетливо, когда началась французская революция. А в данном случае она хорошо знала, что это все тот же Новиков пять лет беспрестанно писал о революции, прославляя справедливый характер ее, расхваливая и превознося ее деятелей — Вашингтона, Франклина, Адамса, Лафайета.

Но была высказана в этом «завещании» еще одна важная мысль — о методах и тактике борьбы с теми, «кои святотатственною рукою прикасаются к государственной политике». «Горе тебе, сын мой,— читаем мы в «завеща-

---

[1] Цитирую по статье Терновского «Русское вольнодумство при Екатерине II и эпоха реакции» в «Трудах Киевск. дух. академии», 1868, кн. 3, стр. 129—132.

[2] Из бумаг Д. Рунича. Цитирую по книге Г. Вернадского «Русское масонство», П., 1917, стр. 207.

[3] В 1780 г. Екатерина выпустила брошюру «Тайна противонелепого общества». В 1785 г. она пишет две комедии, «Обманщик» и «Обольщенный», а в 1786 г.— комедию «Шаман сибирский».

нии»,— если твои подданные узнают, что можно, не страшась наказания, нарушить почтение и повиновение государю. Если же подданные, несмотря на твою осторожность, узнают о этих соблазнительных и плачевных явлениях, то постарайся представить в самом гнусном виде честолюбивых демагогов, которые тяготятся законами, всех политических преобразователей, которые из-за своего тщеславия причиняют столько бедствий народу. Читай сам в часы досуга те славные философские рассуждения, которые могут возмутить слабые умы и внушить горячим головам любовь к независимости».

В своем указе от 1 августа 1792 года Екатерина, предъявив Новикову чудовищные, несправедливые обвинения, «представила» перед обществом великого русского просветителя, нравственного философа, крупнейшего общественного деятеля и талантливого писателя Николая Новикова «в самом гнусном виде».

Для Новикова наступила гражданская смерть. Он был изъят из общественной жизни. В заключении усилилась болезнь, и когда, после смерти Екатерины, Павел освободил Новикова, он вышел из крепости сломленным человеком. Предание сохранило нам известие о размолвке Новикова с Павлом. Он не пожелал остаться в Петербурге, в милости у двора. В то же время масоны были осыпаны милостями: Лопухин и Трубецкой стали сенаторами, Тургенев — директором Московского университета. Новиков же, «опубликованный» царским указом «обманщиком», разоренный кредиторами, замкнулся у себя в Авдотьине, где в одиночестве и прошли его последние годы. Нужда и болезни наполнили жизнь страданиями. В религии, в молитвах и даже в «масонских упражнениях» пытался он искать утешение.

31 июля 1818 года Новиков умер в возрасте 74 лет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Историзм Пушкина определил его пристальное внимание к литературе и общественной мысли русского XVIII века. Создавая новую литературу русского реализма, Пушкин прочно опирался на реалистические завоевания и демократизм мировоззрения передовых писателей прошлого века. Вот почему уже к 1822 году ему было ясно, что главной фигурой, олицетворявшей наивысшие достижения общественно-литературного развития XVIII века, был Радищев. Возражая против традиционной историко-литературной схемы в статье Бестужева, он писал ему: «Как

можно в статье о русской словесности забыть Радищева? Кого же мы будем помнить? Это умолчание непростительно. . .»

Белинский, создав историческое понимание русской литературы, первым привлек материал литературы XVIII века для объяснения Пушкина.

Совершенно очевидной является истина, что вне исторической связи и преемственного развития литературы и общественной мысли XVIII и первой четверти XIX века, вне понимания плодотворных традиций прошлого века, нашедших свое дальнейшее творческое развитие в передовой литературе нового века, нельзя понять действительного богатства, истинного содержания и самобытного характера литературы периода дворянской революции.

Основным содержанием общественно-политической и литературной жизни первой четверти XIX века является вызревание, формирование и, наконец, блистательное проявление идеологии дворянской революционности, литературы декабризма. Эта идеология, эта литература в данный исторический период были самыми передовыми. Складывалась идеология дворянской революционности в борьбе с враждебными ей течениями и направлениями, развивалась на прочном фундаменте предшествовавших завоеваний русской просветительской и революционной мысли. Именно такой и была историческая преемственность между русским просвещением XVIII века и декабризмом. Сложным, разнообразным и противоречивым был процесс усвоения декабристами политического, философского, социального, общественного и литературного наследия русского просвещения; одним он был в пору, когда еще только шло воспитание будущих декабристов (восьмисотые годы), другим — после событий Отечественной войны 1812 года. Не все в равной мере усваивалось из этого наследия — умеренные круги декабристов находили близкие для себя мотивы у своих предшественников; Пушкина, Рылеева, Пестеля более привлекал Радищев. Но несомненно одно: декабризм опирался на творчески освоенный опыт своих предшественников — просветителей XVIII века.

В то же время до сегодняшнего дня тема эта совершенно не разработана в науке. Исключение составляет лишь одна частная тема — Радищев и Пушкин. Но разра-

ботка этой частной проблемы только подчеркивает настоятельную необходимость широкой, принципиальной научно-исследовательской постановки всего вопроса в целом. Это тем более необходимо, что в практике школьного и вузовского преподавания, во всех учебниках, а нередко и исследованиях, посвященных первой половине XIX века, тема исторической взаимосвязи литературы и общественной мысли двух веков, тема традиции и преемственности решается, как правило, на материале творчества Карамзина. Оттого историю русской литературы XIX века начинают с Карамзина. Карамзин объявляется высшим достижением исторического и литературного развития XVIII века. В этой фальшивой концепции декабризм как мощное идеологическое движение первой четверти XIX века не имеет никаких преемственных связей с предшествовавшим замечательным этапом развития русской общественной мысли.

Несомненно, что Карамзин не только был бесконечно выше своих малоталантливых последователей и эпигонов, наводнивших своими сочинениями книжный рынок 90-х и 800-х годов, но его творчество часто приобретало объективно более широкое и общественно-важное значение, чем субъективные намерения консервативного писателя. Так в годы екатерининско-павловской реакции нельзя не приветствовать хотя бы и робкий и непоследовательный гуманизм писателя, его плодотворную работу над русской повестью, его внимание к внутреннему миру человека и попытку раскрыть психологию индивидуальной личности. Именно эти черты и были усвоены его единственно талантливыми учениками в 10-е годы XIX века Жуковским и Батюшковым, чье творчество, по замечанию Белинского, имело некоторое значение и для юного Пушкина. Еще больше историческая заслуга Карамзина в развитии русского литературного языка.

Но при всем этом совершенно ясно, что в общественно-политической борьбе конца XVIII и начала XIX века Карамзин-писатель, как защитник дворянских привилегий, и прежде всего дворянского «права» владения крепостными, выступал идейным противником не только революционера Радищева, но и просветителей — Новикова, Фонвизина и Крылова. Его ученики и последователи занимали явно кон-

сервативную, а порой и реакционную позицию в классовых битвах, особо развернувшихся в 10—20-х годах.

Но несмотря на очевидность этого положения, Карамзин и его школа до сих пор считаются единственными носителями прогрессивной идеологии до декабризма. Этому способствовала борьба Шишкова с Карамзиным и его последователями.

Спор карамзинистов с Шишковым о языке принес неожиданные для сентименталистов лавры борцов за прогрессивные идеи. Либерально-буржуазная наука объявила основным содержанием общественно-литературной жизни первых пятнадцати лет XIX столетия борьбу Шишкова и карамзинистов. Так Карамзин был превращен в оруженосца передовых идей. Хронологически следующим за спором о языке между двумя лагерями дворянской литературы крупнейшим политическим и литературным событием явится декабризм. Получалась некая мнимая преемственность: в начале века носителями передовых идей оказываются Карамзин и его школа, а вслед за ними в 10—20-е годы — декабристы. С особой полнотой эта антиисторическая и вредная концепция проявляется в объяснении творчества Пушкина. Он объявляется наследником Карамзина, а Жуковский и Батюшков — его идейными учителями.

Карамзин не случайно попал в родоначальники русской литературы XIX века. Дворянско-буржуазная наука, оклеветавшая и оболгавшая наследие русских просветителей XVIII века, сознательно замалчивала их роль и значение для литературы и общественного движения начала века, предпочитая выдвигать вперед фигуру дворянского идеолога Карамзина.

Для понимания исторического развития русской литературы и общественной мысли данного конкретного периода необходима исследовательская разработка преемственной связи идейного наследия русских просветителей XVIII века с декабристами и Пушкиным. Конкретно — должны быть выявлены роль и место сильнейших сторон литературно-общественной и политической деятельности не только Радищева, но и Фонвизина, Новикова, Крылова в сложении передовой идеологии первой четверти XIX века.

Плодотворность идейно-литературного наследия таких просветителей, как Новиков, Фонвизин и Радищев, про-

является с необыкновенной силой и яркостью прежде всего на примере Крылова. Он, один, по словам Белинского, составляющий целый период в русской литературе, является воспитанником русского просвещения XVIII века и продолжателем его достижений, живым носителем замечательных традиций в течение нескольких десятилетий XIX века.

Три сочинения русских просветителей, вобравшие в себя с наибольшей полнотой авторские воззрения, на протяжении нескольких десятилетий служили настольными книгами передовым кругам русского общества, формируя сознание или наталкивая на плодотворные размышления над важнейшим кругом вопросов социально-политической жизни России. Этими сочинениями были: новиковский «Живописец» издания 1775 года, фонвизинское «Рассуждение о истребившейся в России совсем всякой формы государственного правления», радищевское «Путешествие из Петербурга в Москву». В новиковском «Живописце» осуждалось крепостное право, сатирически изображались дворяне-крепостники как паразиты, как трутни, впервые с сочувствием и любовью рисовались крестьяне, их трудовая мораль провозглашалась образцом добродетели и, наконец, излагалось широко и подробно просветительское учение о воспитании «единоземцев». Фонвизинское сочинение бичевало екатерининский деспотизм и фаворитизм, раскрывало бедственное положение отечества, доведенного рабством до разорения. Радищевское «Путешествие» не только провозглашало преступными самодержавие и крепостное право, но и объявляло народную революцию единственным путем уничтожения того и другого, утверждая идеалы демократической республики тружеников.

Поскольку в течение всего этого времени важнейшим вопросом политической жизни России была борьба с крепостным правом и самодержавием, данные сочинения привлекали внимание передовых умов. Юноша Крылов, прибыв в столицу, пробует свои литературные силы, руководствуясь самой передовой книгой своего времени — «Живописцем» Новикова. Свое первое антикрепостническое сочинение — либретто оперы «Кофейница» — юный автор строит по мотиву, взятому из рассказа, напечатанного в «Живописце». Первое зрелое произведение Крылова — сатирическая журнал-книга «Почта духов» — есть талант-

ливое продолжение традиции автора «Живописца». Басни Крылова — крупнейший этап в развитии реализма. Их демократизм и народность были бы немыслимы без творческого освоения опыта радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву» и «Российских пословиц» Новикова.

«Путешествие из Петербурга в Москву» тайно, а другие произведения Радищева, изданные его сыновьями в 1807—1811 годах, явно попадали в руки нового поколения, являясь школой революционного воспитания. Они формировали мировоззрение юношей Грибоедова, Кюхельбекера, Пушкина. Радищевская идея народной революции многими декабристами не была усвоена. Но радищевский революционный патриотизм, но радищевская ненависть к крепостному праву и крепостникам, но радищевская отвага политического борца с деспотизмом и самодержавием прочно вошли в декабристскую идеологию.

Фонвизинское «Рассуждение», не напечатанное, но широко распространенное по России в списках, читалось в декабристских кружках. Именно оно и близкая к нему комедия «Недоросль», где речи Стародума прямо пересказывали важнейшие темы «Рассуждения», снискали Фонвизину имя «друга свободы». С этим эпитетом и вошел Фонвизин в пушкинский роман «Евгений Онегин», документально точно воспроизводящий эпоху вызревания дворянской революционности.

Какова же судьба новиковского наследия? Его «Живописец» не утратил своей свежести и для нового поколения — будущих декабристов. Его не только читали в восьмисотых годах, но и в пору, когда были созданы первые тайные общества. Мы знаем, например, с каким вниманием относился к этому сочинению Николай Тургенев. Но успех одной книги еще не решает вопроса в целом. Мы еще многого не знаем, чтобы полностью ответить на вопрос о том, что и как из литературного наследия Новикова, из его общественно-политического опыта осваивалось новым поколением. Одно ясно: самодержавие, разгромившее просветительское дело, изъявшее из общества Новикова, морально сломив заточением, клеветой, изгнанием, разорением обремененного болезнями старика, не смогло изгнать из общества его книг, его идей, его опыта общественной деятельности, его журналов, его учеников. Тяготевшая над Новиковым до сих пор легенда, уходящая корнями в «госу-

дарево опубликование», является причиной того, отчего тема эта не только не разработана на сегодняшний день, но, по существу, и не поставлена.

Вместе с тем в ряде новейших исследований, посвященных эпохе зарождения дворянской революционности, появившихся за последнее время, эта тема, хотя и косвенным образом, ставится и развивается. Прежде всего следует указать работу М. Нечкиной «Грибоедов и декабристы» и В. Базанова «Вольное общество любителей российской словесности».

В капитальном исследовании М. Нечкиной впервые с такой определенностью и категоричностью поставлена проблема преемственности традиций между идеями русских просветителей XVIII века и декабристами. Развивая важную мысль о воспитании будущих декабристов в стенах Московского университета, характеризуя сложившуюся там идейную атмосферу, М. Нечкина между прочим совершенно справедливо пишет о влиянии новиковских идей на студенческую молодежь: «Потоку критических мыслей о русской действительности и внедрению политической тематики в сознание студенчества, несомненно, помогало и общее политическое оживление тех дней. Позже, в реакционную эпоху «Священного союза», на ряд русских писателей и их произведений ляжет правительственное подозрение или прямой запрет. Доступ к ним молодежи будет затруднен. Но пока, в изучаемое время, московское студенчество свободно читает вполне доступного Фонвизина — «друга свободы», и Княжнина, и Пнина. Университет и пансион еще дышали новиковскими идеями, которые для некоторых его руководителей были личными воспоминаниями и рассказы о которых были для их детей впечатлениями детства».[1]

Данное указание историка чрезвычайно плодотворно. Именно университет, долгое время бывший, по воле Новикова, штабом огромной просветительской работы, оказался передаточным звеном единой цепи развития русской общественной мысли,— в нем в восьмисотые годы воспитывалось большое число будущих декабристов. Но университет полон был не только воспоминаниями о Новикове: всюду, на каждом шагу, молодежь встречалась с новиков-

---

[1] М. Нечкина. Грибоедов и декабристы, М., 1948, стр. 95.

скими книгами и журналами (в университетской лавке и библиотеке), новиковскими учениками и последователями (например, с популярным профессором Сахацким, профессором Мудровым, поддерживавшим в эти годы Новикова), с новиковскими воспитанниками и работниками его многочисленных журналов. Наконец, сама трагическая судьба просветителя, жившего недалеко от Москвы, к которому ездили профессора университета, ездила молодежь (вспомним Витберга), не могла не волновать юные умы. Все эти живые связи, естественно, усиливали влияние идей Новикова, которые молодежь находила и в «Живописце» и в философских журналах.

Вот почему справедлива развернутая М. Нечкиной общая характеристика идейной атмосферы в стенах Московского университета, где воспитывались будущие декабристы: «Идейная атмосфера, в которой жило московское студенчество и в которой вращался в годы учения Грибоедов, характеризуется значительным движением мысли и связана с передовой идеологией времени. Студенты интересуются просветительной философией, зачитываются Вольтером и Руссо, ищут в героях Плутарха образцов для политической деятельности и служения отечеству... Им знакомы произведения Радищева, Новикова, Княжнина, Пнина — тема России властно входит в юношеское сознание».[1]

Тема России... Несомненно, как глубоко отличен революционер, философ-материалист Радищев от просветителя-моралиста Новикова, так отлично было восприятие молодежью их идей. Радищев — суровый, бесстрашный тираноборец, пламенный борец, страстный «прорицатель вольности». Новиков — образец патриота, отдавшего жизнь «возлюбленному отечеству», «служению общей пользе», моральный философ, провозгласивший, что основа человеческого счастья только в деятельной жизни, в труде на благо России и страждущего «питателя». В сумме идей русских просветителей XVIII века, взятых на вооружение новым общественным движением, важное место занимает тема национальная, патриотическая,— и здесь большой вклад принадлежит Новикову.

Как истый ученик Ломоносова, Новиков, начиная с эпохи «Трутня», в течение двадцатишестилетней просве-

---

[1] М. Нечкина. Грибоедов и декабристы, стр. 102.

тительской деятельности неутомимо и разнообразно, выступая как художник и как историк, как издатель и как философ, развивал черты национального самосознания. И это не было случайностью или индивидуальной особенностью мировоззрения Новикова. Процесс ликвидации феодализма, борьба с крепостничеством, утверждение новой формации капитализма несли и новое явление — формирование русского народа в нацию. Вот почему борьба за основы национального самосознания, борьба против черт космополитической культуры дворянства, с его галломанией, в частности, борьба против засилья иностранцев в государственном аппарате и культурных учреждениях России, борьба с проповедью дворянского презрения к России, ко всему русскому, к русскому народу, его обычаям и культуре, составляет своеобразную черту деятельности русских просветителей, как Новикова, Фонвизина и Крылова, так и Радищева. Новиков в своих журналах обличает дворянскую галломанию, выступает против теоретических высказываний дворянских идеологов, обосновывавших аристократическое презрение к «простому» народу. Он первым вывел образы крестьян в литературе, отнесясь к ним не только с сочувствием, но и показав глубокую связь их истинно человеческой морали с трудовой, деятельной жизнью. Он первым ввел в литературу пословицу, показав, как в своем художественном творчестве народ самостоятельно раскрывает себя, как верно и метко хлебопашец судит о явлениях социальной, политической и общественной жизни. Руководствуясь патриотической идеей, он издает «Опыт словаря о российских писателях», собирает и выпускает 20 томов исторических документов о прошлом России, останавливая внимание своих современников на знаменательных событиях, на подвигах героев-патриотов («Древняя российская вивлиофика»). В атмосфере новиковского увлечения Россией и зародился интерес Карамзина к истории своего отечества. Карамзинская же «История государства российского», как известно, сыграла большую роль в идейной жизни 10—20-х годов. Преодолевая монархизм авторской концепции, материалами «Истории» пользовался и Пушкин для своего «Бориса Годунова» и Рылеев для своих дум. Больше того, в ряде дум Рылеев прямо и непосредственно обращался к новиковским источникам. Так, например,

дума «Артемон Матвеев» написана под непосредственным влиянием книги, изданной Новиковым,— «История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергиевича Матвеева, состоящая из челобитен, писанных им к царю и патриарху. . .». При этом важно отметить, что Рылеев, полемизируя с современным ему реакционным истолкованием предания о Матвееве, восстанавливает в своей думе новиковскую историческую концепцию.

Тема России связана у Новикова с его учением о добродетели, о гражданской деятельности. Именно в своих журналах Новиков неустанно проповедовал мысль об обязательной «патриотической ревности» на благо отечеству, доказывая, что только служение делом, служение, направленное на благо народа, делает человека истинным гражданином. Но ярчайшим выражением этой мысли были не столько его книги и журналы, сколько сама жизнь Новикова — бесстрашного патриота и гражданина, почти три десятилетия единоборствовавшего с Екатериной и поплатившегося за свою патриотическую деятельность заключением в Шлиссельбургскую крепость.

В связи с этим стоит отметить один замечательный факт в истории русской общественной мысли. Общеизвестно, что именно в эти годы почти всеевропейским станет увлечение античными героями. России же это почти совершенно не коснулось, если не считать нескольких юношеских увлечений типа пушкинского стихотворения «К Лицинию». Наоборот, в России мы сталкиваемся с сознательным стремлением найти и воспеть своих национальных героев. У Рылеева и Бестужева, например, это носит принципиальный характер: Рылеев сочиняет думы, в которых показывает галлерею русских героев, а Бестужев как критик и публицист объясняет, что цель дум «возбудить доблести сограждан подвигами предков». Стоит в этой связи вспомнить настоятельные требования Рылеева к Пушкину заняться Новгородом, Псковом, Вадимом и т. д.

Но еще более характерной оказывается тенденция героизировать русских писателей-просветителей XVIII века, стремление жизнь некоторых из них сделать образцом для подражания. Еще Радищев писал в «Путешествии из Петербурга в Москву»: «Не достойны разве признательности мужественные писатели, восстающие на губительство и все-

силие, для того, что не могли избавить человечества из оков и пленения?» И молодое поколение, лучшие люди из дворянства, сочли «достойными признательности» мужественных писателей-просветителей XVIII века, восставших на «губительство и всесилие» и подвергшихся за это преследованиям и гонениям самодержавной власти. Когда в 1802 году умрет Радищев, его друзья, ученики и последователи Пнин и Борн сочинят не просто некрологи о нем, а создадут художественные произведения, гражданские стихи, где героем явится русский писатель, борец против крепостного права и самодержавия. У Борна мы находим прямое патриотическое противопоставление — Греция имела Сократа, Россия — Радищева:

и у нас
имеет правда, добродетель
своих страдальцев: там Сократ,
мудрец и смертных благодетель,
казнен, а в ссылке там сто крат
пьют патриоты смерти чашу.

Имя Новикова к этому времени уже было окутано легендой. К нему, как истинно русскому патриоту, юношество питало горячее чувство благодарности и уважения. Молодой Белинский в первой же своей статье «Литературные мечтания» посвятит целую страницу его памяти. Пушкин на 12 лет раньше, гневно обличая лицемерие Екатерины, назовет весь ряд писателей-героев: «Екатерина уничтожила пытку, а Тайная канцелярия процветала под ее патриархальным правлением; Екатерина любила просвещение, а Новиков, распространявший первые лучи его, перешел из рук Шешковского в темницу, где и находился до самой ее смерти. Радищев был сослан в Сибирь. Княжнин умер под розгами. И Фонвизин, которого она боялась, не избегнул бы той же участи, если б не чрезвычайная его известность».

Процесс формирования декабристского мировоззрения был сложным и трудным. Юноши, воспитанные в условиях помещичье-дворянского быта, с раннего детства впитавшие в себя основы классовой морали, в ходе дальнейшего своего духовного развития невольно приходили в столкновение со своей средой, отлично понимая необходимость своего нравственного очищения, морального перевоспитания. Вот по-

чему в первых декабристских организациях еще масонского типа, какими, например, были «Союз русских рыцарей» или ложа «Избранного Михаила», и в первых политических организациях тайного общества — «Союз спасения» и «Союз благоденствия» — так много места занимали в программах и уставах вопросы морального воспитания.

Русские просветители XVIII века — Новиков, Фонвизин и Радищев — первыми повели борьбу за воспитание из среды дворянской молодежи лучших людей, способных осознать несправедливость своей паразитической, на рабовладении основанной жизни. Радищев в «Путешествии» показал, как под влиянием обстоятельств жизни можно воспитать из дворянина революционера. Новиков, далекий от идеи революции, воспитывал патриотов, добродетельных граждан, ревностных защитников интересов народа, интересов отечества. Эта программа морального воспитания была изложена Новиковым и в «Живописце» и в философских статьях «Утреннего света» и «Московского издания». Но, как уже говорилось выше, Новиков никогда не ограничивался только теоретической проповедью, а, объединяя вокруг своего просветительского центра сотни молодых людей, стремился воспитывать добродетель практически. Нравственный авторитет Новикова и близких ему людей был беспримерным. Все это и нашло отзвук в эпоху, когда перед кругом передовой дворянской молодежи встала задача воспитания лучших людей. Они вспомнили опыт русского просветителя, развернувшего огромную деятельность на базе масонского ордена, и сами стали создавать масонские ложи политической ориентации. Правда, это было на первых порах, и в дальнейшем революционная идеология не могла вместиться в рамки даже политических масонских организаций. Но явление это в высшей степени характерно. Характерно и то, что устав «Союза благоденствия», знаменитая «Зеленая книга» всеми своими корнями, всем своим духом связана с учением о добродетели русских просветителей XVIII века, и новиковским учением в частности. Уже определение цели общества — «распространение нравственности и просвещения» — ведет нас в знакомый круг идей и представлений. Несомненно, двадцатишестилетний опыт русского просветителя сказался и в определении круга занятий членов общества «Союз

благоденствия», нужного для морального воспитания. Устав предлагал воспитывать человеколюбие, способствовать распространению образования, наблюдать за больницами, сиротскими домами, проповедовать гуманное отношение к крепостным и т. д. Совершенно ясно, что идейные истоки моральной программы первых декабристских организаций требуют своего научного исследования. Однако уже сейчас ясно, что невозможно было в пору широкого воспитания лучших людей из дворянства не опираться на плодотворный, многообразный, уже давший замечательные результаты опыт пропаганды «просвещения и добродетели» русского просветителя Новикова.

Именно эту преемственную и органическую связь между русскими просветителями XVIII века и декабристами неоднократно отмечали Герцен и Огарев. В предисловии к сборнику «Русская потаенная литература» Огарев, характеризуя эпоху вызревания дворянской революционности, писал: «Обе струи — струя Радищева и струя Новикова — оживали с удвоенной силой и сливались в одну потребность положить начало гражданской свободы в России». И дальше: «вдумываешься во всю деятельность Новикова и отыскиваешь нить, проходящую от него до 14 декабря, и досадно, что материалы для науки жизни так мало разработаны».

Еще в 1782 году Новиков написал рассказ, выражавший сущность его писательской и просветительской работы,— «Есть чего ждать, когда есть с кем жать». Место Новикова в русской литературе, общественной мысли и просвещении определяется тем, что он первым поднял вопрос о незаконности крепостного права, первым изобразил в литературе русского крестьянина, первым изложил теоретические основы русского просвещения, развернув огромную практическую деятельность. Место Новикова в русском просвещении определяется тем, что он создал любовь, доверие к книге и страсть к чтению тем, что сеял широко и щедро, действуя не в одиночку, а сообща, умея объединить вокруг своих просветительских дел сотни людей. Мужественно служа своему отечеству, он знал — есть чего ждать, когда есть с кем жать. Он верил в светлое будущее родины, в творческую энергию народа. Вот почему брошенные семена давали обильные всходы. И не о влиянии, а об использовании огромного и плодотворного опыта просвети-

теля, общественного деятеля, морального философа и писателя новыми поколениями нужно и должно говорить.

Русский народ всегда с благодарностью помнил о тех деятелях, которые защищали его, отдавая все силы своей жизни великому делу его освобождения. Вот почему, когда свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, по инициативе Ленина и Сталина решено было увековечить имена именно тех, кого с благодарностью помнил завоевавший свою свободу русский народ. Решено было поставить памятники русским просветителям, писателям, революционерам, ученым. Из числа просветителей XVIII века памятники, как об этом свидетельствует опубликованный в 1918 году список, решено было поставить Радищеву и Новикову.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Редактор И. Сергиевский
Технический редактор
Л. Чалова
Корректор М. Михайлова

Подписано к печ. 21/XI 1950 г. М-33866. Тираж 10000 экз. Формат бум. 84×108 $^1/_{32}$=8,5 бумажных листов — 27,88 + 1 вкл. печатных листов. Уч.-изд. л. 28,77. Заказ № 2720.

Типография № 2 Управления издательств и полиграфии Исполкома Ленгорсовета, Ленинград, Социалистическая, 14.